

**Министерство образования и науки Российской Федерации
Курганский государственный университет
Курганское областное общество краеведов**

ЕМЕЛЬЯНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**Материалы Всероссийской научно-практической конференции
«V Емельяновские чтения»
Курган, 21 мая 2010 г.**

Курган 2010

**Министерство образования и науки Российской Федерации
Курганский государственный университет
Курганское областное общество краеведов**

ЕМЕЛЬЯНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**Материалы Всероссийской научно-практической конференции
«V Емельяновские чтения»
Курган, 21 мая 2010 г.**

Курган 2010

УДК 9(063)

ББК 63лО

Е 60

V Емельяновские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Курган, 21 мая 2010 г.). – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2010. - 108 с.

Печатается по решению научного совета Курганского государственного университета.

Рецензенты:

Зайцева Л.Ю. д-р ист. наук, проф. Курганского института государственной и муниципальной службы (филиала) ФГОУ ВПО УрАГС

Могутнов В.П. д-р ист. наук, профессор КПИ

Настоящее издание представляет сборник докладов и сообщений участников V Всероссийской научно-практической конференции «Емельяновские чтения», посвященной памяти известного ученого, доктора исторических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы РФ Н.Ф. Емельянова, работавшего в Курганском государственном университете с 1987 по 2002 гг.

В сборник включены доклады и сообщения, посвященные проблемам историографии, теории и методологии истории. Кроме того, имеется раздел посвященный, по традиции, краеведческой тематике.

В сборнике представлены материалы исследований актуальных проблем истории России, Сибири, Урала и Южного Зауралья.

Редакционная коллегия:

И.С. Меншиков, канд. ист. наук, доцент (отв. ред.); В.А. Кислицын, канд. ист. наук, доцент; Д.Н. Маслюженко, канд. ист. наук, доцент; В.В. Меншиков, д-р ист. наук, профессор.

ISBN 978-5-4217-0062-3

© Курганский
государственный
университет, 2010
© Авторы, 2010

Оргкомитет конференции

Менщиков И.С. – канд. ист. наук, доцент Курганского государственного университета, заведующий кафедрой всемирной истории и историографии, председатель оргкомитета.

Кузнецов А.П. – д-р биол. наук, профессор, проректор по научной работе Курганского государственного университета.

Козельчук Т.В. – канд. ист. наук, доцент кафедры всемирной истории и историографии Курганского государственного университета.

Кислицын В.А. – канд. ист. наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории и документоведения Курганского государственного университета.

Менщиков В.В. – д-р ист. наук, профессор Курганского государственного университета, заведующий кафедрой теории истории государства и права.

Маслюженко Д.Н. – канд. ист. наук, доцент Курганского государственного университета, заведующий кафедрой культурологи, зам. председателя оргкомитета.

Шимолина Т.Н. – ассистент кафедры всемирной истории и историографии.

ПАВЛУЦКИХ ГЕННАДИЮ ГЕННАДЬЕВИЧУ – 50!

15 октября 2010 года декану исторического факультета, кандидату исторических наук, доценту Геннадию Геннадьевичу Павлуцких исполнилось 50 лет. Эта замечательная дата даёт прекрасный повод задуматься о пройденном пути, подвести некоторые итоги, и в то же время увидеть новые перспективы, наметить дальнейшие цели.

Геннадий Геннадьевич родился в городе Кургане 15 октября 1960 года. Окончил тогда только созданную школу №47 с углубленным изучением английского языка. После выпуска он поступил в Измаильскую мореходную школу, смог посетить страны бассейна реки Дунай, порты Черного моря. После того, как Геннадий Геннадьевич окончил с отличием это учебное заведение, он выбрал службу в рядах ВВС. С детства увлекаясь радио и будучи чемпионом области по радилюбительству, в составе военно-воздушных войск он был стрелком-радистом дальней авиации и выполнял интернациональный долг в рядах Ограниченного контингента советских войск в Афганистане.

В 1983 году он поступил в Курганский государственный педагогический институт (КГПИ) на исторический факультет, поскольку история также входила в число его разнообразных увлечений. Здесь Геннадий Геннадьевич отдал дань археологии, всеобщей истории, студенческой самодеятельности, в том числе и полузапрещенному тогда КВН. Кроме того многие годы он работал в составе студенческих стройотрядов, по праву считаясь одним из ветеранов движения ССО Курганского государственного педагогического института.

На рубеже 80-х и 90-х годов, XX века на историческом факультете КГПИ под руководством профессора Н.Ф. Емельянова заметно активизировалась научная и краеведческая деятельность. Были подготовлены и успешно защищены несколько кандидатских диссертаций. Геннадий Геннадьевич оказался в числе первых. Он подгото-

вил и в 1994 году защитил в Челябинском государственном университете диссертацию на тему «Южное Зауралье во второй половине восемнадцатого – первой половине девятнадцатого века». Особое внимание в ней было уделено проблеме соотношения типов колонизации Западной Сибири – вольной крестьянской и государственной. Автор сумел доказать, что государство играло более активную роль в освоении и заселении этих территорий, нежели это считалось до этого.

В середине 90-х годов Геннадий Геннадьевич подготовил и опубликовал несколько крупных статей по широкому кругу проблем от поземельных отношений в Южном Зауралье до истории повседневности этого региона. Занимался он и изучением истории казачества. Он являлся одним из основных авторов раздела «Истории Курганской области», посвященного XVIII веку. Ярким и живым языком описаны быт местных крестьян, их занятия, отношения к окружающему миру и к себе. Научно-исследовательская деятельность Г.Г. Павлуцких была отмечена молодежными премиями администрации Курганской области в 1993 и 1994 годах.

С конца 1990-х годов Геннадий Геннадьевич занимал несколько административных постов в Курганской государственном университете, в 2002 году избран заведующим кафедрой отечественной истории. В 2003 году после системной реорганизации историко-правоведческого факультета и воссоздания исторического факультета стал его деканом и продолжает возглавлять его по сей день. Геннадий Геннадьевич удачно сочетает качества ученого и администратора, руководит научно-исследовательской работой студентов и аспирантов, под его руководством успешно защищены две кандидатских диссертации.

Поздравляя Геннадия Геннадьевича с его пятидесятилетием, хочется пожелать ему здоровья, долголетия, новых творческих успехов.

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

И.С. Меншиков
Курганский государственный университет

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОРИОПИСАНИЕ: К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ

Как известно, русский язык отличается большой степенью гибкости и способностью легко усваивать слова из других языков. Так, например, для обозначения одного фрукта имеется несколько слов: «инжир», «смоква», «винные ягоды», «фиги», хотя мало кто видел его в природе, а не в качестве сухофрукта. Это нередко приводит к усложнению понимания, хотя повышает богатство языка. Теперь любой продавец знает разницу между оливками и маслинами, хотя второе слово не более чем калька с первого. Аналогичным представляется нам рассуждение о содержании понятий «историография» и «историописание». Второе также является калькой первого.

Слово «историописание» относительно недавно проникло в русский язык, в частности, в язык историков. Естественно, возникает несколько вопросов по поводу необходимости его существования. Прежде всего, есть устоявшийся термин «историография». Следует ли вводить еще один? Здесь уместно вспомнить известного средневекового логика и философа Уильяма Оккама, который считал, что не нужно множить сущности без необходимости, то есть, говоря современным языком, не надо прибегать к сложным объяснениям там, где вполне годятся простые. Этот принцип получил название «бритва Оккама».

Сам термин «историография» многозначен, а содержание несколько размыто. Классическое определение гласит, что историография - это история исторической науки. Однако существуют и другие значения. В частности, это и все, что написано (то есть сами тексты), и то, что изучено в истории по данной теме (историография проблемы), и исторические школы (либеральная историография), и национальные исторические направления (английская историография).

Подобная многозначность порождает неясность. Как справедливо отмечает М.С. Бокова, «говоря, например, «античная историография», одни сегодня понимают труды, написанные историками античности, другие имеют в виду труды, которые современные историки посвящают исследованию античности, а третьи обозначают этим термином труды историков наших дней, посвященные изучению наследия историков античности» (3, 264).

Считается, что понятие «историография» как история исторической науки пришло в отечественную историческую науку из германской где-то в середине XIX века и прочно закрепилось в советское время. Спустя сто лет начали говорить об историографии в узком и широком смысле, а концу XX столетия всё активнее стало использоваться новое слово «историописание» как альтернативное указанному термину. На наш взгляд, причин для появления и укоренения нового термина несколько.

Во-первых, само слово «историография» ассоциируется с перечислением имен историков, исторических концепций и этапов эволюции исторической мысли, что вызывает у многих своего рода аллергию, если не ска-

зать интеллектуальное отвращение, сформированное еще на студенческой скамье в советских университетах. Использование нового слова позволяет как бы дистанцироваться от старого, до известной степени обмануть себя, подобно тому, как использование слова «афроамериканец» вместо «негр» позволяет словно отойти от существования расовой проблемы, как будто её и нет. В то же время это продемонстрирует «продвинутость», например, использование к месту и не к месту слов дискурс, практики и т.д. Это явление естественное и неизбежно даже в академических кругах.

Кроме того, анализ нескольких десятков программ учебных курсов по историографии показал, что оба слова используются как синонимы, правда, в разных аспектах. К примеру, в разделе «Средневековая историография» первая же фраза выглядит так: «Историописание переходной эпохи. Первый опыт богословской истории: «Церковная история» Евсевия Кесарийского. Основы ... и т.д.». Здесь мы видим естественное для грамотного историка стремление избежать повторения одного и того же слова, найти ему подходящий синоним. С другой стороны, при анализе содержания этих программ в более поздние эпохи, особенно начиная с XIX века слово «историописание» почти нигде не встречается. Таким образом, видимо, подсознательно совершается разделение на непрофессиональное *историописание* и профессиональную *историографию*. Следуя этой логике труд, скажем, Тита Ливия относится к первой группе, а исследования С.М. Соловьёва – ко второй. Здесь налицо дихотомия: история как писательство полудилетантского характера и история как наука, вооруженная своей методической и методологической базой, занятие профессионалов.

Подобное разделение, безусловно, имеет право на существование. Оно позволяет выделить в истории два периода: донаучный и научный, приблизить первый к литературным жанрам и объяснить особенность *научного* исторического знания. Вместе с тем, в условиях «состояния постмодерна», когда поставлено под сомнение само различие между профессиональным трудом ученого-историка и просто историческим текстом, созданным неважно кем, подобный подход вызывает не только критику, но прямое отрицание. Не случайно в профессиональной (но не бюрократической) исторической среде в последнее время все чаще предпочитают говорить не об исторической науке, а об историческом знании. Конечно, одно не противоречит другому, поскольку получение истинного знания есть задача любой науки.

Возвращаясь к использованию рассматриваемого термина, необходимо признать, что он выступает своего рода альтернативой термину историография. Историописание существовало до того, как появились основные правила, приемы, принципы и методы современной исторической науки в совокупности со вспомогательными историческими дисциплинами, способами критики и прочтения документов и т.д. Тем не менее, применение термина «историописание» в этом смысле (непрофессиональная историография, созданная до оформления истории как науки к XIX веку) едва ли оправдано, поскольку в трудах историков «донаучного» периода и истории, и научности порой куда больше, чем в научных опусах наших современников. Следовательно, необходимо либо сразу признать, что вся история исторического знания делится два периода – научный (историография) и донаучный (историописание), либо рассматривать эти два термина как синонимичные. Тогда опять возникает вопрос о том, надо ли умножать термины без нужды?

Кроме указанных выше значений встречается и получает все большее распространение еще одно. Речь идет о создании исторических текстов, то есть в прямом смысле

ле об историописании. Это отсылает нас к пресловутому разговору об историческом нарративе, его функции и познавательных возможностях.

В своей небезынертной работе «Эффект реальности в историописании. Динамика историографической топологии» Ф. Анкерсмит пытается до известной степени разъяснить, что такое историография и историописание. Первую он относит к разряду философских дисциплин: «Философия истории включает в себя три области: историографию, спекулятивную философию истории и критическую философию истории. Историография описывает саму историю историописания в соответствии с основными этапами ее существования» (1, 261). Предложенный вариант толкования не бесспорен и, наверное, не сможет быть воспринят в отечественной исторической науке.

Следовательно, можно признать, что историография есть понятие более общее и предполагает осмысление того, что написано, в то время как историописание, если я правильно понял, представляет собой труды историков. Анкерсмит полагает, что такой труд в классической историографической традиции рассматривается как прозрачный, за которым видна позиция автора и его оценки (интенции). Подобный подход подвергся серьезной критике в конце XX века. Появляется новый тип историографии. Для него «текст должен быть центральным пунктом, это больше не слой, сквозь который мы смотрим (либо с точки зрения прошлой реальности, либо с позиции авторской интенции историка), но что-то, на что должен смотреть историограф. В новой историографии этот новый постулат непрозрачности исторического текста ведет к концентрации внимания на конфликтах, колебаниях, двусмысленности, амбивалентности» (1, 265).

Акцент переносится с автора на текст в духе общего постмодернистского увлечения. Новая историография становится теоретической дисциплиной в рамках философии или философии истории и должна помочь последней оправиться от удара, который нанесли ей Поппер и Хайек пятьдесят лет назад. Новая историография рассматривает только текст, её не должны волновать авторская интенция и историческая действительность, которую текст провозглашает описанной. Это приводит к тому, что стало чрезвычайно трудно узнать, представляет ли исторический текст прошлую реальность адекватным способом» (1, 268).

Возможно ли в рамках создать эффект реальности прошлого и есть ли вообще эта реальность – как таким вопросам подводит нас Анкерсмит в ходе своего большого эссе. Отталкиваясь от идей Р. Барта, согласно которым реальность прошлого есть эффект, созданный историческим текстом. Анкерсмит высказывает мысль о том, что прошлое — это наша идея прошлого, и она нуждается в объективности (1, 310).

Вопреки принятому сегодня взгляду на историю в своей аргументации Анкерсмит сравнил историописание «не с наукой, а с реализмом в литературе и в визуальных искусствах. Из таких сравнений никогда не следует, что историописание действительно есть наука или форма искусства... Так, десять — двадцать лет назад многие расценили параллели между наукой и историей (существование которых никто не оспаривает) как основание, на котором должны покоиться истинность и надежность исторического знания. В попытке осуществить это, исконые параллели превратились из признаков в доказательства научного характера исторического исследования». Анкерсмит отсылает нас к классическим романам XIX века (Бальзак, Флобер), которые, однако, не рассматриваются как научные социологические исследования, хотя довольно точно и разносторонне отражают существовавшую тогда реальность. Собственно этим и обус-

ловлен выбор названия для его большого эссе – «Эффект реальности». Он отмечает, что подобно тому, как граница между искусством и миром затуманена в современном искусстве, так и граница между прошлым и реальностью стирается в самых современных революционных представлениях об историописании. В отличие от недавнего времени, продолжает он, сегодня исторический объект часто обладает неуловимостью и прозрачностью, которая делает проблематичной демаркацию между прошлым и настоящим. Историописание выказывает тенденцию развиваться в структуре, которая отделяет реальность прошлого от реальности настоящего (1, 304). Свой тезис он подкрепляет следующим рассуждением: «благодаря эффекту реальности значение исторических правил и шифров все же скорее в их способности фиксировать исторический объект, чем в исследовании его. И действительно, у реалиста, наивного или нет, есть серьезная причина быть благодарным эффекту реальности, который заставляет мир соответствовать образу, в котором реалист предпочитает его видеть». В другом отрывке, он проводит прямую параллель между историографией и искусством: «историография действительно является частью современного культурного мира, и она должна изучаться в контексте своих отношений с современной живописью, скульптурой и литературой. Недостатки современной философии истории можно в значительной степени объяснить ее тенденцией пренебрегать культурным значением написания истории» (1, 257).

В другом, более позднем произведении Анкерсмит говорит еще более туманно и двусмысленно: «Историописание как таковое можно понимать как постоянный эксперимент с языком, как бесконечный эксперимент в области связывания языка и мира... Опции точных наук для историка закрыты» (2, 202).

Подобное понимание в духе лингвистического поворота скорее затемняет, чем проясняет ситуацию. Резюмируя все сказанное выше, получается, что если согласиться с Анкерсмитом, что историография относится к области философии и эпистемологии истории, то это в отечественной исторической науке не очень удачно, на наш взгляд, пытаются называть историософией. Историописание есть сами труды историков. Поскольку у истории нет собственного языка, она использует обычный язык с его метафоричностью и системой образов и создает из него довольно специфический словарь для своих трудов.

Таким образом, можно отметить, что Ф. Анкерсмит не совсем придерживается уже ставшего традиционным для западной истории тезиса, что историописание – это труды, созданные историками, а историография есть процесс изучения историописания (3, 264-265). Подходит ли для нашей исторической науки такие коннотации смыслов? На наш взгляд, это создает лишь лишнюю путаницу. Термин «историописание» получается почти столь же многозначным и непроницаемым, как и привычный для нас термин «историография». Учитывая консерватизм мышления и языка (разумный консерватизм), часть исторического сообщества просто не примет его. Опыт диалога и обмена мнениями, который имел место в ИВИ РАН в ходе круглого стола «Определение границ понятия “историописание”» (13-14 апреля 2009 г.), в общем, только подтверждает сказанное. По всей видимости, разговор этот может и должен иметь продолжение.

В таком случае следует либо как-то договориться об использовании слова «историописание» в каком-то узком, определенном смысле, либо, следуя совету Оккама, не множить сущности без нужды.

Список литературы

1. Анкерсмит Ф. Эффект реальности в историописании.

Динамика историографической топологии // Анкерсмит Ф. История и топоология: взлет и падение метафоры. М., 2003.

2. Анкерсмит Ф. *Возвышенный исторический опыт. М., 2007.*
3. Бобкова М.С. *От традиционных курсов по историографии к курсам по истории исторической культуры // Как изучают историю в высшей школе: опыт перспективы дискуссии. М., 2007.*

В.А. Кислицын

Курганский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ КРАЕВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В настоящее время краеведческие исследования в Курганской области вышли на новые рубежи. Что свидетельствует об этом?

Во-первых, научные труды по истории Южного Зауралья получили всероссийское признание.

В конце 2009 года увидела свет «Историческая энциклопедия Сибири», изданная Институтом истории Сибирского отделения Российской Академии наук и издательским домом «Историческое наследие Сибири» (1).

Территориальные рамки издания охватывают Алтайский, Забайкальский, Красноярский, Хабаровский, Камчатский и Приморский края, Курганскую, Тюменскую, Омскую, Новосибирскую, Кемеровскую, Томскую, Иркутскую, Амурскую, Магаданскую и Сахалинскую области, республики Бурятия, Алтай, Хакасия, Тыва, Саха (Якутия), Чукотский, Ханты-Мансийский-Югра и Ямало-Ненецкий автономные округа, Еврейскую автономную область.

Как отмечают члены редколлегии, научной базой для подготовки энциклопедии стали исследования по «сибирской» проблематике, изданные на протяжении 300 лет в России и за рубежом. Особое значение имеют публикации последних двух десятилетий, в течение которых в научный оборот введен огромный массив новых фактов. Привлечены также ранее не публиковавшиеся документы, хранящиеся в центральных и местных архивах, в том числе материалы персональных фондов (2, 3).

Энциклопедия состоит из трех томов, включает около 4 тысяч статей по археологии и древней истории, этнографии, исторической науке, территориально-административному делению региона в различные исторические периоды, об органах государственного управления и власти, о населении, о политической системе и общественно-политической жизни, экономическому развитию региона, о социальной сфере, культуре, науке и высшей школе, о религиозных конфессиях, содержит обзорные разделы (очерки климата, геологии и минералогии, естественных ресурсов, природы, исторической географии, исторической картографии) и т.д. (2, 3-4).

В числе авторов статей ученые Курганского государственного университета, сотрудники зауральских музеев, работники администрации области. В частности среди авторов обобщающего очерка о Курганской области В.А. Кислицын, В.В. Менщиков, В.В. Пундани, В.С. Христоролюбский, С.Н. Шилов (3, 239-243).

Около 20 статей по тем или иным историческим сюжетам подготовлены этими же авторами, а также Л.Д. Вохменцевой, И.Г. Коуровой, Д.Н. Маслюженко, И.С. Менщиковым, В.А. Никитиным, Е.А. Рябининой, В.Д. Уфимцевым, О.И. Филоновой и другими.

В 2010 году издан 16 том «Большой Российской

Энциклопедии», в которой опубликованы очерки «Курган» и «Курганская область», подготовленные В.В. Менщиковым, В.А. Кислицыным и В.В. Пундани (4).

Во-вторых, на областном уровне признание деятельности краеведов проявилось в награждении ряда ученых премиями губернатора Курганской области О.А. Богомолова в сфере науки, техники и инновационной деятельности за 2009 год. Премии удостоены лауреаты по семи номинациям.

В том числе, в номинации «Естественные науки» премия вручена Николаю Ивановичу Науменко, профессору кафедры ботаники и генетики Курганского государственного университета, доктору биологических наук – за монографию «Флора и растительность Южного Зауралья» (5). В номинации «Гуманитарные науки» премию получил Денис Николаевич Маслюженко, заведующий кафедрой культурологии КГУ, кандидат исторических наук – за монографию «Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века» (6).

В-третьих, это видно и из многообразия видов краеведческой деятельности, его многоцентризм, так как работы краеведения в настоящее время выходят практически повсеместно. Регулярными стали конференции «Зырянские чтения», «Емельяновские чтения», школьные конференции «Отечество», областные Дни краеведа, краеведческие конкурсы.

В-четвертых, разнообразна тематика краеведческих исследований, причем в отдельные периоды по некоторым направлениям выходят целые серии работ, как это произошло в 2010 году – год 65-летия Великой Победы. И это не случайно. В истории человечества не так уж много событий, значение которых становится все больше, чем дальше они ото дня нынешнего.

Именно к таким событиям относится победа советского народа над немецко-фашистскими полчищами в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Готовясь к 65-летию Великой Победы, мы еще больше осознали ее величие и непреходящую ценность, вновь попытались определить ее роль и место в истории нашего Отечества и всего мира, понять истоки Победы, выявить неразрывную связь фронта и тыла и тот вклад, который внес в победу наш родной край.

Поэтому в канун и в период юбилея вышло несколько работ по военной тематике. Например, в 2007 году в Шадринске издана книга «Труженики тыла Великой Победы, Шадринский район, 1941-1945 гг.» (7). Участие в сборе материалов принимали Администрации района, сельсоветов, районный отдел культуры, районный совет ветеранов. Книга повествует о Шадринском районе в годы войны, причем материал размещен по направлениям (сельское хозяйство, промышленность и кустарное производство, формирование 367 стрелковой дивизии, образование, здравоохранение, госпитали, детские дома, культура и т.д.), по сельским советам, в книге опубликованы очерки о тружениках тыла.

В 2010 году в Кургане вышел шестой том книги «Священная война» (8). Напомним, что первый том появился 10 лет назад, в 2000 году. 28 апреля 2010 года состоялась конференция «Вклад Зауралья в Победу в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов», по материалам которой издан сборник.

Кроме того, за последние годы изданы такие работы, как «Избранные труды» В.П. Бирюкова (10), несколько томов сборников по зауральской генеалогии, ряд работ по истории комсомола в Курганской области, труды по истории районов и населенных пунктов области (11).

Таким образом, несмотря на имеющиеся проблемы, постоянную нехватку средств, маленькие тиражи изданий, краеведы области постоянно расширяют сферу своей деятельности.

Список литературы

1. Историческая энциклопедия Сибири: В 3 т. Новосибирск, 2009.
2. Там же. Т.1.
3. Там же. Т.2.
4. Большая Российская Энциклопедия. Т.16. М., 2010.
5. Науменко Н.И. Флора и растительность Южного Зауралья. Курган, 2009.
6. Маслюженко Д.Н. Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века. Курган, 2008.
7. Труженики тыла Великой Победы, Шадринский район, 1941-1945 гг. Шадринск, 2007.
8. Священная война. Курган, 2010.
9. Вклад Зауралья в Победу в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов. Курган, 2010.
10. Бирюков В.П. Избранные труды. Шадринск. 2008.
11. Иовлева В.Н. Шадринск и его обитатели. Шадринск, 2006; Папулов В.М. На берегах Кизака. Мокроусово, 2009.

Д.Н. Маслюженко

Курганский государственный университет

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ШИБАНИДСКИХ ХАНОВ МАХМУД-ХОДЖИ И ХАДЖИ- МУХАММАДА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XV ВЕКА: К ИСТОРИОГРАФИИ ВОПРОСА

В работах В.П. Костюкова были подробно разработаны основные проблемы истории династии Шибанидов от ее основателя до событий Великой Замятни (8, 210-224; 9, 39-43)*. Представить сейчас без этих работ историю Золотой Орды XIII-XIV вв. фактически невозможно. Одновременно с этим последующая история данной династии, особенно в первой половине XV века, остается белым пятном. В особенности это касается проблемы расширения территории Шибанидов на север и формирования затем на основе их улуса первых прообразов Тюменского ханства. Разработка данной темы связана со значительными лакунами в текстах источников, характеризующих первые десять лет золотоордынской истории после смерти Идигу, а также с проблемой сосуществования среди шибанидских правителей этого времени двух ханов с близкими именами: Махмуд-Ходжи из старшего рода династии (Махмуд-Ходжа-хан б. Каанбек б. Ильбек б. Минг-Тимур-хан) и Хаджи-Мухаммед-хана из младшей ветви династии (Хаджи-Мухаммед-хан б. Алиоглан б. Бекконди-оглан б. Минг-Тимур-хан). Генеалогия этих Чингизидов недавно рассмотрена Ю.В. Селезневым, который, впрочем, ничего нового к известным фактам не добавил (21, 127, 207). Отметим, что наличие двух ханов из династии Шибанидов этого поколения не ставил под сомнение ни один из восточных хронистов. Так, например, Абу ал-Кадир ибн Мухаммад-Амин писал, повторяя приведенную выше генеалогию, что Хаджи-Мухаммед был первым ханом, правившим в Искере, а Махмуд-Ходжа (без указания территории улуса) встречается в перечислении наиболее значительных правителей среди Шибанидов рода (1, 275-276).

Еще первый исследователь данной проблемы М.Г. Сафаргалиев в своей работе «Распад Золотой Орды» совместил этих правителей в одного человека, заложив тем самым определенную историографическую традицию. Хотя сейчас общепризнано, что это были троюродные братья, правившие в одно время, мы до сих пор не

всегда можем отличить, какие деяния в источниках кому из них соответствуют. Попытки А.Г. Гаева и Ж.М. Сабитова решить эту проблему не привели к однозначному результату. При этом возникает вопрос более значительного источниковедческого характера: различали ли этих правителей сами авторы хроник и летописей, или удаленности западно-сибирской лесостепи от основных центров средневекового историописания приводила к тому, что авторы фиксировали лишь отдаленные отголоски событий. Следует также отметить, что в исследовательской литературе по этому периоду присутствует также Улуг-Мухаммед, а с конца 1420-х гг. еще и Кучук-Мухаммед (оба из династии Тука-Тимуридов). Обилие ханов с подобными именами, а часто в источниках речь идет только об имени «Мухаммед», к тому же активно действующих на международной арене, приводит к дополнительным сложностям в трактовке событий.

Не претендуя на полноту раскрытия этой темы, нам бы хотелось предложить ряд замечаний, которые бы позволили продлить во времени ту линию шибанидской истории, которую предлагал В.П. Костюков. При рассмотрении данной темы принципиальным моментом, на наш взгляд, является то, что предшатель младшей линии рода Хаджи-Мухаммед-хан является основателем всей сибирской правящей династии, которая сохраняла свою власть в Тюменском и Сибирском ханстве вплоть до смерти Кучума и борьбы его наследников за независимость от русской власти. Таким образом, определение принадлежности хана к той или иной ветви династии напрямую влияет на восприятие предпосылок формирования Тюменского ханства.

Очевидно, что для того, чтобы разобраться в деятельности этих двух ханов, необходимо, прежде всего, проанализировать имеющуюся на эту тему историографию и использованную в ней источниковую базу. Предварительно отметим, что зачастую на основании одних и тех же источников авторы приходят к абсолютно противоположным выводам. В результате анализ историографии должен позволить нам выявить наиболее спорные моменты авторских концепций.

Впервые эта проблема была поднята в уже упомянутой работе М.Г. Сафаргалиева, вышедшей в свет в 1960 году, чья точка зрения на рассматриваемую проблему долгое время оставалась классической. На основании данных аль-Ташкенди и Кадыр Али-бея он сделал вывод о том, что около 1420 года Идигу, разыскивавший нового Чингизида, который бы легитимизировал его статус, обратился к Хаджи-Мухаммед-оглану за помощью, и тот участвовал на стороне первого в битве с войсками хана Кадыр-Берди. В этой битве Идигу был убит, однако завещал своим сыновьям поддержать нового ставленника. В результате в 1421 году Мансур помог оглану стать ханом (далее уточняется, что это произошло в Сибири), а сам при нем занял пост беклярибека. Автор отмечает, что аль-Ташкенди называет этого хана Махмуд-Ходжой и допустил, что на самом деле имеется в виду одно и то же лицо из потомков Шибана. Это допущение стало базовым, как мы увидим далее, для значительного числа исследователей.

В том же году развернулась борьба за Восточный Дешт-и Кыпчак (особенно за Приаралье и низовья Сыр-Дарьи с центром в Сыгнаке) Хаджи-Мухаммеда с Борак-ханом, потомком Урус-хана, которая шла с переменным успехом. Признавая, что до того у Барака были столкновения с Улуг-Мухаммедом, М.Г. Сафаргалиев на основании данных Самарканди считал, что около 1425-1426 года Барак захватил орду Хаджи-Мухаммед-хана и заставил того отступить в Сибирь. В конце 1427 года Борак, нанеся поражение Тимуридам, вернулся на Сыр-Дарью

* Данная работа является историографическим введением к статье, посвященной истории «улуса Шибана» в первой половине XV века, подготовленной к печати в сборник памяти В.П. Костюкова.

и возможно пытался подчинить земли на севере, где вновь столкнулся с Хаджи-Мухаммед-ханом и Мансуром. Автор отстаивает точку зрения о том, что в ходе борьбы Барак убил Мансура, но в следующем году сам был убит Хаджи-Мухаммедом. В основе этой версии событий лежат сообщения Кадыр Али-бея, а также рассказы Шильтбергера о гибели Барака в борьбе с Магомедом и Самарканди об аналогичном событии с участием султана Махмуда. М.Г. Сафаргалиев, вопреки мнению ряда комментаторов считает, что под упомянутыми именами никак не мог скрываться Улуг-Мухаммед, так как его власть не распространялась на восточные улусы, а следовательно, это мог быть только Хаджи-Мухаммед. При этом автор считает, что данные источники в совокупности опровергают версию об одновременном убийстве Бараком как Мансура, так и его ставленника Хаджи-Мухаммед-хана.

После гибели Борака господство в степях перешло в от Тука-Тимуридов в руки Шибанидов, причем права Хаджи-Мухаммед-хана оспаривал Джумадук, провозглашенный ханом в 1425 году, и позднее Абу-л-Хайр-хан (при поддержке внука Идигу Ваккаса). Впрочем в юрте Джумадыка его непродуманная политика привела к росту сепаратизма и бегству недовольных к Хаджи-Мухаммед-хану. Около 1428 года Джумадук был разгромлен, а полководец его левого крыла Абу-л-Хайр попал в плен к Хаджи-Мухаммеду. В 1429-1430 годах Абу-л-Хайр был провозглашен ханом в Чинги-Туре, после чего разгромил в битве на Тоболе и убил своего ближайшего конкурента.

Таким образом, М.Г. Сафаргалиев использовал все имеющиеся на тот момент источники для создания непротиворечивой версии событий. Хаджи-Мухаммед у него действует в период с 1420 по 1430 (833) (20, 454-459). При этом он впервые высказывает версию о том, что Хаджи-Мухаммед и Махмуд-Ходжа являются одним ханом, который и разгромил Барака. Любопытно, что автор также относит известный случай восстания Махмуда и Ахмада против Абу-л-Хайр-хана к сыновьям убитого им сибирского хана, а не Кучук-Мухаммеда, которому самому было на тот момент не более 20 лет. Все эти допущения неоднократно в дальнейшем используются в исследовательской литературе (например, в 1 томе «Истории Сибири» (1968) Ибак-хан описывается именно как сын убитого Абу-л-Хайр-ханом Хаджи-Мухаммеда (3, 364)).

Уже в 1965 году Б.А. Ахмедов в классической работе «Государство кочевых узбеков» высказал альтернативную точку зрения на эти события, основанную, прежде всего, на «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» Масуда бен Усмана Кухистани и близких к ней источниках Шибанидского круга. Прежде всего, он отмечал, что борьба за власть в 1420-е гг. шла между Барак-ханом и Улуг-Мухаммедом, от рук которого и погибает. По сути, это была ревизия той позиции по расстановке сил в Восточном Деште, от которой 8 лет назад пытался уйти М.Г. Сафаргалиев. Причем эта борьба шла не только за Узбекский улус, но и распространялась на русские земли и Булгар. В этот же период на востоке Дешта земли были разделены между несколькими представителями династии Шибанидов. При этом Джумадук контролировал земли к северу от Арала, между реками Сарысу и Эмба, непосредственно гранича с Мангытским юртом. Между Тоболом и Ишимом находились земли Махмуд-Ходжи, сына Каанбека, при этом расположенная к северу Чинги-Тура была в руках буркутов. На реке Атбасар, притоке Ишима, располагался юрт Мустафы-хана. Дальнейшие события возвышения Абу-л-Хайр-хана описываются фактически идентично у всех авторов. Однако в отличие от М.Г. Сафаргалиева Б.А. Ахмедов пишет о столкновении этого хана с Махмуд-Ходжой-ханом ранней весной 834 (1430-31) года и убийстве последнего. Таким образом, в работе Б.А. Ахмедова расширяется

количество Шибанидов, участвующих в борьбе за власть в интересующие нас годы, и впервые говорится об ином происхождении убитого в битве на Тоболе хана. При этом автор предполагает, что до объединения всего улуса Шибана под властью Абу-л-Хайр-хана его предшественники находились в какой-то зависимости от Тука-Тимуридов (2, 39-48). Также автор отстаивает точку зрения, что восставшие в первые годы после восшествия Абу-л-Хайр на престол Махмуд и Ахмад были сыновьями Кичи-Мухаммеда (2, 51-52), впрочем вопрос о генеалогии данных правителей не менее дискуссионен. Хаджи-Мухаммед-хан также упомянут автором, но только в контексте генеалогии его сына Ибак-хана в качестве одного из неподчинившихся лидеру Узбекского государства Чингизида (2, 60).

В результате уже в 1960-х гг. сформировалось две альтернативные точки зрения на события 1420-х гг., произошедшие в улусе Шибана. Большинство современных авторов, возможно не осознавая этого, относятся либо к первому, либо ко второму направлению. Так, например, еще в 1988 году Б.-А.Б.Кочкаев поддержал точку зрения М.Г. Сафаргалиева о вражде Борака с Хаджи-Мухаммед-ханом, в результате которой ногаи и хан-Шибанид убили Борака (10, 48).

Несколько позднее, в 1992 году С.Г. Кляшторный и Т.И. Султанов в совместной работе «Казахстан. Летопись трех тысячелетий» практически полностью повторили версию Б.А. Ахмедова, используя при этом как известные ему источники, так и рассказы Шильтбергера, Кадыр Али-бея и ряда других авторов, характерных для реконструкции М.Г. Сафаргалиева. Особенно это видно при перечислении существовавшего в 1420-х гг. распределения юртов между Шибанидами на территории Восточного Дешта, а также в описании обстоятельств разгрома и убийства Махмуд-Ходжи-хана Абу-л-хайром (7, 217, 221). Вместе с тем, при описании предыдущих событий авторы отстаивали версию о вражде Борака с Улуг-Мухаммедом, в ходе которой первый и был убит. Впрочем в достаточно запутанном в этой части повествовании можно увидеть в качестве убийц Борака и некоего не идентифицированного Мухаммед-хана, и даже Кучук-Мухаммеда (7, 204-210).

В последующие годы достаточно подробно эти события были рассмотрены А.Г. Нестеровым. В автореферате диссертации Хаджи-Мухаммед-хан упоминается как один из самостоятельных ханов из династии Шибанидов, лишенный власти Абу-л-Хайр-ханом, что объясняет дальнейшую враждебность его потомков к узбекским родственникам. Однако до этого он приходит к выводу, что после переноса центра Узбекского ханства на юг было создано государство Сибирских Шибанидов со столицей в Чинги-туре, основателем которого был тот же Хаджи-Мухаммед. При этом автор считает, что сведения об этом хане у Кадыр Али-бека не являются достоверными (14, 13). Исходя из этого, можно предположить, что А.Г. Нестеров не только идентифицирует двух интересующих нас ханов, как это делал и М.Г. Сафаргалиев, но считает, что этот хан не был убит в битве на реке Тобол и затем даже восстановил свою власть.

В более поздних работах А.Г. Нестеров повторяет принятое Б.А. Ахмедовым деление юртов, поскольку именно эта версия распределения Восточного Дешта между Шибанидами становится общепринятой, но при этом Махмуд-Ходжа-хан далее не упоминается. При этом он считает (без ссылок на подтверждающие эту версию источники), что первым шибанидским правителем в Чинги-туре был отец Абу-л-Хайра Даулат-Шайх-оглан (конец XIV в. – 1426 г.). Однако, по нашему мнению, в отличие от иных Шибанидов этого поколения он даже не упоминается с титулом хана, что само по себе уже вызывает сомнения в предлагаемой концепции. После его смерти

город переходит под управление буркутов, а его наследник был отправлен к Джумадуку. То есть для Абу-л-Хайра поход в Сибирь был, по сути, возвращением родового улуса. Кроме того, он еще раз подтверждает ранее высказанную мысль о том, что Хаджи-Мухаммед начинает править в Чимги-Туре примерно с 1444 (или 1446) года, а около 1460 года престол переходит к его сыну Махмуду. В работе 2002 года автор при этом ссылается на работу Масуда ибн Усмана Кухистани, однако, забегая вперед, отметим, что нам не удалось в этом источнике найти цитату, подтверждающую данное предположение. При этом А.Г. Нестеров отстаивает мысль о том, что уже Хаджи-Мухаммед-хан установил дипломатические отношения с московскими князьями Василием II и Иваном III, в подтверждение чего приводит хорошо известную фразу из письма его потомка Ибака Ивану III: «Отец мой стоит с твоим юртом в опришнину, и друг и брат был» (15, 207; 16, 112-114). При этом он считает известного тюменского хана Ибрахима сыном Хаджи-Мухаммеда, в то время как он является лишь внуком (11, 89). Сама эта фраза из письма также может трактоваться не как отражение конкретных связей Хаджи-Мухаммеда с русскими князьями, а как в целом идеальное отражение отношений Шибанидов с Москвой в контексте установления новых связей.

В том же 2002 году абсолютно оригинальную версию рассматриваемых событий высказывает Г.Файзрахманов. Он считает, что до Ибак-хана все земли в Тюменском ханстве подчинялись ханам из династии Тайбугидов, которых удалось подчинить только Узбеку и Тохтамышу. Хаджи-Мухаммед-хан владел лишь престолом Синеи Орды, при этом ему подчинялись лишь земли по Ишиму, а столица располагалась в Кызыл-Туре. Сыновья этого хана Ахмед и Махмутек сумели изгнать Абу-л-Хайр-хана из Сибири в 1428 году, где в дальнейшем правили независимо (23, 128-129). При этом остается не ясным, на каких именно источниках основывается эта версия событий в улусе Шибана в 1420-х гг. Автору данной статьи уже приходилось высказываться против данной версии преобладания Тайбугидов (23, 103 и далее).

Однако на этом выпущенные в 2002 году интересующие нас работы не завершились, поскольку в Нижнем Новгороде была издана работа А.Г.Гаева. Он предполагает, что после смерти Идигу около 822 года ханом был провозглашен Махмуд-Ходжа б.Каганбек и его правление заканчивается доминирование в борьбе за Сарай правителей из династии Шибанидов (возможно он был сарайским ханом с 1428 по 1430 г.). При этом автор использует уже упомянутое ранее сообщение Аль Ташкенди, рассказ Самарканди о борьбе и убийстве Борак-хана Султан-Махмудом в 832 году и информацию Кухистани об убийстве Абу-л-Хайром данного правителя около 833 года. Возможно этот же правитель (под именем царицы «Махмут-хози») совершил набег на Галич в 1428 (831-832) г. совместно с казанскими татарами, а, следовательно, правил в Булгаре, где в частности найдены его монеты. Автор предполагает, что около 832 года именно Махмуд-Ходжа-хан разбил Джумадука и Абу-л-Хайра, а через год сам погиб от руки последнего (4, 28-30). Таким образом, как и М.Г. Сафаргалиев, автор приписывает действия обоих ханов одному, но не Хаджи-Мухаммеду, а Махмуд-Ходже. При этом первый из них упоминается только как отец Махмуда и Ахмада, разбитых в Икри-Тупе, благодаря чему узбекский лидер захватил «Саин стул».

В 2006 году частично эту проблему затронул в своей фундаментальной работе по истории Ногайской Орды В.В. Трепавлов. В целом он придерживается версии о восшествии на престол Хаджи-Мухаммед-хана в 1421 году, как ее впервые построил М.Г. Сафаргалиев на основании сообщения Кадыр Али-бека. Однако в дальнейшем

Мансур становится беклярибеком при Бораке, с которым они вместе совершают поход на Улуг-Мухаммеда в 1426 году. Вскоре после этого между ними произошел разрыв, и Мансур был убит. Согласно рассказу Кырыми, в дальнейшем сам Борак был убит родственниками Мансура при поддержке войск Кучук-Мухаммед-хана. При обсуждении географии Восточного Дешта В.В. Трепавлов предполагает, что в начале XV века земли здесь находились во владении Пулада Шибанида, а затем его сыновей Ибрахима и Араб-шаха. На наш взгляд, данное утверждение является анахронизмом, поскольку Шибаниды Пулад и Араб-шах являются активными участниками Великой Замятни в Золотой Орде. Если Араб-шах (Арапша русских источников) еще мог к этому времени остаться в живых, то его отец, очевидно, уже был мертв (подробную аргументацию см.: 11, 65-66; 17, 147-154). Распределение земель в 1420-е гг. в целом повторяет схему Б.А. Ахмедова, однако В.В. Трепавлов делает осторожное предположение о возможной идентичности Махмуд-Ходжи-хана и Хаджи-Мухаммед-хана (22, 93-95).

Некоторые мысли по этому вопросу высказывал и Д.М. Исхаков как в отдельных статьях, так и монографии 2006 года «Введение в историю Сибирского ханства». В трактовке деятельности этих ханов он опирался на малоизвестную версию сочинения Утемиш-хаджи «Чингизнаме», выдержки из которой были опубликованы А.-З. Валиди-Тоганом. Он впервые обратил внимание на то, что в этом источнике упоминается о хане Махмудек-Ходже, чьи владения находились между Ишимом и Тоболом. Этот хан «воевал с представителями эля Тура против тюменей кунграт и салджигут». Независимо от этого упоминается о разгроме Махмуд-Ходжи Абу-л-Хайр-ханом, а также о том, что Хаджи-Мухаммед-хан б. Али управлял значительными территориями, включавшими башкир, Алатырь, мокши и город Болгар, а также город Тура (6, 55-57). При этом автор считает, что Махмудек-Ходжа, Хаджи-Мухаммед-хан (основатель Тюменского ханства, правивший в нем с 1420/1 по 1428/9 или 1430 г.) и Абу-л-Хайр-хан были современниками (6, 14, 17). Предполагается, что на территории Государства кочевых узбеков могли находиться улусы потомков этого Хаджи-Мухаммед-хана как зависимых от Абу-л-хайр-хана правителей. При этом допустимо, что после откола от последнего в 1447 году Мангытского иля его лидеры могли провозгласить кого-то из Сибирских Шибанидов ханом (6, 131-132). Хотя Д.М. Исхаков и предлагает в отличие от предыдущих исследователей четко отделять двух интересующих ханов друг от друга, но при этом их деятельность практически не анализируется, кроме цитирования Утемиш-хаджи по версии А.-З. Валиди-Тогана.

В 2008 году этот вопрос отчасти был затронут в небольшой очерке Н.Ф. Мухамедьярова. В частности автор (со ссылкой на Утемиша-Ходжи) указывает, что основателем Тюменского ханства был Хаджи-Мухаммед, который правил приблизительно с 1420-1421 по 1430 год. Одновременно с этим автор, описывая поход Абу-л-Хайра на Туру, пишет о его победе над Махмуд-Ходжей ханом (1429-1430 г.). В дальнейшем приводится информация А.-З. Валиди-Тогана о хане Махмудек-ходже как современнике Хаджи-Мухаммеда (13, 132-136). В целом автор вводит даже трех действующих ханов со схожими именами, хотя отметим, что в данном небольшом очерке Н.Ф. Мухамедьяров лишь отражает основные этапы становления ханства и вопрос различий между интересующими нас правителями перед ним не стоял.

Уже в 2009 году данная проблема вновь была поднята Ж.М. Сабитовым в статье, посвященной «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» как историческому источнику. Прежде всего, автор подвергает сомнению традиционное деление

Восточного Дешта в 1420-х гг. по версии Б.А. Ахмедова. В комментариях к известному договору Идигу с Хаджи-Мухаммедом автор впервые обращает внимание на то, что М.Г. Сафаргалиев смешал не только деятельность двух интересующих нас ханов, но и добавил к ним еще и Улуг-Мухаммеда. Ж.М. Сабитов настаивает на том, что большинство событий на востоке Дешта, упомянутых у Эль-Айни и Шильтбергера, в частности в контексте борьбы Борака, Чекре и «Мухаммада», необходимо связывать именно с Хаджи-Мухаммедом, убитым Бораком вместе с Мансуром около 1423 года. После его смерти братья Мансура Гази и Науруз могли, по мнению автора, провозгласить ханом Махмуд-Ходжу б. Каанбека (а не Кучук-Мухаммеда, как это отмечал Кырыми), который и разбил Борака около 1428/9 года, а в дальнейшем разделил Восточный Дешт с Джумадук-ханом. Далее Ж.М. Сабитов пишет о том, что именно Махмуд-Ходжа-хан мог быть лидером тех кочевых биев, которые восстали и затем убили Джумадука. Позднее, около 1430 г. его военачальник Абу-л-Хайр на охоте убивает Махмуд-Ходжу, как об этом пишет Аль-Джанаби, пересказывая Эль-Ташкенди (справедливости ради отметим, что Ж.М. Сабитов в другой статье того же года пишет, что в 1430 году этот хан был казнен Абу-л-Хайром (18, 112)). Войско же, собранное Абу-л-Хайром против Махмуд-ходжа-хана, в действительности действовало против сына Хаджи-Мухаммед-хана Махмудека (по мнению автора, Кухистани, не знакомый подробно с историей Дешта, мог смешать этих ханов). При этом этот поход мог состояться только после поражения Абу-л-Хайр-хана от калмыков, то есть в 1458 г., что связано со значительной путаницей в хронологии у Кухистани, в результате которой события оказались произвольно переставлены (19, 167-169, 176). Несмотря на наличие рационального зерна в этих рассуждениях, мы считаем, что хронология событий сибирской истории и в частности отождествление Махмуд-Ходжи и Махмудека не достаточно аргументированы.

В том же году данный вопрос частично был затронут И.Л. Измайловым, который, к сожалению, в силу специфики работы не ссылается на источники информации. Он указывал, что после гибели Идигу на западе улуса Джучи укрепился Улуг-Мухаммед, а в Кок-орде началась борьба Чингизидов. В этих условиях улус Шибана возглавил Хаджи-Мухаммед (1420-1430). При этом автор предположил, что данный хан сражался с Идигу против Кадыр-Берди, а после смерти Идигу не признал Улуг-Мухаммеда, основав Сибирское (Тюменское) ханство. В 1421 году он, как и Улуг-Мухаммед, был разбит Бораком и был вынужден подчиниться ему. Воспользовавшись поражением Борака от Улуг-Мухаммеда в 1425-1426 гг., он также в 1427 г. поднял восстание, чем способствовал поражению и гибели Борака в Могулистане. После этого он объединил все земли от туры до Тобола и Ишима, а затем начал борьбу в Приаралье за объединение Кок-Орды и даже разгромил в 1428-1429 гг. «мятежные войска» Джумадыка и казнил самого хана. Однако остальных мятежников он простил, что привело к их восстанию под руководством внука Идигу Ваккаса и провозглашению ханом Абу-л-Хайра. В дальнейшем новый хан разгромил Хаджи-Мухаммеда и в 1430 г. казнил (5, 724).

Наконец, последняя по времени работа - 2010 года, где частично упомянутая интересующая нас тема, монография Р.Ю. Почекаева «Цари Ордынские». Автор этой работы считает, что вскоре после убийства Идигу был провозглашен ханом Улуг-Мухаммед, захватив земли в Волжской Булгарии и Хаджи-Тархане (при этом в комментариях отмечается, что ряд исследователей путают его с Кучук-Мухаммедом (17, 341)). Одновременно с этим сыновья Идигу поддержали Хаджи-Мухаммед-хан из династии

Шибанидов, с помощью которого удержали часть бывшей Синей Орды, но предпринимая дальнейших попыток проникновения в Поволжье. В 1421-22 годах Борака-хан, при поддержке перешедшего на его сторону Мансура и самаркандского правителя Улугбека, разгромил Улуг-Мухаммеда и изгнал его из Поволжья. Только в 1426 году Улуг-Мухаммеду удалось вернуть свои владения в Поволжье. После этого, а также после поражения в Мавераннахре, от Борака ушел Мансур, возможно, вновь к Хаджи-Мухаммеду, однако вскоре мангытский бек был убит по приказу Борака. Ликвидация внутренних соперников позволила Борака вновь вторгнуться в Поволжье и в 1427 году объявить себя ханом Золотой Орды. Улуг-Мухаммед, опиравшийся на Крым, сумел окончательно разгромить Борака в 1428 году, что подтверждается информацией из письма этого хана турецкому султану Мураду II, но при этом в письме идет речь о том, что с Бораком был Мансур (17, 340). По нашему мнению, это упоминание является анахронизмом и может отражать более ранний разгром 1426 года. В 1428/9 году Борака был убит Гази и Наурузом, мстившим за Мансура. Р.Ю. Почекаев отмечает, что, по сведениям И. Шильтбергера, Борака был убит «господином Мухаммедом», но непонятно, кто из ханов имелся при этом в виду - Улуг-Мухаммед, Кучук-Мухаммед или Хаджи-Мухаммед. Обращает на себя внимание то, что улус Борака во главе с его наследниками перешел под контроль Шибанидов (17, 197-202).

Даже этот небольшой обзор историографии показывает столь значительное число точек зрения, многие из которых неосознанно исходили из базовой оппозиции между М.Г. Сафаргалиевым и Б.А. Ахмедовым, что не специалисту разобраться в рассматриваемой проблеме просто невозможно. По сути, значительное переосмысление этих концепций было предпринято только А.Г. Гаевым, Ж.М. Сабитовым и Р.Ю. Почекаевым, однако предложенные ими концепции, основывающиеся на схожих источниках, привели к абсолютно различным результатам. Большинство авторов оперируют одним и тем же кругом источников, а разница в трактовке событий зачастую опирается на серии допущений (как, например, на разнице в восприятии того, кто из «Мухаммедов» в качестве Сарайского правителя упоминается в источниках, или на том, как именно подсчитывать время правления ханов в Сарай по данным И. Шильтбергера). Ранее автор придерживался точки зрения, высказанной М.Г. Сафаргалиевым, об идентификации ханов Хаджи-Мухаммеда и Махмуд-Ходжи и считал первого основателем не только тюменской правящей династии Шибанидов, но и собственно самого Тюменского ханства (12, 339-347). Однако очевидно, что эта точка зрения требует уточнения.

Список литературы

1. Абу ал-Кадир ибн Мухаммад-Амин. *Маджма ал-ансиб ва-л-амджар*. Алматы, 2005.
2. Ахмедов Б.А. *Государство кочевых узбеков*. М., 1965.
3. Бояршинова З.Я., Степанов Н.Н. *Западная Сибирь в XIII-XVI вв. // История Сибири*. Л., 1968. Т.1.
4. Гаев А.Г. *Генеалогия и хронология Джучидов. К выяснению родословия нумизматически зафиксированных правителей улуса Джучи // Древности Поволжья и других регионов. Нижний Новгород, 2002. Вып. IV. Нумизматический сборник*. Т.3.
5. Измайлов И.Л. *Агония империи // История татар. С древнейших времен*. Казань, 2009. Т.III. Улус Джучи (Золотая Орда) XIII- середина XV в.
6. Исхаков Д.М. *Введение в историю Сибирского ханства*. Казань, 2006.
7. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. *Казахстан. Летопись трех тысячелетий*. Алма-Ата, 1992.
8. Костюков В.П. *Улус Шибана в XIII-XIV вв. (по письменным данным) // Проблемы истории, филологии, культуры*. М.-

- Магнитогорск, 1998. Вып. VI.
9. Костюков В.П. Шибаниды и Тукатимуриды во второй половине XIV века // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 28. Серия «История». Вып. 34.
 10. Кочекаев Б.-А.Б. Ногайско-русские отношения в XV-XVII вв. Алма-Ата, 1988.
 11. Маслюженко Д.Н. Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века. Курган, 2008.
 12. Маслюженко Д.Н. Сибирская периферия золотоордынского пространства в 1420-1440-е гг. // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: Материалы IV Международной конференции, посвященной памяти Г.А.Федорова-Давыдова. Азов, 2009.
 13. Мухамедьяров Ш.Ф. Тюменское ханство // Очерки истории исламской цивилизации / Под общей ред. Ю.М.Кобищанова. М., 2008. Т.2.
 14. Нестеров А.Г. Государства Шейбанидов и Тайбугидов в Западной Сибири в XIV-XVII вв.: археология и история: Автореф. дис.... канд. ист. наук. М., 1988.
 15. Нестеров А.Г. Династия сибирских Шейбанидов // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск-Омск, 2002.
 16. Нестеров А.Г. Формирование государственности у тюркских народов Урала и Западной Сибири в XIV -XVI вв. // Дешт-и Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов: Материалы международной научно-практической конференции. М., 2003.
 17. Почекаев Р.Ю. Цари Ордынские. Биография ханов и правителей Золотой Орды. СПб.: Евразия, 2010.
 18. Сабитов Ж.М. Таварих-и гузида-йи насрат-нама как источник по генеалогии джучидов // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2009. Вып.2.
 19. Сабитов Ж.М. Тарихи Абулхаир-хана как источник по истории ханства Абулхаир-хана // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2009. № 2.
 20. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций. М., 1996.
 21. Селезнев Ю.В. Элита Золотой Орды. Казань, 2009.
 22. Трепаев В.В. История Ногайской Орды. М., 2002.
 23. Файзрахманов Г.Л. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX века). Казань, 2002.

В.В. Менщиков
Курганский государственный университет

ИСТОРИОПИСАНИЕ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

В советской исторической науке, стоявшей на марксистских позициях, в известной степени и довольно плодотворно, фактически реализовывался известный ранкеанский принцип познания истории «как это, собственно, было» или «как было на самом деле» (wie es eigentlich gewesen ist). Показательно в этой связи как известный советский историк академик И.Д. Ковальченко формулировал задачи познания прошлого: «... показ того, как это было в его инвариантности»(11,182). Фактически «инвариантное» повторение смысла известной фразы Л. Ранке. Приведем еще одно достаточно характерное и более развернутое утверждение Могильницкого: «В противоположность распространенным в буржуазной науке представлениям о неадекватности наших знаний о прошлом исторической действительности марксизм исходит из признания возможности познать средствами исторической науки прошлое человеческого общества в его объективной реальности» (7,16). Подобные подходы к историческому познанию, как нам представляется, исходят из гегелевского принципа тождественности логики развития идеальной логике развития материального, что и не удивительно из-за генетической связи марксизма и

гегелевской философии. В известном смысле на этом строится и гносеологическая теория отражения.

Однако становление советской исторической науки, что любопытно, начиналось с совершенно противоположных позиций. Это, в первую очередь, было связано с деятельностью М.Н. Покровского и его школы. Как отмечает немецкий историк Ф.Б. Шенк, «он (Покровский – В.М.) отрицал возможность объективного рассмотрения и изображения прошлого и защищал тезис о том, что каждый класс способен описывать исторический процесс только со своей собственной точки зрения и для своей собственной выгоды. «История», гласит часто цитируемая формула Покровского, «это политика, опрокинутая в прошлое» (15,241). Такая откровенная «инструментализация прошлого» была подвергнута критике в 1930-е гг., но «история и впредь приспособлялась к актуальной политической генеральной линии. Однако результат этого приспособления объявлялся теперь не субъективной интерпретацией пролетарской классовой точки зрения, но «объективной истиной» (15,244-245). Подобный «объективизм» строился теперь на иных основаниях. «СССР тридцатых годов признал себя историческим продолжением Российского государства «поверх» исторического перелома 1917 г. ... Осью истории России были уже не классовая борьба и народные восстания, но прогрессивное строительство централистского государства сильными личностями» (15, 280-281). Не очень сильно ситуация изменилась и в дальнейшем. Как отмечают исследователи, «XX съезд оставил сталинский образ истории по существу неприкосновенным. «Отечественная историография» отныне еще сильнее стремилась к «шпагату» между «национальным» и «марксистским» направлениями» (15, 436).

Такая внутренняя противоречивость, постоянное лавирование между принципами партийности и классового подхода, с одной стороны, и стремлением к объективности, с другой, стали характерной чертой советской исторической науки или, если угодно, советского историописания. Кстати, в последнее время отечественные историки для характеристики своей деятельности все чаще стали использовать термин «историописание». Очевидно, что он является, по существу, дословным переводом понятия «историография», что неизбежно заставляет более строго определить границы последнего, тем более, что в практике употребления этого понятия все больше становится смысловой неопределенности. «Таким образом, говоря, например, «античная историография», одни сегодня подразумевают труды, написанные историками античности, другие имеют в виду труды, которые современные историки посвящают исследованию античности, а третьи обозначают этим термином труды историков наших дней, посвященные изучению наследия историков античности» (1, 6). В целом соглашаясь с указанными вариантами используемых значений, отметим, что довольно часто употребляемым в последнее время является понимание историографии как совокупности всех научно-исторических трудов в хронологическом или национально-страноведческом контекстах. Примером этого могут быть активно используемые словосочетания «отечественная историография», «античная историография» или «современная французская историография» и т.д. Хотя в сугубо профессиональной среде преобладает узкое понимание этого термина как литературной истории той или иной научной проблемы.

Такой же противоречивой оказывалась и природа исторического источника как фундамента любого исторического исследования. «Между историком и изучаемым им объектом оказывается, таким образом, еще

одно, промежуточное звено – исторический источник, уже отягощенный чьей-то интерпретацией» (3, 37). Вполне очевидная негативная коннотация в отношении отягощенности субъективизмом любого текста. Получается, что важнейшей задачей на пути достижения познания объективной исторической истины является очищение любого письменного источника от этой субъективной отягощенности. С точки зрения теории отражения это возможно, так как, по мнению историков-марксистов, исторические источники – это любые остатки прошлого, «в которых отложились исторические свидетельства, отражающие реальные явления общественной жизни и закономерности развития человеческого общества» (3, 64-65).

Убежденность в том, что в письменном тексте может содержаться объективная закономерность, порожидала совершенно определенный тип работы с источником: «Искусство историка состоит в том, чтобы очистить изображаемую в источнике действительность от неточностей, вымысла и классовых искажений» (3, 76). С точки зрения классового марксистского подхода, очищение источника от классовых искажений оказывается возможным лишь путем строгого следования классовому же принципу историко-марксистского анализа. Примечательно в этой связи то, как Сталин в своем письме в журнал «Пролетарская революция» призывал историков «к освещению истории партии с точки зрения «аксиом большевизма», а не каких-то там архивных документов» (4, 29).

Из тезиса о возможности адекватного познания истинных объективных законов развития общества следовало некоторое пренебрежительное, пускай и в имплицитном виде, отношение к повествовательной составляющей любого исторического труда. Так в качестве слабой стороны, недостатков исторических произведений наиболее часто отмечалась «описательность», ее явное преобладание. Или еще более отчетливое противопоставление «описания» и «объяснения», а не взаимодополнение, мы обнаруживаем в следующем утверждении о сути исторического исследования: «речь идет... не об установлении лишь внешней последовательности событий, простой причинно-следственной связи... не об описании (*курсив наш – В.М.*) событий, а об их объяснении с позиций марксистско-ленинской методологии» (3, 76).

Однако развитие гуманитарного, да и естественнонаучного знания в XX веке существенно поколебало указанные выше принципы. Вызовы постмодернистской эпохи и так называемого «лингвистического поворота» привели к существенному изменению понимания истории. Как пишет О. Эксле: «Историческое познание, следовательно, не может быть «отражением» или «реконструкцией» прошедшей истории; оно может быть только конструкцией, разумеется (повторю еще раз!), не произвольной, а связанной с историческим материалом, обоснованной «эмпирически» (16, 403). Подобное понимание исторического познания было немыслимо в советское время, по крайней мере, публичное признание этого обстоятельства.

Но парадокс заключается в том, что в противоположность декларируемым принципам исторического исследования сам процесс создания образов прошлого в советское время был по существу ничем иным, как конструированием истории, что довольно убедительно продемонстрировано в многочисленных публикациях отечественных и зарубежных авторов последних лет, в том числе в работах Е. Добренко и Ф.Б. Шенка, уже нами цитированными. С наибольшей очевидностью это проявилось в годы «перестройки» и постперестроечный период. Если для профессиональных историков эти трансформации были в целом и ожидаемы, и в основном понятны, то для массового сознания открывшиеся «белые и черные пят-

на» истории повлекли за собой своего рода травматический эффект, выразившийся в падении престижа профессиональной истории и появлении и массовом коммерческом успехе так называемой «фолк-истории». На наш взгляд, это есть следствие не только, а может быть и не столько злонамеренного желания кардинально переписать историю отдельными персонажами, а результат некоторых, вполне объективных тенденций в развитии как массового сознания, так и профессионального социального познания.

Приведенные выше рассуждения со всей очевидностью актуализируют полисемантическую базовую функцию понятия «история», а не только производных от него (например, историография или историописание). Безусловно, что уже в советской исторической науке эта многозначность признавалась. Б.Г. Могильницкий отмечал, что «среди нескольких значений этого слова (*история – В.М.*) выделяется два фундаментальных: 1) прошлое и все, что происходило в нем, и 2) рассказ об этом прошлом, зафиксированный в устной и письменной традиции» (7, 15). Или еще одно определение с несколько иным смысловым нюансом: «...термин «история» означает как действительные события, происходившие в прошлом, так и их отражение в нашем сознании» (3, 28). Примечательно, что здесь использовано слово «отражение», а не рассказ. Однако эта многозначность нивелировалась господствующими теоретико-методологическими подходами.

В настоящее же время не учитывать, игнорировать или отодвигать на второй план эту многозначность невозможно. Но и в советское время среди маргинальных по отношению к господствующим направлений гуманитарной мысли такие смысловые различия подчеркивались. Это, например, касается знаменитой московско-тартусской школы семиотики. Весьма примечательно, как в статье 1988 г. «История и семиотика: Восприятие времени как семиотическая проблема» (13, 66-84). Б.А. Успенский прямо говорит о двух смыслах термина «история»: «Что касается термина «история», то... он может иметь по меньшей мере два смысла – под «историей» может пониматься либо *res gestae*, то есть совокупность происшедших событий, либо *historia rerum gestarum*, то есть повествование о происшедшем, своего рода нарративный текст» (14, 10). А затем автор практически на каждой странице вынужден оговариваться, какой смысл он вкладывает в используемый им термин «история» – то ли как *res gestae*, то ли как *historia rerum gestarum*. В одном из примечаний к этой статье Б.А. Успенский обращает внимание и на многозначность термина «историография»: «Мы предпочитаем не пользоваться этим термином (*историография – В.М.*) ввиду его двусмысленности: в самом деле, «историография» может означать как совокупность исторических знаний (*этот смысл мы отмечали выше – В.М.*), то есть именно историю в смысле «*historia rerum gestarum*», так и науку о эволюции и методах исторических исследований, то есть, собственно говоря, метаисторию» (14, 47).

Может быть, именно термин «историописание» искал Б.А. Успенский, пытаясь наиболее точно выразить свои соображения, используя достаточно «тяжеловесные» словесные конструкции, тем более на латинском языке?

Таким образом, особенности развития отечественного исторического знания в XX в. и его кардинальные изменения последних лет стимулируют поиск новых дефиниций, терминов, более адекватно отражающих суть исторического познания в новых условиях. Термин «историописание» более «прозрачно» намекает на процесс конструирования исторических образов средствами языка, чем «историография». Последний же благодаря сво-

ей большей внешней «научности» становится исключительной составляющей сугубо научного знания.

Эвристически плодотворным в поисках смыслов терминов «историография» и «историописание» и их соотношений может быть обращение к концепции коллективной памяти М. Хальбвакса, получившей развитие в трудах Я. Ассмана. На основе концепции коллективной памяти М. Хальбвакса Я. Ассман разработал понятие культурной памяти В свою очередь, жена Яна Ассмана Алейда Ассман описывает культурную память как «функциональную» память сообщества, противопоставляя ее «памяти-хранилищу», следуя в этом за М. Хальбваксом в противопоставлении истории и памяти. «Хальбвакс понимает под «историей» собрание фактов, очищенных от каких бы то ни было отношений к групповой идентичности. Однако это позитивистское по духу представление об «истории» можно уже считать устаревшим», – заключает немецкий исследователь Ф.Б. Шенк (15, 16-17). Далее он отмечает, что «сегодня историографию зачастую определяют лишь как особый вид социальной памяти. Английский историк Питер Бёрк, например, защищает тезис о том, что историография всегда есть продукт социальных групп и любое историописание находится во власти своего времени, интересов пишущего и заказчика» (15, 18). Алейда и Ян Ассман считают, что «культурная память... всегда соотносится с идентичностью определенной группы, но «научное историописание», занимающееся прошлым исключительно из теоретического любопытства, может... представлять знание «нейтральное по отношению к идентичности» (15, 18). Получается, что культурная или функциональная память является одной из результирующих историописания, а «память-хранилище» – это историография как совокупность научных текстов.

Очевидно, что определяющими для появления термина «историописание» в отечественном историческом дискурсе стало влияние постмодернистских взглядов и так называемого «лингвистического» поворота в гуманитарном познании: «... постмодернизм мыслит объект историописания не как нечто, существующее автономно по отношению к тому, кто его описывает, но как некий объект, конструируемый самим языком» (2, 304). В.Д. Губин и В.И. Стрелков довольно афористично подводят итог характеристики постмодернистского отношения к исторической истине: «Проблема истины есть проблема значения. Проблема истины есть проблема способа и формы описания» (2, 305). Литературная составляющая труда историка становится все более очевидной и в известном смысле более востребованной. П. Рикёр, анализируя работы одного из классиков постмодернизма Х. Уайта, отмечал, что мыслимое сближение между историей и литературой приводит к тому, что «это нарушение привычных классификаций требует, чтобы была принята всерьез характеристика *истории как писания*. «Писание истории»... не есть нечто внешнее по отношению к концепции истории и к историческому произведению; оно не является вторичной операцией, которая связана только с риторикой коммуникации и которую можно было бы игнорировать как нечто принадлежащее лишь к сфере литературного оформления. Оно конституитивно для исторического способа понимания. История по сути своей – это историо-графия, или, выражаясь в откровенно провозирующем стиле, – артефакт литературы» (2, 313).

Но еще до появления постмодернизма, как ни странно, несмотря на указанные несколько выше негативное отношение к описательности и стремление к объективизму в исторических трудах, близость истории и литературы довольно отчетливо наблюдалась в рамках советского исторического сознания. В статье известного

советского историка А. Панкратовой, посвященной 25-летию советской исторической науки, говорилось о том, что «советский читатель с огромным интересом следит за каждой новой книгой советских историков. «Эта особенность советского читателя ко многому обязывает и советского писателя, в том числе и историка», – заключала Панкратова. И так, советский историк – одна из разновидностей советского писателя» (4, 37). Марк Серебрянский – автор первой книги о советском историческом романе, вышедшей в свет в 1936 г., писал: «переоценка исторического прошлого как раз составляет одну из существеннейших особенностей советского исторического романа. В этом смысле он вместе с марксистской исторической наукой делает одно дело» (4, 37).

Хотелось бы подчеркнуть, что мы не придерживаемся радикальной точки зрения о принципиальной неразграниченности истории и художественной литературы, мы утверждаем лишь их близость и необходимость понимания этого. Из этого, на наш взгляд, и сформировалась потребность в новом термине. Историописание получается интегральным понятием, включающим и научное знание (совокупность сугубо научных текстов и знаний), и текстов вне-, до- и ненаучного характера, влияющих на генеральные исторические представления разных форм общественного сознания. Иначе говоря, понятие «историография» уже по содержанию является составной частью более широкого – «историописание». Объединяющим началом этих двух комплексов является их текстуальный субстрат, нарративное (повествовательное) бытование. Современный украинский историк А. Толочко пишет, «что повествования (stories), иначе говоря, нарративы, суть формы объяснения... Нарратив одновременно рассказывает, что случилось и объясняет, как и почему это случилось (или как и почему все случилось именно таким образом)... Но прошлое, – продолжает исследователь, – как и настоящее, не происходит в виде историй и сюжетов... Stories суть форма концептуализации событий. Человек воспринимает и описывает жизнь в форме stories, но они не содержатся в жизни» (12, 254). Именно здесь и происходит встреча истории и литературы. Ведь история не является механической совокупностью односложных утверждений, историк всегда должен последовательно выстраивать и чем-то связывать имеющийся у него перечень фактов (событий). Это и формирует процесс *писания истории*. А сама технология этого последовательного выстраивания, осмелимся утверждать, однотипна и для истории, и для литературы. «В важной работе «Введение в структурный анализ нарративов» (1966) Барт утверждал, что нарратив характеризуется «телескопичностью» логики и темпоральности: «В самом деле... механизм сюжета приходит в движение именно за счет смешения временной последовательности и логического следования фактов, когда то, что случается *после* некоторого события, начинает восприниматься как случившееся *вследствие* него» (6, 225).

Завершая наш доклад, приведем откровенно провокационное утверждение известного украинского историка: «Есть глубинная тяга профессиональных историков к вымыслу. В головах историков реконструированная ими «история как она состоялась» имеет легитимность высшую, нежели отрывочные, неполные, а порой и откровенно тенденциозные «источники»... Они глубоко скептически по отношению к источникам. Они подвергают источники перекрестным допросам «с пристрастием», и если ответы не удовлетворяют их, не останавливаются перед тем, чтобы подвергнуть их откровенному насилию» (12, 519). Мы привели его в связи с необходимостью помнить о том, что «нарастающее на протяжении XX в. внимание к проблеме масс обусловило в том числе форми-

рование мнения, что функция идентификации, которую издавна выполняла история, теперь должна исполняться на уровне массовых представлений о прошлом. Этот дискурс подразумевает, что профессиональное историческое сообщество должно трудиться над производством не просто научного знания, но и массовой «исторической памяти» о прошлом. Историк тем самым оказывается включенным в создание альянсов «власти и памяти», «власти и забвения» (9, 55). Все это напоминает нам о мере ответственности историка и значении слова сказанного и слова написанного.

Вводя в научный обиход понятие «историописание», мы ограничиваем множественность смыслов термина «историография», проводя наименование новым словом один из этих смыслов. В некоторой степени историописание – слово-маркер, свидетельствующее об определенном состоянии нашей исторической науки и преобладающих ментальных установках в гуманитарном познании.

Список литературы

1. Бобкова М.С. *Западноевропейское историописание «эпохи катастроф»: Учебное пособие.* М., 2008.
2. Губин В.Д., Стрелков В.И. *Власть истории: Очерки по истории философии истории.* М., 2007.
3. Дербов Л.А. *Введение в изучение истории.* М., 1981.
4. Добренко Е. *Музей революции: советское кино и сталинский исторический нарратив.* М., 2008.
5. Ковальская С.И. *Причины современного национально-исторического мифотворчества// Национальные образы прошлого: Этническая доминанта в историографии и философии истории. Третьи Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории.* СПб., 2008.
6. Мегилл А. *Историческая эпистемология.* М., 2007.
7. Мозильницкий Б.Г. *Введение в методологию истории.* М., 1989.
8. Румянцева М.Ф. *Теория истории: Учебное пособие.* М., 2002.
9. Савельева И.М., Полетаев А.В. *Социальные представления о прошлом, или Знают ли американцы историю.* М., 2008.
10. Синяков С.В. *Ценности и проблема интерпретации в историческом познании// Национальные образы прошлого: Этническая доминанта в историографии и философии истории. Третьи Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории.* СПб., 2008.
11. Смоленский Н.И. *Теория и методология истории.* М., 2007.
12. Толочко А. *«История Российская» Василия Татищева: источники и известия.* М.; Киев, 2005.
13. Успенский Б.А. *История и семиотика: Восприятие времени как семиотическая проблема// Труды по знаковым системам.* (УЗ ТГУ; Вып. 831). Тарту, 1988.
14. Успенский Б.А. *Этюды о русской истории.* СПб., 2002.
15. Шенк Ф.Б. *Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263-2000).* М., 2007.
16. Эксле О.Г. *Культура, наука о культуре, историческая наука о культуре: размышления о повороте в сторону наук о культуре// Одиссей. Человек в истории.* 2003. М., 2003.

СЕКЦИЯ 1. ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

К.Б. Умбрашко

Новосибирский государственный педагогический
университет

КРИТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Основной чертой исторической науки в первой половине XIX в. становится историзм, постепенно утверждается идея внутренней обусловленности и закономерности исторического развития. «Принцип историзма, – писал Н.Л. Рубинштейн, – рассмотрение исторических явлений в процессе их возникновения и развития, сменяет прагматическое повествование и психологизм, сложившиеся на базе рационализма» (1, 198). Именно на базе историзма оформилось критическое направление в русской историографии.

В XIX в., «веке науки, истории и романа, историки упорно стремились разместить свою дисциплину во владениях науки» (2, 186), пытались утвердить специфику своего предмета, найти собственные исследовательские приемы и методы. Поэтому методология исторических исследований, несмотря на доминирование историографии и индивидуализации, попадала под влияние естественно-научного метода. «Естественнонаучному эксперименту, – отмечал философ XX в. М. Хайдеггер, – соответствует в историко-гуманитарных науках критика источников. Это название означает теперь весь комплекс разыскания, сопоставления, проверки, оценки, хранения и истолкования источников. Основанное на критике источников историческое объяснение, конечно, не сводит факты к законам и правилам. Однако оно не ограничивается и простым сообщением о фактах. В исторических науках, не меньше чем в естественных, метод имеет целью представить постоянное и сделать его предметом [изучения]. <...> Неповторимое, редкостное, простое, словом, великое в истории никогда не самопонятно и потому всегда необъяснимо. <...> При таком способе объяснения великое измеряется обычным и средним» (3, 45–46). Высказывание философа характеризует в первую очередь исследовательскую ситуацию XX в. Но подобные принципы стали осознаваться еще в XIX в., когда исторические исследования характеризовались отчетливо выраженным аналитическим, а не нарративным подходом. В сфере интересов историков попадали отношения между человеком, источником, обществом и средой применительно к прошлому.

Если в XVIII в. большинство историков обращались к источникам *bibentes et fugientes* (на бегу), то в XIX в., по мнению Б. Кроче, «ни один серьезный ученый не осмелился бы утверждать, что можно заниматься историей без тщательного, скрупулезного, дотошного изучения документов»; пришел конец взгляду на историю как на «повесть добродетели и прописных истин». Поэтому новый век, отмечал Кроче, заслужил славное имя века истории, которую он «обожествил и в то же время очеловечил как никогда прежде, которой присвоил центральную роль в жизни и мысли» (4, 167, 168). Один из векторов развития исторической мысли был направлен от роман-

тизма (история нужна самой истории) к позитивизму (историк должен доверять, а не оценивать факты). Задачей истории стала нейтрализация национальных или проблемных историографических традиций с помощью «мудрого скептицизма и агностицизма, избрав по отношению к ним позицию слушателя, не пропускающего ни одного выступления и внимательного ко всем» (4, 173–174).

Как писал Н.А. Бердяев, начало XIX в. было «эпохой разрыхления русской души», которая стала «восприимчивой ко всякого рода идеям, к духовным и социальным движениям»; это было время «универсализма, эпоха интерконфессиональных христианских объединений». Через наполеоновские войны Россия пришла в «непосредственное взаимодействие с Западом», формировалась «русская всечеловечность», характерная для XIX в. Русская мысль XIX в., по мнению Бердяева, была либо западнической, либо славянофильской. Решительным западником выступил П.Я. Чаадаев, его западничество было «криком патриотической боли». «Он был типичным русским человеком XIX века верхнего культурного слоя, – писал Н.А. Бердяев. – Его отрицание России, русской истории – типическое русское отрицание». Русская история представлялась ему, по словам Бердяева, «лишенной смысла и связи, не принадлежащей ни к Востоку, ни к Западу – отражение той потери культурного стиля и единства, которая характерна для Петровской эпохи» (15; 20; 22; 23; 24). На развитие русской исторической мысли и русской культуры XIX в. существенно повлияло творчество Ф.-В.-И. Шеллинга и Г.-В.-Ф. Гегеля, ставших, по выражению Бердяева, «почти русскими мыслителями».

Философии Шеллинга присущи элементы диалектики: понятия о единстве мира, о всеобщей связи явлений, о развитии как прогрессе, как борьбе противоположностей и умозрительный рационализм. Но закономерность понималась им как реализация абсолютной идеи, которая в самом начале обладала всей полнотой содержания и, не нуждаясь в развитии, раскрывается не в деятельности, а в познании. История человечества представлялась Шеллингу как «откровение абсолюта», Бога, движение к определенной им цели. «Это целенаправленное движение, – писала А.Е. Шикло, – он рассматривал лишь как тенденцию бесконечного развития к идеальному человеческому сообществу, полное достижение которого не представлялось возможным. Однако при этом ставились и временные, частные, реально достижимые задачи» (16, 58). В исторической науке эти идеи стали философским обоснованием романтизма, когда народный дух, обычаи, быт, фольклор, верования стали основой исторического исследования. Но шеллингианство значительно воздействовало и на критическое направление.

Но важнейшим фактором развития отечественной критического направления в первой половине XIX в. стало распространение идей Гегеля. Философ впервые последовательно попытался преодолеть разрыв в понимании взаимоотношения между миром идей и реальными фактами. Лекции по философии истории были прочитаны Гегелем в 1822–1823 гг. Всемирная история по Гегелю – это «не общие размышления о всемирной истории, которые мы вывели бы из нее и желали бы пояснить, приводя примеры, взятые из ее содержания, а сама всемирная история». В понимании Гегеля цели современной ему исторической науки отличаются от рационалистического подхода XVIII в. Он выделил три направления в историографии: первоначальная история (Геродот, Фукидид – историки, которые «описывали преимущественно протекавшие на их глазах деяния, события, состояния, причем сами они были проникнуты их духом и переносили в сферу духовных представлений то, что существовало вовне»); рефлексивная история (отказавшись от

взгляда на историю как на собрание нравоучительных примеров и утверждая единство исторического процесса, Гегель пришел к формулировке системного принципа исторического познания); философская история («Мы должны рассматривать историю в том виде, как она существует, мы должны производить наше исследование исторически, эмпирически». «Единственной мыслью, которую привносит с собой философия, – писал Гегель, – является та простая мысль разума, что разум господствует в мире, так что, следовательно, и всемирно-исторический процесс совершается разумно») (17; 57; 61–62; 64; 65). Такой подход не означал отрицания индивидуализирующего взгляда на историю. Философские идеи Гегеля в истории выступали как предпосылки познания, как непрерывный элемент исторического процесса, имеющий факторное значение по отношению к другим элементам и поэтому выполняющий системообразующую функцию.

В «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина вместе с политико-назидательной, художественно-литературной тенденцией, несомненно, присутствует критика источника и обоснование собственной позиции документальным материалом. Основной текст – литературное повествование; приложения – самостоятельные документальные примечания (Карамзин ввел в научный оборот большое количество исторических источников: новые летописные списки, например Ипатьевский свод; юридические памятники, например «Кормчую Книгу»; церковные уставы; Новгородскую Судную грамоту, Судебник Ивана III, «Стоглав»; литературные памятники, например, «Слово о полку Игореве»; записки иностранцев и др.).

В примечаниях историк не только воспроизводил источник, а следовал критическому методу А.-Л. Шлецера. Например, описывая призвание варягов (Т. 1), в основном тексте историограф назвал Гостомысла героем, «достойным бессмертия и славы в нашей истории», а в примечании 274 писал о легендарности летописного известия о Гостомысле: «Предание о Гостомысле сомнительно: в Несторовой летописи, в самой *Никонов*[ской летописи] и в *Степен*[ной] *Книге* нет о том ни слова» (5, 94, 240). Карамзин пытался объяснить смену политических форм, выявить движущие силы исторического развития, конкретные условия, которые определяли исторические изменения.

По мнению одного из ближайших современников, в своей критике он был «чистым шлецеристом, хотя иногда не соглашался с своим учителем в подробностях». Пока Шлецер «мог служить ему и материальным руководителем, он шел твердою ногою», но «скоро он увидел себя одного, в глухой и непроходимой чаще «удельного периода» (6, 109). Для исследователей российского прошлого методология Карамзина и его описание древней Руси сыграли огромную роль, поскольку, как считал А. Mazour, «поиск общего среди разных мнений – это лучший способ писания истории, принимая во внимание его исключительные права доступа к архивам в статусе официального историографа. Карамзин хотел дать русским историю которая будет очаровывать» (7, 83). Он отказался от просветительской трактовки феодализма и признавал за ним лишь политическую составляющую.

Именно благодаря Карамзину институировалась роль ученого-историка в русском обществе. В то же время, несмотря на проявившуюся в начале XIX в. некоторую определенность позиции профессионального историка, уточнение понимания предмета истории как научной дисциплины, определения «наука» и «научная история» оставались расплывчатыми. Историки России в общем набросали план современной концепции науки, в особенности исторической науки первой половины XIX в. и заняли определенное место в общественной иерархии,

но, по выражению А. Vucinich, их «триумфальное возвращение» относится только к соловьевскому периоду, т.е. к 1850-м годам (8, 335). Благодаря полемике, развернувшейся вокруг «Истории государства Российского», ставились основополагающие вопросы исторической науки. Должны ли историки быть простыми собирателями исторических фактов или теоретиками? Должна ли их работа иметь моральные функции, или во главу угла необходимо ставить истину саму по себе? Эти вопросы и неточность определения истории как науки создавали пространство для возникновения различных жанров и подходов к историческому изучению. Развитию и обнародованию разнообразных и порой интересных высказываний на эту тему способствовали периодические издания.

Хотя исследователи критиковали работу Карамзина за излишнюю литературность, за зависимость от источников и за следование источникам слишком бездумно, без критического взгляда, но там, где источники были скудны, Карамзин не украшал историю выдуманными сюжетами. Фактически именно он выдвинул тезис о постепенном историческом развитии России и показал, что культурный уровень периода становления общественных отношений мог быть не равным тому, что существовало в настоящем. Трудно не согласиться с мнением Joseph Black, что Карамзин стал «самым авторитетным человеком в русской истории до 1850-х гг.» (9, 133).

В начале XIX в. вопрос об исторических источниках, их выявлении, изучении и публикации зазвучал в полную силу. Был опубликован «Нестор» Шлецера – первый опыт научного критического издания П.В.Л. В 1804 г. создано «Московское общество истории и древностей российских», просуществовавшее до 1929 г. В 1815 г. начинается издание сборников исторических документов, актового материала «Русские достопамятности» под руководством К.Ф. Калайдовича (второй том вышел в свет в 1843 г.). С 1833 г. выходили «Ученые записки Московского университета». С 1846 г. выходили «Чтения в Московском обществе истории и древностей» под редакцией О.М. Бодянского. В 1805 г. открылось Казанское «Общество любителей отечественной словесности», в 1817 г. – Харьковское «Общество наук», в 1839 г. создано «Общество истории и древностей» в Одессе. Все эти общества издавали свои «Труды».

Среди изданий источников начала XIX в. отметим «Собрание государственных грамот и договоров»; публикацию П.М. Строевым «Софийского временника», которая отвечала принципам научного издания источников того времени. К этому периоду относится работа Археографической экспедиции (1829–1834) под руководством того же П.М. Строева, обследовавшей рукописные собрания Троице-Сергиевой лавры, Соловецкого монастыря, Софийского собора в Новгороде и др. В 1834 г. для изучения собранных материалов Археографическая экспедиция была преобразована в Археографическую комиссию при Министерстве народного просвещения (под председательством П.А. Ширинского-Шихматова). Началось издание «Полного собрания русских летописей» под руководством Я.И. Берендинова; «Актов исторических», «Дополнений к Актам историческим» и т.д.

Новый взгляд на исторические источники, вводимые в научный оборот, и стал одной из главных предпосылок формирования критического направления в русской историографии. Если для древней истории характерен недостаток источников, то новая история, напротив, «тяготеет» их обилием. «Подобное положение вещей, – писал В.С. Иконников, – как будто угрожает сделаться непреодолимым, когда, благодаря тиснению, количество книг с одной стороны увеличивается в ужасающем объеме, а с другой – дух сомнения, скептицизм, обращенный в

систему, решительно завладевает всеми ветвями знаний человеческих и станет верховным законом, последним словом разумения» (10, 25).

Одним из главных представителей критического направления стал И.Ф.Г. Эверс. Особое внимание он обратил на изучение источников по древней русской истории – договоров Руси с Византией X в. и Русской Правды. Исследовательский интерес к актовым законодательным источникам проявился еще в годы обучения в Геттингенском университете. В работе «Geschichte der Russen» («История руссов») Эверс писал: «Для моей цели (выявление внутренней стороны развития государства – К.У.) должен был я подолгу останавливаться на законах и договорах: на первых, так как они являются главным источником знаний о внутреннем состоянии народов; на вторых, потому что они свидетельствуют об основах их внешней деятельности». До этого, в 1814 г. были опубликованы его «Kritische Vorarbeiten zur Geschichte der Russen», где Эверс не только выступал последователем А.Л. Шлецера, но и высказал собственную теорию причерноморского происхождения Руси. Следует учитывать, что в еще более ранней работе 1808 г. «Vom Ursprunge des Russischen Staats» («О происхождении русского государства») историк отмечал, что русское государство на Ильмене «существовало и словом и делом до единодержавия Рюрика», с правления которого начинал русскую историю Шлецер. Призванные князья, по мнению Эверса, «застали здесь уже государство, ибо как иначе должно называться объединение, в котором жили эти народы, когда они имели самоуправление после изгнания варягов». Начальной точкой русской истории он считал 552 г. по Р.Х., когда о славянских народах впервые было упомянуто в источниках. В ранних работах Эверса прослеживается прямое влияние на его концепцию общей схемы русской истории Шлецера.

Работа «Das älteste Recht der Russen» («Древнейшее право руссов»), вместе с лекционным курсом «Политика» и философским трактатом «Рапсодические мысли о научном значении естественного права», оформила новые подходы к изучению истории (издана на немецком языке в 1826 г.). Схема Эверса выглядит следующим образом. Первоначально «в грубом естественном состоянии» существовало каждое семейство «само по себе», отец был «начальником своего потомства»; потомки создавали новые семьи и «род объемлет собою многие семейства», которые объединялись для защиты от внешних врагов, «в каждом из них отец есть господин», главой рода становился старший сын первого родоначальника; объединение родов приводило к образованию племени, главой которого становился старший сын от старшего сына родоначальника; «начальник племени <...> делается мало-помалу <...> могущественным князем. Но первоначальное семейственное отношение, основанное на самой природе, долго еще сохраняет свою силу» (11, 14). Первый период истории каждого народа виделся Эверсу как естественное развитие общественных форм от семьи, как самого простого союза, к народности, как более сложной общественной организации. Здесь во весь голос звучит идея исторической закономерности: поставлены проблемы семейного и родового строя, общественных отношений и государства как высшей формы общественного развития при влиянии философских идей Гегеля. Несмотря на ошибочность мнения, что патриархальная семья предшествует роду, в концепции историка появились принципиально новые моменты. Если в исторической науке XVIII в. государство было начальной фазой исторического процесса, поэтому в описаниях преобладала политическая история, то теперь мы видим убеждение исследователя в необходимости поиска законо-

мерностей исторического развития общественных форм и законодательства.

Историзм Эверса проявился в том, что он указывал: термин «закон», соответствующий современному понятию, изначально не существовал. «Закон <...> есть искусственное понятие, – писал Эверс, – для выражения коего древние языки и не имеют слова» (11, 5). Первоначально существовало лишь обычное право, традиция. Законы, по мнению историка, – это результат деятельности государства, которого в древности не было, и они стали возможны лишь после принятия христианства. Главной задачей историка, по мнению Эверса, должно стать выявление «внутренних оснований» жизни и быта людей в истории путем исследования юридических норм, принятых в данном обществе. Историк подчеркивал важность «народной деятельности», гражданского и государственного начал в истории, особо выделяя роль последнего.

Считая своим учителем Шлецера, Эверс тем не менее отмечал его теоретические ошибки, сомневаясь в возможности создания «очищенного» текста летописи. «Истинная история» не может, по его мнению, отвечать с точностью на важный вопрос, «пока не получит точку, с коей можно будет ей смотреть на происшествии того времени» (12, 56). Кроме того, в отличие от последующих изысканий «скептической школы», Эверс считал, что для реконструкции более ранних событий вполне можно привлекать поздние летописные сборники-своды, компиляции, несмотря на то, что «говоря вообще, это нехорошо». «Но, – продолжал историк, – в отношении к происшествию девятого столетия едва ли можно давать большое преимущество сказанию летописи тринадцатого, коей при том имеем мы новейшие списки, пред летописью 15-го столетия, тем более когда мы знаем, что сия летопись составлена из множества других теперь потерянных летописей» (12, 253–254).

«Русскую Правду» Эверс анализировал с известной долей осторожности, не преувеличивая законодательной деятельности Ярослава I. Первые законы, по его мнению, были неполными, случайными по своему составу. «Думали, что все статьи, кои в сей новейшей [Пространной] Правде не указывают именно на другого какого-нибудь законодателя, должны принадлежать древнейшему законодателю, Ярославу <...>. Так думать, составляет чрезвычайная краткость и неполнота Правды, предложенной в Новгородском летописце. Вероятно ли – говорит Карамзин (в И.Г.Р. Т. II. 347. прим. 65) – чтобы Ярослав не предписал еще никаких правил для наследства, столь важных и необходимых в гражданском обществе? И в Игорево время были уже на то законы в России. Но то, что сими словами обращается в опровержение древней Правды, не может ли с большою справедливостью служить доказательством ее подлинности, если только взять во внимание то, что здесь идет дело о первом письменном законе народа» (11, 302). В истории развития Русской Правды он выделял три последовательных этапа и впервые высказал идею, что Пространная Правда является не самостоятельным и единым законодательным памятником, не официальным законодательством, а итогом деятельности более поздних переписчиков, наметив тем самым, по замечанию М.Н. Тихомирова, «важнейшие вехи для дальнейшего изучения вопроса о происхождении Пространной Правды» (13, 10).

При изучении летописной традиции Эверс отмечал сложность и длительность истории начального русского летописания. «Трудолюбивый Эверс» был, по мнению Н.И. Надеждина, последователем Шлецера, но «простерся еще далее» и «отважился восстать против норманнского происхождения руси, которое после Шлецера получило каноническую несомненность». Свое производство

руссов от турков («ересь неслыханного сумасбродства») он доказывал текстами Нестора, значит, «точка отправления, метода и дух критики остались те же, шлецеровские» (6, 108). Как справедливо считал В.И. Буганов, Эверс «высказывает мысль о том, что сохранившиеся списки Начальной летописи передают ее текст (причем, возможно, не первоначальный, а сокращенный, переделанный) по-разному, что их необходимо критически сравнивать между собой, что в основе позднейших компиляций могут лежать древние тексты, памятники». Еще один ценный вывод – о сосуществовании параллельных летописных традиций в древней Руси. Именно поэтому «в целом взгляды Эверса представляют собой значительный шаг вперед в изучении русских летописей» (14, 9).

Эверс отказался от просветительской интерпретации феодализма на Руси, основанной на аналогии и сравнительно-историческом анализе. Новое критическое направление обратилось к поиску факторов, определяющих историческое развитие народов. Древнюю историю до призвания Рюрика историк в своих поздних работах называл «сумраком старобытных времен Отечества», «грубым естественным состоянием» общества. Государство, по его мнению, стало результатом длительного закономерного развития общественных отношений у восточных славян.

В конкретных исторических исследованиях ставилась проблема изучения «гражданского быта», истории западноевропейского феодализма (Guizot. *Essais sur l'histoire de France*); познания исторических событий «так, как они действительно происходили» (критическое направление в развитии источниковедения – Нибур, Ранке); понимание средневековья как источника современного исторического развития (Шлегель, Шатобриан).

Список литературы

1. Рубинштейн Н.Л. *Русская историография*. М., 1941.
2. Мило Д. *За экспериментальную, или веселую, историю // THESIS*. 1994. Вып. 5.
3. Хайдеггер М. *Время и бытие*. М., 1993.
4. Кроче Б. *Теория и история историографии*. М., 1998.
5. Карамзин Н.М. *История государства Российского в 12-ти томах*. М., 1989. Т. 1.
6. Надеждин Н.И. *Об исторических трудах в России // Библиотека для чтения*. 1837. Т. XX. № 2. Отд. III.
7. Mazour Anatoly G. *The First Russian Revolution, 1825*. Stanford, 1964.
8. Vucinich A. *Science in Russian Culture. Vol. 1: A History to 1860*. Stanford, 1963.
9. Black Joseph L. *Nicholas Karamzin and Russian Society in the Nineteenth Century*. Toronto, 1975.
10. Иконников В.С. *Опыт русской историографии*. Киев, 1891. Т. 1. Кн. 1.
11. Эверс И.Ф. *Древнейшее русское право в историческом его раскрытии*. СПб., 1835.
12. Эверс И.Ф.Г. *Предварительные критические исследования Густава Эверса для российской истории*. М., 1825. Ч. I–II.
13. Тихомиров М.Н. *Исследование о «Русской Правде»: Происхождение текстов*. М.; Л., 1941.
14. Буганов В.И. *Отечественная историография русского летописания*. М., 1975.
15. Бердяев Н.А. *Истоки и смысл русского коммунизма*. М., 1990.
16. Шикло А.Е. *Исторические взгляды Н.А. Полевого*. М., 1981.
17. Гегель Г.В.Ф. *Лекции по философии истории*. СПб., 1993.

К.Ю. Кладова
Курганская государственная
сельскохозяйственная академия имени
Т.С. Мальцева

СПЕЦИФИКА ОТОБРАЖЕНИЯ РЕАЛЬНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ТВОРЧЕСТВЕ: АНАЛИЗ ЖАНРОВ И НАПРАВЛЕНИЙ ЖИВОПИСИ

Отражение «жизненной правды» в искусстве является одним из ключевых, дискуссионных и неоднозначных вопросов эстетики. Различные художественные направления пытались решить его по-своему, выдвигая на первый план те или иные творческие задачи. При изучении данной проблемы интересы истории и искусствознания в целом совпадают, поэтому основываться на материалах исследователей художественного творчества возможно, рассматривая их в контексте источниковедческого анализа.

В работе В.И. Жуковского и Д.В. Пивоварова содержится утверждение о том, что в изобразительном искусстве «в зависимости от того, какая сущность подлежит воплощению – природного объекта или духовной реальности личности, – на первый план выступает либо изобразительная (имитационная), либо выразительная (экспрессионная) тенденции» (6, 149). Изображение и выражение теснейшим образом между собой связаны. Происходит взаимодействие окружающего мира и человеческой индивидуальности, особенности которого зависят от того, что для автора является приоритетным – изображение реальных предметов или отражение особенностей собственного миропонимания.

В этой связи рассматривать живопись как носитель исторической информации исследователь должен в неразрывной связи с направлением изобразительного искусства, к которому принадлежал автор в момент создания произведения. Каждое из направлений заключает собственное отношение к творчеству в целом, к целям и предмету искусства, разрабатывает художественные методы и т.д. Остановимся подробнее на характеристике некоторых направлений изобразительного искусства.

«Искусство... это вовсе не пересказ с природы. Это преображенная действительность, для создания которой реальный мир является необходимым стимулом и неиссякаемой кладовой» (12, 108). Однако существуют и принципиально иные точки зрения на художественное творчество, его цели и задачи.

Натурализм, сложившийся в последней трети XIX века под влиянием философии позитивизма, стремился к максимально объективному воспроизведению наблюдаемой действительности. Как художественный метод натурализм выражается в копировании реальности без ее обобщения и оценки, в стремлении к достоверности, «фотографичности» в изображении. Например, французский художник XIX века П. Деларош в своих картинах стремился к точной передаче костюмов исторических персонажей и бытовых деталей. В его произведении «Кромвель у гроба Карла I» (1849 г.) изображено событие периода гражданской войны в Англии – Оливер Кромвель, открывший крышку гроба казненного Карла I. Вполне достоверно показаны обстановка (простой, ничем не украшенный гроб), одежда Кромвеля (обычный костюм кавалерийского офицера), его лицо, не выражающее особой радости, напряженное из-за мыслей о предстоящей борьбе с более опасными врагами. Необходимо учитывать и

тот факт, что художник не был очевидцем или даже современником события и писал картину, опираясь на имеющиеся источники. Точность некоторых деталей вполне можно пренебречь (например, в какой части комнаты располагался гроб, какой рукой Кромвель его открывал и т.п.), т.к. ущерба общей достоверности произведения они не наносят. Как бы ни оценивали натурализм искусствоведы, для историка эти произведения, несомненно, ценны. Сегодня это направление в прошлом, но его метод остается актуальным до сих пор. Сложно говорить о передаче натурализмом глубинного смысла явления, но достоверное изображение предметов, та самая натуралистичность представляет интерес.

Модернизм, включающий такие направления, как символизм, фовизм, кубизм, абстрактное искусство, дадаизм, сюрреализм и др., провозглашал разрыв с историческим опытом художественного творчества, принципиально новые начала искусства. Здесь акценты резко смещаются в сторону субъективного авторского видения мира как основы творчества. Так, например, крупнейший представитель сюрреализма С. Дали, называя свой метод «параноидально-критическим», писал: «свою задачу в живописи я вижу в том, чтобы с властной силой и точностью материализовать образы, порождаемые конкретной иррациональностью» (4, 16). В таком случае извлечение исторической информации представляется крайне затруднительным или невозможным вообще, несмотря на бесспорную художественную значимость этих произведений искусства; вероятно, они могут служить ценным материалом для исследований психологов и философов при изучении особенностей личности автора. С. Дали был современником трагических событий в Испании второй половины 30-х гг. XX века, и его, великого художника, человека мыслящего, не могла не затронуть тема судьбы своей Родины. Действительно, в его творчестве это нашло отражение (например, картина «Предвидение гражданской войны в Испании» (1936 г.)). Чрезвычайно затруднительно интерпретировать данное произведение, тем более с исторической точки зрения. Сам автор пишет об этом так: «меня ничуть не удивляет, когда мои друзья, недруги и публика в целом утверждают, что они не понимают образов, возникающих в моем воображении, которые я перевожу на язык своих картин. Как они могут понять их, когда я сам «производящий» эти образы, не понимаю их?» (4, 16). «Предвидение гражданской войны в Испании» - пример того, когда извлечь историческую информацию бывает невозможно. В то же время нельзя говорить о модернизме в целом, опираясь на творчество только сюрреалистов.

Одним из приверженцев идеи совершенной деформации реальных форм предметов был Пабло Пикассо, который наряду с Ж. Браком считается родоначальником кубизма. В творчестве Пикассо нашли отражение многие тенденции искусства XX века. Испанец по происхождению, он почти всю свою жизнь прожил во Франции. Со второй половины 30-х годов в работах Пикассо все сильнее чувствуется влияние современных ему событий. Он становится участником Народного фронта во Франции. В годы Второй мировой войны художник остается на оккупированной территории, принимает участие в Сопротивлении и становится членом Коммунистической партии Франции. Знание этих аспектов биографии автора помогает исследователю в понимании смысла его работ. Самым значительным произведением Пикассо многие искусствоведы называют картину «Герника» (1937 г.). Рассматривать ее как носитель исторической информации невозможно без знания обстоятельств создания этого изобразительного источника. Город Герника – исторический центр басков, подвергнутый бомбардировке не-

мецкой авиацией 26 апреля 1937 года, вследствие бомбардировки возник пожар, который уничтожил большую часть строений. Этот авианалет вызвал широкий общественный резонанс как в самой Испании, так и за ее пределами. Около месяца понадобилось Пикассо, находящемуся в это время во Франции, чтобы создать огромную по размерам картину (3,5 метра в высоту и около 8 метров в длину). Центральные образы – бык, убитая лошадь, всадник, мать с мертвым ребенком на руках и женщина с лампой. Несмотря на условность форм, искаженность предметов, глядя на «Гернику», создается поразительное ощущение реальности происходящего. По словам Н.А. Дмитриевой, «она заведомо исключала всякий местный колорит, локальную конкретность. Она должна была быть символической, общечеловеческой, вневременной. Ее современность заключалась не в признаках места и действия, а в том особом ощущении пароксизма, кризиса, которое предостерегающе живет в сознании людей XX века, начинающих чувствовать, что мир подошел к грани, за которой не будет спасения, если ее перешагнуть. «Герника» – действительно поэма нового Апокалипсиса» (5, 85). Одни исследователи видят в образе быка олицетворение фашизма, другие – неведение, глухоту и слепоту, ссылаясь на самого Пикассо, который говорил о том, что бык – не фашизм, бык – тупая косность. Важно проследить, как было оценено произведение современниками и последующими поколениями. Первые отзывы о картине были далеко не однозначны: от именованья ее «пропагандистским документом» до признания носителем антифашистских, антивоенных идеалов. Можно говорить о том, что «Герника» посвящена не только и не столько событиям 26 апреля 1937 года. В ней усматривают своего рода авторское предвидение всех последующих кровавых событий XX века. Проблемы, взволновавшие Пикассо в то время, остаются актуальными до сих пор, в этой связи картина может выступать в качестве источника по изучению общественного мнения.

Импрессионизм (последняя треть XIX – начало XX вв.) утверждает красоту повседневной жизни в ее естественности и изменчивости. Художник творил, повинуюсь впечатлению, стремясь уловить самую суть, неповторимый характер предмета. Например, на картине О. Ренуара «Новый мост в Париже» (1872 г.) запечатлена сцена повседневной жизни горожан. Этот мост – один из старейших во французской столице – является излюбленным местом прогулок парижан. Ренуар писал картину с натуры, находясь у окна кафе на правом берегу Сены. Интересен с точки зрения достоверности изображаемых событий рассказ очевидца творческого процесса (брата Ренуара) Дж. Ревалду: «Толпу у залитого солнцем Понт-Неф он писал, стоя у окна на втором этаже маленького кафе, расположенного напротив моста. Его брату Эдмону было поручено останавливать на несколько минут прохожих и тем самым заставлять их «позировать». Пока Эдмон Ренуар спрашивал у какого-нибудь господина, который час, а у какой-нибудь дамы – как пройти на такую-то и такую-то улицу, собирая у прохожих совершенно ненужные ему сведения, художник имел время набросать фигуру этого человека. И благодаря этой непринужденности, в картине Ренуара сохранялась жизнерадостная оживленность данного момента» (9). Обстоятельства создания произведения в этом случае помогают исследователю в решении вопроса о достоверности изображаемого явления. Мост, дома, экипажи написаны с натуры, к тому же художник предпринял необходимые меры, чтобы запечатлеть реальный облик множества находящихся в движении людей. Слева на картине изображены дома на набережной Часов, справа – улица Дофин, у начала которой виднеется памятник Генриху IV. Но сейчас

этот памятник увидеть с правого берега Сены невозможно - площадь со всех сторон окружают деревья. У моста, со стороны реки, видны купальные мостки, характерные для Парижа второй половины XIX века. В данном произведении изобразительного искусства автор, опираясь на собственные наблюдения, вполне достоверно запечатлел облик города и горожан, как бы передавая зрителям характер одного из обычных, ничем не примечательных, парижских дней.

Одним из ведущих направлений и методов в искусстве является реализм. Существуют различные точки зрения по вопросу о его хронологических границах, нет среди исследователей единого мнения и в отношении объема и содержания этого понятия. В широком смысле под реализмом понимается правдивое, объективное отражение действительности. Зарождение его как направления относят либо к эпохе Возрождения, либо к XVIII веку; существует и мнение, что реализм в искусстве присутствовал всегда, своеобразный для каждой эпохи. XIX век – время расцвета критического реализма, в XX веке появляется реализм социалистический, трактующий явления с позиций марксизма-ленинизма. В советской эстетике проблематике реализма уделялось важнейшее место, т.к. предметом искусства выступал объективный мир. Реалистическому методу присуще глубокое проникновение в сущность жизненных явлений: объективное отражение важнейших сторон явления сочетается с верной авторской оценкой.

Сам термин «реализм» появился во Франции в середине XIX века применительно к художественным тенденциям XVII-XIX веков. Для этого периода характерно обращение к сюжетам повседневной жизни людей. Интерес к современным общественным событиям проявляется и в искусстве классицизма (Ж.Л. Давид). Особое место в становлении реалистического метода занимает творчество Ф. Гойи, ставшего одним из основоположников обличительного искусства XIX века. В России в первой половине XIX века реалистические тенденции характерны для портретов К.П. Брюллова, О.А. Кипренского, В.А. Тропинина, произведениям на темы крестьянского быта А.Г. Венецианова, пейзажам С.Ф. Щедрина. Сознательное следование принципам реализма присуще творчеству А.А. Иванова.

Крупнейшим представителем демократического реализма в середине XIX века был Г. Курбе, это направление, проявилось в работах Ж.Ф. Милле, Э. Мане, О. Родена и др., в России его родоначальником считается П.А. Федотов.

Утверждение реализма в русском искусстве второй половины XIX века связано с подъемом демократической общественной мысли. Передвижники (В.Г. Перов, И.Н. Крамской, И.Е. Репин, В.И. Суриков, Н.Н. Ге, И.И. Шишкин, А.К. Саврасов, И.И. Левитан и др.) окончательно закрепили позиции реализма.

Концепцию социалистического реализма как нельзя полно выражают слова А.Т. Ягдовской: «живопись... может глубоко и выразительно рассказать о самых сложных и тонких отношениях между людьми, обрисовать судьбу человека в окружающем обществе, то есть изобразить те стороны жизни и бытия людей, которые обусловлены их социальным положением, характером политических и экономических условий страны и эпохи, переданных художником на холсте. Обращаясь к современной ему действительности, художник истолковывает события и характеры своих героев так, что они предстают перед нами не только как определенные индивидуальности, но и как типическое явление той или иной среды, того или иного времени» (13, 41). Так, например, характерны сюжеты картин 1960-х годов: «Ремонтники», «Хозяева земли», «Полярники», «Строители Братской ГЭС»,

«Трактористы» - названия говорят сами за себя. Весьма показательна точка зрения В. Турбина, писавшего в то время, что «в наследии признанных художников-«психологов» не искусство воспроизводить внутренний мир человека составляет сегодня основное, насущное, необходимое... измерять нравственность человека» можно «прежде всего степенью его участия в коллективном производстве» (Цит. по: 14, 7). Эти образы действительно передают атмосферу той эпохи: колоссальные стройки, массовое стремление развивать промышленность, сельское хозяйство, дух коллективизма, чувство ответственности за будущее страны и сопричастности каждого человека к построению этого будущего – все это точно отражено художниками. Многие советские люди, если и не были такими героями (мужественными, непоколебимыми борцами за построение «светлого будущего»), то, несомненно, стремились ими стать. Как отмечает А.Т. Ягдовская, «волевая героическая личность, образ которой так привлекал живописцев, писателей и режиссеров, предстала перед читателем и зрителем как носитель лучшего в человеке, как «соль земли». Яркая, неповторимая индивидуальность целинников, плотогонов, полярников всегда предполагала понятие «мы». Они олицетворяли собой множество безымянных людей, деятельность которых была направлена на пользу и благо другим, всем. Они несли в себе, защищали и отстаивали правду. Правдивым должно было быть и само их изображение» (14, 10). Художники писали своих героев с натуры, особо подчеркивалась значимость бытовых деталей. Причем немногочисленные предметы – орудия трудовой деятельности - лишь дополняют основной замысел картины.

«В эту пору художник не принадлежал самому себе, его творческий дар словно бы экспроприировался в пользу народа и государства» (15, 127). Трудовой героизм, готовность действовать решительно, не щадя собственных сил, готовых осваивать целину, строить, не задумываясь о жизненных благах, неизменно преодолевая трудности, свидетельствовали об особом мировосприятии, свойственном людям тех лет. Все они, в том числе и деятели искусства, пережили Великую Отечественную войну, тяжелейший период послевоенной разрухи. По словам исследователей, художники «пытались взглянуть на свою судьбу как на судьбу поколения, увидеть ее как целое, в котором индивидуальный жизненный путь неотделим от путей Истории» (14, 25).

При исследовании произведений различных жанров и направлений необходимо учитывать как общие черты, присущие живописи в целом, так и специфику каждого из них, без чего верная интерпретация заключенной в изобразительных источниках информации едва ли возможна.

Существуют несколько основных жанров живописи, определяемые в соответствии с предметом изображения:

1. Исторический.
2. Бытовой.
3. Портрет.
4. Пейзаж.
5. Натюрморт.
6. Интерьер.

К тому же необходимо учитывать, что жанры также подразделяются на виды. Например, портрет в зависимости от своего назначения может быть парадным, камерным, интимным и т.д., приобретать форму шаржа или карикатуры, соответственно, каждый из этих видов имеет свои информационные особенности.

Историческая живопись «призвана воссоздавать образы людей, нравы и события далекого прошлого и делать это с такой наглядностью, как если бы художник сам жил в эту эпоху» (8, 5). Отсюда следует, что автор стре-

мится к достоверному отражению изображаемого события. Достоверность здесь понимается как возможность уловить дух времени, воссоздание с помощью образов характера эпохи. Но нужно отметить, что художники, обращаясь к историческому жанру, в основном, создают произведения, не будучи участниками или современниками изображаемых ими событий. Поэтому в процессе своей работы они изучают источники интересующего периода, публикации историков - все, что может помочь в осмыслении исторической эпохи и судеб отдельных личностей.

В то же время автор, изображающий события давно минувших дней, остается представителем своего времени, что не может не отразиться в его произведениях.

На картине В.И. Сурикова «Меншиков в Березове» изображены А.Д. Меншиков и его трое детей в недостроенной, холодной избе. На полу шкура белого медведя, что дополнительно характеризует место ссылки. А.Д. Меншиков и его дети вели домашнее хозяйство. Отраженная в картине обстановка крайней бедности соответствовала реальному положению дел Меншиковых в Березове.

Интерьер избы резко контрастирует с изысканной одеждой ее обитателей - с первого взгляда чувствуется, что эти люди из «другого мира». Лишь отец семейства предстает в простом овчинном тулупе, сибирских сапогах из оленьего меха, которые любил носить Петр I. Одежда смотрится на Светлейшем довольно естественно - этим автор, возможно, хотел подчеркнуть происхождение А.Д. Меншикова. Но величавая осанка князя свидетельствует о былом могуществе. Художник знал, что Меншиков в ссылке отпустил бороду, но счел необходимым пренебречь этой деталью, подчеркнув, что перед нами соратник Петра Великого. Фигура князя огромна в сравнении с размерами избы, таким образом, вероятно, автор подчеркивает значимость, масштаб личности А.Д. Меншикова в истории.

Исторические картины могут быть рассмотрены и как историографический источник. Их можно назвать итогами размышлений автора о событиях прошлого и настоящего. Художник не просто изобразил одну сцену из быта сосланных Меншиковых, но выразил через трагедию одной семьи глубокие противоречия петровских реформ.

Бытовой жанр представляет особый интерес исследователя повседневности. Иллюстрируя его значение, обратимся к творчеству французского живописца XIX века Эдуарда Мане, признанного мастера бытовых сюжетов. Для художника источником вдохновения служила современность: повседневная жизнь французов, бытовые мелочи, без которых нельзя представить человеческую жизнь, - все то, что Мане видел, понимал и любил.

На картине «Музыка в Тюильри» (1862 г.) изображен сад, расположенный в самом центре столицы, своего рода салон под открытым небом, где дважды в неделю проходили концерты, привлекавшие весь столичный свет. В период работы над картиной художник делал наброски в своем блокноте, а иногда брал с собой холст и писал с натуры в саду Тюильри. Картина представляет большой интерес с точки зрения истории моды. Здесь представлены образцы мужского, женского, детского костюмов и аксессуаров к ним. В центре полотна на переднем плане изображены две девочки, играющие с миниатюрными ведерками и ложкой, что свидетельствует о существовании в середине XIX в. детской посуды и связанных с ней игр.

Картина «Музыка в Тюильри» - несомненно, достоверный исторический источник, содержащий ценную информацию по истории французской моды и детских игр конца 50-х гг. XIX века. Кроме того, картина передает нам самую атмосферу той праздности, в которой проводил свое время парижский свет весной 1860 года.

В качестве сюжета картины «Нана» (1877 г.) Эдуард Мане выбрал сцену из жизни дорожной кокетки, так называемой дамы полусвета. Женщины подобного поведения, разумеется, существовали во всех странах и во все времена, однако именно Париж XIX века стал особым городом чувственных удовольствий. Именно в это время появляются «дамы полусвета», с одной из них - Мери Лоран - Мане познакомился в 1876 г., их дружба длилась до самой смерти художника. Но для картины «Нана» позировала другая известная куртизанка того времени - Генриетта Хаузер, любовница принца Оранского.

Мане изобразил один из типичных эпизодов быта кокетки: полуобнаженная женщина вертится перед зеркалом, не стесняясь присутствия любовника - солидного мужчины в парадном костюме.

Сюжет шокировал зрителей, публика сочла картину аморальной. Подобная реакция тоже представляет интерес. Несмотря на широкое распространение проституции в Париже, проникновение ее во все слои населения, общественность резко критиковала не столько сам факт подобного поведения женщин или мужчин, сколько появление таких сюжетов в живописи и литературе.

Таким образом, картина «Нана» содержит информацию по истории костюма и интерьера, и главное - дает возможность увидеть фрагмент истории нравов парижского общества, узнать то, о чем не принято было говорить в свете, что встречало резкую критику со стороны общественности.

Летом 1879 года Эдуард Мане в ресторанчике Латюиля работает над своей новой картиной. Сюжетом вновь послужила одна из повседневных парижских сцен: юноша и девушка, сидящие за столиком. Эдуард Мане проводил сеансы непосредственно в ресторане, всегда предпочитая писать с натуры, что свидетельствует о достоверном изображении не только пары за столиком, но и окружающей их обстановки. В картине «У папаши Латюиля» запечатлено мгновение одного из обычных, ничем не примечательных дней этого парижского ресторанчика. Сама атмосфера ресторана Латюиля в некоторой степени позволяет представить характер времяпрепровождения парижан, отчасти увидеть интерьер одного из изысканных в то время столичных ресторанов, сервировку стола, униформу официанта, мужской и женский городские костюмы конца 70-х гг. XIX века.

Трудно представить какую-либо биографическую справку без наличия портрета характеризуемой персоны. Важнейшим критерием считается сходство изображения с оригиналом, которое достигается не только верной передачей внешних черт модели, но и раскрытием духовных качеств личности. Специфическим жанром портрета выступает автопортрет, в котором художник дает оценку собственной личности, своему творчеству. Портрет может заключать в себе информацию не только о внешнем облике конкретного человека, но и об авторском к нему отношении, а также выступать «барометром этики своего времени» (11, 10), выражая представления о человеке в целом в ту или иную эпоху. Центральной проблемой данного жанра является вопрос о сходстве в портрете. Как отмечает Л.С. Зингер, «запечатлеть изображаемого человека таким, каков он есть, не значит внешне скопировать его. Необходимо передать его сущность. При этом совершенно обязательно исчерпывающе раскрыть его все без исключения характерные черты... для достижения сходства достаточно раскрыть лишь некоторые черты оригинала, но зато существеннейшие, главные, определяющие. Бывает даже, что портретист извлекает из оригинала только одну, доминирующую черту и добивается поразительного сходства» (7, 38).

Например, очерки о жизни и творчестве М.П. Мусор-

гского неизменно сопровождаются портретом кисти И. Репина. Художник писал его в Николаевском военном госпитале всего за четыре дня до смерти композитора. И. Грабарь пишет: «из всех, знавших Мусоргского, не было никого, кто не остался бы в восторге от этого портрета, - так он жизненен, так он похож, так он верно и просто передает всю натуру, весь характер, весь внешний облик Мусоргского» (3, 200). Большинство исследователей утверждают в качестве основной задачи портрета не только передачу внешнего сходства, но и выражение масштаба личности, человеческой индивидуальности.

Пейзаж также может выступать своего рода историческим документом. Природа различных уголков земного шара представлена в работах художников (так, благодаря Констебллу перед нами предстают сельские пейзажи Англии XIX века, а природу Армении запечатлел в своих произведениях М. Сарьян). Кроме того, произведения этого жанра позволяют увидеть местечки, поселки, исчезнувшие под натиском урбанизации (например, Подмосковье XIX века). Городские пейзажи воссоздают перед зрителем облик Венеции XVIII века, Парижа конца XIX или, к примеру, Москвы середины прошлого столетия.

Натюрморт – изображение окружающих человека вещей, размещенных в основном в реальной бытовой среде и организованных в единую композиционную группу. Это могут быть предметы домашней утвари (столовые приборы, посуда), а также личные вещи, цветы, продукты питания и многое другое. Натюрморт может иметь самостоятельное значение или быть составной частью картины. Здесь предметы как правило представлены предельно достоверно, что вызывает большой интерес с исторической точки зрения. Вещи, изображенные в натюрмортах, ценны для изучения истории материальной культуры, культуры повседневности, это могут быть личные предметы исторического деятеля. Разнообразные блюда, мясо, овощи и фрукты – источник по истории питания.

Вещи способны характеризовать владельца, с их помощью мы можем определить его социальное и материальное положение, профессию, пристрастия, вкус, привычки. «Предмет быта, согретый теплотой повседневного общения с людьми, позволяет прикоснуться к их жизни более осязательно и интимно, чем это возможно в развинутой сюжетной картине. Если же этот быт отдален от нас пространством континентов или столетиями, вещь может выступить и в своем историческом качестве: она уже документ времени» (2, 5). Так, в России в эпоху петровских преобразований появляется масса новых необычных для русского человека того времени вещей. Среди них – курительная трубка, изображенная в работе художника начала XVIII века (портрет «Неизвестного с трубкой»).

Исследователь русского натюрморта Ю. Герчук, говоря об атмосфере, присущей картинам петровского и послепетровского времени, отмечает, что «эти скромные натюрморты – настоящие окна в живой быт русских людей XVIII века – и не в парадные залы дворцов, а в скромные жилые комнатки, в мир «вседневного» будничного существования» (2, 12).

Например, «Натюрморт с картиной и книгами» (1737 г.) художника XVIII века Т. Ульянова предоставляет человеку XXI века возможность увидеть вещи, возраст которых превышает два столетия: книги с застевками на переплетях; чернильницу; подсвечник; расшитое узорами полотенец; картину в скромной раме; ключ; конверт, скрепленный сургучной печатью; брошюру (календарь); ножницы и расческу. Эти предметы создавали и использовали в своей жизни люди XVIII века. Оригиналы их представлены в музеях, а подобные изобразительные «копии» хранят произведения живописи.

Жанр интерьера можно определить как изображе-

ние внутреннего пространства помещения. Это могут быть комнаты дворцов, помещения государственных и иных учреждений, крестьянские избы и др. Обращаясь к изучению жизни и быта людей того или иного сословия в различные эпохи, исследователю важно знать ту обстановку, что их окружала. Интерьер комнаты может многое рассказать о ее владельце (например, о положении в обществе, вкусе или индивидуальных пристрастиях). В XVII-XIX веках, в эпоху расцвета интерьера как жанра, «складывается тип «среды-портрета»... красноречиво повествующей о своем хозяине в его отсутствие» (10, 5). Так, ощущение прикосновения к творческому процессу дает картина Н.Т. Богацкого «Мастерская художника» (1862 г.): в центре изображена небольшая фигурка в открытом ящике на веревке – это модель будущей скульптуры. Художник, приподнимая или опуская ящик с такой фигуркой, мог варьировать ее положение, обдумывая световую ситуацию, неподалеку находится и сама статуя в натуральную величину.

Обстановка, в которой люди жили, работали или просто проводили время, – весьма интересный и ценный материал с исторической точки зрения. Например, полотно К.Н. Зиминой «Интерьер библиотеки Академии художеств в Петербурге» (1860 г.) дает возможность увидеть читальный зал XIX века, а представить Оружейную палату 1840-х годов мы можем в том числе и благодаря произведению Н.А. Бурдина.

Таким образом, выявляя информационный потенциал картины, исследователь должен прежде всего определить жанровую принадлежность произведения и направление, в рамках которого оно создавалось. При работе с изоматериалами исследователю необходимо учитывать, что для произведений живописи характерен авторский отбор изображаемого, художник не ставит своей целью передать все, что способно уловить зрение, но это не воспринимается как искажение реальности, т.к. при этом отборе делается акцент на лучшее отображение некоторых элементов, представляющихся автору наиболее важными в изображаемом.

Кроме того, важно понять, что для художника являлось приоритетным – изображение реальных предметов или же выражение особенностей собственного мировосприятия, что необходимо для выяснения характера заложенной в произведении информации – сведения, заключенные в изоисточнике, могут быть интересны и ценны для психологов или философов, но не имеют принципиального значения с исторической точки зрения.

Вопрос об отражении «жизненной правды» остается нерешенным до сих пор. «...Жизненная правда и жизненная сущность... взаимно связаны: совершенно невозможно быть в живописи жизненно правдивым, убедительным, реалистическим, если в ее основе не лежит какая-то вдохновляющая и определяющая ее художественную форму истина сущности» (1, 408). Однако каждое из множества направлений и методов изобразительного искусства имеет собственный взгляд на отражение этой сущности в художественном творчестве. Так, натурализм видит свою задачу в предельно точном копировании всех деталей, реализм утверждает правду обобщения и выразительности, некоторые направления вообще отрицают предметность. Зная эти особенности, можно в общих чертах представить характер информации, заключенной в картине. Исследователю при работе с изобразительными материалами важно учитывать направление, в рамках которого создано произведение, для его интерпретации и решения проблемы достоверности изоисточника.

Список литературы

1. Гартман Н. Эстетика. Киев. 2004.

2. Герчук Ю. *Живые вещи*. М., 1977.
3. Грабарь И. *Портреты Репина эпохи расцвета // Искусство: Живопись. Скульптура. Графика: В 3-х ч. Ч. 3. Русское искусство. Советское искусство / Сост. М.В. Алпатов, Н.Н. Ростовцев. М., 1989.*
4. Дали С. *Мои сильные стороны // Сальвадор Дали. М., 1992.*
5. Дмитриева Н.А. *Пикассо. М., 1971.*
6. Жуковский В.И., Пивоваров Д.В. *Зримая сущность (визуальное мышление в изобразительном искусстве)*. Свердловск, 1991.
7. Зингер Л.С. *Очерки теории и истории портрета. М., 1986.*
8. Кеменов В.С. В.И.Суриков. *Историческая живопись 1870 - 1890. М., 1987.*
9. Ревад Д. *История импрессионизма. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Revald/index.php*
10. Соколов М.Н. *Интерьер в зеркале живописи. М., 1986.*
11. Стасевич В.Н. *Искусство портрета. М., 1972.*
12. Стасевич В.Н. *Пейзаж. Картина и действительность. М., 1978.*
13. Ягодковская А.Т. *О живописи. М., 1962.*
14. Ягодковская А.Т. *От реальности к образу. М., 1985.*
15. Янковская Г. *Книжный идеал художника и живописцы позднего сталинизма // Историк и художник. 2005. №1.*

И.Б. Гоголев

Курганский пограничный институт ФСБ России

ИСТОРИЯ ФЕОДАЛИЗМА В РАБОТАХ Н.П. ПАВЛОВА-СИЛЬВАНСКОГО

Ярким представителем либеральной историографии конца XIX - начала XX вв., отличавшимся своими демократическими взглядами и самостоятельностью в решении важнейших вопросов отечественной истории, безусловно, был Николай Павлович Павлов-Сильванский (1869-1908 гг.).

Главным делом всей своей научной деятельности Н.П. Павлов-Сильванский считал работу над социальным строем Руси, над русским феодализмом. Разработку ее он начал со статьи «Закладничество-патронат», которая появилась в 1897 году (1). Затем в «Журнале Министерства народного просвещения» были напечатаны в 1900-1902 гг. три статьи: «Иммунитет в удельной Руси», «Феодальные отношения в удельной Руси» и «Новое объяснение закладничества» (2,3,4). В 1907 году вышла книга «Феодализм в древней Руси» (7). Эти изыскания внесли новую теорию в отечественную историографию.

Итоговым в истории русского феодализма явился его научный труд «Феодализм в удельной Руси», который был завершен другом Н.П. Павлова-Сильванского А.Е. Пресняковым, разделяющим убеждения автора.

Он закончил исследование по рукописным материалам и наброскам и написал свое предисловие. Монография вышла в 1910 году, уже после смерти Николая Павловича (5). В ней исследователь рассматривает правовую сторону феодализма - феодальные институты, юридические нормы. Он определяет феодализм как соединение крупного землевладения с политическим господством, на базе чего создается иерархия власти (6, 288-289).

Но сущность взглядов Н.П. Павлова-Сильванского состояла не в этом. От этих внесенных формальных элементов историк идет к раскрытию внутреннего содержания самих общественных отношений. Во-первых, он принципиально расходится с государственно-юридической школой в понимании юридической нормы. Как известно, представители ее видели содержание исторического процесса в законе и правовом институте, которые творят и организуют общественные отношения.

Н.П. Павлов-Сильванский усматривал в юридичес-

кой норме лишь проявление общественных отношений, их закрепление. Для него правовая норма есть исторический источник для изучения общественных отношений. Он выдвигает задачу изучения права сравнительным методом. Ученый сравнивает русское право с германским и приходит к выводу о сходстве их. В этом отношении Николай Павлович дальше развивает идеи Г. Эверса. Историк писал: «Но, кажется, уже недалеко то время, когда эта программа будет заполнена, когда сравнительное поведение достигнет таких же точных выводов, каких в короткое время достигло сравнительное языкознание, установить системы и основы развития права не только арийской, но и других рас, и вместе со сравнительной экономической наукой дает твердые основания социологии» (6, 345).

Он упрекает русских историков за то, что те редко пользовались сравнительным методом, поэтому «у нас господствует представление о полном своеобразии русского исторического процесса вообще и русского права в частности». Н.П. Павлов-Сильванский в противовес им придерживается другого мнения: «Есть, однако, в нашей древности одна область, в которой русские порядки так разительно сходны с другими, что наши историки, вопреки господствующему направлению нашей историографии не могли не остановиться на сравнительном их изучении». Прежде всего, речь идет об области русского уголовного и гражданского права и судопроизводства. Это общие для многих народов институты: в уголовном праве - кровная месть, вера, денежные пени за телесные повреждения; в судопроизводстве - испытания водой и железом, послесудебный поединок, свод, послуши-соприсяжники; в гражданском праве - покупка и умыкание жен, право родового выкупа земельной собственности, рабство неоплатного должника, право наследства и т.п.

На основе сравнительного метода Н.П. Павлов-Сильванский приходит к следующим важным выводам: во-первых, «сходство славянского и, в частности, русского права с германским и другими объясняется не заимствованием, а общим арийским происхождением, и сходное развитие их - действием одинаковых первобытных условий жизни», во-вторых, «славянское право, из всех арийских прав, наиболее родственное германскому». Речь идет о том, что одинаковые условия общественной жизни людей вызывают одинаковые нормы права. В этом суть взгляда историка, стоящего на точке зрения закономерности исторического развития (6, 5-67).

Он находит это сходство даже в обычном праве, приводя ряд характерных примеров, в частности дерн. При межевых тяжбах крестьяне брали дерн на голову и обходили между - это была страшная клятва. За ними шли люди и ставили столбы межевые.

В 1828 году в Рязанской губернии, близ г. Сапожка, крестьянин, «оспаривая принадлежность луга, с отчаянием вырезал дернину, положил ее себе на голову и, огоражив крестом, клялся перед спорящими свидетелями, что если покос не принадлежит ему, тогда сама родная земля прикроет его навеки» (6, 87).

В Олонецкой губернии зафиксирован такой факт обрядности в 1878 г. Спорящий говорит: «Пусть рассудит нас мать сыра земля», затем вырывает кусок дерна, кладет его на голову и идет по меже» (6, 88).

Каково было происхождение данной присяги? - задает вопрос Н.П. Павлов-Сильванский. Первая мысль у нас всегда - это идея о заимствовании. Митрополит Евгений полагал, что русские переняли его от зырян Сольвычского уезда. Ученый с этим не согласен. Ибо этот обряд он находит в Венгрии и Саксонии (6, 93).

В одном из венгерских актов в 1360 г. сказано: «Фома и Михаил Хатя, разувшись и распоясавшись, и положив

на голову глыбу земли, по существующему обычаю клялись землею, поклялись, что та самая земля, которую они обошли и отвели вышеуказанными межами, от первых до последних, есть земля владения их «полянка», и к ней принадлежит» (6, 95).

В Силезии Оппельским земским уставом 1562 г. узаконен этот же обычай: «крестьяне должны раздеться до рубахи, стать на колени в яме, вырытой на один локоть в глубину, держать на голове дерн, не иметь при себе ни ножа, ни оружия, и таким же образом произносить присягу» (6, 97).

Н.П. Павлов-Сильванский неизбежно пришел к выводу о том, что не законы создают общественные отношения, а общественные отношения создают определяющие юридические нормы, обычаи складываются раньше закона, общество стоит раньше государства. Это утверждение было прямым выступлением против государственно-правовой школы. Это позиция была им развита в параграфе «Происхождение иммунитета» (6, 87-96).

Он критикует немецкого историка Вайца, по мнению которого, иммунитет ведет свое начало от королевских пожалований, что сначала короли давали иммунитетные права частным лицам при передаче им собственных королевских имений, затем жаловали те же права на всякие частные земли. Таким образом, по Вайцу, иммунитет был создан волею верховной власти, причем общий законодательный акт заменен был длинным рядом отдельных частных актов - иммунитетных дипломов (6, 380-381).

Н.П. Павлов-Сильванский подчеркивает: «Слабая сторона этой гипотезы заключается в том, что она не развязывает, а разрушает завязанный узел проблемы. Иммунитет является, по словам Вайца, созданием королей.

Но мы знаем, что все важнейшие учреждения древности, к каковым относится иммунитет, не создавались властью, а постепенно развивались, и что власть обыкновенно только закрепляла и оформляла обычное право (6, 380-382).

В основе возникновения иммунитета историк видел крупное землевладение. «Политическое значение иммунитета сильно изменилось в зависимости от фактических, материальных отношений, - считает Н.П. Павлов-Сильванский. В руках мелких вотчинников, особенно при сильной княжеской власти, политическое значение иммунитета практически сводилось к нулю. Мелкий собственник не обладал достаточной силой власти «далеко не всякого преступника мог он заставить уважать свой авторитет, он дорожил правом суда, не как важной прерогативой, а как доходной статьей, чтобы взимать судебные пошлины и пени» (6, 391). Наоборот, когда иммунитетными правами владел крупный землевладелец, они приобретали важное политическое значение. Он приводит следующий пример. В XVIII веке Рязанский Ольгов монастырь владел пятью волостями с 1000 дворами и несколькими тысячами душ крестьян. Этому монастырю были переданы иммунитетные права в полном объеме: княжеские волостные и наместники не имели право выезжать за околицу его обширных земельных владений. Такой монастырь представлял в те времена крупную политическую силу и становился государством в государстве. Историк писал: «В XIV в. бояре, благодаря своим крупным земельным владениям, приобрели такую силу, что становились опасными великим князьям» (6, 392). Он считает, что княжеские и боярские усабицы происходят из-за земельных владений.

Далее исследователь развивает мысль о том, что иммунитет крупных землевладельцев явился основой для узурпации и верховной власти. Но он это говорит в отношении западной Европы, делая оговорку о Русском государстве: «Этого последствия у нас иммунитет не имел» (6, 393).

Н.П. Павлов-Сильванский отмечает, что не один удельный боярин не стал князем-государем в собственном смысле этого слова. «Но это произошло по совершенно другой причине - вследствие разрастания рода владетельных Рюриковичей» (6, 393-394). В Европе «род Каролингов рано угас, у нас же в момент назревшего разделения страны оказалось налицо множество потомков Всеволода Большое Гнездо. Для каждого обособленного округа находился князь-претендент с наследственными суверенными правами. Наследственные князья заняли у нас то место, которое в Европе заняли графы-управители и вотчинники, возвысившиеся до положения владетельных государей». Окняжение земель у нас предотвратило узурпацию власти боярами. Тем не менее, на Руси, как и на Западе, вследствие одинаковых причин земля неудержимо распадалась на мелкие самостоятельные княжества (6, 393).

Вполне понятно, что Н.П. Павлов-Сильванский не мог прийти до научного понимания причин феодальной раздробленности и образования государства. Он хотя и признавал примат материальных условий, но все же не мог окончательно отойти от юридической схемы своего исследования. Ученый поставил проблему феодализма как проблему борьбы общины и боярщины.

Община основа первоначального, дофеодального строя - конкретная историческая форма общественного порядка. Н.П. Павлов-Сильванский отмежевывается от превращения общины в формально-юридическое понятие в продукт государственного законодательства, как это было у Б.Н. Чичерина. В понимании историка община выступает как определенная стадия общественного развития. Общину автор ставит в один ряд с полицией вервью у западных славян, с маркой древних германцев. На это тождество указывал еще Ф. Энгельс.

Община - это первый период русской истории до XII в. Это мирской строй (VIII-XII вв.).

С XII до XVI вв. - второй период истории России, когда центр тяжести отношений переходит от мира к боярщине. Мирское самоуправление сохраняется в ослабленном состоянии. Боярщина - непосредственная основа и содержание феодального строя. Она выходит за рамки юридического понимания. Боярщина соединяет крупное землевладение с политической властью и мелким крестьянским хозяйством. Это вводит в понимание феодально-зависимых отношений смерда, холопа и т.д. Источник этой зависимости историк видит в насильственном захвате земли военно-служивой боярской верхушкой и насильственном отчуждении общинных земель, закабалении свободных людей. Установление феодальных отношений происходит в результате насильственной борьбы боярщины с общиной. Н.П. Павлов-Сильванский близко подходит к теории внеэкономического происхождения феодальной зависимости, раскрытию сущности феодального строя.

Третий период русской истории - XVI в. и до первой половины XIX в., когда основным учреждением является централизованное государство. Таким образом, он впервые вводит в периодизацию истории России феодальную эпоху.

Мир, боярщина, государство - вот схема исторического развития России. Историк не мог окончательно уйти от старой схемы. Например, он отождествляет феодализм с феодальной раздробленностью, с удельным периодом, в то время как боярщина имела место уже в Киевской Руси. Таким образом, Николай Павлович - сторонник более позднего формирования феодальных отношений в стране. Позднее в советской историографии эта точка зрения получила поддержку у ряда историков (В.В. Мавродин, С.В. Юмков и др.).

Но он внес и существенно новое. Так, торжество государства связывается им с опричниной, в результате которой упал «политический феодализм», но социальная основа его сохранилась без изменения. Автор отделяет политическое от социального (5,148).

В работах, написанных в начале XX века, историк выделяет четвертый период в истории России, «начиная с 1861, когда начинается развитие капитализма» (7).

Труды по истории феодализма Н.П. Павлова-Сильванского, талантливого историка и архивиста XIX-XX вв., сохраняют свое научное значение и сегодня не только как замечательная страница в отечественной историографии, но и как наиболее полное и всестороннее исследование по важнейшим вопросам русского феодализма, прежде всего, древнерусского феодального права, блестяще применяя историко-сравнительный метод.

Список литературы

1. Павлов-Сильванский Н.П. *Закладничество - патронат // Записки Императорского Русского археологического общества - 1897. Т. 9. Вып. 1-2.*
2. Павлов-Сильванский Н.П. *Иммунитет в удельной Руси // Журнал Министерства народного просвещения. 1990. № 12.*
3. Павлов-Сильванский Н.П. *Феодальные отношения в удельной Руси // Журнал Министерства народного просвещения. 1901. № 6. 1902. № 1.*
4. Павлов-Сильванский Н.П. *Новое объяснение закладничества // Журнал Министерства народного просвещения. 1901. № 10.*
5. Павлов-Сильванский Н.П. *Феодализм в удельной Руси. - СПб., 1910.*
6. Павлов-Сильванский Н.П. *Феодализм в России. М., 1988.*
7. Павлов-Сильванский Н.П. *Феодализм в древней Руси. СПб., 1907.*
8. РГИА Ф.1014. Оп.1. Д.19.

С.В. Гусева

Шадринский государственный педагогический институт

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ОБ УДАРНЫХ КОМСОМОЛЬСКИХ СТРОЙКАХ (1956-1965 ГГ.)

«Ударная комсомольская стройка — важнейший народнохозяйственный объект, строительство которого предусмотрено решениями съезда КПСС, ЦК КПСС и Совета Министров СССР, Государственным планом развития народного хозяйства СССР и над сооружением которого осуществляет шефство Ленинский комсомол. Перечень Всесоюзных ударных комсомольских строек определяет и утверждает Бюро ЦК ВЛКСМ по согласованию с Госпланом СССР и ВЦСПС на основе предложений партийных, профсоюзных и комсомольских органов, министерств и ведомств. Ударный труд на строительных площадках, шефство над капитальным строительством — одна из ярчайших страниц Ленинского комсомола...». Такое определение ударной комсомольской стройки нам дает Советский экономический словарь (1).

Ударные комсомольские стройки всегда отличались не только высокими темпами работы, самой лучшей организацией труда и культурой производства, но и тем, что были подлинными лабораториями, своеобразными полигонами для испытания всего нового, прогрессивного, чем располагали на тот момент наука и техника. В связи с этим они представляли большой интерес для изучения проблем деятельности комсомола, его первичных организаций на Всесоюзных ударных стройках. Опыт их работы по воспитанию молодежи мог быть успешно исполь-

зован не только на строительном производстве, но и в других отраслях хозяйства. Ударные комсомольские стройки являлись объектом изучения для многих общественников, в том числе и историков.

История шефства комсомола над ударными стройками началась в 1919 г., когда тысячи комсомольцев Петрограда и Новгорода прибыли на строительство первого объекта из плана ГОЭЛРО — Волховской ГРЭС. Затем были Днепрогэс, Турксиб, Магнитка, Кузнецкий металлургический комбинат и многое другое. Наибольший размах шефство приобрело с середины 1950-х гг. Это в значительной степени объясняется резким возрастанием темпов и масштабов капитального строительства, интенсивным освоением северных и восточных районов страны. В период 1956-1965 гг. на Всесоюзных ударных комсомольских стройках было сооружено 987 крупных промышленных объектов (2).

Исследования проводились как на общесоюзном, так и на региональном уровнях. Однако как в советской, так и в современной литературе нет ни историографических работ, ни обобщающего труда по отечественной истории, в которых бы в полном объеме, во всеоюзном масштабе освещался бы весь многогранный опыт комсомола по сооружению ударных объектов. По данной проблеме опубликовано много очерков и брошюр, в которых в сжатом виде прослеживается история участия молодежи в ударном строительстве. Научная разработка непосредственно темы шефства комсомола над капитальным строительством наиболее интенсивно началась в конце 1960-х гг. Причем основная часть исследований охватывает период семилетки. Это, прежде всего, относится к двухтомному и однотомному изданиям книги «Славный путь ленинского комсомола». В данном труде отражена его деятельность за 60 лет и сделан упор на руководящую роль КПСС в деятельности ВЛКСМ. Теоретические и практические аспекты партийного руководства комсомолом получили отражение в трудах А.М. Королева и В.К. Криворученко (3). Так, в монографии В.К. Криворученко были рассмотрены основные формы и методы руководства КПСС комсомолом и молодежью, определены наиболее главные направления деятельности комсомольских организаций на Всесоюзных ударных стройках в конце 1950-1960-е гг. Недостатком данной работы является то, что вопросы производственного шефства молодежи над строительными объектами не получили в ней детального освещения.

Определенный вклад в разработку данной проблемы внесли авторы кандидатских диссертаций, посвященных, главным образом, изучению деятельности комсомольских организаций союзных республик и некоторых областей РСФСР (4). Одним из недостатков большинства этих работ является отсутствие глубокого исследования процесса мобилизации молодежи по общественному призыву и адаптации ее на новостройках. Заметный вклад в разработку этой проблемы внес Ч.Г. Мусин. В его диссертации производственные задачи рассматриваются во взаимосвязи с проблемами воспитания молодежи. В исследовании много обобщающих статистических данных как по отдельным новостройкам, так и по Казахстану в целом (5).

Значительный научный интерес представляет работа А.Л. Петрашкевича «Комсомол Белоруссии — активный помощник Коммунистической партии в мобилизации молодежи на выполнение семилетнего плана развития народного хозяйства (1959-1965 гг.)». Автор на примерах работы комсомольских организаций Белоруссии анализирует опыт комсомола по мобилизации молодежи на борьбу за технический прогресс, по организации его шефской помощи новостройкам республики. Тем не менее,

раздел о шефской помощи новостройкам не раскрывает до конца источники массового трудового энтузиазма белорусской молодежи, не анализирует формы общественного контроля и руководства строительством, а сами новостройки показаны бесцветно (6).

В кандидатской диссертации В. Большакова «Комсомольцы и молодежь промышленных предприятий и строек Молдавии – активные помощники партии в коммунистическом строительстве (1959-1965 гг.)», наряду с довольно глубоким раскрытием темы, на наш взгляд, незаслуженно обойдены исследователем многочисленные формы и средства комсомольско-молодежного контроля на предприятиях и стройках Молдавии. В диссертации не рассматриваются также вопросы участия комсомола в борьбе за повышение общеобразовательного и профессионально-технического уровня молодежи (7).

В исследуемый период Южный Урал (1956-1965 гг.) представлял собой край ударных строек. Среди них такие, как Гайский горно-обогатительный комбинат, прокатный стан «2500» на Магнитогорском, стан «2800» на Орско-Халиловском металлургический комбинатах.

Об участии комсомола в индустриализации Урала имеется ряд исследований и публикаций, но Южный Урал представлен явно недостаточно. Особенно мало исследование деятельности Курганской и Оренбургской областных комсомольских организаций, их активном участии в ударном строительстве. Этому вопросу посвящены небольшие статьи и очерки в периодической печати Южного Урала, «Правде», «Комсомольской правде», а также несколько брошюр (8).

Среди работ, затрагивающих интересующую нас тему, наибольшее внимание заслуживает исследование Ю.А. Черных «Комсомол Урала – помощник партийных организаций в борьбе за технический прогресс в химической промышленности в период между XX и XXII съездами КПСС». В данной работе подняты важные вопросы деятельности комсомола Урала на предприятиях химической промышленности. Показывается, как комсомол под руководством партийных организаций боролся за технический прогресс, создание и внедрение новой техники, активно участвовал во всесоюзном движении рационализаторов и изобретателей. Раскрываются формы и методы массового трудового соревнования и идейно-воспитательной работы среди молодых химиков. Однако недостатком кандидатской диссертации Ю.А. Черных является несоответствие содержания и объекта исследования. Дав заявку в название темы говорить обо всем Урале, Ю.А. Черных свое исследование построил на материалах трех областей: Пермской, Свердловской, Челябинской. Причем основная часть фактического материала взята из жизни Пермской областной комсомольской организации. В работе ничего не сказано об ударных комсомольских стройках Южного Урала, в том числе о строительстве предприятий большой химии (9).

Учитывая отсутствие специальных исследований о деятельности комсомольских организаций строителей Южного Урала Г.Ф. Евсюков сделал попытку восполнить этот пробел исследованием темы «Комсомол – боевой помощник КПСС на ударных комсомольских стройках Южного Урала (1959-1965 гг.)». В данной работе раскрыты причины значительной текучести рабочих кадров, а вопросы мобилизации по общественному призыву рассматриваются с точки зрения двух тенденций в психологии молодежи, имеющих большое значение для ее адаптации на новостройках. Показана большая роль партийных и комсомольских организаций в воспитании и образовании молодежи. Освещается участие молодежи в трудовом соревновании, рационализаторском движении. Им был рекомендован целый комплекс социально-экономичес-

ких мероприятий по закреплению кадров строителей (10).

Первыми работами, в которых довольно полно освещалась многогранная деятельность комсомольских организаций по сооружению ударных строек в Западной Сибири, являются статьи и диссертации М.П. Ененко (11). Автор на большой документальной базе рассмотрел широкий круг вопросов участия комсомольцев и молодежи в строительстве 15 особо важных объектов пятилетки, объявленных Всесоюзными ударными стройками. Им было высказано пожелание по упорядочению сбора и передачи на хранение в архивы материалов штабов, комитетов комсомола ударных строек, так как многие документы были к тому времени на всегда утеряны для науки.

Источники пополнения, причины текучести кадров и конкретные предложения по созданию устойчивых кадров в строительных организациях даны в исследовании Ю.А. Шпарога (12). Опыт, приобретенный на строительстве ударных объектов, как правило, обобщался в отдельных брошюрах. Так, например, Е.В. Вайнштейном был выпущен ряд работ по строительству блюминг «1300», стана «2300/1700» на Челябинском металлургическом заводе (13).

Теоретической и методологической основой советских исследований являлись труды классиков марксизма-ленинизма, особенно произведений В.И. Ленина. Авторы стремились как можно полнее использовать указания, содержащиеся в Программе КПСС и решениях XX-XXIII, а также XXIV съездов КПСС по вопросам деятельности комсомола. Важнейшими источниками являлись решения комсомольских съездов особенно XII, XIV, XV, XVI пленумов ЦК ВЛКСМ и другие директивные указания, связанные с работой комсомольских организаций на ударных стройках.

Вместе с тем, следует отметить, что в указанных исследованиях ряд вопросов носил в основном постановочный характер. Многие материалы не успели отложиться в фондах архивов, что не позволяло авторам предусмотреть и учесть те качественные изменения в последующие годы.

Список литературы

1. <http://economicslovar.ru/udarnaya-komsomolskaya-stroyka.html>
2. Славный путь Ленинского комсомола. М.: Молодая гвардия, 1974, т.1,2.С.400;
3. Королев А.М. Партия и комсомол. Некоторые вопросы партийного руководства комсомолом. М.: Молодая гвардия, 1978. 199 с.; Криворученко В.К. Единство цели: Некоторые аспекты партийного руководства комсомолом в условиях развитого социализма. М.: Молодая гвардия, 1980. 191с.
4. Маджиев Н.Д. Комсомол Северной Осетии – помощник партии в борьбе за построение коммунизма. Орджоникидзе, 1984; Абдыбалиев К. Комсомол Киргизии – активный помощник партии в борьбе за построение коммунизма. М.: МГУ, 1965; Миронова В.П. Ленинский комсомол – активный помощник партии в воспитании молодежи на новостройках страны (1958-1968гг.). МГУ, 1958.
5. Мусин Ч.Г. Ленинский комсомол – активный помощник Коммунистической партии в сооружении важнейших промышленных предприятий в годы семилетки (1959-1965 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1969.-318с.; Он же. Ударные комсомольские стройки – школа трудовой закалки молодежи. Алма-Ата: Знание, 1973.
6. Петрашкевич А.Л. Комсомол Белоруссии в семилетке. - Мн., 1962.
7. Евсюков Г.Ф. Комсомол – боевой помощник КПСС на ударных стройках Южного Урала (1959-1966 гг.). М.: Изд-во МГУ, 1971.С.6
8. Ладынин В. «Индустриализация общества». Оренбург, 1960; Рева Г.М. Слово магнитогорцев - верное слово. Челябинск, 1962; Рухадзе А.К. Рудаков В.Ф. Индустрия Южного Урала. М.: Изд-во. «Советская Россия»,1962; Фе-

- дотов А.В. *Рядовые гвардии строителей коммунизма. Челябинск, 1963*; Плехов Г. *Комсомольский прожектор. Сборник очерков. Челябинск, 1967*; *Координаты подвига. Сборник очерков. Челябинск, 1968.*
9. Черных Ю.А. *Комсомол - активный помощник партии в коммунистическом воспитании молодежи в период между XX и XXV съездами КПСС (1956-1976 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1978.*
 10. Евсюков Г.Ф. *Комсомол – боевой помощник КПСС на ударных стройках Южного Урала (1959-1966гг.). М.: Изд-во МГУ, 1971.*
 11. Ененко М.П. *Комсомол – активный помощник партийных организаций в сооружении Всесоюзных ударных строек в Западной Сибири (1959-1965гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1968.*
 12. Шпарог Ю.А. *Изменение численности, источников пополнения и состава кадров строителей в годы семилетки (1959-1965 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1966.*
 13. Вайнштейн Е.В. *На одной из строек семилетки. Челябинск, 1963*; *Он же. Наука вторгается в управление строительством. Челябинск, 1970.*

Е.Н. Суслова

Курганский государственный университет

ИСТОРИОГРАФИЯ УЧАСТИЯ УРАЛА В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (1959 – 1965 ГГ.)

На рубеже 1950–1960-х годов активизировалось участие советской общественности в поддержании и укреплении общественного порядка, в борьбе с правонарушениями и преступностью.

Был взят курс на построение в недалеком будущем коммунистического общества, которое предполагало постепенный переход от государственного управления к общественному самоуправлению (1).

В советской историографии исследованию деятельности общественных организаций традиционно уделялось особое внимание. Они рассматривались как неотъемлемая часть политической системы, в качестве общественного резерва для правящей партии и организованной структуры для постоянного контроля над настроениями советских людей.

В трудах Н.И. Ветрова, К.П. Горшенина, Н.И. Климова, А.И. Щиглика, Ц.А. Ямпольской, Е.А. Фролова обобщен опыт участия общественности в борьбе с правонарушениями. Названные авторы попытались выявить все многообразие причин, факторов, закономерностей и условий, вызывающих преступное поведение отдельных людей, дать рекомендации для совершенствования воспитательной, в том числе и профилактической работы среди различных «групп риска», склонных к правонарушениям.

Для понимания сущности общественных организаций представляется важным исследование Ц.А. Ямпольской «Общественные организации в СССР». Автор рассматривает вопросы о понятии, видах общественных организаций в СССР, об особенностях их роли в жизни советского общества. По ее мнению, общественная организация – это добровольное, но закрепленное формальным членством объединение советских граждан, которое, будучи построено на основе демократического централизма, самоуправления и самодеятельности, имеет своей задачей в соответствии с законными интересами и правами объединившихся лиц осуществление деятельности, направленной на достижение целей организации, а тем самым одновременно на участие в коммунистическом строительстве (2).

Представляет интерес статья З.И. Шведовой «Роль суда и общественности в борьбе с правонарушениями». По ее мнению, в результате деятельности народных дружин, усиления воспитательной работы и правовой пропаганды, поступление уголовных дел в народные суды сократилось. Она привела статистические данные по Свердловской области. Так, если среднемесячное поступление общеуголовных дел в 1958 году взять за 100%, то в 1959 году, когда общественность более активно включилась в борьбу с преступностью, оно составило 89,8%. Количество дел о кражах сократилось на 11%, о разбоях – на 50%, о хулиганстве – на 5,8%, об убийствах – на 40,2%, об изнасилованиях – на 29,5% (3).

По данным Государственного архива общественно-политической документации Курганской области, общее количество преступлений, совершенных в 1959 г., по сравнению с 1958 г. сократилось на 1178 случаев, или на 30,9%. Сократились такие особо опасные преступления как разбойные нападения – на 23%, изнасилования – на 19,1%, хищения государственного и общественного имущества – на 19,5% и кражи личной собственности – на 35,3%. В 1959 г. количество лиц, арестованных за мелкое хулиганство, сократилось по сравнению с 1958 г. на 33%. Учреждения внутренних дел, прокуратуры и суды, используя помощь общественности, стали больше предупреждать преступные проявления и раскрывать преступления. Если в 1958 г. было раскрыто 88,8% совершенных преступлений, то в 1959 г. – 95,6%. Раскрываемость особо опасных преступлений повысилась с 77,3% в 1958 г. до 91% в 1959 г. (4).

В работе Н.И. Климова «Участие общественности в раскрытии преступлений и перевоспитании лиц, виновных в их совершении». Основное внимание уделено добровольным народным дружинам, приводятся статистические данные. К марту 1960 года количество дружин в Свердловской области составляло 1650 с охватом свыше 118 тысяч дружинников. В результате активного участия общественности в охране общественного порядка преступность снизилась за 9 месяцев 1959 года в сравнении с этим же периодом 1958 года почти на 20% (5).

На 10 марта 1959 года в г. Кургане было создано 8 народных дружин, которые насчитывали в своем составе 87 человек. На 15 апреля 1959 г. здесь имелось уже 63 дружины, в которых состояло 5800 дружинников (6). В 1960 г. в Кургане насчитывалось 114 добровольных дружин, в которых состояло 11600 дружинников: в том числе 5386 мужчин и 6214 женщин. Для патрулирования по городу ежедневно выходило 130-150 человек (7).

Е.А. Фролов в своем исследовании «Народная дружина на страже порядка» говорил о задачах и некоторых формах участия общественности в правоохранительной деятельности. По ее мнению, основные наиболее важные положительные качества дружин заключались в следующем: они были всеобъемлющими по своему характеру и поэтому в глазах трудящихся с первых же дней своего существования приобрели огромный авторитет; вся деятельность дружин осуществлялась при повседневной помощи, контроле и руководстве со стороны партийных организаций; дружины отличались четким организационным построением, имеют стабильный состав и прочную дисциплину; дружины могли применять в своей деятельности самые различные способы и методы работы, они вполне были способными одновременно уделять достаточное внимание решению главных задач в охране общественного порядка (8).

В монографии Н.И. Ветрова «Профилактика правонарушений среди молодежи» в центре внимания стоит основная проблема, составляющая предмет исследования, – профилактика правонарушений среди несовершенно-

нолетних и молодежи. В данном исследовании раскрываются понятия правонарушения, профилактики, а также рассматриваются условия профилактики правонарушений (социально-экономические, идеологические, организационно-правовые и иные). Всестороннее изучение указанных условий, с одной стороны, должно осуществляться одновременно и параллельно с исследованием причин, способствующих совершению преступлений, и условий, обеспечивающих успешную борьбу с правонарушениями, а с другой, – определять основные направления и практические пути совершенствования деятельности государственных органов и общественных организаций, занимающихся непосредственно профилактикой и борьбой с антиобщественными проявлениями среди молодежи (9).

В книге А.И. Щиглика «Закономерности становления и развития общественных организаций в СССР» анализируются общие закономерности становления, развития и функционирования общественных организаций (профсоюзов, комсомола и др.), рассматриваются предпосылки становления общественных организаций в политической системе советского общества. Он выделяет закономерности общественных организаций: во-первых, природа закономерностей общественных организаций вытекает из особенностей этих организаций, представляющих собой одну из общественных форм политической демократии; во-вторых, общественные организации – институт общественно-политической жизни, которая не совпадает со сферой государственной жизни, хотя и тесно с ней связана; в-третьих, общественные организации – относительно самостоятельный структурный элемент политической организации общества (10).

Для постсоветского периода характерна работа А.В. Пыжикова «Хрущевские экскременты в правоохранительной сфере (конец 1950-х – начало 1960-х гг.)». В ней рассматривается история создания общественных организаций (народных дружин, товарищеских судов), нормативно-правовая база их деятельности. Большое место отведено вопросу о привлечении общественности к борьбе с преступностью, а также предупреждению преступлений и профилактике правонарушений, на что ориентировалась тогда вся правоохранительная система. В 1960-е гг. в системе мер по устранению причин преступности важное место отводилось компании против хищений социалистической собственности, алкоголизма и самогоноварения, тунеядства и паразитического образа жизни (11).

Историографический обзор позволяет сделать следующие выводы. За период 1950 – 1960-х годов проблема привлечения общественности к борьбе с преступностью привлекала внимание исследователей. Однако в большинстве работ анализ различных аспектов истории возникновения и деятельности общественных организаций имел фрагментарный характер. Состояние историографической разработанности темы недостаточно и не отвечает требованиям современной исторической науки.

Вместе с тем, необходимо отметить, что в историографии, посвященной истории развития общественных организаций, в последние годы были сделаны важные исследования, результатом которых явились работы по типологизации и классификации общественных организаций.

Список источников и литературы

1. Пыжиков А.В. Хрущевские экскременты в правоохранительной сфере (конец 1950-х – начало 1960-х гг.)//Вопросы истории. 2006. № 4. С. 103-110.
2. Ямпольская Ц.А. Общественные организации в СССР. Некоторые политические и организационно-правовые аспекты. М., 1972. С. 14, 52, 59.

3. Шведова З.И. Роль суда и общественности в борьбе с правонарушениями//XXI съезд КПСС о роли общественности в борьбе с преступными проявлениями и в укреплении социалистического правопорядка (материалы научной конференции). Свердловск, 1960. С. 37.
4. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 19. Д. 92. Л. 39.
5. Климов Н.И. Участие общественности в раскрытии преступлений и перевоспитании лиц, виновных в их совершении// XXI съезд КПСС о роли общественности в борьбе с преступными проявлениями и в укреплении социалистического правопорядка (материалы научной конференции). Свердловск, 1960. С. 57.
6. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 18. Д. 92. Л. 52.
7. Там же. Ф. 10. Оп. 76. Д. 81. Л. 1.
8. Фролов Е.А. Народная дружина на страже порядка// XXI съезд КПСС о роли общественности в борьбе с преступными проявлениями и в укреплении социалистического правопорядка (материалы научной конференции). Свердловск, 1960. С. 86.
9. Ветров Н.И. Профилактика правонарушений среди молодежи. М., 1980. С. 8, 15, 17, 26.
10. Щиглик А.И. Закономерности становления и развития общественных организаций в СССР. Политико-правовое исследование. М., 1977. С. 3, 4, 31, 32.
11. Пыжиков А.В. Хрущевские экскременты в правоохранительной сфере (конец 1950-х – начало 1960-х гг.)//Вопросы истории. 2006. № 4. С. 103-110.

А.В. Могутнов
Челябинская агроинженерная академия

О СОСТОЯНИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБОРОННО-МАССОВОЙ РАБОТЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1945) В УРАЛЬСКОЙ И ЗАУРАЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XXI ВЕКА

Отличительными особенностями развития уральской и зауральской историографии войны в начале третьего тысячелетия можно назвать следующие. Во-первых, в арсенале историков появились новые возможности организации научно-исследовательской деятельности, новые технические средства и возможности получения информации, в том числе интернет-ресурсы.

Во-вторых, интерес исследователей к истории Второй мировой и Великой Отечественной войн не ослаб, а наоборот, возрос. В диссертационных исследованиях Ю.И. Шпинева, Р.В. Стрелец, Г.И. Колесниковой, В.А. Рубина, Н.А. Дегтяревой, О.Ю. Устиновой, И.В. Рудометовой, написанных на материалах Южного Урала частично затрагиваются сложности и противоречия, характерные для оборонно-массовой работы в целом, трудности в военной подготовке населения края (1). Однако комплексно оборонно-массовую работу в Южном Зауралье они не рассматривали и не обобщали.

В-третьих, сформировалась и успешно многие годы действует школа «военщиков» при кафедре истории Отечества в Челябинской агроинженерной академии. Ее основателем стал П.Г. Агарышев, участник Великой Отечественной войны, доктор исторических наук, профессор, академик Академии военно-исторических наук. В настоящее время научную школу возглавляет доктор исторических наук, профессор, академик Академии военно-исторических наук Н.П. Палецких. За все годы ими подготовлено 20 кандидатов и докторов наук по истории уральского тыла в годы Великой Отечественной войны (2). В их числе под руководством профессоров П.Г. Агарышева и

Н.П. Палецких подготовлены и защищены научные работы, в которых нашли отражение вопросы оборонно-массовой работы на Урале, деятельность оборонных обществ по военной подготовке населения, в том числе обучение специалистов для танковых войск (3). По причине довольно объемных территориальных рамок, включавших 5 областей и 2 республики Урала, вопросы состояния оборонно-массовой работы, например, в Южном Зауралье в указанных исследованиях рассматривалась частично.

Начиная с 2000 года зауральская историография значительно обогатилась содержательными монографиями, статьями, содержащими вопросы состояния оборонно-массовой работы в годы войны. Так, В.В. Усманов впервые в истории не только Южного Зауралья, но и всей России рассмотрел эволюцию деятельности военных комиссариатов, в том числе в годы войны (4). Ю.П. Агафонов показал некоторые итоги работы Курганской областной оборонной организации Осоавиахим по подготовке оборонных кадров, подчеркнул ее значимость в военно-патриотическом воспитании зауральцев в годы Великой Отечественной войны (5). Научный интерес представила монография В.Б. Масляева «Россия: значение побед, уроки поражений», в которой автор анализирует мобилизационное сопровождение боевых действий немецкой армии, которое в годы Второй мировой войны оставалось значительным. При этом важное место в пополнении действующей армии принадлежало военной подготовке населения Германии, особенно молодежи (6).

Значительное место в изучении патриотической тематики зауральцев в годы войны занимает проблема героизма на фронте и в тылу. В книжно-журнальных изданиях Южного Зауралья вышли монографии, сборники статей, в которых крупно и подробно изучен героизм и стойкость зауральцев, обученных военному делу и призванных в РККА в годы войны, восстановлены имена всех, кто получил звание Героя Советского Союза, стал кавалером орденов Славы всех степеней (7). Впервые комплексно проблему оборонно-экономического комплекса Южного Зауралья, его особенности, результаты исследовали зауральские историки А.Я. Кодинцев, В.В. Подливалов, М.Н. Федченко (8). Без изучения этой проблемы невозможно понять суть оборонно-массовой работы, так как она во многом зависела от состояния экономики региона.

Начиная с 2000 года в Челябинске издательством «Каменный пояс» была начата, а в 2007 году закончена работа по созданию семи томов энциклопедии, вошедшей в содержание многочисленных факты, события, фамилии людей, живших и работавших на Южном Урале в годы войны (9). Научный интерес, с точки зрения исследуемой нами проблемы представляют содержащиеся в энциклопедии сведения, касающиеся деятельности оборонных обществ, организаций на территории Южного Зауралья.

Одним из важнейших направлений в историографии Великой Отечественной войны является проблема формирования воинских соединений на уральской земле с использованием призывного контингента, в том числе Курганской области. В этой связи заслуживает внимания научная статья А.Р. Заец, представляющая военно-мобилизационную работу на Урале. Исследователь опубликовал интересные сведения, касающиеся в том числе призванных военнообязанных военкоматами Курганской области в сентябре 1943 года. В категории призванных в РККА входили разбронированные рабочие из народного хозяйства, призывники 1922–1925 годов рождения, бывшие заключенные, выписавшиеся из госпиталей, отставшие от воинских эшелонов и др. (10). Статья написана на основе сведений интернет-ресурса, однако в ней нет ссылок на научные работы уральских исследователей, круп-

ные монографии, диссертации, написанные по проблеме создания воинских формирований на Урале. Автор трехтомного издания «Зовущий колокол, огнем горящий меч» В.В. Усманов, например, представлен как Устинов, сведения о количестве призванных на военную службу по уральскому военному округу, указанных в статье, требуют уточнений.

Вопросы оборонно-массовой работы нашли отражение в материалах научно-практических конференций, прошедших в связи с юбилеями Победы (11). В них затронуты проблемы патриотического воспитания населения Урала, роль физкультурных, медицинских организаций в оборонно-массовой работе. Так, С.Б. Сластнев, рассматривая подготовку населения Свердловской области к рукопашному бою, определил ее одним из основных направлений оборонной работы по подготовке боевых резервов для фронта (12). Интересные сведения о призванных в РККА женщинах приводит П.А. Ульяхина. Автором подтверждается изучение женщинами военного дела в оборонных обществах, где они получали специальности медицинских сестер, сандружинниц. В статье использованы материалы Шадринского района, где вместо убитых на фронт мужчин в совхозы и МТС пришли 435 женщин (13).

Боевой путь 367-й стрелковой дивизии, сформированной в Шадринске, укомплектованной в основном военнообязанными из Шадринска, Каргаполя, зауральских сел и деревень, раскрыл И.А. Новиков. Автор показал трагическую судьбу соединения, свыше 800 бойцов и командиров которого погибли на Карельском фронте (14).

Весь объем проделанной научно-исследовательской работы в этот период значителен, многообразен по содержанию, представляет научный интерес. Если для советской историографии было свойственно преобладание работ, охватывающих огромные территориальные рамки, что обуславливалось идеей неразрывного единства территории СССР, то в современной российской исторической науке налицо нарастающий интерес к узким темам, раскрываемым на примере конкретного региона. Россия декларировала и законодательно закрепила идею культурного, политического, экономического разнообразия субъектов Российской Федерации, что, безусловно, положительно отразилось на развитии региональных исторических школ.

Таким образом, анализ исследований, косвенно или в прямой постановке связанных с темой оборонно-массовой работы, свидетельствуют о солидной источниковой базе, накопленной в том числе и в новом третьем тысячелетии.

Список литературы

1. Шпинева Ю.И. *Осуществление национальной государственной политики на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2004; Стрелец Р.В. Деятельность Южно-Уральского Военного округа на подготовке резервов для фронта в период Великой Отечественной войны: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2004; Колесникова Г.И. Железнодорожный транспорт Южного Урала в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2006; Рубин В.А. Города Южного Урала в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук, Оренбург, 2007; Дегтярева Н.А. Госпитали на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук, Оренбург, 2007; Устинова О.Ю. Советы Южного Урала в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук, Оренбург, 2008; Рудометова И.В. Легкая и пищевая промышленность Челябинской области в период Второй мировой войны (1939–1945 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук, Челябинск, 2009.*

2. Семочкина Е.И. Историки Челябинска о проблемах уральского тыла периода Великой Отечественной войны (вторая половина XX века) // *Великая Отечественная и Вторая мировая войны в контексте истории XX–XXI веков. Часть I. Челябинск, 2010. С. 185; Павленко Г.К., Павленко В.Д. Челябинская область периода Великой Отечественной войны в публикациях первого десятилетия XXI века. Там же. С. 199–200.*
3. Могутнов В.П. Военные отделы комитетов ВКП(б) в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 1991; Могутнов В.П. Подготовка резервов фронту в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Челябинск, 2000; Ковшов И.В. Система подготовки танковых специалистов на Урале в годы Великой Отечественной войны: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2007.
4. Усманов В.В. Зовущий колокол, огнем горящий меч. Том 1. Курган: Парус-М, 2001; Том 2, 2003; Том 3, 2006.
5. Агафонов Ю.П. ОСОАВИАХИМ. ДОСААФ. РОСТО. Традициям верны. Курган, Зауралье, 2006.
6. Масляев В.Б. Россия: значение побед, уроки поражений. Курган: Центр «Олимпик», 2009. С. 132–138.
7. России доблестные даты. Курган: Парус-М, 1998; Золотое созвездие Зауралья. Курган: Парус-М, 2000; Помни войну. Курган: Парус-М, 2001; Шадринск военной поры. Шадринск, 2005 и др. смерти в 2005 г. Героя Советского Союза Ф.В. Елисеева на территории Курганской области в настоящее время не осталось в живых героев, получивших это высокое звание в годы войны.
8. Козинцев А.Я., Подвалов В.В., Федченко М.Н. Экономика Южного Зауралья периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет (1941–1945). Курган, 2004.
9. Челябинская область: Энциклопедия. Челябинск, Каменный пояс, 2003. Т. 1; 2004. Т. 2; 2004. Т. 3; 2005. Т. 4; 2005. Т. 5; 2006. Т. 6; 2007. Т. 7.
10. Заец А.Р. Урал как мобилизационная база вооруженных Сил в Великой Отечественной войне / Великая Война. Великая Победа. Великая трагедия. Екатеринбург, 2005. С. 105–135.
11. См.: 50-летие Победы: Тезисы докладов научно-практической конференции. Челябинск, 1995; Урал в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. Екатеринбург, 1995; Зауралье в годы Великой Отечественной войны: Материалы научно-практической конференции. Курган, 1995; Зауралье в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: Материалы молодежной научно-практической конференции. Курган, 2005; Областная научно-практическая конференция: Историческое значение Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Курган, 2005; Великая Отечественная и Вторая мировая войны в контексте истории XX–XXI веков: Материалы второй международной научно-практической конференции, посвященной 65-летию Победы в Великой Отечественной войне. Челябинск, 2010. Ч. 1; Вклад Зауралья в Победу в Великой Отечественной войне: Материалы областной научно-практической конференции, посвященной 65-летию Победы. Курган, 2010 и др.
12. Слостнев С.Б. Подготовка населения Свердловской области к рукопашному бою в годы Великой Отечественной войны // Подвиг Урала в исторической памяти поколений: Материалы Международной научной конференции. Екатеринбург, 2010. С. 369–373.
13. Ульяхина П.А. Мобилизация женщин Челябинской области на защиту Родины в начальный период Великой Отечественной войны // Материалы XLIX международной научно-технической конференции. Челябинск, 2010. Ч. 1. С. 82–83.
14. Новиков И.А. В бой с Урала: 3678-я стрелковая дивизия в боях на Карельском фронте // Великая Отечественная и Вторая мировая войны в контексте истории XX–XXI веков. Челябинск, 2010. Ч. 1. С. 241.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ В 90-Е ГОДЫ XX ВЕКА: ОБЗОР ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ

В начале 1990-х годов Россия переживала знаменательные исторические события, которые наложили отпечаток на всю структуру мирового сообщества. Прекратил своё существование Советский Союз, один из ключевых игроков всей геополитической структуры мира. Либерализация цен января 1992 года в России ознаменовала собой эпохальное событие в истории страны – переход от социалистической системы хозяйствования к капиталистической. Всё десятилетие 1990-х годов носило на себе драматический отпечаток глубокого экономического кризиса.

1990-е годы – это период новейшего времени в истории России. Специфика изучения данного периода заключается в том, что историографическая и источниковая база только формируются. Данная статья обращена к обзору источниковой базы при исследовании экономической политики Южного Зауралья в 90-е годы XX века и призвана показать, что уже сформирован определённый корпус источников, который позволяет реконструировать историческую действительность 1990-х годов.

Один из основных видов источников, на который необходимо опираться при исследовании поднимаемой темы, это правовые акты. Постановления, распоряжения администрации Курганской области несут в себе информацию о действиях властей, направленных на решение возникающих проблем на территории Курганской области. В государственном архиве Курганской области имеется фонд р-2452 «Администрация Курганской области»(1), в состав которого входят дела «Постановления Главы администрации Курганской области», охватывающие всё десятилетие 1990-х годов. Эти правовые акты дают важнейшую информацию о мерах, принимаемых властями в условиях разразившейся гиперинфляции после отпуска цен в январе 1992 года, отражают в себе информацию о действиях властей, направленных на преодоление тяжёлой социально-экономической обстановки, которая сложилась в обществе в 1990-е годы и явилась результатом переходного периода от социалистической системы хозяйствования к капиталистической.

В фонде администрации Курганской области, имеются также различные делопроизводственные материалы. Это группа дел под названием «Отчёты, докладные записки, справки, представленные в Президиум Верховного Совета РФ, Правительство РФ, министерства и ведомства»; «Переписка с министерствами и ведомствами по вопросам развития народного хозяйства». Эти делопроизводственные материалы содержат прямую информацию о социально-экономической ситуации в области за определённые промежутки времени. Особенно ценен данный вид источников тем, что через эту документацию возможно реконструировать ход принятия определённых управленческих решений. Информация, характеризующая социально-экономическую ситуацию в области, открыта для массового употребления на страницах периодической печати. Реконструировать же ход принятия решений через обращение лишь к периодической печати невозможно. Его можно воссоздать лишь через обращение к переписке между различными органами государственной власти, через докладные записки и так далее. Поэтому делопроизводственные материалы особенно важны в историческом исследовании.

При написании исторического исследования на тему «Экономическая политика Зауралья в начале 1990-х годов» возможно обращение не только к правовым актам, делопроизводственным материалам органов государственной власти, также необходимо обращение к делопроизводственной документации различных промышленных предприятий. В государственном архиве Курганской области существуют такие фонды: «ОАО Швейная фирма «Лодия»(2); «Автобусный завод»(3); «Курганский завод деревообрабатывающих станков»(4); «Курганприбор» (5); «Курганский машиностроительный завод»(6); «Курганский завод колёсных тягачей» (7) и т. д. Проанализировав приказы директоров предприятий по основной деятельности, годовые отчёты заводов по капитальным вложениям, годовые отчёты финансово-хозяйственной деятельности; годовые бухгалтерские отчёты, объяснительные записки к отчётам, протоколы заседаний совета директоров, можно воссоздать историю Зауральской промышленности в 1990-е годы. Через обобщение полученных данных возможно охарактеризовать состояние промышленности в целом в Зауралье в 1990-е годы. Работа с делопроизводственными материалами предприятий представит индивидуальные, уникальные факты проявления экономического кризиса в 1990-е годы, вызванного переходом от социалистической к капиталистической системе хозяйствования.

Важным дополнением в историческом исследовании будет обращение к такому виду источников, как периодическая печать. Например, газета «Советский Зауралье»(8). Анализ данного вида источников требует внимательного индивидуального подхода, так как, например, из-за пропагандистских целей властей представляемая информация в статьях газет может искажаться, не отражая реальность в объективной мере. Но через количественные методы анализа информации, обобщая сведения, можно выявить настроения общественности, реакцию населения на действия властей.

Рассмотренные не исчерпывают всех видов источников, которые необходимо использовать при историческом исследовании экономической политики Южного Зауралья в 90-е годы XX века. Но характеристика данных видов источников показала, что уже сегодня можно приступать к написанию истории Зауралья в 1990-е годы, несмотря на то, что это период новейшего времени.

Источники

1. ГАКО. Ф.Р. – 2452. Оп.1. Д. 8, Д. 9, Д. 10, Д.18, Д. 29, Д. 32
2. ГАКО. Ф.Р. – 2244. Оп.1. Д.923, Д.940, Д.941, Д.964, Д.965
3. ГАКО. Ф.Р. – 1696. Оп.1. Д.1511, Д.1512, Д.1513, Д.1536
4. ГАКО. Ф.Р. – 882. Оп.1. Д.1749, Д.1799
5. ГАКО. Ф.Р. – 2361. Оп.1. Д.1130, Д.1136, Д.1207, Д.1249, Д.1264
6. ГАКО. Ф.Р. – 1698. Оп.4. Д.615, Д.616, Д.618, Д.620, Д.625
7. ГАКО.Ф.Р. – 1699. Оп.2. Д.2957
8. «Советское Зауралье» (1991-1993 гг).

Т.В. Козельчук

Курганский государственный университет

СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ НЕПОЛНОТА ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА КАК ЭЛЕМЕНТ ЕГО КРИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА (НА ПРИМЕРЕ ФОРМУЛЯРНЫХ СПИСКОВ)

Источниковедческое исследование, как известно, предполагает научную проверку подлинности и достоверности источника с целью извлечения из него фактов, не-

обходимых для познания тех или иных аспектов прошлого. Процедура критического анализа, включая, кроме прочего, реконструкцию истории самого источника, завершается конкретной оценкой содержательного потенциала исторического свидетельства.

В результате такой критики исследователь делает вывод об информационной значимости памятника, подчёркивая, как правило, положительные его стороны. Так, при источниковедческом изучении формулярных (послужных) списков чиновников мы говорим о том, что данная учётная документация позволяет проследить процессы комплектования российского бюрократического аппарата, выявить базовые социопрофессиональные характеристики чиновничьего сословия, включая образовательный уровень, социальное происхождение, имущественное положение и многое другое. Как массовый источник формулярные списки изучаются с помощью количественных методов исследования, благодаря чему из них извлекается скрытая информация, в частности, характер и направленность матримониальных связей и прочее.

Формулярный (послужной) список – это официальный документ, призванный регистрировать как основные моменты служебной карьеры чиновника, так и сведения личного порядка. Появление данной формы регулярного учёта российского чиновничества в массовом количестве связано с указом Сената от 31 января 1764 года «О присылке в Сенат из всех присутственных мест послужных списков чиновников через каждые полгода по приложенной форме» (4, 415). Информация в послужные списки вносилась по строго заданному образцу (или формуляру - отсюда «формулярные» списки), который до начала XIX века постоянно совершенствовался, охватывая новые области жизнедеятельности каждого отдельно взятого представителя царской бюрократии.

Изначально эти документы «были рассчитаны на фиксирование необходимого минимума социально значимой информации, необходимой и достаточной для управления бюрократией» (2, 163), что в сочетании с высокой степенью достоверности (3) обусловило их роль в качестве исторических источников. По словам А.В. Елпатьевского: «Послужные (формулярные) списки и сопутствующие им документы являются одним из главных источников для историко-биографических сведений и генеалогических исследований, для изучения социальных процессов складывания сословий, различных звеньев государственного аппарата, профессиональных и других групп» (2, 202).

Всё вышеизложенное верно, но, образно выражаясь, в нашем критическом анализе почти не осталось места для самой критики. Формулярные списки чиновников введены в научный оборот и достаточно хорошо изучены, тем не менее, наше представление об этих документах как источниках остаётся поверхностным. В настоящей статье, оценивая информационный (источниковедческий) потенциал послужных списков, мы попробуем выделить не положительные, а отрицательные его характеристики.

Формулярные списки фиксировали данные об образовании служащего, включая указание на конкретное учебное заведение, количество оконченных классов, наличие профессиональной подготовки. Последнее особенно важно, так как может свидетельствовать о высоком качественном уровне представителей государственной власти в Российской империи. Но это предположение не отражает реальную ситуацию и не может быть подтверждено формулярными списками. Например, исходя из данных источника, никто из десяти чинов, занимающих в 1913 году положенные по штатному расписанию Курган-

ского уездного казначейства должности (казначей, старший бухгалтер, бухгалтер первого разряда, кассир первого разряда, два кассира второго разряда, два бухгалтера второго разряда, два счетных чиновника), не имел профессионального образования (1). Это, однако, не мешало казначейству успешно функционировать, а его служащим делать успешную карьеру.

Тем самым, именно содержательная особенность формулярных списков ограничивает исследовательскую процедуру установлением гипотетической корреляции между отсутствием профессионального образования и качеством служебной карьеры, но подтверждения такой взаимосвязи рассматриваемые источники не дают. Иными словами, зная по данным формуляра, что тот или иной чиновник не получил надлежащего обучения (например, не окончил полный курс обучения), мы не можем утверждать, что он не справлялся со своими обязанностями, был «плохим» служащим, не нравился начальству и т.п. В этом и заключается информационная неполнота данного источника. Только сопоставление данных об образовании и служебной карьере поможет преодолеть эту неполноту, но без привлечения других источников качественно всё равно её не устраним.

С другой стороны, именно недостаточность данных стимулирует дальнейшее исследование: мы пытаемся объяснить несоответствие образовательной подготовки и успешности служебной карьеры, зафиксированное в послужных списках. Заметим, что низкий уровень специальной подготовки был характерен для всего провинциального российского чиновничества, образованные кадры были востребованы в столичных учреждениях более, чем на окраинах империи. Только привлекая другие источники – законодательные, делопроизводственные, эго-документы – можно немного прояснить ситуацию и предположить, что наиболее важными для бюрократического руководства служебными качествами российского чиновника были неукоснительное подчинение вышестоящему начальству и благонадежность, специальная подготовка довольно успешно компенсировалась многолетним служебным опытом.

С содержательной неполнотой исследователь вновь сталкивается при анализе на основе данных формуляров материального положения чиновников. Само указание на размер жалованья никогда не даст полного представления о материальном положении служащего, для этого необходимо как минимум выяснить, сколько и на что конкретно он тратился, сколько стоили те или иные продукты, съём квартиры, дрова, досуг и прочее. Многое зависело от семейного положения, наконец, от личностных качеств, например, от умения экономить. Данную информацию в формулярах, конечно, не найти.

Такая проблема, как девиантное поведение чиновников, на базе послужных списков прослеживается довольно приблизительно даже несмотря на то, что практика учета чиновничества включала обязательную фиксацию «был ли в штрафах, под следствием и судом, когда и за что именно предан суду, когда и чем дело кончено». Данные формуляров как типичного по форме, массового источника позволяют выявить лишь некоторые виды отклоняющегося поведения, характерные для чиновничества. Так, девиантными квалифицировались следующие поведенческие факты служебной практики чиновничества: утрата следственных дел, растрата казенных и общественных денег. При этом у большинства служащих Тобольской губернии второй половины XIX – начала XX веков запись в специальной графе формуляров ограничивалась словом «не был». Поэтому осмысление названной проблемы в ценностном измерении невозможно без привлечения источников личного происхождения – вос-

поминаний, мемуаров и т.п. чиновников и о чиновниках. Если же о служебном поведении управленцев мы будем судить по их формулярным спискам, то о таких уже привычных феноменах, как волокита, пресловутое взяточничество, придётся забыть: бюрократы в рассматриваемых документах выглядят вполне достойно.

Анализ служебных карьер чиновников Тобольской губернии по их формулярам свидетельствует, что многим представителям местного бюрократического аппарата приходилось служить не только в разных чинах и должностях, что совершенно естественно, но и в учреждениях различной ведомственной подчиненности. Подобные кадровые перестановки, характерные для всего провинциального аппарата власти, говорят о высокой мобильности российских государственных служащих. Более того, мы можем констатировать, что переводы, особенно вневедомственные, служат показателем не только широкой специализации тобольских чиновников, но и позволяют охарактеризовать состав чиновничьего сословия Тобольской губернии как внутренне подвижный и вместе с тем достаточно однородный.

Сделанные выводы, однако, есть следствие теоретического конструирования: они не даны в рассматриваемом источнике и вполне могут оказаться ошибочными. Документальное подтверждение регулярных служебных переводов является лишь отправной точкой для исследователя, заставляя выдвигать те или иные гипотезы, проверять которые уже приходится на другом источниковом материале. К примеру, материалы делопроизводства показывают, что причинами переводов были в основном соображения начальства о служебном соответствии своих подчиненных, а равно и своего рода профилактики злоупотреблений, неизбежно возникающих, когда чиновник долго служил на одном месте; публицистика и эго-документы среди причин кадровых перемещений указывают служебные проступки, опасаясь разоблачения которых чиновники сами переходили из одного учреждения или ведомства в другое не только в рамках губернии, но и за ее пределы. То есть послужные списки дают много сведений о перемещениях чиновников, но пролить свет на причины таковых не могут.

В очередной раз исследователь сталкивается с содержательной неполнотой формулярных списков при характеристике комплектования бюрократического «сословия». Дело в том, что именно послужные списки позволяют выявить те социальные слои, представители которых пополняли коронную администрацию. Только используя данные формуляров, можно утверждать, что, например, во второй половине XIX – начале XX века на государственной службе в Тобольской губернии состояли выходцы из духовенства, дворян, купцов, мещан, разночинцев, солдат, крестьян, что указывает на широкую социальную базу чиновничества. Если же соотнести с сословной парадигмой (дворянство – духовенство – городские сословия – крестьянство), то на долю участия каждого в пополнении тобольской бюрократии приходилось соответственно: 49,5% - 23,0% - 17,5% - 10,0% (6).

Данный пример наиболее ярко демонстрирует историковедческие «плюсы» рассматриваемого документа. Но сам критический анализ источника на этом заканчиваться не должен, необходимо и здесь обозначить его информационные «границы». Приведённые выше цифры не исчерпывают проблематику процессов формирования отечественной бюрократии и требуют комментариев, для чего формулярные списки бесполезны. К примеру, объяснить такие особенности социальной структуры тобольской бюрократии, как малочисленность потомственных дворян, высокая роль в поставках чиновников духовного сословия, присутствие инородческого элемен-

та, ссыльных среди госслужащих, можно только с учётом исторических, политических, административных, территориальных, демографических, социокультурных особенностей и, следовательно, на материалах целого комплекса самых разнообразных источников, но уже не обращаясь к формулярным спискам.

Ещё одним примером содержательной неполноты формулярных списков является изучение внеслужебной сферы, в частности, семейной жизни представителей коронной администрации. Максимум на что может рассчитывать исследователь – это выявление состава чиновничьих семей, направленности матримониальных связей и косвенно – возраста вступления в брак. Названные аспекты, лишь отчасти наполняющие такое объёмное понятие, как институт семьи и семейные отношения, в формулярных списках отразились не напрямую и должны изучаться с привлечением духовных росписей, метрических книг и других источников. Если исследователя заинтересуют такие сюжеты, как права и обязанности членов семьи, взаимоотношения супругов, отношение к детям, семейные праздники и прочее, то к формулярным спискам, что вполне очевидно, обращаться нет смысла.

Особенно остро неполнота формулярных списков ощущается при изучении повседневности чиновников. Использование учётной документации в данном случае вообще может вызвать серьезные сомнения ввиду её источниковедческих особенностей. И всё-таки неполнота источника не должна становиться непреодолимым препятствием. Критически осмысливая содержательные возможности формулярных списков, одновременно нужно находить пути повышения их информационной «полезности». Поэтому формулярные списки могут в определённом смысле пригодиться в том числе и для реконструкции жизненного мира российского чиновничьего «сословия». Так как непосредственное наполнение повседневности детерминировано такими социальными параметрами, как происхождение, образование, материальное и семейное положение, существенным становится создание типичного образа «среднего» чиновника. Для Тобольской губернии подобный образ складывается из следующих черт: потомственный чиновник или выходец из духовного сословия; уроженец местной губернии; образование среднее; женат на чиновничьей дочери; детей либо нет, либо один или два ребенка; основной доход – государственное жалованье; недвижимости не имеет (5). Отметим, что данные социальные параметры, полученные исключительно из формуляров, опосредуют жизненный мир чиновника, особенно те его стороны, которые не являются «отрефлексированными индивидом» (7, 100), например, мировоззренческие моменты, привычки, усвоенные с детства. Но на этом пригодность формулярных списков заканчивается, для дальнейшего исследования – изучения целого комплекса социокультурных, мировоззренческих аспектов жизнедеятельности чиновников – будут нужны источники совсем иного рода.

Таким образом, основываясь даже на отрывочных примерах, мы видим, насколько ограниченными могут быть познавательные возможности формулярных списков, несмотря на то, что изначально они фиксировали достаточно широкий круг информации.

Неполнота источника легко объясняется через обращение к такой источниковедческой процедуре, как решение проблемы его происхождения: зная, в какое время, для чего и кем создавался источник, какие социальные функции был призван выполнять, мы сможем обозначить и его фактологическую значимость, проще говоря, каких сведений от него ожидать, а каких нет. Как учётная документация формулярные списки решали достаточно узкие и конкретные служебные задачи, поэтому

непрофессионально думать, что они раскроют нам все тайны истории царской администрации.

Можно сказать, что формуляры ставят перед исследователем больше вопросов, чем дают ответов. И это отнюдь не недостаток, это констатация особенностей источника. Для исторического исследования это тем более существенно, ведь именно содержательная неполнота заставляет вовлекать в научный оборот новые и новые источники, которые по-своему отражают и воплощают прошлое, дополняют друг друга и, тем самым, полнее раскрывают ушедшую действительность.

Никогда на материалах одних только формулярных списков (как и всякого источника) невозможно решить даже незначительную познавательную задачу, историк всегда стремится к использованию как можно большего круга источников. В связи с этим обозначенная нами проблема покажется очевидной, но только не для источниковедческой критики. Полноценный источниковедческий анализ в качестве обязательной процедуры должен включать элемент оценки содержательной неполноты источника, что не просто глубже и полнее раскроет его источниковедческие особенности, но и даст, образно выражаясь, повод для расширения его информационного потенциала, значит, для совершенствования и разработки новых методов исследования. Например, через источниковедческий синтез, применяя цивилизационно-культурологический подход, мы трактуем любой источник как феномен культуры своего времени и в результате повышаем его информационную отдачу. Анализируя, почему именно в конкретный, а не в иной период возникли послужные списки, как эволюционировал их формуляр, какое место эти документы занимали в делопроизводстве и справлялись ли они вообще со своей положенной функцией, как относились к ним сами чиновники, наконец, какую косвенную и скрытую информацию они зафиксировали, мы преодолеваем их содержательную неполноту.

Рассматриваемая особенность присуща всем без исключения источникам, будь то летописные свидетельства или документальные фильмы, законодательные трактаты или фотографии, дипломатическая переписка или карикатуры, дневниковые записи или археологические находки. Каждый источник, во-первых, по-особому сохраняет память о прошлом и, во-вторых, по-своему не сохраняет. Выявление того и другого помогает историку как минимум в отборе источников, необходимых для решения конкретной исследовательской задачи, в чём заключается собственно прикладная функция источниковедения и что тоже немаловажно.

В заключение отметим, что, обозначая в ходе критического анализа познавательные границы источника, мы отнюдь не противоречим утверждению о его сущностной неисчерпаемости. Напротив, мы акцентируем внимание на том, что полная интерпретация источника невозможна лишь на настоящем уровне развития исторической науки и стимулируем источниковедческие технологии. Практика работы с формулярными списками показывает, что, как это ни парадоксально звучит, чтобы повысить информационный потенциал источника, нередко для начала нужно обозначить его информационную неполноту.

Список источников и литературы

1. ГАКО. Ф.175. Оп.2. Д.1032. Л.178.
2. Елпатьевский А.В. Документирование прохождения государственной службы в России XVIII начала XX веков // Труды Всесоюзного научно-исследовательского института документирования и архивного дела. М., 1974. Т.V, Ч.I. С.163.
3. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М., 1978.
4. И.Н. Данилевский и др. Источниковедение: Теория. Ис-

тория. Метод. Источники российской истории: Учебное пособие. М., 1989. С. 415.

5. Козельчук Т.В. Социокультурные группы провинциального чиновничества: «местные» и «приезжие» // Культура провинции: Материалы международной научно-практической конференции. Курган, 2005. С. 154-156.
6. Козельчук Т.В. Чиновничество Тобольской губернии второй половины XIX – начала XX века как социальный слой: Дис. ... канд. ист. наук. Курган, 2002.
7. Пушкарева Н.Л. «История повседневности» и «История частной жизни»: содержание и соотношение понятий // Социальная история. Ежегодник. 2004. М., 2005. С. 100.

С.С. Коновалов

Курганский государственный университет

ЗЕМСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ НА УРАЛЕ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Одной из актуальных проблем истории пореформенного Урала является изучение истории земств. В данной статье мы представим историографический обзор изучения уральских земств в исторической литературе конца XX–начала XXI вв. Анализ историографического материала позволяет выделить несколько направлений, в которых идёт изучение проблемы. Во-первых, это специальные работы, посвящённые уральскому земству; во-вторых, работы общего характера, где земская реформа рассматривается в контексте других либеральных реформ 60-70-х гг. XIX в. на Урале; в-третьих, статьи и научные изыскания, посвящённые отдельным аспектам земской деятельности.

В рамках первого направления наибольший вклад в разработку истории земских учреждений на Урале внесли: О.Н. Богатырёва, С.Н. Плотников, С.А. Севастьянов, Л.В. Женина, М.К. Елисафенко, М.Р. Юсупов, Г.В. Азаматова (4;25;31;10;8;38;2).

Специфику земского самоуправления в Пермской и Вятской губернии в пореформенный период рассмотрела О.Н. Богатырёва (4). Ею был проведен комплексный анализ земских Положений 1864 и 1890 гг. и особенностей их применения в указанном регионе. Она показала роль земских учреждений в культурном преобразовании уральской деревни в условиях модернизации и проанализировала причины более эффективной, чем в центральных губерниях, деятельности Пермских и Вятских органов самоуправления. При этом автор стремилась преодолеть сложившиеся стереотипы в оценке земского управления и односторонний подход к освещению практической деятельности земских учреждений. В работах исследовательницы (4) подробно рассматривается порядок функционирования губернских и уездных земских собраний и управ. По ее мнению, отличительная черта уральских земств заключалась в том, что основной объем работы сосредотачивался, прежде всего, в уездах, именно отсюда исходили различные инициативы и новшества. Рассматривая деятельность земских управ, О.Н. Богатырёва приходит к выводу, что председатели управ всегда оказывали преобладающее влияние на ход земского дела. Среди этой категории служащих было немало ярких, талантливых деятелей, благодаря которым опыт земского самоуправления на Урале приобрел общероссийское значение. К ней относятся персоны земских лидеров Д.Д. Смышляева, М.П. Синцова, А.П. Батуева.

Становлению Пермского земства посвятил свое исследование С.Н. Плотников (25). Он рассмотрел Пермское земство со времени его открытия в 1870 г. до завер-

шения в 1879 г. первого периода его деятельности, названного Смышляевским. В 1870-1879 гг. председателем Пермской губернской земской управы был Дмитрий Дмитриевич Смышляев – известный либеральный общественный деятель, публицист и краевед. Его руководство обеспечило преемственность деятельности земский учреждений первых трех созывов и способствовало тому, что в 1870-е гг. деятельность Пермского земства получила Всероссийскую известность.

Значительный интерес в работе С.Н. Плотникова представляет историографический обзор поставленной проблемы. Исследователь утверждает, что изучение истории земских учреждений прошло несколько периодов подъема и спада (5). Важным представляется и то, что ученый не ограничивается просто перечислением фамилий историков, а указывает названия их трудов и старается дать им собственную характеристику. Введение земских учреждений во многом зависело от состояния местной общественности. Поэтому автор уделил внимание предреформенному общественному подъему в губернии. Источники, привлеченные им, показывают удивляющий силой и бескорыстием порыв активистов движения. Объективно общественный подъем в форме широкого культурно-просветительского движения способствовал проведению всего комплекса либеральных реформ 60-70-х гг. XIX в., в том числе и земской. Передовая часть Пермского общества осознавала необходимость земской реформы, и приветствовала ее, но при этом обнаружила вполне естественные расхождения во взглядах, которые проявились на страницах местной печати (5). Разногласия выявились при определении приоритетных направлений земской деятельности.

Заметным явлением в уральской историографии последнего времени стали научные изыскания С.А. Севастьянова (31). Учёный исследовал в общественно-политическом аспекте историю земств Уфимской губернии и достаточно подробно изучил земское самоуправление с 1874 по 1917 гг. Впервые деятельность земств Уфимской губернии во всей их совокупности стала предметом специального исторического исследования. Историк рассмотрел и подчеркнул заслуги земств в организации местного хозяйства, в развитии просвещения, здравоохранения, в создании библиотек, народных домов, земской статистики, заведений общественного призрения и т.д. По его мнению, гибель земского самоуправления в 1917 г. была вызвана не только внешними обстоятельствами, но и внутренними причинами. Исследователь указывал, что земская избирательная система, заложенная контрреформой 1890 г., не отражала реальные качественные и количественные соотношения в социальной структуре. В конечном итоге это имело своим следствием отсутствие реальной поддержки земств народными массами.

Значительным явлением в уральской историографии стала исследовательская деятельность Л.В. Жениной. До защиты ее кандидатской диссертации оставалась малоизученной одна из центральных проблем земской политики – контрреформа 1890 года на Урале (10). Исследовательница изучила ее предпосылки, характер, влияние на судьбу местного самоуправления и развитие края в целом. Многочисленные статьи историка содержат серьезные исследования эволюции социального состава гласных земских собраний, настроений в обществе в период подготовки и проведения контрреформы, источниковедческий анализ земской документации.

Рассмотрев социальный состав гласных уездных земских собраний за 1890-1907 гг., Л.В. Женина вскрыла основные тенденции изменения состава земских собраний. Она проследила это в зависимости от производственного профиля региона по всем трем куриям. Так, ея уста-

новлено, что распространение на земства сословности соответствовало возрождаемому корпоративному духу взаимоотношений государства и отдельных групп русского социума. Однако в условиях модернизации российской действительности (второй трети XIX века) сословное начало не могло быть проведено последовательно. В Пермской и Вятской губернии был введен «недворянский» внесословный вариант избирательной системы. Строгая сословная дифференциация на дворян и не дворян просматривалась на выборах в Уфимской губернии (10). В то же время необходимо отметить самостоятельность позиции автора по отношению к современной историографии: при анализе причин контрреформы она не ограничилась ссылкой только на факты общеполитического свойства, а обратилась к причинам собственно земского характера.

М.К. Елисафенко рассмотрела деятельность земских органов самоуправления на Урале в области начального образования (8). Исследовательница предложила свою периодизацию деятельности представительных органов на Урале в области начального образования. Она выделяет следующие этапы: 1) 1867 г. – конец 70-х годов XIX в.; 2) начало 80-х годов – середина 90-х годов XIX в.; 3) вторая половина 90-х годов XIX в. – начало 900-х годов XX в. На первом этапе деятельности были поставлены общие задачи в области народного образования, определены пути и методы участия органов самоуправления в развитии школьного дела, размеры и характер финансирования. На втором этапе активность земств в области начального образования заметно снизилась, что объяснялось усилением консервативных тенденций во внутриполитическом курсе правительства. С середины 90-х годов XIX в. вновь наметился подъем земской активности.

Изучение практической деятельности органов местного самоуправления на Урале позволило М.К. Елисафенко сделать вывод о ее двояком характере. К положительным результатам она относит факт признания земствами приоритета образовательных задач, оказание широкой материальной и моральной поддержки начальным учебным заведениям и учителям. Отрицательно на результатах образовательной деятельности сказались разрозненность действий между губернскими и уездными звеньями самоуправления, отсутствие взаимопонимания с учебным ведомством, а также слабое представление о реальных потребностях населения в образовании.

Осмыслением культурно-просветительной деятельности органов местного самоуправления на Урале занимается М.Р. Юсупов (38). Создание народных библиотек, а также устройство народных чтений – одни из первых мероприятий земств в области внешкольного образования. Они оставались главной формой культурно-просветительной работы на протяжении существования земского самоуправления. По мнению историка, при массе неграмотных и малограмотных среди взрослого населения организация земствами школ для взрослых являлась одной из основных задач внешкольного образования. Школы для взрослых были следующих типов: воскресные школы и воскресные классы, повторительно-дополнительные общеобразовательные занятия и курсы, специальные (профессиональные) курсы, дополнительные классы, вечерне-будничные классы и народные университеты (38). Исследователь рассмотрел земскую деятельность по организации музеев, выставок, книжной торговли, земской издательской деятельности. Большое внимание автор уделил таким формам культурно-просветительной работы земских учреждений Урала, как организация школьных праздников, литературных вечеров, прогулок, праздников деревонасаждения, кинематографа, народных хоров и военно-физических упражнений. Од-

нако с началом Первой мировой войны и без того небольшие расходы на внешкольное образование существенно сократились. М.Р. Юсупов заключает, что несмотря на всю важность изложенных просветительных мероприятий они, к сожалению, не получили в земском хозяйстве широкого развития. Их организация принадлежала к числу вопросов совершенно новых, едва только намечающихся. В большинстве случаев внешкольная работа отличалась крайней случайностью и пестротой в проведении культурно-просветительных мероприятий, что признавали и сами земцы. Ученый отметил недостаточное внимание земств Урала к просвещению так называемых инородческих групп населения (38). Тем не менее, историк акцентировал внимание на том, что тенденция земской деятельности в области внешкольного образования наметилась вполне отчетливо, был опыт, методы и приемы, выработанные с таким трудом земскими учреждениями. Пермское и Уфимское губернские земства были на передовых позициях среди земских учреждений в России, выступая с различными предложениями и инициативами в области организации внешкольной культурно-просветительной работы.

Более локальный характер носят исследования Г.В. Азаматовой (2). Она рассмотрела деятельность Уфимского земства в области народного образования. Как известно, в Уфимской губернии земская реформа была проведена лишь в 1874 г., т.е. с опозданием на десять лет. Это объяснялось долгим переходом башкир и их припущенников из военно-казачьего сословия в гражданское. Кроме того, незначительным удельным весом дворянского землевладения в крае. По её мнению, ведущей силой в земстве являлась передовая часть среднепоместного дворянства – прогрессисты – «шестидесятники». Крестьяне были мало подготовлены к земской деятельности, что объяснялось отсутствием у представителей этого сословия традиций участия в общественной жизни. Она заметила, что, несмотря на ограниченные возможности земских учреждений, были созданы реальные предпосылки для решения многих культурных и хозяйственных задач населения.

Г.В. Азаматова проследила становление и формирование земской начальной школы в различных уездах Уфимской губернии. Эволюция развития земской школы шла по схеме: вначале школа сельская, затем общественно-земская (с началом участия земства в ее содержании) и, наконец, только земская, когда основное содержание начальных учебных заведений покрывалось из средств местного самоуправления. Очень важным представляется освещение автором такого вопроса, как участие органов местного самоуправления в распространении правительственных школ среди нерусских народов и их попытка распространения среди мусульманского населения всеобщего обучения (2). Основная масса башкир и татар обучалась не в русско-инородческих школах, а в традиционных мектебах и медресе. Не обойдено вниманием и содействие земства среднему общеобразовательному, профессиональному и внешкольному образованию.

Второе направление в изучении земств Урала представлено работами обобщающего характера, в которых земской реформе 1864 г. уделяется внимание в контексте других «великих реформ» 1860-1870-х гг. на Урале (20;30;26;15).

Н.И. Леонов в своей работе (20) освещает подготовку и проведение земской реформы 1864 г. в Башкирии. Среди объективных особенностей земских учреждений в Уфимской и Оренбургской губернии автор называет запоздалость реформы местного самоуправления в крае, половинчатость и незавершенность ее.

Доведенное до 1900 года исследование Н.И. Леонова охватывает не весь период существования земских учреждений в Башкортостане. Историк не затронул ход и проведение земской реформы в Оренбургской губернии. Вместе с тем, его работа содержит анализ большинства юридических актов, которыми регулировалась деятельность органов местного самоуправления в Уфимской губернии. Он освещает основные этапы истории земства в Башкирии и иллюстрирует участие земств в общественно-политической жизни края. Сущность изменений, произведенных созданием и развитием института земских учреждений, исследователь показывает в сравнении с дореформенным строем местного самоуправления. Не обошел он вниманием и практическую деятельность земских учреждений.

На высоком научном уровне, с использованием опыта исследований по другим регионам выполнены работы В.Г. Савельева (30). В своих статьях по истории земских учреждений Южного Зауралья он отразил специфику органов местного самоуправления края, где «ядро» гласных составляли представители крестьянства и купечества. Историк предпринял сравнительный анализ Шадринского уездного земства с уездными земствами Европейской России и пришел к выводу, что здесь было представлено почти в 2 раза меньше дворян и чиновников из общего числа гласных и в 1,5 раза больше купцов и мещан (30). Эти факты выгодно отличали земства Южного Зауралья от многих других, поскольку обеспечивали заинтересованность гласных в мероприятиях, ориентированных на подъем капиталистического хозяйства.

Результаты изучения деятельности Шадринского земства были включены автором в свою диссертацию (30), где проведение земской реформы 1864 г. в Южном Зауралье органично вписано в эпоху либеральных реформ 60-70-х гг. XIX в. на территории края. Анализируя налоговую политику Шадринского уездного земства, В.Г. Савельев подчеркнул уравнительное обложение всех видов земель земским налогом. В Шадринском уезде обложение налогом земель приносило уездному земству около 90% всех земских сборов. По наблюдению историка к концу XIX века наметился поворот земства к нуждам кустарного крестьянского производства. Однако отсутствие необходимой материальной базы объективно ограничивало сферы земской работы и не привело к заметным изменениям экономической ситуации в Южном Зауралье во второй половине XIX века. Земские органы, лишённые реальной власти, не могли полностью решить вопросы налогообложения крупных промышленных предприятий и стали ориентироваться в своей деятельности к концу XIX века на поддержку ссудно-сберегательных товариществ.

Третья группа историографических источников представлена научными изысканиями разного уровня. В последние годы на волне нового подъема интереса к истории земства вышли работы: О.А. Курсевой, И.В. Семченко, А.П. Абрамовского, Л.С. Кашихина, К.В. Кузьмина, Д.В. Гаврилова, В.Ю. Кузьмина, А.С. Еремина, Б.А. Сутырина, В.А. Никитина, Э.А. Черноухова, Е.Ю. Апкаримовой, В.И. Якунцева, Н.Н. Попова, Н.С. Мысляевой, П.А. Корчагина, А.А. Трофимова, О.А. Бухаркиной, Ю.В. Мартыановой. В этих работах, преимущественно в тезисной форме, отражен ряд аспектов деятельности земств на Урале в разные периоды их существования (по развитию кустарных и художественных промыслов, народного образования и здравоохранения, сельскохозяйственного производства, работе типографии Пермской губернской земской управы и т.д.). Публикация данных работ стала новым шагом на пути исследования истории земств Вятской, Пермской, Уфимской и Оренбургской губерний.

Общий характер носит исследование О.А. Курсевой (18). Она рассматривает вопросы организации и деятельности земских учреждений в период первой буржуазно-демократической революции в России. Ее работа выполнена в очерковом жанре и в целом дает определенное представление об институте земских учреждений вообще и о местных особенностях их деятельности в Уфе.

Работы, посвященные земскому самоуправлению Южного Урала, стоят некоторым особняком. Связано это с тем, что на территории Оренбургского края земские учреждения были введены лишь в 1913 г. Их специфику рассмотрели И.В. Семченко, А.П. Абрамовский, М.С. Нагорная (1;23). Особенное внимание исследователи уделили рассмотрению роли земских учреждений в становлении системы здравоохранения и народного образования.

Предметом научных изысканий А.С. Еремина стала земская школа Ирбитского уезда (9). Им был проанализирован преподавательский состав и сельскохозяйственное образование. Пристальное внимание историк уделил процессу преподавания и подготовки учителей. Исследователь отметил, что успешная постановка школьного дела земством, привела к росту грамотности сельского населения. Истории екатеринбургского земства и народному образованию в уезде в 1870-е гг. уделил внимание Б.А. Сутырин (33). Политику Шадринского земства в области народного просвещения в 1870-1890 гг. осветили В.А. Никитин и Ю.В. Мартыанова (24;21).

Проблемы горнозаводского образования на Урале в XIX веке рассмотрел Э.А. Черноухов (35). Мы не можем не назвать этого исследователя, поскольку один из этапов развития начального образования на горнозаводском Урале начиная с конца 1860-х – начала 1870-х годов был связан с деятельностью созданных земских учреждений. Уже в начале своей деятельности земства открыли в горнозаводских поселках Урала значительное количество школ и взяли под свою опеку многие из уже существовавших. К.В. Кузьмин охарактеризовал направления деятельности земств по подготовке учителей и улучшению положения учительства (16). Он выделил три основных направления деятельности местных уральских земств в деле подготовки учительских кадров, а именно: 1) через учреждение стипендий для подготовки кандидатов на учительские должности при уездных училищах без открытия педкурсов; 2) через учреждение земских стипендий в казенных учительских учебных заведениях и в дополнительных педклассах женских гимназий и прогимназий; 3) через устройство временных одногодичных курсов при двухклассных сельских училищах.

Типография Пермской губернской земской управы (1875-1918 гг.) стала объектом исследования Л.С. Кашихина (14). Либеральным деятелям народного образования и проблемам организации земской школы конца XIX – начала XX вв. уделил внимание А.П. Романов (28). Вклад земств в распространение агрономических знаний среди населения среднего Урала в конце XIX – начале XX вв. выявила Е.Ю. Апкаримова (3). Последствия земской реформы в развитии лечебного дела и санитарной службы проследил В.Ю. Кузьмин (17). Статья Д.В. Гаврилова посвящена опыту и урокам земств Урала второй половины XIX – начала XX вв. (6).

Новым явлением в уральской историографии в 90-е гг. XX в. явилось обращение исследователей к персонам земских деятелей. Наиболее часто исследователи обращались к личности Д.Д. Смышляева. Кроме уже упоминавшегося нами С.Н. Плотникова деятельности Д.Д. Смышляева уделил внимание В.И. Якунцов. Историк дал портретную характеристику Д.Д. Смышляеву как гласному Осинского земства (39). Различные аспекты земской реформы

и истории земств Урала осветили: Н.С. Мысляева, Н.Н. Попов, С.А. Корепанова, А.А. Трофимов, П.А. Корчагин, О.А. Бухаркина, В.Ф. Юдкин, Ю.А. Кашаева, К.П. Карпинский, И.М. Зверева, Л.И. Потёмкина, В.В. Шилов, В.Е. Гендель, Т.Д. Рубанова (22;26;19;34;15;5;37;13;12;11;27;36;7;29).

В целом за последнее время резко обострился интерес уральских историков к земскому самоуправлению реформе в крае. Современное его изучение характеризуется значительным расширением тематики исследований, постановкой малоизученных проблем, разработкой тех вопросов, которые еще до недавнего времени были «белыми пятнами» в региональной историографии. Сегодня каждый исследователь, рассматривая судьбу уральских земств и земцев, идет своим путем, отбирая собственный круг проблем и имен, выстраивая свою модель их изучения, определяя территориальные и хронологические рамки. Новейшая историография представлена исследованиями разного уровня: от узких тем конкретной деятельности земств в той или иной сфере, до обобщающих исследований. Эти работы представляют несомненный интерес, так как позволяют расширить наши знания о тех проблемах региональной истории, которым до недавнего времени не уделялось должного внимания.

Список литературы

- Абрамовский А.П. Семченко И.В. Земское внешкольное образование на Южном Урале в 1917-1918 годах // Вестник Челябин. ун-та. Сер.1. История. 1995. № 1. С.73-82.
- Азаматова Г.В. Деятельность Уфимского земства в области народного образования (1874-1917 гг.): Автореф. дис. ... канд.ист.наук. Уфа, 2000.
- Апкаримова Е.Ю. Вклад земств в распространение агрономических знаний среди населения среднего Урала в конце XIX – начале XX вв. // Четвертые Татищевские чтения. Екатеринбург, 2002. С.39-44.
- Богатырева О.Н. Земское самоуправление в Вятской и Пермской губерниях в пореформенный период (60-90-е гг. XIX в.): Автореф. дис. ... канд.ист.наук. Екатеринбург, 1996. Богатырева О.Н. Эволюция системы местного управления в Вятской и Пермской губерниях (1861 - февраль 1917): Автореф. дис. ... д-ра ист.наук. Екатеринбург, 2004.
- Бухаркина О.А. Вначале было земство // Областная газета 2000. 24 мая.
- Гаврилов Д.В. Уральское земство второй половины XIX – начала XX вв.: Опыт и уроки // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 1996. № 3. С.121-133.
- Гендель В.Е. Почта и марки Шадринского земства // Шадринская старина, 1993. С.30-37.
- Елисафенко М.К. Земство и начальное образование на Урале (вторая половина XIX – начало XX вв.): Автореф. дис. ... канд.ист.наук. Екатеринбург, 1996.
- Еремин А.С. Земская школа Ирбитского уезда //Ирбитский край в истории России. Екатеринбург, 1999. С.161-170.
- Женина Л.В. Земства Урала: взаимодействие с властными структурами и обществом (1890-1907 гг.): Автореф. дис. ... канд.ист.наук. Пермь, 2004.
- Зверева И.М. Участие земской интеллигенции в общественной жизни Осинского уезда // Русановские чтения. Оса, 2005. С.33-36.
- Карпинский К.Т. Ликвидация неграмотности Осинским земством // Осинский ежегодник. Оса, 1999. Вып.7. С.73-74.
- Кашаева Ю.А. Деятельность пермского уездного земства по развитию кустарных промыслов // Урал индустриальный. Бакуниевские чтения. Екатеринбург, 2005. Т.1. С.181-185.
- Кашихин Л.С. Типография Пермской губернской земской управы (1875-1918 гг.) // Страницы прошлого: Избранные материалы краеведческих Смышляевских чтений в Перми. Пермь, 1995. С.39-46.
- Корчагин П.А. История Верхотурья (1598-1926 гг.). Екатеринбург, 2001. С.69-89.
- Кузьмин К.В. Народное учительство Урала в 1861-1905 гг.: проблемы формирования: Автореф. дис. ... канд.ист.наук. Екатеринбург, 1995.
- Кузьмин В.Ю. Власть, общество и земство в развитии лечебного дела и санитарной службы // Вестник ОГУ. 2002. № 2. С.54-58.
- Курсеева О.А. Уфимское земство в период первой буржуазно-демократической революции в России // Социально-экономическое и политическое развитие Башкирии в конце XVI – начале XX в. Уфа, 1992. С.198-212.
- Корепанова С.А. Органы городского и земского самоуправления в подготовке и проведении Сибирско-Уральской выставки 1887 года // Четвертые Татищевские чтения. Екатеринбург, 2002. С.75-77.
- Леонов Н.И. Земская реформа 1864 г. // Буржуазные реформы 60-70-х годов XIX в. в Башкирии. Уфа, 1993. С.5-22.
- Мартыанова Ю.В. Шадринское уездное земство и внешкольное образование // Сборник научных трудов аспирантов и соискателей Курганского государственного университета. Курган, 2003. Вып.5 (гуманитарные науки), С.30-33.
- Мысляева Н.С. Из истории создания земств в Уфимской губернии // Теоретические основы государственной власти и самоуправления. Ижевск, 2001. Вып.3. С.191-195.
- Нагорная М.С. Земское самоуправление на Южном Урале накануне и в годы первой мировой войны (1913 - февраль 1917 г.): Автореф. дис. ... канд.ист.наук. Курган, 1999.
- Никитин В.А. Политика Шадринского земства в области народного просвещения в 1870-1890-е гг. // Вторые Уральские историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 1998. С.90-94.
- Плотников С.Н. Становление Пермского земства (1870-1879 гг.): Автореф. дис. ... канд.ист.наук. Пермь, 2000.
- Полов Н.Н. В годы «Великих реформ» // Екатеринбург. Исторические очерки (1723-1998). Екатеринбург, 1998. С.80-95.
- Потёмкина Л.И. Пермское земство в начале XX в. (1900–1905 гг.) // Пермский край: прошлое и настоящее. Пермь, 1997. С.76-78.
- Романов А.П. Либеральные деятели народного образования и проблемы организации земской школы (конец XIX – начало XX в.) // Вестник Челябин. ун-та. Сер.1. История. 2001. № 1. С.56-64.
- Рубанова Т.Д. Пермское губернское и Екатеринбургское уездное земство: конструктивное противостояние // Возрождение культуры народов Челябинской области: Материалы региональной научно-практической конференции. Челябинск, 2003. С.113-118.
- Савельев В.Г. Буржуазные реформы второй половины XIX века и их проведение в Южном Зауралье: Дис. ... канд.ист.наук. Курган, 1996.
- Севастьянов С.А. Земское самоуправление в Уфимской губернии 1874-1917: Автореф. дис. ... канд.ист.наук. Уфа, 2005.
- Семченко И.В. Земское самоуправление на Южном Урале в 1917-1918 гг.: Автореф. дис. ... канд.ист.наук. Челябинск, 1995.
- Сутырин Б.А. Из истории Екатеринбургского земства и народного образования в уезде в 1870-е гг. // Третьи Уральские историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 1999. С.37-41.
- Трофимов А.А. «Все настоящих остались без исполнения» (о благих намерениях и возможностях земства) // Областная газета. 1997. 28 марта.
- Черноухов Э.А. Горнозаводское образование на Урале в XIX веке: Автореф. дис. ... канд.ист.наук. Екатеринбург, 1998.
- Шилов В.В. Становление и функционирование органов местного самоуправления: история и современность // Страницы прошлого. Пермь, 2003. Вып.4. С.145-149.
- Юдкин В.Ф. Земская почта Чердынского уезда // Чердынь и Урал в историческом и культурном наследии России. Пермь, 1999. С.129-134.
- Юсупов М.Р. Культурно-просветительная деятельность земств Урала (1864 – февраль 1917 гг.): Автореф. дис. ... канд.ист.наук. Челябинск, 1999.
- Якунцов В.И., Д.Д. Смышляев – гласный Осинского земства // Пермский край: прошлое и настоящее. Пермь, 1997. С.71-72.

Н.А. Лушникова
Курганский Государственный университет

ПОСТСОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ АГРАРНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ ПОСЛЕВОЕННОГО ПЕРИОДА

Для постсоветской историографии аграрного развития России послевоенного периода характерен отход от апологетики и поиски новых подходов, решений в изучении проблемы. В конце XX – начале XXI веков появилось множество диссертационных работ, монографий по проблемам развития сельского хозяйства во второй половине XX века, чаще на региональном материале.

С начала 1990-х годов начинается новый этап историографии, связанный с кардинальными преобразованиями в жизни российского общества, отразившимися на условиях и направлениях развития исторической науки. Важнейшими его чертами стало расширение круга используемых источников, изменение методологических и методических подходов к изучению исторических процессов, позволившее переосмыслить аграрное развитие России в XX веке и перейти к решению принципиально новых задач. Появляется значительное количество обобщающих работ, в которых получило отражение новое видение аграрной истории. Характерной чертой данных исследований является резкая критика аграрной политики КПСС, утверждение ошибочности исходных теоретических и программных установок социалистической концепции, приведших в ходе их реализации к насилию над крестьянством, многочисленным ошибкам и провалам, сокращению сельского населения, хроническому дефициту продуктов питания (5, 7-8).

В постсоветский период появились работы, посвященные различным проблемам сельского хозяйства страны. Значительное внимание в них уделено аграрной политике государства в рассматриваемый период (4, 16).

Диссертация Л.А. Зайцевой – это комплексная работа по истории сельского хозяйства Бурятии в 1923-1985 гг., где поставлены и на основе разнообразных источников освещены вопросы многообразной истории сельского хозяйства в советский период, определены этапы развития сельского хозяйства, раскрыты модели развития сельского хозяйства, представлены новые подходы к освещению исторических событий 1920-1980-х гг. (1, 43).

Ю.В. Нечипас предпринял попытку комплексно исследовать эволюцию аграрной политики и аграрно-крестьянского вопроса в контексте общеисторических процессов 1945-1984 гг. Автором проведен научный анализ ряда партийно-государственных решений по реализации программы интенсификации сельского хозяйства и решения социальных проблем, доказано, что в целом аграрная политика данного этапа имела политическую направленность и была оторвана от экономических проблем советской деревни.

Исследование Нечипаса показало, что низкая эффективность аграрной политики в 1970-начале 1980-х годов определялась противоречиями между решениями мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, наметившего пути либерализации управления аграрным сектором, и стремлением партийного руководства сохранить прежние ориентиры в сельскохозяйственном развитии. Основой эволюции аграрного развития СССР в период «застоя» стало усиление не столько экономического, сколько административного нажима на сельскохозяйственного производителя.

Официально декларируя постоянство в осуществле-

нии планирования и неизменность в подходе к закупочным ценам, правительство в действительности увеличивало объемы изымаемой сельскохозяйственной продукции тем самым уменьшало прибыльность хозяйств. Колхозная система не могла существовать без финансовой политики «сверху», а следовательно, была полностью зависима от власти.

Были произведены расчёты, которые показали, что убыточные и низкорентабельные колхозы в конце 1970 – начале 1980-х гг. составили более трети коллективных хозяйств, несмотря на то, что определенная их часть в 1970-е гг. преобразовалась в совхозы с погашением всех накопившихся задолженностей.

Вложенные в 1970-1984 гг. в сельское хозяйство огромные средства не могли дать ожидаемого результата, поскольку их выделение не сопровождалось предоставлением экономической самостоятельности в аграрном секторе. Сказывалось и продолжавшееся ущемление экономических интересов крестьянства (3, 10-12).

Д.С. Орловым была предпринята попытка переосмысления исторического опыта с точки зрения выявления общего и особенного в развитии аграрного сектора Алтайского края во второй половине 70-х – первой половине 80-х годов XX века. Автор комплексно исследовал ряд проблем: организационно-хозяйственные, экономические, кадровые и социокультурные аспекты аграрного развития, которые рассмотрел в связи с имевшими место политическими факторами (4, 38).

Р.М. Куметеров, В.Д. Ткаченко и Н.А. Серогородский посвятили свои исследования проблемам развития сельского хозяйства отдельных регионов СССР и РСФСР. Ряд авторов исследовали социальную и культурную политику по отношению к деревне в рассматриваемый период (В.С. Бовтун). Также в поле зрения находились такие вопросы, как укрепление материально-технической базы сельского хозяйства, экологическая политика государства, развитие системы образования и здравоохранения на селе, а также ряд других проблем. Работа В.Я. Романченко посвящена исследованию проблем совхозного строительства в России.

В работе В.В. Наухацкого «Аграрная политика СССР в 1965-1990 годах: проблемы разработки и реализации» исследуется процесс разработки и реализации аграрной политики, её эволюция, а также динамика, тенденции и противоречия аграрного развития СССР в 1965-1990 годах. Автор дает обобщающую характеристику развития сельскохозяйственного производства. Также он обосновывает положение о том, что в указанные годы в СССР была реализована особая модель аграрного развития, которая была объективно направлена на модернизацию аграрной сферы с целью создания адекватного индустриальной стадии развития агропромышленного комплекса при условии сохранения социально-политических устоев общества. Аграрная политика того периода, по мнению автора, противоречиво соединяла в себе попытку модернизации сельского хозяйства социалистическими методами и укрепление социализма на путях модернизации аграрного сектора. Аграрная политика не в полной мере учитывала тенденции и закономерности развития современных производительных сил, осуществлялась преимущественно планово-административными методами с ограниченным использованием рыночных механизмов при односторонней ориентации на крупные формы организации производства. Автор дает также комплексную оценку курсу на развитие межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции. В.В. Наухацкий обосновывает вывод о том, что этот процесс в результате провозглашения его магистральным направлением развития сельскохозяйственного производства, принял чрез-

мерные масштабы, превосходившие потребности и возможности аграрной политики СССР. Он определяет Программную программу СССР как важный программный документ в области развития сельскохозяйственного производства, который объединил традиционные решения в экономической, материально-технической, организационной и социальной областях, но не изменил при этом основ аграрной политики. В.В. Наухацкий дает анализ характеру проявления аграрной политики СССР в рассматриваемый период, её динамики и основным противоречиям. Курс мартовского пленума, предусматривавший совершенствование экономических отношений в сельском хозяйстве, по его мнению, уже к началу 70-х годов оказался в значительной мере свернутым. Новый хозяйственный механизм, основанный на использовании товарно-денежных механизмов, создан не был. Попытка расширения хозяйственной самостоятельности колхозов и совхозов в рамках сохранения директивного планирования не удалась (2).

В.В. Милосердов и К.В. Милосердов в работе «Аграрная политика России – XX век» анализируют аграрное развитие страны в XX веке. Эту работу отличает некоторая тенденциозность в описании партийного руководства сельскохозяйственным развитием СССР. Значительное внимание в ней уделено периоду второй половины 70-х – первой половины 80-х годов XX века. В работе анализируются процессы межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции в сельском хозяйстве СССР, основные направления аграрной политики, проблемы планирования сельскохозяйственного производства. Серьезное внимание уделено Продовольственной программе СССР, которую авторы определяют как важный программный документ в области развития сельского хозяйства. Среди причин её неудачного внедрения называлось то, что её разработка началась, когда планы XI пятилетки были уже сверстаны и доведены до предприятий. Особо выделяется то, что столь масштабная программа разрабатывалась в стране впервые и потребовалось «на ходу» решать многие методологические вопросы, анализировать и выбирать приемлемые концепции дальнейшего развития сельского хозяйства. В одном из параграфов анализируются проблемы регионального хозрасчёта. Национальные регионы в Европейской части СССР лучше обеспечивались капиталовложениями. Авторы, в целом, признают нарастание кризисных явлений в сельском хозяйстве. Они обосновывают вывод о том, что в рассматриваемый период необходимо было принимать меры, связанные с совершенствованием экономических отношений и развитием социально-культурной сферы села. Тех мер, которые принимались партийными, советскими и хозяйственными органами, не хватало.

Сибирскими историками помимо широкого круга проблем сельскохозяйственного развития были затронуты такие темы, как переселение городских специалистов в деревню, выполнение городскими предприятиями заказов для села, и другие. Были изданы работы, в которых всесторонне рассматривались проблемы села Горно-Алтайской автономной области, входившей в состав Алтайского края (Э.П. Шмойлов, Ю.В. Кувшинов). Например, в работе И.Ф. Медведева рассматривались социально-экономические проблемы села национальных образований Сибири 1960-1985 годах. Автор на основе большого фактического материала анализировал результаты работы колхозов (4,16-19).

Опыт осуществлённых в России аграрных реформ обобщается в работах С.В. Бороздина и Г.Н. Никоновой. Исследователи выделяют в качестве главной проблемы советской аграрной экономики отсутствие надлежащей институциональной основы развития сельского хозяйства,

не позволившее эффективно использовать крупные инвестиции и материально-технические ресурсы, направляемые централизованно на село, сформировать устойчивое сочетание общественных и личных интересов сельских тружеников (5, 9).

Процесс трансформации аграрного производства и переход от экстенсивного натурального к механизированному интенсивному производству получил название «агротрансформация» и впервые был введен в научный оборот Г.Е. Корниловым. Исследователь разделил модернизационные процессы в деревне XX века на три фазы: в первой фазе агротрансформации (с начала века и до его середины) преобладало экстенсивное развитие сельского хозяйства, сопровождаемое нарастанием проблем продовольственного обеспечения страны. Во второй фазе (1950-1980-е годы) осуществлялся поиск путей адаптации советской экономической системы к условиям и требованиям НТР; аграрный курс носил ярко выраженный патерналистский характер. С 1990 годов, по мнению автора, начинается третья фаза агротрансформации, перспективой которой является завершение модернизации сельского хозяйства России. Одним из результатов трансформаций аграрной сферы в XX веке, по мнению Г.Е. Корнилова, стало раскрестянивание российской деревни – процесс, связанный с сокращением численности крестьянства, а также с изменением образа жизни сельских жителей (5,10).

Принципиально иной подход к исследованию аграрной истории советского периода предложен М.А. Безнин и Т.М. Димони. Они рассматривают аграрные отношения 1930-1980-х годов с позиции «капитализации» российской деревни, утверждают, что в условиях колхозного строя шло первоначальное накопление капитала, способствующее формированию протобуржуазии, типичное аграрное общество трансформировалось в специфический российский аграрный капитализм (5,11).

Глубокий анализ советской аграрной экономики был проведен в работах В.Г. Растяникова и И.В. Дерюгина. Авторы приходят к выводу, что за период существования советской власти в аграрной отрасли складывается «вне рыночная система хозяйствования», предполагающая затратный тип экономического развития в сельском хозяйстве, так как в основе ее лежал неэквивалентный обмен между городом и деревней, недостатки которого покрывались ростом государственных субсидий и дотаций в агросферу. Рост субсидирования происходил вследствие поддержания стабильных розничных цен на продовольственные товары в СССР как одной из главных основ социально-экономической политики советского государства. В итоге образовалась зависимость экономического развития сельского хозяйства от субсидий и дотаций государства, которая на рубеже 1980-1990-х годов была столь велика, что по РСФСР намного превышала все государственные расходы на образование и здравоохранение, вместе взятые (5,11).

Л.Н. Мазур изучила процессы сельской урбанизации России (5, 12).

Диссертационное исследование З.Ю. Пересёлковой представляет собой комплексное изучение аграрной политики советского государства и ее реализации на Южном Урале в 1980-е годы. Автор охарактеризовал состояние аграрной отрасли Южного Урала к началу 1980-х годов, рассмотрел процесс реализации Продовольственной программы СССР в Южноуральском регионе, проанализировал основные тенденции аграрного развития Южного Урала в годы XI пятилетки, исследовал процесс эволюции аграрных отношений в контексте политики «перестройки», раскрыл проблемы становления новых форм производственных отношений на Южном Урале, изучил проблемы и пути повышения эффективности аграрного

производства Южного Урала во второй половине 1980-х годов (5, 17).

Таким образом, в постсоветской исторической науке идут поиски новых решений в изучении российской аграрной политики и развития в послевоенный период. Большой вклад в исследование этого вопроса вносят сибирские и уральские исследователи (Л.Н. Мазур, З.Ю. Пересёлкова, Г.Е. Корнилов, И.Ф. Медведев и др.).

Список литературы

1. Зайцева Л.А. Развитие сельского хозяйства Бурятии, 1923-1985 гг. (Историческое исследование): Дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 1997. 577 с.
2. Наухацкий В.В. Аграрная политика СССР в 1965-1990 годах: проблемы разработки и реализации: Дис. ... д-ра ист. наук. Ростов н/Д, 1997. 542 с.
3. Нечипас, Ю.В. Эволюция аграрной политики СССР в 1945-1984 гг.: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005. 374 с.
4. Орлов, Д.С. Развитие аграрного сектора Алтайского края во второй половине 70-х – первой половине 80-х годов XX века: Дис. ... канд. ист. наук. Бийск, 2006. 296 с.
5. Пересёлкова З.Ю. Аграрная политика советского государства и её реализация на Южном Урале в 80-е годы XX века: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2010 // [www.ospu.ru / data / Perese / Kova.doc](http://www.ospu.ru/data/Perese/Kova.doc)

И.С. Менщиков

Курганский государственный университет

МИФ В СИСТЕМЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Очень часто в наши дни Клио называют музой истории. Это стало расхожим клише, и зачастую имя древнегреческой музы используется как красивая метафора в речи историков. Однако подобная практика не совсем верна. Клио никогда не считалась в Древней Греции музой истории, она являлась музой эпической поэзии. Элиминируясь от споров о месте и характере исторического знания в античную эпоху, хотелось бы обратить внимание на то обстоятельство, что если следовать греческой традиции, история (как система знания) происходит от героических мифов.

Мысль эта, безусловно, не нова, её можно обнаружить в любом современном учебнике по истории исторической науки или теории истории (6, 50 – 52). Первоначально исторические знания, точнее звания о прошлом бытовали у греков (как и у других народов) в форме мифов, героических сказаний, эпических песен. Классическим примером тому являются поэмы Гомера. В более позднее время мы обнаруживаем все черты мифологизма в отдельных частях работ Геродота, Платона, Аристотеля и других авторов. Попытаемся разобраться, что связывало ранние формы исторического знания с мифологией и почему.

Каждому человеку необходимо иметь память о своем прошлом. По всей видимости, это равносильно и для человеческих коллективов. В XX веке этот феномен получил название коллективных представлений о прошлом, коллективной или социальной памяти. Сказания о первопредках, культурных героях относятся к числу древнейших произведений человека (3, 164 – 169). На их основе складываются монументальные эпические системы, которые чаще всего рассказывают о происхождении народа, борьбе его с врагами. Главными персонажами этих сказаний становятся герои, наделенные сверхъестественными свойствами и воплощающие представления людей об идеалах добра, чести, красоты и т.д., некий образец для подражания для грядущих поколений. Архаический

эпос обобщает историческое прошлое посредством языка и концепций первобытных мифов, следуя при этом традиции первобытного повествовательного фольклора (3, 269). Вся эта мифологическая составляющая, подпочва, по выражению Е.М. Мелетинского, сохраняется и в развитых, классических формах эпоса, таких, как «Илиада». В отличие от архаической эпики эти сказания опираются на исторические предания и пользуются их «языком» для повествования о событиях далекого прошлого, но в то же время прошлого не мифического, а исторического, точнее – квазисисторического. Главное различие здесь, по мнению Е.М. Мелетинского, не в степени достоверности рассказа, а в языке повествования. Эти рассказы оперируют не космическими терминами, а географическим названием, историческими именами, этническими категориями. Время в таких эпосах строится по мифическому образцу, то есть как начальное, как время активных предков, но речь при этом идет не о творении мира, а о заре национальной истории, об устройстве древнейших государственных образований. В этих сказаниях многое родственно мифу, но «шаманский» ореол эпического героя полностью отпадает, уступая место чисто воинской героической этике. Он не воспринимался как вымысел в отличие от сказки (3, 276).

Мифу посвящено и посвящается множество работ, в том числе и мифу идеологическому. Если не вдаваться в теоретические дискуссии, то следует обозначить три понимания мифа, распространенных в науке. Во-первых, это архаический миф, главным признаком которого является синкретизм, это упрощенная образная схема мира, объясняющая и предписывающая определенный образ действий. Во-вторых, это художественный миф, распространенный в литературе. И, в-третьих, это социальный обман, вызванный к жизни процессами ремифологизации XX века и использующий искусственно возрожденные механизмы архаического мифа (7, 227).

Оставляя в стороне особенности первобытного или архаического мышления, попробуем разобраться, какие же функции выполнял и продолжает выполнять миф. Вопрос этот достаточно сложен. Ответ на него уводит нас в дебри культурологических и антропологических школ и направлений, бурно развившихся в XX веке. Если же брать некие обобщенные варианты ответов, то можно выделить следующие функции мифа.

На первом месте, пожалуй, стоит объясняющая в самом широком смысле. Миф рассказывает, как появился человек и почему идет дождь, почему рыбы живут в воде, а у папуасов черная кожа. Объяснение упорядочивает мир, преодолевает дурную бесконечность, превращает хаос в космос. Миф объясняет сложное через простое, менее понятное через более понятное. Отсюда стремление мифического сознания (что, по всей видимости, является особенностью человеческого мышления) к дихотомии хорошее/плохое, жизнь/смерть, друг/враг (3, 168). Миф призван не только объяснить существующий мир, но рассказать, почему в нем не все так хорошо, чтобы не сказать – все плохо. Он справляется и с этой функцией, которую называют компенсаторной, или утешающей, а заодно подсказывает, как возможно преодолеть существующее зло. Наконец, в квазисисторических и эпических мифах присутствует ярко выраженное объединяющее начало. Миф отсылает к единству предков у этнической группы или иным единством у других социальных групп. Он указывает на их врагов, с которыми надо бороться и тем самым требует сохранения единства этих групп. Это особенно заметно в различных героических сказаниях. Зло оказывается персонифицированным, а значит с ним уже можно бороться. При этом герой всегда или почти всегда прав: если он идет напролом, то это

признак силы и мужества, а если пускается на хитрость, то признак недюжинного ума, тогда как антигерой в этих же случаях демонстрирует тупость («сила есть, ума не надо») или подлость, коварство.

Интересно и отношение ко времени в рамках мифического сознания. Оно совершенно не имеет такого значения, как в нашем мире. То, что рассказывается в мифе или сказании происходило вчера или тысячу лет назад – это неважно. Это находит своё выражение в словах, которыми обозначается время действия: «давным-давно», «как-то раз», «и вот однажды», «случилось так, что». Если и существуют конкретные единицы времени (день, месяц, год), то они почти всегда сводятся к сакральным числам: 1, 3, 7, 9, 12, 40. Для обозначения больших длительностей применяются числа 100 или 1000 (8, 74 – 79).

Мифы продолжают существовать и возникать и в наши дни. Попробуем рассмотреть причины этого в исторической и идеологической сферах и выявить функции его. Как отмечает М. Леруа, «Миф не столько отображает действительность, сколько преобразует её» (2, 418). Миф призван мобилизовать сторонников, демонизировать противников и дать правдоподобное объяснение событиям прошлого, он способен объяснить все события истории, разгадать все тайны. Обнаружив врага, миф помогает снять страхи, существующие в общественном сознании. Он настраивает общественные группы против такого «козла отпущения, источника коллективных тревог и опасений, чьими вредоносными действиями объясняются беды общества» (2, 437). Таким образом, миф не просто создается и навязывается, общество или некая общественная группа уже готовы принять его, равно как и объяснения и предсказания, которые он содержит. «Миф призван снять травму, воссоздать ускользающее единство окружающего мира, разломанного историческими драмами... Миф – это лекарство обыденного сознания и одновременно – его экспансия... И наряду с этим одним из главных признаков оказывается простота, схематизм, антиисторизм. Но в этом совпадении идеологического заказа с общественными настроениями кроется куда более серьезная опасность, чем просто идеологизация учебников. Забывание не может по-настоящему излечить от травмы, избавление от мучительных моментов истории обязательно оборачивается отказом от рационального познания, а значит — неизбежностью использования невежества в целях манипуляции» (7, 427 – 428).

Напомнив в самых общих чертах теорию мифа, следует обратиться к непосредственной проблеме данной статьи, а именно роли мифа в системе исторического знания.

Как уже отмечалось, склонность к созданию мифов присутствует и в наши дни, причем как на бытовом, так и на профессиональном уровне. По всей видимости, такая природа человеческого сознания. Мифологизация прошлого – одна из основных составляющих этого явления. Мифологизация активно представлена в историософии, где нет конца рассуждениям о корнях, истоках, путях, ступенях и т.д. (9, 253). Эти архаические, или мифологические, способы конструирования прошлого отмечают в одной из своих интереснейших работ И.М. Савельева и А.В. Полетаев, особую роль играют в идеологии. «Достаточно напомнить, – пишут они, – мифы о первопредках и мифических героях... Эти два типичных элемента архаического знания по сей день выступают в качестве прототипов при формировании образов прошлого (прошлого данной нации и её исторических деятелей)» (9, 253).

Однако почему миф находит свое место в исторической науке, которая в силу самой принадлежности к науке как таковой враждебно должна относиться к любым попыткам мифологизации прошлого или во всяком случае представлений о нем.

Допущение мифа в предметное поле исторической науки происходит, по нашему мнению, в силу двух причин. В первом случае историк добросовестно пересказывает или даже создает миф в рамках своего нарратива. Это может происходить от того, что историк недостаточно подготовлен в профессиональном смысле и не всегда способен отделить вымысел предшественника от правды. Так, например, в многочисленных учебниках и даже монографиях повторяются слова Людовика XIV «Государство – это я», которых он никогда не произносил и которые не отражены ни в одном историческом источнике (1, 4, 92–93). Однако действует историографическая традиция и доверие к предшествующим авторитетам. Так появляются и закрепляются представления о том, что Петр I был «хорошим» царем, а Павел I, напротив, «плохим».

Историк может сознательно заниматься упрощением истории и созданием неких мифов, когда этого требует аудитория. Например, в учебниках по истории для школ неизбежно упрощение, хотя бы только потому, что детское мышление не в состоянии понять сложность исторического процесса. Подобное же явление можно встретить и в научно-популярных изданиях, адресованных широкой публике. Ясность и понятность изложения требуют определенных жертв. Вместе с тем, нельзя не отметить, что именно школьные учебники являются главным хранилищем и рассадником исторических мифов, которые, к тому же, имеют претензии на научность. В меньшей степени это замечание применимо к учебным пособиям для высшей школы.

Наконец, нельзя сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что историк тоже человек, со своими симпатиями и антипатиями. Занимаясь какой-либо эпохой, он начинает несколько по-иному понимать её, то, что Л. Февр называл «жить историей». В этом случае также имеет место добросовестное мифотворчество.

Однако наиболее частой причиной создания мифа является политическая и идеологическая конъюнктура. Ярким примером является случай прямого заказа. Еще с незапамятных времен правители и вельможи заказывали исторические сочинения, призванные возвеличить их и опорочить врагов. В последние двести лет в этом качестве все чаще выступает государство, а история становится заложником политики. Достаточно вспомнить целую плеяду советских историков, которые были вынуждены либо писать в духе официальной идеологии, либо в лучшем случае молчать. «Мало кто из историков, от Фрейзинга до Вольтера, от Полибия до Лависса, от Тацита до Моммзена, во имя науки не был бы на службе у коронованного лица, у государства, у отечества или у какой-нибудь партии», – отмечает М. Ферро (12, 47).

Можно припомнить и случаи, когда перо откровенно продавалось. Примером того может стать Лео Таксиль (настоящее имя Габриэль Антуан Жоган-Пажес). В годы, когда Гамбетта провозгласил: «Клерикализм – вот враг», он выступил с серией антирелигиозных памфлетов. Наиболее известный из них «Священный вертеп» (10), написанный по заказу Антиклерикального общества в 1879 г. В книге, написанной с претензиями на историчность, автор показывает «ложь, предательство, убийство, стяжательство, разврат – основные деяния тех, кто провозглашал себя заместителями Бога на земле, проповедовал терпение, кротость и смирение». Затем Таксиль раскаялся и занялся сочинением историй о мировом жидомасонском заговоре и поклонении дьяволу, а потом он заявил, что все эти двенадцать лет водил римскую церковь за нос и выпустил «Забавную Библию». Книги Таксиля по большей части собрание басен и побасенок, непроверенных фактов и сомнительных источников. Но «факты», приведенные, скажем, в «Священном верте-

пе» по истории папства охотно цитировались в советских учебниках и научно-популярной литературе без всякой дополнительной проверки.

Даже великие историки не избежали участи сознательных мифотворцев. Мифы, созданные их пером, получили особую весомость благодаря их имени и таланту. Можно вспомнить великого французского историка Ж. Мишле. «XVI и XVII векам, - пишет он, - я устроил ужасный праздник. Рабле и Вольтер смеялись в своих могилах. Околевшие божества, истлевшие короли предстали без покрывала. Пошлая история условностей, это стыдливая недотрога, наконец исчезла. Безжалостному анализу было подвергнуто правление покойников от Медичи до Людовика XIV» (1, 6). В этой цитате особенно настораживает не только излишне эмоциональный тон, но и фраза «безжалостный анализ». Именно безжалостный, а не беспристрастный или глубокий. Великий французский историк внес немалый вклад в критику «Старого режима», принес историческую истину в жертву своим убеждениям.

Другой видный французский историк Эрнест Лависс был, по сути, официальным историком Третьей республики в конце XIX – начале XX века. Многочисленные издания по истории начинала со школьных и кончая обобщающими исторически курсами не избежали прямого или косвенного влияния этого историка, которое сохраняется и по сей день. Ф. Блюш отмечает, что для этого историка характерен большой научный подход, но, излагая факты истории «Старого режима» и Французской революции, он «всё время перемещается из кресла судьи в кресло обвинителя, словно изображает суд истории. Разумеется, он смотрит на вещи шире, чем Мишле». В изданиях, предназначенных для взрослых, он более сдержан. Но в учебниках для начальной школы он повторяет устоявшиеся мифы (1, 26).

Сходные случаи мы можем обнаружить и в отечественной историографии. Мы оставляем в стороне спорные вопросы истории XX века, но интересны мифы, связанные с возникновением государства и русичей. Пресловутый спор так называемых норманистов и антинорманистов в советской историографии был решен однозначно. Здесь свою роль сыграл выдающийся историк академик Б.А. Рыбаков. Разбор его научного наследия выходит за рамки данной статьи, а критика его теорий была бы излишне самоуверенной с нашей стороны. Рассмотрим поэтому в нескольких предложениях критическую статью А.П. Новосельцева, в которой он раскрывает мифотворческую составляющую его трудов. «Уже в ранних трудах Рыбакова намечилось стремление внедрить в историографию ряд положений и трактовок, не опирающихся на источники, надуманных, конъюнктурных. Пример — его статьи начала 50-х годов о Хазарии» (4, 24). Последовательно и методично анализируя труды Рыбакова, А.П. Новосельцев отметил ряд нятяжек в использовании источников. Полулегендарный Кий становится родоначальком туземной династии, «и все это для того, чтобы развенчать мифический норманизм, якобы и ныне подрывающий устои нашей исторической науки». Продолжая анализ работы Рыбакова «Киевская Русь и русские княжества в IX-XIII вв.», он указывал, что её автор старается принизить историческое значение второго (после Киева) центра древней Руси — Новгорода. Рыбаков такую роль Новгорода не признает, и Новгород превращается под его пером в «крепостицу», построенную или самими словенцами, или киевским князем в северных пределах государства. Фактически Рыбаков борется даже не столько с тезисом норманистов об основании Древнерусского государства варягами, сколько против возможности рождения восточнославянской государственности

на русском Севере. «Вот такой «мир истории» подарил читателю Рыбаков! Его фантазия создает порой впечатляющие (для неспециалистов) картины прошлого, не имеющие, однако, ничего общего с тем, что мы знаем из сохранившихся источников. Любая наука нуждается в гипотезах, но то, что делает с историей Руси Рыбаков, к научным гипотезам отнести нельзя» (4, 31 – 32).

Итак, мы видим, как миф попадает в солидные монографии, а не просто в учебники. Между легендой и подлинным историческим сочинением существует большой разрыв, и по мере удаления события от наших дней разрыв продолжает увеличиваться. «Легенды упрямы! Они редко когда склоняются перед напором очевидных фактов... воображение невозможно сковать логикой и здравым смыслом. К загадкам можно найти разгадки, легенды же бессмертны» (5, 245 – 246).

Выше уже говорилось, что простые объяснительные схемы помогают не только выстроить простые, а лучше сказать — упрощенные причинно-следственные связи, но и снять напряжение в общественных группах. Исторические мифы помогают этим группам получить представление о своем прошлом, объединиться и обнаружить образ врага не только в настоящем, но и в прошлом. «Миф черпает свою легитимность и убедительность в повторении одних и тех слов и образов» (2, 18). Тем самым можно объяснить многие недостатки современного общественного развития и выявить, что в общественных бедах виноваты монголо-татарское иго, бояре-изменники, глупые цари или жидо-масонские заговоры. Простота таких объяснений и романтическая загадочность помогают «черным легендам» или «белым легендам» закрепиться в историческом сознании, самовоспроизводиться и фактически подменять истину.

Список литературы

1. Блюш Ф. Людовик XIV. М., 1998.
2. Леруа М. Миф об иезуитах: от Беранже до Мишле. М., 2001.
3. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 2006.
4. Новосельцев А.П. «Мир истории» или миф истории? // Вопросы истории. 1993. №1.
5. Птифис Ж.К. Железная маска: между историей и легендой. М., 2006.
6. Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. М., 2006.
7. Соловьев С.М. Идеологические мифы в современных учебниках истории // Отражение событий современной истории в общественном сознании и отечественной литературе (1985 — 2000): Материалы научно-практической конференции, 27-28 октября 2009 года. М., 2009.
8. Савельева И.М., Полетаев А.В. Теория исторического знания. М., 2008. С. 11 -27, 407- 420.
9. Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. СПб., 2003. Т.1. Конструирование прошлого. С. 253.
10. Таксиль Л. Священный вертеп. М., 1988.
11. Конструирование прошлого. СПб., 2003.
12. Ферро М. Кино и история // Вопросы истории. 1993. № 2.

Ю.Н. Кряжев
Курганский государственный университет

С.А. МУРОМЦЕВ – ГЛАВА ПЕРВОГО РОССИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТА НАЧАЛА XX В.

Среди депутатов I Думы было немало представителей интеллигенции — адвокатов, профессоров, приват-доцентов, учителей, врачей, литераторов, публицистов и

других. Если к этой категории присоединить и тех, кто находился на службе в земском самоуправлении, то окажется, что в составе Думы интеллигенция едва ли не преобладала. В этом состояла существенная особенность первого российского парламента. Это была его сильная сторона, которая обеспечивала высокий профессионализм в работе Думы, давала ей возможность не только осуществлять законотворческую деятельность на высоком уровне, но и находить при этом такие подходы, которые снимали бы напряженность в обществе, содействуя постепенному его переходу к более цивилизованным формам и методам управления государственной жизнью.

К сожалению, столь высокий интеллектуальный потенциал Думы в конечном счете оказался невосребованным. Вместе с тем представители интеллигенции, чутко, иногда излишне эмоционально реагируя на события, происходившие в стране, острее, чем другие социальные группы, осознавая свою ответственность перед трудовой и обездоленной частью общества, нередко приносили в стены парламента настроения улицы, превращая заседания в политические митинги, что крайне осложняло ее работу. И все же, несмотря на свою «революционность», в чем ее часто, хотя далеко не всегда справедливо упрекали, I Государственная дума стремилась к тому, чтобы, не втягиваясь в нескончаемые столкновения с правительством, заниматься своим прямым делом – законотворческой работой (2, 68).

К этому призывал Думу ее председатель С.А. Муромцев, заслуги которого перед российской демократией по настоящему еще не оценены. Единодушно избранный на этот важный пост, он делал все от него зависящее, чтобы не допустить превращения Думы в арену острых политических конфликтов как между различными фракциями, партиями и группами внутри Думы, так и между Думой и правительством. Это был человек огромного таланта, обширнейших знаний и большого политического опыта. Принимая активное участие в освободительном движении и будучи искренним сторонником обновления России, Муромцев был глубоко убежден в том, что старые порядки не могут сохраняться в неизменном виде, что недалеко то время, когда не одни только чиновники будут вершить государственные дела, но и сам народ получит возможность участвовать в них. К этому времени, полагал он, надо тщательно готовиться. «Пусть оно не застанет нас врасплох, – говорил Муромцев. – Необходимо заблаговременно составить те самые законы, которые мы стали бы предлагать и поддерживать, когда явились бы по выбору народа в законодательное собрание» (4, 7–8).

К моменту избрания Муромцева депутатом первого российского парламента он имел уже солидный опыт разработки важнейших документов, с которыми он и его единомышленники обращались в правительство. Еще в период царствования Александра II он направил правительству, которое возглавлял тогда М.Т. Лорис-Меликов, записку с изложением своих взглядов на ситуацию в России, неустроенность российской жизни, ратуя за преобразование всей государственной жизни. Главным условием успешного осуществления процесса обновления он считал призвание выборных представителей народа к участию в управлении государством и предоставление свободы развитию и выражению российской общественной мысли. Вместе со своими коллегами Ф.Ф. Кокошкиным, Н.Н. Львовым и Н.Н. Щепкиным, впоследствии избранными, как и он, депутатами Думы: Кокошкин — первой, а двое других — III Думы, Муромцев подготовил и опубликовал проект российской конституции. Он был непременным участником земских съездов, как профессор Московского университета и крупный специалист в области римского права вел большую научно-преподаватель-

скую деятельность, издавал журнал «Юридический вестник». За свои свободолюбивые идеи, которые многим казались крамольными, он подвергался остракизму, был отстранен от должности университетского профессора.

Среди депутатов Думы он был одним из лучших законников, глубоко и профессионально разбиравшимся во всех тонкостях юриспруденции. Почти единогласно избранный председателем первого российского парламента, Муромцев в своей краткой речи удивительно емко и четко изложил свое понимание роли и места Думы в обновляющемся российском обществе, отметив ее исключительно важное предназначение как постоянно действующего законодательного учреждения, способствующего переходу страны на путь конституционного развития. Всегда спокойный, тактичный, уравновешенный и величественный он обратился к членам Думы со следующими словами: «Кланяюсь Государственной думе. Не нахожу в достаточной мере слов для того, чтобы выразить благодарность за ту честь, которую вам, господа, угодно было мне оказать. Но настоящее время — не время для выражения личных чувств. Избрание председателя Государственной думы представляет собою первый шаг на пути организации Думы в государственное учреждение. Совершается великое дело, воля народа получает свое выражение в форме правильного, постоянно действующего, на неотъемлемых законах основанного, законодательного учреждения. Великое дело налагает на нас и великий подвиг, призывает к великому труду. Пожелаем друг другу и самим себе, чтобы у всех нас достало достаточно сил для того, чтобы вынести его на своих плечах на благо избравшего нас народа, на благо Родины. Пусть эта работа совершится на основах подобающего уважения к прерогативам конституционного монарха и на почве совершенного осуществления прав Государственной думы, истекающих из самой природы народного представительства» (3, 3).

Это была единственная речь Муромцева в Государственной думе. Как отмечали многие его друзья и коллеги, в частности член Думы второго созыва профессор А.А. Кизеветтер, Муромцев был убежден в том, что председателю не следует участвовать в дискуссиях, разворачивавшихся на ее заседаниях и нередко принимавших довольно острый характер. Его обязанности ограничивались поддержанием порядка, а также нельзя было позволять никому из депутатов пренебрегать предусмотренными законом регламентом и правилами. Он никогда никому не мешал свободно высказывать свои мысли, но в то же время решительно не допускал никаких грубых выражений, брани, насмешек. Он останавливал всякого, у кого хотя бы случайно срывалось с языка бранное или даже просто насмешливое слово. Все депутаты, полагал он, должны уважать друг друга и самую Думу, в которую они посланы народом и потому должны держать себя там «вежливо, чинно и благоговейно, как в церкви. Вот чего требовал Муромцев. Он был при этом глубоко беспристрастным. Он не смотрел на лица. Всем одинаково делал он строгие замечания, если это было нужно: своим друзьям точно так же, как и своим противникам» (4, 13–14).

Именно поэтому он пользовался огромным уважением и авторитетом среди депутатов независимо от их политических пристрастий и идеологических убеждений. Муромцев, возможно, лучше, чем кто-либо другой, понимал, сколь важной и значительной может и должна быть роль Государственной думы в процессе обновления России. По его мнению, I Дума, несмотря на то, что ей не суждено было решить многие стоящие перед нею задачи, «впервые придала неорганизованному, наполовину стихийному движению народа формы организованные»,

содействуя тому, что политические партии, встретившись в ее стенах, «впервые поняли, что пора сойти с почвы митинга и стать на почву организованного собрания». Он считал, что Дума послужила «некоторому сближению общества и правительства», наметила определенную «возможность уменьшения той пропасти, об уничтожении которой мечтал даже такой государственный человек, как Плеве, который вопрошал всех обращавшихся к нему общественных деятелей: как бы уничтожить пропасть, отделяющую общество от правительства» (5, 121).

После роспуска I Думы Муромцев как один из участников совещания ее депутатов в Выборге и авторов так называемого Выборгского воззвания (10 июля 1906 г.) был арестован. Ему приписывали слова, которые он якобы произнес, открывая совещание в Выборге: «Заседание Думы продолжается». Конечно, Муромцев не мог произнести таких слов хотя бы потому, что был глубоко убежден в необходимости добиваться решения всех вопросов исключительно законным, конституционным путем. Об этой черте его характера, наложившей отпечаток на всю его деятельность, говорили многие ораторы на панихиде по Муромцеву, скончавшемуся 4 октября 1910 г., через четыре с лишним года после роспуска I Думы. Все, что произошло с I Думой и после ее роспуска, подорвало его силы. Муромцев умер в возрасте шестидесяти лет. Хоронила его — без преувеличения — вся Москва (1).

Окончательное решение о роспуске Думы было прерогативой Николая II. Однако, как правило, к этому его подталкивало правительство, а точнее премьер-министры. С первых же дней работы Государственной думы она вызывала раздражение, если не сказать злобу, у высших правительственных чинов, и прежде всего премьер-министра Горемыкина. Нередко виновником этого была сама Дума, обрушивавшая на членов правительства град тяжких обвинений. В самом деле, могло ли правительство, каким бы оно ни было, спокойно выслушивать и тем более соглашаться с тем, что говорил, например, депутат от Тверской губернии кадет Ф.И. Родичев: «Если правительство будет ответственно только перед монархом и не ответственным перед Думой, ничего не будет, и процесс обновления невозможен»; или заявление другого члена Думы, тоже кадета, князя Д.И. Шаховского, депутата от Ярославской губернии, о том, что «подчинить министров Думе — только в этом наша задача, в этом главная потребность страны» (3, 157).

Еще более резко эта мысль прозвучала в ответном адресе Думы на тронную речь Николая II, в котором говорилось, в частности, и о том, что «обновление жизни возможно лишь на основе свободы, самостоятельности и участия самого народа в осуществлении власти законодательной и в контроле над властью исполнительной» и поэтому никакое умиротворение страны невозможно, пока «все министры не будут ответственны перед народным представительством и сообразно с этим не будет обновлена администрация на всех ступенях государственной службы» (3, 239–240).

В.Н. Коковцов, в ту пору министр финансов, называл такое давление Думы на правительство «штурмом власти», усматривая в этом главный лозунг, под которым развивалась деятельность I Думы. В своих воспоминаниях он пишет: «Все мы были совершенно солидарны в том, что уступка натиску Думы просто недопустима, и в этом отношении самые убежденные противники нового строя по складу своих убеждений, как Ширинский-Шихматов и Стишинский, так же как и поборники идеи полной готовности правительства идти навстречу новым течениям, если только они не находятся в непримиримом несогласии с только что дарованными России основными законами и обеспеченными ими прерогативами верховной

власти, — а в числе их был, пожалуй, на первом месте покойный Столыпин, не говоря о мне самом, потому что я никогда не имел в мыслях отступать в чем бы то ни было от изданных новых законов и был полон самой широкой готовности идти навстречу честного выполнения их, — все мы ясно сознавали, что борьба неизбежна и что никто из нас, не нарушая своего долга перед Государем и перед страной, не имеет права отойти от тех трех основных положений, разрушение которых было поставлено задачей первых думских выступлений» (Коковцов имел в виду такие требования Думы, как отмена права собственности на землю в порядке принудительного ее отчуждения и передачи крестьянам; переход власти из рук правительства, ответственного перед Николаем II, к правительству, ответственному перед народным представительством и назначенному из его состава; захват всей власти управления народным представительством) (3, 154).

С первых же дней работы Думы правительство и прежде всего его глава Горемыкин пытались убедить Николая II в необходимости ее роспуска. В конце концов это удалось сделать, и 8 июля 1906 г. был подписан указ о роспуске I Думы. Боясь, как бы Николай II не передумал и не отказался от принятого решения, Горемыкин, если верить П.Г. Курлову, вернувшись от императора домой и имея при себе подписанный им указ, лег спать, сославшись на переутомление, приказав, чтобы ни в коем случае его не будили, даже если за ним пришлют из дворца. За ним действительно присылали, но никто не решился его потревожить (5, 60).

Конечно, I Дума, просуществовавшая всего лишь 72 дня, не могла за столь короткий отрезок времени решить даже малую часть тех задач, которые перед нею ставила совершенно новая эпоха, открывавшаяся перед Россией. Очевидна и ничем неоправданная поспешность Думы в постановке и решении ряда ключевых проблем развития российского общества без учета всей сложности политической ситуации в стране. Не избежала Дума и излишней революционности, что нередко мешало созданию спокойной рабочей обстановки. Все это верно, как справедливо и то, что оценивать I Думу необходимо с учетом реальной обстановки, в которой она появилась и которая не могла не оказать влияния на всю ее деятельность.

Не так уж был неправ товарищ председателя I Государственной думы Н.А. Гредескул, утверждавший, что «пройдет время, и мы всенародно увидим и признаем, что первое русское народное представительство это — во всем ее значении — непреходимая грань, отделившая старую, уже отжившую Россию от России новой, предназначенной к подъему и расцвету. Конец старой России наступил под громы и ужасы японской войны; он сопровождался небывалым для России историческим унижением. Вследствие этого в России началось широкое народное движение. Но это движение не перешло во всеразрушающую революцию, потому что оно превратилось в факт народного представительства. Подсознательный гений народа не разметался, не разбросался в разрушении, — он, наоборот, сосредоточился в созидании, и ясный, продуманный, всенародно одобренный план этого будущего созидания начертан первым русским парламентом» (1, 46–47).

Список литературы

1. *Венок на могилу Сергея Андреевича Муромцева. М., 1917.*
2. *Винавер М. Конфликты в первой Думе. СПб., 1906.*
3. *Государственная дума. Созыв первый. Стенографические отчеты. СПб., 1906. Т. 1.*
4. *Кизеветтер А.А. Сергей Андреевич Муромцев, председатель первой Государственной думы. М., 1919.*
5. *Курлов П. Конец русского царизма. М.- Пг., 1923.*
6. *Муромцев С. Статьи и речи. М., 1910. Вып. V: в области политики и публицистики (1880–1910).*

С.А. Ревнякова
Государственный архив
общественно-политической документации
Курганской области,
г. Курган

ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ СОВЕТСКИХ И ПАРТИЙНЫХ ОРГАНОВ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ СССР 1923-1925 ГГ.

Внешняя политика является тем показателем, который характеризует независимость, значимость и силу государства. Поэтому руководителям высших органов власти важно знать, как жители страны воспринимают, тот или иной внешнеполитический шаг. Отчасти проследить, как у населения формировалось представление о внешнеполитической деятельности СССР середины 1920-х гг., помогают делопроизводственные документы.

Изучаемые документы хранятся в Государственном архиве общественно-политической документации Курганской области. Ряд докладов, протоколов не имеют даты, подписей, печатей сельских советов. О подлинности этих документов можно судить по косвенным признакам, например, почерк, лексика, бумага.

Внешняя политика всегда находилась под жестким контролем властей. Так, практически сразу после убийства Воровского было дано распоряжение на местах провести демонстрации протеста. Телеграмма № 12, направленная из Челябинска 16 мая 1923 года в 12 часов 5 мин — подтверждение сказанному выше. «В целях правильного освещения событий в знак протеста убийства Воровского организуйте митинги, демонстрации предварительно проведите на предприятиях, учреждениях собрания. Клеймите позором убийц буржуазию Запада» (1, 115). Именно эта телеграмма и легла в основу всех постановлений, вынесенных на собраниях сельских обществ.

Следует отметить, что в протоколах, докладах, резолюциях и других документах особого разнообразия в постановлениях нет. Зачастую это простое копирование «Телеграммы». Например, отчет об общегородской демонстрации трудящихся города Кургана «КЛЕЙМИМ ПОЗОР УБИЙЦ ИЗ-ЗА УГЛА.....» (2, 119).

В этой связи любопытен другой документ «Информационно-Инструкционное письмо. Международное положение СССР и внешняя политика Советского Правительства». Кроме этого, делается прогноз на неизбежность нового конфликта: «государственные мужи пытаются, сглаживать существующие между странами противоречия, но это приводит только к некоторому отдалению момента решительного сражения» (3, 1). Международное положение СССР в этом «письме» характеризуется как крайне благоприятное: «время изоляции (отсутствия связей) С.С.С.Р. кончилось» (3, 2 об.), «С.С.С.Р. должен стоять на страже своих интересов» (3, 2).

Достаточно стандартная резолюция, вынесенная на митинге открытого у Белозерского волисполкома 20 мая 1923 г. В ней говорится, что на митинге присутствовало 250 человек, основным докладчиком был т. Фальков. В резолюции есть обращение к международному органу — Лиге Наций: «требуем от Лиги нации немедленной выдачи в руки правосудия Советской России, тех убийц и кто виновен в этом деле» (4, 120). Обращение к международной организации — единичное явление, в принципе не характерное для постановлений на местах.

В резолюции граждан с. Лопатинского Курганского уезда 20 мая 1923 г. делается акцент на восстановление хозяйства: «Войны мы не хотим. Нам нужно восстановить наше разрушенное хозяйство» (4, 125). Отличается по своему содержанию резолюция Райковского сельского общества Введенской волости 27 мая 1923 г., в которой ответственность за убийство возлагается «не на одного убийцу, а на тех кому было нужно было убрать Воровского из Лозанны» (4, 127). А само убийство считают поводом к новой войне: «Сейчас мы желаем употребить все свои силы, что бы кровь нашего товарища не превратилась в океан крови который потечёт если империалисты не оставят провокацию новой войны» (4, 127). Последний документ — один из немногих, заверенных печатью, а также подписями председателя и секретаря.

Доклады по сравнению с резолюциями несут больше информации, касающейся настроений в обществе. Например, в докладе Лебяжьевского волкома сообщается: «митинги носили характер объяснения данного вопроса. Масса сильно напряженно слушала — желая получить каждое произнесённое слово Араторам» (4, 123).

Наибольший резонанс у населения вызывали слухи о войне: «в каждой кучке собравшихся людей обсуждается вопрос о войне, будет ли она сейчас? Население везде и повсюду говорит о войне и частенько спрашивает скоро ли мобилизация» (2, 7). Из доклада Половинского волкома ясно, что население спокойно воспринимает происходящие события: «нет того энтузиазма который должна вызывать настоящая международная ситуация» (2, 8). А разговоры о предстоящей войне расцениваются не более чем слухи, появление, которых объясняется недостатком кадров агитаторов. Практически во всех докладах делается акцент на использование всех средств в целях предотвратить новую войну: «население задумывается чтоб каким не будь способом избавиться от войны, пожить спокойно» (2, 14).

Вторым вопросом, обсуждающимся в массах, было убийство Воровского. Здесь прослеживается, с одной стороны, безразличие: «убили ну и только, убивают же людей в войну» (2, 8), а с другой - сожаление и желание справедливого наказания для убийц: «бывшие Кр. Армейцы жалеют тов. Воровского и считают его как работника интересов трудящихся» (2, 14). Кроме слов звучали и вопросы, например: «предъявляет ли что-либо Совет. Правительство за плохую охрану нашей делегации на Лозаннской конференции и за убийство т. Воровского?» (2, 13), «Почему пошли они убить только нашего представителя, а не других сторон?» (2, 14). Из приведённых примеров видно желание население понять цели внешней политики, суть внешнеполитических шагов, но в то же время вопросов подобного характера было крайне мало, что говорит о низкой политической культуре масс.

Протоколы как вид документов наиболее многочисленны. Однако текст их зачастую дублируется и отличается сухостью передаваемой информации. Так, большинство постановлений протоколов сводится к общепринятой фразе: «Заслушанный доклад постановили принять к сведению» (1, 172). Протоколы, как и большинство делопроизводственных документов первых годов советской власти, фиксировались на подручном материале: платежные документы, ранее использованная бумага. Печать на протоколе - явление редкое, однако на нем, как правило, присутствуют подписи председателя и секретаря.

Большинство собраний были просвещены ультиматуму Англии и убийству В.В. Воровского и лишь в незначительном числе протоколов нашли отражения другие внешнеполитические проблемы, например, Рурские события. Так, общегородское собрание Курганского союза совра-

ботников, заслушав доклад т. Кустикова, постановило: «присоединиться к общему голосу протеста пролетариата всего мира против захвата обнаглевшей Францией металлургической промышленности Германии» (1, 10). И чтобы подчеркнуть большую солидарность, решили: «принимая во внимание обременительное положение пролетариата Рура мы переводим 1% отчислений нашего месячного заработка и шлём в поддержку братьям Рура» (1, 10).

Встречаются случаи, когда протоколы собраний разных сел, абсолютно идентичны. Причем дублируются как доклады, так и постановления. Например, протокол № 27 общего собрания деревни Покровка и выписка из протокола от 24 марта 1923 г. с. Б. Мартина. Докладчиком на обоих собраниях был один человек — тов. Пшеничников. Доклад был посвящён международному и внутреннему положению страны, а также событиям в Руре. В итоге постановили: «выразить рабочим Рурской области свой привет, а французским захватчикам позор и проклятие» (1, 71).

Не обошли стороной и проблему выплаты долгов. Во всех постановлениях единогласно приняли решение: «не признавать старых империалистических долгов» (2, 16).

В целом протоколы как источники менее информативны. Лишь некоторые отличаются оригинальностью, большинство же дублируются. Постановления, как правило, решительны, соответствуют идеологии времени: «протестуем против попыток английского капитализма к удушению власти рабочих и крестьян» (1, 136), «шестая часть Земного шара не может быть рабами лордов» (1, 169).

Необходимо, отметить язык делопроизводственных документов начала 1920-х годов. Так, министр иностранных дел Великобритании лорд Керзон в протоколах именуется то «вампиром», то «бандитом мирового капитализма». Убийство В.В. Воровского названо «подлостью», «варварством», а сам полпред - «посланником от Советской власти в стане наших врагов» (4, 127).

Делопроизводственные документы советских и партийных органов Южного Зауралья дают возможность проследить, как воспринимались внешнеполитические шаги государства населением страны. Наибольший резонанс в обществе вызывали вопросы о войне. Убийство В.В. Воровского и ультиматум Англии расценивались как провокация к началу боевых действий. Население устало воевать, поэтому практически во всех документах так или иначе, но есть призывы к мирному решению конфликтных ситуаций со всеми соседними и отдалёнными странами. Однако до населения доносили только те события, которые отражали верхушку явлений, не затрагивая деталей. Большинство событий международной жизни страны оставались незаметными.

Список источников

1. Государственный архив общественно-политических дел Курганской области (ГАОПДКО). Фонд 1. Оп. 1. Д. 111.
2. ГАОПДКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 161.
3. ГАОПДКО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 162.
4. ГАОПДКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 201.

Л.Н. Мазур

Уральский государственный университет,
г. Екатеринбург

МИГРАЦИЯ КАК ФАКТОР ЭВОЛЮЦИИ РАССЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ УРБАНИЗАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

Одним из центральных вопросов теории расселения был и остается вопрос о факторах формирования и развития поселенческой сети. Будучи формой пространственной организации жизнедеятельности общества, система расселения испытывает на себе влияние целого комплекса воздействий: внутренних и внешних. К внешним принято относить природно-географические и климатические условия; производство и транспорт, а также демографические ресурсы. Под влиянием внешних условий складываются тип и форма расселения, определяются его качественные характеристики, они же формируют общую тенденцию развития.

К внутренним факторам обычно относят влияния, связанные с реализацией социально-экономической политики государства, правовыми аспектами, деятельностью государственных органов по вопросам расселения, а также этнокультурные характеристики населения. Внешние факторы несут на себе базовую нагрузку, внутреннее в некотором смысле вторично, и чаще всего их влияние выражается в сдерживании или, напротив, в ускорении расселенческих процессов.

Особое место среди выделенных факторов занимает демографический, который включает не только естественные процессы воспроизводства, но и механическое движение населения. Причем роль миграции в развитии как городской, так и сельской поселенческой сети существенно возрастает в XX веке, особенно во второй его половине. Интенсивность и направленность миграционных потоков влияет на формирование общих тенденций развития расселения (расширение или сжатие поселенческой сети), но помимо этого выполняет важную социальную функцию, позволяющую интерпретировать миграцию как информационный канал взаимодействия различных социально-географических объектов (города и села, регионов страны или же государств). Благодаря миграции происходит обмен социально значимой информацией, в конечном счете, влияющей на трансформацию образа жизни людей как в местах входа, так и выхода мигрантов.

Если принять во внимание более частный момент — сельскую миграцию (из села в город), то следует отметить ее влияние на городскую и сельскую среду, в результате которого происходит взаимный перенос культурных ценностей из одной системы в другую. Итог такого взаимодействия позволяет исследователям говорить о сельском характере урбанизации, который свойственен процессам эволюции российских городов, с одной стороны, и неоправданных деформациях сельской местности, с другой. Последнюю на протяжении всего XX века стремились преобразовать в подобие города, забывая о ее генетических особенностях и задачах.

Урбанизация сельской местности является отражением тех трансформаций, которые происходили в сельском обществе в условиях становления индустриального общества, и выступает как составная часть общего процесса урбанизации. Ее суть состоит в изменении условий

*Тема поддержана грантом РГНФ 08-01-00418а «Урбанизация российской деревни в конце XIX - XX вв. в контексте государственной политики (по материалам Урала)»

и образа жизни сельского населения в соответствии с новыми (городскими) стандартами, которые носят системный и закономерный характер. Миграция в этом случае играет роль канала урбанизационной перестройки сельской местности и оказывает на нее многоуровневое воздействие.

Сельская миграция истощила демографические ресурсы деревни, приведя к резкому сокращению сельской поселенческой сети, но не только. Феномен сельской миграции имеет свою специфику, связанную, в частности, с тем, что родственные и соседские связи с местами выхода мигрантов сохраняются и поддерживаются. Эти личностные контакты превращаются в мощный канал воздействия на деревенских жителей, которые начинают видеть и понимать имеющиеся преимущества и недостатки городского бытия. Незаметно впитывая новые идеи, деревенские жители приобщаются к городской культуре. Это проявляется в постепенном изменении одежды, быта, досуга. В домах крестьян уже во второй половине XIX века начинают появляться предметы городского интерьера (фотографии, книги, патефоны, самовары и проч.), изменяется жилище, где появляется разграничение жилого пространства на комнаты. Результатом влияния новых стандартов стало признание в деревенской среде ценности знаний и учения.

Личные контакты сельских мигрантов с оставшимися на селе родственниками и соседями помимо информационной составляющей обладали сильным эмоциональным и программирующим воздействием, т.к. открывали для сельских жителей новые варианты и модели жизненных стратегий, расширяли карту возможностей. Помимо основной традиционной схемы личностной реализации в рамках крестьянского хозяйства и деревенского сообщества для молодежи появляется выбор других путей. Именно поэтому сельская миграция всегда имела ярко выраженную возрастную специфику, захватывая преимущественно людей молодого возраста, которые подпитывают миграционные потоки в города на протяжении всего XX века.

Следует отметить изменение социальной роли сельской миграции во второй половине XX века. Вместе с ростом размеров миграционных потоков и их интенсивность усиливается пространственный разрыв между мигрантами и местом их выхода. Развитие межрегиональных миграций приводит к разрушению родственных и соседских связей. Миграция, несмотря на рост количественных показателей, утрачивает свою роль трансляции новых образов и ценностей и уступает это место другим информационным каналам – телевидению, радио, кино, средствам массовой информации, значение которых в формировании мотивации сельских мигрантов возрастает. Происходят изменения в возрастной структуре сельских мигрантов, среди которых помимо молодежи начинают преобладать лица пожилого возраста, покидающие в 1960–1980-е гг. родные места для воссоединения с уехавшими раньше детьми.

Если подходить историографически к вопросу о роли факторов развития расселения в целом и миграции в частности, то складывается любопытная картина. Первоначально, на раннем этапе формирования науки о расселении, который был связан с именами известных географов конца XIX – начала XX века – А.П. Щаповым, В.П. Семеновым-Тянь-Шанским, А.И. Войковым и др., природно-географический фактор считался наиболее значимым. В 1920-е гг. в рамках марксистско-ленинской методологии базисными понятиями стали производительные силы и производственные отношения, которые определяли, по мнению классиков, все другие стороны жизни общества. Соответственно в исследовательской практике утвердилась новая схема «производство – расселе-

ние», в контексте которой проводился анализ поселенческой сети (1; 6, 71; 7, 11).

В 1980–1990-е гг. при изучении расселения акценты начинают смещаться в сторону народонаселения и миграционных процессов. Таким образом, в отечественной науке взаимосвязь миграционных процессов с расселением и урбанизацией общества стал изучаться сравнительно поздно, что влияет на общий уровень разработки данной проблемы. Одной из причин этого отставания видится междисциплинарный характер изучаемых процессов, находящихся в точке пересечения географии, демографии, социологии, истории. В каждой из перечисленных дисциплин достигнуты свои результаты, интегрировать которые бывает весьма затруднительно из-за несопоставимости методических и методологических подходов и различий в понятийном аппарате.

Впервые на роль миграционных процессов в развитии урбанизации обратил внимание Дж. Джигбс, который еще в 1963 г. подчеркнул тесную связь миграционных потоков с определенной стадией расселения. Всего он выделил пять стадий урбанизационной перестройки общества:

- на *первой стадии*, по его мнению, наблюдается преимущественное развитие сельской местности и, соответственно, города, вписанные в сельские ареалы, остаются в росте;
- *вторая стадия* урбанизации связана с ростом сельской миграции и усилением темпов роста городов при замедлении развития сельской местности;
- на *третьей стадии* определяющим становится процесс оттока сельских жителей в города;
- *четвертая стадия* соотносится Дж. Джигбсом с кульминацией стягивания населения в большие города и агломерации при одновременной потере населения малыми городами;
- заключительная, *пятая стадия цикла* характеризуется деконцентрацией населения, ростом людности малых поселений, в том числе вне агломераций.

Приведенная выше схема подчеркивает фундаментальную закономерность динамики расселения, которая нередко обозначается как пульсация. За каждой стадией концентрации расселения следует деконцентрация. Идеи Дж. Джигбса стали толчком к разработке других стадийальных теорий расселения, в основе которых лежали исследования особенностей миграционных процессов. В отечественной науке системные подходы получают распространение в 1980-е гг. В частности, идеи пульсации расселения были поддержаны Б.Б. Родоманом (8, 75–82), который, исследуя маятниковую миграцию населения, пришел к аналогичным выводам. Он предложил применить это понятие не только к характеристике региональных систем, но и локальных и, собственно, первичных элементов поселенческой сети – населенных пунктов. В результате в литературе утверждаются представления о «низкочастотных» и «высокочастотных» пульсациях. Первые определяют направление развития системы в целом, высокочастотные пульсации (суточные, недельные, годовые) просматриваются на уровне микроструктур и определяют жизненные циклы отдельных поселений (5, 86).

Идеи стадийального развития поселенческой сети с учетом влияния демографического фактора были рассмотрены в работах Ж. А. Зайончковской (3). В соответствии с уровнями модернизации общества (аграрным, индустриальным и постиндустриальным) она выделила три этапа эволюции расселения: аграрное, индустриальное и постиндустриальное (см. табл. 1). Причем важнейшим критерием данных этапов выступают особенности миграционных процессов, которые определяют общие тенденции перестройки расселения на разных стадиях.

Для нас важно соотнести вектор развития расселения с характером миграции, которая становится неотъемлемой чертой урбанизации. Эта связь представлена в табл. 1 и позволяет сделать вывод об общей совместимости теорий урбанизации и миграционных процессов, которые имеют четкую стадиальную привязку. Причем на каждой стадии общий характер миграции меняется, определяя особенности того или иного этапа (см. табл. 1).

Стадиальные подходы к изучению поселенческой сети нашли отражение в работах других исследователей. В частности Г. В. Иоффе, много внимания уделявший проблемам управления расселением, пришел к аналогичным выводам о цикличности развития поселенческих систем. Им были выделены следующие стадии эволюции расселения с учетом его форм: равномерное; очаговое; агломерационное (4, 181).

В 1990-е гг. в зарубежной литературе идеи стадильной эволюции расселения получают дальнейшее развитие в теории дифференциальной урбанизации (Ричардсон, Филдинг и др.), в которой уточняются стадии развития расселения с учетом взаимодействия разных категорий городов, направленности и интенсивности миграционных потоков. Процессы урбанизации рассматриваются в виде пульсаций, стадии концентрации и децентрации населения чередуют друг друга, дифференцируя миграционные потоки и рост поселений (1, 172). Характерно, что теория Дж. Джиббса и концепция дифференциальной урбанизации не противоречат, а напротив, дополняют друг друга: последняя позволяет более подробно описать высшую стадию урбанизации – урбанизационный переход.

В целом, с учетом миграционного контекста выде-

Таблица 1

Схема соотношения стадий модернизации и урбанизации в историческом процессе

Стадия развития общества	Стадии эволюции расселения по схеме Ж. А. Зайончковской	Стадии урбанизации по схеме Джиббса	Вектор развития расселения	Характер миграции
Аграрное (традиционное) общество	Аграрная стадия Сельское и городское расселение развиваются параллельно, автономно. Рост городской сети идет при одновременном расширении сельской поселенческой сети. Пополнение численности горожан осуществляется за счет естественного прироста и частично, за счет демографических ресурсов сельской местности	1 – городское расселение вписано в сельское, города отстают в своем росте	Децентрация населения, рассредоточение его по мелким населенным пунктам	Наблюдается низкий естественный уровень миграции в основном в рамках локальных систем: между селом и городом, между селом-селом
		2 – ускорение роста городов и замедление роста села	Начальная стадия концентрации населения	Усиливается миграция сельского населения в более крупные поселения, в том числе городские центры
Индустриальное общество	Индустриальная стадия Активное развитие городской поселенческой сети и прежде всего крупных городов за счет сокращения численности и людности сельских поселений. Сокращение людности малых городов	3 – потеря сельской местностью населения и рост городов	Наращение процессов концентрации, формирование групповых систем расселения	Преобладающим становится направление миграции «деревня – город»
		4 – кульминация стягивания населения в крупных городах и формирование агломерация	Достижение максимально возможного уровня концентрации населения. Возникновение новых форм концентрации населения, связанных с развитием агломераций и мегаполисов	Миграция из деревни в город постепенно вытесняется миграционными потоками «малый город – большой город»
Постиндустриальное общество	Интегрированная стадия Формирование новых форм интегрированного расселения – агломераций и мегаполисов.	5 – дезурбанизация	Децентрация населения	Усиливаются обратные миграционные потоки по направлению. «крупный город – пригород – сельская местность». Маятниковая миграция начинает преобладать над постоянной
			Перемещение центров концентрации в мелкие города и пригороды, формирование вариантов мобильной концентрации населения	Преобладающей формой становится маятниковая миграция

ляются две стадии урбанизационного перехода: экстенсивная и интенсивная. Для интенсивной стадии характерно превалирование маятниковых перемещений над миграцией из села в город, формирование зон высокоурбанизированной среды в рамках агломераций и мегаполисов, где сельские и малые поселения интегрируются в единое целое на основе тесных хозяйственных связей, единой инфраструктуры. Важен и еще один аспект интенсивной стадии урбанизации – сельские поселения по своему уровню благоустройства, интенсивности связей с городскими центрами, образу жизни мало отличаются от малых и средних городов. В городских поселениях сосредотачивается свыше 75% населения страны, и эти пропорции сохраняются. Ряд западных европейских стран приблизились к этой стадии в 1980–1990-е гг. (9, 42).

Таким образом, с переходом к индустриальному обществу роль демографического фактора резко возрастает: от него в значительной степени зависит динамика и направленность развития поселенческой сети. Эффект демографического взрыва, свойственный ранней стадии демографического перехода, объективно способствует расширению системы расселения, росту числа городских и сельских поселений, который мы можем наблюдать вплоть до конца 1930-х гг. Дальнейшее развитие процессов урбанизации и связанное с этим сокращение численности сельского населения закладывает предпосылки к сжатию, сокращению сельской поселенческой сети. Село теряет население за счет миграции и снижения рождаемости, и это приводит к измельчанию значительной части населенных пунктов и исчезновению многих из них.

Стадиальные концепции эволюции расселения позволяют более глубоко осознать внутренние механизмы развития поселенческой системы, а также роль разных факторов, среди которых особое место занимают демографические процессы. Показательно, что *в условиях урбанизации динамика и направление развития расселения все сильнее зависят от интенсивности и направленности миграционных потоков*. Они не только выступают весомым дополнением к процессам естественного движения населения, но во многом определяют картину, влияя как на динамику, так и на структуру населения региона.

Миграцию следует рассматривать как закономерный процесс, но ее формы и последствия во многом определяются политическими влияниями. Для советской России особую роль в развитии миграционных процессов сыграла политика государства, связанная с коллективизацией, индустриализацией, репрессиями, которые привели к неоправданным деформациям естественных процессов и способствовали ускоренному истощению демографических ресурсов деревни. Во второй половине XX века значительное влияние на темпы и уровень сельской миграции оказала политика укрупнения колхозов и сселения малых неперспективных деревень, в результате чего системный кризис сельской местности стал более глубоким, приводя в ряде районов к деградации сельской местности.

В результате постперестроечных процессов произошло дальнейшее разрушение российской деревни, которое мы можем наблюдать сейчас. Выход из этой ситуации возможен также только политическими мерами.

Список литературы

1. *Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен*. М., 2001.
2. *Давидович В.Г. Расселение в промышленных узлах*. М., 1960.
3. *Зайончковская Ж.А. Демографическая ситуация и расселение*. М., 1991.

4. *Иоффе Г.В. Управление расселением: возможности и ограничения // Методы изучения расселения*. М., 1987.
5. *Комель Т. Стадиальная концепция урбанизации: Методология и методы анализа // Методы изучения расселения*. М., 1987.
6. *Покшишевский В.В. Население и география. Теоретические очерки*. М., 1978.
7. *Расселение: Вопросы теории и развития (на примере Украинской ССР)*. Киев, 1985.
8. *Родман Б.Б. Роль теоретической географии в улучшении территориальной организации общества // Исследования методологических проблем географии в Эстонской ССР: Тез. докладов*. Таллин, 1987.
9. *Сеняевский А.С. Урбанизация России в XX веке. Роль в историческом процессе*. М.: Наука, 2003.

О.В. Тетюева
г. Курган

ЭВОЛЮЦИЯ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ОЦЕНОК ДВИЖЕНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

Движение декабристов – явление, безусловно, подробнейшим образом изученное историками, писателями, политологами и другими специалистами, кого так или иначе волнует данная тема. События 14 декабря 1825 г. были восприняты неоднозначно, поэтому появился значительный комплекс монографий, статей, сборников документов. После следствия и суда более ста человек были сосланы на каторгу и поселение в Сибирь. Таким местом ссылки был и маленький уездный город Курган, куда были сосланы 13 декабристов. Несмотря на значительный историографический материал в целом по декабризму, по пребыванию декабристов в Кургане очень немного сведений.

После восстания на Сенатской площади Николай I издает Манифест, подписанный 19 декабря 1825 г., в котором делит участников восстания на заблуждавшихся и злоумышленников, которые использовали Имя Цесаревича Константина Павловича как предлог, чтобы исполнить злые замыслы, давно уже составленные и обдуманные. В данном Манифесте Николай I уделяет внимание тем людям, которые оказались в тот роковой день преданными Ему, готовых по первому знаку Государя своего карать непокорных.

В Европе также появляются оценки данного события, где не было единого мнения на данное событие. Одни осуждали самодержавие и отвергали мнение, что данный заговор был дворянский. Другие, наоборот, считали, что революционный путь декабристов преступен, а республиканские идеи безумны.

В 60-е гг. XIX в. А.И. Герцен и Н.П. Огарев, которые были сосредоточены на общей картине русского революционного движения, поддержали идею декабристов. Они считали движение декабристов началом революционной борьбы.

В 70-80-е гг. XIX в. революционная тенденция в исследовании декабристов заметно снижается. В официальной науке преобладает мнение о декабристах как об исторической случайности.

В марксистской литературе (статьях и выступлениях В.И. Ленина) вновь подчеркнута революционность декабристов и определяется их место в русском освободительном движении, мысль о борьбе с царизмом и крепостничеством (1).

Марксистско-ленинская историческая наука выдвигает на первый план антифеодальный характер идеологии декабристов, их борьбу против крепостного права и

самодержавия, против феодально-крепостного строя царской России. Она рассматривает их идейную работу и открытое выступление как органический элемент смены общественно-исторических формаций – смены феодализма капитализмом.

В 20-40-х гг. XX в. происходит переоценка восстания декабристов. Были опубликованы сборники новых материалов и статей, где декабристы представлены как борцы, за права и свободы угнетенного народа. Уделяется большое внимание и роли личности в восстания, восхваляются «истинные» борцы за свободу, идейные вдохновители, организаторы восстания (2).

В конце 40-х гг. появляются исследования М.В. Нечкиной. Ею раскрыты как общие аспекты движения декабристов, периодизация, основные подходы к восстанию, так и отдельные личности (их связи с движением декабристов, а также их следственные дела) (3).

Начиная с 50-х гг. XX в. проблема исследования движения декабристов, а также их роли в развитии тех областей, где они находились на каторге или в ссылке, становится более актуальна, и все больше исследователей обращаются именно к данной проблематике. Историки (50-х гг.) понимают декабристов как представителей нового в борьбе со старым и подчеркивают революционное значение открытого выступления против царизма. Изучаются республиканские идеи декабристов, впервые появившиеся как политическая программа в истории русской революции. Подчеркивается связь революционных поколений, отчетливо характеризуется место декабристов в истории русского революционного движения: они стоят в начале русской революционной борьбы, с них начинается ленинская периодизация русского революционного движения (1). Историки подчеркивают, что декабристы – это представители дворянского сословия. Особое внимание привлекает вопрос об отношении декабристов к народу. Декабристы «страшно далеки» от народа, они не обратились к массе, к народу как к активной силе движения, они боялись самостоятельного участия народа в революционной борьбе. Декабристы послужили истории освобождения России и движению ее вперед: они принадлежали к тем лучшим людям из дворян, которые «помогли разбудить народ» (4).

Ученые в своих исследованиях опираются на воспоминания, мемуары, письма, где декабристы излагают свою «правду» и анализируют причины неудачи на Сенатской площади.

Наравне с общими трудами по истории декабризма, выпущенными в Москве и Ленинграде, имеются отдельные труды по истории регионов: Томск, Иркутск, Псков, Чита, Новосибирск, Тюмень, Якутск, Воронеж, Ставрополь, Пермь, Минск, Красноярск, Тула, Пенза, Сухуми, Кишинев, Ростов-на-Дону, Саратов, Свердловск, Ярославль, Днепропетровск, Саранск, Архангельск, Киев.

Во второй половине XX в. появляются общие исследования по истории декабристского движения, о тайных организациях, большое внимание уделяется личностям Декабря, которые являются людьми творческими, подчеркивается их связь с культурой (5). Продолжают публиковаться монографии, письма, воспоминания, записки декабристов (6). Уделяется особое внимание изучению документов, материалам Дела Верховного уголовного суда и Следственной комиссии (7). Не осталось без внимания и изучение взглядов декабристов (8). Исследованиям Сибири также посвящены отдельные статьи, монографии (9).

Краеведческий материал по истории пребывания декабристов в Кургане представлен достаточно ограниченно, в основном материалами советского периода. К этому периоду относятся комплексы монографий, исследова-

ния о природе возникновения декабризма, о роли и значении декабристов для развития Сибири. Появляются материалы историографического характера (10), сборники статей, отдельные журналы по периоду пребывания декабристов в ссылке и на каторге (11) и т.д. Также продолжают исследоваться и персоналии (публикуются записки, воспоминания декабристов-участников выступления 14 декабря 1825 г.) (12).

Современные исследования по истории декабризма разнообразны (13). И хотя в последнее время появилось множество работ, принижающих значение восстания, большинство историков схожи во мнении, что движение декабристов оставило незабываемый след среди правящей элиты. Безусловно, необходимо отметить стремление декабристов к решению назревших общественных проблем, их самоотверженность, способность отстаивать свои убеждения и не отказываться от них (хотя это относится далеко не ко всем декабристам). Деятельность декабристов являлась примером для других молодых людей, недовольных существующими порядками – борцов за свободу (А.И. Герцен, Н.П. Огарев, петрашевцы и др.). Отправленные на каторгу и в ссылку декабристы не изменили своим убеждениям. Благодаря переписке со своими родственниками, которые пересылали им не только денежные средства, но и книги, журналы, ссылки декабристы находились в курсе российских и зарубежных политических событий. Неоценим их вклад в развитие просвещения и культуры Сибири.

Актуальные проблемы и новые подходы эволюции историографических концепций изучения движения декабристов наиболее полно обозначены в сборнике, посвященном 180-летию восстания декабристов, где отражены современные подходы к исследованию важнейших проблем истории этого движения (14).

Г.Д. Казьмирчук, Ю.В. Латыш в своей статье выделили два пути изучения проблем декабристского движения на постсоветском пространстве:

1) уточнение и конкретизация известных фактов, поиск и публикация малоизвестных документов, изучение историографических и краеведческих сюжетов декабризма (С.Ф. Коваль, С.В. Мироненко, Э.А. Павлюченко, А.В. Семенова, В.А. Федоров, Г.А. Невелев, Г.Д. Казьмирчук);

2) кардинальное переосмысление движения декабристов, переоценка его роли в истории России и Европы (в основном молодые ученые).

После распада СССР изучение феномена декабризма и его влияние на ход исторического процесса переживает довольно сложный процесс переосмысления, так как господствующими историографическими концепциями советского периода являются концепция М.Н. Покровского и М.В. Нечкиной. В начале 1990-х годов переосмысление исторического наследия зачастую сводилось к замене положительных знаков отрицательными и наоборот, популярными стали поиски корней большевизма. Современные ученые выделяют еще одно условие, являющееся мотивом для восстания на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. – это междуцарствие. В историографии отсутствует общепринятая концепция междуцарствия, но существует ряд версий, принадлежащих С.В. Мироненко, Я.А. Гордину, М.М. Сафонову, Т.В. Андреевой. В статье особо отмечена роль сибирских декабристов, широко практикующих краеведческие исследования. Большинство сибирских краеведов акцентируют внимание не на политическом содержании проблемы «декабристы и Сибирь», а на огромном вкладе поселенцев в культурное развитие края.

Таким образом, в одних исследованиях акцент делается на тайные организации, программные требования восставших; другие, напротив, восхваляют отдельные

личности и их значение в подготовке и проведении восстания на Сенатской площади. Однако существует и противоположная точка зрения, что декабристы – это историческая случайность, то есть некоторые современные исследователи вновь возвращаются к дореволюционным концепциям.

По революционным движениям (15), движению декабристов (16), общественно-политическим взглядам декабристов (17) и персоналиям написаны ряд диссертационных работ. Однако по истории пребывания декабристов в Кургане и об их влиянии на жизнь и быт курганцев диссертации отсутствуют.

Советская точка зрения Н. Лапина, В. Горелова, А. Курочкина, А. Минского основана на концепции В.И. Ленина о том, что декабристы – это дворянские революционеры. «Находясь в ссылке, декабристы, сохранившие после расправы над ними революционное мировоззрение, продолжали выступать против самодержавия».

В 1997 г. в Кургане вышел сборник материалов (докладов, сообщений), отражающих содержание выступлений участников «круглого стола» «Декабристы в Сибири: проблемы, исследования, открытия», проведенного в г. Кургане. «Круглый стол» посвящен 20-летию Курганского музея декабристов и 170-летию восстания декабристов. В этом сборнике профессор В.В. Пундани в статье «Декабристская курганиада в литературе» описал изучение пребывания декабристов в Кургане (18). Особое место в статье занимает описание научной деятельности преподавателя Курганского пединститута Н.А. Лапина как первого исследователя Зауралья, занимавшегося изучением данной проблемой, его вклад в изучение пребывания декабристов в Кургане. «Историк осветил практические не изученный в то время вопрос о социально-политических взглядах и общественной деятельности декабристов на поселении в Кургане, установил точное время нахождения ссыльных в нашем городе... раскрыл наиболее важные страницы жизни декабристов, сосланных на поселение в Курган, оценил ту роль, которую они сыграли в истории города».

Не оставлены без внимания и другие ученые-декабристоведы, продолжившие изучение проблемы пребывания декабристов в Кургане и Сибири: Б.Н.Карсонов, О.С.Тальская, В.И.Бездомов, Ю.М.Курочкин, Е.С.Колупаева, В.В.Пундани, Л.Н.Большаков, Г.И.Курныкина, Т.С.Мамсик, сотрудники Дома-музея декабристов в Кургане С.Н.Малых, Л.П.Ковалева, Н.Б.Подливалова и др.

Автор указывает, что ценные сведения о пребывании 13 декабристов на земле курганской имеются в книге П.И.Рошчевского «Декабристы в тобольском изгнании», а также в документальной серии «Полярная Звезда», «Литературные воспоминания» и «Хрестоматии по истории Курганской области (досоветский период)». Однако В.В.Пундани затрагивает вопросы, которые и на современном этапе являются актуальными: как же декабристы, прошедшие в сибирской каторге и ссылке свои лучшие годы, оценивали этот период в их судьбе, саму Сибирь, думали ли они о будущем этой российской окраины?

В.В.Пундани также была опубликована статья «А.С. Пушкин и декабристы в памяти россиян», посвященная научно-практической конференции «А.С. Пушкин и декабристы», прошедшей в Доме-музее декабристов, в которой принимали участие представители научных кругов, музеев, архивов, учащихся школ, журналисты, краеведы Кургане, гости из Ялуторовска, Туринска, Тобольска.

В статье говорится о пребывании декабристов в Кургане, об их интересах, духовной жизни, о том, что участники декабристского движения думали не о себе только, они размышляли о судьбах России, ее народа, поэтому и поднялись на восстание, в случае победы которого

надеялись свергнуть монархию, сбросить с народа оковы крепостного права (19).

В настоящее время вопросами изучения пребывания декабристов в Кургане занимаются А.М. Васильева, В.Н. Синько [20], Н.В. Бердюгина, Е.А. Сечко [21].

Таким образом, на современном этапе происходит сложный процесс переосмысления значения восстания декабристов, его влияния на политическую, культурную жизнь российского общества первой половины XIX века.

Список литературы

1. Ленин В.И. Памяти Герцена // Полн. собр. соч. Т. 21. С. 225-262.
2. См.: работы Дружинина Н.М., Клеветенского М., Маркелова М., Раткевич К., Нейман, Б.В.
3. Декабристы на каторге и в ссылке: сборник новых материалов и статей. Л., 1925;
4. Каторга и ссылка. Историко-революционный вестник, Кн.21. М., 1925;
5. Нечкина М.В. Грибоедов и декабристы. М., 1947; Нечкина М.В. Пушкин и декабристы. М., 1949; Нечкина М.В. Следственное дело о Грибоедове. М.-Л., 1945; Нечкина М.В. Декабристы. М., 1949.
6. Нечкина М.В. Движение декабристов. М., 1955. Т.1.
7. См.: работы Базанова В.Г.; Мейлах Б.С., Декабристы-литераторы. М., 1954, 1956. Т.1,2. Кн.1,2.
8. См. работы: Барановской М.Ю., Василенко В.Е., Васильева А., Ивановой В.П., Медведской Л.А., Окунь С.Б., Павловой Л.Я., Смирнова И.С., Васильевой А.М., Афанасьева В.В., Ягунина В.П., Шатровой Г.П., Мироновой И.А., Лебедева Н.М.
9. Волконская М.Н. Записки княгини М.Н. Волконской. Чита, 1956; Воспоминания Бестужевых. М.Л., 1951; Мемуары декабристов: сев. о-во. М., 1981; Мемуары декабристов: юж. о-во. М., 1982; Мемуары декабристов. М., 1988; Эйдельман Н.Я. Лунин. М., 1970; Басаргин Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988; Басаргин Н.В. Записки. Красноярск, 1985; Батеньков Г.С. Сочинения и письма, Т.1: Письма (1813-1856). Иркутск, 1989; Бриген А.Ф. Письма; Исторические сочинения. Иркутск, 1986; Лорер Н.И. Записки декабриста. 2-е изд. Иркутск, 1984; Лунин М.С. Сочинения, письма, документы. Иркутск, 1988; Штейнгейль В.И. Сочинения и письма. Иркутск, 1985; Розен А.Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984; Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности, Т.1, Т.2. Иркутск, 1983, 1987.
10. Восстание декабристов: Т.7, Т.9, Т.10, Т.13, Т.14, Т.15, Т.16, Т.17, Т.18: Дела Верховного уголовного суда и Следственной комиссии. М., 1958, 1950, 1953, 1975; 1976, 1979, 1986, 1980, 1984. См.: работы М.В. Нечкиной.
11. Габов Г.И. Общественно-политические и философские взгляды декабристов. М., 1954; Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, Т.1, Т.2, Т.3. М., 1951; Орлик, О.В. Декабристы и европейское освободительное движение. М., 1975; Освободительное движение в России: Межвузовский науч. сборник. Саратов, 1971. Вып.1, 2, 3.
12. См. работы Чуковской Л.К., Павлюченко Э.А., Постнова Ю.С., Рошчевского П.И., Болоцких В.Н.; сборники статей: Дум высокое стремление. Декабристы в Сибири (Иркутск); Из истории просвещения Восточной Сибири (Иркутск); Декабристы и Сибирь (Новосибирск); Сибирь и декабристы: Сборник. Иркутск, 1981, 1983, 1985, 1988. Вып.2, 3, 4, 5; Ссылные декабристы в Сибири: Сборник статей. Новосибирск, 1985; Декабристы в Сибири. Новосибирск, 1952; Гессен А.И. Во глубине сибирских руд: декабристы на каторге и в ссылке. М., 1965; Исторические памятники Курганской области. Курган, 1960; Декабристы в Восточной Сибири: Фотоальбом. Иркутск, 1976; Декабристы в Кургане: материал в помощь лектору. Курган, 1973; Своей судьбой гордятся мы. Декабристы в Сибири. Иркутск, 1973; ...В потомках ваше племя оживет...: воспоминания о декабристах в Сибири. Иркутск, 1986; Декабристы в Сибири: библиогр. указ. Иркутск, 1985; Декабристы и Сибирь: альбом. М., 1988; Дом-музей декабристов в Кургане. Челябинск, 1987; Лунин М.С. Письма из Сибири. М.,

- 1988; *Сибирские письма декабристов, 1838-1850*. Красноярск, 1987;
10. Казьмирчук Г.Д., Рафальский О.А. *Освещение проблемы «Декабристы и Сибирь» в отечественной литературе 1975-1985 гг.* Киев, 1987.
 11. Штрайх С.Я. *Декабристы на каторге и в ссылке*. М., 1926. Из «Каторги и ссылки», 1926. №8; Покровский М.Н. *Декабристы. Сборник статей*. М.-Л., 1927.
 12. *Записки Н.В. Басаргина / Под ред. П.Е. Щеголева*, 1917.
 13. *Забвению не подлежит! Материалы «круглого стола» «Декабристы в Сибири: проблемы, исследования, открытия» (14 декабря 1995 г.)*. Курган, 1997; 14 декабря 1825 года: источники, исследования, историография, библиография. СПб., 2005. Вып. 7: 1825 - 2005; *Восстание декабристов. Документы, Т.ХІХ, Т.ХХ: Дела Верховного уголовного суда и Следственной комиссии*. М., 2001; *Движение декабристов. Указатель литературы. 1977-1992*. М., 1994; Ильин П. В. *Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и необнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825-1826 гг.* СПб., 2004; Н.Муравьев. *Письма декабриста. 1813-1826 гг.* М., 2000.; Эйдельман Н. *Удивительное поколение. Декабристы: лица и судьбы*. СПб., 2001.
 14. *Декабристы: Актуальные проблемы и новые подходы / Отв. ред. О.И.Киянская*. М., 2008. 721с. // Г.Д.Казьмирчук, Ю.В.Латыш (Киев) *Современное декабристоведение на постсоветском пространстве. Становление, проблематика, научные центры и перспективы развития*. с. 640-662.
 15. *См. диссертационные работы: О.Ю. Абакумова, Я.К. Духина, О.В. Матвеевой*.
 16. *См. диссертационные работы: К.Д. Аксенова, Д.С. Артамонова, Л.Г. Бавиной, Н.Н. Баландиной, В.Н. Болоцких, Т.А. Бочановой, Е.В. Вагановой, О.В. Лысиковой, Е.В. Мирзоян, Г.И. Петровой, М.И. Серовой, Л.А. Сокольского, Е.Н. Туманик, С.В. Федосовой, Г.П. Шатровой, С.Е. Эрлих, Е.А. Ячменева*.
 17. *См. диссертационные работы: А.В. Авксентьева, А.И. Махолина, Л.Б. Нарусовой, В.С. Парсамова*.
 18. Пундани В.В. *Декабристская курганиада в литературе*. Курган, 1997// *Материалы «круглого стола» «Декабристы в Сибири: проблемы, исследования, открытия» (14 декабря 1995 г.)*. Курган, 1997.
 19. Пундани В.В. *А.С. Пушкин и декабристы в памяти россиян // Пундани В.В. Избранное. Страницы пройденного: Сб. научн. тр.* Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2010. С. 201- 210.
 20. *Материалы III-й межрегиональной научно-практической конференции «Зырянские чтения», Курган, 23-24 ноября 2005 г.* Курган, 2005.
 21. *Материалы Всероссийской научно-практической конференции «V Зырянские чтения», Курган, 12-14 декабря 2007 г.* Курган, 2007.

Л.В. Котович
Новосибирский государственный педагогический университет

«ПИСЬМА ИЗ ДАЛЁКА»: СООБЩЕНИЯ КРЕСТЬЯН О ЗАРУБЕЖНЫХ ПОЕЗДКАХ (ПО МАТЕРИАЛАМ СИБИРСКИХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЖУРНАЛОВ НАЧАЛА XX ВЕКА)*

Обращение к сообщениям крестьян о зарубежных поездках связано с тем, что, во-первых, они позволяют судить о «формировании критического отношения к аграрной традиции, возникновении в крестьянском мировос-

приятии установки на агротехнические нововведения и, в какой-то мере, вытеснения значения прошлого опыта новыми знаниями» (2, 148). Во-вторых, как отмечали корреспонденты, в начале XX века «за границей русского всё не своё занимает и увлекает на первых порах чрезвычайно. Он с любопытством присматривается к местоположению, образу жизни иностранцев, их правилам, обычаям, приёмам работы. И, конечно, если он знает особенно хорошо какую-нибудь область труда у себя дома, больше всего и обращает внимание на эту область за границей» (6, 4).

Соглашаясь с тем, что «первостепенное значение при изучении истории России конца XIX - начала XX в. имеют материалы тогдашней периодики» и что «фактически только в начале XX в. периодика превращается в мощный рупор настроений самых широких масс» (1, 36), источником для написания статьи я избрала материалы трёх журналов начала XX века: «Сибирская деревня», «Сибирское сельское хозяйство» и «Сибирский хозяин», в которых обнаружила крестьянские письма о зарубежных поездках. Первые два журнала - «Сибирская деревня» и «Сибирское сельское хозяйство» - опубликовали письма крестьян, которые побывали в Бразилии. В журнале «Сибирский хозяин» вышла подборка писем под общей рубрикой «Как хозяйствуют земледельцы за границей», перепечатанная из журнала «Нужды деревни». Автор, который скрывался под псевдонимом «Русский», поделился с читателями своими впечатлениями после посещения Англии, Франции и Швейцарии.

Крестьяне, столкнувшие на Родине с абсолютной или относительной нехваткой земли, описывая свои ограниченные впечатления, сообщали о том, насколько обеспечены ею земледельцы за границей. Во всех корреспонденциях авторы пишут о том, что земля, пригодных для сельскохозяйственных занятий, явно мало, более того, во французской деревне департамента Савойи «земля совсем неудобна для обработки» (9, 3), в Бразилии вообще «нет нигде новых земель, а только брошенные кулаками и никуда не годные» (3, 264), а что касается Англии, то высказывалось суждение, что Англия - «страна неземледельческая» (11, 4-5). Причины такого положения крылись, по свидетельствам авторов писем, как в природных, так и социальных условиях. При описании природно-климатических условий в Европе, писали о плохих почвах (6, 5), а о Бразилии сообщали, что там «очень жарко», даже «жара невыносимая» (4, 333) и «ливни в день два - три раза» (3, 264).

Анализируя социальные условия, которые приводили к недостатку сельскохозяйственных угодий, они обращались к вопросам землевладения. Так, отмечалось, что в Англии «земля находится в неземледельческих руках. Значительная часть земли в Англии находится во владении лордов и богачей... Кроме земли владеют ещё капиталами, то они земледелием интересуются очень мало, а отводят огромные участки под места для охоты, под разные игры..., для разведения огромных парков, под пастбища для скота, поля для разведения кроликов, куропаток и т.п.» (11, 5). В корреспонденциях высказывались резкие суждения: «от того, что многие помещики превратили свои поля в места для охоты и получают от земли неслыханные доходы, а деревни одна за другой исчезли. Всё молодое, здоровое, талантливое убежало оттуда. Кто действительно любил землю и плуг, ушёл туда, где нет помещиков: в Канаду, Новую Зеландию. Остальное население разбрелось по городам» (11, 4). Характеризуя землевладение в Бразилии, корреспонденты обращали внимание на то, «что правительство не даёт колонистам садить больше 15 кофейных деревьев на душу... потому что помещики позанимали большие плантации, А если колонисты начнут заводить кофейные

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10 - 01 - 00445 а

плантации, кто же будет работать помещикам?» (3, 265).

Описание развития сельского хозяйства за границей представлены корреспондентами, во-первых, общими итоговыми суждениями; во-вторых, частными сюжетами, которые привлекли внимание россиян. Остановившись на этих двух моментах, замечу, что Бразилия сначала избиралась как страна, куда предполагалось переехать на постоянное место жительства. Из с. Тимошенского (Ачинский уезд) сообщали следующее: «В конце 1913 г. и начале 1914 г. забродили умы наших прихожан относительно переселения в Бразилию. Приступили скоро к делу. Привёз кто-то книжечку, выпускаемую агентом переселения в Бремене г. Мицлером (собирались переселяться и под влиянием брошюры И. Гутмана – Л.К.). Выходит, что лучшей страны, как Бразилия, и нет нигде» (4, 433).

В Бразилии российские крестьяне-переселенцы отмечали низкий уровень развития сельского хозяйства. Никита Демьянович Рожков, крестьянин д. Щуровой (Енисейская губерния, Канский уезд, Ачинская волость), сообщал в письме, что в Бразилии «родится только кукуруза, видел апельсиновые деревья, но плодов нигде не видел, рис видел на испытательном казенном поле, очень плохой, ни на что не похожий» и только «кофе там родится хорошо» (3, 264).

Уровень развития сельского хозяйства в европейских странах судя по корреспонденциям оценивался высоко, характеризовался как «поразительная земельная культура» (6, 5). Оценка давалась в лирических тонах: «Глядишь на луга, и кажется тебе, что это любимое холёное дитя у матери, у которого и личико умыто, и головка расчесана, и рубашонка чистая, и обувь крепкая. На них нет ни кочки, ни канавки, ни ям, наполненных водой или заросших осою. Если где встречается болотинка, она осушена, кротороины во время сырты и разбросаны. Тоже и поля. Нет ни бугров, ни борозд, а всё оно гладкое да ровное, как накрытый стол» (6, 4).

Уровень развития сельского хозяйства, как писал корреспондент, зависел, прежде всего, от самих сельских жителей. Отмечали, что в Европе «работать на земле тут любят; работы не боятся. Тут никто не брезгает копаться в земле» (7, 3). Делался вывод, что, занимаясь сельским хозяйством, стремились к тому, «чтобы как можно больше получать дохода» (9, 4). Было замечено также, что в случае необходимости сельские жители в Европе прибегают к взаимопомощи: поддерживают на случай утраты скота; имеют общественную молочную; общественный пресс для выжимки винограда на вино (7, 4).

В сельскохозяйственных описаниях корреспонденты обращали внимание на внешний вид сельских поселений и жителей. Особое внимание уделено описанию деревенских школ и церквей. «Школы тут по внешнему виду имеют очень привлекательный вид. Попадая во французскую деревню, во многих из них самым лучшим зданием вы находите мэрию и около неё школы» (9, 3). При сравнении школы и церкви замечается: «насколько привлекательны у французов школы, настолько не приглядны церкви», которые «нисколько не украшают общего фона деревни» (9, 4). Разительно отличается описание внешнего вида европейцев и жителей Бразилии. Так, в облике первых обращалось внимание на живописные костюмы тирольцев «и судя по их костюмам и внешнему виду мужчин, женщин и молодёжи нельзя было допустить, чтобы они знали нищету или когда-нибудь не доедали» (6, 4). Н.Д. Рожков уверенно заявлял, что «народ в Бразилии очень слабый: на бразильских самых сильных пошёл бы на троих» (3, 265).

Высокой оценки удостоилось состояние путей сообщения в европейских странах, особенно это касается шоссейных дорог. Подчёркивается, что в Англии «прекрасные

дороги, кажется ещё лучше, чем дороги Швейцарии и Франции» (10, 2). Утверждается, что по шоссе, «как и по железной дороге, здесь сообщение идёт быстро, и никому никогда не грозит опасность застрять, надорвать лошадь, поломать сбрую» (10, 2). Проводится параллель с российской действительностью: «глядя на эти дороги, невольно вспоминаешь родные места: у нас не только нет таких дорог, но никто и не мечтает о них... Из-за беспутности мы теряем во времени, в цене при продаже, и при покупке того, что покупаем. А сколько животных калечится в распутицу? Сколько здоровья теряется, когда застревает в дурную погоду где-нибудь с возом? Англичанам эти мытарства не известны, не известны они и другим западным народам, ухитряющимся даже в горах устраивать и поддерживать прекрасные пути сообщения» (10, 3).

В корреспонденциях описывались конкретные проявления высокой европейской сельскохозяйственной культуры. При характеристике земледелия подчеркивалось, что «каждая пядь была обработана, каждый клочок возделан. Виноградники сменялись садами, сады огородами. Между ними шли роскошные озими, клеверная отава» (6, 4). Детально сообщалось о практике использования удобрений.

Обращаясь к проблемам животноводства, Русский писал, какое впечатление на него произвело стадо коров: «До сих пор я не видел таких коров. Вспоминаю наших коров, никак нельзя было подумать, что они из одного класса животных. Они ближе подходили к слону или носорогу, чем к нашим коровам. Все они были высокие, с толстыми шеями и огромными головами. Кресцы у них настолько широки, что на них, не шутя, можно было установать ушат. Круглый толстый хвост тоже скорее напоминал слона. Все они были на подбор одна к одной и одна на другую походили» (8, 3). Передавая своё восхищение животными, автор описал посещение молочной фермы и представил подробнейший отчёт о беседе с хозяином фермы, который с удовольствием поведал о своей работе.

Весьма любопытные предлагались зарисовки, касающиеся птицеводства. В «Письмах» Русского читаем: «О достоинстве курицы выдаётся на руки хозяину удостоверение, которое и служит для курицы дипломом, а отчёт об испытании печатается в газетах. После этого кур посылают на выставку. Получившие награду на выставке курица или петух покупаются на расхват любителями. За петуха иногда платят такие деньги, за какие у нас в России можно купить тройку лошадей» (11, 4). В связи с птицеводством детально представлена селекционная работа, которая проводилась в Англии.

Письма крестьян, побывавших за границей, демонстрируют «механизмы освоения человеком окружающего мира, трансформации внешних стимулов во внутренние концепты и представления» (12, 5). Судя по популярности сельскохозяйственных журналов в среде сибирских крестьян в начале XX века (об этом неоднократно писали сами крестьяне; процитирую К.Потанина, крестьянина с. Таштыпского Минусинского уезда: «Вчера приехал с детьми с покоса и после 6-ти дневного труда с литовкой в руках...выпарился в бане и набросился на № 9 Справочника» (5, 27)), можно делать выводы о том, что заграничные впечатления вызывали интерес у читателей, а сельскохозяйственные практики европейских крестьян могли послужить стимулом для жителей сибирской деревни.

Список литературы

1. Ганелин Р.Ш., Куликов С.В. Основные источники по истории России конца XIX – начала XX в.: Учебное пособие. СПб.: Изд-во Д. Буланина, 2000.
2. Гордон А. Пореформенная российская деревня в цивилиза-

- ционном процессе // *Рефлексивное крестьяноведение. М.: МВШСЭН, РОССПЭН, 2002.*
3. *Ещё о переселении в Бразилию // Сибирское сельское хозяйство. 1914. № 8 – 9.*
 4. *Переселенцы в Бразилию // Сибирское сельское хозяйство. 1916. № 10.*
 5. *Корреспонденции // Сибирская деревня. 1913. № 12.*
 6. *Русский. Как хозяйствуют земледельцы за границей. Письма русского. Письмо первое // Сибирский хозяин. 1907. № 16.*
 7. *Русский. Как хозяйствуют земледельцы за границей. Письма русского. Письмо второе // Сибирский хозяин. 1907. № 17.*
 8. *Русский. Как хозяйствуют земледельцы за границей. Письма русского. Письмо третье // Сибирский хозяин. 1907. № 18.*
 9. *Русский. Как хозяйствуют земледельцы за границей. Письма русского. Письмо пятое // Сибирский хозяин. 1907. № 19.*
 10. *Русский. Как хозяйствуют земледельцы за границей. Письма русского. Письмо шестое // Сибирский хозяин. 1907. № 20.*
 11. *Русский. Как хозяйствуют земледельцы за границей. Письма русского. Письмо девятое // Сибирский хозяин. 1907. № 32.*
 12. *Сибирское общество в условиях трансформаций конца XIX – начала XX вв.: идентичность и стратегии поведения: Коллективная монография / Под редакцией Т.А. Сабуровой. Омск: Амфора, 2009.*

М.Н. Федченко

Курганский государственный университет

ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ 1950 – 1960-Х ГОДОВ О СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ И КОМСОМОЛЕ

Предполагая, что в недалеком будущем российские историки очевидно будут заимствовать некоторые концепции зарубежных исследователей о советской молодежи и комсомоле, считаем необходимым дать краткий обзор этой литературы.

В 1950 – 1960-е годы ведущими специалистами Запада по советской комсомольско-молодежной проблематике считались американские историки М. Фейнсон и Р. Фишер. В 1951 году вышла статья М. Фейнсона «Комсомол и проблемы молодежи в условиях диктатуры» (1). Эта статья несколько позднее вошла в его книгу «Как управляется Россия» (2). Одной из характерных черт советского тоталитаризма автор считал то особое внимание, которое режим уделял молодежи, влияя на нее при помощи комсомола, осуществляя диктат над волей и интересами широких масс юношества.

Американский историк Р. Фишер подготовил докторскую диссертацию, а в 1959 году издал книгу «Образец для советской молодежи. Изучение съездов комсомола. 1918 – 1954 гг.» (3). Автор первым из зарубежных исследователей попытался изложить всю историю ВЛКСМ, опираясь на опубликованные материалы комсомольских съездов и статьи, вышедшие в СССР и других странах. Он лично знакомился с жизнью советской молодежи, побывав в нашей стране. Размер книги (300 страниц текста, более 100 страниц комментариев, несколько таблиц) позволил Р. Фишеру дать довольно полную картину истории комсомола. Особое внимание он уделил критическим материалам съездов ВЛКСМ, проблемам «демократического централизма» в союзе молодежи, партийного руководства этой молодежной организацией, пытаясь выяснить место и роль ВЛКСМ в жизни советского общества. Он писал: «Как резерв партии комсомол должен был воспитывать и учить молодежь. Как помощник партии комсомол должен был выполнять практические и безотлагательные повинности (такие, как военная и экономическая) в советском обществе» (4).

Оригинальным, непривычным для советского читателя был подход Р. Фишера к вопросу о массовости ВЛКСМ: «Партия настаивала на том, что комсомол должен быть «массовой» организацией – «массовой» в том смысле, что у него не должно быть соперников среди молодежных организаций; «массовой» в том смысле, что она должна быть как можно большей по количеству членов, которые бы находились под партийным контролем; «массовой» в том смысле, что она должна быть слишком большой и слишком рыхлой, чтобы сдерживать... свободомыслие» (5).

Р. Фишер говорил о перерождении комсомола, об утрате им самостоятельности и самостоятельности. Недостатком исследования Р. Фишера является то, что он не имел возможностей, а поэтому не использовал неопубликованные архивные источники, не учитывал особенности советской ментальности, исходил из собственного видения проблем чуждой ему страны. Следует отметить, что концепции Р. Фишера по основным вопросам истории ВЛКСМ стали господствующими в западной историографии на многие годы.

Среди работ зарубежных исследований следует, на наш взгляд, отметить докторскую диссертацию и книгу французского историка П. Желара «Массовые организации в Советском Союзе. Профсоюзы и комсомол», монографию и докторскую диссертацию американского исследователя А. Кассофа «Советская молодежная программа. Организация и сопротивление» (6), работы В. Джексона, В. Таубмана, Р. Корнелла, С. Плосса и других авторов (7).

Одним из центров изучения проблем советской молодежи являлся западногерманский город Мюнхен. Здесь в 1950 – 1960-е годы был издан ряд работ на русском языке, состоялась научная конференция «Молодежь Советского Союза» (8).

Зарубежной литературе о советской молодежи и комсомоле дан историографический анализ в кандидатских диссертациях и статьях советских авторов: Н.В. Бушмарина, Ю.Н. Верченко, Э.В. Даниленко, И.И. Ивановой, А.Н. Логинова, Р.З. Мукановой, А.Н. Мячина, Е.В. Рудневой, В.И. Салова, М.А. Соколова, В.А. Сулемова, Г.В. Ушаковой, В.В. Цыбульник, А.О. Чубарьяна, О.К. Щудро (9).

В этих работах содержалась резкая, но не всегда справедливая критика в адрес зарубежных исследователей, главным образом, по трем направлениям: партийное руководство комсомолом; место и роль ВЛКСМ в политической системе советского общества; внутренняя жизнь союза молодежи.

В оценке зарубежной историографии истории комсомола многое предстоит переосмыслить. Подчас, борясь с «буржуазными фальсификаторами» истории, советские авторы вырывали из «анализируемых» работ лишь отдельные цитаты, фальсифицируя тем самым зарубежную историографию. В 1989 году ведущими отечественными специалистами по истории ВЛКСМ было признано: «во-первых, мы практически не знаем, что написано по истории комсомола на Западе, и, во-вторых, ряд проблем партийного руководства, деятельности комсомола, молодежной политики в СССР были достаточно правильно отмечены в некоторых зарубежных работах, отнесенных в разряд фальсификаций» (10).

Зарубежная историческая литература о комсомоле и советской молодежи, опубликованная в 1970-е годы и в последующие десятилетия, в основном повторяет или конкретизирует концепции западных советологов 1950 – 1960-х годов. Она почти ничего не вносит принципиально нового. Автор надеется, что данная статья заинтересует молодых исследователей, и они внесут свой вклад в дальнейшую научную разработку поднятой нами историографической проблемы.

Список литературы

1. Fainsod M. *The Komsomol - a study of Youth under dictatorship* // *The American Political Science Review*. 1951. - № 1. P. 18 – 40.
2. Fainsod M. *How Russia is ruled*. Cambridge, Harvard University. 1958; 1963; 1965.
3. Fisher R. *Pattern for Soviet Youth. A Study of the Congresses of the Komsomol. 1918 - 1954*. N. Y., 1959.
4. Там же. С. 75.
5. Там же. С. 286.
6. Gelard P. *Les organizations de masses en Union Sovietique. Syndicats et Komsomol*. Paris, 1965; Kassof A. *The Soviet Youth Program. Regimentation and Rebellion*. Cambridge (Mass.). Harvard Univ. press, 1965.
7. Jackson W. *Young Soviets and an aging Komsomol* // *The New Russia. Communism in Evolution*. Dauton, 1968; Taubman W. *The View from Lenin Hills. Soviet Youth in Ferment*. N. Y., 1967; Cornell R. *Youth and Communism. A Historical Analysis of International Communist Youth Movements*. N. Y., 1965; Ploss S. *Political Education in the Postwar Komsomol* // *The American Slavic and East – European Review*, Vol. XV. 1956. P. 489 – 505.
8. Константинов Д. *Православная молодежь в борьбе за церковь в СССР*. Мюнхен: Институт по изучению СССР, 1956; *Молодежь Советского Союза: Сборник статей / Под редакцией А.И. Лебеда*. Мюнхен: Институт по изучению СССР, 1959; *Комсомол. Воспоминания бывших комсомольцев: Сборник статей*. Мюнхен: Институт по изучению СССР, 1960; Буря Д. *Оппозиционные настроения молодежи в годы после оттепели*. Мюнхен: Институт по изучению СССР, 1960; XIV конференция Института по изучению СССР «Молодежь Советского Союза»: *Материалы и сообщения*. Мюнхен: Институт по изучению СССР, 1962.
9. Бушмарин Н.В. *Критика буржуазной фальсификации политики КПСС по отношению к молодежи в условиях развитого социалистического общества: Дис. ... канд. ист. наук*. Калинин, 1978; Верченко Ю.Н., Чубарьян А.О. *Измышления Ральфа Фишера и правда истории // Молодой коммунист*. 1961. № 1. С. 98 – 104; Даниленко Э.В. *Критика англо-американских фальсификаторов истории ВЛКСМ: Дис. ... канд. ист. наук*. Л., 1972; Иванова И.И. *Роль комсомола в коммунистическом воспитании молодежи и ее фальсификация в англо-американской буржуазной прессе (1956 – 1976): Дис. ... канд. ист. наук*. Л., 1978; Логинов А.Н. *Критика буржуазных фальсификаций принципа партийного руководства комсомолом в условиях развитого социализма: Дис. ... канд. ист. наук*. М., 1985; Муканова Р.З. *Критика англо-американских буржуазных фальсификаторов по освоению целинных и залежных земель Казахстана (1954 – 1975 гг.): Дис. ... канд. ист. наук*. Алма-Ата, 1981; Мячин А.Н. *Критика буржуазных фальсификаций деятельности КПСС по коммунистическому воспитанию советской молодежи: Дис. ... канд. ист. наук*. Л., 1985; Руднева Е.В. *Критика буржуазных фальсификаций деятельности Ленинского комсомола как помощника и резерва КПСС в условиях развитого социализма: Дис. ... канд. ист. наук*. М., 1976; Салов В.И. *История комсомола и современная буржуазная историография // Вопросы истории КПСС*. 1972. № 3; Соколов М.А. *Критика буржуазных фальсификаций партийного руководства комсомолом: Дис. ... канд. ист. наук*. М., 1976; Сулемов В.А. *Что ни концепция, то ложь. Буржуазная «советология» о комсомоле и советской молодежи // Молодой коммунист*. 1972. № 10; Он же. *Буржуазная советология о Ленинском комсомоле и советской молодежи // Фальшивые пророки*. М.: Молодая гвардия, 1973. Вып. 3; Он же. *Фальсификация проблемы партийного руководства комсомолом в буржуазной историографии // Позывные истории*. М.: Молодая гвардия, 1973; Он же. *Критика буржуазных фальсификаций современной деятельности ВЛКСМ*. М.: Молодая гвардия, 1979; Ушакова Г.В. *Критика англо-американских буржуазных фальсификаторов деятельности КПСС в области обучения и воспитания советской молодежи (1960 – 1980 гг.): Дис. ... канд. ист. наук*. Л., 1985; Цыбульник В.В. *Разоблачение буржуазных фальсификаций деятельности КПСС по коммунистическому воспитанию советской молодежи в период развитого социализма: Дис. ... канд. ист. наук*. Киев, 1980; Щудро О.К. *Программа КПСС о воспита-*

нии нового человека и буржуазные критики: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1966.

10. *Актуальные вопросы разработки истории ВЛКСМ*. М.: ВКШ при ЦК ВЛКСМ, 1989. С. 5.

Т.Н. Шимолина

Курганский государственный университет

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЗАУРАЛЬЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМИ XVII-XIX ВЕКОВ

Время изучения такого своеобразного, уникального региона России, части территории Сибирского субконтинента, как Зауралье, учёными и краеведами насчитывает более трёх веков.

Круг авторов-историков, археологов, этнографов, демографов, фольклористов, филологов, археографов, экономистов, статистиков, естествоиспытателей, географов, биологов, ботаников, метеорологов, климатологов, экологов, геологов, архивных, музейных работников, писателей, занимавшихся различными проблемами и сторонами жизни Зауралья также насчитывает много сотен.

Невозможно воздать должное вкладу представителей всех названных научных дисциплин, учёных и краеведов-подвижников в дело изучения зауральского края во всех его ипостасях. Поэтому ограничимся анализом вклада в исследование Зауралья преимущественно гуманитариями.

Современники нового, третьего тысячелетия с благодарностью вспоминают фамилии, имена, отчества тех, кто начинал изучать зауральский регион, в котором мы живём.

В 1696-1700 гг. территорию Южного Зауралья (современной Курганской области) посетил известный русский картограф, географ, первый историк Сибири, сын боярский Семён Ульянович Ремезов. На составленную им карту была нанесена слобода Царёво Городище и её окрестности. Карта была включена в «Хорографическую чертёжную книгу» (1).

Из XVIII в. ценные сведения о Зауралье сохранились в работах крупных учёных и общественных деятелей Герарда Фридриха Миллера, Василия Никитича Татищева, Петра Ивановича Рычкова, Петра Симона Палласа, Иоганна Петра Фалька, Александра Николаевича Радищева. Достаточно подробный анализ вклада названных авторов в освещение различных вопросов истории Зауралья был уже сделан в публикациях М.М. Мозина, В.А. Кислицына и В.В. Пундани (2).

Особо отмечу, что одним из первых крупных русских учёных-историков России, побывавших в Южном Зауралье, дважды посетившем Далматовский Успенский монастырь - в 1721 и 1736 гг., был сподвижник Петра I, основоположник нашей отечественной исторической географии, этнографии, источниковедения В.Н. Татищев. В созданном им первом русском энциклопедическом словаре «Лексиконе Российском, историческом, географическом, политическом и гражданском» содержится научно-достоверная информация по истории обители - её местоположении, основателе - монахе Далмате, взаимоотношениях русских людей с местным населением, жизни монастыря и т.д. (3).

В течение XIX в. увидели свет публикации о Зауралье людей, живших здесь, посещавших этот регион по службе, оказавшихся в нём волею судьбы, сложных житейских обстоятельств.

Летом 1800 г. в Курган прибыл на поселение писатель-драматург Коцебу. Вернувшись из ссылки, он в 1806 г. в Москве издал книгу «Достопамятный год моей жизни». В ней имеются интересные сведения о Кургане времён

его пребывания в городе, облике поселения, быте, нравах, традициях курганцев (отмечены их услужливость, доброта, гостеприимство), ценах на продукты питания, дешёвизна которых удивляла автора (4).

В 1804 г. в Перми были изданы два тома «Хозяйственного описания Пермской губернии», принадлежавшие перу директора и учителя Пермской гимназии и главного народного училища этого города, географа, экономиста, историка и краеведа Н.С. Попова. В этой уникальной книге, написанной по программе Вольного Экономического общества, освещен целый комплекс вопросов об условиях жизни и деятельности крестьян Зауралья, в том числе Шадринского уезда, о влиянии социальных и природно-климатических факторов на состояние земледелия и животноводства, об орудиях крестьянского труда, о крестьянских промыслах по переработке сельскохозяйственной продукции, об аренде крестьянами пахотных и сенокосных угодий, о расслоении сельских жителей, об ассортименте продававшейся и покупавшейся ими на рынке продукции, о ценах на продукты полеводства и животноводства. Он отметил тенденцию роста цен на продукцию сельского хозяйства во времени. Информация, содержащаяся в книге, несомненно, небезынтересна и сегодня. По существу работа Н.С. Попова являлась энциклопедией не только по аграрной истории Зауралья, но и по многим другим проблемам социально-экономического характера. Не случайно труд Н.С. Попова в 1811-1813 гг. был переиздан в Санкт-Петербурге в трёх томах (5).

Ценный материал о Зауралье, о Кургане первой половины XIX в. мы находим в мемуарах, письмах, дневниках, записках оказавшихся на каторге в Сибири, на поселении в Кургане декабристов Н.И. Лорера, А.Е. Розена, М.М. и Е.П. Нарышкиных, В.К. Кюхельбекера. Интересные данные о зауральском регионе имеются в книге «Описание Западной Сибири», принадлежащей перу И.И. Завалишина, случайно попавшего в число репрессированных после восстания декабристов в 1825 г. (6).

Крупным событием в развитии зауральского, сибирского краеведения явилась публикация в 1838-1844 гг. в Москве книги русского историка-сибиряка П.А. Словцова «Историческое обозрение Сибири» в двух томах. В ней автор предпринял попытку осветить внутреннюю сторону процесса русской колонизации Сибири, отметил решающую роль вольнонародной колонизации в заселении края, прогрессивность присоединения сибирского субконтинента к России, поднял вопросы о месте Сибири в составе России, о сибирском патриотизме. Кроме исторических работа содержит богатейшие сведения по этнографии, географии, ботанике, гидрологии, метеорологии зауральского края, о менталитете его населения.

П.А. Словцов детально исследует вопрос о том, где начиналась пограничная линия России на восток от Урала в XVII в., называет реку Исеть, Катайский острог, осуждает башкирский бунт в Зауралье в 1662-1667 гг., в результате которого был сравнен с землёй Далматовский монастырь. Высоко оценивает историк роль переселенцев из Поморья в заселении и освоении Зауралья по рекам Исети, Миассу, Тоболу. Приводит сведения о времени основания многих зауральских слобод и острогов, подчёркивает важную роль для дальнейшего мирного развития Зауралья учреждения Исетской провинции и строительство крепостей и редутов в 30-х гг. XVIII в. по рекам Ую и Тоболу для отражения набегов кочевников (7). Известно, что эта фундаментальная работа П.А. Словцова вызвала много незаслуженной критики, которую автор очень переживал, искал достойный ответ. После долгих размышлений он в «Тобольских губернских ведомостях» поместил ответ на критические замечания в адрес своего труда. Ответ был предельно краток: «Напишите лучше!». Лучший, чем у

П.А. Словцова, труд по истории Сибири, хронологически охватывающий время от начала похода Ермака до 30-х годов XIX в., появился лишь в 60-х гг. ушедшего XX столетия. И действительным признанием заслуг П.А. Словцова в исследовании истории Сибири явилось переиздание его «Исторического обозрения Сибири» в Санкт-Петербурге в 1886 г. и в Новосибирске в 1995 г.

В 30-50-х годах XIX в. в центральных «Журнале мануфактур и торговли», «Журнале Министерства внутренних дел», «Журнале Министерства государственных имуществ», в «Пермских...» и «Тобольских губернских ведомостях» в «Пермском сборнике», в «Вестнике Русского географического общества» и других изданиях стали публиковаться представители зауральской интеллигенции, краеведы-священники, купцы.

В 1834 г. в «Журнале мануфактур и торговли» № 4 появилась статья сибирского купца Н.О. Пиленкова, рассказывающая о развитии за Уралом мануфактурной промышленности, «звериных и рыбных промыслов», торговли. В статье зауральского купца Петра Черняховского, опубликованной в «Журнале МВД» за 1843 г., приведены сведения, раскрывающие достаточно далеко зашедший процесс расслоения среди местных крестьян, имевших в 40-х гг. XIX в. земли, одних - от 1 до 3 десятин, других - до 100 десятин пашни, до 50-70 лошадей, 40 коров, 100 голов мелкого скота (8).

В 1852 г. в «Журнале Министерства государственных имуществ» сотрудничавший с Русским Географическим обществом шадринский священник-краевед Андрей Третьяков опубликовал интересную статью «Шадринский уезд в сельскохозяйственном отношении».

В ней освещены такие вопросы, как уровень агрикультуры, системы земледелия, техническая оснащённость, орудия труда, их усовершенствование во времени, набор сельскохозяйственных культур, их смена для повышения плодородия и др. (9).

Более широкий и глубокий анализ жизни населения этого же уезда, детальную характеристику его природных условий, ресурсов осуществил ещё один шадринский священник-краевед, также сотрудничавший с Русским географическим обществом и занимавшийся раскопками курганов Т.И. Успенский. В статьях «Очерк юго-западной половины Шадринского уезда», «Замечания о юго-западной половине Шадринского уезда Пермской губернии», «Нечто о пространстве, управлении и о прочем Далматовской монастырской вотчины и о последующих затем переменах в быту оной», опубликованных в «Пермском сборнике», «Пермских губернских ведомостях» в 1859, 1860, 1861 гг. В них мы находим описание местности, сведения о колонизации края, его освоении, о физических и нравственных свойствах народа, главных занятиях крестьян, устройстве домов, пище и одежде крестьян, их семейной жизни и родственных отношениях. Наряду с такими нравственными качествами зауральских крестьян, как «искренняя и тёплая религиозность», благочестивость, гостеприимство, общительность, нищелюбие, любовь и преданность царю, верность слову, Т.И. Успенский отмечает и приверженность местного населения старине, недоверчивость к нововведениям, праздность, лень, невоздержанность и роскошь не по состоянию, доводящие до воровства. О повстанцах Пугачёва священник говорит, как о шайке мятежников (10).

Очевидно, что в подобных оценках отчётливо прослеживается и наблюдательность автора, точность его наблюдений, глубокое понимание им менталитета людей, его земляков, энциклопедичность знаний пищевого, и одновременно идейные, политические пристрастия духовного лица в духе теории официальной народности.

В конце 50-х-начале 60-х годов XIX в. на страницах

«Учёных записок Казанского университета» и «Пермских губернских ведомостей» увидели свет публикации шадринского краеведа А.В. Серафимова, в них имеется ценная информация по географии, экономике (промышленность, скотоводство, земледелие, огородничество, скотоводство, птицеводство, садоводство, ремёсла, торговля), этническом, социальном, конфессиональном составе населения Шадринского уезда, истории его заселения, топонимике, народному образованию, административному управлению уездом, данные о гербе г. Шадринска, о его внутреннем состоянии. Одной из знаменитых ярмарок Пермской губернии - Ивановской, находившейся в Шадринском уезде, была посвящена специальная статья А. Серафимова (11).

Священник слободы Белозерской В.В. Андрианов в своих публикациях поднял ряд вопросов, отражающих историю, географию, фольклор земли Белозерской и Курганского округа в целом. Связанный своей краеведческой деятельностью с Русским географическим обществом, за свои труды он был награждён бронзовой медалью этого общества (12).

Ректор Далматовского духовного училища, протоиерей Никольской церкви Георгий Стефанович Плотников в 50-60-х годах XIX в. опубликовал ряд статей о Далматовском Успенском монастыре в «Пермских губернских...» и «Пермских епархиальных ведомостях», в «Чтениях Общества истории и древностей российских» при Московском госуниверситете. Позднее его обобщающий труд по истории Далматовского монастыря и Введенского женского монастыря в досоветский период выдержал четыре издания (последнее увидел о свет в 1906 г.).

По данным этой работы прослеживаются все наиболее важные вехи и процессы, происходившие в Приисетском крае, начиная с основания Далматовского монастыря в 1644 г. и завершая событиями середины XIX в. Наиболее ценными в книге являются сведения о времени возникновения в этом районе Зауралья селений, о расстоянии их до монастыря, о количестве дворов и душ мужского пола в них по данным проведённых переписей, о хозяйственной деятельности местного населения. Говоря о народных движениях 60-70-х гг. XVIII в. в этом районе, Г.С. Плотников употребляет такие термины, как «шайка», «враги», «крамольщики», «самозванец» (о Е.И. Пугачёве), выражая своё резко отрицательное отношение к выступлениям народных масс против социального гнёта (13).

Большой вклад в изучение Южного Зауралья внёс краевед-самоучка из государственных крестьян Шадринского уезда Александр Никифорович Зырянов, ставший выдающимся исследователем-энциклопедистом, историком, археологом, этнографом, фольклористом, географом, экономистом, статистиком, метеорологом, климатологом, писателем-демократом, гуманистом, просветителем, общественным деятелем, основоположником зауральского краеведения.

Публиковавшийся в «Пермских губернских ведомостях», «Пермском сборнике», «Сборнике Пермского земства», «Записках Уральского Общества Любителей Естествознания», «Трудах Императорского Вольного экономического общества», «Этнографическом сборнике Русского Географического общества», в журналах «Русская старина», «Древняя и новая Россия», в «Известиях Археологического общества» А.Н. Зырянов получил широкую известность и признание не только на своей малой родине, в Зауралье, на Урале, но и в Москве и Санкт-Петербурге. В общей сложности его перу принадлежит около 50 крупных работ и более 60 заметок на различные темы, так или иначе касающихся Зауралья. Труды А.Н. Зырянова получили высокую оценку учёных, его современников и удостоены серебряных медалей Русского географического

общества, Вольного экономического общества и Уральского общества любителей естествознания.

Жизненный и творческий пути А.Н. Зырянова нашли широкое отражение в публикациях его современников: А.А. Дмитриева, Д.Д. Смышляева, М. Малахова, А.Н. Афанасьева, И.А. Худякова, И.М. Первушина, П.Г. Никитина, В.Н. Шишонко.

После смерти А.Н. Зырянова в 1884 г. на 54-м году жизни ссылки на его работы, упоминания о нём встречаются в различного рода изданиях - газетах, сборниках, указателях, словарях в 90-х гг. XIX - начале XX вв.

С 30-х гг. XX в. прослеживается своего рода «второе рождение» А.Н. Зырянова, связанное с созданием в 1928 г. Далматовского общества краеведения. В 1930 г. это общество издало в Шадринске сборник краеведческих статей «Исетско-Пышминский край», посвященный памяти Александра Никифоровича.

С тех лет творчество этого выдающегося зауральского самородка, типичного представителя провинциальной науки, получившего всероссийскую известность, стало предметом исследования и постоянного использования в трудах краеведов и учёных самых различных отраслей знания. Назовём среди них И.Д. Иванчу, М.С. Кашеварова, Н.В. Здобнова, В.П. Бирюкова, А.А. Кондрашенкова, М.Д. Янко, В.П. Фёдорову, М.М. Мозина, Н.А. Подгорбунских, А.Коровина, Т. Язовских, В.И. Смирнову, В.В. Пундани, А.И. Андрущенко, М.М. Громыко, Н.А. Миненко, В.В. Рабцевич, И.В. Побережникова, В.И. Усанова, П.Г. Свешникова, Б.Н. Миронова, Т.А. Калинина, Р.Г. Пихою, В.В. Мухина.

Шадринцы А.М. Бритвин, Л.П. Осинцев, С.Б. Борисов, В.П. Тимофеев, М.Ф. Ершов, Е.А. Брякова, В.Н. Бекетова, З.И. Матвеева, А.А. Пашков внесли большой вклад в дело воздания благодарной памяти своему замечательному земляку - А.Н. Зырянову своими публикациями о нём, републикациями его наиболее ценных трудов, восстановление надгробного памятника А.Н. Зырянову возле алтаря Успенского собора Далматовского монастыря.

Одним из ярких, самобытных летописцев земли зауральской был Николай Алексеевич Абрамов, смотритель курганских училищ, которого к активному изучению местной истории привлёк П.А. Словцов. Несколько сот очерков, статей Н.А. Абрамова по истории, статистике, этнографии, географии Зауралья было опубликовано в «Тобольских губернских ведомостях», «Журнале Министерства народного просвещения», «Чтениях в обществе истории и древностей Российских» при МГУ, «Записках Русского географического общества». Большую ценность представляют сведения, сообщаемые краеведом по истории слободы Царёво Городище, других поселений Зауралья, о быте, нравах местного населения, о хозяйственном освоении региона (14).

Обширный материал по истории зауральских крестьян, используемый и сегодня учёными-аграрниками, содержится в трёхтомном «Статистическом обозрении Сибири» члена-корреспондента Императорской Академии наук, известного финансиста, члена совета Министерства государственных имуществ Ю.А. Гагемейстера. Он исследовал такие важные вопросы истории зауральского края, как социально-экономическое положение местного населения, источники его роста, обеспеченность земель в первой половине XIX в., уровень жизни (15).

Статистик Уфимского земства Н.О. Осипов на основе обобщения результатов своих экспедиционных исследований на территории Курганского округа создал солидный трёхтомный труд «Экономический быт государственных крестьян Курганского округа Тобольской губернии», изданный в Санкт-Петербурге в 1890-1898 гг. В нём освещены такие важные стороны жизни государственной деревни Зауралья в XIX в., как землевладение и землеполь-

зование, особенности местной общины, обычаи и традиции крестьян региона (16).

Также личное участие в изучении крестьянских хозяйств Зауралья принимал экономист, статистик, профессор петербургских Высших женских курсов Александр Аркадьевич Кауфман. Главная идея, проводимая в трудах учёного, в том числе посвященных аграрной тематике (развитие земледелия, общины, земельного и переселенческого вопросов в Зауралье), это идея о «степени простора и утеснения». А.А. Кауфман связывал весь ход аграрной эволюции в регионе с развитием общины в первоначальных условиях земельного простора и постепенного его сокращения под влиянием роста народонаселения. При этом исследователь не учитывал процесса разложения крестьянства, его влияния на формы землепользования (17).

Яркий след в развитии зауральского краеведения оставил крупный учёный, тобольский губернский агроном, депутат двух Государственных дум, оказавшийся тесно связанным своей практической деятельностью с Курганским округом Николай Лукич Скалозубов. В госархиве Курганской области в фонде 267 (оп.1, дело 18, л.1), отражающем деятельность Курганского отдела Московского общества сельского хозяйства, содержится разработанная Н.Л. Скалозубовым в последние годы его жизни программа изучения истории малой родины, нашедшая впоследствии своих многочисленных соратников. Среди них был и наш выдающийся земляк, учёный, краевед Владимир Павлович Бирюков, внёсший значительный вклад в создание архива, музея и библиотеки в г. Шадринске.

Создавая краеведческую комиссию в г. Кургане, Н.Л. Скалозубов призывал изучать климат, почвы, растения и животных, сельское хозяйство, промыслы, обычаи населения, народную словесность (сказки, песни, приметы, местные слова и пр.), современную обстановку жизни и старинную историю края по преданиям и записям, историю отдельных семей, жизнь выдающихся людей - уроженцев края (18).

До жителей Зауралья, курганцев дошёл уникальный источник, обратившись к которому они могут существенно углубить знание истории своей малой родины. Это более 500 фотографий выдающегося мастера художественной фотографии Алексея Ивановича Кочешева, владельца «светописной мастерской» (её помещение находится на углу улиц Куйбышева и Комсомольской). На снимках А.И. Кочешева отображены многие стороны жизни зауральцев, начиная с 1895 г. (первая сельскохозяйственная выставка в г.Кургане) и завершая временем февральской революции 1917 г. На фотографиях мы видим здания церквей (Алекса́ндро-Невской, Троицкой, Богородице-Рождественской), школ, гимназий, заводов, мастерских, городских улиц, железнодорожных станций, волостных правлений, трудовых процессов наших земляков, изданий умельцев, ярмарок, народных праздников, богатых, бедных, нищих, видов природы, наводнений, событий общественно-политической жизни. Часть зданий, отображённых на этих фотографиях, сохранившихся до сегодняшнего дня и придающих г. Кургану неповторимый облик, является его исторической частью (19).

Подводя итог, следует отметить следующее. Накопленный многими поколениями россиян, в том числе наших земляков, материал, касающийся нашего региона, и тот внушительный личностный творческий потенциал наших краеведов свидетельствует о возможности издать фундаментальную книгу - монографию под названием «Краеведение Зауралья».

Список литературы

1. Ремезов С.У. Советская историческая энциклопедия. Т.ХI.М.1968.С.1015-1016; Курганские хроники. 1662-2000.

2. Курган, 2002. С.5.
3. Мозин М.М. Летописцы земли зауральской //Земля курганская: прошлое и настоящее. Кр. сб. Курган. 1993. Вып. 6. С. 10-17.; Пундани В.В. Южное Зауралье в исторической литературе XVIII-начала XX вв.//Историография и источниковедение истории Южного Зауралья (XVIII -XX вв.): Сборник научных трудов. Курган, 1999.С.3-16.
4. Татищев В.Н. Лексикон Российской, исторической, географической, политической и гражданской. СПб., 1793. С.103-108.
5. Пундани В. В. Сибирская Италия //Ветер времён. Курган, 2003. С. 35-36.
6. Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии. Пермь, 1804. Ч.1.С.1-2, 103-105. 242-248; Ч.2. С. 109-377,381; СПб., 1813. С.91-100,117, 315-316.
7. Лорер Н.И. Записки декабриста. Иркутск, 1984.С. 166-180, 460; он же. Записки моего времени. Воспоминания о прошлом. Иркутск, 1984. С. 176, 266, 291; Розен А.Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984.С.300, 316, 319-320.
8. Словоцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Т.1-2. М.1838-1844; Новосибирск, 1995.
9. Пиленков Н.О. О мануфактурной и торговой промышленности, звериных и рыбных промыслах Тобольской губернии//Журнал мануфактур и торговли. 1834.№4. С.47-57.
10. Третьяков А. Шадринский уезд в сельскохозяйственном отношении// Журнал министерства внутренних дел. Ч.45. №10-12. С. 179-226.
11. Успенский Т.И. Шадринское краеведение. Краткий библиографический словарь. Шадринск, 1997. С.38.
12. Пундани В. В. Южное Зауралье в исторической литературе. С. 6-7; Шадринское краеведение.С.34.
13. Серафимов А. Записка о Шадринском уезде Пермской губернии//Уч. зап. Казанского ун-та. 1858.Кн.4.С.1-30.
14. Плотников П.С. Описание Далматовского Успенского монастыря. Екатеринбург, 1906.
15. Мозин М.М. Указ. соч. С. 12; Словоцов П.А. Указ. соч..С 45-46.
16. Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири. В 3-х т. СПб.,1854. Ч.2.С. 61-63, 139, 301-324.
17. Осипов Н.О. Экономический быт государственных крестьян Курганского округа Тобольской губернии. СПб., 1890. Т.1. 506 с.; СПб.,1894. Т.2. 485 с; СПб.,1898.Т.3. 612 с.
18. Кауфман А.А. Обзор способов полеводства и севооборотов в Западной Сибири. СПб., 1823. 23 с; Его же. Земельный вопрос и переселение. Сибирь, её современное состояние и нужды. СПб. 1907.С. 79-140.
19. Пундани В. В. Информационное поле ГАКО и его филиала в г.Шадринске безгранично //Архивы: история и современность: Материалы научно-практической конференции, посвященной 75-летию ГАКО. Курган, 1999.С.20.
20. Мозин М.М, Указ. соч. С.21-22; Курган: Мгновения века. Фотоальбом. Курган, 2004.С. 4-7.

СЕКЦИЯ 2. ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

Ю.Н. Кражев
Курганский государственный университет

НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ИСТОКИ ТРАГЕДИИ

Дата 22 июня 1941 года относится к страшнейшим трагическим событиям не только XX века, но и всей истории России. Современное состояние отечественной исторической науки позволяет всесторонне, более глубоко, с привлечением широкого круга новых источников, опираясь на достижения зарубежной историографии, еще раз взглянуть в прошлое, проанализировать события тех героических и трагических для нашего государства месяцев 1941 года.

Начальный период Великой Отечественной войны, который продолжался с 22 июня до середины июля 1941 г., был самым тяжелым в ее истории. С первых же дней немецко-фашистским войскам удалось захватить инициативу и глубоко вторгнуться в пределы советской территории. К середине июля враг находился в 120 км от Ленинграда, в районе Смоленска и на подступах к Киеву.

Быстрое развитие наступления немецко-фашистских войск отчасти объясняется существенными преимуществами, которые они получили в результате милитаризации Германии. Вооруженные силы рейха были полностью мобилизованы, оснащены современной боевой техникой, обладали превосходством в подвижности, маневренности и имели двухлетний опыт ведения современной войны. Войска, выделенные для нападения, немецкому командованию удалось заблаговременно и скрытно развернуть в приграничных зонах, что дало возможность нанести внезапный и мощный удар по частям Красной Армии.

Высокая степень моторизации немецко-фашистских войск позволила их ударным группировкам наносить дробящие удары, обходить наши соединения с флангов, преодолевать водные преграды, маневрировать на поле боя.

Нападение фашистской Германии на Советский Союз оказалось неожиданным для войск приграничных военных округов. Причем внезапность была достигнута противником не при помощи военного искусства, а из-за беспечности высшего советского политического руководства, которое вопреки неопровержимым сведениям о сосредоточении немецко-фашистских войск на границе и времени их вторжения в пределы советской территории запретило привести в боевую готовность армии прикрытия. Поэтому советские войска не смогли своевременно вступить в сражения и оказать организованный отпор агрессору.

Упреждение в стратегическом развертывании дало возможность противнику быстро преодолеть сопротивление советских войск в приграничной полосе, в короткий срок и без больших потерь захватить стратегическую инициативу. Высокие темпы наступления гитлеровских армий не позволяли советскому командованию своевременно подтягивать находившиеся в глубине части и соединения для нанесения мощных контрударов или занятия выгодного рубежа обороны. Передвигавшиеся в основном пешим порядком советские войска противник, как правило, упреждал в нанесении ударов, а нередко и окружал.

Советским военным руководством были допущены крупные просчеты в определении порядка действий и

мощи первоначальных ударов врага. Оно предполагало, что противник не станет сразу вводить свои основные силы на всем советско-германском фронте, и это позволит сдержать его, используя войска прикрытия границы. Пройгнорировав опыт войны на западе, когда Гитлер одновременно вводил в бой все силы действующей армии, командование разделило наши войска на три эшелона: первый (57 дивизий) находился на удалении от границы до 50 км, второй (52 дивизии) – до 100 км и резерв округа (62 дивизии) – до 400 км.

Зная такое построение наших войск, немецкое командование создало ударные группировки, отбить натиск которых силами только войск первого эшелона было чрезвычайно трудно. А так как они к тому же не находились в состоянии боевой готовности, гитлеровцы получили возможность сначала нанести удар по первому эшелону, потом разгромить армии второго эшелона и затем ударить по резервам.

Отрицательно сказались на ходе военных действий непродуманность плана обороны государственной границы. Как пишет в своих воспоминаниях бывший начальник штаба 4-й армии Западного округа генерал-полковник Л.М. Сандалов, «значительной части войск, предусмотренной для выполнения задач прикрытия, еще не существовало. Например, 13-я армия ... и 14-й механизированный корпус ... находились в стадии формирования. Прибытие некоторых соединений в новые районы в случае возникновения конфликта, намечалось в такие сроки, что они не успевали принять участие в решении задач прикрытия». И действительно, 100-я стрелковая дивизия, которую планировали сосредоточить на границе, так и не прибыла ни на третий день войны, ни позже.

Неудачи советских войск в начале войны объясняются и тем, что не было проведено рассредоточение авиации. Поэтому агрессору удалось в первый же день уничтожить значительную часть самолетов на аэродромах и в воздушных боях и тем самым завоевать господство в воздухе. Сухопутные войска, по существу, были лишены авиационного прикрытия, что явилось одной из причин неудавшихся контрударов. Отсутствие резервов авиации и централизованного управления ею в полосах фронтов не позволяло наносить массированные удары по вторгшимся войскам.

В условиях господства в воздухе авиации противника большую роль должны были сыграть войска ПВО. Однако к началу войны наиболее подготовленной оказалась лишь противовоздушная оборона Москвы и Ленинграда. В целом же эффективность применения средств борьбы с немецкой авиацией была крайне низкой. Причиной тому явилось следующее: наличие на вооружении устаревшей техники, некомплект боеприпасов и средств связи, невысокий уровень выучки призванного из запаса личного состава, отсутствие единого руководства действиями предназначенных для ПВО зенитной артиллерии и истребительной авиации, а также резервами.

Бронетанковые войска тоже не смогли выполнить своей задачи по разгрому ударных группировок врага, что отрицательно сказалось на действиях наших стрелковых частей и соединений. Причиной тому стал ошибочный план одновременного создания 29 механизированных корпусов, которые в столь короткие сроки невозможно было полностью обеспечить боевой техникой, особенно новой. Так, к началу войны в Западном округе, где противник нанес главный удар, из шести мехкорпусов удалось полностью укомплектовать только один. В среднем обеспеченность корпусов танками составляла менее 50%. Машин новых моделей было мало, а значительная часть старых конструкций имела слабую броню, которая пробивалась бронебойными пулями.

К тому же личный состав бронетанковых войск, призванный в мае 1941 г. и прибывший из стрелковых войск, не успел получить необходимой специальной подготовки. В силу чего многие мехкорпуса оказались малобоеспособными. Некоторые из них использовались как стрелковые, но вооружены они были плохо, что делало их неполноценными и в этом качестве.

Не был должным образом продуман и вопрос дислокации мехкорпусов. Находясь в резерве округов, многие из них, чтобы выполнить боевые задачи, совершали большие перегруппировки. Так, 8-й мехкорпус прибыл к полю боя, совершив до 500 км пробега. За это время старая боевая материальная часть израсходовала запас моторесурсов на 50%, вышла из строя почти половина машин. Остальные оказались в техническом отношении не подготовленными к бою.

Отсутствие заранее созданных танковых группировок не позволило реализовать наше превосходство в танках для нанесения мощных контрударов по наступающему врагу. Например, 15-й мехкорпус при продвижении в район боевых действий с 24 по 28 июня получал от командующего Юго-Западным фронтом взаимоисключающие приказы. Пять дней корпус переходил из одного места в другое, так и не приняв участие в боях.

В целом советское командование, руководствуясь наступательным характером военной доктрины, недооценило оборону как вид стратегических действий. Группировка войск приграничных военных округов была рассчитана на наступление. Поэтому они оказались неподготовленными к отражению крупных сил агрессора, к организации и ведению обороны. Складывавшаяся на фронте обстановка требовала днем вести боевые действия, а ночью отходить на новые рубежи и организовывать оборону в условиях плохого материально-технического обеспечения и отсутствия сплошного фронта. Все это утомляло войска и отрицательно сказывалось на их боеспособности. Лишь в конце июня было принято решение о переходе к стратегической обороне на всем советско-германском фронте.

В начальный период войны наши войска испытывали острый недостаток боеприпасов, горючего и других материально-технических средств, хотя их запасов было достаточно для первых операций. Причиной тому стало сосредоточение большого количества складов и баз в приграничной полосе. Быстрое продвижение противника при отсутствии в наших войсках достаточного количества транспортных средств не позволило вывести имевшиеся запасы в глубокий тыл. Поэтому 200 складов, в которых хранилась большая часть запасов, были утрачены. Только на Западном фронте за первую неделю боевых действий было потеряно 10 артиллерийских складов, в которых находилось более 25 тыс. вагонов боеприпасов (30% всех запасов); 25 складов и баз, где хранилось более 50 тыс. т горючего (50% всех запасов); 14 складов с почти 40 тыс. т продфуража (50% всех запасов) и большое количество других материальных ресурсов. В силу этого в самый разгар боев возникали перебои и срывы в материальном обеспечении войск, что не могло не сказаться на ходе боевых действий.

Неудачи советских войск были связаны и с нарушением проводной связи, а радиосвязь подготовлена не была. Поэтому почти все командующие армий и военных округов потеряли управление войсками, не знали обстановки, не могли принять обоснованные решения и своевременно ставить боевые задачи. Все это обрекало части и соединения на неудачу и неоправданные потери.

И главное, советское политическое и военное руководство допустило просчет в определении направления основного удара гитлеровских войск. Наиболее опасным

направлением, по мнению Генерального штаба, являлось западное, о чем и было записано в проекте плана отражения агрессии. При его обсуждении 5 октября 1940 г. Сталин высказал мнение, что Германия нанесет свой главный удар не на западном направлении, а на юго-западном. Обосновывал он это тем, что немецко-фашистское руководство будет стремиться захватить наиболее богатые промышленные, сельскохозяйственные и сырьевые районы Советского Союза. Ни нарком обороны, ни начальник Генерального штаба не высказались против этого заключения Сталина и послушно исправили план. В связи с этим основные силы Красной Армии дислоцировались на юго-западном направлении.

В действительности фашистское командование сосредоточило и ввело в действие наиболее мощную группировку на западном направлении. При этом гитлеровскому руководству удалось убедить советскую разведку в концентрации крупных сил на юго-западном направлении. Так, в апреле 1941 г. Генеральный штаб получил следующую информацию: оперативный план наступления немцев «предусматривает молниеносный удар на Украину и дальнейшее продвижение на Восток...». В связи с чем в начале июня на это направление было дополнительно переброшено 25 дивизий.

Допущенный просчет явился основной причиной поражения войск Западного фронта. Ставка ГК не смогла оказать ему помощь резервами, так как они сосредоточились юго-западнее Киева. Лишь 25 июня было принято решение о переброске двух резервных армий с юго-западного на западное направление.

Следует заметить, что наша разведка в начале войны не всегда могла вскрыть истинную группировку противника и определить его замысел. В частности, советскому командованию не было известно о сосредоточении немецких танковых сил в районах Сувалки, Люблин. Не имея этих данных, оно приняло ошибочное решение о нанесении контрударов именно на этих направлениях.

Неудачный исход начального периода войны был связан и с подавлением Ставкой ГК инициативы командующих фронтами в принятии и выполнении решений в соответствии с конкретно сложившейся обстановкой. В таких условиях командование фронтами вынуждено было выполнять не отвечающие характеру боевых действий директивы Генерального штаба и Ставки ГК. Под удары крупных сил врага поспешно ставились все новые дивизии, которые, хотя и достигали временных результатов, в итоге истреблялись противником по частям.

Большим несчастьем для нашей армии и страны в целом было то, что накануне Великой Отечественной войны в результате проведенных политических репрессий 1937-1940 гг. мы лишились многих опытных командиров и военачальников. Молодым пришлось трудно. В ходе боев они допускали крупные ошибки в организации военных действий, в руководстве объединениями, соединениями, частями и нередко расплачивались за это дорогой ценой.

Все эти ошибки и недоработки военно-политического руководства страны привели к тому, что враг к середине июля захватил значительную территорию нашей страны, а Красная Армия понесла огромные потери. Но гитлеровцам не удалось главное – разбить в приграничных сражениях наши войска. Детально разработав план войны, немецкое командование не учло одного – силы духа советского воина, его патриотизма, мужества, стойкости, героизма, непоколебимой веры и воли к Победе, в которой он был твердо убежден с началом первых минут войны.

В целом же обстановка на фронте была сложной. Шли кровопролитные бои. И каждое сражение, каждая, пусть даже маленькая, выигранная победа приближали

день разгрома фашистской Германии, день Великой Победы нашей великой страны.

Л.А. Евдокимов
Курганский государственный университет

ПСКОВСКИЕ СИБИРЯКИ: ДМИТРИЙ СЕМЕНОВИЧ ЕВДОКИМОВ

Д.С. Евдокимов родился 21 октября 1869 г. Имя получил в честь великомученика Дмитрия Солунского, занимавшего высокий пост проконсула при дворе императора Максимилиана Галерия. Последний приказал убить Дмитрия за распространение христианства в Фессалонийской области и в г. Солуни (305 год).

Дмитрий Семенович в возрасте 20 лет женился на 18-летней Александре Герасимовне Бёрдышевой из д. Нагорской Утятской волости (1). Вместе прожили 29 лет. У них родилось 12 детей. Пятеро умерли в детстве: Иван (1893 г.), Георгий (1896), Мария (1900), Дарья (1908). В то время выживали только самые сильные дети.

До октябрьского переворота 1917 г. имена в России давали по святцам, закреплявшими за днями годового круга церковные праздники и даты чествования святых. 27 сентября по старому стилю 1890 г. родилась Анна. Имя дано в честь благоверной княгини Анны Каминской. 24 апреля 1894 г. появился мальчик, которого нарекли Семеном, потому что 27 апреля - день святого апостола и священномученика Симеона, распятого язычниками-римлянами в 107 году. В 1898 г. родился Александр. День рождения неизвестен. Мальчику, родившемуся 8 июля 1901 г., дали имя Степан в честь преподобного Стефана Саввант, всю жизнь прожившего в лавре святого Саввы. Ему был ниспослан дар чудотворения и прозорливости, исцеления больных и изгнания бесов. Следующего мальчика, появившегося на свет 12 января 1904 г., нарекли Афанасием, ибо 18 января день святителя Афанасия Великого, архиепископа Александрийского, жившего в IV в., сурового борца с ересью. Этот день обычно связан с сильными русскими морозами. Афанасий-ломнонос, береги нос. Имя Иосиф получил родившийся 24 января 1906 г. малыш в честь святого Иосифа, архиепископа Солунского. Шестого сына, родившегося 21 января 1910 г., назвали Петром, потому что 22 января - день мученика Петра. Как видим, семья большая. Но вскоре ее постигло несчастье. 16 октября 1912 г. во время родов умерла Александра Герасимовна.

Но жизнь идет своим чередом: от трагического к торжественно-лирическому, и наоборот. По прошествии определенного времени Дмитрий Семенович женился вновь, ибо без женских рук большая семья жить не может. Его женой стала Авдотья Даниловна. 26 сентября 1918 г. у них родилась дочь, которую назвали Евфимия, по имени великомученицы Евфимии всехвальбой.

Как жилось крестьянам России, в том числе и Евдокимовым в начале XX века? Архивные документы умалчивают. Но думаю, что трудно. Тем более, что до 1 мировой войны из-за засухи голодными были 1901, 1905, 1907, 1911, 1912 гг.

В годы 1 мировой войны никто из Евдокимовых не был мобилизован. Не принимали они участия и в гражданской войне, не помогали ни белым, ни красным. Курганский уезд в течение трех месяцев (август-октябрь 1919 г.) был ареной боевых действий, а д. Обухово несколько раз переходила из рук в руки. По мере приближения фронтов - они, как и все крестьяне окружающих деревень, угоняли скот в леса, спасая его и от белых, и от красных. Когда

положение стабилизировалось, молодые ребята, находившиеся в лесах со скотом и спасавшиеся от мобилизации в колчаковскую и Красную армии, возвращались домой.

После гражданской войны большинство волостей было разорено: угнан скот, отобрали лошади и телеги, увезен, стоптан и недобран хлеб. Поэтому у многих крестьян не хватало своего хлеба и семян для засева полей (2). Это касалось и Чернавской волости, на территории которой развернулись упорные бои в районе Ялым, Глядянское, Давыдовское, а деревни Пищальное, Патраково, Обухово стали линией противостояния белых и красных.

Во всех волостях по мере занятия их Красной армией проходили выборы органов Советской власти: с 23 августа по 20 сентября 1919 г. - волостных ревкомов, а с 15 декабря 1919 г. до первых чисел января 1920 г. - волостных и сельских исполкомов. К этому времени в Обухово было два крестьянских общества: Обухово-Сибирское (старожильческое) и Обухово-Российское - из переселенцев по Столыпинской реформе; впервые упоминаются в печати в 1912 г. Соответственно было избрано два сельских исполкома. Дмитрий Семенович Евдокимов имел право голоса на выборах в волостной и сельский Советы (3). Были случаи, когда в выборные органы проходили кулаки как наиболее авторитетные и грамотные хозяева. В таких случаях немедленно назначались пере-выборы.

Вновь избранные органы власти стали вести всеобщий учет и контроль, прежде всего был составлен Регистрационный список земледельческого населения и земель селения Обухово-Сибирское (такие списки были составлены по всем селам и деревням). Под № 70 значится домохозяин Дмитрий Семенович Евдокимов 52 лет. На 23.02.1920 г. члены его семьи: Семен - 27 лет, Александр - 25 лет, Степан - 18, Афанасий - 15, Осип - 14, Петр - 10, Прокопий - 3. Всего - 8 человек (4).

В хозяйстве Д.С. Евдокимова имеется: рабочих лошадей - 4, нерабочих - 2; коров дойных - 4 (для сравнения в сибирской части деревни в среднем на одно хозяйство приходилось 1,6 рабочих лошадей, 2,4 дойных коров); малого рогатого скота - 3, овец - 8; кур - 17, гусей - 4, уток - 4; телег - 2, саней - 5, плугов - 2, жнеек - 3, бороны - 2, молотилок - 1, веялок - 1, изба - 1, баня - 1 (5). Такого количества сложных сельхозмашин не имело ни одно хозяйство Обухово-Сибирское и тем более Обухово-Российское.

Из 78 домохозяев сибирской части деревни имели жнеек 15, молотилок - 0, веялок - 0. Пахотной земли в селе 1017, 5/10 дес. (13 десятин на хозяйство), выгонов 814 дес., под лесом 81,6/10 дес. (6).

Кроме того, у Д.С. Евдокимова (моего дедушки) была кузница и ветряная мельница с одним поставом (пара мельничных жерновов, один из которых неподвижен, а другой вращается на нем), производительностью 80 пудов в год (7). В Обухово-Сибирском была еще одна мельница Г.Ф. Логинова производительностью в 100 пудов. В Обухово-Российском было 8 мельниц. Все мельницы облагались налогом. Прежде всего надо было уплатить промышленный сбор. В 1922 г. Д.С. Евдокимов уплатил пром. сбор 10 пудов 9 фунтов зерна, пром. налога - 12 п. 17 ф., арендной платы 60 пудов (8). В сибирской части деревни в 1920 г. по спискам кулаками считались 2 человека, а в российской части - 4 (9).

Под усадьбой Дмитрия Семеновича было 4/10 дес., пахотной земли - 30 дес., выгона для скота - 24 дес., под лесом находилось 24/10 дес., под сенокосом - 0,1 дес. Всего 56,8/10 десятин (10). В то время как в селе на одно хозяйство в среднем приходилось 13,74 дес. пахотной земли (11). Такое хозяйство не считалось кулацким, и де-

душка не был лишен избирательного права.

Большим достижением сельскохозяйственного производства того времени было использование плуга при вспашке земли. Плуги были с одним лемехом, двумя и многолемешные. Пахать землю под яровые культуры начинали во второй половине апреля - начале мая. Средний срок сева яровых от 13 мая и продолжался примерно 35 дней. В первую очередь сеяли пшеницу, потом яровую рожь, овес, ячмень ... Первый взмет (вспашка) пара происходил с 1 по 30 июня плугами, поле остается пластами, не боронится.

Пшеницу сеяли из лукошка, сита руками вразброс и заделывали бороной. В том случае, когда посев производился сеялкой, то предварительно мелко перепахивали поле плугом, а затем бороновали. Овес, ячмень и др. культуры обыкновенно сеяли прямо по жнивью ручным способом, а затем заделывали вспашкой плугами. Средний урожай в Чернавской волости в 1920 г. составил: озимой ржи 15 пудов, яровой ржи - 8 п., яровой пшеницы - 25 п., озимую пшеницу не сеяли; ячменя - 10 п., овса - 20 п., проса 5 п., гороха - 3 п. (12).

По мере установления Советской власти в Курганском уезде велась работа по определению размеров разверстки и распределению ее по селам и хозяйствам. Все села были разбиты на пятидворки. Были избраны тройки из преданных власти граждан, контролировавших выполнение разверстки. Невыполнение ее не допускалось. Борьбу с недоимками (задолженностями по уплате налогов) вели царское и временное правительства и не смогли добиться успеха. Даже правительство Колчака, несмотря на тюремное заключение деревенских старост и посылку войск, не смогло покончить с недоимками. Советская власть смогла. Тех, кто не выполнял разверстку, рекомендовали считать врагами Советской власти и передавали в ГПУ (13). В разверстку входили: мясо крупного рогатого скота и молодняка, баранье, птицы, свиное; шерсть, кожа конская, КРС, овечья, телячья; лен, конопля, куделя, пенька, картофель.

На 24 ноября 1920 г. Чернавская волость из 84.840 пудов продразверстки выполнила лишь 35.721 п. (14). К февралю 1921 г. волость с трудом выполнила план продразверстки. Семья Евдокимовых внесла свою долю. Разверстка в Сибири была очень велика. На ее непомерность жаловались все волости уезда.

В Шмаковской волости дело дошло до восстания женщин: «Не давать хлеба», - вот главное требование этого восстания. Непосильной была разверстка в Мендерской волости. Туда был послан отряд бойцов (15). Недовольство крестьян продразверсткой, которая лишала их хозяйства стимула к развитию вылилось в крупное восстание в Тамбовской губернии, Кронштадте, на Дону и Украине, в Западно-Сибирском (100 тыс. участников), захватившее и северные волости Курганского уезда.

Проходивший в марте 1921 г. X съезд РКП(б), чтобы успокоить крестьянство, а большевикам не потерять власть, принял решение о замене продразверстки хлебным, точнее натуральным, налогом. Расширялась свобода использования излишков сельхозпродуктов на рынке, после выполнения налога. Налог был уменьшен по сравнению с продразверсткой. Тем самым было положено начало новой экономической политике. Новой она была лишь относительно старой политики «военного коммунизма».

Еще в конце декабря 1920 г. VIII Всероссийский съезд Советов принял решение об организации в деревне посевных комитетов (посевкомов) - специальных органов для разработки планов весенних посевов (как будто крестьяне не знали, что весна - время посевов) и контроля за их исполнением. Началась кампания по созданию губернских, уездных, волостных, сельских посевкомов. 25

апреля 1920 г. была создана Чернавская комиссия. Местные посевные комитеты должны были заставлять крестьян сеять не как прежде, а в соответствии с «обязательными правилами», составленными в губерниях. При этом запасы семян объявлялись неприкосновенным семенным фондом. Но крестьяне всегда семена считали неприкосновенными. По сути это была попытка почти полностью огосударствить крестьянские хозяйства.

И пошла писать губерния. Стали выяснять сколько в хозяйстве земли, количество сельхозинвентаря (плугов, сеялок, борон, культиваторов, железа сортового, угля кузнечного), нельзя ли все это сконцентрировать при прокатных пунктах с оплатой за прокат. 2 августа 1921 г. Челябинский губпосевком издал обязательное постановление в форме военного приказа: «Всем организациям... и населению закончить обмолот и отсортирование ржи урожая 1921 г. до 10 августа... Воспрещается продажа ржи... , а также размол на мельницах... употребить рожь исключительно для обсеменения полей». У нарушителей конфисковать имущество.

Семья и хозяйство Дмитрия Семеновича к началу 1921 г. несколько изменились. Ему исполнилось 55 лет, жене Авдотье - 50. Сыновья: Афанасий - 16 лет, Иосиф - 14, Петр - 11. Сноха Матрена -26, внук Прокопий - 4; сноха Аксинья - 24, дочь Офимья - 2 г., мать Ольга - 80 лет. Отсутствуют Семен, Александр и Степан. Может быть, находились где-то по найму на подработке зерна. Прихватив веялку, уехали в другую деревню. Время было весеннее, апрель.

В хозяйстве большой семьи было уже не 4, а 5 рабочих лошадей и 2 нерабочих, дойных коров - 3, овец - 5, свиней - 1, кур - 4, гусей - 2; телег - 1, саней -2, плугов - 1, жнеек - 2, борон - 3, молотилок - 1, веялок - 1; изб - 1, сараев - 1, бань - 1, амбаров - 1, кузница - 1, мельница - 1 (16). В связи с этим мне вспомнилась работа В.И. Ленина «Развитие капитализма в России». В ней автор показал процесс разложения русского крестьянства на зажиточное, среднее и сельский пролетариат, сосредоточение в руках первой группы наделной, арендованной, купчей земли, сельского скота; промежуточное положение среднего крестьянства. Третья группа пролетаризировалась. Кажется, все учтено. Но в исследовании отсутствуют люди, крестьяне. А они вносят коррективы. При наличии кузницы, мельницы, скоту, сложным машинам и т.д. хозяйство Д.С. Евдокимова можно отнести к зажиточному. Но в семье 13 человек. По отзывам односельчан семья жила небогато и по сибирским меркам относилась к среднему уровню достатка. Таким образом, между данными статистики и реальной жизнью «дистанция огромного размера». В период коллективизации сельского хозяйства семья деда не была определена как кулацкая и не подлежала выселению. Кажется, при определении категории крестьянского хозяйства учтено все: количество пашни, арендованной и купленной земли, количество скота и т.д. Но забыто, что крестьянские семьи большие. В свое время сам пользовался ленинским подходом при определении зажиточности крестьянских дворов. Вот и хозяйство Д.С. Евдокимова по некоторым признакам можно отнести к зажиточному. Но в семье 13 человек, поэтому его хозяйство следует отнести к среднему.

Такого количества сложных сельскохозяйственных машин и рабочих лошадей не имело ни одно хозяйство в деревне. Из 82 домохозяев у шести было 3 рабочих лошади, у 34-х - 2, у 35 -1, у пяти не было ни одной лошади и вообще почти ничего: один имел 1 дойную корову, один - 5 кур, а у трех - ничего. Жнейки имели 4, молотилки - 3, веялки - 11 домохозяев (17).

Сев 1921 г. в Чернавской волости в том числе и в Обухово прошел удовлетворительно. Помощь деревне в

ходе «недели пахаря» оказали рабочие ремонтом и изготовлением сельхозинвентаря. 13 мая всходы были хороши, особенно ранних посевов. Однако в середине июня установилась жаркая погода. Дождей не было. В связи с этим на полях появилось много саранчи, которая уничтожала посевы зерновых. Трава на покосах пожелтела, стало нечем кормить скот. Жать пришлось камыш. Вследствие бескормицы резко сократилось у крестьян количество лошадей, крупного и мелкого рогатого скота. Засуха имела место во всех 33 волостях Курганского уезда и не только. Она охватила обширные районы. 35 губерний Северного Причерноморья, Средней и Нижней Волги, Предуралья, Западной Сибири, Казахстана. За годы 1 мировой войны, революции, гражданской войны и политики продразверстки крестьянские хозяйства практически не имели запасов продовольствия. К концу 1921 г. число голодающих достигло 18-22 млн. От голода погибли по некоторым данным от 5 до 8 млн человек. Резко уменьшилось количество скота.

Летом 1921 г. губернский посевком указал волкомам, что осталось от урожая этого года оставить на семена, а всю озимую рожь, полученную летом 1921 г. и уже посеянную, зачислить в счет продналога с условием возврата в 1922 г. Таким образом, государство терпеть убытки не хотело (18) и хоть позже, но стремилось вернуть свое.

В связи с голодом, чтобы прокормить семью, некоторые крестьяне стали продавать хлеб, что остался от засухи на корню за муку, за семена по низким ценам. Уездный комитет партии пригрозил виновным привлечением к ответственности (19). Приближалась осень, а значит и сроки сдачи продналога. Для сбора налога в Кургане было создано уездное продовольственное совещание. Прежде всего оно, несмотря на неурожай, приказало взыскать с крестьян «... полностью семенные ссуды, как озимого 1920 г., так и ярового засева 1921 г., не допуская никаких оттяжек в возврате... Всякий малейший срыв в работе по этой кампании считать делом контрреволюционным, карающимся по всей строгости законов через ревтрибуналы» (20).

Продналог включал в себя зерновые: пшеницу, рожь, ячмень; крупы: просо, гречиху; овес, коноплю, лен, подсолнечник, семена масличных культур, масло, сыр, мед, воск, молоко, яички, капусту, морковь, свеклу, картофель, шерсть, сено, то есть все, что производилось в крестьянском хозяйстве. Все это надо было сдать государству, несмотря на неурожай. В противном случае следовало наказание. В Курганском уезде сбор продналога мало чем отличался от сбора продразверстки.

15 августа 1921 г. президиум ВЦИК направил в регионы предписание, в котором отмечалось, что «... обрушившееся сейчас на значительное количество районов бедствие в виде голода делает возможным быстрое выполнение ... заготовительной кампании по сбору натуральных налогов». Интересная логика: «голод делает возможным быстрое выполнение ... кампании по сбору налогов». Не урожай, а голод. И далее: «...всякий тормоз или срыв в работе этой кампании считать делом контрреволюционным, карающим по всей строгости законов через ревтрибуналы (21).

Выполняя это распоряжение, уездное продовольственное совещание объявило с 1 сентября 1921 г. проведение особо ударного месяца по выполнению продналога в Курганском уезде. Причем особо подчеркивалось: « При определении и начислении продналога употребить весь свой хозяйственный опыт в сторону не уменьшения, а увеличения продналога по отдельным хозяйствам». Был составлен график: « ... к 1 октября выполнить 75% продналога на зерновые продукты; закончить полностью

в 100% налог на масло, яйца, овощи; выполнить 60% налога ... на шерсть-летнину (летней стрижки – Л.Е.), осенней стрижки и поярка, выполнить 40% налога на мясо крупного рогатого скота (КРС), 75% на мясо мелкого скота, 40% на сено, 100% на мед» (22).

Что сказать по поводу этого графика? Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить. Не приняли во внимание неурожай и голод. Поэтому выполнение продналога шло чрезвычайно туго. Были приняты решительные меры. В Кургане 24-30 октября и 2-10 ноября 1921 г. работала выездная сессия Челябинского ревтрибунала. Тех, кто не выполнял продналог, заключили в концентрационные лагеря на принудительные работы на срок от полугода до 3-х лет. От Чернавской волости пострадали 3 человека. От Лисьевской – 11, от Половинской – 15. Кто они? Фамилии не названы (23).

Волости, не выполнившие налог, решено наказывать иначе. В приказе №48 Курганского исполнительного комитета от 5 сентября 1921 г. отмечалось: «В волости, не выполнившие налог будут введены воинские части, которые будут снабжаться полным боевым продовольственным пайком за счет указанной волости, сел. Части эти не будут выведены до тех пор, пока волость не выполнит налогов. В эти же волости будут направлены выездные сессии ревтрибунала» (24).

И все же, несмотря на угрозы и применение наказаний, выполнение плана сдачи продуктов в счет налога шло с большими трудностями. Тогда Курганский уездный исполком издал приказ о запрещении свободной торговли и товарообмена на территории уезда: «Воспретить категорически свободный товарообмен зерновых продуктов: пшеницы, ржи, овса, ячменя, гречи и прочих злаков, всех видов муки». А также: «Воспретить всякую покупку, продажу и обмен всех видов продуктов ..., на которые объявлены налоги тем гражданам, которые не имеют на руках зачетных квитанций» о выполнении налога (25).

Не понимаю необходимости этого приказа: был сильный неурожай и жестокий голод, чем торговать?

Черствость и жестокость при взыскании продналога сформировали у крестьян негативное отношение к коммунистической партии и Советской власти. Пятый Утятский райком РКП(б) (куда вошла Чернавская волость) в отчете отмечал, что « население волости к РКП(б) относится враждебно, а 23 июня имел место случай убийства кандидата в члены РКП Тюленева Осипа» (26). В какой деревне волости это произошло не известно. Из другой волости, Утятской, Раскатихинская комячейка сообщала, что на собрании 26 июня несколько крестьян, выступая, говорили о необходимости «свергнуть эту власть». В другом документе сообщалось: «В Чернавской волости отношение к Советской власти скверное» (27).

Такие настроения существовали по всему Курганскому уезду и даже среди членов сельсоветов. Например, Глядянское волостное партийное бюро сообщало в райком партии, что в селе Глядянском и д.Межборной членами сельсоветов нового состава среди крестьян распространяются «...подстрекательства против членов РКП(б). Якобы вся тягость переживаемого ... момента на почве недоедания вызвана партией коммунистов» (28). Отношение к партии объяснялось и тем, что члены РКП(б), занимая в партии высокие должности, использовали их в целях наживы, пьянствовали, дебоширили. Многие работники на ответственных должностях «умеют использовать это положение в свою пользу». В результате чего, наблюдается «отрыв ответственных работников от низов», - отмечалось на заседании президиума Курганского укома РКП(б) (29). Так, секретарь Утятского райкома партии Устюгов «пьянствовал, разъезжая в селе Глядянском и Чернавском. Выбил окна у гр.Поздняковой». В

селе Чернавском к нему присоединились «член партии Токарев и сотрудник ЧК Предеин. На квартире председателя волисполкома Трубина пили самогон» (30).

Список источников

1. ГАКО. Ф.И.-722, оп.1, д. 21, л.98
2. Красный Курган, 3 февраля 1920 г.
3. ГАКО. Ф.Р-173, оп.1, д.33, л.73.
4. ГАКО. Ф.Р -173, оп.1, д.45, л.223-224.
5. Там же.
6. Там же.
7. ГАКО. Ф.Р -173, оп.1, д. 30, л.24.
8. ГАКО. Ф.Р – 173, оп.1, д.91, л.38,59-60,70.
9. ГАКО. Ф.Р -173, оп.1, д.71, л.1.
10. ГАКО. Ф.Р -173, оп. 1, д.45, л.
11. Подсчитано автором.
12. ГАКО. Ф.Р -173, оп.1, д.41, л.82.
13. ГАКО. Ф.Р – 173, оп.1, д.17, лл. 37,38, 42.
14. Красный Курган, 24 ноября 1920 г.
15. ГАОПДКО. Ф.1, оп.1, д.158, л.25.
16. ГАКО. Ф.Р – 173, оп.1, д.78, л.138-139,226.
17. Там же. л.140-141.
18. ГАОПДКО. Ф.1, оп.1, д.5, л.21.
19. ГАОПДКО. Ф.1, оп.1, д.81, л.259.
20. ГАОПДКО. Ф.1. оп.1, д.69, л.77.
21. ГАОПДКО. Ф.1, оп.1, д.39, л.75.
22. ГАОПДКО. Ф.1, оп.1, д.39, л.75; д.69, л.77.
23. Красный Курган, 12 ноября 1921г.
24. ГАОПДКО. Ф.1, оп.1, д.39, л.85.
25. ГАОПДКО. Ф.1, оп.1, д.22, л.33.
26. ГАОПДКО. Ф.1, оп.1, д.27, л.15.
27. ГАОПДКО. Ф.1, оп.2, д.9, л.16.
28. ГАОПДКО. Ф.1, оп.1, д.46, л.36.
29. ГАОПДКО. Ф.1, оп.1, д.36, л.62.
30. ГАОПДКО. Ф.1, оп.1, д.9, л.л.68-70.

В.П. Копылов

Курганский государственный университет

ШГПИ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1945-1950 ГГ.)

После окончания Великой Отечественной войны в Шадринский государственный педагогический институт на преподавательские должности пришли бывшие фронтовики, которые прошли страшное горнило войны. Они самоотверженно и добросовестно выполняли порученное им дело. Научно-педагогический состав ШГПИ в 1945 году выглядел следующим образом: три доцента кандидата наук, один доцент без ученой степени, один ученый археолог, один фольклорист, шесть старших преподавателей, окончивших аспирантуру, 16 преподавателей без специальной подготовки. Таким образом, из 28 преподавателей только пятеро имели ученую степень или звание, что составляло 17,8% от общего числа научно-педагогического состава. Конечно, ни по количественному, ни по качественному составу такое положение дел не могло удовлетворить руководство института. По-прежнему не было ни одного профессора, многие преподавали по четыре-пять дисциплин, что снижало качество проводимых занятий и совершенно не оставляло времени для научной работы.

Недостаточный уровень образования преподавательского состава снижал авторитет института в глазах студентов. Отличники учебы старались перевестись в другие вузы. Помимо штатных преподавателей в институте работало шесть совместителей, пятеро из них были офицерами-преподавателями размещенных в Шадринске военных училищ. Их большая занятость на службе влекла за собой необходимость ежедневно менять рас-

писание, а иногда происходил и срыв занятий из-за неявки преподавателя. Чтобы избежать срыва занятий, в ноябре 1945-46 учебного году руководство института ходатайствовало перед Министерством просвещения РСФСР об увеличении штатной численности преподавательского состава на 16 человек. Был сделан запрос на трех профессоров для руководства наиболее ответственными кафедрами (1).

В этих тяжелых условиях, имея огромную учебную нагрузку, преподавательский состав института находил время заниматься повышением своего профессионального уровня. В 1945 году два преподавателя приступили к работе над докторскими диссертациями, один - над кандидатской и двое готовились к сдаче кандидатского минимума. Остальные занимались освоением курсов читаемых дисциплин.

Из-за отсутствия в институте высококвалифицированных специалистов, необходимой научной литературы и невозможности частых научных командировок подавляющее большинство преподавателей научно-исследовательской работой не занималось.

На 1 августа 1945 года в институте обучалось 209 студентов: из них в педагогическом - 136 человек и в учительском - 73 человека. С первых дней поступления студентам старались создать все необходимые условия для развития их научных и творческих способностей. В вузе работало научное студенческое общество, которое включало в себя три кружка: шекспировский, по изучению педагогического наследия И.Д. Ушинского и кружок по истории математики. Периодически в институте проходили студенческие научные конференции, на которых студенты выступали с докладами по различной тематике.

Материально-техническая база института состояла из двух учебных корпусов общей площадью 1100 квадратных метров. В них располагались семь учебных аудиторий, актовый зал, три учебных кабинета (основ марксизма-ленинизма, литературы, педагогики и психологии). Институт имел лабораторию по физике. Однако отсутствие необходимого количества приборов не позволяло здесь даже проводить опыты для школьных уроков. Студенты были вынуждены самостоятельно изготавливать лабораторное оборудование. Библиотечный фонд института в 1945 году составлял 42 тыс. томов, значительная часть была устаревшей, так как в период войны в библиотеку практически не поступало новых изданий (2).

Из-за крайне неудовлетворительного состояния учебно-материальной базы перед институтом стоял ряд нерешенных проблем: 1) даже для организации занятий в две смены не хватало четырех аудиторий; 2) отсутствовали спортивный зал, физкультурный кабинет и помещение под склад; 3) острой была необходимость в организации учебных кабинетов по истории и высшей математике; 4) не хватало площадей под библиотеку. Одним из способов решения этих проблем могло быть возвращение институту трехэтажного здания бывшего реального училища, в котором институт располагался до войны, а с ее началом оно было передано военной авиашколе (3).

В 1946 году в ШГПИ работало восемь кафедр: основ марксизма-ленинизма, педагогики и психологии, военной и физической подготовки, иностранных языков, истории, русского языка, литературы, физики и математики, на которых трудилось 35 преподавателей. Только четверо из них имели ученые степени и звания, что составляло 11,4% от общего числа преподавателей. Помимо преподавательского состава на кафедрах трудились пятеро старших лаборантов, три лаборанта и два старших препаратора (4). Напряженная учебная нагрузка не позволяла преподавателям эффективно заниматься научной

работой. За 1946 год ими не было опубликовано ни одной научной статьи.

Помимо учебы руководство института уделяло большое внимание и культурно-массовой работе. Студенческая художественная самодеятельность постоянно выступала на различных городских и областных смотрах-конкурсах и периодически занимала призовые места, за что не раз поощрялась руководством института. Для наглядного освещения жизнедеятельности вуза, регулярно выпускалась стенная газета «За педагогические кадры». В первые послевоенные годы, учитывая тяжелое материальное положение студентов, институт за счет своего подсобного хозяйства всячески старался помочь с организацией их питания. В институте работала столовая на 30 посадочных мест.

В 1949 году институту исполнилось 10 лет. За этот период вуз выпустил 796 человек с дневного и 74 человека с заочного отделений. Институт имел в своем составе девять кафедр, на которых трудилось 36 преподавателей, в том числе шесть кандидатов наук (5).

Заочное отделение ШГПИ имело три факультета: исторический, физико-математический, русского языка и литературы. В 1950 году по такой форме обучалось 605 человек. Основной контингент обучающихся составляли учителя средних и неполных средних школ, которые не имели соответствующего педагогического образования, учителя начальных школ и педагоги, повышающие свою квалификацию. Здесь же учились лица из советского и партийного актива, рабочие и служащие различных учреждений и предприятий Курганской области. Занятия на заочном отделении проводились в основном штатными преподавателями института. Из-за отсутствия учебно-методической литературы, пособий, недостаточного контроля за обучением заочников со стороны органов народного образования, а часто из-за недисциплинированности и безответственности некоторых студентов на заочном отделении был очень высокий уровень отсева студентов (6).

В 1950 году в институте работало 44 преподавателя, 10 из них имели ученую степень и звания, что составляло 22,7% от общего количества профессорско-преподавательского состава.

За первую послевоенную пятилетку старейший вуз Курганской области смог преодолеть трудности послевоенной разрухи и неустроенности. Качественно повысился уровень преподавания, улучшилась материальная база и были заложены основы для дальнейшего повышения качества подготовки педагогических кадров.

Список литературы

1. ГАРФ. Ф. А2306. Оп.70. Д.4730. Л.2
2. Там же. Л.4
3. Там же. Л.8
4. Там же. Д.4634. Л.28
5. Борисов С.Б. Шадринский государственный педагогический институт: 1939-1999. Шадринск: Изд-во Шадринского пединститута, 1998.
6. ГАРФ. Ф. А2306. Оп.73. Д.102. Л.5

Б.В. Архипов
Курганский государственный университет

ЗАМЕТКИ К МЕДИАОБРАЗОВАНИЮ, ИНТЕГРИРОВАННОМУ С БАЗОВЫМ ИСТОРИЧЕСКИМ (ПОТЕНЦИАЛ КИНО В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИСТОРИИ)

XX век вошел в историю как век визуальной культуры. Медиа во всех своих видах начали играть все большую роль в жизни общества. Вторая половина XX века ознаменовалась все большим распространением такого аудиовизуального средства массовой коммуникации, как телевидение. Вообще прошлое столетие показало с одной стороны значимость массовой коммуникации в повседневной жизни общества, а с другой - ее влияние на общественное сознание. Не случайно распространение двух наиболее значимых в этот период СМК (средств массовой коммуникации) связано со становящимися или уже сложившимися тоталитарными режимами.

Первое из них – радио – первоначально получило действительно массовое распространение в СССР в 1920-х годах. Второе – телевидение – во второй половине 1930-х годов в фашистской Германии. Первые трансляции были посвящены XI олимпийским играм 1936 года в Берлине.

В современном мире большая часть получаемой нами информации обо всех мировых событиях, а также о состоянии дел в собственной стране приходит к нам через СМК. При этом благодаря особенностям человеческого восприятия наибольшее влияние на публику оказывает именно аудиовизуальная информация, влияющая одновременно на зрение и слух. При таком комплексном воздействии человеку сложнее критически воспринимать поступающую информацию и анализировать ее.

Особое место среди аудиовизуальных средств воздействия занимает кино. Эта особенность определяется еще и тем фактом, что кино делает коллектив, который изначально ориентирован на получение максимального эффекта. К воздействию фактологическому добавляется воздействие эмоциональное, художественное. Художественный образ с момента своего появления был призван донести до своего реципиента определенный художником взгляд, настроение, отношение. В кинематографе это выражается, пожалуй, наиболее полно.

При этом он зачастую в ряде своих проявлений, жанров не является в чистом виде произведением искусства. Он во многих случаях ориентирован не на специально подготовленную аудиторию, элиту, а предназначен для действительно массового зрителя. Практика и советского кино, и Голливуда показывает, что возможно целенаправленное воздействие на умы и сердца самой широкой публики. При этом мы не имеем в виду весь широчайший ассортимент кинопродукции, вышедшей на экраны с 1895 года, года изобретения кино братьями Люмьер. Мы подразумеваем, прежде всего, фильмы, так или иначе отражающие историческую тематику.

Вопрос, что есть историческое кино, достаточно спорный. Нет и единой точки зрения в определении кино учебного, научного и документального. Например, БСЭ определяет учебное кино как один из видов научного кино, использующийся в качестве вспомогательного средства в учебном процессе (1), а в словарях яндекса дается несколько иное определение: фильмы, специально созданные в качестве средств обучения, а также научно-популярные, технико-пропагандистские, хронико-документальные фильмы, используемые в учебно-воспитатель-

ном процессе (1). Во втором случае данное определение является более широким. Рискнем предложить свою классификацию. За основу при этом мы берем разделение фильмов по жанрам, а также степени условности (игровые и неигровые).

	художественные		документальные			
	исторические	антуражные	кинохроника	монтажные	научно-популярные	учебные
игровые	*	*			*	*
неигровые			*	*	*	*

Художественные фильмы, с одной стороны, являются лишь неким взглядом, видением автора тех или иных событий, эпохи, т.е. произведением искусства, с другой – служат источником представлений о прошлом для широкой аудитории не-историков. Эти произведения мы делим на две подгруппы. Исторические фильмы посвящены реальным историческим событиям, в которых могут действовать реальные или выдуманные автором герои. Задачей автора, в этом случае, является максимально достоверное воспроизведение события или, точнее, его возможной версии. Конечно, будучи произведением искусства, фильм предполагает определенную, иногда достаточно значительную долю художественной условности. В качестве примера можно вспомнить «Броненосец Потемкин» и «Александр Невский» Сергея Эйзенштейна или «Освобождение» Юрия Озерова. К «антуражным» мы относим те произведения, сюжет которых не имеет или практически не имеет отношения к реальным историческим событиям и персонажам, однако действие происходит «на фоне» истории, в обрамлении исторического антуража. Не будучи историческими, эти фильмы, тем не менее, создают у зрителя определенные представления, видение, зачастую замещающие собственно историю. В качестве примера можно вспомнить «Д'Артаньян и три мушкетера» Георгия Юнгвальд-Хилькевича, сериалы по произведениям А. Дюма, «Гардемарины, вперед!» Светланы Дружининой.

Документалистику мы также условно делим на подгруппы. При этом следует отметить, что в большинстве случаев документальное кино в отличие от художественного рассматривается как неигровое, даже если оно включает в себя фрагменты художественных фильмов или, применительно к истории, исторические реконструкции с игрой актеров. Как нам кажется, исходя из места кино в процессе обучения истории следует все же отмечать наличие в документальных фильмах актерской игры. К первой группе относится кинохроника, то есть не смонтированные съемки событий. В этом случае перед нами предстает наиболее объективная картина реальности, хотя и она является взглядом, пусть даже только оператора. Как только отснятый материал подвергается монтажной обработке, мы имеем дело с интерпретацией фактов. Включение в фильм хроникальных моментов усиливает его эмоциональное воздействие, но не добавляет историчности. Кроме того, в очень многих случаях наблюдается явное несоответствие хроникальных кадров и комментариев. При этом сама хроника выпадает из контекста и утрачивает свою историческую значимость. В качестве примера можно брать практически любой документаль-

ный фильм о войне, хроникальные боевые эпизоды в подавляющем большинстве случаев надерганы абсолютно бессистемно из съемок с разных участков фронта и разных лет.

Научно-популярные фильмы призваны, соответственно, популяризировать научные достижения, знакомить с ними широкую общественность. В случае с историей, как нам представляется, эта категория фильмов очень тесно примыкает к документальным, и разделение их представляется крайне проблематичным. Много примеров такого рода представляют в частности такие каналы, как BBC, Discovery, National Geographic. Из современных российских компаний, производящих документальные и популярные фильмы на историческую тематику, можно назвать, в первую очередь, студию «Крылья России».

Учебное кино в настоящее время в нашей стране становится практически забытым жанром. В данном случае под термином «учебное кино» мы понимаем фильмы, созданные непосредственно с целью применения их в учебном процессе, ориентированные на тот или иной возраст учащихся. Фактически мы имеем дело либо с использованием учителем фрагментов имеющихся художественных и документальных фильмов, либо с фильмами, создаваемыми самими учителями и школьниками. При этом развитие и распространение компьютерной и видеотехники делает такую задачу технически осуществимой.

В целом историческое кино оказывает большое влияние на формирование исторических представлений самого широкого круга зрителей. Логично предположить, что воздействие кино на учащихся также велико. Данное влияние обеспечивается синтетической природой киноискусства, его значительным эмоциональным воздействием. При этом в современной российской школе практически отсутствует изучение особенностей создания и воздействия текстов СМИ или медиатекстов. То же кино используется на уроках достаточно фрагментарно и в большинстве случаев в качестве наглядного пособия, что входит в противоречие с требованиями действительности.

Следует отметить, что данная проблема получила свое отражение в нормативных документах. Закон «Об образовании» РФ называет следующие его цели: свободное развитие личности, обеспечение ее самоопределения, создание условий для ее самореализации, формирование человека и гражданина, интегрированного в современное ему общество и нацеленного на совершенствование этого общества. Отсюда следует, что система школьного образования должна адекватно реагировать на происходящие в обществе изменения, то есть подготавливать человека к жизни в условиях наступающего информационного общества.

Государственный стандарт общего образования (3, 33-39) называет следующие направления модернизации образования: направленность на формирование общих учебных умений и навыков, обобщенных способов коммуникативной, практической, творческой деятельности, на получение учащимися опыта этой деятельности; формирование ключевых компетенций – готовности учащихся использовать усвоенные знания, умения и способы деятельности в реальной жизни для решения практических задач; усиление роли дисциплин, обеспечивающих успешную социализацию учащихся, в том числе истории.

Государственный образовательный стандарт по истории (8, 24-30) предполагает проверку следующих умений: высказывать суждение о назначении, ценности источника; характеризовать позиции, взгляды автора (составителя) источника; сравнивать данные различных источников, выявлять их сходство и различия, сравнивать пред-

лагаемые исторические версии и оценки, выявляя сходство и различия; высказывать суждения о подходах (критериях), лежащих в основе отдельных версий и оценок, представленных в учебной и популярной литературе.

Так как историческое кино является для учащихся источником знаний и образов, то перечисленные в стандарте умения должны распространяться и на работу с ним. При этом мы говорим о кино не как об историческом источнике, а только как об источнике знаний и представлений. К собственно историческим источникам может быть отнесена кинохроника, хотя и остальные жанры могут выступать в качестве таковых, неся в себе информацию об эпохе своего создания. Во второй половине прошлого века в западной педагогике выделяется новое направления, получившее название медиаобразование.

Понятие «медиаобразование» впервые было раскрыто в материалах ЮНЕСКО в 70-е гг. «Под медиаобразованием следует понимать обучение теории и практическим умениям для овладения современными средствами массовой коммуникации (СМК), рассматриваемыми как часть специфической и автономной области знаний в педагогической теории и практике; его следует отличать от использования СМК как вспомогательных средств в преподавании других областей знаний, таких как, например, математика, физика, география» (4).

Современный «Психолого-педагогический словарь» определяет медиаобразование (от английского *media education* и латинского *media*) как «направление в педагогике, выступающее за изучение школьниками закономерностей массовой коммуникации. Основная задача медиаобразования - подготовить новое поколение к жизни в современных информационных условиях, к восприятию различной информации, научить человека понимать ее, осознавать последствия ее воздействия на психику, овладевать способами общения на основе невербальных форм коммуникации с помощью технических средств и современных информационных технологий» (7).

В советской и российской школе работа с кино в процессе обучения истории имеет определенные традиции. С конца 1950-х гг. советские методисты начинают уделять все большее внимание работе с кино материалом. При этом постепенно происходит определенное переосмысление роли кино на уроке. Если у А.И. Стражева (10, 245-265) кино рассматривается исключительно как одна из разновидностей наглядности на уроке и ему уделено лишь несколько строк, то учебник методики, вышедший в 1986 году, уделяет работе с фильмом большее внимание (6, 139-156). При этом часть предлагаемых вопросов фактически относится к области медиаобразования, например: «написать краткий пересказ фильма... сравнить содержание фильма и учебника», т.е. речь идет об умениях переводить информацию из одной знаковой системы в другую и сопоставлять информацию, представленную в различных знаковых системах. В учебниках по методике преподавания истории, появившихся в 2000-х гг., работе с кинофильмами уделяется внимания даже меньше, чем в 1970-1980-х гг. При этом кино рассматривается лишь как часть комплекса ТСО (11, 101-103; 9; 2, 225-226). Таким образом, с одной стороны накоплен определенный опыт, а с другой – не реализуется или реализуется не полностью весь развивающий потенциал кино. Для изменения существующего положения необходимо, на наш взгляд, введение в школьный курс медиаобразования. Для этого существуют три возможных пути: самостоятельный предмет, факультатив и интеграция медиаобразования в существующие школьные курсы. Последний путь представляется наиболее приемлемым, так как позволяет охватить всех учащихся и не ведет к радикально-

му пересмотру учебных планов.

Исходя из вышесказанного мы предлагаем следующий вариант реализации медиаобразования, интегрированного с базовым историческим в рамках среднего образования на примере работы с историческими кинофильмами. Значительную помощь в работе нам оказало обращение к стандарту медиаобразования, интегрированного с различными школьными дисциплинами (5, 26-34). Содержание его должно быть направлено на реализацию следующих целей:

- подготовка учащихся к жизни в современном обществе;
- ориентация в насыщенных информационных потоках, обучение восприятию и переработке исторической информации, передаваемой по каналам СМК;
- умение противостоять попыткам манипуляций сознанием индивида со стороны СМК, развитие критического мышления, умения понимать скрытый смысл того или иного сообщения;
- воспитание критического отношения к медиаинформации и способности выявлять в ней факты и мнения, соотносить с существующей в обществе системой ценностей;
- формирование опыта представления и восприятия информации в различных знаковых системах;
- включение внешкольной информации в контекст базового исторического образования;
- формирование опыта составления оценочных суждений о медиатекстах;
- формирование умений находить, готовить, передавать и принимать требуемую информацию, в том числе с использованием различного технического инструментария (компьютеры, модемы, факсы, мультимедиа и др.).

Знания: язык медиа (медиаграмотность), понимание различий между отдельными видами медиа (СМК), роль медиа в современном мире, функции медиа, факторы отбора информации СМИ, влияния медиа на формирование личности.

Для реализации названных целей учащиеся должны овладеть следующими умениями:

- умение находить/выделять информацию по определенной теме из различных источников;
- умение сопоставлять информацию, представленную в различных знаковых системах;
- умение переводить информацию из одной знаковой системы в другую;
- умение формировать из информации, предоставляемой различными источниками, общей, непротиворечивой картины;
- умение выявлять и исправлять в получаемой информации ошибки/опечатки/оговорки (помехи);
- умение выявлять цель создания сообщения, (идеологическую базу) и определять его авторство, возможного адресата;
- умение определять возможный исторический контекст сообщения;
- умение формировать оценочные суждения;
- умение самостоятельно создавать медиатексты, направленные на решение той или иной конкретной задачи с применением соответствующих технических средств.

Уровни сформированности знаний и умений:

- репродуктивный (низкий) - умение находить/выделять информацию по определенной теме из различных источников, умение выявлять и исправлять в получаемой информации ошибки /опечатки /оговорки (помехи), умение сопоставлять информацию, представленную в различных знаковых системах);
- частично-поисковый (средний) - умение перево-

дить информацию из одной знаковой системы в другую, умение формировать из информации, предоставляемой различными источниками, общей, непротиворечивой картины;

креативный (высокий) - умение определять возможный исторический контекст сообщения, умение выявлять цель создания сообщения (идеологическую базу) и определять его авторство, возможного адресата, умение самостоятельно создавать медиатексты, направленные на решение той или иной конкретной задачи.

При практической реализации интегрированного медиаобразования могут быть использованы следующие примерные задания.

Работа с фильмом. Видео - и звукояд (что показано); как скомпоновано, показано, с каких позиций автор предлагает взглянуть на происходящее; зачем показано именно так (цель); насколько реализована автором предполагаемая цель; когда, где и кем снято: информация об авторе (социальная и этническая принадлежность, политические, идеологические пристрастия, другие произведения); как соотносится с политическим и социальным контекстом, существующим на момент создания, отсюда – предположения о позиции создателей. При помощи каких выразительных средств автор доносит до зрителя свои идеи, на каких моментах и за счет чего акцентируется внимание аудитории.

Работа с фильмом и литературой. По возможности и наличию – знакомство с литературной основой фильма, выявление сходства и различий в позициях авторов литературного произведения и фильма. Рассмотрение освещаемых событий в учебной литературе, трудах историков, источниках. Соотнесение полученной картины с фильмом, выявление различий и их предположительных причин.

Самостоятельная работа над созданием фильма (освоение основных информационных умений и соответствующего комплекса ТС). Возможная форма – видеореферат либо учебный фильм. Задания данного типа являются самыми сложными, так как требуют самого высокого уровня сформированности всех умений и большого объема знаний. При выполнении подобных заданий уместно использовать групповую форму организации деятельности учащихся.

Рассмотрим вариант работы с художественным фильмом на историческую тему на уроке, взяв в качестве примера кинофильм «Александр Невский» режиссеров С. Эйзенштейна и Д. Васильева, производства киностудии «Мосфильм» 1938 г., продолжительность 103 мин. В настоящее время фильм можно найти на различных типах носителей, что делает возможным его использование практически в любой школе в форматах VHS или DVD. Фильм показывает одно из значимых событий истории нашей страны, точнее, его трактовку, реконструкцию, созданную авторами, на которых оказывалось мощное идеологическое давление.

Продолжительность фильма делает возможным использование на уроке только его фрагментов либо ознакомление учащихся с фильмом во внеурочное время. Перед показом картины (фрагментов) внимание учащихся должно быть акцентировано не только на том, что составляет ее сюжет, но и на том, как, с какой целью и почему представлено именно так. После демонстрации фильма или его фрагментов для учащихся могут быть предложены следующие вопросы. Какова, на Ваш взгляд, цель создания этого фильма? С каких позиций представлены происходящие события? Какие выразительные средства и с какой целью были использованы авторами фильма? Кто является главным действующим лицом фильма, какому подходу к изучению истории это соответ-

ствует? Какие группы населения представлены в фильме, насколько это представление соответствует современным взглядам на социальный состав населения Новгородской республики того периода? Могут ли быть проведены какие-либо исторические аналогии между событиями, о которых идет речь в фильме, и событиями, современными фильму? Существуют ли фактологические несоответствия между образом истории, представленным в фильме, и Вашими знаниями о данном периоде? Если да, то чем они могли быть вызваны? Что мы можем узнать об эпохе создания фильма из анализа его содержания и художественного воплощения? Что бы Вы изменили в фильме и почему, если бы Вам пришлось снимать его сегодня?

Постановка подобных вопросов при использовании фрагментов исторических фильмов заставит учащихся более внимательно и вдумчиво просмотреть фильм, извлечь из него дополнительную информацию не только о самих событиях, которым он посвящен, но и об эпохе его создания, даст представление об основных элементах языка кино, научит критическому восприятию поступающей аудиовизуальной информации, пониманию и выявлению различий между фактом и мнением, оценкой. Часть из приведенных вопросов позволяют использовать данный фильм не только при изучении темы «Борьба Руси с иноземными завоевателями в XIII в.» в 10 классе, но и при рассмотрении советского общества и его культуры в 1930-х гг. на уроках в 11 классе.

Как мы уже упоминали, наиболее сложные задания связаны с самостоятельной работой по созданию фильма. Рассмотрим пример создания учебного фильма. Он показывает типичные ошибки, которые могут быть допущены при подобном рода работе.

При формировании творческой группы следует учитывать следующие обстоятельства. Участники ее должны не только разбираться в материале, составляющем основу создаваемого фильма, но и быть людьми творческого склада, стремящимися и могущими интересно представить учебный материал. Кроме этого, следует учитывать необходимость работы с техническими средствами, что также предполагает наличие навыков работы с техникой и программным обеспечением вообще. Исходя из этого в состав творческой группы правомерно включать учащихся с различной «специализацией», так они смогут исполнять в группе роли «режиссера», «научного консультанта», «технического специалиста». В процессе взаимодействия при создании фильма они смогут освоить и «смежные» специальности.

Выбор темы фильма может определяться рядом факторов: научные интересы учащихся, ведение тех или иных курсов в школе (факультативы, элективные курсы), возможность использования созданного фильма в практике работы учителей школы. Если первые два фактора будут способствовать успеху работы над содержательной частью фильма, то последний ориентирован на повышение заинтересованности учеников, которые смогут увидеть полезность своей работы. Непосредственная работа над фильмом начинается с возможно более конкретного формулирования задания для учащихся. Далее следует написание сценария, создание аудиоряда и подбор или съемка визуального ряда. Завершается работа монтажом.

Реализация предлагаемой модели может, на наш взгляд, повысить эффективность обучения истории и сделать школьное историческое образование более соответствующим требованиям современного общества путем активного привлечения такого значимого сегодня источника исторической информации, как кино.

Список литературы

1. Большая советская энциклопедия, электронная версия. Научное изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2002.
2. Вяземский Е.Е., Стрелова О.Ю. Теория и методика преподавания истории. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003.
3. Государственные образовательные стандарты (федеральный компонент) // Преподавание истории в школе. 2004. №5.
4. Зазнобина Л.С. Медиаобразование в школе: как же выжить в мире СМИ? www.belti.msk.ru/edn/stat.htm
5. Зазнобина Л.С. Стандарт медиаобразования, интегрированного с различными школьными дисциплинами // Стандарты и мониторинг в образовании. 1998. № 3.
6. Методика преподавания истории в средней школе / С.А.Ежова, И.М.Лебедева, А.В.Дружкова и др. М.: Изд-во «Просвещение», 1986.
7. Психолого-педагогический словарь. М.: Педагогика, 1983.
8. Стандарт среднего (полного) общего образования по истории // Преподавание истории в школе. №8. 2004.
9. Степанищев А.Т. Методика преподавания и изучения истории: В 2 ч. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2002. Ч.2.
10. Стражев А.И. Методика преподавания истории. М.: Изд-во «Просвещение», 1964.
11. Студеникин М.Т. Методика преподавания истории в школе. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2002.

А.И. Кулинич

Курганский государственный университет

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ФОТОГРАФИЯ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ГОРОДА КУРГАНА

В исследованиях по истории повседневности фотографии, как источнику информации, часто отводят второстепенное место. Между тем, к концу XIX века фотография в техническом плане способна относительно точно, качественно и быстро передавать важную информацию. К 1890-м гг. важной задачей многие фотографы ставят перед собой точное воспроизведение объекта съемки, передачу его реалистичных черт. Тем не менее, некоторые художественные приемы, характерные для живописи, прослеживались в русской провинциальной фотографии. Портрет живописный, популярный в начале XIX века, постепенно заменяется портретом с фотографии и к концу XIX века художественной фотографией. Фотография стала доступна большему кругу населения по сравнению с живописным произведением.

В середине XIX века Курган, как и другие сибирские города, слабо ощущал на себе современные тенденции фотографии, как впрочем, и других видов искусства. Одними из основных причин этого могут быть большая удаленность от центра, скудность средств передачи информации, дороговизна фотосъемки. Тем не менее, первая светописная мастерская появляется в Кургане почти одновременно с мастерскими в других городах Тобольской губернии. В 1868 году ее открывает мещанин Иван Григорьевич Кропанин. К сожалению, эта мастерская не оставила заметного следа после себя (4, 106), снимки фотографа либо лишены авторства, либо утеряны. Возможно, что для уездного города, который только начинал активно развиваться, фотография еще не пользовалась достоянным спросом, а значит, не была выгодна. Вопрос ее доходности беспокоил фотографа того времени не меньше любого другого предпринимателя, ведь стоимость аппаратуры, расходных материалов, обустройства фотографического павильона была достаточно высока.

Своеобразным фотографическим бумом в Тоболь-

ской губернии становится конец XIX века. В Кургане большой интерес к фотографии со стороны как потребителей, так и предпринимателей наблюдается в 1880-е гг., за десятилетие в городе открывается как минимум шесть фотомастерских, владельцами которых были К.Е. Руди, А.А. Якунин, А. Бах, И.О. Воинков, Ш. Вишняк, С.С. Мамаев (2, 165-166). Большая часть фотоателье была открыта в 1888-1889 гг., с этого времени можно говорить о фотографической грамотности курганцев. К фотографии горожане стали относиться как к неотъемлемой части своей жизни, начали выбирать фотографа, который бы устраивал их. В последующие годы в городе регулярно открывались новые фотомастерские, некоторые старые закрылись.

Крестьянин Шадринского уезда Пермской губернии Серапион Савельевич Мамаев, старший армейский отставной писарь, открыл свое фотоателье в Кургане в 1889 году (2, 166). По каким-то причинам он сворачивает дело и через 3 года отправляется на родину, открывает свою фотографию в Шадринске. Возможно, его переезд связан с желанием закрепиться и развиваться в городе, наиболее перспективном, каким был Шадринск. К этому времени фототынок Кургана стал несколько перенасыщен, чего нельзя было сказать о Шадринске. С 1892 года павильон С.С. Мамаева располагается там на улице Петропавловской. Его салон был прекрасно обставлен мебелью, отличался сменными панно для фона (1, 96-97). «Художественная фотография» С.С. Мамаева пользовалась большой популярностью, многие известные шадринцы считали за честь иметь свой фотопортрет работы С.С. Мамаева.

О времени появления некоторых новых фотомастерских нельзя говорить с абсолютной точностью, в разных источниках встречается разная датировка начала их деятельности (разница до 4-5 лет). Например, Н.В. Крылова указывает на то, что фотография курганского мещанина Дмитрия Прокопьевича Панкратьева была открыта в Кургане в 1889 году (3, 152). В книге «Былое светописы» В.Е. Копылов приводит другую дату – 1893 г. (2, 166), отмечает, что его фотомастерская была достаточно известной в городе.

О важности фотографии в городских масштабах говорят «Обязательные постановления Курганской городской Думы», изданные в 1907 году. В разделе «Об обеспечении нормального отдыха служащих в торговых заведениях, складах и конторах» содержатся положения, регламентирующие расписание работы фотомастерских в будние и праздничные дни и т.д. (2, 171).

В 1891 году свое фотоателье открывает курганский мещанин Алексей Иванович Кочешев. К этому времени он уже был опытным фотографом, прежде чем открыть свой салон в Кургане, он в течение трех лет занимался фотографией на Кушвинском заводе Екатеринбургского уезда Пермской губернии. Вернувшись на родину, Кочешев предпринимает ряд смелых шагов по разворачиванию своего дела. Одним из таких шагов было участие в Курганской сельскохозяйственной выставке 1895 года, где его работы заняли важное место. По итогам выставки за серию фотографий, посвященных крестьянскому быту зауральцев конца XIX в., он был награжден серебряной медалью (3, 154). А.И. Кочешев не был единственным фотографом, представившим свои работы и снимавшим выставку. Известные фотографы из Тюмени и Тобольска уделили большое внимание этому «весьма примечательному для Сибири» (2, 168) событию. Возможно, что участие более именитых коллег повлияло на стиль съемки, основные сюжеты фотографий А.И. Кочешева, считает В.Е. Копылов.

Участие в местной выставке не прошло даром для Кочешева. Через год, в 1886 году, один из немногих про-

винциальных фотографов А.И. Кочешев участвует в междугородной фотографической выставке, проходившей в Москве, откуда привозит похвальный отзыв (3, 154). В 1900 году А.И. Кочешев вместе со своим тобольским коллегой И.С. Шустером «представили в Париж на Всемирную выставку в составе экспозиции Тобольской губернии альбомы фотографий» (2, 203).

Постепенно дело А.И. Кочешева становится прибыльным. В 1900 году фотограф выстраивает себе собственный двухэтажный дом на перекрестке Дворянской улицы и Думского переулка (5). Сюда он переезжает из дома братьев Меншиковых, где до этого времени он снимал помещения под фотосалон. Новое здание было специализировано для фотографических работ. Помещения дома позволяли производить съемку при естественном и искусственном освещении. Павильон был оснащен новым американским оборудованием (3, 153). В цокольном этаже расположилась типография, на первом – магазин писчебумажных и фотографических товаров, на втором – фотостудия и жилые помещения. Помимо удобства объемов здания, оно обладало большой эстетической ценностью, представляло собой одно из красивейших зданий города (в настоящее время часть декоративных элементов, стеклянная крыша фотосалона утрачены) (5).

А.И. Кочешев стал самым известным и преуспевающим фотографом Кургана конца XIX – начала XX века, обладал авторитетом и в масштабах всей Тобольской губернии. Широкий кругозор, большой опыт, полученный в результате участия в выставках, пригодился Кочешеву в развитии его дела. Он стал одним из первых в регионе, опередив многих фотографов из Тюмени и Тобольска, кто начал печатать художественные открытые письма с видами города. В собственной типографии с 1901 года Кочешев стал издавать почтовые открытки с надписью «Привет из Кургана» и небольшой фотографией в углу, чем положил начало для серии открытых писем «Привет из ...», ставших популярными в регионе в среде профессионалов и населения. Фотомагазин и светописная мастерская А.И. Кочешева были одним из самых крупных и современных в крае (2, 168-169). Помещения фотостудии были достаточно просторными, что позволяло снимать группы до 40-50 человек в 4-5 рядов. Фотосалон Кочешева отличают разнообразная мебель, большое количество сменных живописных фонов, излюбленными элементами которых были портьеры, экзотическая растительность, колонны и декор в различных стилях.

Помимо А.И. Кочешева в разные годы начала XX века в Кургане работали еще, как минимум, шесть фотоателеев: на улице Центральной расположились салоны Воинова, Зырянова, И.Ф. Ожгихина; на улице Дворянской – салон пензенского мещанина В.А. Карташева (с 1913 года); в Бакинском переулке – Д.П. Панкратьева; С.М. Тюленева (местоположение неизвестно) (2, 166, 169); (3, 153). Если судить по количеству дошедших до нас фотографий и частоте упоминаемой информации о фотографах в разного рода изданиях того времени, самыми популярными были фотосалоны Кочешева, Панкратьева и Ожгихина. Мастерские курганцев Кочешева и Панкратьева оказались наиболее «живучими» в развивающемся провинциальном городе. Со времени своего появления в конце XIX века до закрытия они насчитывают больше двух десятилетий. Революционные события в России помешали дальнейшему развитию фотографии в Кургане, как и в большинстве других городов, многие светописцы не смогли или не захотели ужиться с новой властью. Наблюдавшееся бурное развитие фотографического дела в Кургане было приостановлено.

С момента появления фотографии в Кургане в 1864 году до Революции 1917 года по самым скромным под-

счетом в городе жили и работали минимум пятнадцать фотографов-профессионалов. Фотографический бум приходится на конец 1880-х гг., когда в Курган приезжают многие светописцы, чтобы открыть свое дело здесь. В начале XX века, с появлением более доступной и простой фототехники, появляется большое количество фототехников. Не все оставили после себя большое наследие, но несомненно, что мастерские курганских фотографов, как и во многих других уездных городах, были одними из центров повседневной жизни. В фотосалоны старались попасть как известные зажиточные купцы и дворяне, так и небогатые крестьяне, часто на фотографиях мы видим представителей духовенства. С интересом горожане смотрели в объектив фотокамеры на улицах. Популярны были как индивидуальные портреты, так и групповые, семейные. Нередко фотографировались на пленере. По просьбам заказчиков фотографы часто снимали большие группы рабочих, служащих, учащихся и др. в их привычной обстановке: на улицах города, на рабочих местах или в стенах учебного заведения. Они следили за всеми значимыми событиями города и пытались отражать их в своих работах. С конца XIX века фотография входит в повседневную жизнь курганца как ее важная часть.

Список литературы

1. Зуева М.И. *Шадринские фотографии // Культура Зауралья: прошлое и настоящее: Сб. научных трудов. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 1999. Вып. 2. С. 96-99.*
2. Копылов В.Е. *Былое светописцы (У истоков фотографии в Тобольской губернии). Тюмень: Издательский дом «Слово», 2004.*
3. Крылова Н.В. *Запечатлевшие время: курганские фотографии // Очерки культуры повседневности города Кургана XIX – первой трети XX века. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2009. С. 152-155.*
4. Мальцева Т.И. *Кочешев – фотописец Зауралья // Курганский областной художественный музей и культура края: Сборник материалов научной конференции, посвященной 10-летию музея. Курган: Парус-М, 1993. С. 106-109.*
5. *Паспорт дома А.И. Кочешева // Архив НПЦ по охране и использованию объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) Курганской области.*

А.В. Могутнов
Челябинская агроинженерная академия

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ АКТИВИЗАЦИИ ОБОРОННОЙ РАБОТЫ В СТРАНЕ

Во второй половине двадцатых годов, как во всей стране, так и в Южном Зауралье получила развитие оборонно-массовая работа, чему способствовала политическая, военная, экономическая ситуация, в которой находилось молодое советское государство.

В этот исторический период были актуальными идеи руководителя государства В.И. Ленина о повышении оборонного могущества Советской России, о создании боеготовой армии и флота, способностях широких народных масс во всеоружии встретить врага. Для этого, считал он, необходимо в мирное время не забывать о военном обучении населения. Руководитель правящей партии и государства призывал трудящихся овладевать наукой стрельбы, расширять вширь и глубь в массах азбуку военного дела (1). То есть эти указания, идеи составили основу для партийно-государственных структур, общественных, оборонных организаций по масштабной под-

готовке к войне не только Красной Армии и Флота, но и всего населения в стране. Это первая и главная причина, способствовавшая массовому охвату различных категорий военным обучением, их вовлечением в оборонно-массовую работу.

Сегодня можно по-разному относиться к событиям октября 1917 года, к руководителю советского государства В.И. Ленину, партии большевиков. Однако, оглядываясь на прожитые после этого, бесспорно, эпохальные события, можно смело утверждать, что минувшие десятилетия стали периодом создания принципиально нового общества, с какой бы стороны, позитивной или негативной, мы его не оценивали. Экономический, социально-политический, культурный облик страны, ее оборонный потенциал приобрели за это время совсем иные в отличие от дореволюционного времени черты, особенности, достижения. Советскому государству постоянно приходилось заботиться о своей безопасности, строить новую Рабоче-крестьянскую Красную Армию, готовить оборонные кадры из среды трудящихся масс. Подобная задача остается актуальной и на современном этапе.

Второй, достаточно весомой на наш взгляд причиной активизации оборонной работы в стране стала военная доктрина, получившая свое рождение в послеоктябрьский период.

Как свидетельствует анализ источников базы, методологическую основу военной доктрины, составляли выводы о возрастании роли тыла и экономики в современной войне, о диалектической взаимосвязи войны и экономики. Положение о роли крепкого тыла для ведения победоносной войны получило развитие во многих теоретических трудах В.И. Ленина. Как считает исследователь его военного наследия Ю.И. Кораблев, вождь рабочего класса включал в содержание этого понятия ряд многочисленных факторов. К ним, в частности, он относил характер социального строя государства, политическую, экономическую организацию общества, моральное состояние и сплоченность народа, идеологию, науку, постановку работы всех звеньев государственного аппарата. При этом В.И. Ленин делал акцент на то, что для победы в современной войне решающее значение имеют не только преимущества в уровне материального производства, в экономических ресурсах, но и способность государства быстро мобилизовать их для оснащения своих вооруженных сил (2).

Военная доктрина уже в тот период времени представляла систему официально принятых в государстве основополагающих взглядов, положений по вопросам обороны страны. Она определяла отношение государства к войне, в ней был сформулирован характер возможных военных задач, способы решения и главные направления военного строительства.

Военная доктрина советского государства дала толчок развитию понятия «мобилизационная работа», имевшего огромное значение как для кадровой армии и флота, так и для решения задач подготовки населения, экономики страны к обороне в случае нападения врага.

Смысловое содержание понятия «мобилизация» раскрыл М.В. Фрунзе. В своей основе это относилось к армии и включало призыв личного состава в Красную Армию, ее обеспечение всеми видами довольствия (3). Одновременно им были определены важнейшие методологические выводы о возрастании роли тыла и экономики в современной войне, о диалектической взаимосвязи войны и экономики. При этом решающее значение отводилось не только преимуществам в уровне материального производства, в экономических ресурсах, но и способности государства быстро мобилизовать их для оснащения своих вооруженных сил (4). В современном

понимании мобилизационная работа – понятие достаточно объемное и содержательное, включает мероприятия экономического, военного, социального, политического характера. Мобилизационная работа, проводимая в Южном Зауралье как в предвоенные годы, так и в годы войны, составляла стержневую основу обеспечения фронта всеми видами боеприпасов, довольствия, средствами ведения боя, обученным пополнением. Ее содержание охватывало широкий спектр конкретных направлений, связанных с решением разнопланового комплекса оборонных мероприятий, реализацию которых невозможно было осуществить без мобилизации материальных и духовных сил всего народа, подчинения всех народно-хозяйственных ресурсов интересам фронта. То есть мобилизационная работа подразумевала заблаговременное обучение военному делу населения страны, накопление военнообученного резерва. Проводимая в этом направлении работа подлежала контролю со стороны партийно-государственных, военных органов. Например, по итогам мобилизаций Реввоенсовет СССР в январе 1930 года принял постановление «Об основных задачах по мобилизации РККА», в котором наряду с причинами низкого уровня мобилизационной готовности РККА отмечалось несоответствие систем комплектования мирного и военного времени (5). Из сказанного вытекает значимость военного обучения населения, постановка на учет имевших военно-учетные специальности для последующего их призыва в РККА.

Подобная оценка состояния мобилизационной работы Реввоенсоветом страны послужила серьезным толчком для ее проведения в тридцатых годах.

Итак, становление в двадцатые годы советских военно-теоретических взглядов на создание и использование стратегических резервов, их подготовка в последующий период оказали огромное влияние на развитие оборонно-массовой работы в стране. На формирование теоретических взглядов в этой области повлияла вся совокупность факторов, включавших изменения в международной обстановке, уровень военной опасности, взгляды на характер будущей войны, военная теория передовых в военном отношении государств, а также опыт создания и применения стратегических резервов в войнах прошлого.

Одной из причин, повлиявших на вовлечение широких масс в обучение военному делу, стало воздействие научно-технического прогресса в общей системе факторов, влияющих на ход и исход любой войны, переосмысление значимости и роли личности, обладавшей суммой военных знаний и практических навыков.

Опыт ведения локальных и крупномасштабных войн наглядно показал роль тыловых районов страны как непосредственных участников вооруженной борьбы, поскольку широкое использование авиации, особенно бомбардировочной, войск противовоздушной обороны влекло за собой дальнейшее стирание грани между фронтом и тылом. Войны стали носить все более ожесточенный характер. Применение автоматического оружия, боевой техники, обладающей огромной разрушительной силой, приводило к значительным людским и материальным потерям (6). Данное обстоятельство наряду с обострением военно-политической обстановки в мире побудило советское и партийное руководство страны принять меры, направленные на организацию военного обучения граждан.

Происходившая в годы предвоенных пятилеток моторизация Красной Армии, оснащение ее новой по тем временам современной техникой потребовали коренного изменения новых подходов в подготовке допризывной молодежи к военной службе. Уже в 20-е годы в штаты

уездных военных комиссариатов были введены отделы Всеобуча, непосредственно занимавшихся организацией военной подготовки призывников. Красная Армия нуждалась не только в сильных, смелых, физически крепких, но и прежде всего знающих, способных быстро овладеть сложными военными специальностями бойцах и командирах. Начавшаяся вторая мировая война в сравнении с первой мировой значительно отличалась военно-техническим содержанием. В армиях государств, участвовавших во Второй мировой войне, насчитывалось 160 различных воинских специальностей (7).

В 20–30-е годы в Красную Армию стала поступать разнообразная боевая техника. Советская оборонная промышленность с 1927 по 1931 годы ежегодно выпускала 100 танков, 220 гаубиц (8). На 1929–1933 годы планировалось произвести и поставить в армии 6665 единиц бронетехники (9). По расчетам военных специалистов Генерального штаба РККА в целях развертывания мобилизационной готовности к 1933 году планировалось иметь в соединениях, полках, частях 10400 самолетов, 100 тысяч автомобилей. К 1938 году количество самолетов в авиации РККА планировалось довести до 32 тысяч единиц (10). То есть потребность в квалифицированных военных специалистах возрастала ежегодно. Это, в свою очередь, ложилось дополнительным грузом на оборонные общества, которые обязывались вести подготовку военнообученного пополнения для армии.

Еще одна из причин, способствовавшая оборонно-массовой работе, кроется в проводимой в 1924 – 1925 годах военной реформе. Она внесла изменения в область военного строительства в целях укрепления Красной Армии, сократив ее численность в соответствии с условиями мирного времени и экономическими возможностями страны. Была принята смешанная система устройства Рабоче-крестьянской Красной Армии, позволившая при меньших затратах иметь небольшую кадровую армию, способную обеспечить безопасность границ страны, а в случае войны быстро мобилизовать армию. Одновременно ставка делалась на широкое военное обучение трудящихся, в том числе из военнообязанных запаса. Была упорядочена организационно-штатная структура войск, регламентирована система комплектования, качественно обновлен кадровый состав, реорганизована система снабжения, заложена плановая система боевой подготовки и многое другое.

Во многом приданию положительной динамики в развитии оборонной работы в стране способствовало принятие VII Чрезвычайным съездом Советов 5 декабря 1936 года Конституции (Основного закона) Союза Советских Социалистических Республик. В соответствии со статьей 126 Основного закона определялась структура политической системы общества, перечислялись все ее элементы. С целью развития организационной самостоятельности и политической активности народных масс гражданам СССР в соответствии со статьей 126 обеспечивалось право объединяться в общественные организации, профессиональные союзы, кооперативные объединения, молодежные, спортивные и оборонные организации (11).

Таким образом, введение и активизация оборонно-массовой работы в предвоенный период и накануне Второй мировой войны явилась необходимостью и оправданным шагом организации отпора фашизму.

Список источников и литературы

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 358.
2. См.: Кораблев Ю.И. В.И. Ленин и создание Красной армии. М.: Наука, 1970. С. 368–390.
3. Фрунзе М.В. Избранные произведения. М., 1957. Т. 2. С. 222.

4. На тыл страны делал ставку видный военный деятель Германии Фельдмаршал Мольтке (1800–1891 гг.), руководивший войсками в австро-прусской и франко-прусской войнах. Он впервые в мировой практике составил мобилизационный план с целью упредить противника в переходе с мирного положения на военное, в котором тылу страны отдал приоритетное значение. См.: Строчков А.А. История военного искусства. М., 1965. С. 582.
5. Макара И.П. От стратегии сокрушения к стратегии измора // Военно-исторический журнал. 1999. № 6. С. 6.
6. Война и армия. М., 1977. С. 201–213.
7. Гнатко И.Я. Роль военно-патриотического воспитания в обеспечении защиты социалистического Отечества // Труды академии. М., 1970. С. 380.
8. Самуэльсон Л. Красный колос. Становление военно-промышленного комплекса СССР 1921–1941. М., 2001. С. 63.
9. Там же. С. 151.
10. Там же. С. 182.
11. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик // Сборник законов СССР. М., 1938–1967. Т.1. С. 109.

И.В. Неупокоев
Курганский институт государственной и
муниципальной службы
Филиал ФГОУ ВПО «Уральская академия
государственной службы»
г. Курган

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ НАРОДНЫМ ОБРАЗОВАНИЕМ В ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII-НАЧАЛЕ XX ВВ.

Первой системной попыткой создать сеть общеобразовательных учебных заведений явилась школьная реформа Екатерины II. Ее подготовительный этап начался с создания в 1782 г. всероссийского органа управления народным образованием - Комиссии об учреждении училищ под председательством фаворита императрицы П.В. Завадовского. Комиссию консультировал приехавший из Австрии сербский педагог Янкович де Мириево. В 1786 г. Комиссия разработала Устав народных училищ, который законодательно оформил систему начальных и средних школ в рамках государства. Согласно Уставу в каждом губернском городе должны создаваться главные четырехклассные училища (станут предшественниками гимназий), а в уездном – малые двухклассные училища. Народные училища поступали в ведение приказов общественного призрения, которые возникли еще на основании областной реформы 1775 г. (Тобольский приказ общественного призрения создан в 1782 г.). Губернатор, как председатель приказа, был вместе с тем попечителем училищ во всей губернии. Учебная часть была вверена в каждой губернии особому директору народных училищ, который имел право участвовать в заседаниях приказа и был обязан два раза в год представлять отчеты по училищам. Никаких средств для открытия и содержания училищ дано не было. Первые итоги в деле развития народного образования были отражены в докладе Комиссии от 1788 г. на имя императрицы Екатерины II. Положительный опыт массового устройства училищ привел к указу от 3 ноября 1788 г., который предписывал открыть главные народные училища в остальных 14 губерниях России, в число которых и вошла Тобольская губерния. 11 марта 1789 г. можно считать началом реализации школьной реформы Екатерины II в Тобольской губернии, когда в Тобольске было создано главное народное училище, а в Тюмени, Таре и Туринске — малые училища. На начало 1800 г. в губернии было 8 училищ с 12 учителями и 316

учащимися.

При Александре I школьная реформа будет продолжена созданием в 1802 г. Министерства Народного Просвещения во главе с П.В. Завадовским и изданием в 1803 г. «Предварительных правил народного просвещения». В развитие этих «Правил» Министерство разработало Устав учебных заведений 1804 г. На основании «Правил» и Устава империя была поделена на шесть учебных округов с университетами во главе, все учебные заведения были разделены на четыре разряда: университеты (по одному в каждом учебном округе), организованные из главных народных училищ гимназии (по одной в каждом губернском городе), организованные из малых - уездные училища (в каждом уезде) и приходские училища (в городах и селах). Все эти школы были бессловными. Училища низшего разряда служили ступенью для перехода в училища следующего разряда. Университет заведовал гимназиями округа, директор гимназии ведал училищами губернии, а смотритель уездного училища надзирал за приходскими школами уезда. Обучение вводилось бесплатное. Реализацию этой реформы стоит отнести к 1817 г., когда городах Тобольской губернии - Кургане, Ишиме, Тюмени - появляются двухклассные уездные училища, а в Таре, Туринске, Тюкалинске и Березове - в 1818 г. Главное народное училище в Тобольске в 1810 г. было преобразовано в мужскую гимназию.

Сибирь должна была составить особый учебный округ во главе с университетом в Тобольске. Но из-за беспрерывных войн начала царствования Александра I университет открыть не смогли и Сибирь присоединили к учебному округу ближайшего Казанского университета. А как из Казани руководить учебным делом в Сибири? Училищный комитет Казанского университета извещал директора Тобольской гимназии о кадровых назначениях: «... г. Сосунов от должности учителя гимназии уволен и определен смотрителем курганского уездного училища с исправлением должности учителя 2 класса» (1). В 1819 г. Училищный комитет командировал для обозрения училищ Тобольской губернии адъюнкта А.И. Лобачевского (2). А с 1821 г. по предложению сибирского генерал-губернатора М.М. Сперанского при Казанском университете была учреждена особая должность визитатора сибирских училищ, на которую был назначен П.А. Словцов, впоследствии автор «Исторического обозрения Сибири». Словцов был первым и последним визитатором училищ. Вполне естественно, что при такой обширности сибирских территорий и специфике путей сообщения эта должность не могла оправдать возлагавшихся на нее надежд. Рассматривая события 14 декабря 1825 г. как «пагубное последствие ложной системы воспитания», Николай I при вступлении на престол отдал министру народного просвещения А.С. Шишкову распоряжение о пересмотре Уставов учебных заведений. В мае 1826 г. был создан Комитет по устройству учебных заведений, благодаря деятельности которого 8 декабря 1828 г. был принят новый школьный Устав. Он упразднил должность визитатора и снял с Казанского учебного округа обязанность управления сибирскими учебными заведениями. Таким образом, первым этапом в развитии управления школьным делом можно считать период с 1789 по 1802 гг., а вторым — с 1802 по 1828 гг., когда немногочисленные учебные заведения Тобольской губернии находились в административном подчинении Совета Казанского университета и контролировались в том числе и через институт визитатора.

Устав 1828 г. подчинил учебные заведения сибирских губерний гражданским губернаторам на правах попечителей округов. Известно, что в 30-е гг. ряд училищ посетил тобольский губернатор Х.Х. Повало-Швейковский. 12 апреля 1859 г. Александр II утвердил составленное под

руководством министра народного просвещения Е.П. Ковалевского «Положение об управлении гражданскими учебными заведениями Западной Сибири». С этого времени все учебные заведения Западной Сибири вверялись в управление генерал-губернатору Западной Сибири, при котором учреждалась должность главного инспектора училищ. Именно по распоряжению генерал-губернатора Западной Сибири от 1862 г., позднее утвержденного Министерством Государственных Имуществ, из-за невозможности приходских священников полноценно выполнять еще и функции учителя к преподаванию в школах были допущены светские учителя (за священниками было оставлено преподавание только Закона Божия) (3). В 1882 г. должность генерал-губернатора Западной Сибири была упразднена и управление учебной частью Западной Сибири поручалось во временное заведование главному инспектору училищ Западной Сибири на правах попечителя учебного округа. Весьма негативно такую систему управления школами оценил обер-прокурор Св. Синода К.П. Победоносцев: «... нельзя не обратить внимания на великое училищное многоначалие при полной неопределенности обязанностей каждого из начальствующих. Настоящего начальства не было. Главный инспектор, один на две сибирские губернии, не в силах что-либо сделать по надзору, особливо при сибирских расстояниях и таких помощниках, как директора училищ и штатные смотрители, занятые своими прямыми служебными обязанностями по управлению вверенными им учебными заведениями. Губернаторы обременены делами по управлению и не всегда могут и желают заниматься школьным делом. Тем менее мог заниматься им сам генерал-губернатор» (4).

Необходимость учреждения отдельного Западно-Сибирского учебного округа впервые была озвучена в Особой Комиссии при МНП во исполнение Высочайшего повеления от 16 мая 1877 г., обсуждавшей вопрос о том, в каком из городов Западной Сибири предпочтительнее открыть университет. Комиссия пришла к выводу о необходимости освобождения генерал-губернатора Западной Сибири от обязанностей заведования учебными заведениями в случае создания университета. В 1884 г., когда работы по постройке зданий Томского университета были близки к завершению, министр народного просвещения И.Д. Делянов вынес на Государственный Совет предложение о создании Западно-Сибирского учебного округа. 17 января 1885 г. решением Государственного Совета учреждался Западно-Сибирский учебный округ, в который вошли Тобольская и Томская губернии, а также Акмолинская, Семипалатинская и Семиреченская области (5). Местом пребывания попечителя округа стал Томск. Первым попечителем округа был назначен доктор медицины В.М. Флоринский. Самый продолжительный срок с 1899 по 1914 г. в этой должности занимал тайный советник Л.И. Лаврентьев. Сохранила существование и система внешнего контроля из центра. Так, в январе 1893 г. тобольский губернатор уведомил курганского окружного исправника, что министром народного просвещения «для обозрения сельских начальных училищ в Тобольской губернии командирован директор Череповецкой учительской семинарии стат. сов. Сциборский» (6).

Внутри губернии учебно-воспитательный надзор за учебными заведениями был сосредоточен в руках директора народных училищ (он же директор гимназии), внутри уездов — в руках штатных смотрителей уездных училищ. И хотя штатные смотрители находились в подчинении директоров народных училищ, тем не менее возникали «управленческие накладки». Так, в 1836 г. из Санкт-Петербурга через Курган с целью инспектирования Тобольской гимназии проезжал некто Качурин, который

потребовал от штатного смотрителя курганского уездного училища Каренгина представить подробные сведения об училище. Каренгин отказался это сделать потому, что «от г. директора не имеет на это предписания» (7). В период с 1814 по 1900 г. в должности директора училищ Тобольской губернии состояли 10 человек. Наиболее известные среди них – это И.П. Менделеев (отец знаменитого химика) и П.П. Ершов (автор сказки «Конек-горбунок»). После выхода Положения о начальных училищах 1874 г. директорам полагалось «содержания по 2500 руб. каждому (1000 руб. жалованья, 800 руб. на наем квартиры и канцелярские издержки, 700 руб. на разъезды, V класс по должности, V разряд по шитью на мундир, право на пенсию по положению по учебной службе и права по чиновному производству...» (8). В 1915 г. директор Г.Я. Маляревский получал жалованья – 1440 руб., столовых – 1440 руб., квартирных – 720 руб., за сибирскую службу – 324 руб., итого – 3924 руб. (9).

Под надзором директора оказались и школы при церквях и монастырях, начальную точку создания которых следует считать с издания в 1836 г. Синодом «Правил для первоначального обучения поселянских, в том числе и раскольничьих детей» (10), хотя безуспешные попытки их создавать были предприняты еще в 1827 г. (11). Регламентация взаимоотношения церковных школ с директором осуществлялась указом Синода от 27 сентября 1836 г., по которому благочинные епархии обязывались доставлять сведения о всех учащихся церковных школ в Консисторию, которая, в свою очередь, передавала эти сведения директору (12). А с 1847 г. к осмотру училищ при церквях и монастырях были допущены штатные смотрители (13). Однако здесь возникли определенные несоответствия между ведомствами. В одном случае миссионер березовского края игумен Арсений вовсе не допустил смотрителя училищ Абрамова к проверке остоящих училищ. В другом случае, когда штатный смотритель курганского округа 22 мая 1848 г. прибыл в село Кривинское ревизовать церковное училище, то учащихся не обнаружил по причине их распуска на полевые работы. После этого директор предписал всем заведующим сельскими училищами единообразно распускать учащихся на вакационное время. Мало того, от священников потребовали представить подписки, обязывающие их «учение поселянских детей продолжать ежегодно с 1 сентября по 1 мая неупустительно» (14). Чтобы визит штатного смотрителя не был неожиданным, церковные школы стали об этом извещать заранее. Так, например, благочинный священник Н.Наумов в октябре 1848 г. рекомендовал причту села Чинеевского: «...вызвать учеников поселянских детей в училище при церкви, так как Г. смотритель курганских уездных училищ в 1-х числах ноября обещался прибыть для испытания учеников» (15); или благочинный священник Н. Розанов в октябре 1856 г. сообщал священникам своего благочиния, что смотритель М. Костя собирается «отправиться для ревизования сельских училищ. Поэтому предписываю Вам немедленно собрать мальчиков и девочек для обучения грамоте, если до сих пор еще не собраны» (16). По мере увеличения числа церковных училищ штатные смотрители для сбора информации о них непосредственно контактировали с институтами духовного ведомства. Например, в ноябре 1863 г. курганское духовное правление предписало благочинному священнику А. Преображенскому доставить штатному смотрителю «нужные сведения о числе сельских церковных училищ, с обозначением в них числа учащихся и преподавателей отдельно по каждому училищу» (17). В другом примере штатный смотритель курганских училищ 6 октября 1872 г. сам напрямую потребовал от Черемуховского церковного училища доставлять к 15 января полугодовые, а к

1 июня годовые сведения об успехах учеников (18).

Штатные смотрители итоги своей ревизии заносили в журналы обозрения, и затем эти данные анализировались в Тобольской духовной Консистории, которая, в свою очередь, тем или иным образом реагировала на действия причта. Так, в 1853 г. на основании такого журнала штатного смотрителя курганских училищ Каренгина было принято решение «наградить некоторых наставников за усердие их в обучении крестьянских мальчиков» (19); или в 1859 г. Консистория предписала благочинным, что они «озаботились об устройстве при церквях приличных помещений для учеников и должного порядка между учащими и учащимися» (20). В данном случае мы видим межведомственное взаимодействие между светскими и церковными структурами в сфере по контролю за начальными школами. С другой стороны, это взаимодействие имело определенные границы. Так, в марте 1868 г. со стороны МВД сделано распоряжение, чтобы должностные лица волостного сельского управления «устранили себя от вмешательства как в управление церковно-приходскими школами, так и в занятия духовных лиц по преподаванию в сельских училищах» (21).

Директор и штатные смотрители были обязаны осматривать и создаваемые в казенных селениях на основе указа Николая I от 27 июня 1842 г. сельские приходские училища Министерства Государственных Имуществ. Результат своих осмотров директор обязывался сообщать в местную Палату Государственных Имуществ, а штатные смотрители – окружным правлениям. В свою очередь, и Палаты обязаны были сообщать местному директору о закрытии или открытии каждого сельского училища и доставлять ему ведомости о числе училищ, учителей и учащихся. Но так как в Сибири не было Палат Государственных Имуществ, то все дела по устройству таких школ сосредоточились в Казенных Палатах.

Право осматривать эти сельские (министерские) училища (с записью замечаний в книги при училище) получили также и благочинные над церквями, однако «не один из них со времени открытия училищ не сообщал Палате замечаний своих...» (22), и поэтому в 1868 г. архиепископ Тобольский и Сибирский сделал предписание: «чтобы благочинные официально обозревали эти училища в ноябре, в конце декабря и в другое время когда будут в тех краях», представляли отчет и «чтобы от сих обозрений не выходило разноречий с ревизорами с гражданской стороны» (23). После выхода Положения о начальных училищах 1874 г. благочинных обязали и «наблюдать за наставниками и наставницами, определенными Казенной Палатою, и если при этом окажется, что кто-либо из них по поведению и нравственности не соответствует своему званию, о таковых сразу же доносить епархиальному начальству, для надлежащего с его стороны распоряжения» (24).

«Положение об управлении гражданскими учебными заведениями Западной Сибири» 12 апреля 1859 г. уточнило, что директоры училищ «заведывают как подведомственными им ныне гимназиями, уездными и приходскими училищами МНП, так и приходскими и сельскими училищами и школами ведомства МВД и Государственных Имуществ, равно пансионатами и школами, учрежденными частными лицами. Надзору штатных смотрителей подчиняются все означенные училища, пансионаты и школы, состоящие в черте вверенных им округов» (25). Однако директору народных училищ и штатным смотрителям уездных училищ посвящать достаточное время надзору за начальными училищами можно было лишь при их небольшом количестве на начальной стадии. На директоре лежали еще обязанности по управлению гимназией, а на штатных смотрителях — уездными училищами. Уве-

личение числа народных училищ и, таким образом, увеличение расстояний между ними, еще более затрудняли задачу надзора. В августе 1880 г. штатный смотритель училищ курганского уезда писал: «По штатам уездных училищ Высочайше утвержденных в 1859 году, штатному смотрителю уездного училища назначено на разъезды ... для обозрения сельских училищ 60 руб. в год. В это время ... сельских училищ в сибирских губерниях почти совсем не было или же было самое ничтожное количество ..., а стоимость всех необходимых в жизни продуктов была по крайней мере в 4 раза меньше... для осмотра сельских училищ курганского округа предстоит следовать 1303 версты вперед и столько же обратно, а всего около 2606 верст» (26). В 90-е годы тобольский смотритель заведовал 23 школами, из которых между крайней северной и крайней южной было расстояние в 633 версты, ишимский смотритель заведовал 58 школами, курганский — 57 (27). С 1888 г. штатным смотрителям при посещении уездных городов вменялось в обязанность представляться епархиальному архиерею и губернатору (28). На время своих поездок по сельским училищам свои функции по досмотру учебных заведений города штатные смотрители возлагали на законоучителей уездных училищ (29). Недостаток надзора за школами побудил генерал-губернатора Казнакова в 1874 г. возбудить ходатайство об учреждении в Сибири должности инспекторов, в дальнейшем этот же вопрос поднимал и попечитель Западно-Сибирского учебного округа. Сам же этот институт был создан еще в 1869 г. по инициативе министра народного просвещения Д. Толстого. В соседней Пермской губернии надзор за школами каждого уезда также уже осуществлялся через инспекторов, которых на 1897 г. было одиннадцать (30). По представлению МНП решением Государственного Совета в Тобольской губернии с 1 января 1900 г. учреждалась должность инспектора народных училищ и директора народных училищ (теперь уже не директора гимназии). Директор Тобольской гимназии и штатные смотрители уездных училищ освобождались от обязанностей по надзору за народными училищами (31). Первоначально на Тобольскую губернию было три инспектора, с 1906 г. — пять, в дальнейшем их число возросло до 11. Инспектора подчинялись губернскому директору народных училищ, на должность которого первым был назначен статский советник Н.К. Рамзевич. Но более всего известен в этой должности действительный статский советник Г.Я. Маляревский, занимавший ее с 1906 по 1917 гг.

Законом от 7 июня 1913 г. предписывалось назначать на должности инспекторов народных училищ только лиц, имеющих высшее образование или звание учителя высшего начального училища, а также при условии практического знакомства с начальным народным образованием (32). В 1915 г. директор народных училищ Г.Я. Маляревский давал инспекторскому корпусу такую характеристику: инспектор 1-го района Соколов «очень любит школьное дело, гуманно относится к учащимся, весьма исполнительен и в не слишком сложных вопросах разбирается хорошо. Проходит службу с пользой дела»; инспектор 2-го района Осипов: «Большой любитель внешнего порядка и показной стороны в училищах, умеет заставить работать своих подчиненных. Очень горяч и легко выходит из себя без особенной надобности; очень далеко держит от себя учащихся, доступ которых к нему крайне затруднителен. ... При оценке подчиненных руководится не столько их действительными достоинствами сколько повидимому личными симпатиями и степенью их угодливости. Замечается недостаток чувства меры и справедливости; через-чур угодлив со старшими и высокомерен с младшими»; инспектор 3-го района Куминов «Бдительно следит за нравственностью и благонадежностью уча-

щих, но сам далеко заходит в этом, прибегая к таким приемам как поощрение одних учащихся и доносам на других, неосторожное выспрашивание об учащихся посторонних лиц: ямщиков, содержателей земских квартир и т.п., переодевание в простонародный костюм для хождения инкогнито по улицам города о чем, впрочем, всем известно. Сам большой любитель доносов и иногда по делам, не имеющим прямого отношения к его должности»; инспектор 8-го района Давыдов «Производит впечатление человека преклонных лет, одряхлевшего со слабой памятью и притупившейся восприимчивостью. С канцелярским делопроизводством и денежной частью совершенно незнаком, равно, как незнаком с условиями и нуждами начальной школы»; инспектор 10-го района Головин «Очень хорошо знает учебное дело, канцелярскую и денежную часть, сам хороший преподаватель, может самостоятельно руководить педагогическими курсами. Обладая большой энергией проявляет много деятельности по осмотру училищ и руководству учащими. В короткое время он прекрасно ознакомился с положением и нуждами всех училищ своего равно, а равно и с личным составом учащихся, к которым относится гуманно, но без попустительства» (33).

В своих воспоминаниях и публицистике учителя практически единодушно выразили отрицательное отношение к институту инспекторов. Несмотря на то, что закон предписывал избирать их «из лиц, известных педагогическим опытом», на эту должность, по мнению критиков, попадал «народ самый разнокалиберный, большей частью без надлежащего образования и опыта педагогической работы. Во-вторых, учителей оскорбляло презрительно-покровительственное отношение к ним инспекторов, стремившихся, по выражению одного из учителей, продемонстрировать им, «мелким людям», «всю высоту и недосыгаемость своего инспекторского величия». Каждый из инспекторов приезжал к учителю «со своим уставом, и, по отзывам учителей, ничего кроме вреда их приезд не приносил». «Они все делают шумно, напоказ, им нужно кричать о себе, так как нужно составить о себе положение для дальнейшей карьеры» — писал учитель. В-третьих, учителя считали, что надзор инспекторов над их деятельностью преследовал фискальную цель, а на руководство работой учителей в педагогическом отношении у инспекторов не было ни времени, ни соответствующих знаний (34). Особенно после февральской революции 1917 г. институт инспекторов и директоров подвергнется острой критике как выступавший «в роли угнетателей по отношению к личности народного учителя» (35). В мае 1917 г. состоялись уездные съезды учителей начальной школы Тобольской губернии, которые обратились к комиссару Тобольской губернии от Временного правительства с просьбой немедленного устранения Г.Я. Маляревского с должности директора народных училищ «ввиду вредной деятельности... вносившего в школьную жизнь мрак и неуважение к личности учащихся», из-за подавления «свободного духа и инициативы учащихся» (36). Сначала директор Г.Я. Маляревский писал оправдательные письма губернскому комиссару, а потом был вынужден в октябре 1917 г. подать в отставку.

После утверждения Александром III 13 июня 1884 г. «Правил о церковноприходских школах» и 4 мая 1891 г. «Правил о школах грамоты» из числа начальных школ были особо выделены церковные школы. Высшее управление ими принадлежало Св. Синоду. Так будет продолжаться до постановления Временного правительства от 20 июня 1917 г., согласно которому начнется процесс передачи церковных школ под начало МНП (37). На местах управление принадлежало епархиальным архиереям, которые посещали их при обозрении епархии. Так,

курганский наблюдатель священник А. Коровин писал 8 января 1901 г. заведующему Шепотковской школы священнику А. Дьяконову, что 25 января архиепископ будет в селе Сычево и поэтому необходимо «собрать учащиеся Шепотковской школы в церковь и выстроить их там рядами. Желательно, чтобы школьники участвовали в пении храмового тропаря и многолетия при встрече Владыки и были достаточно подготовлены к испытанию из пройденного в особенности по Закону Божию...» (38). Кроме епархиального архиерея церковные школы осматривал и губернатор. Например, курганское уездное отделение в срочном письме заведующему Зюзинской школы священнику В. Карпову от 29 ноября 1910 г. просит принять заисящие меры к встрече губернатора, который по пути следования будет осматривать церковно-приходские школы (39). В 1908 г. школы Тобольской епархии ревизовал также и помощник имперского наблюдателя церковных школ д. ст. сов. В.Т. Георгиевский (40).

Органом власти по заведованию церковными школами становился епархиальный училищный совет. Председатель совета и его члены избирались епархиальным архиереем из духовных и светских лиц. Членом совета становился также и местный директор народных училищ (41), чиновник по крестьянским делам. На местах создавались уездные отделения тобольского епархиального училищного совета, деятельность которых регламентировалась «Правилами об уездных отделениях епархиальных училищных советов» 28 мая 1888 г. (42). В 1885 г. было создано курганское отделение, которое до 1902 г. не имело своего помещения и «вынуждено скитаться по разным местам. Заседания членов отделения происходят либо в небольшой каморке, пристроенной к лавке купца Дерягина, которое настолько мало, что в нем нельзя делать собраний членов отделения, либо в школьном здании, которое не успевает достаточно проветриваться после школьных занятий... приходится выносить школьную мебель, а вместо не вносить стулья, столы, стоящие в другом здании» (43).

Контроль за ходом преподавания на первых порах было поручено благочинным, которые по своей должности и так были обязаны объезжать все приходы своего округа два раза в год – в декабре и июне. Так, на 1895-96 уч. г. в курганском округе было шесть благочинных (44). Но из-за обширного круга их обязанностей наблюдение поручили особым священникам-наблюдателям. 28 мая 1890 г. в Тобольской епархии учреждена должность епархиального наблюдателя церковных школ, на которого возложена также обязанность по проверке деятельности уездных отделений, а 30 апреля 1893 г. - должности окружных наблюдателей (инспекторов), с назначением им особого вознаграждения (с января 1894 г. – от 100-150 руб. в год на расходы для разъездов). В Тобольской епархии появилось 8 уездных наблюдателей (45). Наблюдатели руководствовались особой инструкцией епархиального совета, были обязаны два раза в год посещать все школы своего округа, делать нужные указания и представлять подробные отчеты уездному отделению. В сентябре 1905 г. в Тобольске состоялся съезд наблюдателей Тобольской епархии (46).

Из путевого журнала епархиального наблюдателя следует, что он за 1890-1891 учебный год посетил 106 школ: 92 церковно-приходские и 14 школ грамоты. Для этого он выехал из Тобольска 28 сентября 1890 г. и вернулся только в конце декабря, затем 14 января 1891 г. поехал опять (9 марта «дорога вследствие наступивших оттепелей совсем попортилась: нельзя ехать ни на санях, ни на телеге») и 22 марта вернулся обратно, после чего «долгое время был болен лихорадкой» (47). Таким образом, у епархиального наблюдателя, в любую погоду

переезжавшего от школы к школе, каждый раз ночующего на новом месте, была нелегкая, в прямом смысле слова «кочевая» служба. С апреля 1894 г. на должность епархиального наблюдателя был назначен Г.Я. Маляревский, который, как и его помощник, осуществлял тщательный контроль за церковными школами с помощью их лично посещения (48).

Особенностью церковно-школьной инспекции стала следующая многоуровневость: епархиальный наблюдатель – уездный наблюдатель – благочинный. Но, кроме того, церковные школы обзревала и штатные смотрители (49). Они были назначены членами уездных отделений от МНП в Тюмени, Ишиме, Таре, Ялуторовске, Туринске, Кургане, Березове и Тобольске, а в Тюкалинске – заведующий Тюкалинским двухклассным городским училищем Н. Кулигин и в Сургуте – учитель местного приходского училища Ф. Зобнин (50). 26 февраля 1896 г. Николай II утвердил «Положение об управлении школами церковно-приходскими и грамоты ведомства православного исповедания», которое уточнило структуру советов. Епархиальный училищный совет состоял из председателя, 9 постоянных членов, епархиального наблюдателя и местного чиновника от МНП. Уездное отделение состояло из председателя, восьми постоянных членов, уездного наблюдателя и местных благочинных (51). Производить заседания епархиального училищного совета в полном составе из-за занятости прямыми обязанностями его членов было затруднительно, и поэтому в дальнейшем при совете возникла школьная комиссия, которая рассматривала большую часть дел, поступающих в совет. В течение 1907 г. было 12 заседаний епархиального училищного совета и 42 — школьной комиссии (52).

Еще по «Положению о начальных народных училищах» 14 июля 1864 г. учебные заведения ставились под контроль уездных и губернских училищных советов, статус которых в дальнейшем корректировался «Положением о начальных народных училищах» 25 мая 1874 г. В каждом уезде «попечение об удовлетворении потребностей населения в начальном образовании и о надлежащем нравственном его направлении» возлагалось на уездного предводителя дворянства и уездный училищный совет, а в целой губернии — на губернского предводителя дворянства и губернский училищный совет. Но эти условия Положения не могли быть применены к Тобольской губернии, так как в ней не было поместного дворянства. В 1887 г. тобольский губернатор ходатайствовал перед МНП об учреждении в губернии таких училищных советов. Но предварительно, поскольку большинство начальных училищ губернии состояло в ведении Министерства Государственных Имуществ, в 1892 г. Комитет Министров передал их в ведение МНП, хотя обер-прокурор Св. Синода К.П. Победоносцев настаивал на передаче всех начальных школ Сибири в ведение церковного ведомства (53). Наконец, 20 февраля 1904 г. был создан тобольский губернский училищный совет, а затем и уездные советы. В ведении тобольского уездного училищного совета оказались училища Сургутского и Березовского уездов (54). В дальнейшем, вплоть до 1917 г. существенных изменений в структуре управления школьным делом больше не происходило.

Таким образом, в период с конца XVIII по начало XX в. в Тобольской губернии вместе с ростом школ различных ведомств шел активный процесс создания и развития многосложной системы школьного управления. На него существенно влияла региональная специфика этой административно-территориальной единицы империи: ее огромные размеры, отсутствие земства и крепостного права, отсутствие Палаты Государственных Имуществ, преобладание большого количества раскольников. Воз-

никновение многих управленческих институтов (попечитель учебного округа, инспектор, училищный совет), по сравнению европейской частью, носило асинхронный, запаздывающий характер. Ведомство православного исповедания заимствовало у МНП систему управления начальным образованием на местах (епархиальный училищный совет со своими отделениями по структуре повторяли губернские и уездные училищные советы).

Список источников и литературы

1. ГАКО. Ф.И-147. Оп.1. Д.1. Л.1-об.
2. ГАКО. Ф.И.-147. Оп.1. Д.1. Л.15.
3. ГАКО. Ф.И-201. Оп.1. Д.12. Л.20-об.
4. ГАКО. Ф.И-201. Оп.1. Д.12. Л.31-об.
5. Юрцовский Н.С. Очерки по истории просвещения в Сибири. Ново-Николаевск, 1923. С.221-224.
6. ГАКО. Ф.И-187. Оп.1. Д.35. Л.1.
7. ГАКО. Ф.И-147. Оп.1. Д.1. Л.35-об.
8. ГАКО. Ф.И-25. Оп.1. Д.10. Л.22.
9. ГУТО ГА в Тобольске. Ф.5. Оп.1. Д.10. Л.43.
10. Чехов Н.В. Народное образование в России с 60-х гг. XIX в. М.1912. С.93.
11. ГАКО. Ф.И-201. Оп.1. Д.12. Л.18-об.
12. ГАКО. Ф.И-75. Оп.1. Д.8. Л.213-об.
13. ГАКО. Ф.И-13. Оп.1. Д.31. Л.362.
14. ГАКО. Ф.И-26. Оп.1. Д.17. Л.86-87, 93.
15. ГАКО. Ф.И-112. Оп.1. Д.20. Л.176 – 176-об.
16. ГАКО. Ф.И-33. Оп.1. Д.1. Л.454.
17. ГАКО. Ф.И-33. Оп.1. Д.3. Л.270.
18. ГАКО. Ф.И-78. Оп.1. Д.41. Л.424.
19. ГАКО. Ф.И-33. Оп.1. Д.1. Л.341.
20. ГАКО. Ф.И-31. Оп.1. Д.16. Л.113.
21. ГАКО. Ф.И-34. Оп.1. Д.22. Л.572-об – 573.
22. ГАКО. Ф.И-101. Оп.1. Д.12. Л.70.
23. ГАКО. Ф.И-32. Оп.1. Д.81. Л.7 – 7-об.
24. ГАКО. Ф.И-31. Оп.1. Д.31. Л.72.
25. ГАКО. Ф.И-201. Оп.1. Д.12. Л.3 – 3-об.
26. ГАКО. Ф.И-91. Оп.1. Д.2. Л.13-14.
27. Маляревский Г.Я. Очерк истории и современного состояния народного образования в Сибири // Народное образование. 1896. №6. С.32.
28. Циркулярные распоряжения Попечителя округа // Циркуляр по Западно-Сибирскому учебному округу. 1888. №3. С.62.
29. ГАКО. Ф.И-203. Оп.1. Д.136. Л.6.
30. Заметка о народном образовании в Пермской губернии // Русская школа. №10. 1898. С.154.
31. Об учреждении в Томской и Тобольской губерниях должностей инспекторов народных училищ // Циркуляр по Западно-Сибирскому учебному округу. 1899. №6-7. С.197.
32. О назначении на должности инспекторов народных училищ лиц, в достаточной мере подготовленных теоретически и практически к исполнению обязанностей инспектора народных училищ // Циркуляр по Западно-Сибирскому учебному округу. 1913. №9-10. С.350.
33. ГУТО ГА в Тобольске. Ф.5. Оп.1. Д.10. Л.74-76.
34. Зубков И.В. Учительская интеллигенция России в конце XIX — начале XX вв.: Дис. ...канд. истор. наук. М., 2007. С.26-27.
35. Суходеев И. Начальная ступень просвещения // Учитель. №3. 1918. С.1.
36. ГУТО ГА в Тобольске. Ф.5. Оп.1. Д.10. Л.91.
37. ГАКО. Ф.И-201. Оп.1. Д.56. Л.193-об.
38. ГАКО. Ф.И-34. Оп.1. Д.68. Л.7.
39. ГАКО. Ф.И-31. Оп.1. Д.58. Л.87.
40. ГАКО. Ф.И-201. Оп.1. Д.33. Л.5-об.
41. Правила о церковно-приходских школах // Тобольские епархиальные ведомости. 1884. №19. С.162-163.
42. Правила об уездных отделениях Епархиальных училищных советов // Циркуляр по Западно-Сибирскому учебному округу. 1888. №9. С.221.
43. ГАКО. Ф.И-25. Оп.1. Д.46. Л.70 – 70-об.
44. ГАКО. Ф.И-201. Оп.1. Д.17. Л.3.
45. Справочная книжка Тобольской губернии. Тобольск, 1904. С.67.
46. ГАКО. Ф.И-25. Оп.1. Д.48. Л.8.
47. ГАКО. Ф.И-201. Оп.1. Д.13. Л.1-83.
48. Отчеты Тобольского Епархиально-училищного Совета о церковно-приходских школах и школах грамоты за 1893/94 учебный год. Тобольск, 1895. С.57.
49. ГАКО. Ф.И-201. Оп.1. Д.17. Л.133.
50. Высочайшие повеления // Циркуляр по Западно-Сибирскому округу. Томск. 1888. №9. С.237.
51. Положение об управлении школами церковно-приходскими и грамоты ведомства православного исповедания // Русская школа. №7-8. 1898. С.7-12.
52. ГАКО. Ф.И-201. Оп.1. Д.34. Л.7.
53. ГАКО. Ф.И-201. Оп.1. Д.12. Л.1-5.
54. Высочайшие повеления // Циркуляр по Западно-Сибирскому учебному округу. 1906. №5-6. С.238.

Н.Ю. Толстых

МУК «Межпоселенческая центральная библиотека Варгашинского района Курганской области»,
п. Варгаши

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КУРГАНЕ И УЕЗДЕ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Революционный натиск народных масс вырвал у самодержавия манифест с провозглашением основных гражданских свобод включая свободу слова, печати. Последняя, впрочем, не означала свободу печати в чистейшем виде, но на время, пусть и непродолжительное, ослабила цензурные притеснения. Сначала временными правилами упраздняясь предварительная цензура для временных изданий – газетно-журнальной периодики, затем она была упразднена и для неповременной печати – книг и брошюр. Правда, освободив издателей и редакторов от цензурных тисков на предварительном этапе, царское правительство постаралось усилить санкции после выхода изданий из печати. Чтобы затруднить и даже прекратить распространение и продажу «вредной», по мнению властей, литературы, применялись различные взыскания и наказания: штрафы, предупреждения, приостановка изданий, конфискация тиражей, закрытие изданий и типографий. Кроме того, издатели и редакторы в судебном порядке могли быть подвергнуты аресту, заключению в тюрьму и отправлены в ссылку на поселение (1, 242).

Именно в ходе первой русской революции проявились сильнейший интерес и огромная тяга к печатному слову со стороны всех демократических слоев и классов России. Возник настоящий бум популярной социально-политической литературы. «Миллионы дешевых изданий на политические темы читались народом, массами, толпой, «низшими» так жадно, как никогда еще дотоле не читали в России». Спрос на «массовую демократическую книжку» призваны были удовлетворить наряду со старыми и появившиеся во множестве новые издательства, редакции и типографии. Коммерческая выгода от продажи злободневной общественно-политической литературы заставила обратить на нее внимание, подстегнула интерес к ней оборотистых и прагматичных предпринимателей. «Купцы бросали торговать овсом и начинали более выгодную торговлю – демократической дешевой брошюрой. Демократическая книжка стала базарным продуктом» (2, 83, 87).

В настоящей статье рассматривается в основном общественно-политическая литература, выпущенная легаль-

но, отпечатанная в типографиях до и после отмены предварительной цензуры. За рамками статьи остается нелегальная литература, изданная с помощью подпольных типографий революционными партиями. Ее распространение и хождение в частности в Кургане и уезде уже нашло отражение в историко-краеведческих публикациях.

В Кургане собственные газеты общественно-политического направления стали выходить только с середины 1906 г. До этой поры курганские события освещались чаще всего в периодике губернского центра, г. Тобольска, а также Екатеринбурга. К примеру, из екатеринбургских газет в Кургане распространялась ежедневная газета «Уральская жизнь». Редакция этой газеты имела свою типографию и, как свидетельствуют архивные документы, наряду с распространением своей газеты в уралосибирском регионе занималась еще распространением массовой общественно-политической литературы, в особенности брошюр, отпечатанных в собственной типографии. В орбиту внимания редакции попал уездный Курган, который с проведением железной дороги превратился в динамично развивавшийся город, а с началом революции пробудился к активной политической жизни. Когда местные власти обнаружили канал поступления «крамольной» политической литературы из Екатеринбурга через контору газеты «Уральская жизнь», они постарались поскорее его перекрыть.

Началось все еще в феврале 1906 г. с донесения полицейского пристава 1-й части г. Кургана Сафонова помощнику начальника Тобольского губернского жандармского управления (ГЖУ) в Кургане Желябужскому. В нем сообщалось о продаже в городе бесцензурных брошюр разносчиком газет крестьянином Чернавской волости Василием Спиридоновичем Комарским и конторщиком купца Колесникова Владимиром Дмитриевичем Трубиным. Затем, как полагалось, известие об этом дошло до сведения губернского начальства в Тобольске. 15 марта управляющий губернией Тройницкий секретной телеграммой курганскому исправнику Калугину распорядился немедленно обыскать и арестовать Комарского и Трубина. «Телеграфируйте [как только] допросите по обвинению в продаже бесцензурных брошюр. Произведите подробное дознание».

В тот же день, выполняя начальственное распоряжение, пристав Сафонов составил постановление о предстоящем проведении обыска у Комарского и Трубина в ночь на 16 марта. Причем обоим независимо от результатов обыска следовало подвергнуть затем «задержанию при каталажных камерах Курганского полицейского управления», о чем Комарскому и Трубину сообщалось под расписку (3, 2-3).

Сначала обыск был проведен у газетного разносчика Комарского. Пристав 16 марта «в 1-м часу ночи прибыл в квартиру упомянутого разносчика, находящуюся на Кладбищенской улице в д. Пушкаревой, где произвел... обыск, причем по произведенному обыску ничего не найдено, за исключением записки, адресованной в гор. Екатеринбург, в которой говорится о высылке газеты «Гном»; записка же, по словам Комарского, получена им от какого-то неизвестного ему человека, которого он указать не может, просившего выписать упомянутую газету через конторщика Трубина.

Спрошенный в порядке дознания Комарский объяснил, что он происходит из крестьян Курганского уезда, Чернавской волости и села... 56 лет от роду, православный, неграмотный, имеет жену и дочь, занимается разноской по городу газет, которые получает от проживающего в гор. Кургане Владимира Дмитриева Трубина; по поводу продажи им, Комарским, бесцензурных брошюр показал, что брошюры эти вместе с газетами были даны ему, Комарскому, для продажи Трубиным; содержание

брошюр, а также название их не знает, так как неграмотный» (3,4).

Упомянутая записка от неустановленного лица гласила: «Выпишите из Екатеринбурга новую газету, выходить стала с 5-го марта, «Гном» - сатирическая газета» (3,8). Действительно, издание с таким названием начало выходить в Екатеринбурге и являлось не газетой, а журналом общественно-политической сатиры. На волне революционного подъема немало подобных изданий появилось сначала в столицах, а потом и в провинции. Екатеринбургский «Гном» издавался в 1906-1907 гг. В круг его сотрудников, авторов сатирических рисунков входил молодой И.Д. Шадр. Журнал не побоялся средствами сатирической графики выступить против царского премьера Столыпина и проводимой им политики. Обращение к распространителю с просьбой выписать его свидетельствует об интересе и спросе курганцев на издания обличительно-сатирического характера (4, 22-23, 27).

Покончив с обыском у разносчика Комарского, пристав Сафонов тогда же, 16 марта, «для дальнейшего обыска прибыл в дом курганского купца Трофима Ефимова Колесникова, у которого квартирует Владимир Дмитриев Трубин». Но в ходе обыска в присутствии понятых, как и в случае с Комарским, «ничего не обнаружено». Вполне очевидно, что целью обысков являлись нераспроданные экземпляры тех самых бесцензурных брошюр. Вслед за обыском началось дознание. «Спрошенный... троицкий мещанин Оренбургской губернии Владимир Дмитриев Трубин, 18 лет, холост, служит у Колесникова в качестве приказчика, по делу объяснил, что он, Трубин, выписывает из г. Екатеринбурга газеты «Уральская жизнь» и «Екатеринбургскую газету», которые и продает через разносчика Комарского; что касается продажи Комарским бесцензурных брошюр «Герой», «Заместитель» и другие, название которых не помнит, он, Трубин, получил из конторы редакции «Уральская жизнь» для продажи в гор. Кургане; получивши брошюры и боясь их продавать, он, Трубин, запросил об этом контору редакции «Уральская жизнь», которая и уведомила его, что продажа этих брошюр разрешена, почему он, Трубин, и стал продавать брошюры через разносчика Комарского. На вопрос, не имеет ли он, Трубин, от редакции «Уральской жизни» полученного ответа, таковой он, Трубин, представил».

Кроме того, и Комарский, и Трубин, уже явно знавшие о предстоящем аресте, единодушно «показали, что все брошюры ими распроданы разным лицам, указать которых не могут» (3, 4 об.). Очевидно, они оба и не хотели указывать на конкретных покупателей.

Представленный в оправдание Трубиным ответ на деле состоял из двух писем, отправленных из конторы газеты «Уральская жизнь» на его имя. Эти письма вызывают интерес, так как они касаются условий распространения екатеринбургской прессы в Кургане, взаимоотношений между конторой и распространителем и, что особенно важно, касаются доставки общественно-политических брошюр.

В письме от 2 января 1906 г. сотрудник конторы извещал своего агента в Кургане: «На январь с Вас получено 10 р.; так как Вам посылаются по 50 экз., то прошу немедленно дослать за январь остальные 15 р., в противном случае 9 января приостановим высылку газеты». Он также сообщил о предстоящем выходе в Екатеринбурге новой газеты «Утро», подготовкой к изданию которой занимались в той же редакции и типографии «Уральской жизни». «Что касается брошюр, то высылаем очень интересных брошюр на 9 р. 50 к. Эти брошюры у Вас быстро разойдутся... За брошюры просим тоже немедленно выслать 9 р. 50 к. Этих брошюр у нас осталось очень не много – они идут нарасхват». Поскольку обыски

не выявили нераспроданные экземпляры, то уверения сотрудника конторы подтвердились. Он оказался прав: и в Кургане брошюры пошли нарасхват.

В другом письме от 14 января сотрудник конторы в ответ на опасения Трубина постарался его успокоить и уверить в безопасности продажи политических брошюр в Кургане. «Брошюры Вам считали недорого, их пока больше нет, скоро будем вновь печатать. Относительно того, можно ли их продавать или нет, ничего положительно сказать не могу, у нас и везде продают их беспрепятственно. Раз указано, где они печатались, то полагаю, что Вы ничем не рискуете». На деле, как видно, вышло иначе. По поводу скорого выхода из печати газеты «Утро» из Екатеринбурга последовало заявление: «Так как она будет выходить только по 3 раза в неделю, то будем высылать по 50 экз.; в месяц она будет стоить Вам только 12 р. 50 к.». Следовательно, если в месяц предполагалось выпускать по 10 номеров, то один экземпляр газеты «Утро» (50х10 = 500 экз.) должен был обойтись Трубину в 2,5 коп. Неизвестно, в свою очередь, по какой цене эта газета продавалась им в Кургане. А то, что к ней здесь проявился интерес, свидетельствует посылка через Трубина подписной суммы. «Вы прислали за годовую подписку 5 р. 50 к., а следует нам 5 р. 70 к., т.к. агенты в свою пользу могут удержать только 5% с рубля, т.е. с каждого рубля 5 коп. Подписку на «Уральскую жизнь» и «Утро» можете принимать, мы отвечаем пред подписчиками только по получении от Вас денег» (3, 5-6).

Видимо, получив поначалу от курганского исправника краткое телеграфное донесение, управляющий губернией Тройницкий отдал распоряжение об освобождении из-под ареста неграмотного разносчика Комарского и дальнейшего содержания под арестом Трубина, но уже не в каталажной камере, а в тюрьме. «Дознание, - значилось далее в его телеграмме, - представьте мне со всеми образчиками найденных брошюр, перепечатки бесцензурные продавать нельзя» (3,7). Если в Тобольск к Тройницкому было послано дознание по делу Трубина и Комарского в подлиннике, то в Челябинск, в связи с действовавшим военным положением на железной дороге и прилегающих к ней уездах, оно было послано в копии временному генерал-губернатору. Неизвестно, какой приговор был вынесен в отношении Трубина и Комарского за продажу бесцензурных брошюр. Возможно, дальнейшие архивные изыскания еще смогут на сей счет пролить свет.

Чуть больше определенности имеется в отношении лиц, причастных к изданию политических брошюр в Екатеринбурге. Например, владелец типографии и редактор газеты «Уральская жизнь». Власти решили инициировать против них судебное преследование, выдвинув обвинения в совершении серьезных политических преступлений, которые в Уголовном Уложении вошли в состав 5-й главы «О смуте». Упомянутый выше Тройницкий 27 марта 1906 г., препровождая дело Трубина и Комарского прокурору Екатеринбургского окружного суда, просил его привлечь «к ответственности владельца типографии и редактора газеты по п.3 ст.125 и 2 п. 129 Уголовного Уложения за составление, бесцензурное печатанье и распространение брошюр «Заместитель», «Герой» и «Программы конституционно-демократической партии», содержащих в себе призыв к ниспровержению существующего строя и возбуждение к продолжению железнодорожных забастовок». Формально Тройницкий был прав, поскольку отмена предварительной цензуры для книг и брошюр объявлялась указом только 26 апреля 1906 г. Произошло это, конечно, не по доброй воле царизма. Он вынужден был уступить, видя, как отказ от прохождения предварительной цензуры стал многочисленным.

«Кроме того, препровождая брошюру под названи-

ем «Шире дорогу! Свободная Россия идет!...», соч. С. Николаича (?), напечатанную без разрешения цензуры в типографии газеты «Уральская жизнь», прося также возбудить против автора и типографии уголовное преследование ввиду явно преступного содержания этой брошюры, которая тобольскими революционерами усиленно распространялась среди населения» (5,178).

Историк В.В. Кучер, изучавший распространение массовой социально-политической литературы в западносибирской деревне в годы первой революции, отнес указанную брошюру к литературе буржуазно-либерального направления. Она действительно была отпечатана в начале декабря 1905 г. в типографии «Уральской жизни» и адресовалась деревенскому читателю, крестьянству. Об этом гласил подзаголовок: «По поводу Манифеста 17 октября. Для деревни. Начатки первоначального обучения». Брошюра представляла перепечатку ряда материалов из газеты «Уральская жизнь». Как оказалось, ее «заказали тобольские либералы тиражом 5000 экземпляров специально для распространения среди крестьян» (6, 15-16). Выходит, тобольских либералов с их восторженной оценкой манифеста, что конкретно нашло отражение в самой брошюре, управляющий губернией принял за опасных революционеров. Думается, подобная путаница в его представлении вполне объяснима. В условиях, когда верховная власть не видела и не готова была признать в российских либералах своих союзников против настоящих революционеров и против революционных народных масс, к этому еще менее была готова власть на местах.

Разумеется, наказанием одних издателей и распространителей «вредных» изданий ни местная администрация, ни судебная власть не в силах была поставить заслон на пути массовой социально-политической литературы к читателям из народа. Тщетными оказывались их усилия перекрыть все каналы ее поступления к ним. Доказательством тому служит широкое распространение легально и нелегально изданных брошюр, листовок и прокламаций среди сельского населения империи. Департамент полиции вынужден был признать в своем отношении Главному управлению по делам печати: «В настоящее время циркулируют среди народа, преимущественно в сельских местностях, различные брошюры противоправительственного направления», и они «оказывают вредное влияние на малообразованные классы сельского населения и в значительной степени способствуют развитию среди крестьян революционного движения» (6, 6). Не стал исключением и Курганский уезд. Разными путями популярные политические книжки, агитационно-пропагандистские брошюры и листки проникали в среду уездного крестьянства, но именно через г. Курган часто лежал путь этих изданий в глубь уезда. Они приобретались в городе, нередко получались от партийных агитаторов и политических ссыльных, выписывались и доставлялись по почте. Практиковалась передача литературы, совместная читка на сходах и дома.

20 октября 1906 г. пристав 5-го стана Степанов донес курганскому исправнику, что полицейский урядник Шипунов представил ему «Солдатскую Марсельезу» и «Крестьянскую Марсельезу». Это были тексты двух революционных песен, изданных нелегально в виде листовок в подпольной типографии Курганской группы РСДРП. Урядник «их отобрал в селе Сычевском Сычевской волости у псаломщика Ивана Елисеева Иващенко в воскресенье 15-го октября» в доме другого псаломщика С.И. Намумова. Как выяснилось при дальнейшем расследовании, там происходила банальная попойка, в которой участвовал и сам урядник. На другой день он спрашивал у Иващенко «о приобретении «Марсельез», и тот объяснил,

что ему дал сычевский сельский староста Арсений Михайлов Макаров, который их привез из Кургана штук 20-ть. Иващенко «Марсельез» не читал и не передавал» (7, 185-186).

Однако в день попойки в руках ее участников оказалась некая брошюра. «Откуда взялась у них какая-то печатанная брошюрка и какого она была содержания, рассказывал потом жандармам хозяин дома, - он, Наумов, не знает; помнит, что урядник и Иващенко отнимали ее друг у друга; кому она принадлежала, он, Наумов, также не знает» (7, 183-183 об.).

Следует подчеркнуть, что этот случай произошел на фоне хождения в селе Сычевском нелегальных и легальных изданий и даже рукописных сочинений на злободневные политические темы. При производстве негласного жандармского расследования было опрошено волостное начальство. «Сычевский волостной писарь Андрей Иванов Шелабанов рассказал, что не помнит, когда это было, он на почте перехватил два письма с прокламациями № 35 и № 20, адресованные: одно на сычевского сельского старосту Макарова и другое на священника села Сычевского о. Алексея Дьяконова. Две другие прокламации за № 20 были им найдены около волостного правления, а книжка под заглавием «Красная сотня» и написанное карандашом на полулисте бумаги стихотворение под заглавием «Голос свободы» были им найдены на улице около его квартиры; кто разбрасывал эти прокламации и брошюры, он, Шелабанов, не знает, но стихотворение «Голос свободы» написано рукою крестьянина дер. Золотой Байдарской волости Савелия Григорьева Уткова, который ранее состоял помощником его в Сычевском волостном правлении и почерк которого он отлично знает (в 1910-е гг. С.Г. Утков печатался в курганской печати под псевдонимом Антон Безродный – Н.Т.). Из частных слухов ему, Шелабанову, известно, что староста Макаров политически неблагонадежен, но сам он ничего про противоправительственную деятельность Макарова не знает, а также и не сможет указать никого, кто бы знал про таковую деятельность Макарова». В таком же духе волостной писарь высказался и о местном священнике А. Дьяконове.

«Волостной старшина Леонтий Иванов Киселев рассказал, что он долго следил за старостой Макаровым, так как из частных слухов он слышал, что Макаров на сходах читал какие-то газеты; когда он, Киселев, доложил об этом крестьянскому начальнику, последний приказал ему произвести у Макарова обыск, что им и было исполнено» (7, 181-181об.).

Обыск «на предмет отыскания противоправительственного и вообще нелегального сочинения воззваний, брошюр и книг» производился в 2 часа ночи 28 октября 1906 г. в присутствии понятых и урядника Шипунова. В составленном акте отмечалось, что в доме, сельского старосты А.М. Макарова были найдены разного содержания 22 книги, «подрывающих авторитет правительства», а также 8 рукописных листов самого Макарова по поводу «нововведений в России». Относительно первой из перечисленных в акте книги «От обороны к нападению» (издательства Н.Е. Парамонова «Донская речь» из Ростова-на-Дону) волостной старшина Киселев пояснял, что она имела штампель «Священник А. Диаконов». Но раз ее обнаружили у старосты Макарова, то старшина почему-то предположил, что священником она прочитана не была.

В числе изъятых «подрывных» изданий названы «Курс гражданина», «Карательная экспедиция», «Вторая правда», «Как сицилийские крестьяне боролись за свои права», «Смелость слова», «О свободе совести», «Как болгары добыли себе свободу», «Как выбирать народ-

ных представителей» и др. Эти книги и брошюры были выпущены легально. Среди них имелись издания политических партий, носившие потому вполне определенную идейно-политическую окраску, а также издания прогрессивного, общедемократического характера. Например, к социал-демократическим изданиям относились брошюры «Покушения и социал-демократия» А. Бебеля и «Государственное устройство во Франции». Эта последняя вышла в тесно связанном с рабочим движением издательстве Е.М. Алексеевой. Кстати, найденную около волостного правления книжку «Красная сотня» напечатало социал-демократическое (большевистское) издательство «Вперед» в целях агитации и пропаганды среди солдат царской армии. А найденные там же 2 прокламации под названием «Манифест депутатов Думы» (№ 20) являлись изданием подпольной типографии Курганской группы РСДРП и были отпечатаны по случаю роспуска 1-й Государственной думы.

Кроме того, в акте обыска отдельно перечислены 7 брошюр издательства «Донская речь» (в статье В.В. Кучера они значатся как листки). Большинство их касалось избирательного права и основ парламентаризма: «Что такое всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право», «Избирательное право женщин», «Палата представителей», «Право петиций». Разъяснению земского самоуправления посвящался листок «Что такое земство и что оно дает» (7, 150-151; 6, 11, 14).

Взявшие вскоре в свои руки расследование жандармы установили, что староста А.М. Макаров пользовался неподдельным уважением у односельчан. Так, допрошенный понятой на обыске Кузьма Иванов заявил, что «Макаров у них в селе, можно сказать, первый крестьянин; он, Иванов, всегда бывал на сходах и никогда не слышал, чтобы Макаров говорил крестьянам что-либо плохое, он лишь читал им на сходах газеты, которые выписывал сам». О чтении на тех же сходах нелегальных прокламаций либо легальных брошюр он ничего не сказал. Вероятно, сам Макаров их публично не читал, а только давал для прочтения на дому. Примечательно, что урядник Шипунов уже после обыска, ссылаясь на слухи, считал Макарова политически неблагонадежным, но вместе с тем сам ничего уличающего его поведать не смог. В задачу выяснилось, что у волостного старшины и урядника имелись личные причины для недовольства старостой. Тот, защищая интересы сельского общества, не выполнил приказа старшины о спуске воды из пруда, чтобы облегчить строительство моста, тогда как общество пользовалось водой и было против спуска. А с урядника Макаров в пользу общества потребовал внести плату за пользование выгоном (за выпас лошади). Опять же «во враждебных отношениях» со священником Дьяконовым находились волостной писарь и урядник.

Информируя обо всем этом начальника Тобольского ГЖУ, его помощник в Кургане ротмистр Желябужский дал благожелательную характеристику Макарову. «Староста Макаров – умный крестьянин, пользуется любовью своих крестьян, в нравственном отношении ведет себя хорошо и ни в чем предосудительном в политическом отношении до сего времени замечен не был». Вероятно, ротмистр отчетливо осознавал, что осуждение старосты принесет больше вреда, нежели пользы. Оно только усилило бы сочувствие к нему крестьян и, наоборот, увеличило бы число недовольных властью и как бы ни качнуло в сторону активных ее противников. Эти или сходные соображения сыграли роль, но власти не стали раздувать дела против Макарова. Начальник Тобольского ГЖУ по соглашению с прокурором Тобольского окружного суда решили переписку о сычевском старосте «прекратить за недостаточностью улики к возбуждению фор-

мального дознания» и сослались при этом в качестве основания на циркуляр Департамента полиции от 17 июня 1903 г. и 1035¹⁰ ст. Устава Уголовного Судопроизводства, а именно «по отсутствию указаний на хранение с целью распространения» найденной у старосты литературы (7, 181 об.-182 об., 187-190).

Курганские рабочие, многие из которых были выходцами из крестьян и не теряли связи с деревней, активно содействовали распространению наряду с нелегальной и легально изданной литературы. Так, жителям Введенской волости Курганского уезда читал и раздавал книжки бывший машинист Сибирской железной дороги А.В. Кузнецов. Полученные им по почте из Екатеринбурга книжки были выпущены издательствами Е.М. Алексеевой, «Труд и воля», «Донская речь». Именно в типографии «Донской речи» увидела свет брошюра «Хватит ли на всех земли?» В ней звучал призыв не полагаться на бога или царя, «а столковавшись всем миром, по общему уговору бороться за землю и волю», причем «земля должна принадлежать только трудящемуся земледельческому населению». Вот почему этой брошюре в обвинительном акте по делу Кузнецова было уделено особое внимание (6, 14-15).

Ни жандармско-полицейские органы, ни местная администрация не в состоянии были выявить и уследить за всеми случаями продаж и распространения общественно-политической литературы, которая в годы первой революции бурным потоком разливалась по всей империи, через множество каналов достигала до ее отдаленных окраин. Курган и Курганский уезд не стали исключением. Приведенные в статье сведения, источником которых послужила переписка местной полиции, жандармерии, администрации, убедительно свидетельствуют о проникновении и хождении среди населения города и уезда «массовой демократической книжки», затрагивавшей острые социально-политические вопросы. Она способствовала общему и политическому развитию рабочих, крестьян, интеллигенции. И хотя поражение революции укротило этот бурный поток, но все равно покончить с его действием в умах миллионов реакция была не в силах. Посеянные зерна политического воспитания и гражданственности дали свои хорошие всходы.

Список литературы

1. Федоров В.А. *История России. 1861-1917. М., 1998.*
2. Ленин В.И. *Еще один поход на демократию // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 22.*
3. *Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 20.*
4. *Революция 1905-1907 гг. и изобразительное искусство. М., 1978. Вып. 2. Москва и российская провинция.*
5. *Государственный архив Курганской области. Ф. 254. Оп. 1. Д. 2.*
6. Кучер В.В. *Распространение массовой социально-политической литературы в западносибирской деревне в годы первой русской революции // Книга в Сибири XVII-XX вв.: Сб. науч. тр. Новосибирск, 1980. Вып. 47.*
7. *Государственный архив в г. Тобольске. Ф. 159. Оп. 1. Д. 232.*

С.Г. Фёдоров

Курганский государственный университет

К ВОПРОСУ О ПОЛЬЗОВАНИИ ЛЕСНЫМИ УГОДЬЯМИ В ЮЖНОЗАУРАЛЬСКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ОБЩИНЕ

В отечественной историографии дореволюционного периода существовало мнение о том, что обычное право представляло собой выражение в отдельных поступках людей тех представлений о правде и справедливости, которые живут в данном народе на определенной ступени его развития (1).

Большинство российских историков и юристов отмечали специфичность крестьянских взглядов на пользование и владение лесными угодьями. Например, А.Я. Ефименко утверждала: «крестьяне не признавали права частного обладания на объекты, к которым так или иначе не приложен труд обладателя, и которые, поэтому считаются ничьими, «божьими» (например, лес, невозделанные луга и пастбища, водоемы); только объекты труда, добытые на божьих землях, считаются неприкосновенной собственностью (стога скошенного сена, нарубленный лес)... кто рубит лес, никем не посеянный, тот пользуется даром Божиим, таким же даром, как вода, воздух... Что удивительно, что крестьянство видит в лесных законах лишь стеснительный произвол и рубит себе, сколько может со спокойной совестью, так как его действия не противоречат его пониманиям справедливости» (2, 139-146).

Подобная точка зрения, что крестьянское пользование-владение лесными угодьями базировалось на общеправовом мировоззрении существовала и в советской историографии. Более того, некоторые историки в незаконных порубках лесных угодьев усматривали проявление классовой борьбы, «противоборство на протяжении веков обычая и феодального насилия, оформляемого законом», а в стойкости сохранения общеправовых норм видели «отражение борьбы крестьянина за свои социальные и хозяйственные права» (3, 55). Однако, по нашему мнению, данная точка зрения имеет в определенной степени упрощенный подход к изучаемой проблеме и переносит общеправовые крестьянские воззрения центральных российских губерний на другие регионы империи.

Прежде всего, следует отметить, что противоречивость российского законодательства в лесоохранительной политике вела к укоренению в народе общеправовых воззрений в этом вопросе. До начала XVIII века вопросы лесопользования даже не являлись объектом государственного интереса. Лишь с реформами Петра I, когда возникла необходимость в корабельном лесе, начинается законодательное государственное регулирование пользования и владения лесными угодьями, и общеправовые воззрения крестьянства вступают в противоречие с официальным правом. В последующие столетия на развитие лесного хозяйства все большее влияние стали оказывать отношения собственности. Крестьянская реформа 1861 г. и Правила о «владенных записях» от 31 марта 1867 г. превращают крестьян из пользователей в собственников лесных угодий. В результате этих законодательных актов произошла передача надельных лесов в распоряжение крестьян, снятие с них надзора государственного лесного управления и прекращение всякого участия казны в удовлетворении лесными материалами бывших государственных крестьян (4, 158). При

этом следует учитывать, что обширность российских пространств, богатство лесных массивов, неравномерное распределение этих богатств даже в отдельных районах страны накладывали региональный отпечаток на права собственности и пользования лесными угодьями.

Яркую картину региональной специфики такого лесопользования в Южном Зауралье второй половины XIX в. дает известный исследователь А.А. Кауфман. Он отмечает: «В Южных округах Тобольской губернии наблюдается другое весьма любопытное явление, смысл которого заключается в стремлении к сохранению лесов... Здесь возникают так называемые «сады» или «рощи», оберегаемые отдельными домохозяевами и за это представляемые общиной в их исключительное пользование... Такой «сад» или «рощу» он обязан очищать от бурелома, обязан весной во время опалки покосов, оберегать от огня, то же делать при степных и лесных пожарах. И за это он остается, пока продолжает заботиться о лесе, исключительным его владельцем... Владение «садами» местами остается неприкосновенным даже тогда, когда по отношению ко всей массе общественных лесов уже установилось душевное пользование... В Курганском округе беспорядочное вольное пользование лесом сохранилось лишь в немногих общинах».

По Курганскому и Ишимскому округам община, переделывая леса по душам, преследовала в значительной мере лесоохранительные цели. Крестьяне решились разделить лес на подворно-душевые участки, чтобы каждый лесной участок находился под наблюдением отдельного домохозяина, лично заинтересованного в его сохранении как от порубок посторонними лицами, так и от собственного беспорядочного хозяйствования. Таким образом, крестьянское самосознание в последние 30-60 лет колеблется между двумя почти противоположными идеями: с одной стороны, всякое долговременное владение одним и тем же участком леса противоречит пониманию крестьян о лесах как общих; с другой стороны, они понимали, что отсутствие всяких ограничений в пользовании лесами неизбежно приводит к его истреблению (5, 187-192, 196-197).

Таким образом, нам кажется весьма спорным утверждение многих историков и юристов, что примером обычного права в крестьянской среде являются взгляды крестьян на лес как на «дар божий», «ничейный». Это опровергают многочисленные дела в волостных судах Южного Зауралья, касающиеся споров о лесных пайках, незаконных вырубках и т.д. Примечательно, что незаконные лесные вырубки из казенного леса согласно Уставу лесному т. VIII. Ч. I. Свода Законов Российской империи относились к уголовным преступлениям. Приведем лишь несколько примеров из решений волостных судов.

«13 июля 1887 года крестьянин деревни Полусальской Алексей Николаев Пазников жалуется на крестьянина с. Глядянского Степана Павлова Ламеева, что он в прошлом году вырубил из принадлежащего ему лесного пайка лесу соснового на 25 руб., из которых у него есть в настоящее время в целости 30 лесин, в чем он сам ему сознался. Поэтому просит отобрать у него принадлежащие ему 30 лесин и взыскать за остальной лес 10 руб., а за проступок наложить наказание. Степан Ламеев в порубке леса сознался и обязался отдать Пазникову 30 лесин и 10 рублей деньгами. Волостной суд приговорил: обязать Степана Ламеева отдать Алексею Пазникову 30 лесин и 10 рублей деньгами, и подвергнуть Степана Ламеева аресту на одни сутки в волостной камере при волостном правлении» (6).

«15 сентября 1887 года крестьянин деревни Островской Степан Яковлевич Островских жалуется на одно-

селенца своего Фотей Островских, что он вырубал из его леса 48 таловых всех полулесин, стоящих 5 руб., которые и просит с него взыскать. Обвиняемый показал, что лес он вырубал по ошибке и согласен отдать такие же из своего леса. Волостной суд приговорил: так как ошибка доказана Фотей Островских обязан вернуть Степану Островских 48 таловых лесин из своего лесного пайка» (7).

«2 мая 1892 года крестьянин деревни Островки Петр Емельянов Ногаев жалуется на однодеревца Василия Фотиева Семенова. Ногаев уплачивал повинности за 3 души чужих крестьянских сыновей (Семенова) и за это получал от него лесные пайки. Но в марте месяце сего года Семенов этот лесной надел продал другому однодеревцу, поэтому проситель просит вернуть лесной надел обратно. Семенов продажу лесного надела признал. Волостной суд приговорил: вернуть лесной надел обратно Петру Емельянову Ногаеву» (8).

«17 февраля 1902 г. крестьянин деревни Островки Семен Лукин Худяков жалуется на однодеревца своего Елисея Федорова Обрядова, который вырубил из его лесного пайка 96 березовых лесин, стоящих 3 руб. Просит взыскать 3 руб. Рубка была освидетельствована сельским старостой. Елисей Обрядов рубку леса из чужого пайка признал, но сказал, что Худяков должен был ему денег 1 руб. и Худяков за этот долг продал ему 1 сажень дров, вследствие этого и был вырублен лес в лесном пайке Худякова. Волостной суд постановил: т.к. Обрядов не доказал, что Худяков ему должен денег, то взыскать с Обрядова в пользу Худякова 1 рубль» (9).

Таким образом, судебные тяжбы по лесным угодьям в Курганском округе занимали одно из заметных мест в волостных судах. Более того, с конца XIX в. по начало XX в. число таких дел заметно увеличилось.

Ситуация приобретает еще более острый характер в связи с увеличением количества переселенцев в Южном Зауралье в начале XX в. Обычноправовые взгляды на лесные угодья южнозауральских старожилов вступали в противоречие с обычноправовыми взглядами («лес – дар божий») переселенцев из центральных российских губерний. Это вело, с одной стороны, к конфликтам между старожилами и переселенцами, с другой – к увеличению незаконных, хищнических порубок леса как в государственных, общинных, так и в наделных лесных участках, что в свою очередь вело к отрицательным экологическим последствиям, причем не только в Южном Зауралье, но и по всей Западной Сибири. Приведем лишь один пример. Известный сибирский публицист, областник, путешествуя по Барабинским степям Западной Сибири, еще в 1870-е годы написал ряд статей, в которых нашли отражение «экологические и социальные последствия первых волн миграционного крестьянского движения по этой территории» (10,62). «Вырубка леса и чудовищные палы уничтожили березовые рощи и строевые леса, озера исчезли или превратились в горько-соленые, вследствие засух неурожаи стали повторяющимися, к этому присоединились падежи скота от сибирской язвы» (11,16-17).

Таким образом, в обычноправовых воззрениях российских крестьян на пользование и владение угодьями, в том числе и лесными, существует значительная региональная специфика. И, на наш взгляд, неправомерно переносить такие воззрения крестьян Центральной России на другие ее регионы, что наблюдается в отечественной исторической литературе. Кроме того, такие различия в обычном праве носили не только теоретический характер, но и приобретали практический смысл. В связи с миграционными процессами в Южном Зауралье очень часто возникали конфликты между коренным и пришлым населением по вопросу пользования и владения лесными угодьями.

Список литературы

1. Сергеевич В.И. Крестьянское право и общинное землевладение в Архангельской губернии в половине XVIII в. // Журнал Министерства Юстиции. 1907. №2; Владимирский – Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. СПб., Киев, 1900; Снегирев И.М. Обозрение юридического быта в продолжение древних и средних периодов русской народной жизни // Юридические записки, изданные П.Т. Редкиным. М., 1842. Т. 2; Веригин И. Начала русского народного права и судопроизводства // Русская речь. 1879. №3; Оршанский И.Г. Народный суд и народное право // Исследования по русскому праву обычному и брачному. СПб., 1879.
2. Ефименко А.Я. Исследования народной жизни. Вып. 1. Обычное право. М., 1884. С.1, С. 139-146.
3. В.А. Александров. Обычное право в России в Отечественной науке XIX – начала XX в. // Вопросы истории. 1987. № 11. С.55.
4. Пономарев Н. В. Современное состояние государственного, общественного и частного лесного хозяйства в России. СПб., 1901. С. 158.
5. Кауфман А.А. Крестьянская община в Сибири. По местным исследованиям 1886-1892 гг. СПб., 1897. С. 187-192, 196-197.
6. ГАКО. Ф. 129. Оп.1. Д.4. Л. 15.
7. ГАКО. Ф. 129. Оп.1. Д.4. Л. 21.
8. ГАКО, Ф. 129. оп.1. д. 43. Л.40-42.
9. ГАКО, ф. 129. оп.1. д. 51. Л.8-9.
10. Мамсик Т.С. Крестьянское движение в Сибири второй четверти XIX века. Новосибирск, 1987. С.62.
11. Ядринцев Н.М. Поездка по Западной Сибири и в Горный Алтайский округ // Записки ЗСОИГРО. Омск, 1880. Кн. 2. С.16-17.

В.А. Федоров
г. Курган

РУССКАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ ОБЩИНА (ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

На протяжении всего развития человечества складывались и совершенствовались те или иные социальные способы жизни. Одним из них явилась крестьянская община как форма социально-территориальной, самоуправляющейся организации непосредственных производителей в сельском хозяйстве, одна из низовых производственных ячеек социальной структуры общества. Она выполняла как производственные, так и социально-бытовые функции. Крестьяне вступали в общинные отношения постольку, поскольку они повышали их шансы на выживание и развитие в сложных природных и социальных условиях. Община была основным средоточием крестьянской жизни, цельным живым организмом с большим количеством общих интересов. Она как сообщество была значительным «стеснением» для ее членов, которые нередко жили в ней в относительно жестких условиях, но не были брошенными на произвол судьбы, выживали и жили все вместе.

Конкретные формы жизнеустройства общины были многообразны; они определялись всей конкретной ее совокупностью условий ее жизнедеятельности. Соответственно общине в разной степени были свойственны следующие основные черты: жизнь территориально вместе, в общем поселении; тесная связь производства и быта людей; коллективизм, стремление быть «со всеми» и «как все»; дуализм коллективного и частного начал, оптимальное сочетание коллективных и личных интересов – «каждый сам по себе, но сообща»; приоритет интересов коллектива над личными, коллективной идентичности над личностной; развитое чувство солидарности и

сотрудничества с коллективом в целом и с каждым из его членов в отдельности – «один за всех и все за одного»; широкое распространение безвозмездных форм взаимопомощи, альтруизм; самоуправление, наличие определенной автономии в решении вопросов общинной жизни; круговая порука, коллективная ответственность всех членов общины за исполнение ими общественных обязанностей; неприятие сословно-классового и ослабление национального разделения; общественное равенство, понимаемое в связи с эгалитарно-коллективной свободой и социальной справедливостью; демократизм, решение тех или иных вопросов коллективом; открытость, откровенное обсуждение и решение проблем в жизни общины в целом, в отдельных хозяйствах, семьях; относительно жесткая взаимозависимость и тесная взаимосвязь членов общины; культура соучастия, сопричастности, заинтересованности членов общины друг в друге и коллективе, вмешательство в их дела; относительно жесткая регламентация труда и быта, сильный взаимный нормативный контроль; высокая значимость общественного мнения; «мирской аскетизм» – сознательное ограничение и самоограничение потребностей; совмещение в общине хозяйственных, нравственных и духовных начал с приоритетом нравственных, духовных ценностей над материальными; высокая значимость личностных, неформальных взаимоотношений, соседских связей; определенный консерватизм, сила традиций.

В условиях России сложилась и существовала длительное время со своими чертами русская крестьянская община (мир). Особыми условиями ее жизнедеятельности являлись: 1) суровый климат с длительной холодной зимой, большими колебаниями в состоянии географической среды и биосферы между различными годами, временами года и даже временем суток, то с недостатками, то с избытками влаги и тепла; 2) короткий период основных полевых работ; 3) большой период стойлового содержания скота; 4) малоплодородные почвы; 5) большие лесные массивы; 6) трудоемкое подсечное земледелие; 7) постоянная опасность пожаров в условиях деревянного строительства; 8) большие труднопреодолимые расстояния; 9) удаленность производства от центров других цивилизаций, морских портов; 10) слабое развитие промышленности; 11) почти постоянное экономическое, политическое и военное давление извне в неблагоприятных условиях равнины, открытой для нашествий со всех сторон; 12) многочисленные обременительные повинности работников для имперского государства, церкви, помещиков; 13) бесправие народа, его феодально-крепостническая зависимость. Жизнь в таких условиях оказывалась для русского крестьянина более энергоемкой (требовалось более калорийное питание, теплое жилье и длительное время отопления его), материалоемкой (необходимы были одежда, предметы труда, быта, средства передвижения на все времена года), информационоемкой (были актуальны многообразные знания на все времена года и в экстремальных ситуациях), трудоемкой (требовалось проведение работ в сжатые сроки, с большими затратами труда) и т.д. В конечном счете, это вело к относительно низкой продуктивности хозяйства, минимальному объему прибавочного продукта, постоянной угрозе различных бедствий природного и социального характера.

Все это вызывало необходимость таких форм жизнеустройства, которые бы гарантировали относительно нормальное функционирование индивидуального хозяйства, борьбу за существование. В результате творчеством крестьянских масс в течение многих веков была создана русская крестьянская община как особый способ жизнедеятельности в тех условиях. Она являлась территори-

альным, экономическим, социальным, культурным, духовным объединением крестьян, административной единицей, церковным приходом. Это была в определенном смысле автономная самодостаточная целостность. В ней сочетались индивидуальный и коллективный труд, личная и семейная собственность с коллективной, действовало при минимальных издержках и потребностях хозяйство семейного типа, эффективное в жизнеобеспечении, но не в производстве прибыли, излишеств. Община была спасительницей в неблагоприятных жизненных обстоятельствах (засуха, вражеский набег, пожар, болезнь, сиротство, одинокая старость и т.п.) от крайней бедности, голода, бездомности. В ней был в определенном смысле общинный коммунизм.

Русская крестьянская община выполняла следующие основные функции.

1. Распоряжалась выделенной ей землей. Земельные наделы распределялись среди общинников или по числу мужских душ или едоков в семье таким образом, чтобы каждому хозяйству доставалось поровну как хорошей, так и плохой земли. Крестьяне имели право пользования, а не владения наделами, они не могли их продавать, закладывать. Кроме пашни в надел нередко поступали также сенокосы, лесные и водные угодья, отгонные пастбища у лесных заимок. С той или иной периодичностью, с возникновением надобности происходило перераспределение земельных наделов. Община, как правило, неохотно, под давлением сверху выделяла земли новым общинникам и не общинникам (например, священнослужителям) под строительство каких-либо хозяйственных заведений (винокурных и других). Часть общинной земли могла сдаваться в аренду – своим общинникам и на сторону, а также арендоваться на стороне (для покоса, сбора жмея, ягод и т.п.). Кроме раздельного в общине было и совместное пользование земельными («вольными») угодьями. Все общинники имели на них равные права. Это были обычно выгоны, не поделенные сенокосы, леса, водные участки. Чтобы избежать обид и ссор при дележе тех или иных природных ресурсов, их добывали иногда сообща (косили сено, ловили рыбу и т.п.), а потом делили между собой по договоренности. Также иногда договаривались, сколько содержать в покотине (выгоне) скота бесплатно для каждого хозяйства, а за то, что сверх нормы, взимать плату. Бедные при этом свои излишки покотины могли сдавать в аренду богатым.

2. Контролировала эксплуатацию угодий, отведенных в общее пользование: 1) распоряжалась обустройством поселения – решала вопросы, связанные с положением его на местности, устройством улиц, размещением на них строений, осуществляла строительство церквей, общих складов, пожарных служб, колодцев и т.д.; 2) занималась благоустройством территории за пределами поселения – прокладыванием дорог, настилом гатей, устраиванием перевозов, строительством мостов, плотин, копанием прудов; 3) старалась сохранить и улучшить экологические условия своей жизни – очищались речки и пруды, высаживались деревья и кустарники по оврагам, крутым склонам, расчищались луга и пастбища от кочек, кустарника и т.п. Часто все эти работы проводились сообща.

3. Следила за тем, как используется земля в наделах. В частности за тем, чтобы не было пустующих земель, чтобы земля использовалась качественно, чтобы соблюдался календарь сельскохозяйственных работ (установленные сроки пахоты, сева, уборки урожая, сенокоса, рубки леса для строительства, заготовки дров, сбора орехов, ягод, съедобных и лекарственных трав). В определенных ситуациях община вмешивалась в производ-

ственный процесс на участках наделного пользования. Поэтому каждое хозяйство стремилось по возможности выполнить вовремя свои работы, не отстать от других. У не успевавшего с работами, например, с сенокосом, общинника луг могли выкосить другие общинники или вытравить его выпущенным на волю скотом.

4. Поддерживала благополучие хозяйств, семей. Обложение общинников податями и повинностями ставилось в зависимость от степени их возможностей. От налогообложения, например, освобождались вдовы, одинокие старики, калеки, жертвы различных бедствий; им оказывалась и другая помощь. Мир брал на себя заботу о сиротах, сохранение их собственности, содержание и воспитание их. Членам общины оказывалась помощь в их хозяйственных делах. Существенную роль здесь играли так называемые «помочи», носившие характер взаимной услуги в различных крестьянских работах – распашке, заготовке сена, уборке и переработке урожая, вывозке навоза, заготовке леса, возведении или починке жилого дома, хозяйственных строений и т.д. Через общину лесным ведомством давалось разрешение выбирать в казенных лесах валежник, бурелом, горельник, расчищать участки леса под покосы и пашни, рубить лес для строительства и на дрова. Общиной распределялись оплачиваемые работы между ее членами, давались разрешения на занятия промыслами, выезд за пределы общины по тем или иным делам – личным или общинным. Проявлялась забота об охране здоровья общинников и их скота, для чего осуществлялись противоэпидемиологические работы, делались прививки. При недостатке или отсутствии врачей и ветеринаров поощрялась деятельность повитух, знахарей и знахарок. Оказывалась помощь во внедрении новых сельскохозяйственных культур, улучшении пород скота. Община помогала в разрешении внутрисемейных проблем, споров. Она, например, могла отменять действия главы семьи, ущемляющие права ее членов. Хотя в семейную жизнь без особых на то причин община старалась не вмешиваться.

5. Была занята пополнением общей казны. Для этого она старалась своевременно взysкивать оброчные деньги, различного рода сборы, в том числе натуральные (в первую очередь – хлебные), сдавала в аренду земельные угодья, мельницы, поташные и другое производство, брала подряды на перевозку грузов, ямской гоньбы, ремонта дорог, пошив одежды и обуви для армии, продавала отпускные билеты для выезда за пределы общины и т.п.

6. Отстаивала свои и своих членов интересы перед вышестоящими органами власти по тем или иным земельным вопросам (например, о выделении дополнительной земли для общины или, наоборот, отказе в выделении общинной земли для каких-либо целей), в высвобождении времени, удобного для сельскохозяйственных работ, от дел, повинностей, назначаемых свыше, по вопросам, связанным с отдачей молодых людей в армию и т.д.

7. Выполняла функцию общего управления – самоуправления. Устройство общинного самоуправления подчинялось требованиям Общего положения о крестьянах. По нему общине предоставлялось право решать определенные хозяйственные, административные и фискальные вопросы. Главным руководящим органом общины являлся общинный сход (сходка, совет), т.е. общее собрание крестьян-домохозяев мужского пола, достигших совершеннолетия и находящихся в здравом рассудке. Права голоса были лишены безземельные крестьяне, батраки, а также лица, состоящие под судом и следствием, отданные под надзор полиции или общества, временно устранившиеся самим обществом от участия в сходах. На общем сходе решались наиболее важные вопросы жиз-

ни общины, подлежащие по закону их ведению. Сход формировал общинные органы власти, принимал отчеты лиц, выполнявших общественные поручения, решал различные текущие общинные дела. Поскольку общины были деревенскими, сельскими и волостными, то, соответственно, и функционировали сходы деревенские, сельские и волостные. Службы выполнялись в порядке очередности и по ступеням – от низших к высшим. На низших должностях при этом допускалось замещение по найму.

8. Занималась социализацией членов общины. Всеми своими действиями община старалась поддерживать ценности, которые способствовали ее жизнедеятельности, выполнению ею своих функций и боролась с тенденциями, которые мешали этому; она задавала иерархию авторитетов и культурных норм, формировала необходимое общественное мнение, организовывала труд, быт и досуг, поддерживала необходимый порядок, учила крестьян выживать и жить в сложных и трудных условиях. Все члены общины принимали в этом посильное участие. Крестьян, соблюдавших общинные нормы, поощряли материально (денежными и натуральными премиями) и морально (публичными благодарностями и похвальными листами); следование требованиям общинной жизни закрепляло авторитет человека. Община также налагала санкции за нарушение норм крестьянского общежития. В арсенале её воздействия были телесные наказания (розги), денежные и натуральные штрафы, угощения за счет виновного, отработки, ходатайство о высылке и т.п. Нарушение общинных норм вело к утрате человеком уважения со стороны общинников, бесчестию, ставило его вне сообщества, лишало столь необходимого ему в тех суровых условиях ощущения надежности своего бытия. Одним из наиболее бесчестных поступков была измена общине, миру. Назвать человека миропродавцем значило проявить к нему крайнюю степень неуважения. Английский писатель Д. Уоллес многократно посещавший Россию и изучавший ее деревню XIX века писал в связи с этим в своей книге «Россия»: «Я знаю много случаев, когда крестьяне оказывали неповиновение полиции, губернатору и даже центральному правительству, но я никогда не слышал о случаях неповиновения миру кого-либо из его членов» (1, 261).

Русская крестьянская община содержала в себе значительное позитивное начало. Она была опорой крестьян во всей их жизни. Община помогала им выносить государственный деспотизм и социальный гнет, преодолевать материальные и бытовые трудности, избегать угрозы разорения и голодной смерти. Через нее крестьяне выражали и защищали свои личные и общие интересы. Люди в общине осознавали себя принадлежащими ей, а она, в свою очередь, по их мнению, принадлежала им. Они чувствовали свое единство друг с другом, ощущали себя членами своеобразной большой семьи. Человек здесь приобретал общественный вес и престиж не только благодаря своим личным достоинствам, но и общинной поддержке. Участие в общинных делах воспринималось человеком как его востребованность, показатель его значимости и необходимости окружающим. Через общинность человек проявлял себя как личность. Община формировала и поддерживала в своих членах коллективистские качества. В ней содержались серьезные демократические традиции, проявляющиеся в той или иной мере во всей ее жизнедеятельности. Даже простой крестьянский обычай называть друг друга по имени и отчеству, а не по званию (господин) и не по должности (начальник) есть проявление внутреннего (подлинного) демократизма. Здесь же родились такие понятия и выражающие их слова, как «совет», «собрание», «голосование», «товарищ»... В целом человек в общине обладал

определенной уверенностью в себе, чувством надежности своего бытия, ощущением полноты жизни. Даже унизительное, тяжкое крепостное право не превратило русского крестьянина благодаря общине в раба. Осознание себя частью общины крестьянин распространял на осознание себя частью сословия, народа, страны, проникался духом патриотизма.

В то же время крестьянская община имела ряд существенных недостатков. Никакой идиллии в ней не было, она была весьма чувствительным, жестким «стеснением» для своих членов. В той или степени, но последовательно осуществлялась регламентация практически всех сторон крестьянской жизни, навязывание устоявшихся норм и традиций, а всё же происходившая их смена была относительно медленной и, как правило, отставала от требований жизни личности и сообщества. Стандартизация жизни вела к стандартизации индивида, тормозила развитие его личностного начала. Это вело к его определенной беспечности, снижению порога индивидуальной ответственности, излишней доверчивости судьбе, власти. Периодические переделы земли вели к снижению у крестьян заинтересованности в повышении уровня агрокультуры, опаздыванию иногда с теми или иными сельскохозяйственными работами, ссорами из-за земельных угодий. Общинная служба, отнимавшая зачастую у крестьян время от занятий своим хозяйством, рассматривалась ими как нелегкая натуральная повинность, которую многие из них старались по возможности избежать. В общине не было достаточно полного единства. Имущественное, а с ним и социальное расслоение среди крестьян вело к делению их на группировки. Более зажиточные (имущие) крестьяне могли нанимать работников и с их помощью выполнять быстрее и больше по объему работы, чем менее зажиточные (неимущие), нередко ущемляя при этом последних, например, при обычае «закоса», захватывая большие сенокосные угодья. Зажиточные крестьяне могли также раньше управиться с одной работой и приступить к другой через помочи, которые они имели возможность созывать чаще и многочисленнее, чем менее зажиточные. При этом имущие нередко выражали недовольство тем, что им приходилось нести часть повинностей за неимущих, а неимущие, в свою очередь, были недовольны злоупотреблениями имущих, например, стремлением перекаладывать часть своих обязанностей, отработок на рядовых членов общины. И те, и другие старались провести своих людей в органы общинной власти, которую они стремились использовать в своих, личных и групповых интересах. Нередко при решении тех или иных вопросов возникали ссоры и драки внутри общины и между общинами; широко применялся подкуп общинников, чаще всего спиртным. Все это вносило определенную нестабильность в жизнь общины. Крестьяне через общину находились под постоянным надзором и гнетом государственной, помещичье-дворянской, церковной власти. Они были существенно ограничены в своей деятельности, в передвижениях за пределы общины: не могли самостоятельно уйти на промысел, в отход осуществлять выездную торговлю и т.п.

Русская крестьянская община прямо или косвенно оказала огромное влияние на многие стороны жизни русских, России. Общинность в разное время и в разной форме давала о себе знать практически повсюду – в деревне и в городе, во всех сферах жизни и на всех уровнях. Так, в городах существовали своеобразные посадские общины, во многом такие же по своему строению, как и сельские, с выборными властями – старостами, сотскими, мирским советом; на предприятиях, в организациях общинность проявляла себя в виде артели, кооператива, трудового коллектива; в отношениях между людьми

это, в частности, находило выражение в таких понятиях, как «сотрудник» (с кем вместе трудишься), «соратник» (с кем в одной рати воюешь) и т.п. Под влиянием общины личное начало у русских оказалось подчинено коллективному – семье, трудовому коллективу, обществу, государству; распространились представления о трудовом коллективе, обществе, государстве как о большой семье; идея коллективизма была поднята до идеи всемирного братства. Общинность способствовала распространению идеалов, несовместимых с буржуазными, отвергавших их. Благодаря общине русские создали относительно эффективное сельское хозяйство в очень суровом климате. Благодаря ей русские не только выжили в труднейших условиях, но и создали огромное и мощное государство, великую и оригинальную цивилизацию, высокую и самобытную культуру. Русская крестьянская община явилась творцом и хранителем жизненного уклада и образа жизни русского народа, его духовной жизни и нравственности, ценностных ориентаций и традиций, национального менталитета и национального характера. Русская община по сути создала и сохранила русский народ со всеми его сильными и слабыми сторонами.

Крестьянская община, как всякая открытая, живая система, с изменением условий своего существования, несмотря на тяготение к традиции, тоже изменялась. К началу XX века значительное влияние на нее оказывали складывавшиеся в России и проникавшие в деревню капиталистические отношения. Стали переводить свое хозяйство на рыночные рельсы помещики, от которых крестьяне находились в экономической, земельной зависимости. Активно включилось в капиталистическую торговлю государство. Помещики и государство изымали у крестьян хлеб в виде оброка, казенных выплат и просто скупки по невыгодной цене для продажи на внутреннем рынке и, главное, за границу, в том числе в неурожайные годы. Значительные изменения происходили и внутри общины. В ней усилилась социальная мобильность. Росло частное, кулацкое хозяйствование. Кулаков крестьяне еще называли «мироедами», т.е. «пожирающими мир, общину», паразитирующих на ней, разлагающих ее. С кулаками крестьяне не без оснований связывали разорение, рост пьянства, воровства и вообще «всякое непотребство». Крестьянское тягло значительно возросло. Деревня оказалась главным источником ресурсов для капиталистической индустриализации, капитализма в целом, его «внутренней колонией». Здесь изымался весь прибавочный и значительная часть необходимого продукта. Крестьянин, по существу, не только кормился сам, но и кормил кулака, помещика, содержал имперское государство, оплачивал капитализацию страны. С увеличением посевов хлеба на экспорт, уменьшалось количество скота, что вело к снижению плодородия почв и урожаям. В результате в деревне возник почти постоянный массовый голод, которого раньше крестьяне практически не знали. Даже в урожайные годы положение было тяжелым. Происходило разорение деревни. Население ее все более становилось текучим, нестабильным. Крестьяне бежали на новые земли, в города; миллионы были заняты отхожим промыслом. Изменялся быт крестьян. Участились семейные разделы, все большую роль начинает играть малая семья, происходит эмансипация женщины, ослабевает влияние старшего поколения, более независимой становится молодежь. Происходит падение нравственности, уважения к старшим, родителям, церкви, религии. Растут пьянство, нарушение правил общинной жизни, насилие. Осложняются внутренние связи между общинниками. У них все более проявляются индивидуализм, прагматизм, расчетливость. Право обычая постепенно вытесняется официально-нормативным.

Община все с меньшим успехом играет роль хранителя справедливости и традиции. Разгорается классовая борьба. Но одновременно с ослаблением некоторых сторон общинной жизни происходит и ее укрепление. Во-первых, ее укрепляло государство, которому она помогала эксплуатировать и держать в повиновении крестьян. Во-вторых, ее стремились укрепить сами крестьяне, которым она помогала выжить в условиях капитализации деревни, усиления отчуждения в ней. В частности, одной из защитных реакций общины на усиление рыночных отношений было быстрое распространение в ней различного рода товариществ, артелей, кооперации и других форм коллективной экономической деятельности.

Несмотря на многие ее противоречия, слабости, общинная жизнь в целом отвечала потребностям крестьян и в начале XX века. Необходимость в ней сохранялась потому, что сохранялись все основные факторы, вызвавшие ее, и появился, как уже говорилось, еще один – капитализм. Последний вошел в жесткое противоречие с общинным строем и настроением русской деревни. Крестьяне воспринимали его как несправедливость, как неправду и сопротивлялись ему как могли. Они выступали за сохранение традиционных общинных ценностей, общинного самоуправления, за передачу всей сельскохозяйственной земли общинам, уравнительный передел помещичьей земли, против частной собственности на землю, ее купли и продажи, наемного труда на селе, раскрестьянивания. Это была программа «консервативной революции», «архаического аграрного коммунизма» – отрицания капитализма с позиций добуржуазного, патриархального, традиционного общества. Начинаются крестьянские выступления, которые становятся все более массовыми, охватывают множество губерний, приобретают организованный характер, в них проявляется невиданное прежде упорство в достижении поставленных целей. Разгорается настоящая крестьянская война, крестьянская революция. Государство отвечало на требования и выступления крестьян террором. Крестьяне, в свою очередь, жестко отвечали на репрессии против них – они сжигали поместья и убивали помещиков и их пособников. Двигателем крестьянской революции была крестьянская община. Это были выступления общины и за общину. Главным объяснительным мотивом крестьянами своих действий здесь было: куда мир, туда и я. В ходе народных выступлений (в деревне и городе) стихийно рождались Советы – система власти, своими корнями уходящая в общинную и соборную традиции русского народа, бравшая за образец прежде всего прямую демократию сельского схода и соборную форму соучастия народа во власти.

Чтобы открыть простор развитию капитализма в деревне и подавить революционные настроения в ней царское правительство решило разрушить общину и перераспределить между крестьянами их же землю, при сохранении помещичьего землевладения. Главным идеологом и руководителем этой реформы стал председатель правительства П.А. Столыпин. Последний попытался провести ее в ускоренном темпе и в демонстративно агрессивной форме. Реформа ничего не дала большинству крестьян. После раздела общинных земель крестьяне получали небольшие наделы. Желавшие их расширить или обособиться на новом месте попадали в кабалу к банкам. Освобождение из-под власти общины вело к другим ограничениям свободы деятельности человека. Поэтому, несмотря на правительственное давление и террор, крестьяне в большинстве своем не согласились на разрушение общины. Всего из общины вышло около 10% крестьянских семей; причем на все губернии с русским населением пришлось лишь 43% из их числа (2, 18).

С общиной не порывали даже и те крестьяне, которые выделялись на хутора, отруба, заимки, переселялись на новые места. В то же время, реформа, не решив, ставившаяся перед ней вопросы, разрушила многие привычные устои деревенской, общинной жизни. Она создала атмосферу смуты, неустойчивости, ненависти. Община теперь укрепилась не только как институт крестьянского жизнеустройства, но и как институт нарастающей революции, приближение которой видели многие.

После Февральской революции Советы крестьянами были восстановлены. Они также повторили свои прежние требования, но поскольку Временное правительство не торопилось их выполнять, они многие стали осуществлять явочным порядком. В это же время большевики выдвинули свой проект модернизации России с опорой на ее основные культурные ценности, в том числе и на ценности русской крестьянской общины. Они предложили некапиталистический путь развития в форме социализма как общества социального равенства, справедливости и защищенности каждого его члена; коллективистский труд без эксплуатации работников при общественном землевладении; власть в форме Советов, дающих возможность соединения выгод парламентаризма с прямой демократией; распространение самоуправления с общины на все общество; союз рабочих и крестьян. Проект большевиков более точно в сравнении с программами других политических партий отражал ментальность и потребность русского народа, в том числе крестьянства, и последние, несмотря на существовавшие у них с большевиками разногласия, пошли на союз с ними. В развязанной вскоре после Октябрьской революции сторонниками капитализма гражданской войне крестьянство в основном также поддержало большевиков. Крестьяне не принимали в белых почти всё - от золотопогонных мундиров (отсюда их прозвище «золотопогонники»), до их реальных дел. Белые на занятых ими территориях восстанавливали частную собственность на землю, помещичье и церковное землевладение; устанавливали жесточайшую военную диктатуру; развязали террор не только против сторонников красных, но и против сторонников общинной жизни; вели себя вместе с приглашенными ими интервентами как в завоеванной оккупированной стране. Соответственно крестьяне воевали с белыми как с враждебным народом. В итоге сторонники капиталистического пути развития, потерпели поражение.

После гражданской войны обострившийся конфликт интересов большевиков и значительной массы крестьян вылился в столкновения между ними. Но в этой борьбе родился компромисс, который снова примирил их. Он представлял собою некий синтез модернистского проекта большевиков и общинного проекта крестьянства. Вскоре русская крестьянская поземельная община была преобразована в СССР в сельскую трудовую общину в форме кооперативных (колхозов) и государственных (совхозов) хозяйств. Сама идея образования коллективных хозяйств постепенно овладевала крестьянами уже после Февральской революции, а после Октябрьской революции началось ее воплощение в жизнь, снизу, самими крестьянами. Но все же образование крупных сельскохозяйственных предприятий шло медленно и не удовлетворяло объективные потребности страны. Поземельная община в новых условиях индустриальной цивилизации и строительства социализма не годилась. Она порождала кулачество, не могла развиваться в крупные хозяйства с применением современных машин и технологий, сдерживала начавшуюся в стране индустриализацию. Коллективизация стала насущной исторической необходимостью. К тому же внутренние и внешние условия (прежде всего, ускоренная индустриализация в условиях надви-

гавшейся войны) диктовали необходимость проведения ее ускоренными темпами. Крестьянство в большинстве своем к этому готово не было. Пришлось проводить коллективизацию сверху, под давлением, жестко, со значительными издержками. И все же крестьянство в целом приняло колхозную систему, коллективизация сверху была поддержана снизу. Крестьяне пошли в колхозы, поскольку увидели в них новую форму их традиционного общинного образа жизни, крестьянин-общинник взял верх над крестьянином-собственником. С помощью колхозной деревни была осуществлена ускоренная индустриализация страны, а с помощью индустриализации – модернизация деревни. Вместе это помогло победить в Великой Отечественной войне и способствовало дальнейшему развитию страны.

Со времени проведения коллективизации колхозы и совхозы стали центрами жизнеустройства в деревне. Они опирались на колхозно-кооперативную и государственную форму собственности и представляли из себя производственные и социальные организации с тесными экономическими, социальными и территориальными связями, оснащенными современной техникой и передовыми технологиями. Во многом они были своеобразным продолжением русской общины в новых условиях: в них в основе своей сохранялись традиционный уклад жизни русского крестьянина, двойственность последнего как труженика и собственника, производственное и социальное самоуправление, общинный характер связей между сельчанами, гуманистические нормы и ценности общинной морали и т.п. Много позитивное, что было в крестьянской общине, получило свое дальнейшее развитие. Постоянно и последовательно улучшалась и облегчалась жизнь крестьян. Дж. Гэлбрейт, американский экономист, лауреат Нобелевской премии, в связи с этим отмечал: «Я изучал советские колхозы и совхозы... жизнь там намного легче и проще, нежели жизнь... семейного фермера» (3). Уровень жизни, социальной обеспеченности села все больше приближался к городскому. В 1990 г. средний совокупный месячный доход на душу населения в семьях колхозников составлял в РСФСР 88% совокупного дохода рабочих и служащих (4, 411). У крестьян имелись большие возможности для самореализации в сфере труда, быта, досуга. Колхозы и совхозы оказались эффективной формой организации всей крестьянской жизни в новых условиях. Благодаря этому советское сельское хозяйство показало свое преимущество перед сельским хозяйством развитых капиталистических стран. Так, период до 1989 года характеризовался в СССР ростом сельскохозяйственного производства, в 2 раза превышающим темпы роста сельскохозяйственного производства за границей (5). И это несмотря на то, что советское сельское хозяйство в силу различного рода обстоятельств получало от государства несравненно меньшую экономическую поддержку, нежели в развитых капиталистических странах. Именно крестьянин в первую очередь оплачивал защиту, восстановление и превращение страны в мировую державу. Важно отметить и то, что при этом в СССР удалось провести общую модернизацию, сохранив крестьянство как особую социально-культурную группу (в его новом виде), тогда как в капиталистических странах, вставших на путь модернизации, оно оказалось обреченным и уже фактически исчезло.

Традиционное общинное бытие русского крестьянина и в целом русского человека в советский период трансформировалось в бытие трудовых коллективов в деревне и в городе, в разных сферах и на разных уровнях. Трудовой коллектив являлся объединением людей, осуществлявших совместную трудовую деятельность в целях удовлетворения собственных и общественных потребно-

стей и интересов. Он во многом устранял негативные стороны прежней общинной жизни и открывал простор для развития ее позитивных моментов. Важнейшей сущностью его являлось создание условий для развития способностей человека и их реализации в практической деятельности. В целом трудовой коллектив выполнял следующие, тесно связанные между собой функции: производственно-экономическая, социально-бытовая, духовно-нравственная, контрольно-регулирующая, социально-политическая. Он являлся важной социальной ячейкой советского общества, основным звеном общественного производства, частью самоуправления народа, посредником между обществом и личностью. По специальному закону о трудовых коллективах они были наделены широкими правами: участвовали в управлении предприятием, хозяйством, организацией (формировали органы самоуправления, способствовали их эффективной деятельности, выносили решения, обязательные для исполнения всех его членов, органов самоуправления и администрации и т.д.), в общественной деятельности (профсоюзной, органах народного контроля и т.д.), государственной деятельности (делегируют своих представителей в законодательные и судебные органы власти, заслушивали их отчеты, возбуждали при необходимости их отзыв). Через трудовой коллектив работники и их семьи удовлетворяли свои потребности в сфере труда, быта, общественной деятельности, досуга. Трудовые коллективы в разной степени имели для этого свои бытовки, медпункты, комбинаты бытового обслуживания, детские дошкольные учреждения (ясли, сады), профилактории, базы отдыха, санатории, пионерские лагеря, спортивные сооружения, клубы, Дома культуры, учебные заведения (учебные курсы, училища, техникумы), столовые, общежития, благоустроенные квартиры. Услуги этих учреждений предоставлялись ими бесплатно или за символическую плату.

У членов трудовых коллективов было заведено вместе трудиться, вместе отдыхать, помогать друг другу. Они чувствовали себя хозяевами предприятия; имели возможность свободно выражать свое мнение, принимать те или иные решения и добиваться их претворения в жизнь. Работников на предприятии защищали закон, трудовой коллектив, общественные организации, отсутствие безработицы. Действовала система материального и морального поощрения их от имени коллектива и общества, по которой они оценивались за активный труд, общественную деятельность, высокую нравственность. Люди в этих условиях чувствовали, понимали, что их деятельность была необходима коллективу, обществу, стране, и вели себя соответственно этим ожиданиям. Не случайно советские трудовые коллективы поразили мир самоотверженным трудом в годы форсированной индустриализации, Великой Отечественной войны, быстрого восстановления разрушенного войной народного хозяйства, последующего развития экономики страны, – всем тем, что мир назвал в свое время «русским чудом».

Все советское жизнеустройство было общинным по своей сути. Оно было во многом развитием русского общинного жизнеустройства. Принципы общинности в нем были подняты с уровня общины до уровня всего общества, государства. Общинность давала о себе знать во всех сферах жизни. Свообразными общинами были коммунальная квартира, подъезд дома, сам дом, его двор, квартал, улица, поселение. Советское общество было действительно обществом равных возможностей, в котором были основательно сломаны классовые и сословные перегородки. Сформировался советский народ, который был народом – общиной. Осуществлялось широкое участие его в управлении государством через Советы, профсоюзы, рабочее самоуправление и т.п. Русский

общинный образ жизни получил свое продолжение и развитие в советском образе жизни с его коллективизмом, товариществом, взаимопомощью, сознательным отношением к труду, гуманизмом, социальным оптимизмом и т.д. В советских людях наиболее полно проявились родовые черты русских общинных людей. У них было общинное мироощущение и мировоззрение; они были со-трудниками и со-ратниками, товарищами и друзьями; они чувствовали, видели себя необходимыми обществу, сопричастными к его делам и гордились этим. Общественные (общинные) отношения в СССР опирались на общественную собственность на средства производства, единое народное хозяйство, коллективистский труд людей, свободных от эксплуатации, социальное равенство, тесную связь производства и быта, общественные фонды потребления, общественные формы бытового и коммунального обслуживания. Советское жизнеустройство было с высоким уровнем безопасности, широкими социальными гарантиями. Каждый член общества имел гарантированное право на жизнь, был освобожден от угрозы безработицы, от нищеты в старости, от тревоги за будущее своих детей, необходимости постоянно биться за свое выживание. Нигде и никогда не было у простого человека такой социальной защищенности, как в СССР: неукоснительная оплата больничных листов, декретных отпусков, различных пособий, пенсий, стипендий, предоставление бесплатного образования, лечения, жилья, доступного коммунального, бытового, транспортного, культурного обслуживания и т.п. Система поддержки человека носила самый широкий характер – от семьи, соседей, друзей до трудового коллектива, общественных организаций, органов власти, всех близких и далеких людей и исходила из его насущных потребностей, а не из голой экономической целесообразности, выгоды, прибыли. В целом советское жизнеустройство было высокоэффективным: находясь в трудных условиях, мы относительно неплохо жили (и чем далее, тем лучше), никого при этом не эксплуатируя (как Запад), а даже помогая другим.

Сегодня в России вновь, как и сто лет назад, происходит жестокое насаждение капиталистических порядков. Соответственно меняется жизнеустройство страны и людей. Общественная собственность заменяется частной. Огромные средства изымаются у подавляющего большинства населения на утверждение капиталистических отношений, расточительное потребление меньшинства. Разрушена общинная социальная система; появились безработные, нищие, попрошайки, бомжи, беспризорные. Разрушены общинные (коллективистские, солидарные) связи между людьми, трудовые коллективы; люди стали друг другу партнерами и конкурентами, огромных масштабов достигла преступность. Народ рассыпался на отдельных индивидов, превратили в простое население, выключили из процесса решения судьбы общества, страны. Люди потеряли опору в жизни (экономической, социальной, духовной), оказались беззащитны перед чуждой, враждебной им действительностью, живут ожиданием подачек свыше. Страх окружает их со всех сторон – страх потерять здоровье, работу, собственность, самую жизнь, страх за сегодняшний и будущий день своих детей, внуков. В обществе насаждаются индивидуализм, эгоизм, сосредоточенность на личных проблемах («никто никому ничего не должен»). Естественно серьезно изменилась у людей иерархия ценностных ориентаций. По данным исследования института социологии РАН, опрошенные отмечают уже доминирование в окружающих их людях таких качеств, как черствость, жадность, готовность ради денег перешагнуть через нормы морали, хамство, цинизм (6). В деревне осуществлена насильственная деколлективизация, демонтирована колхозно-

совхозная система, идет насаждение частных хозяйств. С фактическим лишением деревни государственной поддержки это привело к ее деиндустриализации и демодеградации. В ней широко распространена безработица. Для многих ее жителей главным средством приложения труда, а значит и выживания стало приусадебное хозяйство с его ручным трудом и архаичными технологиями. Снова русский крестьянин оплачивает капитализацию страны. В целом для села сейчас характерна прогрессирующая деградация. Оно интенсивно вымирает. Идет процесс массового раскрестьянивания деревни.

Жизнеустойчивость любого общества, любой страны должно учитывать их главные ценности, формировавшиеся в течение длительного времени. Ведущей ценностью, своеобразным складывавшимся веками генетическим кодом России является общинность. Она показала себя выгодным способом общественной жизни в наших условиях в прошлом и приобрела еще большую актуальность в нынешних условиях, когда на повестку дня со всей остротой поставлен вопрос о самом существовании нашей страны, нашего народа. Поэтому общинность, учитываемая, разумеется, исторический опыт и новые реальности, должна быть возвращена в основание нашей жизни. Выжить в современном мире мы сможем только на основе содержащего в себе огромный созидательный потенциал солидарного общественного устройства, каким, кстати, был советский социализм.

Список литературы

1. Политология на российском фоне. М., 1993.
2. Кара-Мурза С.Г. Столыпин – отец русской революции. М., 2002.
3. Советская Россия. 1995. 12 октября.
4. Куда идет Россия? Белая книга реформ / Сост. С.Г. Кара-Мурза, С.А. Батчиков, С.Ю.Глазьев. М., 2008.
5. Советская Россия. 2006. 12 января.
6. Советская Россия. 2009. 29 декабря.
7. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
8. Паршев А.П. Почему Россия не Америка. М., 1999.
9. Емельянов Ю.В. Рождение и гибель цивилизации. М., 2000.
10. Павлуцких Г.Г. Система местного самоуправления в Южном Зауралье в 1782-1861 гг. // Земля Курганская: прошлое и настоящее: Краеведческий сборник. Курган, 1993. Вып. 6.
11. Никитин В.А. Деятельность сельских управлений на территории Южного Зауралья во 2-й половине XIX века // В.П. Бирюков - ученый, писатель, краевед. Краеведческий сборник. Курган, 1994. Вып. 7.
12. История Курганской области. Курган, 1995. Т.1.
13. История культуры Южного Зауралья. Курган, 2005. Т.1.
14. Кислицын В.А., Стороженко А.А. Проблемы административного управления крестьянским миром и сельский сход в Южном Зауралье // Емельяновские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Курган, 11-12 мая 2007г.). Курган, 2007.
15. Федоров С.Г. Великие реформы 60-х годов XIX века и южнозауральская община // IV Емельяновские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Курган, 24-25 апреля 2009 г.). Курган, 2009.
16. Вахитов Р. Незвестная революция. Крестьянская война начала XX века и ее значение для победы большевиков // Советская Россия. 2008. 13 ноября.

Г.С. Смирнов, С.С. Смирнов
Южно-Уральский государственный университет,
г. Челябинск

ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ПРИПИСНЫХ КРЕСТЬЯН НА УРАЛЕ

Появлению первых горных мануфактур на Урале предшествовал длительный процесс крестьянской колонизации и хозяйственного освоения края. В итоге к концу XVII в. на Среднем Урале, а к середине XVIII в. и на Южном – сложились необходимые социально-экономические условия для крупномасштабного горнозаводского строительства. Первые 4 крупных завода были пущены в 1701-1704 гг. Строились они казной с использованием принудительного труда местных государственных крестьян. С этого времени главной проблемой развивавшейся уральской металлургии стала хроническая нехватка рабочих рук. Решить ее в тех условиях можно было только за счет так называемого феодального найма (принудительных отработок с оплатой труда по фиксированным расценкам, близким к тем, которые применялись при оплате вольных работников). Исследование не подтвердило высказанного рядом авторов предположения о широком использовании на строительстве заводов вольнонаемного труда, как не подтвердило и полного отсутствия какой-либо системы в оплате принудительно выполнявшихся работ. В результате экономическое и социальное положение слободских крестьян в первые два десятилетия XVIII в. заметно ухудшилось.

Двадцатилетняя практика существования в крае крупных металлургических предприятий показала, что надежды на широкий приток вольных работников в условиях крепостного строя несбыточны. Поэтому со второго десятилетия XVIII в. к их обслуживанию все чаще стали привлекать жителей окрестных слобод, освобождая их при этом от всех остальных государственных и земских повинностей и засчитывая заработанное в подать. Так постепенно стала формироваться категория приписных крестьян при казенных горных заводах. Официально этот статус за ними закрепила первая ревизия. Однако для того, чтобы приписка приняла массовый характер, потребовалась вторая волна заводского строительства, начавшаяся с 20-х годов XVIII века.

В целом, на создание института приписных крестьян на Урале потребовалось четыре десятилетия. Если по переписным книгам 1721 г. при трех казенных мануфактурах было зарегистрировано всего 8308 душ приписных, то по третьей ревизии (1763 г.) их насчитывалось в крае уже около 120 тыс. Массовые приписки начались с 1722 г. и закончились в 1760 г. За это время было построено около 120 металлургических предприятий, 40 из них, наиболее крупные, пользовались трудом приписных крестьян.

Автор выделяет три основных этапа в этом процессе, охвативших начало 20-х, вторую половину 30-х и вторую половину 50-х годов. Все три были связаны с резкой активизацией горнозаводского строительства и сопутствующим увеличением потребности в рабочей силе. При этом третий этап сопровождался еще и массовой раздачей казенных заводов вместе с прикрепленными к ним крестьянами в частные руки.

На 20-50-е годы пришлось и создание специального законодательства, регулировавшего отношения приписной деревни с заводами, складывавшаяся социально-правовой статус приписного населения. Так, указом от 29 мая 1724 г. официально определялись условия получения с приписных селений казенных податей: «Подушных и оброчных не брать, а отрабатывать при заводах за ука-

занную плату». Этот указ окончательно обособлял их от слободских крестьян и устанавливал единые расценки на принудительные заводские работы.

С середины 1730-х годов, когда началось интенсивное строительство частных предприятий, были установлены и единые нормы приписки к ним. Согласно инструкции императрицы Анны Иоанновны В.Н. Татищеву от 23 марта 1734 г. разрешалось приписывать к каждой домне по 100 – 150 крестьянских дворов и до 30 дворов к каждому кричному молоту. В 1744 г. окончательно определилась норма приписки к медеплавильным заводам: 50 дворов на тысячу пудов выплавляемой чистой продукции.

Со второй половины 50-х годов началась раздача казенных горных заводов в частные руки. К 1760 г. в государственной собственности оставалось лишь два из них: Екатеринбургский и Каменский. Вместе с предприятиями к заводчикам перешли 70 тысяч ревизских душ приписных крестьян.

Принудительный характер работ, особенно в условиях частной собственности, требовал их детальной регламентации. Уже в начале 1720-х годов были законодательно установлены продолжительность рабочего дня и рабочей недели, определены нормы выработки на наиболее массовых операциях, введены единые повременные и сдельные расценки. Однако вплоть до 1763 г. закон разрешал заводчикам под предлогом нехватки сырья и топлива увеличивать размер повинности, к чему они охотно прибегали. Положение приписных крестьян на заводах, степень их эксплуатации не оставались неизменными. До начала 1760-х годов она неуклонно возрастала. Невозможность распространения приписки вширь компенсировалась ростом эксплуатации наличного трудового потенциала. Передача заводов в частные руки еще более осложнила ситуацию. Начались массовые волнения. После их подавления была прекращена практика дальнейших приписок, значительная часть заводов вновь возвращена в казну. Были внесены существенные изменения и в порядок отработки заводской повинности, наметилась заметная тенденция к ее уменьшению. Важнейшим нормативным актом в этом направлении стал манифест от 21 мая 1779 г., ограничивший круг обязательных заводских работ рубкой куренных дров, возкой заводских грузов и аварийными работами по ремонту плотин. Манифест вдвое по сравнению с плакатом 1724 г. увеличил расценки, что привело к сокращению объемов работ в полтора раза. С этого времени физические методы принуждения стали постепенно вытесняться экономическими: штрафами, наймом за счет недоимщиков вольных работников.

Принудительный труд был главной, но не единственной функцией приписной деревни. По мере формирования в стране мелкотоварного и капиталистического уклада крепки ее экономические связи с заводами. С самого начала своего существования мануфактуры, возникшие как следствие общественного разделения труда, стали крупнейшими в регионе потребителями сельскохозяйственной продукции, сформировали вокруг себя рынок, в который втягивалось натуральное крестьянское хозяйство.

Товарно-денежные отношения приписной деревни с горными заводами изначально базировались на имевшем в ней место мелкотоварном укладе. В отличие от феодально-крепостнических эти отношения не только не переживали кризиса, но год от года становились устойчивее и крепче, хотя в целом не выходили за рамки традиционной экономики. Если основным потребителем товарной сельскохозяйственной продукции на Урале являлась горнозаводская промышленность, то главным товаропроизводителем в этой области была приписная деревня. Рыночные связи являлись той частью сложно-

го комплекса взаимоотношений между промышленниками, крестьянами и государственной властью, в развитии которой были заинтересованы все три стороны.

Радиус экономического воздействия крупных горнозаводских предприятий был велик выходя иногда за пределы региона. Так, к началу 1791 г. в числе лиц, получивших задатки под различные работы и поставки для Богословского завода, были жители четырех наместничеств: Пермского, Тобольского, Вятского и Вологодского. В заводских ведомостях отмечены отходники из таких отдаленных округов, как Курганский, Тюменский, Тобольский, Томский.

При строительстве крупного металлургического предприятия там обязательно учреждались базар, торжок или ярмарка, на которых разрешался беспопытный торг необходимыми заводскому населению товарами. Наиболее крупными торговыми центрами являлись Екатеринбургский, Невьянский и Нижнетагильский заводы. Одновременно с ярмарочной в них распространилась и лавочная торговля. Наряду с заводскими селениями небольшие ярмарки, торжки и базары возникли почти во всех приписных слободах. Основным товаром на всех этих рынках был крестьянский хлеб. Ежегодно уральские горные заводы потребляли до 6 млн пудов ржи и фуражного овса. Большую часть этого хлеба заводские конторы закупали непосредственно у производителей через собственных комиссионеров, минуя посредников. Это позволяло снабжать горнозаводское население относительно дешевым продовольствием.

Если в хлебной торговле крупные подрядчики почти не играли никакой роли, то заготовка руд, флюсов, горного и трубного камня, строительство судов осуществлялись в основном подрядчиками. Особенно широкие масштабы частное предпринимательство достигло в рудном промысле, вследствие чего принудительный труд из рудодобычи был вытеснен раньше, чем из других заводских работ.

Таможенный устав 1755 г., защищая интересы купечества, запрещал крестьянскую торговлю в городах и пригородных селениях. Однако согласно Регулам для провиантского правления 1758 г. крестьянам предоставлялось право поставлять на горные заводы провиант, фураж и припасы как путем обычной торговли, так и подрядами. Пользуясь этим, канцелярия Главного заводов правления всячески поощряла предпринимательскую деятельность приписных крестьян, которые не только вытеснили купечество с заводских рынков, но и монополизировали в самом Екатеринбурге торговлю хлебом, мясом и другой сельскохозяйственной продукцией.

Документы заводских контор свидетельствуют, что на провиант, фураж и предметы первой необходимости для заводских работников расходовалась примерно третья часть сумм, выделявшихся на обеспечение деятельности горных заводов. Еще треть уходила на оплату различных поставок производственного назначения: руд, флюсов, угля - и на зарплату вольным работникам. И лишь около 30% расходовалось на оплату подневольного труда мастеровых, заводских и приписных крестьян. Следовательно, около 70% оборотных средств горных мануфактур в конце XVIII в. непосредственно попадали в систему региональных рыночных связей.

Недостатки приписного труда были замечены еще в ходе становления уральской металлургической промышленности. Низкая эффективность, почти полное отсутствие у работников экономических стимулов, пагубное воздействие на экономику приписной деревни, постоянное недовольство крестьян – все это вынуждало правительство искать ему альтернативу. Однако найти ее было непросто. Хотя вольный наем на казенных и частных за-

водах Урала использовался охотно и широко, в условиях господства феодально-крепостнических отношений он не мог полностью заменить подневольного труда. Поэтому все многочисленные проекты реформы в той или иной степени предусматривали принуждение.

Особенно активным поиск альтернативы приписным крестьянам стал после воцарения императора Павла. Металлургия переживала к этому времени глубокий кризис. Горнозаводское строительство практически прекратилось. Хотя ряд последовательных указов второй половины XVIII в., направленных на уменьшение степени эксплуатации приписной деревни, стабилизировал и даже улучшил экономическое положение приписных крестьян, их труд на заводах потерял вследствие этого свое единственное преимущество – дешевизну. С другой стороны, быстрый рост численности населения и процесс социального расслоения в деревне значительно расширили рынок рабочей силы, а хозяйственное освоение новых районов горнозаводской зоны теми же приписными крестьянами позволяло обеспечивать хлебом и фуражом значительно большее число постоянных заводских рабочих. Все это и сделало возможной ликвидацию института приписных крестьян. После нескольких лет дискуссий началась реформа приписной деревни.

В основу реформы был положен проект М.Ф. Соимонова, согласно которому приписку следовало заменить набором из тех же приписных крестьян определенного числа крепостных мастеровых (непрерывных работников). По мысли инициатора реформы, от этого выиграли все: и заводы, получавшие гарантированную рабочую силу, и казна, так как должны были сократиться недоимки, и сами крестьяне, которые освобождались от тяжелой барщины. С каждой тысячи ревизских душ предполагалось набрать по 58 годных работников.

Законодательные основы реформы изложены в трех документах, утвержденных царем 15 марта 1807 г. Порядок ее проведения содержится в докладе министра финансов Васильева. Произвести замену предполагалось в течение четырех лет. Всего с приписных крестьян Вятской и Пермской губерний (в других губерниях набор не производился) следовало набрать 16075 человек, из которых 59% должны были иметь по 3 лошади и выполнять конные работы. Осуществление реформы возлагалось на Пермское горное начальство. Все расходы, около 4 млн руб., полностью ложились на приписную деревню.

Вторым документом было «Положение для управления приписных крестьян», призванное регулировать их отношения с горными заводами в период проведения реформы. «Положение» усиливало административный и судебный контроль над крестьянами. Для этого в систему управления вводилась новая фигура – сельский исправник, на которого возлагалась обязанность координировать действия гражданских и горных властей. Главной задачей исправника было обеспечение бесперебойного выполнения заводской повинности.

Третий документ – «Положение для непрерывных работников при горных заводах» - содержал статьи, касавшиеся организации труда и управления непрерывными работниками. В нем подчеркивалось, что новый разряд заводских рабочих ничем не отличался от мастеровых. Однако проведенный нами анализ данного документа свидетельствует, что у непрерывных работников сохранялись важные элементы общинного устройства, в частности, круговая порука. Эта особенность оказала в дальнейшем существенное влияние как на формы организации их труда, так и на методы их борьбы против крепостнической эксплуатации.

Имело место и другое существенное отличие непрерывных работников от мастеровых. В значительной мере

они продолжали оставаться крестьянами: имели скот, сенокосы и пашни. Обеспечение рабочих лошадью фуражом, а частично и себя продовольствием они осуществляли за счет сельскохозяйственного труда. Конному работнику на это по «Положению» отводилось четыре месяца в году, но на практике всё было иначе. В год полагалось отработать на заводской барщине 240 дней. Из оставшихся четырех месяцев три составляли выходные и праздники, и только месяц можно считать «отпуском» для сельскохозяйственных работ. Таким образом, чтобы «выкроить» четырехмесячный «отпуск» для хлебопашества и заготовки сена, крестьянин должен был в течение восьми месяцев без выходных и праздников при двенадцатичасовом рабочем дне выполнять тяжелую работу по обслуживанию завода.

Пешим работникам полагалось обслуживать заводы 303 дня. Исключая выходные и праздники им на собственные хозяйственные нужды оставалось всего 15 рабочих дней. Эту жесточайшую нагрузку заводская администрация часто увеличивала уже по собственной инициативе. Привлекались к работам и нетрудоспособные члены семьи.

Катастрофичность положения новой категории горнозаводских рабочих вынудила екатеринбургский горный совет уже в 1818 г. внести предложение о сокращении заводской барщины до 180 рабочих дней. Однако осуществлена эта мера была значительно позже: в 1842-47 годах в ходе замены непрерывных работников урочными. К тому времени большинство из них практически уже ничем не отличались от мастеровых.

Экономическую роль непрерывных работников в масштабе всей уральской металлургии можно считать существенной. По данным за 1835 г., на казенных заводах они составляли почти четверть всей рабочей силы, причем на предприятиях Екатеринбургского горного округа - свыше 42%, Воткинского – 64,3%. На частных заводах, имевших ранее приписных крестьян, их удельный вес достигал 30,7%. Однако роль непрерывных работников в обеспечении заводов рабочей силой определялась не столько их удельным весом, сколько тем, что сосредоточены они были в тех районах, где найти альтернативный источник рабочих рук было крайне затруднительно.

В целом реформа 1807 г. носила ограниченно прогрессивный характер. Она не решила полностью проблемы рабочей силы в горнозаводской промышленности Урала, хотя и сгладила её остроту. В то же время социальная напряженность на заводах в ходе её подготовки и проведения только усилилась. С другой стороны, освобождение основной массы приписных крестьян от принудительных заводских работ оказало положительное воздействие на развитие рынка рабочей силы в регионе, благотворно сказавшись как на крестьянском хозяйстве, так и на состоянии горной мануфактуры. И, тем не менее, сама по себе реформа не могла ликвидировать кризисные явления в уральской металлургии. Требовалось её коренное техническое перевооружение. Только в этом случае полная замена принудительного труда вольным становилась практически осуществимой и экономически оправданной.

Таким образом, приписные крестьяне сыграли исключительно важную роль в становлении и развитии горнозаводской промышленности Урала. Приписная деревня формировалась не просто как одна из многочисленных групп подневольных работников, но и была самовоспроизводящимся организмом, способным давать мануфактурам все необходимое: рабочие руки, сырье, хлеб и фураж, не получая ничего взамен. Только такая структура могла в условиях почти полной изоляции Урала от центральных районов страны в короткий срок создать круп-

нейший в мире центр металлургического производства.

Понятие «институт приписных крестьян» включает в себе целую систему разнообразных отношений социального, экономического и юридического плана. Создание такого института было возможно лишь в условиях общего господства крепостничества и крайнего деспотизма абсолютистского государства. С другой стороны, то, что государство сохранило приписных как не экспроприированных сельских производителей, явилось результатом местных условий российской окраины.

Институт приписных крестьян возник на окраинах России не случайно. Именно там к началу XVIII столетия еще сохранялся целый слой сельского населения, не вовлеченного в сферу крепостнической эксплуатации, который можно было использовать для работ в горнозаводской промышленности, не ущемляя при этом непосредственных интересов помещиков.

Как и вся горнозаводская мануфактура в целом, приписная деревня в своем развитии прошла две основные стадии. На первой, длившейся до конца 2-й трети XVIII в., происходило формирование капиталистического уклада. Отсутствие капиталов и неразвитость рынка труда делали наиболее эффективными феодальные методы государственного стимулирования промышленного производства: принудительный труд, централизованное перераспределение денежных средств, получаемых в виде ренты с сельских производителей, систему государственных субсидий и привилегий. Так были созданы сначала казенная, а затем посессионная мануфактуры.

Крепостнические формы организации труда на них самым непосредственным образом сказались на экономическом положении уральской приписной деревни. К началу 60-х годов степень её эксплуатации вследствие увеличившегося разрыва между темпами промышленного строительства и ограниченным резервом рабочей силы в регионе значительно возросла и достигла того предела, за которым становилось невозможным само существование этого института как не экспроприированной рабочей силы, находящейся на самообеспечении. Реакцией на это стали массовые волнения приписных крестьян.

На второй стадии развитие горнозаводской мануфактуры происходило в условиях уже сложившегося капиталистического уклада. Фундамент уральской металлургии был заложен. Дальнейший её рост всё более осуществлялся за счет внутренних накоплений. В связи с этим была прекращена практика дальнейших приписок, ограничен круг принудительных работ, повышены расценки. Был взят курс на постепенное вытеснение принудительного труда приписных крестьян вольным, завершившийся полной ликвидацией приписки на Урале.

Государственное регулирование социально-экономических отношений в самой приписной деревне основывалось на тех же принципах, что и во всей государственной деревне, но отличалось большей степенью вмешательства в хозяйственную и внутриобщинную жизнь с целью сохранения способности крестьянского двора выполнять заводские работы. Эта политика, направленная против объективного процесса социального расслоения крестьянства, не могла успешно продолжаться в течение длительного времени и, в конечном счете, потерпела неудачу, что и явилось одной из главных причин реформы 1807 г., ликвидировавшей институт приписных крестьян.

Список литературы

1. Смирнов С.С. *Приписные крестьяне Урала в XVIII начале XIX века*. Челябинск: ЧГИИК, 1993. 206 с.
2. Смирнов С.С. *Приписные крестьяне на горных заводах Ура-*

ла. Челябинск: ЧелГУ, 1994. 160 с.

3. Смирнов С.С. *Аграрная политика правительства по отношению к приписной деревне Урала в XVIII- начале XIX в. // Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование: XXIX сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы*. М., 1994. С.28-31.
4. Смирнов С.С. *Горнозаводская промышленность Урала и региональный рынок в 1790 – 1820-х годах // Коммерция и государство в истории России (XVI – XX вв.)*. Екатеринбург: Демидовский институт, 2001. С.51-58.
5. Смирнов С.С. *Ликвидация института приписных крестьян на горных заводах Урала // Промышленность Урала в XIX – XX веках*. М.: АИРО-XX, 2002. С.12-43.

С.Г. Меринов

*Курганский государственный университет,
г.Курган;*

В.А. Кувалдин

*Тюменская государственная
сельскохозяйственная академия,
г.Тюмень*

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ КУРГАНСКИХ СПОРТСМЕНОВ- ЕДИНОБОРЦЕВ В XX ВЕКЕ

Мастерство и опыт приходят в международных соревнованиях.

С. Колесников

Международные спортивные связи являются одной из форм культурных отношений народов, и на характере их развития сказываются общие закономерности и тенденции развития современных отношений между государствами.

Структура современных международных спортивных связей многообразна и сложна. Тем не менее международные спортивные отношения условно можно было бы представить состоящими из двух основных частей: межнациональные спортивные связи и отношения, характер которых определяется деятельностью и регламентом международных спортивных объединений (7,11).

Спортивные контакты, осуществляемые спортивными организациями России, весьма разнообразны: двухсторонние и многосторонние международные соревнования; организация совместных тренировочных и лагерных сборов; проведение научных конференций, конгрессов, симпозиумов, семинаров; обмен тренерами, специалистами, учеными и организационными работниками с целью изучения и передачи опыта работы; сотрудничество в области обмена научной и технической документацией, в области спортивной печати, в международных спортивных объединениях; оказание спортивно-технической и иной помощи другим странам; направление тренеров и специалистов по долгосрочным контрактам для работы с зарубежными национальными командами (2,8).

Многообразные формы международного спортивно-сотрудничества развиваются не только на уровне государств и национальных сборных команд по видам спорта, но и на региональном уровне, когда в эту работу включаются спортсмены отдельных городов, спортивных клубов, любительских команд по спортивным играм и т.д. Значимость этих международных контактов, анализа их результатов для развития физической культуры и спорта в регионах России на местном уровне трудно переоценить. Существенный вклад в решение этой задачи может быть внесен исследователями истории развития спорта в регионах России и Уральского региона в частности.

К сожалению, краеведческая работа в этом направлении в Курганской области началась сравнительно недавно. Нельзя не отметить деятельность сотрудников Шадринского филиала Курганского госархива Т. Клименко и Л. Осинцева. В 60-х годах прошлого столетия они опубликовали первые сведения по истории развития спорта в г. Шадринске, которые были позднее дополнены материалами преподавателя Шадринского техникума физической культуры В.Ф. Рычкова (в 1990-91 гг. он вел в газете «Шадринская новь» рубрику «История спортивного Шадринска»).

В 80-х годах Г. Волков и М. Такунцев опубликовали цикл статей в газете «Советское Зауралье» под рубрикой «Зауральская энциклопедия спорта». В 1996-98 гг. в издательстве курганской газеты «Зауралье» выходят три книги очерков о лучших зауральских спортсменах, тренерах и организаторах спорта, написанных известным спортивным журналистом В.И. Паниковским. Перечисленные публикации содержали разрозненные факты из истории международных спортивных связей Курганского спорта. В 1997 и в 1998 году М.Ю. Черепановым в издательстве «Дамми» были опубликованы книги «Зауральский футбол в XX веке» и «Зауральский спорт от "А" до "Я"», которые можно характеризовать как наиболее серьезные исследования истории Зауральского спорта.

Тем не менее, история международных связей зауральского спорта исследована не достаточно, что и побудило нас обратиться к этой теме на примере двух ведущих для нашего региона видов спорта – греко-римской борьбы и борьбы самбо.

В Кургане борьба появляется в начале XX века. Тогда турниры борцов были основой цирковой программы. По подобию цирковых был организован и первый чемпионат Кургана по французской борьбе среди любителей осенью 1913 года (8,53). Большой вклад в развитие классической борьбы в Зауралье внес заслуженный тренер России А.И. Демидов, прибывший в Курган после службы в армии в начале 50-х годов. Вместе с П.Е. Сучалкиным они подготовили команду Курганской области к ее первому старту на коврах России - это были соревнования зоны Урала в 1953 году (8,54).

Свою первую международную встречу курганские борцы провели в 1965 г. с финскими спортсменами в г. Никополе: в составе молодежной сборной команды ЦС «Спартак» уверенно выиграли этот турнир В. Носов и В. Баитов. В одиннадцати международных турнирах принимал участие и занимал первые и призовые места Н. Ощепков, призером международного турнира в Финляндии становится В. Петров, а чемпионом Европы среди железнодорожников в Болгарии в 1969 г. - Н. Нелюбин. В 1981 году П. Шадрин получил серебряную награду на международном турнире в Запорожье (8,55).

Лидеры курганских «классиков» последних лет - мастера спорта международного класса, победители и призеры чемпионатов страны и многих международных турниров. В.Селенин, мастер спорта международного класса, завоевывает второе место на представительном международном турнире в г. Салоники (Греция) в 1994 г., затем становится победителем чемпионата мира среди профсоюзных спортсменов в Израиле 1995 году. Из достижений Селенина в 1996 году можно отметить победу в турнире Пытлясинского в г. Варшаве, победу в открытом кубке Финляндии в г. Хельсинки и 3-е место в мемориале Петрова в г. София. В 1997 г. В. Селенин занял 1-е место в престижном международном турнире в г. Алесунт (Норвегия) и 3-е место в открытом чемпионате Швеции (8,57).

Джалиль Сайфутдинов (МСМК) в 1994 г. записал в свой актив две международные встречи: 2-е место в тур-

нире в г. Салоники и бронзовую медаль первенства Европы среди молодежи в г. Стамбуле (Турция), 1995 г. он становится победителем первенства мира среди профсоюзов в Израиле. В 1996 г. Д. Сайфутдинов - победитель открытого Кубка Финляндии, а в 1999 г. – третий призер мемориала Поддубного (3,287).

С. Санин – первый зауралец, участвовавший в Кубке мира (1996 г., США, 3-е место). Победителем первенства мира 1994 г., бронзовым призером первенства Европы 1995 г. и, наконец, победителем международного турнира в Стамбуле в 1996 г. стал С. Кунтарев, ученик тренера В.А. Воронина (5,83). Серьезным достижением курганских борцов стало участие в чемпионате мира 1994 г., где воспитанник тренера В.Ф. Горбенко Н. Дюсенов занял 5 место. Участвовал он и в Олимпийских играх 1996 г. в Атланте в составе команды Казахстана (4,295). И, наконец, курганская школа греко-римской борьбы воспитала и Заслуженного мастера спорта России, первого в истории Зауралья чемпиона мира по греко-римской борьбе (Швеция, 1998) Александра Меньщикова (3,286; 1,11).

Путь к этому титулу был долгим и нелегким. В 1995 г. он выигрывает чемпионат мира среди профсоюзных спортсменов в г. Тель-Авиве (Израиль), в период с 1996 по 2000 год Александр становится победителем и призером многочисленных международных турниров в Венгрии, Румынии, Турции, Норвегии, Югославии, Греции, Иране, Польше, Балтийских игр – в Таллине (8,57).

С 1980 года на международную арену выходит курганское самбо: И. Суханов выигрывает международный турнир в Баку, а в Болгарии на аналогичном турнире завоевывает серебряную медаль. Второе место на международных соревнованиях в Монголии в сентябре 1981 г. занял А. Поздняков, а его одноклубник М. Стенников выиграл этот турнир. В 1993 г. Владимир Федотович Евтодеев (брат Виктора Федотовича – Заслуженного тренера России) завоевывает серебряную медаль на чемпионате мира среди ветеранов в США, за что ему было присвоено звание «Мастера спорта международного класса», а Михаил Стенников становится чемпионом мира среди ветеранов. В 1996 г. С. Задорин первым в истории курганского самбо побеждает в Кубке мира, на чемпионате мира 1998 г. М. Казанцев занял 2-е место, С. Задорин – 3-е (6,156, 159).

Кроме этих больших спортсменов прославили школу курганского самбо такие борцы, как Игорь Косарев – двукратный чемпион мира среди юниоров, Ю.Игнатенко – серебряный призер чемпионата мира. Победителями чемпионата Азии, в котором участвуют спортсмены Японии, Китая, Южной Кореи, Монголии и т.д. в разные годы становились О. Лаврентьев, В. Воронов, М. Казанцев (трижды). Победителем молодежного чемпионата мира был А. Петухов. В 1998 году в Курганской области было 17 мастеров спорта международного класса – больше, чем в любом другом виде спорта (9,62).

Вполне понятно, что без опыта международного сотрудничества, без активного участия в крупных международных соревнованиях подобных успехов добиться было бы невозможно.

Список литературы

1. Вестник Курганского государственного университета: Спецвыпуск, посвященный 50-летию факультета психологии, валеологии и спорта. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2008. С.11.
2. Международные спортивные объединения и туристические организации: Справочник. М.: ФиС, 1973. С.8.
3. Паниковский В.И. Карлуша на старте. Курган: Изд-во «Зауралье», 1999. С. 285-290.
4. Там же. С. 295.
5. Паниковский В.И. Такова спортивная жизнь. Курган, 1997. С. 83.

6. Там же. С. 156,159.
7. Романов А.О. *Международное спортивное движение*. М.: ФиС, 1973. С. 7.
8. Черепанов М.Ю. *Зауральский спорт от «А» до «Я»: Сб. произведений зауральских писателей*. Курган: Изд-во «Дамми», 1998. С. 54-57.
9. Там же. С. 61,62.

Е.А. Тимохин

Курганский Государственный университет

САМОДОСТАТОЧНОСТЬ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРУЮЩЕЙСЯ ТЕРРИТОРИИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА (КОНЕЦ XVI – ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVII ВВ.)

Предметом настоящего исследования является установление роли законодательства в процессе правительственной колонизации Сибири в конце XVI – второй половины XVII вв. и его влияния на социальное развитие русского общества на восточных окраинах страны.

Изначально статус территории Сибири XVII в. понимался как «государева вотчина» (7,252). В рамках государства, земли царь мог «пожаловать» или «благословить», но «благословение» означало разделение семейной собственности между членами семьи или родственниками (42,136–137,148). В данном случае статус территории обозначался как «удел» самого царя. Таким образом, возникала ситуация, которая означала: либо царь будет «жаловать» территорию, т.е. раздавать на правах поместий или вотчин, либо «благословит», т.е. разделит между родственниками (42,117 – 215). Однако ничего похожего на второй вариант не происходило в течение всего XVII столетия. Сама территория «государевой вотчины» дробилась на более мелкие единицы: разряды, уезды, которые делились на ясачные волости и слободы с присудками (18, 80,82 – 83,85). Как известно, в 1604 г. зуштинский князь Тоян обратился в Москву с просьбой принять его владения в подданство, что и было сделано, и с его же помощью с 1605 года началось присоединение и других соседних племен (2, 3). Правовая оценка его территорий была определена на основе общерусских положений о земельной собственности: «Бил нам челом Томские земли князек Тоян, чтоб нашему ц[арьскому] величеству его, Тояна пожаловат[и], [вел]ети ему бытии под нашу царскою высокою рукою и велети бы в вотчине его в Томи поставити город» (28,37). Статус земель князей Алачевых в конце XVI – начале XVII вв. также рассматривался в паггатио грамот как «вотчина» и «поместье» (24,181). Почти ко всем категориям населения как в Западной, так и в Восточной Сибири от царя имеет место обращение в грамотах в форме «пожалованья», «жаловального слова» и производных от неё форм (25,191,219–221,229–230;24,180; 37,418). Не стал исключением и хан Кучум, представители его семьи. В жалованной грамоте царя Федора 1597 года «пожалованье» означало политическую реабилитацию в глазах царской власти: «И мы Великии Государь Царь и Великии Князь Федор Иванович всеа Руси Самодержец хотели тебя пожаловати устроити на Сибирской земле Царем, как было тебе в нашем Царском жалованье вперед крепку и неподвижну...» (36, 133 – 134).

Однако в наказах само «пожалованье» тоже не всегда конкретно: уже в клаузуле «жалованного слова» ранних сибирских наказов имеется указание на право русского и ясачного населения на подачу челобития воеводе, который должен был «чинить суд и росправу правед-

но», что предполагало решение как уголовных, так и гражданских вопросов. Но указанные дела не отделялись от жалоб населения по поводу злоупотреблений представителей власти, прежде всего, администрации, чьи действия уже в начале XVII в. получили законодательную трактовку. В случае жалоб воеводам предписывалось «давати им суд и управа чинити по государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всея Руси указу безволокитна» (10, 114; 24, 199).

Имевшие место злоупотребления показывали, что воеводы стремились к абсолютизации своей власти, которая в глазах населения обозначалась как «воеводы государятся» (6,128,259–269). «Государение» как форма своеволия могла попросту быть искаженной формой «вотчинного» взгляда на свои права и обязанности, т.е. уезд или разряд мог восприниматься как своя собственность. Апелляция к категории «вотчины» в правосознании в этом случае неизбежна.

Несмотря на такую определенность, схема взаимоотношений власти и служилых миров имела общерусскую основу, спецификой же в Сибири была большая роль общины служилых по прибору и отдаленность от столицы, но право мирского челобития имело место. Притом, что челобитье могло быть подано ввиду отказа воеводе от имени мира, оно подавалось в дальнейшем на основании статьи 149, главы X Соборного уложения. Правда, как отмечается в исследовании В.А. Александрова и Н.Н. Покровского, «частные иски, поданные на воевод, отправленных на службу в Сибирь, должны были рассматриваться лишь после того, как им «государева служба минется». Из текста не ясно, идет или речь о жалобах московского и другого населения или также о жалобах местных жителей» (6,275;33,124–125). Злоупотребления воевод тем самым были напрямую связаны с определением статуса «государевой вотчины» в глазах сибирской администрации.

Таким образом, статус территории, обозначенный понятием «вотчина», стал базовой территориально–политической и правовой категорией, посредством которой была возможна коммуникация власти, служилого населения, переселенцев, коренного населения Сибири. В первую очередь, это позволило апробировать на новой территории нормы в рамках категории «пожалованья». Это предполагало распределение социокультурных и политико-правовых функций между всеми социальными группами включая и русское население, служилых людей как социальную общность. Основными правовыми актами были указы и грамоты, указами, которыми регламентировалась деятельность воевод (31, лл. 117–119; 34, 426–428;3,3,5,33–34,62;4,40–4,118–119,159–160,217–223;5,443–454;14,100–119,153–169). Конечно, существовал и уровень более низкий среди разрядов, уездов, и даже слобод, который регулировался также нормативно: в частности, деятельность приказчиков слобод нормативно регулировалась на основе памятей, где прописывались основные направления их деятельности (32, лл. 1–94). Так, в 1644 году несколько памятей приказчику Ирбитской слободы Василию Муравьеву содержали нормы «судового дела», предметом которых была организация строительства дощаников, в частности, присылка плотников (32, лл. 17,21,26 –27).

Территориально–политическое расширение государства в Сибири сразу получило законодательное регулирование. По мере исторического развития системы управления в Сибири формировались основные принципы её организации (6,75–290,351–356;10,138–147; 39,26–28; 35,31–170). Не случайно уже в дореволюционной историографии подчеркивается роль служилого населения в этом процессе. Так, Н.Н. Оглоблин, признавая

многочисленность казаков, делает вывод, что именно они вынесли «на своих плечах все дело завоевания Сибири и утверждения в ней русской власти» (28, 104). В начале столетия уже сформировалось несколько основных подходов. Первый предполагал передачу полномочий по управлению новых территориальных единиц главам данных новообразований (городов, острогов, слобод). Как известно, административно-территориальное деление уральских земель формировалось весь XVI в., на Западном склоне Урала сформировалось три уезда – Чердынский, Соликамский, Кайгородский, а на восточном два – Верхотурский, Пельимский, некоторое время существовал Лозьвинский уезд (17, 173 – 174). И почти сразу к полномочиям Перми Великой были отнесены территория и население Западной Сибири, которые предполагалось присоединить к государству. Так, в грамоте сибирским первым сибирским воеводам в 1586 году указывалось, что местный князь Лугуй получил «пожалованье»: «... велели с него иметь по нашему царском жалованию с его городков в Вымской земле наши дани на год по 7 сороков соболей лутчих, и привозить ему дань ежегод в Вымь самому, или его братье или племянником, по 7-ми соболей лучших» (21, 344). В этом случае юридическая норма определялась конкретно-исторической ситуацией, так, по мнению Г.Ф. Миллера, князь Лугуй стремился получить это разрешение, так как служилые люди воеводы Мансурова уничтожили белогорского шайтана, из-за чего их и испугались и успокоились только тогда, когда выпросили «царскую защиту» (23, 262). Со строительством первых западносибирских городов данный механизм упрочился. Передача полномочий происходила постепенно, но не всегда корректно. Так вопрос о подведомственности некоторых этнических групп вогулов и татар, живших в верховьях реки Вишеры и на р. Сылва в начале XVII столетия, не мог быть решен сразу из-за разной территориальной подведомственности этой местности: часть относилась к Казанскому приказу, часть к Новгородской четверти (22, 15–16). Позднее часть полномочий была распределена между Чердыню и Верхотурьем (24, 19). Механизм передачи полномочий по управлению территориями усложняется к концу 20–х гг.

В 1629 году с образованием Томского разряда, часть уездов, входивших в Тобольский разряд, переходит к нему (1, 4, 12; 16, 126; 40, 64). Этому сопутствовал второй механизм перераспределения территориальных полномочий – перераспределение полномочий по управлению волостями и уездами в пределах периферии. Так, во второй статье *dispositio* грамоты мангазейскому воеводе отражены как состояние территориальных границ западносибирских уездов, так и процесс государственного освоения данной территории: «Да и про то б есте велели распросить подлинно: которые наши сибирские города к тому Енисейскому устью ближе подошли, и сколько до которого города днищ водяного ходу или сухим путем верст, и будет водою...» (22, 233). Данный элемент статьи не носит формулярный характер, в связи с чем можно говорить о наличии исторически изменчивых юридических норм, предметом которых выступали территориальные изменения. В этом случае можно говорить, что данный нарративный элемент – показатель дифференциации изменения статуса территориальных границ в целом. Общее территориальное изменение в этом случае неизбежно может отразиться на изменениях внутри территориальных единиц, в том числе на законодательном уровне. Так, законодательное оформление новой административно-территориальной единицы в начале 20–х гг. потребовало изменение границ прежних уездов и, как следствие, изменение численности военно-служилого населения в западносибирских

городах, на что указывают положения *dispositio* грамоты от 19 декабря 1621 года от царя Михаила архиепископу Киприану: «И будет Кетцкой острог снести, и х которому городу кетцкие ясачные волости ведати и ясак збирати» (38, 184). В основание данного положения могли быть положены предложения томского воеводы Федора Бабарыкина, представленные в *narratio* грамоты, в частности, применительно к Кетскому уезду говорилось следующее: «А Кетцкого острогу в волостях ясачным людем мочно быти без острогу. А ведать бы Кетцкие волости к Тунгускому и к Нарымскому острогу» (38, 183). Вопрос об образовании нового разряда мог вполне предполагать и уменьшение численности служилого населения, грамотой предписывается вывод постоянных гарнизонов из Сургута, Березова, Туринска, уменьшение численности служилых Тюмени посредством перевода служилых в Томск (38, 182–185). Однако надо учесть, что это были лишь возможные варианты. В нескольких статьях *dispositio* грамоты употребляются устойчивые выражения повторяющегося характера, которые в рамках данного документа имеют вид формулы. Данными формулами выступают такие выражения, как «мочно», «мочно ли», «не будет ли», «будет ли». Данные формулы, как следует из анализа распорядительной части грамоты, придают юридическим нормам, отраженным в статьях, вероятностный характер. Так, в первой статье *dispositio* грамоты изначально подразумевается сам возможность перевода служилых: «И как к тебе ся наша грамота придет... мочно ли з Березова и из Сургута служилых людей свесть в Тоболеск и в Томской город, и с Тюмени служилых конных казаков сто человек убавити и послати в Томской же город, и Туринских же служилых людей перевесть в Томской же город» (38, 184). Последующие статьи предполагают сам процесс не только перевода, но и переобустройства служилых и других категорий населения в сибирских городах. В частности, считалось, что объясачивание может быть одной из первых сфер деятельности, чей правовой статус деформируется: «И нашего ясаку с Томскаво города и с острогов, oprичь Монгазеи, против всеи Сибири будет ли» (38, 184–185). Подобным образом характеризуются и другие положения царской грамоты (38, 184–185).

Таким образом, вопрос об изменении территориальных границ Кетского уезда вплоть до его ликвидации мог быть вполне обусловлен общим процессом расширения пределов государства на востоке. В свою очередь, это означало, что могли быть перераспределены границы внутри территориальных единиц (уездов, разрядов). Законодательство в Сибири в целом могло и не обозначать четких территориальных границ на окраинных участках. Так, *narratio* грамоты красноярскому воеводе А. Акинфому 1629 года содержит указание на формирующийся характер территориальной границы государства: «...место новое и дальнее (Красноярский острог – Е.Т.), ото всех от иных сибирских городов отошло далеко» (24, 412–413). Формирующийся характер территориальных границ с точки зрения законодательства фиксировался уже в начале XVII в., что можно увидеть на примере норм грамот, адресованных мангазейским воеводам в 1616 году: «Да и про те б есте велели распросить подлинно: которые наши сибирские города к тому Енисейскому устью ближе подошли...» (24, 272). З.Я. Бояршиновой было установлено, что томский уезд «в первой половине XVII столетия не имел четко определенных границ; особенно неопределенной была южная граница где располагались так называемые «порубежные волости», находившихся то под властью администрации Томского города, то под властью киргизских князьков и калмыцких тайш» (8, 41). Статус «рубежных», т.е. пограничных за различными терри-

ториями признавался и воеводами других уездов (22,257,262,304,313,374).

Вплоть до середины XVII в. в документах центральных приказов порою не всегда подчеркивался статус территориальных образований в Сибири как уездов: «...и велели контайшим людям говорить, чтоб они с нашей земли сошли в свои улусы и нашим бы ясажным людям и стеснения и обид никаких не чинили» (24,577). Данное сообщение из грамоты тобольскому воеводе князю Г. Куракину касается ожидаемого нападения калмыков, которые с точки зрения приказной администрации имели общесибирский характер: «...хочет де контайша на осени послать сына своего с воинскими людьми войною под Томской города да под Нарымской, да под Кузнецкой, и под Красноярской остроги...» (22,496). В ряде случаев не обозначаются конкретные населенные пункты, а говорится в целом о «сибирских городах»: «А однолично бы есте велели Ворошилку соляной росол по речкам ссыскивати и проведывати и вогулич про соляную воду роспрашивать, чтоб росол найти лутче прежнего и соль завести варить, чтоб однолично вперед в сибирские города с Руси соль не посылати» (24,201). Статья из *dispositio* грамоты на Верхотурье в 1601 г. содержит общее обозначение уездных и разрядных городов, что было показателем стратегической значимости данного промысла для Сибири, статья из *dispositio* грамоты от 1602 г. уже увязывает статус «сибирских городов» не с упоминанием конкретных мер, а с общим обозначением сферы деятельности: «А однолично б есте нашим соляным [делом] промышляли неоплошно, чтоб соли наварить вперед на все сибирские города» (24,202). Процедура обобщения различных норм могла быть напрямую связана с процессом организации соляного промысла на р. Негле в начале XVII в. (22,16–17). Но общее обозначение сибирских городов в этом случае сохраняется. Хотя законодатель мог бы обозначить «сибирские города» понятием «Сибирь». Свой статус в рамках общего обозначения населенных пунктов категория «сибирские города» сохраняет и позднее (22,428,437,485,490).

С одной стороны, это доказывает вывод об отсутствии некоторой дифференциации территории, с другой стороны, с точки зрения приказных чиновников административно-территориальная дифференциация при определении полномочий администрации могла быть выше по значимости по сравнению с географической. Надо учитывать, что к началу 40-х гг. XVII столетия в Сибири уже сформировались три основных разряда, о существовании которых было доложено в докладе Сибирского приказа царю в 1643 году: Тобольский, Тюменский, Ленский разряды (16,126). Так же отдельно к этому времени существовал и Красноярский уезд, который относился к Томскому разряду (41,66). Процесс формирования административно-территориального деления в Сибири осуществлялся посредством формирования разряда с последующим включением в его состав территорий либо новых, либо соседних разрядов. Известно, что на протяжении XVII—первой четверти XVIII в. несколько раз, переходя под верховенство сначала Енисейска, затем Якутска и Иркутска, менял свою подведомственность Илимский уезд (16, 126).

Подобная оценка территориальных границ с точки зрения их единства и неразделенности могла быть основана как на предшествующем административном делении Тобольского разряда в начале XVII века, так и на более ранних социокультурных представлениях о Сибири, которые описывали её полумифическими и фольклорными категориями, но как географически единое образование (16,126;30,43,48;26,31–32). Подобные представления могли лечь в основу любой описательной характе-

ристики Сибири, в том числе в законодательных актах. Ведь не случайно А.И. Плигузов проводит аналогию между построением текста в «Сказании» и расспросных речах и памятях XVII в. (30,48;13,256–258). Таким образом, полумифическими категориями средневековый человек на Руси был вполне способен объяснять географические параметры. Таким образом, формирование географических и административных границ происходило под влиянием как конъюнктурных причин, так и причин социокультурного плана. Другое дело, что расстояние было тем фактором, который мог усилить значение географического фактора в вопросе об определении территориальных границ тех же уездов, как это было в Восточной Сибири: «С выходом русских служилых людей на Енисей в начале XVII в. возникла неожиданная для правительства проблема – конкуренция между представителями различных гарнизонов, которая доходила порой до вооруженных столкновений. Причем чем дальше на восток, где контроль не только центральной власти, но и местной администрации был существенно слабее, тем ожесточеннее происходили эти столкновения – служилые люди вели борьбу за пушные богатства вновь присоединенных к Русскому государству районов. В Москве на основании поступавшей из Восточной Сибири документации (отписки воевод, расспросные речи сборщиков ясака, челобитные ясачных «инородцев» и т.д.) принимались решения по разграничению новых территорий недавно образованных уездов. Таким образом проводилась граница между Енисейским и Мангазейским уездами в районе Енисея, между Енисейским и Красноярским уездами на подступах к Байкалу. Ситуация в бассейне р. Лены совершенно вышла из-под контроля и вынудила Сибирский приказ образовать новую административную единицу, выведенную из подчинения воевод, чьи гарнизоны претендовали на различные районы этого огромного региона. Видимо, поэтому вновь образованное воеводство сразу получило статус разряда, что давало в дальнейшем возможность, исходя из конкретной ситуации, разделить его на уезды. Границы нового разряда-уезда определились по территориально-географическому принципу: бассейн р. Лены и «иные реки», т.е. ясачные волости, рациональность управления которыми из Ленского острога не вызывала сомнения, а также новые «землицы», еще неизвестные или находящиеся на стадии объясачивания их енисейскими казаками (которые еще не знали, что, отправившись из Енисейского острога несколько лет назад, будут навсегда оставлены якутскими воеводами в этом суровом краю)» (9). Несмотря на это, социокультурное восприятие оставалось, видимо, ключевым элементом мировоззрения в русском средневековом обществе, оно могло сохраняться и воспроизводиться в своих базовых формах на протяжении столетий. Но по истечении определенного времени базовые элементы мировоззрения несколько «упрощались», трансформируясь в инстинктивные архетипы восприятия и поведения. В XVI – XVII вв. эти архетипы повлияли на ответные действия приказной администрации, на сообщения с восточной окраины.

Перенесение управленческих структур на новую территорию сопровождалось проявлением у русского общества в условиях Западной Сибири самодостаточности социальных групп социума и социально-правовому «копированию» поведения населения. Так, в *dispositio* грамоты архиепископу Киприану от 19 декабря 1621 года содержит статью, чья структура позволяет сделать такой вывод. Структуру данной нормы образуют два положения: распоряжение провести перепись населения («велел переписать»), социально-правовые параметры населения. Второй компонент в законодательстве был представлен достаточно широко. В данном случае этим

параметром выступает хозяйственная деятельность населения. В хозяйственном отношении здесь мог иметь место процесс дифференциации труда, имели место предпосылки будущего отделения земледелия и торговли, в то же время для крестьян имелась и возможность заниматься обоими видами хозяйственной деятельности; «...и что на нас пашет, и что пашет на себя, и какими угодьями владеет, или кто торгует какими товарами, и что с торгов своих и с пашен платят в нашу казну оброку...» (38,185), что, в общем-то и имело место в Западной Сибири (20,148). Ещё исследователь П.М. Головачев подчеркивал, что город «в хозяйственном отношении так тесно сливался с деревней, что трудно отличить, где кончалась последняя и где начинался первый» (12,3). И хотя в XVII в. в России, по данным О.Н. Вилкова, наблюдалась специализация районов страны по производству определенных товаров, всё же торговые потребности сибиряков не могли удовлетворить «русские товары», т.е. товары с «Руси» и западноевропейского происхождения, в связи с чем развивалось собственное производство, домашняя промышленность, основанная во многом на развитии земледелия (11,26–27,81,121,126;16,81). Служилое население в этом случае выполняло обе функции: оно занималось как земледелием, так и торговлей (27,141–172). Известно, что за период 1639–1695 гг. произошло уменьшение количества «русских» товаров, провозимых через Тобольск, что было вызвано созданием и развитием собственного сибирского земледелия и ремесла, меркантилистской политикой русского правительства, некоторым «испромышлением» пушного зверя в Сибири, развитием русско-китайской торговли, освобождением с 1671 г. от таможенного обложения привозимых сибирскими служилыми людьми партий «русских товаров в 50 и менее рублей и распространением этого положения в 1693 г.» (11,167–168). Особенностью хозяйственной деятельности томского населения была также его определённая самодостаточность: среди «русских» товаров особое место следует отнести предметам производственного назначения, т.к. именно они способствовали хозяйственному развитию края и зарождению новых ремесел и промыслов. Не без основания думается, что при наличии местного сырья и необходимых материалов умельцы из числа колонистов (среди первопоселенцев было немало выходцев из ремесленной среды) по образу и подобию востребованных привозных предметов изготавливали их сибирские аналоги» (19,12). Подобная структура и характер хозяйственной деятельности населения является, как видно, характерной для XVII столетия. Самодостаточность русского населения проявилась и в сходстве социального облика служилых людей с крестьянством, и в занятии им ремесленным производством, так как на «ранних этапах служилые люди обращались к ремеслу отчасти и вынужденно, просто потому, что не было в привозе необходимых предметов; в дальнейшем же ремесло стало существенным подспорьем к государеву жалованью. В течение XVII – начала XVIII вв. казаки и стрельцы занимали довольно сильные позиции среди ремесленников сибирских городов. В Тобольске в 1655 г. служилые составляли 55% всех ремесленников города (46 чел. из 83). В Тюмени в середине XVII в. служилые выдавали до 2/3 продукции кожевенного производства» (27,164;15,159).

Таким образом, самодостаточность русского населения в Сибири имела объективные факторы своего развития, одним из которых был государственно-правовой. С одной стороны, применялись общерусского права в лице Соборного Уложения, но всё же основными законодательными источниками признавались воеводские указы, с другой стороны, на правоприменительную практику и государственную политику Москвы, отраженную как

в наказах и указах, так и в *narratio* грамот, существенное влияние оказывала специфика территориальных границ как неотъемлемого признака государства.

Список литературы

1. *Административно-территориальное деление Тюменской области (XVII – XX вв.)* / Под ред. В.П. Петровой. Тюмень: ООО ТНЦ «ТюменьНИИГипрогаз». ФГУ ИПП «Тюмень», 2003.
2. Адрианов А.В. *Город Томск в прошлом и настоящем*. Томск, 1890.
3. *Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией (АИ)*. Т.2. СПб., 1841. № 3, 35, 52.
4. *Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией (АИ)*. Т.3. СПб., 1841. № 46, 93, 109, 135.
5. *Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией (АИ)*. Т.4. СПб., 1842. № 209.
6. Александров В.А., Покровский Н.Н. *Власть и общество. Сибирь в XVII в.* Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991.
7. Бахрушин С.В. *Воеводы Тобольского разряда в XVII в. Научные труды*. Т.3. Избранные работы по истории Сибири XVI – XVII вв. Ч.1. Вопросы русской колонизации Сибири в XVI – XVII вв. М.: Изд-во АН СССР, М. 1955.
8. Бояршинова З.Я. *Население Томского уезда в первой половине XVII века // Труды Томского университета*. Т.112. Серия историко-филологическая. Историко-филологическая науки. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1950.
9. Бродников А.А. *Территория Якутского уезда: к вопросу об образовании Якутского воеводства (Часть III) Социокультурное развитие Сибири (XVII – XX века): Бахрушинские чтения 1996 г.*; Межеуз. сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Шишкина. Новосибирск, Новосибир. гос. ун-т, 1998. или <http://gf.nsu.ru/bakhrushin/brodnikov1996.shtml> 4.10.2010 17:55.
10. Вершинин Е.В. *Воеводское управление в Сибири (XVII век)*. Екатеринбург: Муниципальный учебно – методический центр «Развивающее обучение», 1998.
11. Вилков, О.Н. *Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке*. М.: НАУКА, 1967.
12. Головачев, П.М. *Желательный тип сборников материалов для истории сибирских городов XVII в.* / П.М. Головачев / Томск в XVII веке: Материалы для истории города. Б. м., б. г. С. 1 – 18.
13. *Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией (ДАИ)*. Т.2. СПб., 1846 № 95.
14. *Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией (ДАИ)*. Т.4. СПб., 1857. № 46, 59.
15. *История казачества Азиатской России*. Т.1. XVI – первая половина XIX века. Екатеринбург: УрО РАН, 1995.
16. *История Сибири с древнейших времен до наших дней: В 5 т.* Т.2. *Сибирь в составе феодальной России* / Под ред. А.П. Окладникова и др. Л.: Наука, 1968.
17. *История Урала с древнейших времен до 1861 г.* М.: Наука, 1989.
18. Копылов, А.Н. *Органы центрального и воеводского управления в Сибири в конце XVI – XVII вв.* // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук. № 9. 1965. Вып. 3.
19. Люцидарская, А.А. *Рыночные отношения как составляющая система жизнеобеспечения населения региона. Таможенные книги сибирских городов XVII века*. Вып.6. Томск, Нарым, Березов / Авторы – сост. А.А. Люцидарская, Д.В. Раев, И.Р. Соколовский. Гл. редактор – Д.Я. Резун. – Новосибирск: РИПЭЛ плюс, 2004.
20. Менщиков В.В. *Русская колонизация Зауралья в XVII – XVIII вв.: общее и особенное в региональном развитии: Монография*. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2004.
21. Миллер Г.Ф. *История Сибири: В 2 т.* Т.1. М. – Л.: Издательство АН СССР, 1937. Приложение № 9.
22. Миллер Г.Ф. *История Сибири: В 2 т.* Т.2. М.: Издательство АН СССР, 1941. Приложение. № 116, 156, 161, 204, 219, 283, 352, 362, 407, 411, 420.
23. Миллер Г.Ф. *История Сибири: В 3 т.* Т.1. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999.
24. Миллер Г.Ф. *История Сибири: В 3 т.* Т.2. М.: Издательская

- фирма «Восточная литература» РАН, 2000. Приложение № 8–10, 26–27, 29, 116, 262, 420.
25. Миллер Г.Ф. *История Сибири: В 3 т. Т.3. М.: Вост. Лит., 2005. Приложение № 27, 41–42, 46.*
 26. *На стыке континентов и судеб (этнокультурные связи народов Урала в памятниках фольклора и исторических документах) / Под ред. К.И. Зубкова, А.П. Килина, отв. ред. Н.А. Миненко. Екатеринбург, 1996. Ч.1.*
 27. Никитин Н.И. *Служилые люди в Западной Сибири 17 века. Новосибирск: НАУКА, 1988.*
 28. Оглоблин Н.Н. *Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа: В 4 ч. М., 1900. Ч.3. Документы по сношениям местного управления с центральным.*
 29. *Первое столетие сибирских городов. XVII век. Серия: История Сибири. Первоисточники / Под ред. Н.Н. Покровского. Вып. VII. Новосибирск: Изд-во «Сибирский хронограф», 1996. № 1.*
 30. Плигузов А.И. *Первые русские описания сибирской земли // Вопросы истории. 1987. № 5.*
 31. *Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 214 (Сибирский приказ). стр. 246.*
 32. *Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 1111 (Верхотурская приказная изба), оп.1, ч.1, д. 2.*
 33. *Российское законодательство X – XX веков. В девяти томах. Т.3. Акты Земских соборов / Под ред. А.Г. Манькова. М.: Юрид. Лит., 1985.*
 34. *Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею (РИБ). М., 1884. Т.8. № 11, XX.*
 35. Симачкова Н.Н. *Становление воеводской системы управления в Сибири в конце XVI – XVII вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Нижневартовск, 2002.*
 36. *Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел (СГГД): В 5 ч. Ч.2. М., 1819. № 68.*
 37. *Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел (СГГД): В 5 ч. Ч.3. М., 1822. Вып. IV. № 122.*
 38. *Тобольский архиерейский дом в XVII веке. Серия: История Сибири. Первоисточники / Под ред. Н.Н. Покровского. Новосибирск: Изд-во «Сибирский хронограф», 1994. № 54*
 39. Шаходанова О.Ю. *Центральные и местные органы управления Западной Сибирью в конце XVI – начале XVIII века: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2000.*
 40. Шунков В.И. *Вопросы аграрной истории России. М.: Наука, 1974. – 376*
 41. Щеглов И.В. *Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032 – 1882 гг. Сургут: Акционерный Информационно – издательский концерн «Северный дом», 1993.*
 42. Юрганов А.Л. *Категории русской средневековой культуры. М.: МИРОС, 1998.*

М.И. Хлызов
Зауральское генеалогическое общество
им. П.А. Свищева,
Зауральское казачье общество,
г. Курган

МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

В процессе работы краевед живет прошлым: теми событиями и тем временем, которые он изучает. Он должен возвратиться на несколько столетий назад, «прожить» вместе с действующими лицами определенное время, мысленно представив, как они одевались, как разговаривали, что делали. И вместе с тем, краевед должен суметь вернуться в настоящее время и, сопоставив события давних лет, при необходимости заглянуть в будущее.

При просмотре фонда 111 Государственного архива Курганской области (ГАКО) был найден любопытный документ почти двухвековой давности, полученный в свое время священнослужителями Крестовоздвиженской церкви Звериноголовской крепости, содержание которого,

по мнению автора, актуально и в наши дни. Приведем почти полностью текст найденного послания:

Ордер

от благочинного Челябинского протоиерея Иоанна Алфеева ведомства моего благочиния священно- и церковнослужителям

Оренбургской духовной консисторией в Указе от 25 апреля сего года за № 940, последовавшим между прочим, написано, что в той консистории по выслушании списка с отношением господина Управляющего Министерства внутренних дел к господину обер-прокурору святейшего Синода, присланному для исполнения по оному Указу из Святейшего правительствующего Синода от 9 февраля сего 1827 года, в коем между прочим изображено: что Государь Император высочайше повелевать господину Управляющему Министерству внутренних дел соизволил: собрать немедленно сведения по всем губерниям: 1^е – в каких городах есть остатки древних замков и крепостей или других зданий древности; и 2^е – в каком они положении ныне находятся. Воля Его Величества в то же время есть, чтобы строжайше было запрещено таковые здания разрушать; что должно оставаться на ответственности начальников городов и местных полиций, как те древние здания, к сохранению коих и приведению в известность относится вышесказанное высочайшее Государя Императора повеление; находятся и по ведомству святейшего Синода: как то монастыри, церкви и прочия. Он, господин Управляющий Министерством внутренних дел, счел своим долгом уведомить об оном Его Сиятельству с тем, неудобно ли будет со стороны Главного духовного начальства дать приличная подведомственным местам и лицам предписания, как о воспреещении разрушать оные здания, так и о том, дабы со стороны их оказываемо было содействие к исполнению изъявленной высочайшей воли начальникам тех губерний, в коих находятся таковые древние здания, ведомству духовному принадлежащая.

Определено: с прописанием онаго для объявления к надлежащему исполнению всем священно- и церковнослужителям посланы благочинным из Консистории Указы. Почему и предписывается вам - священно- и церковнослужителям, выслушав сей ордер, доставить ко мне требуемые сведения, и если где есть или нет никаких древностей, особенного внимания заслуживающих, в подписке объяснить именно, и ордер сей с подпискою препроводить от одной церкви до другой, не удержно с означением, которого лица и числа, в котором часу оный ордер кем и от кого получен, когда и из какой церкви и с кем отправлен. И брать в том расписки, от последней же церкви ордер сей с подписками представить в самой скорости ко мне.

Мая 25го дня 1827 года

Из документа видим, какие строгие указания даны священно- и церковнослужителям по исполнению высочайшего повеления российского императора Николая I. Надо полагать, что не только по духовной, но и по светской части не менее жесткие требования были предъявлены к начальникам городов: как сказано выше – «воля Его Величества... есть, чтобы строжайше было запрещено таковые здания разрушать».

Почти через 100-летие после повеления императора началась эра атеизма. Огромный ущерб православной культуре нанесло закрытие культовых зданий. Церкви использовались как клубы, спортивные залы, кинотеатры, музеи, образовательные учреждения, магазины, склады, зернохранилища, жилой фонд или просто унич-

А.К. Бустанов
Амстердамский университет,
Амстердам, Нидерланды

ДИАЛОГ МУСУЛЬМАНСКИХ БОГОСЛОВОВ СИБИРИ СО СВЯЩЕННИКОМ¹

тожались. Имуущество церквей, иконы, ценности реквизируются. Только в пределах Садового кольца Москвы было закрыто 242 культовых здания, а снесено – 364 (2).

И в нашей области в годы атеизма было разрушено много церквей и даже монастырей. В частности, Далматовский монастырь, где был размещен в свое время завод «Молмашстрой». Сегодня, чтобы восстановить этот памятник истории и архитектуры, потребуется значительное время и огромные средства.

В течение многих десятилетий в нашем областном центре постоянно сносятся не только ветхие, а вполне пригодные для жилья дома. Так, в начале 70-х годов прошлого столетия на углу улиц К. Маркса и Володарского были снесены два двухэтажных купеческих дома в угоду тому, что поблизости строилась пятиэтажка для обкомовских работников.

В центральной части Кургана по улицам Советской, Куйбышева и др. и поныне строятся современные здания под учреждения, элитные жилые дома.

Только недавно перестали публиковаться сообщения СМИ о намечавшемся некогда сносе трехэтажного здания (по улице Гоголя) бывшей областной поликлиники.

И только благодаря вмешательству известных краеведов и журналистов Б. Карсонова и А. Кузьмина, здание было отреставрировано, были произведены необходимые ремонты и перепланировки.

Уместно привести несколько положительных примеров, как в других регионах сохраняют старину. Так в 70-80-х годах прошлого столетия в центральной части Ленинграда (ныне С.-Петербурга) проводилась реконструкция старинных домов, осуществлялись внутренние перепланировки и обустройство современных квартир. Архитектура этих зданий: наружные стороны стен, окна, отделка, декоративные решетки – все это сохранялось. Так ленинградские зодчие сохраняют исторический облик центра города. Не только отдельные дома, а целые кварталы были реконструированы таким способом.

В 60-х годах прошлого века во многих городах Узбекистана по одну сторону железной дороги строили новый город, а по другую – стоял старый город. В этом случае одновременно решалось две задачи: жилищная и историко-архитектурная: меньше жилья сносилось, а больше строилось. Таким способом были сохранены многие исторические памятники.

... Вернувшись в XXI век, видим, что на улице Советской и по сей день, возводятся элитные дома, старины практически не остается, хотя имеются документы городских властей о сохранении исторического облика этой улицы. А при таком подходе вряд ли удастся сохранить старый облик Кургана. Неужели для этого требуется принимать решения губернатору или президенту? Надо надеяться, что вновь избранные власти города справятся с этой задачей сами.

Список источников и литературы

1. ГАКО. Ф.111.оп.1. д.6. л. 250-251. Указы и предписания Челябинского духовного правления..
2. С. Переверзев. Россия. Великая судьба. Белый город. М., 2006.

На рубеже XVIII-XIX веков в городе Тобольске Тобольской губернии была ключом интеллектуальная жизнь. Письменные источники открывают перед нами две фигуры той эпохи, ярко характеризующие религиозную ситуацию в регионе. Преподаватель Тобольской семинарии и священник Иосиф Гиганов организует масштабный проект – издание серии фундаментальных работ по татарской лексикографии, пионерских для своего времени и не потерявших своей научной значимости до сих пор. Отмечу всю важность и политическую актуальность заявленного проекта, посвященного от лица татарских богословов (араб. ‘улама’) самому Государю и напечатанного по Его Высочайшему повелению в столице в 1801 (грамматика) и в 1804 годах (словарь). Моя гипотеза заключается в следующем: после свертывания в конце XVIII в. политики насильственной христианизации мусульман татары становятся объектом академического, ориенталистского² интереса. В течение всего XIX века издавались словари и грамматики, на открытой в 1807 г. кафедре восточных языков Казанского университета, а после перевода востоковедения в Санкт-Петербург и на Восточном факультете, преподавался татарский язык. Проект Гиганова можно определить как «переходный» от ориенталиста-священника (что заставляет не торопиться с отказом от миссионерской подоплеку всей работы) к «секуляризованным» академиком³.

Одному человеку, пусть и весьма талантливому, задумка собрать и опубликовать материалы по татарской филологии была не под силу, и священник обратился за помощью к самим же носителям языка. Но не к простым смертным, крестьянам или извозчикам, а к известным интеллектуалам, диалог с которыми мы и имеем честь наблюдать в публикациях Гиганова. Нельзя сказать, что этот диалог не привлекал внимания исследователей⁴. Однако анализ отдельных книг, изданных Гигановым, не ставит их в контекст развития мусульманской учености в Сибири того времени. Эта задача ставится в данной статье, предлагающей скорее новый взгляд на источники, чем их исчерпывающее исследование, требующее архивных поисков.

Итак, с кем же говорил Гиганов, кому задавал свои вопросы? В самом конце грамматики и словаря имеются списки лиц, именуемых Гигановым «муллами юртовскими», которые в своих коротких автографах очертили круг своей компетенции и степень участия в проекте. В обоих списках на первом месте скромно значится «Саманчи сын Йар-Мухаммада», не указавший ни на место своего проживания, ни на свой статус. В «Грамматике» его автограф выглядит так:

«Сию работу посвящаем нашему дорогому Великому Государю Павлу Первому. В этой грамматике я помог

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проекты № 10-01-67102 а/Т, № 10-01-00498а. Черновик статьи был критически прочитан И.В. Белlichem (Тобольск), за что автор искренне ему признателен.

² Ориентализм этот имел непосредственное отношение к политике по отношению к российским мусульманам. Концепцию взаимоотношений власти и востоковедения см. в известной книге Э. Сауда (15).

³ Ярчайший пример в истории отечественной ориенталистики – деятельность отца Иакинфа (Бучирин, 1777-1853), основателя российской синологии и главы Пекинской православной духовной миссии (1808-1821).

⁴ Из работ, попавших в поле моего зрения: 20, 21, 22.

Иосифу Ивановичу (Гиганову – А.Б.), провел исследование (тафтиш) и исправил ошибки. Со временем приложу усилия, чтобы закончить (сей труд), я, Саманчи (!)⁵ сын Йар-Мухаммада» (8, 187).

В аналогичном тексте-автографе после «Словаря татарского языка» Сабанчи б. Йар-Мухаммад конкретизирует ту работу, что была им проделана: «присутствовал на собраниях (по обсуждению словаря и грамматики – А.Б.), проверил переводы с персидского и арабского языков» (17, 680). Собрания (маджвлис, ед.ч. маджлис), на которых, очевидно, обсуждались грамматика и словарь, включали также иных ученых из Тобольской округи. На них мы не будем останавливаться, приведем лишь их автографы к соответствующим книгам. О них пока больше ничего неизвестно, хотя дополнительную информацию наверняка можно почерпнуть из метрических книг татарских деревень, сохранившихся в государственных архивах Тобольска и Уфы. В группу по составлению грамматики и словаря помимо Сабанчи б. Йар-Мухаммада вошли тобольский сарт Нийат-Баки б. Итнамет⁶, из деревни Саускан Тобольского округа Мухаммад-Баки б. Сейдук, старшина тобольских бухарцев (в тексте – сартов) Дус-Баки-шайх б. Мухаммад-шах-шайх, прежний старшина из деревни Ибчикун. Шадринского уезда мулла Амир б. Мурат (8, 187-188; 17, 680). Быть может, дальнейшие исследования позволят пролить свет на роль этих личностей в религиозной и светской жизни Тобольской губернии⁷.

Нам больше повезло с Сабанчи б. Йар-Мухаммадом, о котором было известно мусульманскому интеллектуалу-реформисту, сибиряку по происхождению, 'Абд ар-Рашиду Ибрагимову (1857-1944) и мулле деревни Комароу, что близ Тобольска, Мутасиму б. Билялю, которые составили небольшие биографические словари сибирских ученых, суфиев и купцов. Все эти материалы были посланы в начале XX века известному мусульманскому ученому, впоследствии уфимскому муфтию, Риза ад-Дину Фахруddинову (1858-1936) с целью публикации. Источники эти сохранились в архиве ученого (32) и были обнаружены автором статьи в 2008 году. Часть сведений была помещена Фахруddиновым в его многотомное сочинение «Асар» («Памятники»), часть – Ибрагимовым в его труды «Тарджам-и халем» («Автобиография») и «Алем-и ислам» («Мир ислама») (2, 3, 13).

Вот что сказано о Сабанчи б. Йар-Мухаммаде в неопубликованном словаре 'Абд ар-Рашида Ибрагимова «Сибирийадэ заман сабакдэ вз хазэрдэ булынмыш 'уламалары» («Ученые Сибири в прошлом и настоящем»):

«В округе Тобольска знаменитый ученый Сабанчи б. Йар-Мухаммад был очень праведным и достойным. Он выпустил очень много учеников. В 1221 г. хиджры (1806) он совершил обязательство хаджа. То было начало хаджа сибирских 'улама⁸. Этот человек скончался приблизительно в 1832 г. От ученого из Хиджаза и Озаренной Мадины 'Абд ар-Рахмана Сираджа он получил особое решение (истифат) относительно вечернего ваджиб-[на-

⁵ Мы имеем дело с обычным для тюркских языков переходом фонемы [b] в [t] в середине слова.

⁶ Перу этого человека принадлежит учебник, изданный в Санкт-Петербурге. См.: Букварь татарского и арабского письма с приложением слов со знаками, показывающими их выговор, сочиненный в Тобольском Главном народном училище бухарцем Ният-Бакой Анатометевым под руководством учителя татарского языка соборного священника Иосифа Гиганова. – Санкт-Петербург: Типография Академии Наук, 1802. К сожалению, это издание осталось мне недоступным.

⁷ Видимо, как минимум не без участия этих «мулл юртовских» в 1804 году в Петербурге была издана «Грамматика турецкого и арабского языков, со словарем». Увы, книга эта так же осталась для меня недоступной.

⁸ Имеется в виду, что это был первый хадж сибирских мусульман после русского завоевания. Историк Вадим Трепавлов (Москва) любезно указал мне на архивный документ, в котором упоминается, что в 1580 г. через ставку ногайского мирзы Ураз-Мухаммада проследовала по пути в Мекку мать хана Кучума Сылы-ханым. См.: 19, с. 92; 29, с. 779.

маза] в короткую ночь в Сибири» (32, Л. 11а).

Собрать хоть какую-нибудь информацию об 'Абд ар-Рахмане ас-Сираджи оказалось непросто. Тем не менее, известно следующее. В Мекке существовала очень

известная династия ученых Эл Сирадж (ال سراج), которая с начала XIX века занимала высшие духовные посты в священном городе. Первым был 'Абдаллах б. 'Абд ар-Рахман ас-Сираджи (1200-1264 г. хиджры, т.е. 1785-1847). Семья имела индийское происхождение, судя по фамилии. В 1233 году хиджры (=1817 г.) он был назначен главным ученым (ра'ис ал-'улама') при шерифе Мекки. Он не был главой мекканского муфтията, но носил почетный титул шайх ал-ислам. Но его ближайший ученик, 'Абдуллах Джамал (умер в 1280/1863 г.), сменивший 'Абдаллаха ас-Сираджи на посту ра'иса, стал в год своей смерти ханафитским муфтием Мекки. Его место занял сын 'Абдаллаха ас-Сираджи и ученик 'Абдуллаха Джамала – 'Абд ар-Рахман (1249-1314, т.е. 1833-1896). Получается, что в начале XIX века из семьи Эл Сирадж только 'Абдаллах б. 'Абд ар-Рахман был на высоком государственном посту и лишь начиная с 1817 года. Об его отце ничего не известно. Турецкий арабист Ирфан Индже, которому я обязан подробностями истории семьи Эл Сирадж (1, 797-798; 34), полагает, что поскольку источники молчат об отце 'Абдаллаха, то видимо он не был ученым. Выходит, в наш источник вкралась неточность?

Дело в том, что по сведениям Риза ад-Дина Фахруddинова, почерпнутым от тюменского мецената и купца Ни'матуллы Кармышакова, в 1236 году хиджры (1820) Сабанчи б. Йар-Мухаммад был в Мекке вместе с двумя купцами Нийазом Айтикиным (ум. 1847) и Мухаммадом б. Салих б. Шайх (13, 2 джилд, 10 джуз, 164.). То есть Сабанчи был в хадже как минимум дважды: в 1806 и в 1820. Тогда встречу с ра'исом 'Абдаллахом (именно с ним, а не с его отцом), нужно относить к 1820 году. Разумеется, Сабанчи мог познакомиться с ним и раньше, но не в таком статусе. Мою догадку подтверждает тот факт, что в фондах Института восточных рукописей РАН (г. Санкт-Петербург) сохранился трактат (фетва?), подписанный мекканским муфтием 'Абдаллахом б. 'Абд ар-Рахман ас-Сираджи в 1237 году хиджры (=1821-1822) (27, 285; 33, Лл. 1b-13a). Это сочинение как раз касается вопроса ночной молитвы ('иша) и адресовано «народу Булгара», т.е. мусульманам Поволжья. Может статься, подобный трактат, доказывающий необходимость совершения ночной молитвы в летнее время и названный в сочинении 'Абд ар-Рашида Ибрагимова «разрешением» (истифат), был получен и Сабанчи б. Йар-Мухаммадом во время его второго хаджа в 1820 году.

В другом месте (лист 12а) 'Абд ар-Рашид Ибрагимов пишет, что «Сабанчи б. Йар-Мухаммад был имамом в деревне Нур-Баки Куллары, что в 20 верстах от Тобольска» и имел там свое медресе. Кроме того, Сабанчи б. Йар-Мухаммад был сведущ в науке о звездах ('илм ан-нуджум), т.е. астрономии, и составленным им лунным календарем пользовались в Сибири вплоть до начала XX века. Больше о Сабанчи б. Йар-Мухаммаде ничего не известно. Его труды и библиотека пока не обнаружены либо утеряны уже безвозвратно; неясно и то, принадлежал ли он к какому-либо суфийскому братству и если да, то к какому, где и когда был посвящен в тайны Пути духовного самосовершенствования.

Перевод книжных арабо-персидских элементов «Словаря» и «Грамматики» татарского языка является единственным сохранившимся до настоящего времени плодом интеллектуального творчества Сабанчи б. Йар-Мухаммада и его коллег. Надо сказать, что их совместный со священником Иосифом Гигановым труд получил очень меткую характеристику со стороны ярчайшего пред-

ставителя российской школы тюркологии – академика Александра Николаевича Самойловича (1880-1938). В своем обзоре грамматик тюркских языков он в частности отметил по поводу словаря Гиганова: «Очевидно – тобольское наречие, а еще более, пожалуй, **литературный язык** (выделение мое – А.Б.) сибирских татар-мусульман» (16, 117). От себя добавлю также, что наличие параллельной транслитерации татарских слов арабским письмом и кириллицей позволяет не только зафиксировать нормы орфографии, но и оценить специфическую для сибирских тюрков фонетику. Кроме того, моя гипотеза заключается в том, что на основе лексического материала, представленного в словаре и отчасти в грамматике, мы можем судить, хоть и в редуцированном виде, о двух аспектах интеллектуальной жизни сибирских ученых: 1) о жанровых характеристиках литературы, имевшейся в распоряжении мулл; 2) о «сложностях перевода» при диалоге священника с улемами. В этой связи в поле нашего зрения попадает как раз книжная лексика, имеющая арабо-персидское происхождение. Выбранный по такому критерию материал словаря распределим и проанализируем по следующим весьма «диффузным» группам: 1) астрономия, 2) мусульманское право, 3) филология, 4) группа «сложностей перевода».

Судя по всему, Сабанчи б. Йар-Мухаммад действительно был компетентен в вопросах науки о звездах, или астрономии, столь важной в исламе, поскольку от точности календаря зависит и время молитв, и даты начала и окончания поста в месяц Рамадан, и проведение религиозных праздников. Попробуем разобраться в терминологии, которую использовал Сабанчи. Из названий месяцев почему-то приведены только два и оба не по мусульманскому календарю, а по сирийскому: «ап» (17, 1)⁹ со значением «август» и «нисан» со значением «апрель» (17,3). Видимо, объясняется как раз «трудностями перевода» категорий одной культуры на язык другой. Священник Иосиф Гиганов хотел знать, какое слово в татарском языке соответствует августу, но его попросту не было, так как лунный мусульманский календарь не соответствует григорианскому. И «ап», и «нисан» вряд ли использовались в живой речи¹⁰; скорее всего эти слова были извлечены из научных трактатов с расчетом найти наиболее близкий аналог русским словам. Между прочим, собственно слово «календарь» (17, 223) переведено не ожидаемым арабским «таквим», а словом «гурра» (غُرَّة), которое в другом месте также обозначает, по какой-то странной аналогии, «святцы» (17, 533). Это слово происходит от арабского корня *غر* и означает белое пятно, первую ночь лунного месяца (الغرة الشهر), зарю, утро (11, 1085; 28, 667). Сложно сказать, почему произошла такая подмена, как сложно и провести параллель между «святцами», т.е. церковным календарем с указанием праздников и дней памяти святых, и началом нового месяца. Скорее всего, перед нами еще один образец взаимного недопонимания: Гиганов искал несуществующую параллель «святкам» в исламе, а мусульманские ученые не могли найти им аналога. Зато нашлись точные определения таким явлениям и понятиям, как високосный год – кабисе ел (17, 82), затмение – тутулув (17, 186). Другие термины вполне могут быть связаны с условиями наступления времени молитвы, например: восход – минуш (17, 63) и сумерки – ингир (17, 587)¹¹.

⁹ В словаре под редакцией Ю.А. Рубинчика это слово значит «пятый месяц древнесирийского календаря, соответствующий августу». См.: 10, с. 32.

¹⁰ Филолог М.А. Сагидуллин указывает на два разговорных сибирско-татарских слова, обозначающих соответственно август («с-мп-л») и апрель («саур»). См.: 14, с. 11, 12.

¹¹ В частности, восход солнца (ФСЖЮ) является верхней границей для утренней молитвы (ЗБЭМС), а вечерние сумерки, т.е. время после захода Солнца и до исчезновения вечерней зари, являются временем вечерней молитвы (ЗБЭМСИ). См., например: 4, с. 172, 203.

Отдельный корпус лексики охватывает названия знаков зодиака (بروج سما), явно происходящие из книжной традиции: овен (хамал), телец (савур), близнецы (джауза), рак (саратан), лев (асед), дева (сунбила), весы (мизан), скорпион (гакрел), стрелец (кауз), козерог (джадди), водолей (дялю), рыбы (хут) (17, 198-199).

Пожалуй, в анализируемом словаре наиболее широко лексически представлено мусульманское право. Это и не удивительно, поскольку его терминология охватывает все сферы жизни. Во многом и разбиравшиеся выше астрономические термины связаны с мусульманским правом. В первую очередь, конечно, лексика словаря указывает на хорошее знакомство респондентов Иосифа Гиганова с Кораном и богословской традицией его толкования (тафсир). Это хорошо видно на примере, появившемся уже на первой странице, когда Иосиф Гиганов отмечает несоответствие представлений об аде в исламе и православии: «магометане утверждают быть семь адов, которые называют: джяганьям, хутяма, сягыр, сякар, джахим, хавия, лязза». В Коране действительно говорится о том, что в аду (джаханнам) есть семь врат (абваб) «и у каждых врат – своя часть» (джуз)¹². Однако нигде в Коране они не перечисляются по порядку, все приведенные выше обозначения ада присутствуют в Коране в разных местах и с крайне большим разрывом в частоте употребления. Лидирует, конечно, слово «джаханнам» – только в именительном падеже оно упомянуто восемнадцать раз. Слово ал-хутама (الحطمة), т.е. «место, где сокрушают» употреблено лишь в суре ал-Хумаза в аятах номер четыре и пять¹³. Слово «ас-сагыр» (السعير), т.е. огонь, встречается восемь раз, тоже в качестве синонима аду¹⁴. Термин «сакар» (سقر), выглядит исключительно кораническим. И.Ю. Крачковский даже оставил его без перевода. Встречается он четырежды¹⁵. Слово «джажим» (الجحيم) встречается пять раз¹⁶, его И.Ю. Крачковский перевел как ад, огонь. «Хавийа» (هاوية) и «лаза» (لظى) встречаются по одному разу¹⁷. Я остановился на этом моменте так подробно потому, что хотел показать, что в основе этого краткого упоминания лежит либо доскональное знание респондентами Гиганова Священного Писания, либо тоже достаточно глубокое знание ими толкований Корана и специальных богословских исследований, в которых систематизируются и обсуждаются подобные вопросы, поскольку не так уж очевидна связь между упоминавшимся выше аятом о «семи дверях» с конкретными названиями (по контексту – синонимами) преисподней, рассыпанными по всему тексту Корана.

Правовая терминология, со всей очевидностью опирающаяся на нормы мусульманской юриспруденции, представлена такими, например, словами и выражениями, как движимое имущество (منقول, 17, 116), заключаю, прихожу к решению (قياس قلائم, 17, 171), «ввожу что-то новое», издаю фетву (فتوا چغارامن, 17, 40), заем (حاجت لك, 17, 168), завещание, «духовная» (وصيت خط, 17, 143).

¹² Сура ал-Хиджр: 44: «У нее (еевны) – семь врат, и у каждых врат из них – отдельная часть». Здесь и далее приводится перевод И.Ю. Крачковского.

¹³ «Так нет же! Будет свергнут он (хулитель) в “сокрушилице” (5). А что даст тебе знать, что такое “сокрушилице”?»

¹⁴ Аятаы 22:4; 31:20; 34:11; 35:6; 42:5; 67:5, 10, 11. В качестве примера приведу контекст из суры ал-Мулк: «(10) Они говорят: “Если бы мы слушали или разумели, то не были мы среди обитателей огня” (11). И они признались в своем грехе; прочь же, обитатели огня!»

¹⁵ 54:48; 74:26, 27, 43. Из суры «ал-Муззаммил»: «(26) Сожгу я его в сакаре! (27). А что даст тебе знать, что такое сакар?»

¹⁶ 26:91; 79:36; 81:12; 56:94; 82:14.

¹⁷ «Хавийа» 101:9: «(8) А тот, у кого легки весы, – (9) мать его – “пропасть”». «Лаза» 70:15: «Так нет, ведь это – огонь».

С погребальным обрядом связано слово «талкын» (17, 296), обозначающее в словаре Гиганова надгробную песнь. Талкын – это арабское تَلْقِين («убеждение»), т.е. чтение над могилой молитвы, убеждающей в том, что умерший был правоправным мусульманином. По форме это масдар 2-й породы от глагола лаккана (لَقِن) («убеждать»). Помимо этого, талкын имеет много других значений, особенно в суфизме. Слово проникло в персидский, тюрко-мусульманские языки, дари, урду. Имеет формы талкын, талкин, талгын. Постепенно круг значений слова расширился, и оно стало обозначать «надгробную песню» (даже нерелигиозную, вроде погребального плача джоктау у казахов). В ряде случаев (например, у узбеков) талкын полностью оторвался от обряда погребения и означает просто «песня». Соответственно, талкынчи – это и «чтец надгробной молитвы», и «певец на могиле», и просто «певец». У неисламских тюрков этого слова нет¹⁸.

Очень кратко представлены сведения по грамматике. Исчерпываются они следующими словами (17, 104, 213): собственно «грамматика» – илм сарф, илм нахву (علم صرف علم نحو), «имя прилагательное» – исм-и сыфат (اسم صفت).

В группу «трудностей перевода» я отнес слова и выражения, чей смысл различен в русском и татарском языках, либо описываемое явление, запрашивавшееся Гигановым, просто-напросто отсутствовало у татар. Так, на странице 63 «Словаря» сказано, что «Вознесение» по-татарски означает «миградж». Ал-ми'радж (المعراج) – это полуночное путешествие к семи небесам, совершенное Пророком Мухаммадом из Иерусалима (место ми'раджа находится под Куполом Скалы) 27-го раджба. Между тем, собственно «Вознесение Господне» – это христианский праздник, отмечаемый в 40-й день по Пасхе в честь вознесения плоти Иисуса Христа на небо и обетования о Его втором пришествии. Понятно, что речь идет о двух совершенно разных событиях сакральной истории. Между тем, как свидетельствует словарь Ягелло, «Вознесение» все же переводилось на чагатайский язык как ми'радж (11, 1526) за неимением другого подходящего термина.

Отдельные образцы взаимного недопонимания могут вызвать только улыбку, например, слово «комплимент», переведенное арабским «салам», т.е. мир. На вопрос, что такое «православие» или какая вера «правая», сибирские улемы ответили просто: «мусульманлык» (17, 15), т.е. мусульманство. Другой пример из этой же области несоответствия исламских и христианских представлений: что такое икона? Ответ поражает своей откровенностью и повторяется в словаре несколько раз, давая разные значения одного арабского слова «сурат» (صورة), т.е. картина, образ и даже «идол» (17, 21, 209, 211). Получается, собеседники Гиганова не только не признавали за иконой священного статуса, но и намекали в этой связи на идолопоклонничество. При этом Гиганов оставил все значения слова без редакторской правки.

Далее еще более интригующий вопрос: как перевести слово «ересь»? Ведь поскольку в исламе нет церкви, нет института Вселенских Соборов, которые бы определяли что ересь, а что догма, получается само понятие непереводаемо. Однако, если считать, что ересь – это сознательное отклонение от догматов веры, то фактически это явное или скрытое неверие, обозначаемое арабским «куфр». Респонденты Гиганова предпочли персидский вариант этого термина (рафд, رفض, 17, 150), имею-

щего следующие значения: оставление, покидание, ересь, отрицание, безбожие (10, 727).

В качестве приложения к «Грамматике» Гиганова помещен список «Слов коренных, нужнейших к сведению для обучения татарскому языку». Помимо прочего в нем приведен сопоставительный ряд мусульманских и христианских духовных чинов. Мусульманские посты муфтия и ахуна переведены словом «архиерей»; имам, суфий и имам – неожиданно одинаково «поп», хафиз и муаззин – «пономарь». Разделение это вполне понятно, в его основе лежит христианская духовная иерархия, отсутствующая в исламе. Но наибольшее недоумение и неподдельный интерес вызывает термин, которым обозначено слово «монах» – куратун (قراطون) (8, 33-34). К сожалению, в таком виде и произношении в словарях это загадочное слово не встречается, как и монашество в исламе. Но если читать его как «қара тун», то получается просто «черная одежда» (28, 1263). Скорее всего, татары так называли русских монахов по их внешнему виду, но в контексте словаря это преподносится как часть мусульманской «церковной иерархии».

Особого внимания заслуживает словосочетание «гадательная книга» (17, 234) – фал-наме (فال نامه), выпадающее из нашей классификации. Несмотря на запрет в исламе собственно гадания, т.е. попыток узнать судьбу с помощью предсказания или колдовства, подобные практики, именовавшиеся среди сибирских татар сихир («колдовство»), имели широкое распространение в мусульманском мире (см.: 12). Очевидно, татары-мусульмане Сибири также прибегали к таким книгам. От своих информаторов в д. Тавинск (Тевризский район Омской области) мне приходилось слышать о «черном, красном и белом Коранах», которые якобы содержат скрытые знания, доступные только посвященным и способные принести несчастье любопытствующему. К сожалению, сами книги такого рода пока не обнаружены в Сибири, но мною опубликован небольшой листок с текстом, использовавшимся в оккультной практике (7, 163, рис. 22). К этой же области относится другое словосочетание, переведенное как «заклинание» (قهْر نامه), но буквально означающее «книгу силы» (17, 171). Доступ к книгам и «заклинаниям» имели «колдуны». Словарь дает тюркские эквиваленты этого термина: «яйце» и «кюзмавце», а колдовство обозначено как «джадулук» и «яйцелек» (17, 237). Первое явно происходит от персидского «джаду» (جادو) и фигурирует в мусульманских средневековых источниках при описании различных чудес (18, 254-272).

К сфере мистического относится также слово «домовой», переведенное в словаре как «пицин» (от тюркск. «обезьяна», بچين) (9, 98)¹⁹. Можно было бы подумать, что это просто описание того, как должен выглядеть «русский» домовый, однако в представлениях арабов Северной Африки (да, пожалуй, и не только у них) хороший или плохой «хозяин дома» (джин) есть у каждого помещения и может являться в виде животного (31, 6-8), в данном случае «обезьяны», хотя, вероятнее всего, слово «пицин» употреблено здесь в более широком смысле «зверь».

Рассматривая роль воображения при переводе текстов на иностранные языки, арабист Абд ал-Маджид Хан-

¹ Обширным комментарием к слову талкын я обязан к.и.н. Дмитрию Рухлядеву, научному сотруднику Сектора тюркологии и монголистики Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург), за что искренне ему признателен.

¹⁹ Пожалуй, единственный известный мне текст из Сибири, в котором есть это слово, – рукопись «Та'рих» из Института восточных рукописей в Санкт-Петербурге (шифр А1545, Л. 2b). В нем «бичин» наряду с арабским «маймун» (в тексте بمعنى) приписаны в качестве пояснения к названию года обезьяны – «хамдуна» (перс. همتونی). Последнее слово больше характерно для восточнотуркестанских тюрков, что весьма интересно в контексте того, что нисба одного из переписчиков аналогичных текстов (посвященных исламизации Сибири) обозначена как «Иарканди». См.: 6, с. 53–56.

нум подчеркивает, что при переводе восточных источников на европейские языки происходит конвертация или доместикация оригинального текста в колониальный (26, 69). В словаре Гиганова мы имеем дело с явным колониальным дискурсом, проявляющимся в наборе лексики, интересовавшей Гиганова. Но ценность его заключается в том, что мы наблюдаем сразу оба дискурса, пусть и в довольно редуцированном виде: и колониальный, и исламский. Объяснить это можно, с одной стороны, направлением перевода, т.е. с русского на татарский, а не наоборот; а с другой стороны, отсутствием нивелирующей редакторской правки, которая бы ликвидировала очевидные противоречия в значениях слов либо их тенденциозную трактовку.

Специалисту, особенно филологу-востоковеду, может показаться на первый взгляд, что изложенное здесь – это очевидные факты, вполне известные каждому, кто занимается историей и культурой мусульманских сообществ. Однако я предлагаю подходить к изучению словаря Гиганова не столько с филологических, сколько с культурологических позиций. Это позволяет нам видеть прошлое и настоящее ислама не как «причудливый» «исламско-языческий синкретизм»²⁰, а как развитие собственно мусульманской интеллектуальной жизни. Тем более что следы ее сохранились в немалом количестве в виде рукописей на восточных языках и вполне позволяют видеть сибирский ислам не только (и не столько!) как деревенский культ святых, но и как бьющий ключом источник богословских дебатов суфиев и ученых. Как ни странно, но именно словарь Гиганова – своеобразная стенограмма диалога священника с мусульманскими учеными – самый очевидный свидетель литературной жизни в округе города Тобольска на рубеже XVIII-XIX веков.

Список литературы

1. 'Абд ас-Саттар ас-Сиддыки. Файд ал-малики-л-мута'ал. – Б.м., б.г. 973 с.
2. 'Абд ар-Рашид Ибрагим. 'Алем-и ислам ва Йапунийада интишар-и исламиат. Истанбул: Сырат мустакийм на-шрийати, 1910 (в двух томах). 1073 с.
3. 'Абд ар-Рашид Ибрагим. Тарджама-и Халем йака башыма келенлер. СПб.: Электронпечатня А.О. Ибрагимова, 1905-1907. 136 с.
4. Аляутдинов Ш.Р. Мусульманское право для преподавателей. 1-2. М.: Muslim Media Press, 2006. 464 с.
5. Белич И.В., Бустанов А.К. Заметки о суфийских традициях в Западной Сибири // Мир ислама, М.: Фонд Марджани, 2010 (в печати).
6. Бустанов А.К. Проблема источника рукописи муллы Хилката Йарканди (Карагайского свитка) // Культурологические исследования в Сибири. Омск, 2007. № 2 (22). С. 53–56.
7. Бустанов А.К. Рукопись в контексте сибирского ислама // Белич И.В., Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. М.: Издательский дом Марджани, 2009. С. 156-192.
8. Грамматика татарского языка, сочиненная в Тобольской главной школе Иосифом Гигановым и Муллами юртовскими свидетельствованная. СПб.: Типография Академии Наук, 1801. 187 с.
9. Древнетюркский словарь. - Л.: Наука, 1969. 676 с.
10. Персидско-русский словарь в двух томах / Под ред. Ю.А. Рубинчика. М.: Советская энциклопедия, 1970. Т.1. 784 с.
11. Полный персидско-арабско-русский словарь. Составил полковник И.Д. Ягелло. Ташкент: Электр.-пар. Типо-литография Штаба Туркест.военного округа, 1910. 1816 с.
12. Резван М.Е. Коран в системе традиционной мусульманской магии ('илм ал-джафр, 'илм ал-кур'а, тамима): Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003. 216 с.
13. Риза ад-Дин б. Фахр ад-Дин. Асар. Оренбург: Типография Каримова, 1904-1909.
14. Русско-сибирскотатарский словарь (Урысца-себертатарца суслек): около 15000 слов / Сост. М.А. Сагидуллин. Тюмень: Мандр и Ка, 2010. 216 с.
15. Саид Э. Ориентализм: Западные концепции Востока / Пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Русский Мир, 2006. 638 с.
16. Самойлович А.Н. <Обзор русских грамматик (XIX в.) различных тюркских языков> // Самойлович А.Н. Тюркское языкознание. Филология. Руника. М.: Восточная литература, 2005. 1058 с.
17. Словарь российско-татарский, собранный в Тобольском главном училище учителем Татарского языка священником Иосифом Гигановым и муллами юртовскими свидетельствованный. СПб.: Типография Академии Наук, 1804. 682 с.
18. Султанов Т.И. Известия османского историка XVI в. Сейфи Челеби о народах Центральной Азии // Тюркологический сборник 2003 – 2004: Тюркские народы в древности и средневековье. М.: Восточная литература, 2005. С. 254-272.
19. Трепавлов В. В. Хадж из Дешт-и Кипчака в XIII-XVII вв. // Научный Татарстан. 2009. №1. С. 92.
20. Хурматуллина Л.Х. Арабский пласт лексики в «Словаре российско-татарском» Иосифа Гиганова (1804 г.) // Тумашевские чтения. Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 2007. С. 277–278.
21. Юсупова А.Ш. Арабо-персидские заимствования в двуязычных словарях татарского языка XIX века: к проблеме языковых контактов // Ученые записки КГУ. Серия гуманитарные науки. 2007. №4 (149). С. 55-63.
22. Юсупова А.Ш. Лексика самоучителей татарского языка для русских XIX века. Казань: б.м., 2002. 221 с.
23. Bregel Yu. Notes on the Study of Central Asia. - Bloomington: Research Institute for Inner Asian Studies, 1996. 61 p.
24. DeWeese D. Islamization and native religion in the Golden Horde. Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. Pennsylvania: University Press, 1994. 638 p.
25. DeWeese D. Islam and the Legacy of Sovietology: a review essay on Yaacov Roi's Islam in the Soviet Union // Journal of Islamic Studies. 13: 3 (2002). P. 298-330.
26. Hannoum A. Translation and the colonial imaginary: Ibn Khaldun Orientalist // History and Theory 42 (February 2003). P. 61-81.
27. Kemper M. Sufis und Gelehrte in Tatarien und Bashkirien, 1789-1889. Der islamische Diskurs unter russischer Herrschaft. Berlin: Klaus Schwarz Verlag, 1998. 516 p.
28. Redhouse J.W. A Turkish and English Lexicon. Beirut: Librarie du Liban, 1987. 2224 p.
29. Trepavlov V. V. XIII-XVII yuzyillarinda Dest-i Kipcak turkleri hac yolunda // Turk Tarih Kurumu Belleten. Aralik 2009. Sayi 268. Ankara, 2009. S. 779.
30. Wehr H. A dictionary of modern written Arabic. – Beirut, London: Librarie du Liban, 1974. 1110 p.
31. Westermarck E. Pagan survivals in Mohammedan Civilisation. – Amsterdam: Philo press, 1973. 190 p.
32. Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Ф. 131. Ризаэтдин Фахретдинов. Оп. 1. Д. 4. Тетрадь 3. Записи биографий духовных лиц Тобольской губернии.
33. Отдел рукописей и документов Института восточных рукописей РАН. В2695. Лл. 1b-13a.
34. Эл Супадж // Ал-Худжаз: [сайм]. URL: <http://www.alhejazi.net/aalam/113701.htm> (дата обращения 20.10.2010).

²⁰ Разрушительную критику этой теории, созданной советской этнографией и пропагандой, см.: 23; 24 (Introduction); 25, с. 316-317. Разбор сибирских материалов, непримиримых с концепцией «синкретизма» см.: 5.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Архипов Борис Владимирович** – старший преподаватель кафедры отечественной истории и документоведения Курганского государственного университета, г. Курган
2. **Бустанов Альфрид Кашасович** - аспирант кафедры Европейских исследований Амстерданского университета, Нидерланды, г. Амстердам
3. **Гоголев Игорь Борисович** - соискатель кафедры ВИИИ Курганского государственного университета, г. Курган
4. **Гусева Светлана Валерьевна** – ассистент кафедры отечественной и всемирной истории Шадринского государственного педагогического института, г. Шадринск
5. **Евдокимов Леонид Афанасьевич** - кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и документоведения Курганского государственного университета, г. Курган
6. **Казакова Анастасия Сергеевна** – аспирант кафедры отечественной истории и документоведения Курганского государственного университета, г. Курган
7. **Кислицын Василий Александрович** – кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории и документоведения Курганского государственного университета, г. Курган
8. **Кладова Ксения Юрьевна** - преподаватель кафедры философии и истории Курганской государственной сельскохозяйственной академии им. Т.С. Мальцева, г. Курган
9. **Козельчук Татьяна Валентиновна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры ВИИИ Курганского государственного университета, г. Курган
10. **Коновалов Сергей Сергеевич** - кандидат исторических наук, доцент кафедры ВИИИ Курганского государственного университета, г. Курган
11. **Копылов Виктор Петрович** – соискатель кафедры ВИИИ Курганского государственного университета, г. Курган
12. **Котович Лидия Владимировна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Новосибирского государственного педагогического университета, г. Новосибирск
13. **Кряжев Юрий Николаевич** – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и документоведения Курганского государственного университета, г. Курган
14. **Кувалдин В.А.**, г. Курган
15. **Кулинич Александр Игоревич** – старший преподаватель кафедры культурологии Курганского государственного университета, г. Курган
16. **Лушников Нелли Анатольевна** – аспирант кафедры отечественной истории и документоведения Курганского государственного университета, преподаватель кафедры философии и истории Курганской государственной сельскохозяйственной академии им. Т.С. Мальцева, г. Курган
17. **Мазур Людмила Николаевна** – доктор исторических наук, зав. кафедрой документационного и информационного обеспечения управления исторического факультета Уральского государственного университета, г. Екатеринбург
18. **Маслюженко Денис Николаевич** - кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой культурологии Курганского государственного университета, г. Курган
19. **Менщиков Владимир Владимирович** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Курганского государственного университета, г. Курган
20. **Менщиков Игорь Самуилович** - кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всемирной истории и историографии Курганского государственного университета, г. Курган
21. **Меринов С.Г.**, г. Курган
22. **Могутнов Андрей Валерьевич** – аспирант кафедры истории Челябинского государственного агроинженерного университета, г. Челябинск
23. **Неупокоев Игорь Валентинович** – кандидат исторических наук, преподаватель Курганского института государственной и муниципальной службы филиала ФГОУ ВПО «Уральской академии государственной службы»
24. **Ревнякова Светлана Александровна** – ведущий специалист ГАОПОКО, г. Курган
25. **Смирнов Геннадий Сергеевич** – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры информационной безопасности ЮурГУ, г. Челябинск
26. **Смирнов Сергей Сергеевич** – доктор исторических наук, профессор Челябинского института (филиала) Уральской академии государственной службы, г. Челябинск
27. **Суслова Елена Николаевна** - аспирант кафедры всемирной истории и историографии Курганского государственного университета, г. Курган
28. **Тетьева О.В.**, г. Курган
29. **Тимохин Евгений Анатольевич** - преподаватель кафедры философии и истории Курганской государственной сельскохозяйственной академии им. Т.С. Мальцева, г. Курган
30. **Толстых Николай Юрьевич** – библиограф Варгашинской центральной библиотеки, р.п. Варгаши
31. **Умбрашко Константин Борисович** - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, историографии и источниковедения истории Новосибирского государственного педагогического университета.
32. **Фёдоров Виктор Александрович** – краевед, г. Курган
33. **Фёдоров Сергей Георгиевич** - кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и историографии Курганского государственного университета, г. Курган
34. **Федченко Михаил Николаевич** - доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной истории и историографии Курганского государственного университета, г. Курган
35. **Хлызов Михаил Николаевич** – краевед, член Зауральского генеалогического общества им. П.А. Свищёва, г. Курган
36. **Шевельков Анатолий Иванович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, политологии и права Московского государственного областного социально-гуманитарного института, г. Москва
37. **Шимолина Татьяна Николаевна** - ассистент кафедры всемирной истории и историографии Курганского государственного университета, г. Курган

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Менщиков И.С. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОРИОПИСАНИЕ: К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ	5
Кислицын В.А. ОСОБЕННОСТИ КРАЕВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ	7
Маслюженко Д.Н. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ШИБАНИДСКИХ ХАНОВ МАХМУД-ХОДЖИ И ХАДЖИ-МУХАММАДА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XV ВЕКА: К ИСТОРИОГРАФИИ ВОПРОСА	8
Менщиков В.В. ИСТОРИОПИСАНИЕ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ	12

СЕКЦИЯ 1. ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

Умбрашко К.Б. КРИТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА	16
Кладова К.Ю. СПЕЦИФИКА ОТОБРАЖЕНИЯ РЕАЛЬНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ТВОРЧЕСТВЕ: АНАЛИЗ ЖАНРОВ И НАПРАВЛЕНИЙ ЖИВОПИСИ	19
Гоголев И.Б. ИСТОРИЯ ФЕОДАЛИЗМА В РАБОТАХ Н.П. ПАВЛОВА-СИЛЬВАНСКОГО	24
Гусева С.В. СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ОБ УДАРНЫХ КОМСОМОЛЬСКИХ СТРОЙКАХ (1956-1965 гг.)	26
Суслова Е.Н. ИСТОРИОГРАФИЯ УЧАСТИЯ УРАЛА В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (1959 – 1965 гг.)	28
Могутнов А.В. О СОСТОЯНИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБОРОННО-МАССОВОЙ РАБОТЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1945) В УРАЛЬСКОЙ И ЗАУРАЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XXI ВЕКА	29
Казакова А.С. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ В 90-Е ГОДЫ XX ВЕКА: ОБЗОР ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ .	31
Козельчук Т.В. СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ НЕПОЛНОТА ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА КАК ЭЛЕМЕНТ ЕГО КРИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА (НА ПРИМЕРЕ ФОРМУЛЯРНЫХ СПИСКОВ)	32
Коновалов С.С. ЗЕМСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ НА УРАЛЕ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	35
Лушников Н.А. ПОСТСОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ АГРАРНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ ПОСЛЕВОЕННОГО ПЕРИОДА	39
Менщиков И.С. МИФ В СИСТЕМЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ	41
Кряжев Ю.Н. С.А. МУРОМЦЕВ – ГЛАВА ПЕРВОГО РОССИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТА НАЧАЛА XX В.	43
Ревнякова С.А. ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ СОВЕТСКИХ И ПАРТИЙНЫХ ОРГАНОВ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ СССР 1923-1925 ГГ.	46
Мазур Л.Н. МИГРАЦИЯ КАК ФАКТОР ЭВОЛЮЦИИ РАССЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ УРБАНИЗАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	47
Тетюева О.В. ЭВОЛЮЦИЯ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ОЦЕНОК ДВИЖЕНИЯ ДЕКАБРИСТОВ	50
Котович Л.В. «ПИСЬМА ИЗ ДАЛЁКА»: СООБЩЕНИЯ КРЕСТЬЯН О ЗАРУБЕЖНЫХ ПОЕЗДКАХ (ПО МАТЕРИАЛАМ СИБИРСКИХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЖУРНАЛОВ НАЧАЛА XX ВЕКА)*	53
Федченко М.Н. ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ 1950 – 1960-х ГОДОВ О СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ И КОМСОМОЛЕ	55
Шимолина Т.Н. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЗАУРАЛЬЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМИ XVII-XIX ВЕКОВ	56

СЕКЦИЯ 2. ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

Кряжев Ю.Н. НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ИСТОКИ ТРАГЕДИИ	60
---	----

Евдокимов Л.А. ПСКОВСКИЕ СИБИРЯКИ: ДМИТРИЙ СЕМЕНОВИЧ ЕВДОКИМОВ	62
Копылов В.П. ШГПИ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1945-1950 гг.)	65
Архипов Б.В. ЗАМЕТКИ К МЕДИАОБРАЗОВАНИЮ, ИНТЕГРИРОВАННОМУ С БАЗОВЫМ ИСТОРИЧЕСКИМ (ПОТЕНЦИАЛ КИНО В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИСТОРИИ)	66
Кулинич А.И. ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ФОТОГРАФИЯ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ГОРОДА КУРГАНА	70
Могутнов А.В. К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ АКТИВИЗАЦИИ ОБОРОННОЙ РАБОТЫ В СТРАНЕ	71
Неупокоев И.В. СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ НАРОДНЫМ ОБРАЗОВАНИЕМ В ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII-НАЧАЛЕ XX ВВ.	73
Толстых Н.Ю. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КУРГАНЕ И УЕЗДЕ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИИ	78
Фёдоров С.Г. К ВОПРОСУ О ПОЛЬЗОВАНИИ ЛЕСНЫМИ УГОДЬЯМИ В ЮЖНОЗАУРАЛЬСКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ОБЩИНЕ ..	82
Федоров В.А. РУССКАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ ОБЩИНА (ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)	84
Смирнов Г.С., Смирнов С.С. ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ПРИПИСНЫХ КРЕСТЬЯН НА УРАЛЕ	90
Меринев С.Г., Кувалдин В.А. МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ КУРГАНСКИХ СПОРТСМЕНОВ-ЕДИНОБОРЦЕВ В XX ВЕКЕ	93
Тимохин Е.А. САМОДОСТАТОЧНОСТЬ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРУЮЩЕЙСЯ ТЕРРИТОРИИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА (КОНЕЦ XVI – ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVII ВВ.)	95
Хлызов М.И. МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ	99
Бустанов А.К. ДИАЛОГ МУСУЛЬМАНСКИХ БОГОСЛОВОВ СИБИРИ СО СВЯЩЕННИКОМ	100
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	105

Научное издание

ЕМЕЛЬЯНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «V ЕМЕЛЬЯНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ» КУРГАН, 21 мая 2010 г.

Редактор Н.М. Быкова

Подписано в печать
Печать трафаретная
Заказ

Формат 60x90 1/8
Усл. печ. л. 13,5
Тираж

Бумага тип. №1
Уч.-изд. л.13,5
Цена свободная

Редакционно-издательский центр КГУ.
640669, г. Курган, ул. Гоголя, 25.
Курганский государственный университет.

УДК 9(063)
ББК 63лО
Е 60

V Емельяновские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Курган, 21 мая 2010 г.). – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2010. - 108 с.

Печатается по решению научного совета Курганского государственного университета.

Рецензенты:

Зайцева Л.Ю. д-р ист. наук, проф. Курганского института государственной и муниципальной службы (филиала) ФГОУ ВПО УрАГС

Могутнов В.П. д-р ист. наук, профессор КПИ

Настоящее издание представляет сборник докладов и сообщений участников V Всероссийской научно-практической конференции «Емельяновские чтения», посвященной памяти известного ученого, доктора исторических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы РФ Н.Ф. Емельянова, работавшего в Курганском государственном университете с 1987 по 2002 гг.

В сборник включены доклады и сообщения, посвященные проблемам историографии, теории и методологии истории. Кроме того, имеется раздел посвященный, по традиции, краеведческой тематике.

В сборнике представлены материалы исследований актуальных проблем истории России, Сибири, Урала и Южного Зауралья.

Редакционная коллегия:

И.С. Меншиков, канд. ист. наук, доцент (отв. ред.); В.А. Кислицын, канд. ист. наук, доцент; Д.Н. Маслюженко, канд. ист. наук, доцент; В.В. Меншиков, д-р ист. наук, профессор.

ISBN 978-5-4217-0062-3

© Курганский
государственный
университет, 2010
© Авторы, 2010

Оргкомитет конференции

Менщиков И.С. – канд. ист. наук, доцент Курганского государственного университета, заведующий кафедрой всемирной истории и историографии, председатель оргкомитета.

Кузнецов А.П. – д-р биол. наук, профессор, проректор по научной работе Курганского государственного университета.

Козельчук Т.В. – канд. ист. наук, доцент кафедры всемирной истории и историографии Курганского государственного университета.

Кислицын В.А. – канд. ист. наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории и документоведения Курганского государственного университета.

Менщиков В.В. – д-р ист. наук, профессор Курганского государственного университета, заведующий кафедрой теории истории государства и права.

Маслюженко Д.Н. – канд. ист. наук, доцент Курганского государственного университета, заведующий кафедрой культурологии, зам. председателя оргкомитета.

Шимолина Т.Н. – ассистент кафедры всемирной истории и историографии.

ПАВЛУЦКИХ ГЕННАДИЮ ГЕННАДЬЕВИЧУ – 50!

15 октября 2010 года декану исторического факультета, кандидату исторических наук, доценту Геннадию Геннадьевичу Павлуцких исполнилось 50 лет. Эта замечательная дата даёт прекрасный повод задуматься о пройденном пути, подвести некоторые итоги, и в то же время увидеть новые перспективы, наметить дальнейшие цели.

Геннадий Геннадьевич родился в городе Кургане 15 октября 1960 года. Окончил тогда только созданную школу №47 с углубленным изучением английского языка. После выпуска он поступил в Измаильскую мореходную школу, смог посетить страны бассейна реки Дунай, порты Черного моря. После того, как Геннадий Геннадьевич окончил с отличием это учебное заведение, он выбрал службу в рядах ВВС. С детства увлекаясь радио и будучи чемпионом области по радилюбительству, в составе военно-воздушных войск он был стрелком-радистом дальней авиации и выполнял интернациональный долг в рядах Ограниченного контингента советских войск в Афганистане.

В 1983 году он поступил в Курганский государственный педагогический институт (КГПИ) на исторический факультет, поскольку история также входила в число его разнообразных увлечений. Здесь Геннадий Геннадьевич отдал дань археологии, всеобщей истории, студенческой самодеятельности, в том числе и полузапрещенному тогда КВН. Кроме того многие годы он работал в составе студенческих стройотрядов, по праву считаясь одним из ветеранов движения ССО Курганского государственного педагогического института.

На рубеже 80-х и 90-х годов, XX века на историческом факультете КГПИ под руководством профессора Н.Ф. Емельянова заметно активизировалась научная и краеведческая деятельность. Были подготовлены и успешно защищены несколько кандидатских диссертаций. Геннадий Геннадьевич оказался в числе первых. Он подгото-

вил и в 1994 году защитил в Челябинском государственном университете диссертацию на тему «Южное Зауралье во второй половине восемнадцатого – первой половине девятнадцатого века». Особое внимание в ней было уделено проблеме соотношения типов колонизации Западной Сибири – вольной крестьянской и государственной. Автор сумел доказать, что государство играло более активную роль в освоении и заселении этих территорий, нежели это считалось до этого.

В середине 90-х годов Геннадий Геннадьевич подготовил и опубликовал несколько крупных статей по широкому кругу проблем от поземельных отношений в Южном Зауралье до истории повседневности этого региона. Занимался он и изучением истории казачества. Он являлся одним из основных авторов раздела «Истории Курганской области», посвященного XVIII веку. Ярким и живым языком описаны быт местных крестьян, их занятия, отношения к окружающему миру и к себе. Научно-исследовательская деятельность Г.Г. Павлуцких была отмечена молодежными премиями администрации Курганской области в 1993 и 1994 годах.

С конца 1990-х годов Геннадий Геннадьевич занимал несколько административных постов в Курганской государственном университете, в 2002 году избран заведующим кафедрой отечественной истории. В 2003 году после системной реорганизации историко-правоведческого факультета и воссоздания исторического факультета стал его деканом и продолжает возглавлять его по сей день. Геннадий Геннадьевич удачно сочетает качества ученого и администратора, руководит научно-исследовательской работой студентов и аспирантов, под его руководством успешно защищены две кандидатских диссертаций.

Поздравляя Геннадия Геннадьевича с его пятидесятилетием, хочется пожелать ему здоровья, долголетия, новых творческих успехов.

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

И.С. Меншиков
Курганский государственный университет

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОРИОПИСАНИЕ: К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ

Как известно, русский язык отличается большой степенью гибкости и способностью легко усваивать слова из других языков. Так, например, для обозначения одного фрукта имеется несколько слов: «инжир», «смоква», «винные ягоды», «фиги», хотя мало кто видел его в природе, а не в качестве сухофрукта. Это нередко приводит к усложнению понимания, хотя повышает богатство языка. Теперь любой продавец знает разницу между оливками и маслинами, хотя второе слово не более чем калька с первого. Аналогичным представляется нам рассуждение о содержании понятий «историография» и «историописание». Второе также является калькой первого.

Слово «историописание» относительно недавно проникло в русский язык, в частности, в язык историков. Естественно, возникает несколько вопросов по поводу необходимости его существования. Прежде всего, есть устоявшийся термин «историография». Следует ли вводить еще один? Здесь уместно вспомнить известного средневекового логика и философа Уильяма Оккама, который считал, что не нужно множить сущности без необходимости, то есть, говоря современным языком, не надо прибегать к сложным объяснениям там, где вполне годятся простые. Этот принцип получил название «бритва Оккама».

Сам термин «историография» многозначен, а содержание несколько размыто. Классическое определение гласит, что историография - это история исторической науки. Однако существуют и другие значения. В частности, это и все, что написано (то есть сами тексты), и то, что изучено в истории по данной теме (историография проблемы), и исторические школы (либеральная историография), и национальные исторические направления (английская историография).

Подобная многозначность порождает неясность. Как справедливо отмечает М.С. Бокова, «говоря, например, «античная историография», одни сегодня понимают труды, написанные историками античности, другие имеют в виду труды, которые современные историки посвящают исследованию античности, а третьи обозначают этим термином труды историков наших дней, посвященные изучению наследия историков античности» (3, 264).

Считается, что понятие «историография» как история исторической науки пришло в отечественную историческую науку из германской где-то в середине XIX века и прочно закрепилось в советское время. Спустя сто лет начали говорить об историографии в узком и широком смысле, а концу XX столетия всё активнее стало использоваться новое слово «историописание» как альтернативное указанному термину. На наш взгляд, причин для появления и укоренения нового термина несколько.

Во-первых, само слово «историография» ассоциируется с перечислением имен историков, исторических концепций и этапов эволюции исторической мысли, что вызывает у многих своего рода аллергию, если не ска-

зать интеллектуальное отвращение, сформированное еще на студенческой скамье в советских университетах. Использование нового слова позволяет как бы дистанцироваться от старого, до известной степени обмануть себя, подобно тому, как использование слова «афроамериканец» вместо «негр» позволяет словно отойти от существования расовой проблемы, как будто её и нет. В то же время это продемонстрирует «продвинутость», например, использование к месту и не к месту слов дискурс, практики и т.д. Это явление естественное и неизбежно даже в академических кругах.

Кроме того, анализ нескольких десятков программ учебных курсов по историографии показал, что оба слова используются как синонимы, правда, в разных аспектах. К примеру, в разделе «Средневековая историография» первая же фраза выглядит так: «Историописание переходной эпохи. Первый опыт богословской истории: «Церковная история» Евсевия Кесарийского. Основы ... и т.д.». Здесь мы видим естественное для грамотного историка стремление избежать повторения одного и того же слова, найти ему подходящий синоним. С другой стороны, при анализе содержания этих программ в более поздние эпохи, особенно начиная с XIX века слово «историописание» почти нигде не встречается. Таким образом, видимо, подсознательно совершается разделение на непрофессиональное *историописание* и профессиональную *историографию*. Следуя этой логике труд, скажем, Тита Ливия относится к первой группе, а исследования С.М. Соловьёва – ко второй. Здесь налицо дихотомия: история как писательство полудилетантского характера и история как наука, вооруженная своей методической и методологической базой, занятие профессионалов.

Подобное разделение, безусловно, имеет право на существование. Оно позволяет выделить в истории два периода: донаучный и научный, приблизить первый к литературным жанрам и объяснить особенность *научного* исторического знания. Вместе с тем, в условиях «состояния постмодерна», когда поставлено под сомнение само различие между профессиональным трудом ученого-историка и просто историческим текстом, созданным неважно кем, подобный подход вызывает не только критику, но прямое отрицание. Не случайно в профессиональной (но не бюрократической) исторической среде в последнее время все чаще предпочитают говорить не об исторической науке, а об историческом знании. Конечно, одно не противоречит другому, поскольку получение истинного знания есть задача любой науки.

Возвращаясь к использованию рассматриваемого термина, необходимо признать, что он выступает своего рода альтернативой термину историография. Историописание существовало до того, как появились основные правила, приемы, принципы и методы современной исторической науки в совокупности со вспомогательными историческими дисциплинами, способами критики и прочтения документов и т.д. Тем не менее, применение термина «историописание» в этом смысле (непрофессиональная историография, созданная до оформления истории как науки к XIX веку) едва ли оправдано, поскольку в трудах историков «донаучного» периода и истории, и научности порой куда больше, чем в научных опусах наших современников. Следовательно, необходимо либо сразу признать, что вся история исторического знания делится два периода – научный (историография) и донаучный (историописание), либо рассматривать эти два термина как синонимичные. Тогда опять возникает вопрос о том, надо ли умножать термины без нужды?

Кроме указанных выше значений встречается и получает все большее распространение еще одно. Речь идет о создании исторических текстов, то есть в прямом смысле

ле об историописании. Это отсылает нас к пресловутому разговору об историческом нарративе, его функции и познавательных возможностях.

В своей небезынертной работе «Эффект реальности в историописании. Динамика историографической топологии» Ф. Анкерсмит пытается до известной степени разъяснить, что такое историография и историописание. Первую он относит к разряду философских дисциплин: «Философия истории включает в себя три области: историографию, спекулятивную философию истории и критическую философию истории. Историография описывает саму историю историописания в соответствии с основными этапами ее существования» (1, 261). Предложенный вариант толкования не бесспорен и, наверное, не сможет быть воспринят в отечественной исторической науке.

Следовательно, можно признать, что историография есть понятие более общее и предполагает осмысление того, что написано, в то время как историописание, если я правильно понял, представляет собой труды историков. Анкерсмит полагает, что такой труд в классической историографической традиции рассматривается как прозрачный, за которым видна позиция автора и его оценки (интенции). Подобный подход подвергся серьезной критике в конце XX века. Появляется новый тип историографии. Для него «текст должен быть центральным пунктом, это больше не слой, сквозь который мы смотрим (либо с точки зрения прошлой реальности, либо с позиции авторской интенции историка), но что-то, на что должен смотреть историограф. В новой историографии этот новый постулат непрозрачности исторического текста ведет к концентрации внимания на конфликтах, колебаниях, двусмысленности, амбивалентности» (1, 265).

Акцент переносится с автора на текст в духе общего постмодернистского увлечения. Новая историография становится теоретической дисциплиной в рамках философии или философии истории и должна помочь последней оправиться от удара, который нанесли ей Поппер и Хайек пятьдесят лет назад. Новая историография рассматривает только текст, её не должны волновать авторская интенция и историческая действительность, которую текст провозглашает описанной. Это приводит к тому, что стало чрезвычайно трудно узнать, представляет ли исторический текст прошлую реальность адекватным способом» (1, 268).

Возможно ли в рамках создать эффект реальности прошлого и есть ли вообще эта реальность – к таким вопросам подводит нас Анкерсмит в ходе своего большого эссе. Отталкиваясь от идей Р. Барта, согласно которым реальность прошлого есть эффект, созданный историческим текстом. Анкерсмит высказывает мысль о том, что прошлое — это наша идея прошлого, и она нуждается в объективности (1, 310).

Впреки принятому сегодня взгляду на историю в своей аргументации Анкерсмит сравнил историописание «не с наукой, а с реализмом в литературе и в визуальных искусствах. Из таких сравнений никогда не следует, что историописание действительно есть наука или форма искусства... Так, десять — двадцать лет назад многие расценили параллели между наукой и историей (существование которых никто не оспаривает) как основание, на котором должны покоиться истинность и надежность исторического знания. В попытке осуществить это, искомые параллели превратились из признаков в доказательства научного характера исторического исследования». Анкерсмит отсылает нас к классическим романам XIX века (Бальзак, Флобер), которые, однако, не рассматриваются как научные социологические исследования, хотя довольно точно и разносторонне отражают существовавшую тогда реальность. Собственно этим и обус-

ловлен выбор названия для его большого эссе – «Эффект реальности». Он отмечает, что подобно тому, как граница между искусством и миром затуманена в современном искусстве, так и граница между прошлым и реальностью стирается в самых современных революционных представлениях об историописании. В отличие от недавнего времени, продолжает он, сегодня исторический объект часто обладает неуловимостью и прозрачностью, которая делает проблематичной демаркацию между прошлым и настоящим. Историописание выказывает тенденцию развиваться в структуре, которая отделяет реальность прошлого от реальности настоящего (1, 304). Свой тезис он подкрепляет следующим рассуждением: «благодаря эффекту реальности значение исторических правил и шифров все же скорее в их способности фиксировать исторический объект, чем в исследовании его. И действительно, у реалиста, наивного или нет, есть серьезная причина быть благодарным эффекту реальности, который заставляет мир соответствовать образу, в котором реалист предпочитает его видеть». В другом отрывке, он проводит прямую параллель между историографией и искусством: «историография действительно является частью современного культурного мира, и она должна изучаться в контексте своих отношений с современной живописью, скульптурой и литературой. Недостатки современной философии истории можно в значительной степени объяснить ее тенденцией пренебрегать культурным значением написания истории» (1, 257).

В другом, более позднем произведении Анкерсмит говорит еще более туманно и двусмысленно: «Историописание как таковое можно понимать как постоянный эксперимент с языком, как бесконечный эксперимент в области связывания языка и мира... Опции точных наук для историка закрыты» (2, 202).

Подобное понимание в духе лингвистического поворота скорее затемняет, чем проясняет ситуацию. Резюмируя все сказанное выше, получается, что если согласиться с Анкерсмитом, что историография относится к области философии и эпистемологии истории, то это в отечественной исторической науке не очень удачно, на наш взгляд, пытаются называть историософией. Историописание есть сами труды историков. Поскольку у истории нет собственного языка, она использует обычный язык с его метафоричностью и системой образов и создает из него довольно специфический словарь для своих трудов.

Таким образом, можно отметить, что Ф. Анкерсмит не совсем придерживается уже ставшего традиционным для западной истории тезиса, что историописание – это труды, созданные историками, а историография есть процесс изучения историописания (3, 264-265). Подходит ли для нашей исторической науки такие коннотации смыслов? На наш взгляд, это создаст лишь лишнюю путаницу. Термин «историописание» получается почти столь же многозначным и непроницаемым, как и привычный для нас термин «историография». Учитывая консерватизм мышления и языка (разумный консерватизм), часть исторического сообщества просто не примет его. Опыт диалога и обмена мнениями, который имел место в ИВИ РАН в ходе круглого стола «Определение границ понятия «историописание»» (13-14 апреля 2009 г.), в общем, только подтверждает сказанное. По всей видимости, разговор этот может и должен иметь продолжение.

В таком случае следует либо как-то договориться об использовании слова «историописание» в каком-то узком, определенном смысле, либо, следуя совету Оккама, не множить сущности без нужды.

Список литературы

1. Анкерсмит Ф. Эффект реальности в историописании.

Динамика историографической топологии // Анкерсмит Ф. История и тропология: взлет и падение метафоры. М., 2003.

2. Анкерсмит Ф. *Возвышенный исторический опыт. М., 2007.*
3. Бобкова М.С. *От традиционных курсов по историографии к курсам по истории исторической культуры // Как изучают историю в высшей школе: опыт перспектив дискуссии. М., 2007.*

В.А. Кислицын

Курганский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ КРАЕВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В настоящее время краеведческие исследования в Курганской области вышли на новые рубежи. Что свидетельствует об этом?

Во-первых, научные труды по истории Южного Зауралья получили всероссийское признание.

В конце 2009 года увидела свет «Историческая энциклопедия Сибири», изданная Институтом истории Сибирского отделения Российской Академии наук и издательским домом «Историческое наследие Сибири» (1).

Территориальные рамки издания охватывают Алтайский, Забайкальский, Красноярский, Хабаровский, Камчатский и Приморский края, Курганскую, Тюменскую, Омскую, Новосибирскую, Кемеровскую, Томскую, Иркутскую, Амурскую, Магаданскую и Сахалинскую области, республики Бурятия, Алтай, Хакасия, Тыва, Саха (Якутия), Чукотский, Ханты-Мансийский-Югра и Ямало-Ненецкий автономные округа, Еврейскую автономную область.

Как отмечают члены редколлегии, научной базой для подготовки энциклопедии стали исследования по «сибирской» проблематике, изданные на протяжении 300 лет в России и за рубежом. Особое значение имеют публикации последних двух десятилетий, в течение которых в научный оборот введен огромный массив новых фактов. Привлечены также ранее не публиковавшиеся документы, хранящиеся в центральных и местных архивах, в том числе материалы персональных фондов (2, 3).

Энциклопедия состоит из трех томов, включает около 4 тысяч статей по археологии и древней истории, этнографии, исторической науке, территориально-административному делению региона в различные исторические периоды, об органах государственного управления и власти, о населении, о политической системе и общественно-политической жизни, экономической развитию региона, о социальной сфере, культуре, науке и высшей школе, о религиозных конфессиях, содержит обзорные разделы (очерки климата, геологии и минералогии, естественных ресурсов, природы, исторической географии, исторической картографии) и т.д. (2, 3-4).

В числе авторов статей ученые Курганского государственного университета, сотрудники зауральских музеев, работники администрации области. В частности среди авторов обобщающего очерка о Курганской области В.А. Кислицын, В.В. Менщиков, В.В. Пундани, В.С. Христоролюбский, С.Н. Шилов (3, 239-243).

Около 20 статей по тем или иным историческим сюжетам подготовлены этими же авторами, а также Л.Д. Вохменцевой, И.Г. Коуровой, Д.Н. Маслюженко, И.С. Менщиковым, В.А. Никитиным, Е.А. Рябининой, В.Д. Уфимцевым, О.И. Филоновой и другими.

В 2010 году издан 16 том «Большой Российской

Энциклопедии», в которой опубликованы очерки «Курган» и «Курганская область», подготовленные В.В. Менщиковым, В.А. Кислицыным и В.В. Пундани (4).

Во-вторых, на областном уровне признание деятельности краеведов проявилось в награждении ряда ученых премиями губернатора Курганской области О.А. Богомолова в сфере науки, техники и инновационной деятельности за 2009 год. Премии удостоены лауреаты по семи номинациям.

В том числе, в номинации «Естественные науки» премия вручена Николаю Ивановичу Науменко, профессору кафедры ботаники и генетики Курганского государственного университета, доктору биологических наук – за монографию «Флора и растительность Южного Зауралья» (5). В номинации «Гуманитарные науки» премию получил Денис Николаевич Маслюженко, заведующий кафедрой культурологии КГУ, кандидат исторических наук – за монографию «Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века» (6).

В-третьих, это видно и из многообразия видов краеведческой деятельности, его многоцентризм, так как работы краеведения в настоящее время выходят практически повсеместно. Регулярными стали конференции «Зырянские чтения», «Емельяновские чтения», школьные конференции «Отечество», областные Дни краеведа, краеведческие конкурсы.

В-четвертых, разнообразна тематика краеведческих исследований, причем в отдельные периоды по некоторым направлениям выходят целые серии работ, как это произошло в 2010 году – год 65-летия Великой Победы. И это не случайно. В истории человечества не так уж много событий, значение которых становится все больше, чем дальше они ото дня нынешнего.

Именно к таким событиям относится победа советского народа над немецко-фашистскими полчищами в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Готовясь к 65-летию Великой Победы, мы еще больше осознали ее величие и непреходящую ценность, вновь попытались определить ее роль и место в истории нашего Отечества и всего мира, понять истоки Победы, выявить неразрывную связь фронта и тыла и тот вклад, который внес в победу наш родной край.

Поэтому в канун и в период юбилея вышло несколько работ по военной тематике. Например, в 2007 году в Шадринске издана книга «Труженики тыла Великой Победы, Шадринский район, 1941-1945 гг.» (7). Участие в сборе материалов принимали Администрации района, сельсоветов, районный отдел культуры, районный совет ветеранов. Книга повествует о Шадринском районе в годы войны, причем материал размещен по направлениям (сельское хозяйство, промышленность и кустарное производство, формирование 367 стрелковой дивизии, образование, здравоохранение, госпитали, детские дома, культура и т.д.), по сельским советам, в книге опубликованы очерки о тружениках тыла.

В 2010 году в Кургане вышел шестой том книги «Священная война» (8). Напомним, что первый том появился 10 лет назад, в 2000 году. 28 апреля 2010 года состоялась конференция «Вклад Зауралья в Победу в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов», по материалам которой издан сборник.

Кроме того, за последние годы изданы такие работы, как «Избранные труды» В.П. Бирюкова (10), несколько томов сборников по зауральской генеалогии, ряд работ по истории комсомола в Курганской области, труды по истории районов и населенных пунктов области (11).

Таким образом, несмотря на имеющиеся проблемы, постоянную нехватку средств, маленькие тиражи изданий, краеведы области постоянно расширяют сферу своей деятельности.

Список литературы

1. Историческая энциклопедия Сибири: В 3 т. Новосибирск, 2009.
2. Там же. Т.1.
3. Там же. Т.2.
4. Большая Российская Энциклопедия. Т.16. М., 2010.
5. Науменко Н.И. Флора и растительность Южного Зауралья. Курган, 2009.
6. Маслюженко Д.Н. Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века. Курган, 2008.
7. Труженики тыла Великой Победы, Шадринский район, 1941-1945 гг. Шадринск, 2007.
8. Священная война. Курган, 2010.
9. Вклад Зауралья в Победу в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов. Курган, 2010.
10. Бирюков В.П. Избранные труды. Шадринск. 2008.
11. Иовлева В.Н. Шадринск и его обитатели. Шадринск, 2006; Папулов В.М. На берегах Кизака. Мокроусово, 2009.

Д.Н. Маслюженко

Курганский государственный университет

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ШИБАНИДСКИХ ХАНОВ МАХМУД-ХОДЖИ И ХАДЖИ- МУХАММАДА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XV ВЕКА: К ИСТОРИОГРАФИИ ВОПРОСА

В работах В.П. Костюкова были подробно разработаны основные проблемы истории династии Шибанидов от ее основателя до событий Великой Замятни (8, 210-224; 9, 39-43)*. Предоставить сейчас без этих работ историю Золотой Орды XIII-XIV вв. фактически невозможно. Одновременно с этим последующая история данной династии, особенно в первой половине XV века, остается белым пятном. В особенности это касается проблемы расширения территории Шибанидов на север и формирования затем на основе их улуса первых прообразов Тюменского ханства. Разработка данной темы связана со значительными лакунами в текстах источников, характеризующих первые десять лет золотоордынской истории после смерти Идигу, а также с проблемой сосуществования среди шибанидских правителей этого времени двух ханов с близкими именами: Махмуд-Ходжи из старшего рода династии (Махмуд-Ходжа-хан б. Каанбек б. Ильбек б. Минг-Тимур-хан) и Хаджи-Мухаммед-хана из младшей ветви династии (Хаджи-Мухаммед-хан б. Али-оглан б. Бекконди-оглан б. Минг-Тимур-хан). Генеалогия этих Чингизидов недавно рассмотрена Ю.В. Селезневым, который, впрочем, ничего нового к известным фактам не добавил (21, 127, 207). Отметим, что наличие двух ханов из династии Шибанидов этого поколения не ставил под сомнение ни один из восточных хронистов. Так, например, Абу ал-Кадир ибн Мухаммад-Амин писал, повторяя приведенную выше генеалогию, что Хаджи-Мухаммед был первым ханом, правившим в Искере, а Махмуд-Ходжа (без указания территории улуса) встречается в перечислении наиболее значительных правителей среди Шибанидов рода (1, 275-276).

Еще первый исследователь данной проблемы М.Г. Сафаргалиев в своей работе «Распад Золотой Орды» совместил этих правителей в одного человека, заложив тем самым определенную историографическую традицию. Хотя сейчас общепризнано, что это были троюродные братья, правившие в одно время, мы до сих пор не

* Данная работа является историографическим введением к статье, посвященной истории «улуса Шибана» в первой половине XV века, подготовленной к печати в сборник памяти В.П. Костюкова.

всегда можем отличить, какие деяния в источниках кому из них соответствуют. Попытки А.Г. Гаева и Ж.М. Сабитова решить эту проблему не привели к однозначному результату. При этом возникает вопрос более значительного источниковедческого характера: различали ли этих правителей сами авторы хроник и летописей, или удаленности западно-сибирской лесостепи от основных центров средневекового историописания приводила к тому, что авторы фиксировали лишь отдаленные отголоски событий. Следует также отметить, что в исследовательской литературе по этому периоду присутствует также Улуг-Мухаммед, а с конца 1420-х гг. еще и Кучук-Мухаммед (оба из династии Тука-Тимуридов). Обилие ханов с подобными именами, а часто в источниках речь идет только об имени «Мухаммед», к тому же активно действующих на международной арене, приводит к дополнительным сложностям в трактовке событий.

Не претендуя на полноту раскрытия этой темы, нам бы хотелось предложить ряд замечаний, которые бы позволили продлить во времени ту линию шибанидской истории, которую предлагал В.П. Костюков. При рассмотрении данной темы принципиальным моментом, на наш взгляд, является то, что предшественник младшей линии рода Хаджи-Мухаммед-хан является основателем всей сибирской правящей династии, которая сохраняла свою власть в Тюменском и Сибирском ханстве вплоть до смерти Кучума и борьбы его наследников за независимость от русской власти. Таким образом, определение принадлежности хана к той или иной ветви династии напрямую влияет на восприятие предпосылок формирования Тюменского ханства.

Очевидно, что для того, чтобы разобраться в деятельности этих двух ханов, необходимо, прежде всего, проанализировать имеющуюся на эту тему историографию и использованную в ней источниковую базу. Предварительно отметим, что зачастую на основании одних и тех же источников авторы приходят к абсолютно противоположным выводам. В результате анализ историографии должен позволить нам выявить наиболее спорные моменты авторских концепций.

Впервые эта проблема была поднята в уже упомянутой работе М.Г. Сафаргалиева, вышедшей в свет в 1960 году, чья точка зрения на рассматриваемую проблему долгое время оставалась классической. На основании данных аль-Ташкенди и Кадыр Али-бея он сделал вывод о том, что около 1420 года Идигу, разыскивавший нового Чингизида, который бы легитимизировал его статус, обратился к Хаджи-Мухаммед-оглану за помощью, и тот участвовал на стороне первого в битве с войсками хана Кадыр-Берди. В этой битве Идигу был убит, однако завещал своим сыновьям поддержать нового ставленника. В результате в 1421 году Мансур помог оглану стать ханом (далее уточняется, что это произошло в Сибири), а сам при нем занял пост беклярибека. Автор отмечает, что аль-Ташкенди называет этого хана Махмуд-Ходжой и допустил, что на самом деле имеется в виду одно и то же лицо из потомков Шибана. Это допущение стало базовым, как мы увидим далее, для значительного числа исследователей.

В том же году развернулась борьба за Восточный Дешт-и Кыпчак (особенно за Приаралье и низовья Сыр-Дарьи с центром в Сыгнаке) Хаджи-Мухаммеда с Борак-ханом, потомком Урус-хана, которая шла с переменным успехом. Признавая, что до того у Барака были столкновения с Улуг-Мухаммедом, М.Г. Сафаргалиев на основании данных Самарканди считал, что около 1425-1426 года Барак захватил орду Хаджи-Мухаммед-хана и заставил того отступить в Сибирь. В конце 1427 года Борак, нанеся поражение Тимуридам, вернулся на Сыр-Дарью

и возможно пытался подчинить земли на севере, где вновь столкнулся с Хаджи-Мухаммед-ханом и Мансуром. Автор отстаивает точку зрения о том, что в ходе борьбы Барак убил Мансура, но в следующем году сам был убит Хаджи-Мухаммедом. В основе этой версии событий лежат сообщения Кадыр Али-бея, а также рассказы Шильтбергера о гибели Барака в борьбе с Магомедом и Самарканди об аналогичном событии с участием султана Махмуда. М.Г. Сафаргалиев, вопреки мнению ряда комментаторов считает, что под упомянутыми именами никак не мог скрываться Улуг-Мухаммед, так как его власть не распространялась на восточные улусы, а следовательно, это мог быть только Хаджи-Мухаммед. При этом автор считает, что данные источники в совокупности опровергают версию об одновременном убийстве Бараком как Мансура, так и его ставленника Хаджи-Мухаммед-хана.

После гибели Борака господство в степях перешло в от Тука-Тимуридов в руки Шибанидов, причем права Хаджи-Мухаммед-хана оспаривал Джумадук, провозглашенный ханом в 1425 году, и позднее Абу-л-Хайр-хан (при поддержке внука Идигу Ваккаса). Впрочем в юрте Джумадыка его непродуманная политика привела к росту сепаратизма и бегству недовольных к Хаджи-Мухаммед-хану. Около 1428 года Джумадук был разгромлен, а полководец его левого крыла Абу-л-Хайр попал в плен к Хаджи-Мухаммеду. В 1429-1430 годах Абу-л-Хайр был провозглашен ханом в Чинги-Туре, после чего разгромил в битве на Тоболе и убил своего ближайшего конкурента.

Таким образом, М.Г. Сафаргалиев использовал все имеющиеся на тот момент источники для создания непротиворечивой версии событий. Хаджи-Мухаммед у него действует в период с 1420 по 1430 (833) (20, 454-459). При этом он впервые высказывает версию о том, что Хаджи-Мухаммед и Махмуд-Ходжа являются одним ханом, который и разгромил Борака. Любопытно, что автор также относит известный случай восстания Махмуда и Ахмада против Абу-л-Хайр-хана к сыновьям убитого им сибирского хана, а не Кучук-Мухаммеда, которому самому было на тот момент не более 20 лет. Все эти допущения неоднократно в дальнейшем используются в исследовательской литературе (например, в 1 томе «Истории Сибири» (1968) Ибак-хан описывается именно как сын убитого Абу-л-Хайр-ханом Хаджи-Мухаммеда (3, 364)).

Уже в 1965 году Б.А. Ахмедов в классической работе «Государство кочевых узбеков» высказал альтернативную точку зрения на эти события, основанную, прежде всего, на «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» Масуда бен Усмана Кухистани и близких к ней источниках Шибанидского круга. Прежде всего, он отмечал, что борьба за власть в 1420-е гг. шла между Барак-ханом и Улуг-Мухаммедом, от рук которого и погибает. По сути, это была ревизия той позиции по расстановке сил в Восточном Деште, от которой 8 лет назад пытался уйти М.Г. Сафаргалиев. Причем эта борьба шла не только за Узбекский улус, но и распространялась на русские земли и Булгар. В этот же период на востоке Дешта земли были разделены между несколькими представителями династии Шибанидов. При этом Джумадук контролировал земли к северу от Арала, между реками Сарысу и Эмба, непосредственно гранича с Мангытским юртом. Между Тоболом и Ишимом находились земли Махмуд-Ходжи, сына Каанбека, при этом расположенная к северу Чинги-Тура была в руках буркутов. На реке Атбасар, притоке Ишима, располагался юрт Мустафы-хана. Дальнейшие события возвышения Абу-л-Хайр-хана описываются фактически идентично у всех авторов. Однако в отличие от М.Г. Сафаргалиева Б.А. Ахмедов пишет о столкновении этого хана с Махмуд-Ходжой-ханом ранней весной 834 (1430-31) года и убийстве последнего. Таким образом, в работе Б.А. Ахмедова расширяется

количество Шибанидов, участвующих в борьбе за власть в интересующие нас годы, и впервые говорится об ином происхождении убитого в битве на Тоболе хана. При этом автор предполагает, что до объединения всего улуса Шибана под властью Абу-л-Хайр-хана его предшественники находились в какой-то зависимости от Тука-Тимуридов (2, 39-48). Также автор отстаивает точку зрения, что восставшие в первые годы после восшествия Абу-л-Хайр на престол Махмуд и Ахмад были сыновьями Кичи-Мухаммеда (2, 51-52), впрочем вопрос о генеалогии данных правителей не менее дискуссионен. Хаджи-Мухаммед-хан также упомянут автором, но только в контексте генеалогии его сына Ибак-хана в качестве одного из неподчинившихся лидеру Узбекского государства Чингизида (2, 60).

В результате уже в 1960-х гг. сформировалось две альтернативные точки зрения на события 1420-х гг., произошедшие в улусе Шибана. Большинство современных авторов, возможно не осознавая этого, относятся либо к первому, либо ко второму направлению. Так, например, еще в 1988 году Б.-А.Б.Кочкаев поддержал точку зрения М.Г. Сафаргалиева о вражде Борака с Хаджи-Мухаммед-ханом, в результате которой ногаи и хан-Шибанид убили Борака (10, 48).

Несколько позднее, в 1992 году С.Г. Кляшторный и Т.И. Султанов в совместной работе «Казахстан. Летопись трех тысячелетий» практически полностью повторили версию Б.А. Ахмедова, используя при этом как известные ему источники, так и рассказы Шильтбергера, Кадыр Али-бея и ряда других авторов, характерных для реконструкции М.Г. Сафаргалиева. Особенно это видно при перечислении существовавшего в 1420-х гг. распределения юртов Шибанидами на территории Восточного Дешта, а также в описании обстоятельств разгрома и убийства Махмуд-Ходжи-хана Абу-л-хайром (7, 217, 221). Вместе с тем, при описании предыдущих событий авторы отстаивали версию о вражде Борака с Улуг-Мухаммедом, в ходе которой первый и был убит. Впрочем в достаточно запутанном в этой части повествовании можно увидеть в качестве убийц Борака и некоего не идентифицированного Мухаммед-хана, и даже Кучук-Мухаммеда (7, 204-210).

В последующие годы достаточно подробно эти события были рассмотрены А.Г. Нестеровым. В автореферате диссертации Хаджи-Мухаммед-хан упоминается как один из самостоятельных ханов из династии Шибанидов, лишенный власти Абу-л-Хайр-ханом, что объясняет дальнейшую враждебность его потомков к узбекским родственникам. Однако до этого он приходит к выводу, что после переноса центра Узбекского ханства на юг было создано государство Сибирских Шибанидов со столицей в Чимги-туре, основателем которого был тот же Хаджи-Мухаммед. При этом автор считает, что сведения об этом хане у Кадыр Али-бека не являются достоверными (14, 13). Исходя из этого, можно предположить, что А.Г. Нестеров не только идентифицирует двух интересующих нас ханов, как это делал и М.Г. Сафаргалиев, но считает, что этот хан не был убит в битве на реке Тобол и затем даже восстановил свою власть.

В более поздних работах А.Г. Нестеров повторяет принятое Б.А. Ахмедовым деление юртов, поскольку именно эта версия распределения Восточного Дешта между Шибанидами становится общепринятой, но при этом Махмуд-Ходжа-хан далее не упоминается. При этом он считает (без ссылок на подтверждающие эту версию источники), что первым шибанидским правителем в Чимги-туре был отец Абу-л-Хайра Даулат-Шайх-оглан (конец XIV в. – 1426 г.). Однако, по нашему мнению, в отличие от иных Шибанидов этого поколения он даже не упоминается с титулом хана, что само по себе уже вызывает сомнения в предлагаемой концепции. После его смерти

город переходит под управление буркутов, а его наследник был отправлен к Джумадуку. То есть для Абу-л-Хайра поход в Сибирь был, по сути, возвращением родового улуса. Кроме того, он еще раз подтверждает ранее высказанную мысль о том, что Хаджи-Мухаммед начинает править в Чимги-Туре примерно с 1444 (или 1446) года, а около 1460 года престол переходит к его сыну Махмуду. В работе 2002 года автор при этом ссылается на работу Масуда ибн Усмана Кухистани, однако, забегая вперед, отметим, что нам не удалось в этом источнике найти цитату, подтверждающую данное предположение. При этом А.Г. Нестеров отстаивает мысль о том, что уже Хаджи-Мухаммед-хан установил дипломатические отношения с московскими князьями Василием II и Иваном III, в подтверждение чего приводит хорошо известную фразу из письма его потомка Ибака Ивану III: «Отец мой стоит с твоим юртом в опришнину, и друг и брат был» (15, 207; 16, 112-114). При этом он считает известного тюменского хана Ибрахима сыном Хаджи-Мухаммеда, в то время как он является лишь внуком (11, 89). Сама эта фраза из письма также может трактоваться не как отражение конкретных связей Хаджи-Мухаммеда с русскими князьями, а как в целом идеальное отражение отношений Шибанидов с Москвой в контексте установления новых связей.

В том же 2002 году абсолютно оригинальную версию рассматриваемых событий высказывает Г.Файзрахманов. Он считает, что до Ибак-хана все земли в Тюменском ханстве подчинялись ханам из династии Тайбугидов, которых удалось подчинить только Узбеку и Тохтамышу. Хаджи-Мухаммед-хан владел лишь престолом Синеи Орды, при этом ему подчинялись лишь земли по Ишиму, а столица располагалась в Кызыл-Туре. Сыновья этого хана Ахмед и Махмутек сумели изгнать Абу-л-Хайр-хана из Сибири в 1428 году, где в дальнейшем правили независимо (23, 128-129). При этом остается не ясным, на каких именно источниках основывается эта версия событий в улусе Шибана в 1420-х гг. Автору данной статьи уже приходилось высказываться против данной версии преобладания Тайбугидов (23, 103 и далее).

Однако на этом выпущенные в 2002 году интересующие нас работы не завершились, поскольку в Нижнем Новгороде была издана работа А.Г.Гаева. Он предполагает, что после смерти Идигу около 822 года ханом был провозглашен Махмуд-Ходжа б.Каганбек и его правление заканчивается доминирование в борьбе за Сарай правителей из династии Шибанидов (возможно он был сарайским ханом с 1428 по 1430 г.). При этом автор использует уже упомянутое ранее сообщение Аль Ташкенди, рассказ Самарканди о борьбе и убийстве Борак-хана Султан-Махмудом в 832 году и информацию Кухистани об убийстве Абу-л-Хайром данного правителя около 833 года. Возможно этот же правитель (под именем царицы «Махмут-хози») совершил набег на Галич в 1428 (831-832) г. совместно с казанскими татарами, а, следовательно, правил в Булгаре, где в частности найдены его монеты. Автор предполагает, что около 832 года именно Махмуд-Ходжа-хан разбил Джумадука и Абу-л-Хайра, а через год сам погиб от руки последнего (4, 28-30). Таким образом, как и М.Г. Сафаргалиев, автор приписывает действия обоих ханов одному, но не Хаджи-Мухаммеду, а Махмуд-Ходже. При этом первый из них упоминается только как отец Махмуда и Ахмада, разбитых в Икри-Тупе, благодаря чему узбекский лидер захватил «Саин стул».

В 2006 году частично эту проблему затронул в своей фундаментальной работе по истории Ногайской Орды В.В. Трепавлов. В целом он придерживается версии о восшествии на престол Хаджи-Мухаммед-хана в 1421 году, как ее впервые построил М.Г. Сафаргалиев на основании сообщения Кадыр Али-бека. Однако в дальнейшем

Мансур становится беклярибеком при Бораке, с которым они вместе совершают поход на Улуг-Мухаммеда в 1426 году. Вскоре после этого между ними произошел разрыв, и Мансур был убит. Согласно рассказу Кырыми, в дальнейшем сам Борак был убит родственниками Мансура при поддержке войск Кучук-Мухаммед-хана. При обсуждении географии Восточного Дешта В.В. Трепавлов предполагает, что в начале XV века земли здесь находились во владении Пулада Шибанида, а затем его сыновей Ибрахима и Араб-шаха. На наш взгляд, данное утверждение является анахронизмом, поскольку Шибаниды Пулад и Араб-шах являются активными участниками Великой Замятни в Золотой Орде. Если Араб-шах (Арапша русских источников) еще мог к этому времени остаться в живых, то его отец, очевидно, уже был мертв (подробную аргументацию см.: 11, 65-66; 17, 147-154). Распределение земель в 1420-е гг. в целом повторяет схему Б.А. Ахмедова, однако В.В. Трепавлов делает осторожное предположение о возможной идентичности Махмуд-Ходжи-хана и Хаджи-Мухаммед-хана (22, 93-95).

Некоторые мысли по этому вопросу высказывал и Д.М. Исхаков как в отдельных статьях, так и монографии 2006 года «Введение в историю Сибирского ханства». В трактовке деятельности этих ханов он опирался на малоизвестную версию сочинения Утемиш-хаджи «Чингизнаме», выдержки из которой были опубликованы А.-З. Валиди-Тоганом. Он впервые обратил внимание на то, что в этом источнике упоминается о хане Махмудек-Ходже, чьи владения находились между Ишимом и Тоболом. Этот хан «воевал с представителями эля Тура против тюменей кунграт и салджигут». Независимо от этого упоминается о разгроме Махмуд-Ходжи Абу-л-Хайр-ханом, а также о том, что Хаджи-Мухаммед-хан б. Али управлял значительными территориями, включавшими башкир, Алатырь, мокши и город Болгар, а также город Тура (6, 55-57). При этом автор считает, что Махмудек-Ходжа, Хаджи-Мухаммед-хан (основатель Тюменского ханства, правивший в нем с 1420/1 по 1428/9 или 1430 г.) и Абу-л-Хайр-хан были современниками (6, 14, 17). Предполагается, что на территории Государства кочевых узбеков могли находиться улусы потомков этого Хаджи-Мухаммед-хана как зависимых от Абу-л-хайр-хана правителей. При этом допустимо, что после отхода от последнего в 1447 году Мангытского иля его лидеры могли провозгласить кого-то из Сибирских Шибанидов ханом (6, 131-132). Хотя Д.М. Исхаков и предлагает в отличие от предыдущих исследователей четко отделять двух интересующих ханов друг от друга, но при этом их деятельность практически не анализируется, кроме цитирования Утемиш-хаджи по версии А.-З. Валиди-Тогана.

В 2008 году этот вопрос отчасти был затронут в небольшой очерке Н.Ф. Мухамедьярова. В частности автор (со ссылкой на Утемиша-Ходжи) указывает, что основателем Тюменского ханства был Хаджи-Мухаммед, который правил приблизительно с 1420-1421 по 1430 год. Одновременно с этим автор, описывая поход Абу-л-Хайра на Туру, пишет о его победе над Махмуд-Ходжей ханом (1429-1430 г.). В дальнейшем приводится информация А.-З. Валиди-Тогана о хане Махмудек-ходже как современнике Хаджи-Мухаммеда (13, 132-136). В целом автор вводит даже трех действующих ханов со схожими именами, хотя отметим, что в данном небольшом очерке Н.Ф. Мухамедьяров лишь отражает основные этапы становления ханства и вопрос различий между интересующими нас правителями перед ним не стоял.

Уже в 2009 году данная проблема вновь была поднята Ж.М. Сабитовым в статье, посвященной «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» как историческому источнику. Прежде всего, автор подвергает сомнению традиционное деление

Восточного Дешта в 1420-х гг. по версии Б.А. Ахмедова. В комментариях к известному договору Идигу с Хаджи-Мухаммедом автор впервые обращает внимание на то, что М.Г. Сафаргалиев смешал не только деятельность двух интересующих нас ханов, но и добавил к ним еще и Улуг-Мухаммеда. Ж.М. Сабитов настаивает на том, что большинство событий на востоке Дешта, упомянутых у Эль-Айни и Шильтбергера, в частности в контексте борьбы Борака, Чекре и «Мухаммада», необходимо связывать именно с Хаджи-Мухаммедом, убитым Бораком вместе с Мансуром около 1423 года. После его смерти братья Мансура Гази и Науруз могли, по мнению автора, провозгласить ханом Махмуд-Ходжу б. Каанбека (а не Кучук-Мухаммеда, как это отмечал Кырыми), который и разбил Борака около 1428/9 года, а в дальнейшем разделил Восточный Дешт с Джумадук-ханом. Далее Ж.М. Сабитов пишет о том, что именно Махмуд-Ходжа-хан мог быть лидером тех кочевых биев, которые восстали и затем убили Джумадука. Позднее, около 1430 г. его военачальник Абу-л-Хайр на охоте убивает Махмуд-Ходжу, как об этом пишет Аль-Джанаби, пересказывая Эль-Ташкенди (справедливости ради отметим, что Ж.М. Сабитов в другой статье того же года пишет, что в 1430 году этот хан был казнен Абу-л-Хайром (18, 112)). Войско же, собранное Абу-л-Хайром против Махмуд-ходжа-хана, в действительности действовало против сына Хаджи-Мухаммед-хана Махмудека (по мнению автора, Кухистани, не знакомый подробно с историей Дешта, мог смешать этих ханов). При этом этот поход мог состояться только после поражения Абу-л-Хайр-хана от калмыков, то есть в 1458 г., что связано со значительной путаницей в хронологии у Кухистани, в результате которой события оказались произвольно переставлены (19, 167-169, 176). Несмотря на наличие рационального зерна в этих рассуждениях, мы считаем, что хронология событий сибирской истории и в частности отождествление Махмуд-Ходжи и Махмудека не достаточно аргументированы.

В том же году данный вопрос частично был затронут И.Л. Измайловым, который, к сожалению, в силу специфики работы не ссылается на источники информации. Он указывал, что после гибели Идигу на западе улуса Джучи укрепился Улуг-Мухаммед, а в Кок-орде началась борьба Чингизидов. В этих условиях улус Шибана возглавил Хаджи-Мухаммед (1420-1430). При этом автор предположил, что данный хан сражался с Идигу против Кадыр-Берди, а после смерти Идигу не признал Улуг-Мухаммеда, основав Сибирское (Тюменское) ханство. В 1421 году он, как и Улуг-Мухаммед, был разбит Бораком и был вынужден подчиниться ему. Воспользовавшись поражением Борака от Улуг-Мухаммеда в 1425-1426 гг., он также в 1427 г. поднял восстание, чем способствовал поражению и гибели Борака в Могулистане. После этого он объединил все земли от туры до Тобола и Ишима, а затем начал борьбу в Приаралье за объединение Кок-Орды и даже разгромил в 1428-1429 гг. «мятежные войска» Джумадыка и казнил самого хана. Однако остальных мятежников он простил, что привело к их восстанию под руководством внука Идигу Ваккаса и провозглашению ханом Абу-л-Хайра. В дальнейшем новый хан разгромил Хаджи-Мухаммеда и в 1430 г. казнил (5, 724).

Наконец, последняя по времени работа - 2010 года, где частично упомянута интересующая нас тема, монография Р.Ю. Почекаева «Цари Ордынские». Автор этой работы считает, что вскоре после убийства Идигу был провозглашен ханом Улуг-Мухаммед, захватив земли в Волжской Булгарии и Хаджи-Тархане (при этом в комментариях отмечается, что ряд исследователей путают его с Кучук-Мухаммедом (17, 341)). Одновременно с этим сыновья Идигу поддержали Хаджи-Мухаммед-хан из династии

Шибанидов, с помощью которого удержали часть бывшей Синей Орды, но предпринимая дальнейших попыток проникновения в Поволжье. В 1421-22 годах Борака-хан, при поддержке перешедшего на его сторону Мансура и самаркандского правителя Улугбека, разгромил Улуг-Мухаммеда и изгнал его из Поволжья. Только в 1426 году Улуг-Мухаммеду удалось вернуть свои владения в Поволжье. После этого, а также после поражения в Мавераннахре, от Борака ушел Мансур, возможно, вновь к Хаджи-Мухаммеду, однако вскоре мангытский бек был убит по приказу Борака. Ликвидация внутренних соперников позволила Бораку вновь вторгнуться в Поволжье и в 1427 году объявить себя ханом Золотой Орды. Улуг-Мухаммед, опиравшийся на Крым, сумел окончательно разгромить Борака в 1428 году, что подтверждается информацией из письма этого хана турецкому султану Мураду II, но при этом в письме идет речь о том, что с Бораком был Мансур (17, 340). По нашему мнению, это упоминание является анахронизмом и может отражать более ранний разгром 1426 года. В 1428/9 году Борака был убит Гази и Наурузом, мстившим за Мансура. Р.Ю. Почекаев отмечает, что, по сведениям И. Шильтбергера, Борака был убит «господином Мухаммедом», но непонятно, кто из ханов имелся при этом в виду - Улуг-Мухаммед, Кучук-Мухаммед или Хаджи-Мухаммед. Обращает на себя внимание то, что улус Борака во главе с его наследниками перешел под контроль Шибанидов (17, 197-202).

Даже этот небольшой обзор историографии показывает столь значительное число точек зрения, многие из которых неосознанно исходили из базовой оппозиции между М.Г. Сафаргалиевым и Б.А. Ахмедовым, что не специалисту разобраться в рассматриваемой проблеме просто невозможно. По сути, значительное переосмысление этих концепций было предпринято только А.Г. Гаевым, Ж.М. Сабитовым и Р.Ю. Почекаевым, однако предложенные ими концепции, основывающиеся на схожих источниках, привели к абсолютно различным результатам. Большинство авторов оперируют одним и тем же кругом источников, а разница в трактовке событий зачастую опирается на серии допущений (как, например, на разнице в восприятии того, кто из «Мухаммедов» в качестве Сарайского правителя упоминается в источниках, или на том, как именно подсчитывать время правления ханов в Сарай по данным И. Шильтбергера). Ранее автор придерживался точки зрения, высказанной М.Г. Сафаргалиевым, об идентификации ханов Хаджи-Мухаммеда и Махмуд-Ходжи и считал первого основателем не только тюменской правящей династии Шибанидов, но и собственно самого Тюменского ханства (12, 339-347). Однако очевидно, что эта точка зрения требует уточнения.

Список литературы

1. Абу ал-Кадир ибн Мухаммад-Амин. *Маджма ал-ансиб ва-л-амджар*. Алматы, 2005.
2. Ахмедов Б.А. *Государство кочевых узбеков*. М., 1965.
3. Бояршинова З.Я., Степанов Н.Н. *Западная Сибирь в XIII-XVI вв. // История Сибири*. Л., 1968. Т.1.
4. Гаев А.Г. *Генеалогия и хронология Джучидов. К выяснению родословия нумизматически зафиксированных правителей улуса Джучи // Древности Поволжья и других регионов*. Нижний Новгород, 2002. Вып. IV. *Нумизматический сборник*. Т.3.
5. Измайлов И.Л. *Агония империи // История татар. С древнейших времен*. Казань, 2009. Т.III. *Улус Джучи (Золотая Орда) XIII- середина XV в.*
6. Исхаков Д.М. *Введение в историю Сибирского ханства*. Казань, 2006.
7. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. *Казахстан. Летопись трех тысячелетий*. Алма-Ата, 1992.
8. Костюков В.П. *Улус Шибана в XIII-XIV вв. (по письменным данным) // Проблемы истории, филологии, культуры*. М.-

- Магнитогорск, 1998. Вып. VI.
9. Костюков В.П. Шибаниды и Тукатимуриды во второй половине XIV века // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 28. Серия «История». Вып. 34.
 10. Кочекаев Б.-А.Б. Ногайско-русские отношения в XV-XVII вв. Алма-Ата, 1988.
 11. Маслюженко Д.Н. Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века. Курган, 2008.
 12. Маслюженко Д.Н. Сибирская периферия золотоордынского пространства в 1420-1440-е гг. // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: Материалы IV Международной конференции, посвященной памяти Г.А.Федорова-Давыдова. Азов, 2009.
 13. Мухамедьяров Ш.Ф. Тюменское ханство // Очерки истории исламской цивилизации / Под общей ред. Ю.М.Кобищанова. М., 2008. Т.2.
 14. Нестеров А.Г. Государства Шейбанидов и Тайбугидов в Западной Сибири в XIV-XVII вв.: археология и история: Автореф. дис.... канд. ист. наук. М., 1988.
 15. Нестеров А.Г. Династия сибирских Шейбанидов // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск-Омск, 2002.
 16. Нестеров А.Г. Формирование государственности у тюркских народов Урала и Западной Сибири в XIV-XVI вв. // Дешт-и Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов: Материалы международной научно-практической конференции. М., 2003.
 17. Почекаев Р.Ю. Цари Ордынские. Биография ханов и правителей Золотой Орды. СПб.: Евразия, 2010.
 18. Сабитов Ж.М. Таварих-и гузида-йи насрат-нама как источник по генеалогии джучидов // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2009. Вып.2.
 19. Сабитов Ж.М. Тарихи Абулхаир-хана как источник по истории ханства Абулхаир-хана // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2009. № 2.
 20. Сафаргалеев М.Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций. М., 1996.
 21. Селезнев Ю.В. Элита Золотой Орды. Казань, 2009.
 22. Трепаев В.В. История Ногайской Орды. М., 2002.
 23. Файзрахманов Г.Л. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX века). Казань, 2002.

В.В. Менщиков
Курганский государственный университет

ИСТОРИОПИСАНИЕ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

В советской исторической науке, стоявшей на марксистских позициях, в известной степени и довольно плодотворно, фактически реализовывался известный ранкеанский принцип познания истории «как это, собственно, было» или «как было на самом деле» (*wie es eigentlich gewesen ist*). Показательно в этой связи как известный советский историк академик И.Д. Ковальченко формулировал задачи познания прошлого: «... показ того, как это было в его инвариантности» (11,182). Фактически «инвариантное» повторение смысла известной фразы Л. Ранке. Приведем еще одно достаточно характерное и более развернутое утверждение Могильницкого: «В противоположность распространенным в буржуазной науке представлениям о неадекватности наших знаний о прошлом исторической действительности марксизм исходит из признания возможности познать средствами исторической науки прошлое человеческого общества в его объективной реальности» (7,16). Подобные подходы к историческому познанию, как нам представляется, исходят из гегелевского принципа тождественности логики развития идеальной логике развития материального, что и не удивительно из-за генетической связи марксизма и

гегелевской философии. В известном смысле на этом строится и гносеологическая теория отражения.

Однако становление советской исторической науки, что любопытно, начиналось с совершенно противоположных позиций. Это, в первую очередь, было связано с деятельностью М.Н. Покровского и его школы. Как отмечает немецкий историк Ф.Б. Шенк, «он (*Покровский – В.М.*) отрицал возможность объективного рассмотрения и изображения прошлого и защищал тезис о том, что каждый класс способен описывать исторический процесс только со своей собственной точки зрения и для своей собственной выгоды. «История», гласит часто цитируемая формула Покровского, «это политика, опрокинутая в прошлое» (15,241). Такая откровенная «инструментализация прошлого» была подвергнута критике в 1930-е гг., но «история и впредь приспособлялась к актуальной политической генеральной линии. Однако результат этого приспособления объявлялся теперь не субъективной интерпретацией пролетарской классовой точки зрения, но «объективной истиной» (15,244-245). Подобный «объективизм» строился теперь на иных основаниях. «СССР тридцатых годов признал себя историческим продолжением Российского государства «поверх» исторического перелома 1917 г. ... Осью истории России были уже не классовая борьба и народные восстания, но прогрессивное строительство централистского государства сильными личностями» (15, 280-281). Не очень сильно ситуация изменилась и в дальнейшем. Как отмечают исследователи, «XX съезд оставил сталинский образ истории по существу неприкосновенным. «Отечественная историография» отныне еще сильнее стремилась к «шпагату» между «национальным» и «марксистским» направлениями» (15, 436).

Такая внутренняя противоречивость, постоянное лавирование между принципами партийности и классового подхода, с одной стороны, и стремлением к объективности, с другой, стали характерной чертой советской исторической науки или, если угодно, советского историописания. Кстати, в последнее время отечественные историки для характеристики своей деятельности все чаще стали использовать термин «историописание». Очевидно, что он является, по существу, дословным переводом понятия «историография», что неизбежно заставляет более строго определить границы последнего, тем более, что в практике употребления этого понятия все больше становится смысловой неопределенности. «Таким образом, говоря, например, «античная историография», одни сегодня подразумевают труды, написанные историками античности, другие имеют в виду труды, которые современные историки посвящают исследованию античности, а третьи обозначают этим термином труды историков наших дней, посвященные изучению наследия историков античности» (1, 6). В целом соглашаясь с указанными вариантами используемых значений, отметим, что довольно часто употребляемым в последнее время является понимание историографии как совокупности всех научно-исторических трудов в хронологическом или национально-страноведческом контекстах. Примером этого могут быть активно используемые словосочетания «отечественная историография», «античная историография» или «современная французская историография» и т.д. Хотя в сугубо профессиональной среде преобладает узкое понимание этого термина как литературной истории той или иной научной проблемы.

Такой же противоречивой оказывалась и природа исторического источника как фундамента любого исторического исследования. «Между историком и изучаемым им объектом оказывается, таким образом, еще

одно, промежуточное звено – исторический источник, уже отягощенный чьей-то интерпретацией» (3, 37). Вполне очевидная негативная коннотация в отношении отягощенности субъективизмом любого текста. Получается, что важнейшей задачей на пути достижения познания объективной исторической истины является очищение любого письменного источника от этой субъективной отягощенности. С точки зрения теории отражения это возможно, так как, по мнению историков-марксистов, исторические источники – это любые остатки прошлого, «в которых отложились исторические свидетельства, отражающие реальные явления общественной жизни и закономерности развития человеческого общества» (3, 64-65).

Убежденность в том, что в письменном тексте может содержаться объективная закономерность, порождает совершенно определенный тип работы с источником: «Искусство историка состоит в том, чтобы очистить изображаемую в источнике действительность от неточностей, вымысла и классовых искажений» (3, 76). С точки зрения классового марксистского подхода, очищение источника от классовых искажений оказывается возможным лишь путем строгого следования классовому же принципу историко-марксистского анализа. Примечательно в этой связи то, как Сталин в своем письме в журнал «Пролетарская революция» призывал историков «к освещению истории партии с точки зрения «аксиом большевизма», а не каких-то там архивных документов» (4, 29).

Из тезиса о возможности адекватного познания истинных объективных законов развития общества следовало некоторое пренебрежительное, пускай и в имплицитном виде, отношение к повествовательной составляющей любого исторического труда. Так в качестве слабой стороны, недостатков исторических произведений наиболее часто отмечалась «описательность», ее явное преобладание. Или еще более отчетливое противопоставление «описания» и «объяснения», а не взаимодополнение, мы обнаруживаем в следующем утверждении о сути исторического исследования: «речь идет... не об установлении лишь внешней последовательности событий, простой причинно-следственной связи... не об описании (*курсив наш – В.М.*) событий, а об их объяснении с позиций марксистско-ленинской методологии» (3, 76).

Однако развитие гуманитарного, да и естественнонаучного знания в XX веке существенно поколебало указанные выше принципы. Вызовы постмодернистской эпохи и так называемого «лингвистического поворота» привели к существенному изменению понимания истории. Как пишет О. Эксле: «Историческое познание, следовательно, не может быть «отражением» или «реконструкцией» прошедшей истории; оно может быть только конструкцией, разумеется (повторю еще раз!), не произвольной, а связанной с историческим материалом, обоснованной «эмпирически» (16, 403). Подобное понимание исторического познания было немыслимо в советское время, по крайней мере, публичное признание этого обстоятельства.

Но парадокс заключается в том, что в противоположность декларируемым принципам исторического исследования сам процесс создания образов прошлого в советское время был по существу ничем иным, как конструированием истории, что довольно убедительно продемонстрировано в многочисленных публикациях отечественных и зарубежных авторов последних лет, в том числе в работах Е. Добренко и Ф.Б. Шенка, уже нами цитированными. С наибольшей очевидностью это проявилось в годы «перестройки» и постперестроечный период. Если для профессиональных историков эти трансформации были в целом и ожидаемы, и в основном понятны, то для массового сознания открывшиеся «белые и черные пят-

на» истории повлекли за собой своего рода травматический эффект, выразившийся в падении престижа профессиональной истории и появлении и массовом коммерческом успехе так называемой «фолк-истории». На наш взгляд, это есть следствие не только, а может быть и не столько злонамеренного желания кардинально переписать историю отдельными персонажами, а результат некоторых, вполне объективных тенденций в развитии как массового сознания, так и профессионального социального познания.

Приведенные выше рассуждения со всей очевидностью актуализируют полисемантическую базовую функцию понятия «история», а не только производных от него (например, историография или историописание). Безусловно, что уже в советской исторической науке эта многозначность признавалась. Б.Г. Могильницкий отмечал, что «среди нескольких значений этого слова (*история – В.М.*) выделяется два фундаментальных: 1) прошлое и все, что происходило в нем, и 2) рассказ об этом прошлом, зафиксированный в устной и письменной традиции» (7, 15). Или еще одно определение с несколько иным смысловым нюансом: «...термин «история» означает как действительные события, происходившие в прошлом, так и их отражение в нашем сознании» (3, 28). Примечательно, что здесь использовано слово «отражение», а не рассказ. Однако эта многозначность нивелировалась господствующими теоретико-методологическими подходами.

В настоящее же время не учитывать, игнорировать или отодвигать на второй план эту многозначность невозможно. Но и в советское время среди маргинальных по отношению к господствующим направлений гуманитарной мысли такие смысловые различия подчеркивались. Это, например, касается знаменитой московско-тартусской школы семиотики. Весьма примечательно, как в статье 1988 г. «История и семиотика: Восприятие времени как семиотическая проблема» (13, 66-84). Б.А. Успенский прямо говорит о двух смыслах термина «история»: «Что касается термина «история», то... он может иметь по меньшей мере два смысла – под «историей» может пониматься либо *res gestae*, то есть совокупность происшедших событий, либо *historia rerum gestarum*, то есть повествование о происшедшем, своего рода нарративный текст» (14, 10). А затем автор практически на каждой странице вынужден оговариваться, какой смысл он вкладывает в используемый им термин «история» – то ли как *res gestae*, то ли как *historia rerum gestarum*. В одном из примечаний к этой статье Б.А. Успенский обращает внимание и на многозначность термина «историография»: «Мы предпочитаем не пользоваться этим термином (*историография – В.М.*) ввиду его двусмысленности: в самом деле, «историография» может означать как совокупность исторических знаний (*этот смысл мы отмечали выше – В.М.*), то есть именно историю в смысле «*historia rerum gestarum*», так и науку о эволюции и методах исторических исследований, то есть, собственно говоря, метаисторию» (14, 47).

Может быть, именно термин «историописание» искал Б.А. Успенский, пытаясь наиболее точно выразить свои соображения, используя достаточно «тяжеловесные» словесные конструкции, тем более на латинском языке?

Таким образом, особенности развития отечественного исторического знания в XX в. и его кардинальные изменения последних лет стимулируют поиск новых дефиниций, терминов, более адекватно отражающих суть исторического познания в новых условиях. Термин «историописание» более «прозрачно» намекает на процесс конструирования исторических образов средствами языка, чем «историография». Последний же благодаря сво-

ей большей внешней «научообразности» становится исключительной составляющей сугубо научного знания.

Эвристически плодотворным в поисках смыслов терминов «историография» и «историописание» и их соотношений может быть обращение к концепции коллективной памяти М. Хальбвакса, получившей развитие в трудах Я. Ассмана. На основе концепции коллективной памяти М. Хальбвакса Я. Ассман разработал понятие культурной памяти В свою очередь, жена Яна Ассмана Алейда Ассман описывает культурную память как «функциональную» память сообщества, противопоставляя ее «памяти-хранилищу», следуя в этом за М. Хальбваксом в противопоставлении истории и памяти. «Хальбвакс понимает под «историей» собрание фактов, очищенных от каких бы то ни было отношений к групповой идентичности. Однако это позитивистское по духу представление об «истории» можно уже считать устаревшим», – заключает немецкий исследователь Ф.Б. Шенк (15, 16-17). Далее он отмечает, что «сегодня историографию зачастую определяют лишь как особенный вид социальной памяти. Английский историк Питер Бёрк, например, защищает тезис о том, что историография всегда есть продукт социальных групп и любое историописание находится во власти своего времени, интересов пишущего и заказчика» (15, 18). Алейда и Ян Ассман считают, что «культурная память... всегда соотносится с идентичностью определенной группы, но «научное историописание», занимающееся прошлым исключительно из теоретического любопытства, может... представлять знание «нейтральное по отношению к идентичности» (15, 18). Получается, что культурная или функциональная память является одной из результирующих историописания, а «память-хранилище» – это историография как совокупность научных текстов.

Очевидно, что определяющими для появления термина «историописание» в отечественном историческом дискурсе стало влияние постмодернистских взглядов и так называемого «лингвистического» поворота в гуманитарном познании: «... постмодернизм мыслит объект историописания не как нечто, существующее автономно по отношению к тому, кто его описывает, но как некий объект, конструируемый самим языком» (2, 304). В.Д. Губин и В.И. Стрелков довольно афористично подводят итог характеристики постмодернистского отношения к исторической истине: «Проблема истины есть проблема значения. Проблема истины есть проблема способа и формы описания» (2, 305). Литературная составляющая труда историка становится все более очевидной и в известном смысле более востребованной. П. Рикёр, анализируя работы одного из классиков постмодернизма Х. Уайта, отмечал, что мыслимое сближение между историей и литературой приводит к тому, что «это нарушение привычных классификаций требует, чтобы была принята всерьез характеристика *истории как писания*. «Писание истории»... не есть нечто внешнее по отношению к концепции истории и к историческому произведению; оно не является вторичной операцией, которая связана только с риторикой коммуникации и которую можно было бы игнорировать как нечто принадлежащее лишь к сфере литературного оформления. Оно конституитивно для исторического способа понимания. История по сути своей – это историо-графия, или, выражаясь в откровенно провозирующем стиле, – артефакт литературы» (2, 313).

Но еще до появления постмодернизма, как ни странно, несмотря на указанные несколько выше негативное отношение к описательности и стремление к объективизму в исторических трудах, близость истории и литературы довольно отчетливо наблюдалась в рамках советского исторического сознания. В статье известного

советского историка А. Панкратовой, посвященной 25-летию советской исторической науки, говорилось о том, что «советский читатель с огромным интересом следит за каждой новой книгой советских историков. «Эта особенность советского читателя ко многому обязывает и советского писателя, в том числе и историка», – заключала Панкратова. Итак, советский историк – одна из разновидностей советского писателя» (4, 37). Марк Серебрянский – автор первой книги о советском историческом романе, вышедшей в свет в 1936 г., писал: «переоценка исторического прошлого как раз составляет одну из существеннейших особенностей советского исторического романа. В этом смысле он вместе с марксистской исторической наукой делает одно дело» (4, 37).

Хотелось бы подчеркнуть, что мы не придерживаемся радикальной точки зрения о принципиальной неразграниченности истории и художественной литературы, мы утверждаем лишь их близость и необходимость понимания этого. Из этого, на наш взгляд, и сформировалась потребность в новом термине. Историописание получается интегральным понятием, включающим и научное знание (совокупность сугубо научных текстов и знаний), и текстов вне-, до- и ненаучного характера, влияющих на генеральные исторические представления разных форм общественного сознания. Иначе говоря, понятие «историография» уже по содержанию является составной частью более широкого – «историописание». Объединяющим началом этих двух комплексов является их текстуальный субстрат, нарративное (повествовательное) бытование. Современный украинский историк А. Толочко пишет, «что повествования (*stories*), иначе говоря, нарративы, суть формы объяснения... Нарратив одновременно рассказывает, что случилось и объясняет, как и почему это случилось (или как и почему все случилось именно таким образом)... Но прошлое, – продолжает исследователь, – как и настоящее, не происходит в виде историй и сюжетов... *Stories* суть форма концептуализации событий. Человек воспринимает и описывает жизнь в форме *stories*, но они не содержатся в жизни» (12, 254). Именно здесь и происходит встреча истории и литературы. Ведь история не является механической совокупностью односложных утверждений, историк всегда должен последовательно выстраивать и чем-то связывать имеющийся у него перечень фактов (событий). Это и формирует процесс *писания истории*. А сама технология этого последовательного выстраивания, осмелимся утверждать, однотипна и для истории, и для литературы. «В важной работе «Введение в структурный анализ нарративов» (1966) Барт утверждал, что нарратив характеризуется «телескопичностью» логики и темпоральности: «В самом деле... механизм сюжета приходит в движение именно за счет смешения временной последовательности и логического следования фактов, когда то, что случается *после* некоторого события, начинает восприниматься как случившееся *вследствие* него» (6, 225).

Завершая наш доклад, приведем откровенно провокационное утверждение известного украинского историка: «Есть глубинная тяга профессиональных историков к вымыслу. В головах историков реконструированная ими «история как она состоялась» имеет легитимность высшую, нежели отрывочные, неполные, а порой и откровенно тенденциозные «источники»... Они глубоко скептически по отношению к источникам. Они подвергают источники перекрестным допросам «с пристрастием», и если ответы не удовлетворяют их, не останавливаются перед тем, чтобы подвергнуть их откровенному насилию» (12, 519). Мы привели его в связи с необходимостью помнить о том, что «нарастающее на протяжении XX в. внимание к проблеме масс обусловило в том числе форми-

рование мнения, что функция идентификации, которую издавна выполняла история, теперь должна исполняться на уровне массовых представлений о прошлом. Этот дискурс подразумевает, что профессиональное историческое сообщество должно трудиться над производством не просто научного знания, но и массовой «исторической памяти» о прошлом. Историк тем самым оказывается включенным в создание альянсов «власти и памяти», «власти и забвения» (9, 55). Все это напоминает нам о мере ответственности историка и значении слова сказанного и слова написанного.

Вводя в научный обиход понятие «историописание», мы ограничиваем множественность смыслов термина «историография», проводя наименование новым словом один из этих смыслов. В некоторой степени историописание – слово-маркер, свидетельствующее об определенном состоянии нашей исторической науки и преобладающих ментальных установках в гуманитарном познании.

Список литературы

1. Бобкова М.С. *Западноевропейское историописание «эпохи катастроф»: Учебное пособие.* М., 2008.
2. Губин В.Д., Стрелков В.И. *Власть истории: Очерки по истории философии истории.* М., 2007.
3. Дербов Л.А. *Введение в изучение истории.* М., 1981.
4. Добренко Е. *Музей революции: советское кино и сталинский исторический нарратив.* М., 2008.
5. Ковальская С.И. *Причины современного национально-исторического мифотворчества// Национальные образы прошлого: Этническая доминанта в историографии и философии истории. Третьи Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории.* СПб., 2008.
6. Мегилл А. *Историческая эпистемология.* М., 2007.
7. Мозильницкий Б.Г. *Введение в методологию истории.* М., 1989.
8. Румянцева М.Ф. *Теория истории: Учебное пособие.* М., 2002.
9. Савельева И.М., Полетаев А.В. *Социальные представления о прошлом, или Знают ли американцы историю.* М., 2008.
10. Синяков С.В. *Ценности и проблема интерпретации в историческом познании// Национальные образы прошлого: Этническая доминанта в историографии и философии истории. Третьи Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории.* СПб., 2008.
11. Смоленский Н.И. *Теория и методология истории.* М., 2007.
12. Толочко А. *«История Российская» Василия Татищева: источники и известия.* М.; Киев, 2005.
13. Успенский Б.А. *История и семиотика: Восприятие времени как семиотическая проблема// Труды по знаковым системам.* (УЗ ТГУ; Вып. 831). Тарту, 1988.
14. Успенский Б.А. *Этюды о русской истории.* СПб., 2002.
15. Шенк Ф.Б. *Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263-2000).* М., 2007.
16. Эксле О.Г. *Культура, наука о культуре, историческая наука о культуре: размышления о повороте в сторону наук о культуре// Одиссей. Человек в истории.* 2003. М., 2003.

СЕКЦИЯ 1. ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

К.Б. Умбрашко

Новосибирский государственный педагогический
университет

КРИТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Основной чертой исторической науки в первой половине XIX в. становится историзм, постепенно утверждается идея внутренней обусловленности и закономерности исторического развития. «Принцип историзма, – писал Н.Л. Рубинштейн, – рассмотрение исторических явлений в процессе их возникновения и развития, сменяет прагматическое повествование и психологизм, сложившиеся на базе рационализма» (1, 198). Именно на базе историзма оформилось критическое направление в русской историографии.

В XIX в., «веке науки, истории и романа, историки упорно стремились разместить свою дисциплину во владениях науки» (2, 186), пытались утвердить специфику своего предмета, найти собственные исследовательские приемы и методы. Поэтому методология исторических исследований, несмотря на доминирование историографии и индивидуализации, попадала под влияние естественно-научного метода. «Естественнонаучному эксперименту, – отмечал философ XX в. М. Хайдеггер, – соответствует в историко-гуманитарных науках критика источников. Это название означает теперь весь комплекс разыскания, сопоставления, проверки, оценки, хранения и истолкования источников. Основанное на критике источников историческое объяснение, конечно, не сводит факты к законам и правилам. Однако оно не ограничивается и простым сообщением о фактах. В исторических науках, не меньше чем в естественных, метод имеет целью представить постоянное и сделать его предметом [изучения]. <...> Неповторимое, редкостное, простое, словом, великое в истории никогда не самопонятно и потому всегда необъяснимо. <...> При таком способе объяснения великое измеряется обычным и средним» (3, 45–46). Высказывание философа характеризует в первую очередь исследовательскую ситуацию XX в. Но подобные принципы стали осознаваться еще в XIX в., когда исторические исследования характеризовались отчетливо выраженным аналитическим, а не нарративным подходом. В сфере интересов историков попадали отношения между человеком, источником, обществом и средой применительно к прошлому.

Если в XVIII в. большинство историков обращались к источникам *bibentes et fugientes* (на бегу), то в XIX в., по мнению Б. Кроче, «ни один серьезный ученый не осмелился бы утверждать, что можно заниматься историей без тщательного, скрупулезного, дотошного изучения документов»; пришел конец взгляду на историю как на «повесть добродетели и прописных истин». Поэтому новый век, отмечал Кроче, заслужил славное имя века истории, которую он «обожествил и в то же время очеловечил как никогда прежде, которой присвоил центральную роль в жизни и мысли» (4, 167, 168). Один из векторов развития исторической мысли был направлен от роман-

тизма (история нужна самой истории) к позитивизму (историк должен доверять, а не оценивать факты). Задачей истории стала нейтрализация национальных или проблемных историографических традиций с помощью «мудрого скептицизма и агностицизма, избрав по отношению к ним позицию слушателя, не пропускающего ни одного выступления и внимательного ко всем» (4, 173–174).

Как писал Н.А. Бердяев, начало XIX в. было «эпохой разрыхления русской души», которая стала «восприимчивой ко всякого рода идеям, к духовным и социальным движениям»; это было время «универсализма, эпоха интерконфессиональных христианских объединений». Через наполеоновские войны Россия пришла в «непосредственное взаимодействие с Западом», формировалась «русская всечеловечность», характерная для XIX в. Русская мысль XIX в., по мнению Бердяева, была либо западнической, либо славянофильской. Решительным западником выступил П.Я. Чаадаев, его западничество было «криком патриотической боли». «Он был типичным русским человеком XIX века верхнего культурного слоя, – писал Н.А. Бердяев. – Его отрицание России, русской истории – типическое русское отрицание». Русская история представлялась ему, по словам Бердяева, «лишенной смысла и связи, не принадлежащей ни к Востоку, ни к Западу – отражение той потери культурного стиля и единства, которая характерна для Петровской эпохи» (15; 20; 22; 23; 24). На развитие русской исторической мысли и русской культуры XIX в. существенно повлияло творчество Ф.-В.-И. Шеллинга и Г.-В.-Ф. Гегеля, ставших, по выражению Бердяева, «почти русскими мыслителями».

Философии Шеллинга присущи элементы диалектики: понятия о единстве мира, о всеобщей связи явлений, о развитии как прогрессе, как борьбе противоположностей и умоизрядительный рационализм. Но закономерность понималась им как реализация абсолютной идеи, которая в самом начале обладала всей полнотой содержания и, не нуждаясь в развитии, раскрывается не в деятельности, а в познании. История человечества представлялась Шеллингу как «откровение абсолюта», Бога, движение к определенной им цели. «Это целенаправленное движение, – писала А.Е. Шикло, – он рассматривал лишь как тенденцию бесконечного развития к идеальному человеческому сообществу, полное достижение которого не представлялось возможным. Однако при этом ставились и временные, частные, реально достижимые задачи» (16, 58). В исторической науке эти идеи стали философским обоснованием романтизма, когда народный дух, обычаи, быт, фольклор, верования стали основой исторического исследования. Но шеллингианство значительно воздействовало и на критическое направление.

Но важнейшим фактором развития отечественной критического направления в первой половине XIX в. стало распространение идей Гегеля. Философ впервые последовательно попытался преодолеть разрыв в понимании взаимоотношения между миром идей и реальными фактами. Лекции по философии истории были прочитаны Гегелем в 1822–1823 гг. Всемирная история по Гегелю – это «не общие размышления о всемирной истории, которые мы вывели бы из нее и желали бы пояснить, приводя примеры, взятые из ее содержания, а сама всемирная история». В понимании Гегеля цели современной ему исторической науки отличаются от рационалистического подхода XVIII в. Он выделил три направления в историографии: первоначальная история (Геродот, Фукидид – историки, которые «описывали преимущественно протекавшие на их глазах деяния, события, состояния, причем сами они были проникнуты их духом и переносили в сферу духовных представлений то, что существовало вовне»); рефлексивная история (отказавшись от

взгляда на историю как на собрание нравоучительных примеров и утверждая единство исторического процесса, Гегель пришел к формулировке системного принципа исторического познания); философская история («Мы должны рассматривать историю в том виде, как она существует, мы должны производить наше исследование исторически, эмпирически». «Единственной мыслью, которую привносит с собой философия, – писал Гегель, – является та простая мысль разума, что разум господствует в мире, так что, следовательно, и всемирно-исторический процесс совершается разумно») (17; 57; 61–62; 64; 65). Такой подход не означал отрицания индивидуализирующего взгляда на историю. Философские идеи Гегеля в истории выступали как предпосылки познания, как непрерывный элемент исторического процесса, имеющий факторное значение по отношению к другим элементам и поэтому выполняющий системообразующую функцию.

В «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина вместе с политико-назидательной, художественно-литературной тенденцией, несомненно, присутствует критика источника и обоснование собственной позиции документальным материалом. Основной текст – литературное повествование; приложения – самостоятельные документальные примечания (Карамзин ввел в научный оборот большое количество исторических источников: новые летописные списки, например Ипатьевский свод; юридические памятники, например «Кормчую Книгу»; церковные уставы; Новгородскую Судную грамоту, Судебник Ивана III, «Стоглав»; литературные памятники, например, «Слово о полку Игореве»; записки иностранцев и др.).

В примечаниях историк не только воспроизводил источник, а следовал критическому методу А.-Л. Шлецера. Например, описывая призвание варягов (Т. 1), в основном тексте историограф назвал Гостомысла героем, «достойным бессмертия и славы в нашей истории», а в примечании 274 писал о легендарности летописного известия о Гостомысле: «Предание о Гостомысле сомнительно: в Несторовой летописи, в самой *Никонов*[ской летописи] и в *Степен*[ной] *Книге* нет о том ни слова» (5, 94, 240). Карамзин пытался объяснить смену политических форм, выявить движущие силы исторического развития, конкретные условия, которые определяли исторические изменения.

По мнению одного из ближайших современников, в своей критике он был «чистым шлецеристом, хотя иногда не соглашался с своим учителем в подробностях». Пока Шлецер «мог служить ему и материальным руководителем, он шел твердою ногою», но «скоро он увидел себя одного, в глухой и непроходимой чаще «удельного периода» (6, 109). Для исследователей российского прошлого методология Карамзина и его описание древней Руси сыграли огромную роль, поскольку, как считал А. Mazour, «поиск общего среди разных мнений – это лучший способ писания истории, принимая во внимание его исключительные права доступа к архивам в статусе официального историографа. Карамзин хотел дать русским историю которая будет очаровывать» (7, 83). Он отказался от просветительской трактовки феодализма и признавал за ним лишь политическую составляющую.

Именно благодаря Карамзину институировалась роль ученого-историка в русском обществе. В то же время, несмотря на проявившуюся в начале XIX в. некоторую определенность позиции профессионального историка, уточнение понимания предмета истории как научной дисциплины, определения «наука» и «научная история» оставались расплывчатыми. Историки России в общем набросали план современной концепции науки, в особенности исторической науки первой половины XIX в. и заняли определенное место в общественной иерархии,

но, по выражению А. Vucinich, их «триумфальное возвращение» относится только к соловьевскому периоду, т.е. к 1850-м годам (8, 335). Благодаря полемике, развернувшейся вокруг «Истории государства Российского», ставились основополагающие вопросы исторической науки. Должны ли историки быть простыми собирателями исторических фактов или теоретиками? Должна ли их работа иметь моральные функции, или во главу угла необходимо ставить истину саму по себе? Эти вопросы и неточность определения истории как науки создавали пространство для возникновения различных жанров и подходов к историческому изучению. Развитию и обнародованию разнообразных и порой интересных высказываний на эту тему способствовали периодические издания.

Хотя исследователи критиковали работу Карамзина за излишнюю литературность, за зависимость от источников и за следование источникам слишком бездумно, без критического взгляда, но там, где источники были скудны, Карамзин не украшал историю выдуманными сюжетами. Фактически именно он выдвинул тезис о постепенном историческом развитии России и показал, что культурный уровень периода становления общественных отношений мог быть не равным тому, что существовало в настоящем. Трудно не согласиться с мнением Joseph Black, что Карамзин стал «самым авторитетным человеком в русской истории до 1850-х гг.» (9, 133).

В начале XIX в. вопрос об исторических источниках, их выявлении, изучении и публикации зазвучал в полную силу. Был опубликован «Нестор» Шлецера – первый опыт научного критического издания П.В.Л. В 1804 г. создано «Московское общество истории и древностей российских», просуществовавшее до 1929 г. В 1815 г. начинается издание сборников исторических документов, актового материала «Русские достопамятности» под руководством К.Ф. Калайдовича (второй том вышел в свет в 1843 г.). С 1833 г. выходили «Ученые записки Московского университета». С 1846 г. выходили «Чтения в Московском обществе истории и древностей» под редакцией О.М. Бодянского. В 1805 г. открылось Казанское «Общество любителей отечественной словесности», в 1817 г. – Харьковское «Общество наук», в 1839 г. создано «Общество истории и древностей» в Одессе. Все эти общества издавали свои «Труды».

Среди изданий источников начала XIX в. отметим «Собрание государственных грамот и договоров»; публикацию П.М. Строевым «Софийского временника», которая отвечала принципам научного издания источников того времени. К этому периоду относится работа Археографической экспедиции (1829–1834) под руководством того же П.М. Строева, обследовавшей рукописные собрания Троице-Сергиевой лавры, Соловецкого монастыря, Софийского собора в Новгороде и др. В 1834 г. для изучения собранных материалов Археографическая экспедиция была преобразована в Археографическую комиссию при Министерстве народного просвещения (под председательством П.А. Ширинского-Шихматова). Началось издание «Полного собрания русских летописей» под руководством Я.И. Берендинова; «Актов исторических», «Дополнений к Актам историческим» и т.д.

Новый взгляд на исторические источники, вводимые в научный оборот, и стал одной из главных предпосылок формирования критического направления в русской историографии. Если для древней истории характерен недостаток источников, то новая история, напротив, «тяготеет» их обилием. «Подобное положение вещей, – писал В.С. Иконников, – как будто угрожает сделаться непреодолимым, когда, благодаря тиснению, количество книг с одной стороны увеличивается в ужасающем объеме, а с другой – дух сомнения, скептицизм, обращенный в

систему, решительно завладевает всеми ветвями знаний человеческих и станет верховным законом, последним словом разума» (10, 25).

Одним из главных представителей критического направления стал И.Ф.Г. Эверс. Особое внимание он обратил на изучение источников по древней русской истории – договоров Руси с Византией X в. и Русской Правды. Исследовательский интерес к актовым законодательным источникам проявился еще в годы обучения в Геттингенском университете. В работе «Geschichte der Russen» («История руссов») Эверс писал: «Для моей цели (выявление внутренней стороны развития государства – К.У.) должен был я подолгу останавливаться на законах и договорах: на первых, так как они являются главным источником знаний о внутреннем состоянии народов; на вторых, потому что они свидетельствуют об основах их внешней деятельности». До этого, в 1814 г. были опубликованы его «Kritische Vorarbeiten zur Geschichte der Russen», где Эверс не только выступал последователем А.Л. Шлецера, но и высказал собственную теорию причерноморского происхождения Руси. Следует учитывать, что в еще более ранней работе 1808 г. «Vom Ursprunge des Russischen Staats» («О происхождении русского государства») историк отмечал, что русское государство на Ильмене «существовало и словом и делом до единодержавия Рюрика», с правления которого начинал русскую историю Шлецер. Призванные князья, по мнению Эверса, «застали здесь уже государство, ибо как иначе должно называться объединение, в котором жили эти народы, когда они имели самоуправление после изгнания варягов». Начальной точкой русской истории он считал 552 г. по Р.Х., когда о славянских народах впервые было упомянуто в источниках. В ранних работах Эверса прослеживается прямое влияние на его концепцию общей схемы русской истории Шлецера.

Работа «Das älteste Recht der Russen» («Древнейшее право руссов»), вместе с лекционным курсом «Политика» и философским трактатом «Рапсодические мысли о научном значении естественного права», оформила новые подходы к изучению истории (издана на немецком языке в 1826 г.). Схема Эверса выглядит следующим образом. Первоначально «в грубом естественном состоянии» существовало каждое семейство «само по себе», отец был «начальником своего потомства»; потомки создавали новые семьи и «род объемлет собою многие семейства», которые объединялись для защиты от внешних врагов, «в каждом из них отец есть господин», главой рода становился старший сын первого родоначальника; объединение родов приводило к образованию племени, главой которого становился старший сын от старшего сына родоначальника; «начальник племени <...> делается мало-помалу <...> могущественным князем. Но первоначальное семейственное отношение, основанное на самой природе, долго еще сохраняет свою силу» (11, 14). Первый период истории каждого народа виделся Эверсу как естественное развитие общественных форм от семьи, как самого простого союза, к народности, как более сложной общественной организации. Здесь во весь голос звучит идея исторической закономерности: поставлены проблемы семейного и родового строя, общественных отношений и государства как высшей формы общественного развития при влиянии философских идей Гегеля. Несмотря на ошибочность мнения, что патриархальная семья предшествует роду, в концепции историка появились принципиально новые моменты. Если в исторической науке XVIII в. государство было начальной фазой исторического процесса, поэтому в описаниях преобладала политическая история, то теперь мы видим убеждение исследователя в необходимости поиска законо-

мерностей исторического развития общественных форм и законодательства.

Историзм Эверса проявился в том, что он указывал: термин «закон», соответствующий современному понятию, изначально не существовал. «Закон <...> есть искусственное понятие, – писал Эверс, – для выражения коего древние языки и не имеют слова» (11, 5). Первоначально существовало лишь обычное право, традиция. Законы, по мнению историка, – это результат деятельности государства, которого в древности не было, и они стали возможны лишь после принятия христианства. Главной задачей историка, по мнению Эверса, должно стать выявление «внутренних оснований» жизни и быта людей в истории путем исследования юридических норм, принятых в данном обществе. Историк подчеркивал важность «народной деятельности», гражданского и государственного начал в истории, особо выделяя роль последнего.

Считая своим учителем Шлецера, Эверс тем не менее отмечал его теоретические ошибки, сомневаясь в возможности создания «очищенного» текста летописи. «Истинная история» не может, по его мнению, отвечать с точностью на важный вопрос, «пока не получит точку, с коей можно будет ей смотреть на происшествии того времени» (12, 56). Кроме того, в отличие от последующих изысканий «скептической школы», Эверс считал, что для реконструкции более ранних событий вполне можно привлекать поздние летописные сборники-своды, компиляции, несмотря на то, что «говоря вообще, это нехорошо». «Но, – продолжал историк, – в отношении к происшествию девятого столетия едва ли можно давать большое преимущество сказанию летописи тринадцатого, коей при том имеем мы новейшие списки, пред летописью 15-го столетия, тем более когда мы знаем, что сия летопись составлена из множества других теперь потерянных летописей» (12, 253–254).

«Русскую Правду» Эверс анализировал с известной долей осторожности, не преувеличивая законодательной деятельности Ярослава I. Первые законы, по его мнению, были неполными, случайными по своему составу. «Думали, что все статьи, кои в сей новейшей [Пространной] Правде не указывают именно на другого какого-нибудь законодателя, должны принадлежать древнейшему законодателю, Ярославу <...>. Так думать, составляет чрезвычайная краткость и неполнота Правды, предложенной в Новгородском летописце. Вероятно ли – говорит Карамзин (в И.Г.Р. Т. II. 347. прим. 65) – чтобы Ярослав не предписал еще никаких правил для наследства, столь важных и необходимых в гражданском обществе? И в Игорево время были уже на то законы в России. Но то, что сими словами обращается в опровержение древней Правды, не может ли с большою справедливостью служить доказательством ее подлинности, если только взять во внимание то, что здесь идет дело о первом письменном законе народа» (11, 302). В истории развития Русской Правды он выделял три последовательных этапа и впервые высказал идею, что Пространная Правда является не самостоятельным и единым законодательным памятником, не официальным законодательством, а итогом деятельности более поздних переписчиков, наметив тем самым, по замечанию М.Н. Тихомирова, «важнейшие вехи для дальнейшего изучения вопроса о происхождении Пространной Правды» (13, 10).

При изучении летописной традиции Эверс отмечал сложность и длительность истории начального русского летописания. «Трудолюбивый Эверс» был, по мнению Н.И. Надеждина, последователем Шлецера, но «простерся еще далее» и «отважился восстать против норманнского происхождения руси, которое после Шлецера получило каноническую несомненность». Свое производство

руссов от турков («ересь неслыханного сумасбродства») он доказывал текстами Нестора, значит, «точка отправления, метода и дух критики остались те же, шлецеровские» (6, 108). Как справедливо считал В.И. Буганов, Эверс «высказывает мысль о том, что сохранившиеся списки Начальной летописи передают ее текст (причем, возможно, не первоначальный, а сокращенный, переделанный) по-разному, что их необходимо критически сравнивать между собой, что в основе позднейших компиляций могут лежать древние тексты, памятники». Еще один ценный вывод – о сосуществовании параллельных летописных традиций в древней Руси. Именно поэтому «в целом взгляды Эверса представляют собой значительный шаг вперед в изучении русских летописей» (14, 9).

Эверс отказался от просветительской интерпретации феодализма на Руси, основанной на аналогии и сравнительно-историческом анализе. Новое критическое направление обратилось к поиску факторов, определяющих историческое развитие народов. Древнюю историю до призвания Рюрика историк в своих поздних работах называл «сумраком старобытных времен Отечества», «грубым естественным состоянием» общества. Государство, по его мнению, стало результатом длительного закономерного развития общественных отношений у восточных славян.

В конкретных исторических исследованиях ставилась проблема изучения «гражданского быта», истории западноевропейского феодализма (Guizot. *Essais sur l'histoire de France*); познания исторических событий «так, как они действительно происходили» (критическое направление в развитии источниковедения – Нибур, Ранке); понимание средневековья как источника современного исторического развития (Шлегель, Шатобриан).

Список литературы

1. Рубинштейн Н.Л. *Русская историография*. М., 1941.
2. Мило Д. *За экспериментальную, или веселую, историю // THESIS*. 1994. Вып. 5.
3. Хайдеггер М. *Время и бытие*. М., 1993.
4. Кроче Б. *Теория и история историографии*. М., 1998.
5. Карамзин Н.М. *История государства Российского в 12-ти томах*. М., 1989. Т. I.
6. Надеждин Н.И. *Об исторических трудах в России // Библиотека для чтения*. 1837. Т. XX. № 2. Отд. III.
7. Mazour Anatoly G. *The First Russian Revolution, 1825*. Stanford, 1964.
8. Vucinich A. *Science in Russian Culture. Vol. 1: A History to 1860*. Stanford, 1963.
9. Black Joseph L. *Nicholas Karamzin and Russian Society in the Nineteenth Century*. Toronto, 1975.
10. Иконников В.С. *Опыт русской историографии*. Киев, 1891. Т. 1. Кн. 1.
11. Эверс И.Ф. *Древнейшее русское право в историческом его раскрытии*. СПб., 1835.
12. Эверс И.Ф.Г. *Предварительные критические исследования Густава Эверса для российской истории*. М., 1825. Ч. I–II.
13. Тихомиров М.Н. *Исследование о «Русской Правде»: Происхождение текстов*. М.; Л., 1941.
14. Буганов В.И. *Отечественная историография русского летописания*. М., 1975.
15. Бердяев Н.А. *Истоки и смысл русского коммунизма*. М., 1990.
16. Шикло А.Е. *Исторические взгляды Н.А. Полевого*. М., 1981.
17. Гегель Г.В.Ф. *Лекции по философии истории*. СПб., 1993.

К.Ю. Кладова
Курганская государственная
сельскохозяйственная академия имени
Т.С. Мальцева

СПЕЦИФИКА ОТОБРАЖЕНИЯ РЕАЛЬНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ТВОРЧЕСТВЕ: АНАЛИЗ ЖАНРОВ И НАПРАВЛЕНИЙ ЖИВОПИСИ

Отражение «жизненной правды» в искусстве является одним из ключевых, дискуссионных и неоднозначных вопросов эстетики. Различные художественные направления пытались решить его по-своему, выдвигая на первый план те или иные творческие задачи. При изучении данной проблемы интересы истории и искусствознания в целом совпадают, поэтому основываться на материалах исследователей художественного творчества возможно, рассматривая их в контексте источниковедческого анализа.

В работе В.И. Жуковского и Д.В. Пивоварова содержится утверждение о том, что в изобразительном искусстве «в зависимости от того, какая сущность подлежит воплощению – природного объекта или духовной реальности личности, – на первый план выступает либо изобразительная (имитационная), либо выразительная (экспрессионная) тенденции» (6, 149). Изображение и выражение теснейшим образом между собой связаны. Происходит взаимодействие окружающего мира и человеческой индивидуальности, особенности которого зависят от того, что для автора является приоритетным – изображение реальных предметов или отражение особенностей собственного миропонимания.

В этой связи рассматривать живопись как носитель исторической информации исследователь должен в неразрывной связи с направлением изобразительного искусства, к которому принадлежал автор в момент создания произведения. Каждое из направлений заключает собственное отношение к творчеству в целом, к целям и предмету искусства, разрабатывает художественные методы и т.д. Остановимся подробнее на характеристике некоторых направлений изобразительного искусства.

«Искусство... это вовсе не пересказ с природы. Это преображенная действительность, для создания которой реальный мир является необходимым стимулом и неиссякаемой кладовой» (12, 108). Однако существуют и принципиально иные точки зрения на художественное творчество, его цели и задачи.

Натурализм, сложившийся в последней трети XIX века под влиянием философии позитивизма, стремился к максимально объективному воспроизведению наблюдаемой действительности. Как художественный метод натурализм выражается в копировании реальности без ее обобщения и оценки, в стремлении к достоверности, «фотографичности» в изображении. Например, французский художник XIX века П. Деларош в своих картинах стремился к точной передаче костюмов исторических персонажей и бытовых деталей. В его произведении «Кромвель у гроба Карла I» (1849 г.) изображено событие периода гражданской войны в Англии – Оливер Кромвель, открывший крышку гроба казненного Карла I. Вполне достоверно показаны обстановка (простой, ничем не украшенный гроб), одежда Кромвеля (обычный костюм кавалерийского офицера), его лицо, не выражающее особой радости, напряженное из-за мыслей о предстоящей борьбе с более опасными врагами. Необходимо учитывать и

тот факт, что художник не был очевидцем или даже современником события и писал картину, опираясь на имеющиеся источники. Точность некоторых деталей вполне можно пренебречь (например, в какой части комнаты располагался гроб, какой рукой Кромвель его открывал и т.п.), т.к. ущерба общей достоверности произведения они не наносят. Как бы ни оценивали натурализм искусствоведы, для историка эти произведения, несомненно, ценны. Сегодня это направление в прошлом, но его метод остается актуальным до сих пор. Сложно говорить о передаче натурализмом глубинного смысла явления, но достоверное изображение предметов, та самая натуралистичность представляет интерес.

Модернизм, включающий такие направления, как символизм, фовизм, кубизм, абстрактное искусство, дадаизм, сюрреализм и др., провозглашал разрыв с историческим опытом художественного творчества, принципиально новые начала искусства. Здесь акценты резко смещаются в сторону субъективного авторского видения мира как основы творчества. Так, например, крупнейший представитель сюрреализма С. Дали, называя свой метод «параноидально-критическим», писал: «свою задачу в живописи я вижу в том, чтобы с властной силой и точностью материализовать образы, порождаемые конкретной иррациональностью» (4, 16). В таком случае извлечение исторической информации представляется крайне затруднительным или невозможным вообще, несмотря на бесспорную художественную значимость этих произведений искусства; вероятно, они могут служить ценным материалом для исследований психологов и философов при изучении особенностей личности автора. С. Дали был современником трагических событий в Испании второй половины 30-х гг. XX века, и его, великого художника, человека мыслящего, не могла не затронуть тема судьбы своей Родины. Действительно, в его творчестве это нашло отражение (например, картина «Предвидение гражданской войны в Испании» (1936 г.)). Чрезвычайно затруднительно интерпретировать данное произведение, тем более с исторической точки зрения. Сам автор пишет об этом так: «меня ничуть не удивляет, когда мои друзья, недруги и публика в целом утверждают, что они не понимают образов, возникающих в моем воображении, которые я перевожу на язык своих картин. Как они могут понять их, когда я сам «производящий» эти образы, не понимаю их?» (4, 16). «Предвидение гражданской войны в Испании» - пример того, когда извлечь историческую информацию бывает невозможно. В то же время нельзя говорить о модернизме в целом, опираясь на творчество только сюрреалистов.

Одним из приверженцев идеи совершенной деформации реальных форм предметов был Пабло Пикассо, который наряду с Ж. Браком считается родоначальником кубизма. В творчестве Пикассо нашли отражение многие тенденции искусства XX века. Испанец по происхождению, он почти всю свою жизнь прожил во Франции. Со второй половины 30-х годов в работах Пикассо все сильнее чувствуется влияние современных ему событий. Он становится участником Народного фронта во Франции. В годы Второй мировой войны художник остается на оккупированной территории, принимает участие в Сопротивлении и становится членом Коммунистической партии Франции. Знание этих аспектов биографии автора помогает исследователю в понимании смысла его работ. Самым значительным произведением Пикассо многие искусствоведы называют картину «Герника» (1937 г.). Рассматривать ее как носитель исторической информации невозможно без знания обстоятельств создания этого изобразительного источника. Город Герника – исторический центр басков, подвергнутый бомбардировке не-

мецкой авиацией 26 апреля 1937 года, вследствие бомбардировки возник пожар, который уничтожил большую часть строений. Этот авианалет вызвал широкий общественный резонанс как в самой Испании, так и за ее пределами. Около месяца понадобилось Пикассо, находящемуся в это время во Франции, чтобы создать огромную по размерам картину (3,5 метра в высоту и около 8 метров в длину). Центральные образы – бык, убитая лошадь, всадник, мать с мертвым ребенком на руках и женщина с лампой. Несмотря на условность форм, искаженность предметов, глядя на «Гернику», создается поразительное ощущение реальности происходящего. По словам Н.А. Дмитриевой, «она заведомо исключала всякий местный колорит, локальную конкретность. Она должна была быть символической, общечеловеческой, вневременной. Ее современность заключалась не в признаках места и действия, а в том особом ощущении пароксизма, кризиса, которое предостерегающе живет в сознании людей XX века, начинающих чувствовать, что мир подошел к грани, за которой не будет спасения, если ее перешагнуть. «Герника» – действительно поэма нового Апокалипсиса» (5, 85). Одни исследователи видят в образе быка олицетворение фашизма, другие – неведение, глухоту и слепоту, ссылаясь на самого Пикассо, который говорил о том, что бык – не фашизм, бык – тупая косность. Важно проследить, как было оценено произведение современниками и последующими поколениями. Первые отзывы о картине были далеко не однозначны: от именованья ее «пропагандистским документом» до признания носителем антифашистских, антивоенных идеалов. Можно говорить о том, что «Герника» посвящена не только и не столько событиям 26 апреля 1937 года. В ней усматривают своего рода авторское предвидение всех последующих кровавых событий XX века. Проблемы, взволновавшие Пикассо в то время, остаются актуальными до сих пор, в этой связи картина может выступать в качестве источника по изучению общественного мнения.

Импрессионизм (последняя треть XIX – начало XX вв.) утверждает красоту повседневной жизни в ее естественности и изменчивости. Художник творил, повинуюсь впечатлению, стремясь уловить самую суть, неповторимый характер предмета. Например, на картине О. Ренуара «Новый мост в Париже» (1872 г.) запечатлена сцена повседневной жизни горожан. Этот мост – один из старейших во французской столице – является излюбленным местом прогулок парижан. Ренуар писал картину с натуры, находясь у окна кафе на правом берегу Сены. Интересен с точки зрения достоверности изображаемых событий рассказ очевидца творческого процесса (брата Ренуара) Дж. Ревалду: «Толпу у залитого солнцем Понт-Неф он писал, стоя у окна на втором этаже маленького кафе, расположенного напротив моста. Его брату Эдмону было поручено останавливать на несколько минут прохожих и тем самым заставлять их «позировать». Пока Эдмон Ренуар спрашивал у какого-нибудь господина, который час, а у какой-нибудь дамы – как пройти на такую-то и такую-то улицу, собирая у прохожих совершенно ненужные ему сведения, художник имел время набросать фигуру этого человека. И благодаря этой непринужденности, в картине Ренуара сохранялась жизнерадостная оживленность данного момента» (9). Обстоятельства создания произведения в этом случае помогают исследователю в решении вопроса о достоверности изображаемого явления. Мост, дома, экипажи написаны с натуры, к тому же художник предпринял необходимые меры, чтобы запечатлеть реальный облик множества находящихся в движении людей. Слева на картине изображены дома на набережной Часов, справа – улица Дофин, у начала которой виднеется памятник Генриху IV. Но сейчас

этот памятник увидеть с правого берега Сены невозможно - площадь со всех сторон окружают деревья. У моста, со стороны реки, видны купальные мостки, характерные для Парижа второй половины XIX века. В данном произведении изобразительного искусства автор, опираясь на собственные наблюдения, вполне достоверно запечатлел облик города и горожан, как бы передавая зрителям характер одного из обычных, ничем не примечательных, парижских дней.

Одним из ведущих направлений и методов в искусстве является реализм. Существуют различные точки зрения по вопросу о его хронологических границах, нет среди исследователей единого мнения и в отношении объема и содержания этого понятия. В широком смысле под реализмом понимается правдивое, объективное отражение действительности. Зарождение его как направления относят либо к эпохе Возрождения, либо к XVIII веку; существует и мнение, что реализм в искусстве присутствовал всегда, своеобразный для каждой эпохи. XIX век – время расцвета критического реализма, в XX веке появляется реализм социалистический, трактующий явления с позиций марксизма-ленинизма. В советской эстетике проблемам реализма уделялось важнейшее место, т.к. предметом искусства выступал объективный мир. Реалистическому методу присуще глубокое проникновение в сущность жизненных явлений: объективное отражение важнейших сторон явления сочетается с верной авторской оценкой.

Сам термин «реализм» появился во Франции в середине XIX века применительно к художественным тенденциям XVII-XIX веков. Для этого периода характерно обращение к сюжетам повседневной жизни людей. Интерес к современным общественным событиям проявляется и в искусстве классицизма (Ж.Л. Давид). Особое место в становлении реалистического метода занимает творчество Ф. Гойи, ставшего одним из основоположников обличительного искусства XIX века. В России в первой половине XIX века реалистические тенденции характерны для портретов К.П. Брюллова, О.А. Кипренского, В.А. Тропинина, произведениям на темы крестьянского быта А.Г. Венецианова, пейзажам С.Ф. Щедрина. Сознательное следование принципам реализма присуще творчеству А.А. Иванова.

Крупнейшим представителем демократического реализма в середине XIX века был Г. Курбе, это направление, проявилось в работах Ж.Ф. Милле, Э. Мане, О. Родена и др., в России его родоначальником считается П.А. Федотов.

Утверждение реализма в русском искусстве второй половины XIX века связано с подъемом демократической общественной мысли. Передвижники (В.Г. Перов, И.Н. Крамской, И.Е. Репин, В.И. Суриков, Н.Н. Ге, И.И. Шишкин, А.К. Саврасов, И.И. Левитан и др.) окончательно закрепили позиции реализма.

Концепцию социалистического реализма как нельзя полно выражают слова А.Т. Ягдовской: «живопись... может глубоко и выразительно рассказать о самых сложных и тонких отношениях между людьми, обрисовать судьбу человека в окружающем обществе, то есть изобразить те стороны жизни и бытия людей, которые обусловлены их социальным положением, характером политических и экономических условий страны и эпохи, переданных художником на холсте. Обращаясь к современной ему действительности, художник истолковывает события и характеры своих героев так, что они предстают перед нами не только как определенные индивидуальности, но и как типическое явление той или иной среды, того или иного времени» (13, 41). Так, например, характерны сюжеты картин 1960-х годов: «Ремонтники», «Хозяева земли», «Полярники», «Строители Братской ГЭС»,

«Трактористы» - названия говорят сами за себя. Весьма показательна точка зрения В. Турбина, писавшего в то время, что «в наследии признанных художников-«психологов» не искусство воспроизводить внутренний мир человека составляет сегодня основное, насущное, необходимое... измерять нравственность человека» можно «прежде всего степенью его участия в коллективном производстве» (Цит. по:14, 7). Эти образы действительно передают атмосферу той эпохи: колоссальные стройки, массовое стремление развивать промышленность, сельское хозяйство, дух коллективизма, чувство ответственности за будущее страны и сопричастности каждого человека к построению этого будущего – все это точно отражено художниками. Многие советские люди, если и не были такими героями (мужественными, непоколебимыми борцами за построение «светлого будущего»), то, несомненно, стремились ими стать. Как отмечает А.Т. Ягдовская, «волевая героическая личность, образ которой так привлекал живописцев, писателей и режиссеров, предстала перед читателем и зрителем как носитель лучшего в человеке, как «соль земли». Яркая, неповторимая индивидуальность целинников, плотогонов, полярников всегда предполагала понятие «мы». Они олицетворяли собой множество безымянных людей, деятельность которых была направлена на пользу и благо другим, всем. Они несли в себе, защищали и отстаивали правду. Правдивым должно было быть и само их изображение» (14, 10). Художники писали своих героев с натуры, особо подчеркивалась значимость бытовых деталей. Причем немногочисленные предметы – орудия трудовой деятельности - лишь дополняют основной замысел картины.

«В эту пору художник не принадлежал самому себе, его творческий дар словно бы экспроприировался в пользу народа и государства» (15, 127). Трудовой героизм, готовность действовать решительно, не щадя собственных сил, готовых осваивать целину, строить, не задумываясь о жизненных благах, неизменно преодолевая трудности, свидетельствовали об особом мировосприятии, свойственном людям тех лет. Все они, в том числе и деятели искусства, пережили Великую Отечественную войну, тяжелейший период послевоенной разрухи. По словам исследователей, художники «пытались взглянуть на свою судьбу как на судьбу поколения, увидеть ее как целое, в котором индивидуальный жизненный путь неотделим от путей Истории» (14, 25).

При исследовании произведений различных жанров и направлений необходимо учитывать как общие черты, присущие живописи в целом, так и специфику каждого из них, без чего верная интерпретация заключенной в изобразительных источниках информации едва ли возможна.

Существуют несколько основных жанров живописи, определяемые в соответствии с предметом изображения:

1. Исторический.
2. Бытовой.
3. Портрет.
4. Пейзаж.
5. Натюрморт.
6. Интерьер.

К тому же необходимо учитывать, что жанры также подразделяются на виды. Например, портрет в зависимости от своего назначения может быть парадным, камерным, интимным и т.д., приобретать форму шаржа или карикатуры, соответственно, каждый из этих видов имеет свои информационные особенности.

Историческая живопись «призвана воссоздавать образы людей, нравы и события далекого прошлого и делать это с такой наглядностью, как если бы художник сам жил в эту эпоху»(8, 5). Отсюда следует, что автор стре-

мится к достоверному отражению изображаемого события. Достоверность здесь понимается как возможность уловить дух времени, воссоздание с помощью образов характера эпохи. Но нужно отметить, что художники, обращаясь к историческому жанру, в основном, создают произведения, не будучи участниками или современниками изображаемых ими событий. Поэтому в процессе своей работы они изучают источники интересующего периода, публикации историков - все, что может помочь в осмыслении исторической эпохи и судеб отдельных личностей.

В то же время автор, изображающий события давно минувших дней, остается представителем своего времени, что не может не отразиться в его произведениях.

На картине В.И. Сурикова «Меншиков в Березове» изображены А.Д. Меншиков и его трое детей в недостроенной, холодной избе. На полу шкура белого медведя, что дополнительно характеризует место ссылки. А.Д. Меншиков и его дети вели домашнее хозяйство. Отраженная в картине обстановка крайней бедности соответствовала реальному положению дел Меншиковых в Березове.

Интерьер избы резко контрастирует с изысканной одеждой ее обитателей - с первого взгляда чувствуется, что эти люди из «другого мира». Лишь отец семейства предстает в простом овчинном тулупе, сибирских сапогах из оленьего меха, которые любил носить Петр I. Одежда смотрится на Светлейшем довольно естественно - этим автор, возможно, хотел подчеркнуть происхождение А.Д. Меншикова. Но величавая осанка князя свидетельствует о былом могуществе. Художник знал, что Меншиков в ссылке отпустил бороду, но счел необходимым пренебречь этой деталью, подчеркнув, что перед нами соратник Петра Великого. Фигура князя огромна в сравнении с размерами избы, таким образом, вероятно, автор подчеркивает значимость, масштаб личности А.Д. Меншикова в истории.

Исторические картины могут быть рассмотрены и как историографический источник. Их можно назвать итогами размышлений автора о событиях прошлого и настоящего. Художник не просто изобразил одну сцену из быта сосланных Меншиковых, но выразил через трагедию одной семьи глубокие противоречия петровских реформ.

Бытовой жанр представляет особый интерес для исследователя повседневности. Иллюстрируя его значение, обратимся к творчеству французского живописца XIX века Эдуарда Мане, признанного мастера бытовых сюжетов. Для художника источником вдохновения служила современность: повседневная жизнь французов, бытовые мелочи, без которых нельзя представить человеческую жизнь, - все то, что Мане видел, понимал и любил.

На картине «Музыка в Тюильри» (1862 г.) изображен сад, расположенный в самом центре столицы, своего рода салон под открытым небом, где дважды в неделю проходили концерты, привлекавшие весь столичный свет. В период работы над картиной художник делал наброски в своем блокноте, а иногда брал с собой холст и писал с натуры в саду Тюильри. Картина представляет большой интерес с точки зрения истории моды. Здесь представлены образцы мужского, женского, детского костюмов и аксессуаров к ним. В центре полотна на переднем плане изображены две девочки, играющие с миниатюрными ведерками и ложкой, что свидетельствует о существовании в середине XIX в. детской посуды и связанных с ней игр.

Картина «Музыка в Тюильри» - несомненно, достоверный исторический источник, содержащий ценную информацию по истории французской моды и детских игр конца 50-х гг. XIX века. Кроме того, картина передает нам саму атмосферу той праздности, в которой проводил свое время парижский свет весной 1860 года.

В качестве сюжета картины «Нана» (1877 г.) Эдуард Мане выбрал сцену из жизни дорожной кокетки, так называемой дамы полусвета. Женщины подобного поведения, разумеется, существовали во всех странах и во все времена, однако именно Париж XIX века стал особым городом чувственных удовольствий. Именно в это время появляются «дамы полусвета», с одной из них - Мери Лоран - Мане познакомился в 1876 г., их дружба длилась до самой смерти художника. Но для картины «Нана» позировала другая известная куртизанка того времени - Генриетта Хаузер, любовница принца Оранского.

Мане изобразил один из типичных эпизодов быта кокетки: полуобнаженная женщина вертится перед зеркалом, не стесняясь присутствия любовника - солидного мужчины в парадном костюме.

Сюжет шокировал зрителей, публика сочла картину аморальной. Подобная реакция тоже представляет интерес. Несмотря на широкое распространение проституции в Париже, проникновение ее во все слои населения, общественность резко критиковала не столько сам факт подобного поведения женщин или мужчин, сколько появление таких сюжетов в живописи и литературе.

Таким образом, картина «Нана» содержит информацию по истории костюма и интерьера, и главное - дает возможность увидеть фрагмент истории нравов парижского общества, узнать то, о чем не принято было говорить в свете, что встречало резкую критику со стороны общественности.

Летом 1879 года Эдуард Мане в ресторанчике Латюиля работает над своей новой картиной. Сюжетом вновь послужила одна из повседневных парижских сцен: юноша и девушка, сидящие за столиком. Эдуард Мане проводил сеансы непосредственно в ресторане, всегда предпочитая писать с натуры, что свидетельствует о достоверном изображении не только пары за столиком, но и окружающей их обстановки. В картине «У папаши Латюиля» запечатлено мгновение одного из обычных, ничем не примечательных дней этого парижского ресторанчика. Сама атмосфера ресторана Латюиля в некоторой степени позволяет представить характер времяпрепровождения парижан, отчасти увидеть интерьер одного из изысканных в то время столичных ресторанов, сервировку стола, униформу официанта, мужской и женский городские костюмы конца 70-х гг. XIX века.

Трудно представить какую-либо биографическую справку без наличия портрета характеризуемой персоны. Важнейшим критерием считается сходство изображения с оригиналом, которое достигается не только верной передачей внешних черт модели, но и раскрытием духовных качеств личности. Специфическим жанром портрета выступает автопортрет, в котором художник дает оценку собственной личности, своему творчеству. Портрет может заключать в себе информацию не только о внешнем облике конкретного человека, но и об авторском к нему отношении, а также выступать «барометром этики своего времени» (11, 10), выражая представления о человеке в целом в ту или иную эпоху. Центральной проблемой данного жанра является вопрос о сходстве в портрете. Как отмечает Л.С. Зингер, «запечатлеть изображаемого человека таким, каков он есть, не значит внешне скопировать его. Необходимо передать его сущность. При этом совершенно обязательно исчерпывающе раскрыть его все без исключения характерные черты... для достижения сходства достаточно раскрыть лишь некоторые черты оригинала, но зато существеннейшие, главные, определяющие. Бывает даже, что портретист извлекает из оригинала только одну, доминирующую черту и добивается поразительного сходства» (7, 38).

Например, очерки о жизни и творчестве М.П. Мусор-

гского неизменно сопровождаются портретом кисти И. Репина. Художник писал его в Николаевском военном госпитале всего за четыре дня до смерти композитора. И. Грабарь пишет: «из всех, знавших Мусоргского, не было никого, кто не остался бы в восторге от этого портрета, – так он жизненен, так он похож, так он верно и просто передает всю натуру, весь характер, весь внешний облик Мусоргского» (3, 200). Большинство исследователей утверждают в качестве основной задачи портрета не только передачу внешнего сходства, но и выражение масштаба личности, человеческой индивидуальности.

Пейзаж также может выступать своего рода историческим документом. Природа различных уголков земного шара представлена в работах художников (так, благодаря Констебллу перед нами предстают сельские пейзажи Англии XIX века, а природу Армении запечатлел в своих произведениях М. Сарьян). Кроме того, произведения этого жанра позволяют увидеть местечки, поселки, исчезнувшие под натиском урбанизации (например, Подмосковье XIX века). Городские пейзажи воссоздают перед зрителем облик Венеции XVIII века, Парижа конца XIX или, к примеру, Москвы середины прошлого столетия.

Натюрморт – изображение окружающих человека вещей, размещенных в основном в реальной бытовой среде и организованных в единую композиционную группу. Это могут быть предметы домашней утвари (столовые приборы, посуда), а также личные вещи, цветы, продукты питания и многое другое. Натюрморт может иметь самостоятельное значение или быть составной частью картины. Здесь предметы как правило представлены предельно достоверно, что вызывает большой интерес с исторической точки зрения. Вещи, изображенные в натюрморты, ценны для изучения истории материальной культуры, культуры повседневности, это могут быть личные предметы исторического деятеля. Разнообразные блюда, мясо, овощи и фрукты – источник по истории питания.

Вещи способны характеризовать владельца, с их помощью мы можем определить его социальное и материальное положение, профессию, пристрастия, вкус, привычки. «Предмет быта, согретый теплотой повседневного общения с людьми, позволяет прикоснуться к их жизни более осязательно и интимно, чем это возможно в развинутой сюжетной картине. Если же этот быт отдален от нас пространством континентов или столетиями, вещь может выступить и в своем историческом качестве: она уже документ времени» (2, 5). Так, в России в эпоху петровских преобразований появляется масса новых необычных для русского человека того времени вещей. Среди них – курительная трубка, изображенная в работе художника начала XVIII века (портрет «Неизвестного с трубкой»).

Исследователь русского натюрморта Ю. Герчук, говоря об атмосфере, присущей картинам петровского и послепетровского времени, отмечает, что «эти скромные натюрморты – настоящие окна в живой быт русских людей XVIII века – и не в парадные залы дворцов, а в скромные жилые комнатки, в мир «вседневного» будничного существования» (2, 12).

Например, «Натюрморт с картиной и книгами» (1737 г.) художника XVIII века Т. Ульянова предоставляет человеку XXI века возможность увидеть вещи, возраст которых превышает два столетия: книги с застевками на переплетях; чернильницу; подсвечник; расшитое узорами полотенец; картину в скромной раме; ключ; конверт, скрепленный сургучной печатью; брошюру (календарь); ножницы и расческу. Эти предметы создавали и использовали в своей жизни люди XVIII века. Оригиналы их представлены в музеях, а подобные изобразительные «копии» хранят произведения живописи.

Жанр интерьера можно определить как изображе-

ние внутреннего пространства помещения. Это могут быть комнаты дворцов, помещения государственных и иных учреждений, крестьянские избы и др. Обращаясь к изучению жизни и быта людей того или иного сословия в различные эпохи, исследователю важно знать ту обстановку, что их окружала. Интерьер комнаты может многое рассказать о ее владельце (например, о положении в обществе, вкусе или индивидуальных пристрастиях). В XVII-XIX веках, в эпоху расцвета интерьера как жанра, «складывается тип «среды-портрета»... красноречиво повествующей о своем хозяине в его отсутствие» (10, 5). Так, ощущение прикосновения к творческому процессу дает картина Н.Т. Богацкого «Мастерская художника» (1862 г.): в центре изображена небольшая фигурка в открытом ящике на веревке – это модель будущей скульптуры. Художник, приподнимая или опуская ящик с такой фигуркой, мог варьировать ее положение, обдумывая световую ситуацию, неподалеку находится и сама статуя в натуральную величину.

Обстановка, в которой люди жили, работали или просто проводили время, – весьма интересный и ценный материал с исторической точки зрения. Например, полотно К.Н. Зиминой «Интерьер библиотеки Академии художеств в Петербурге» (1860 г.) дает возможность увидеть читальный зал XIX века, а представить Оружейную палату 1840-х годов мы можем в том числе и благодаря произведению Н.А. Бурдина.

Таким образом, выявляя информационный потенциал картины, исследователь должен прежде всего определить жанровую принадлежность произведения и направление, в рамках которого оно создавалось. При работе с изоматериалами исследователю необходимо учитывать, что для произведений живописи характерен авторский отбор изображаемого, художник не ставит своей целью передать все, что способно уловить зрение, но это не воспринимается как искажение реальности, т.к. при этом отборе делается акцент на лучшее отображение некоторых элементов, представляющихся автору наиболее важными в изображаемом.

Кроме того, важно понять, что для художника являлось приоритетным – изображение реальных предметов или же выражение особенностей собственного мировосприятия, что необходимо для выяснения характера заложенной в произведении информации – сведения, заключенные в изоисточнике, могут быть интересны и ценны для психологов или философов, но не иметь принципиального значения с исторической точки зрения.

Вопрос об отражении «жизненной правды» остается нерешенным до сих пор. «...Жизненная правда и жизненная сущность... взаимно связаны: совершенно невозможно быть в живописи жизненно правдивым, убедительным, реалистическим, если в ее основе не лежит какая-то вдохновляющая и определяющая ее художественную форму истина сущности» (1, 408). Однако каждое из множества направлений и методов изобразительного искусства имеет собственный взгляд на отражение этой сущности в художественном творчестве. Так, натурализм видит свою задачу в предельно точном копировании всех деталей, реализм утверждает правду обобщения и выразительности, некоторые направления вообще отрицают предметность. Зная эти особенности, можно в общих чертах представить характер информации, заключенной в картине. Исследователю при работе с изобразительными материалами важно учитывать направление, в рамках которого создано произведение, для его интерпретации и решения проблемы достоверности изоисточника.

Список литературы

1. Гартман Н. Эстетика. Киев. 2004.

2. Герчук Ю. *Живые вещи*. М., 1977.
3. Грабарь И. *Портреты Репина эпохи расцвета // Искусство: Живопись. Скульптура. Графика: В 3-х ч. Ч. 3. Русское искусство. Советское искусство / Сост. М.В. Алпатов, Н.Н. Ростовцев. М., 1989.*
4. Дали С. *Мои сильные стороны // Сальвадор Дали. М., 1992.*
5. Дмитриева Н.А. *Пикассо. М., 1971.*
6. Жуковский В.И., Пивоваров Д.В. *Зримая сущность (визуальное мышление в изобразительном искусстве)*. Свердловск, 1991.
7. Зингер Л.С. *Очерки теории и истории портрета. М., 1986.*
8. Кеменов В.С. В.И.Суриков. *Историческая живопись 1870 - 1890. М., 1987.*
9. Ревалд Д. *История импрессионизма. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Revald/index.php*
10. Соколов М.Н. *Интерьер в зеркале живописи. М., 1986.*
11. Стасевич В.Н. *Искусство портрета. М., 1972.*
12. Стасевич В.Н. *Пейзаж. Картина и действительность. М., 1978.*
13. Ягодковская А.Т. *О живописи. М., 1962.*
14. Ягодковская А.Т. *От реальности к образу. М., 1985.*
15. Янковская Г. *Книжный идеал художника и живописцы позднего сталинизма // Историк и художник. 2005. №1.*

И.Б. Гоголев

Курганский пограничный институт ФСБ России

ИСТОРИЯ ФЕОДАЛИЗМА В РАБОТАХ Н.П. ПАВЛОВА-СИЛЬВАНСКОГО

Ярким представителем либеральной историографии конца XIX - начала XX вв., отличавшимся своими демократическими взглядами и самостоятельностью в решении важнейших вопросов отечественной истории, безусловно, был Николай Павлович Павлов-Сильванский (1869-1908 гг.).

Главным делом всей своей научной деятельности Н.П. Павлов-Сильванский считал работу над социальным строем Руси, над русским феодализмом. Разработку ее он начал со статьи «Закладничество-патронат», которая появилась в 1897 году (1). Затем в «Журнале Министерства народного просвещения» были напечатаны в 1900-1902 гг. три статьи: «Иммунитет в удельной Руси», «Феодальные отношения в удельной Руси» и «Новое объяснение закладничества» (2,3,4). В 1907 году вышла книга «Феодализм в древней Руси» (7). Эти изыскания внесли новую теорию в отечественную историографию.

Итоговым в истории русского феодализма явился его научный труд «Феодализм в удельной Руси», который был завершен другом Н.П. Павлова-Сильванского А.Е. Пресняковым, разделяющим убеждения автора.

Он закончил исследование по рукописным материалам и наброскам и написал свое предисловие. Монография вышла в 1910 году, уже после смерти Николая Павловича (5). В ней исследователь рассматривает правовую сторону феодализма - феодальные институты, юридические нормы. Он определяет феодализм как соединение крупного землевладения с политическим господством, на базе чего создается иерархия власти (6, 288-289).

Но сущность взглядов Н.П. Павлова-Сильванского состояла не в этом. От этих внесенных формальных элементов историк идет к раскрытию внутреннего содержания самих общественных отношений. Во-первых, он принципиально расходится с государственно-юридической школой в понимании юридической нормы. Как известно, представители ее видели содержание исторического процесса в законе и правовом институте, которые творят и организуют общественные отношения.

Н.П. Павлов-Сильванский усматривал в юридичес-

кой норме лишь проявление общественных отношений, их закрепление. Для него правовая норма есть исторический источник для изучения общественных отношений. Он выдвигает задачу изучения права сравнительным методом. Ученый сравнивает русское право с германским и приходит к выводу о сходстве их. В этом отношении Николай Павлович дальше развивает идеи Г. Эверса. Историк писал: «Но, кажется, уже недалеко то время, когда эта программа будет заполнена, когда сравнительное поведение достигнет таких же точных выводов, каких в короткое время достигло сравнительное языкознание, установить системы и основы развития права не только арийской, но и других рас, и вместе со сравнительной экономической наукой дает твердые основания социологии» (6, 345).

Он упрекает русских историков за то, что те редко пользовались сравнительным методом, поэтому «у нас господствует представление о полном своеобразии русского исторического процесса вообще и русского права в частности». Н.П. Павлов-Сильванский в противовес им придерживается другого мнения: «Есть, однако, в нашей древности одна область, в которой русские порядки так разительно сходны с другими, что наши историки, вопреки господствующему направлению нашей историографии не могли не остановиться на сравнительном их изучении». Прежде всего, речь идет об области русского уголовного и гражданского права и судопроизводства. Это общие для многих народов институты: в уголовном праве - кровная месть, вера, денежные пени за телесные повреждения; в судопроизводстве - испытания водой и железом, послесудебный поединок, свод, послуши-соприсяжники; в гражданском праве - покупка и умыкание жен, право родового выкупа земельной собственности, рабство неоплатного должника, право наследства и т.п.

На основе сравнительного метода Н.П. Павлов-Сильванский приходит к следующим важным выводам: во-первых, «сходство славянского и, в частности, русского права с германским и другими объясняется не заимствованием, а общим арийским происхождением, и сходное развитие их - действием одинаковых первобытных условий жизни», во-вторых, «славянское право, из всех арийских прав, наиболее родственное германскому». Речь идет о том, что одинаковые условия общественной жизни людей вызывают одинаковые нормы права. В этом суть взгляда историка, стоящего на точке зрения закономерности исторического развития (6, 5-67).

Он находит это сходство даже в обычном праве, приводя ряд характерных примеров, в частности дерн. При межевых тяжбах крестьяне брали дерн на голову и обходили между - это была страшная клятва. За ними шли люди и ставили столбы межевые.

В 1828 году в Рязанской губернии, близ г. Сапожка, крестьянин, «оспаривая принадлежность луга, с отчаянием вырезал дернину, положил ее себе на голову и, огрядясь крестом, клялся перед спорящими свидетелями, что если покос не принадлежит ему, тогда сама родная земля прикроет его навеки» (6, 87).

В Олонецкой губернии зафиксирован такой факт обрядности в 1878 г. Спорящий говорит: «Пусть рассудит нас мать сыра земля», затем вырывает кусок дерна, кладет его на голову и идет по меже» (6, 88).

Каково было происхождение данной присяги? - задает вопрос Н.П. Павлов-Сильванский. Первая мысль у нас всегда - это идея о заимствовании. Митрополит Евгений полагал, что русские переняли его от зырян Сольвычского уезда. Ученый с этим не согласен. Ибо этот обряд он находит в Венгрии и Саксонии (6, 93).

В одном из венгерских актов в 1360 г. сказано: «Фома и Михаил Хатя, разувшись и распоясавшись, и положив

на голову глыбу земли, по существующему обычаю клялись землею, поклялись, что та самая земля, которую они обошли и отвели вышеуказанными межами, от первых до последних, есть земля владения их «полянка», и к ней принадлежит» (6, 95).

В Силезии Оппельским земским уставом 1562 г. узаконен этот же обычай: «крестьяне должны раздеться до рубахи, стать на колени в яме, вырытой на один локоть в глубину, держать на голове дерн, не иметь при себе ни ножа, ни оружия, и таким же образом произносить присягу» (6, 97).

Н.П. Павлов-Сильванский неизбежно пришел к выводу о том, что не законы создают общественные отношения, а общественные отношения создают определяющие юридические нормы, обычаи складываются раньше закона, общество стоит раньше государства. Это утверждение было прямым выступлением против государственно-правовой школы. Это позиция была им развита в параграфе «Происхождение иммунитета» (6, 87-96).

Он критикует немецкого историка Вайца, по мнению которого, иммунитет ведет свое начало от королевских пожалований, что сначала короли давали иммунитетные права частным лицам при передаче им собственных королевских имений, затем жаловали те же права на всякие частные земли. Таким образом, по Вайцу, иммунитет был создан волею верховной власти, причем общий законодательный акт заменен был длинным рядом отдельных частных актов - иммунитетных дипломов (6, 380-381).

Н.П. Павлов-Сильванский подчеркивает: «Слабая сторона этой гипотезы заключается в том, что она не развязывает, а разрушает завязанный узел проблемы. Иммунитет является, по словам Вайца, созданием королей.

Но мы знаем, что все важнейшие учреждения древности, к каковым относится иммунитет, не создавались властью, а постепенно развивались, и что власть обыкновенно только закрепляла и оформляла обычное право (6, 380-382).

В основе возникновения иммунитета историк видел крупное землевладение. «Политическое значение иммунитета сильно изменилось в зависимости от фактических, материальных отношений, - считает Н.П. Павлов-Сильванский. В руках мелких вотчинников, особенно при сильной княжеской власти, политическое значение иммунитета практически сводилось к нулю. Мелкий собственник не обладал достаточной силой власти «далеко не всякого преступника мог он заставить уважать свой авторитет, он дорожил правом суда, не как важной прерогативой, а как доходной статьей, чтобы взимать судебные пошлины и пени» (6, 391). Наоборот, когда иммунитетными правами владел крупный землевладелец, они приобретали важное политическое значение. Он приводит следующий пример. В XVIII веке Рязанский Ольгов монастырь владел пятью волостями с 1000 дворами и несколькими тысячами душ крестьян. Этому монастырю были переданы иммунитетные права в полном объеме: княжеские волостные и наместники не имели право выезжать за околицу его обширных земельных владений. Такой монастырь представлял в те времена крупную политическую силу и становился государством в государстве. Историк писал: «В XIV в. бояре, благодаря своим крупным земельным владениям, приобрели такую силу, что становились опасными великим князьям» (6,392). Он считает, что княжеские и боярские усабицы происходят из-за земельных владений.

Далее исследователь развивает мысль о том, что иммунитет крупных землевладельцев явился основой для узурпации и верховной власти. Но он это говорит в отношении западной Европы, делая оговорку о Русском государстве: «Этого последствия у нас иммунитет не имел» (6, 393).

Н.П. Павлов-Сильванский отмечает, что не один удельный боярин не стал князем-государем в собственном смысле этого слова. «Но это произошло по совершенно другой причине - вследствие разрастания рода владетельных Рюриковичей» (6, 393-394). В Европе «род Каролингов рано угас, у нас же в момент назревшего разделения страны оказалось налицо множество потомков Всеволода Большое Гнездо. Для каждого обособленного округа находился князь-претендент с наследственными суверенными правами. Наследственные князья заняли у нас то место, которое в Европе заняли графы-управители и вотчинники, возвысившиеся до положения владетельных государей». Окняжение земель у нас предотвратило узурпацию власти боярами. Тем не менее, на Руси, как и на Западе, вследствие одинаковых причин земля неудержимо распадалась на мелкие самостоятельные княжества (6, 393).

Вполне понятно, что Н.П. Павлов-Сильванский не мог прийти до научного понимания причин феодальной раздробленности и образования государства. Он хотя и признавал примат материальных условий, но все же не мог окончательно отойти от юридической схемы своего исследования. Ученый поставил проблему феодализма как проблему борьбы общины и боярщины.

Община основа первоначального, дофеодального строя - конкретная историческая форма общественного порядка. Н.П. Павлов-Сильванский отмежевывается от превращения общины в формально-юридическое понятие в продукт государственного законодательства, как это было у Б.Н. Чичерина. В понимании историка община выступает как определенная стадия общественного развития. Общину автор ставит в один ряд с полицкой вервью у западных славян, с маркой древних германцев. На это тождество указывал еще Ф. Энгельс.

Община - это первый период русской истории до XII в. Это мирской строй (VIII-XII вв.).

С XII до XVI вв. - второй период истории России, когда центр тяжести отношений переходит от мира к боярщине. Мирское самоуправление сохраняется в ослабленном состоянии. Боярщина - непосредственная основа и содержание феодального строя. Она выходит за рамки юридического понимания. Боярщина соединяет крупное землевладение с политической властью и мелким крестьянским хозяйством. Это вводит в понимание феодально-зависимых отношений смерда, холопа и т.д. Источник этой зависимости историк видит в насильственном захвате земли военно-служивой боярской верхушкой и насильственном отчуждении общинных земель, закабалении свободных людей. Установление феодальных отношений происходит в результате насильственной борьбы боярщины с общиной. Н.П. Павлов-Сильванский близко подходит к теории внеэкономического происхождения феодальной зависимости, раскрытию сущности феодального строя.

Третий период русской истории - XVI в. и до первой половины XIX в., когда основным учреждением является централизованное государство. Таким образом, он впервые вводит в периодизацию истории России феодальную эпоху.

Мир, боярщина, государство - вот схема исторического развития России. Историк не мог окончательно уйти от старой схемы. Например, он отождествляет феодализм с феодальной раздробленностью, с удельным периодом, в то время как боярщина имела место уже в Киевской Руси. Таким образом, Николай Павлович - сторонник более позднего формирования феодальных отношений в стране. Позднее в советской историографии эта точка зрения получила поддержку у ряда историков (В.В. Мавродин, С.В. Юмков и др.).

Но он внес и существенно новое. Так, торжество государства связывается им с опричниной, в результате которой упал «политический феодализм», но социальная основа его сохранилась без изменения. Автор отделяет политическое от социального (5,148).

В работах, написанных в начале XX века, историк выделяет четвертый период в истории России, «начиная с 1861, когда начинается развитие капитализма» (7).

Труды по истории феодализма Н.П. Павлова-Сильванского, талантливого историка и архивиста XIX-XX вв., сохраняют свое научное значение и сегодня не только как замечательная страница в отечественной историографии, но и как наиболее полное и всестороннее исследование по важнейшим вопросам русского феодализма, прежде всего, древнерусского феодального права, блестяще применяя историко-сравнительный метод.

Список литературы

1. Павлов-Сильванский Н.П. *Закладничество - патронат // Записки Императорского Русского археологического общества - 1897. Т. 9. Вып. 1-2.*
2. Павлов-Сильванский Н.П. *Иммунитет в удельной Руси // Журнал Министерства народного просвещения. 1990. № 12.*
3. Павлов-Сильванский Н.П. *Феодальные отношения в удельной Руси // Журнал Министерства народного просвещения. 1901. № 6. 1902. № 1.*
4. Павлов-Сильванский Н.П. *Новое объяснение закладничества // Журнал Министерства народного просвещения. 1901. № 10.*
5. Павлов-Сильванский Н.П. *Феодализм в удельной Руси. - СПб., 1910.*
6. Павлов-Сильванский Н.П. *Феодализм в России. М., 1988.*
7. Павлов-Сильванский Н.П. *Феодализм в древней Руси. СПб., 1907.*
8. РГИА Ф.1014. Оп.1. Д.19.

С.В. Гусева

Шадринский государственный педагогический институт

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ОБ УДАРНЫХ КОМСОМОЛЬСКИХ СТРОЙКАХ (1956-1965 ГГ.)

«Ударная комсомольская стройка — важнейший народнохозяйственный объект, строительство которого предусмотрено решениями съезда КПСС, ЦК КПСС и Совета Министров СССР, Государственным планом развития народного хозяйства СССР и над сооружением которого осуществляет шефство Ленинский комсомол. Перечень Всесоюзных ударных комсомольских строек определяет и утверждает Бюро ЦК ВЛКСМ по согласованию с Госпланом СССР и ВЦСПС на основе предложений партийных, профсоюзных и комсомольских органов, министерств и ведомств. Ударный труд на строительных площадках, шефство над капитальным строительством — одна из ярчайших страниц Ленинского комсомола...». Такое определение ударной комсомольской стройки нам дает Советский экономический словарь (1).

Ударные комсомольские стройки всегда отличались не только высокими темпами работы, самой лучшей организацией труда и культурой производства, но и тем, что были подлинными лабораториями, своеобразными полигонами для испытания всего нового, прогрессивного, чем располагали на тот момент наука и техника. В связи с этим они представляли большой интерес для изучения проблем деятельности комсомола, его первичных организаций на Всесоюзных ударных стройках. Опыт их работы по воспитанию молодежи мог быть успешно исполь-

зован не только на строительном производстве, но и в других отраслях хозяйства. Ударные комсомольские стройки являлись объектом изучения для многих общественников, в том числе и историков.

История шефства комсомола над ударными стройками началась в 1919 г., когда тысячи комсомольцев Петрограда и Новгорода прибыли на строительство первого объекта из плана ГОЭЛРО — Волховской ГРЭС. Затем были ДнепрогЭС, Турксиб, Магнитка, Кузнецкий металлургический комбинат и многое другое. Наибольший размах шефство приобрело с середины 1950-х гг. Это в значительной степени объясняется резким возрастанием темпов и масштабов капитального строительства, интенсивным освоением северных и восточных районов страны. В период 1956-1965 гг. на Всесоюзных ударных комсомольских стройках было сооружено 987 крупных промышленных объектов (2).

Исследования проводились как на общесоюзном, так и на региональном уровнях. Однако как в советской, так и в современной литературе нет ни историографических работ, ни обобщающего труда по отечественной истории, в которых бы в полном объеме, во всеоюзном масштабе освещался бы весь многогранный опыт комсомола по сооружению ударных объектов. По данной проблеме опубликовано много очерков и брошюр, в которых в сжатом виде прослеживается история участия молодежи в ударном строительстве. Научная разработка непосредственно темы шефства комсомола над капитальным строительством наиболее интенсивно началась в конце 1960-х гг. Причем основная часть исследований охватывает период семилетки. Это, прежде всего, относится к двухтомному и однотомному изданиям книги «Славный путь ленинского комсомола». В данном труде отражена его деятельность за 60 лет и сделан упор на руководящую роль КПСС в деятельности ВЛКСМ. Теоретические и практические аспекты партийного руководства комсомолом получили отражение в трудах А.М. Королева и В.К. Криворученко (3). Так, в монографии В.К. Криворученко были рассмотрены основные формы и методы руководства КПСС комсомолом и молодежью, определены наиболее главные направления деятельности комсомольских организаций на Всесоюзных ударных стройках в конце 1950-1960-е гг. Недостатком данной работы является то, что вопросы производственного шефства молодежи над строительными объектами не получили в ней детального освещения.

Определенный вклад в разработку данной проблемы внесли авторы кандидатских диссертаций, посвященных, главным образом, изучению деятельности комсомольских организаций союзных республик и некоторых областей РСФСР (4). Одним из недостатков большинства этих работ является отсутствие глубокого исследования процесса мобилизации молодежи по общественному призыву и адаптации ее на новостройках. Заметный вклад в разработку этой проблемы внес Ч.Г. Мусин. В его диссертации производственные задачи рассматриваются во взаимосвязи с проблемами воспитания молодежи. В исследовании много обобщающих статистических данных как по отдельным новостройкам, так и по Казахстану в целом (5).

Значительный научный интерес представляет работа А.Л. Петрашкевича «Комсомол Белоруссии — активный помощник Коммунистической партии в мобилизации молодежи на выполнение семилетнего плана развития народного хозяйства (1959-1965 гг.)». Автор на примерах работы комсомольских организаций Белоруссии анализирует опыт комсомола по мобилизации молодежи на борьбу за технический прогресс, по организации его шефской помощи новостройкам республики. Тем не менее,

раздел о шефской помощи новостройкам не раскрывает до конца источники массового трудового энтузиазма белорусской молодежи, не анализирует формы общественного контроля и руководства строительством, а сами новостройки показаны бесцветно (6).

В кандидатской диссертации В. Большакова «Комсомольцы и молодежь промышленных предприятий и строек Молдавии – активные помощники партии в коммунистическом строительстве (1959-1965 гг.)», наряду с довольно глубоким раскрытием темы, на наш взгляд, незаслуженно обойдены исследователем многочисленные формы и средства комсомольско-молодежного контроля на предприятиях и стройках Молдавии. В диссертации не рассматриваются также вопросы участия комсомола в борьбе за повышение общеобразовательного и профессионально-технического уровня молодежи (7).

В исследуемый период Южный Урал (1956-1965 гг.) представлял собой край ударных строек. Среди них такие, как Гайский горно-обогатительный комбинат, прокатный стан «2500» на Магнитогорском, стан «2800» на Орско-Халиловском металлургический комбинатах.

Об участии комсомола в индустриализации Урала имеется ряд исследований и публикаций, но Южный Урал представлен явно недостаточно. Особенно мало исследование деятельности Курганской и Оренбургской областных комсомольских организаций, их активном участии в ударном строительстве. Этому вопросу посвящены небольшие статьи и очерки в периодической печати Южного Урала, «Правде», «Комсомольской правде», а также несколько брошюр (8).

Среди работ, затрагивающих интересующую нас тему, наибольшее внимание заслуживает исследование Ю.А. Черных «Комсомол Урала – помощник партийных организаций в борьбе за технический прогресс в химической промышленности в период между XX и XXII съездами КПСС». В данной работе подняты важные вопросы деятельности комсомола Урала на предприятиях химической промышленности. Показывается, как комсомол под руководством партийных организаций боролся за технический прогресс, создание и внедрение новой техники, активно участвовал во всесоюзном движении рационализаторов и изобретателей. Раскрываются формы и методы массового трудового соревнования и идейно-воспитательной работы среди молодых химиков. Однако недостатком кандидатской диссертации Ю.А. Черных является несоответствие содержания и объекта исследования. Дав заявку в название темы говорить обо всем Урале, Ю.А. Черных свое исследование построил на материалах трех областей: Пермской, Свердловской, Челябинской. Причем основная часть фактического материала взята из жизни Пермской областной комсомольской организации. В работе ничего не сказано об ударных комсомольских стройках Южного Урала, в том числе о строительстве предприятий большой химии (9).

Учитывая отсутствие специальных исследований о деятельности комсомольских организаций строителей Южного Урала Г.Ф. Евсюков сделал попытку восполнить этот пробел исследованием темы «Комсомол – боевой помощник КПСС на ударных комсомольских стройках Южного Урала (1959-1965 гг.)». В данной работе раскрыты причины значительной текучести рабочих кадров, а вопросы мобилизации по общественному призыву рассматриваются с точки зрения двух тенденций в психологии молодежи, имеющих большое значение для ее адаптации на новостройках. Показана большая роль партийных и комсомольских организаций в воспитании и образовании молодежи. Освещается участие молодежи в трудовом соревновании, рационализаторском движении. Им был рекомендован целый комплекс социально-экономичес-

ких мероприятий по закреплению кадров строителей (10).

Первыми работами, в которых довольно полно освещалась многогранная деятельность комсомольских организаций по сооружению ударных строек в Западной Сибири, являются статьи и диссертации М.П. Ененко (11). Автор на большой документальной базе рассмотрел широкий круг вопросов участия комсомольцев и молодежи в строительстве 15 особо важных объектов пятилетки, объявленных Всесоюзными ударными стройками. Им было высказано пожелание по упорядочению сбора и передачи на хранение в архивы материалов штабов, комитетов комсомола ударных строек, так как многие документы были к тому времени на всегда утеряны для науки.

Источники пополнения, причины текучести кадров и конкретные предложения по созданию устойчивых кадров в строительных организациях даны в исследовании Ю.А. Шпарога (12). Опыт, приобретенный на строительстве ударных объектов, как правило, обобщался в отдельных брошюрах. Так, например, Е.В. Вайнштейном был выпущен ряд работ по строительству блюминг «1300», стана «2300/1700» на Челябинском металлургическом заводе (13).

Теоретической и методологической основой советских исследований являлись труды классиков марксизма-ленинизма, особенно произведений В.И. Ленина. Авторы стремились как можно полнее использовать указания, содержащиеся в Программе КПСС и решениях XX-XXIII, а также XXIV съездов КПСС по вопросам деятельности комсомола. Важнейшими источниками являлись решения комсомольских съездов особенно XII, XIV, XV, XVI пленумов ЦК ВЛКСМ и другие директивные указания, связанные с работой комсомольских организаций на ударных стройках.

Вместе с тем, следует отметить, что в указанных исследованиях ряд вопросов носил в основном постановочный характер. Многие материалы не успели отложиться в фондах архивов, что не позволяло авторам предусмотреть и учесть те качественные изменения в последующие годы.

Список литературы

1. <http://economicslovar.ru/udarnaya-komsomolskaya-stroyka.html>
2. *Славный путь Ленинского комсомола. М.: Молодая гвардия, 1974, т.1,2.С.400;*
3. *Королев А.М. Партия и комсомол. Некоторые вопросы партийного руководства комсомолом. М.: Молодая гвардия, 1978. 199 с.; Криворученко В.К. Единство цели: Некоторые аспекты партийного руководства комсомолом в условиях развитого социализма. М.: Молодая гвардия, 1980. 191с.*
4. *Маджиев Н.Д. Комсомол Северной Осетии – помощник партии в борьбе за построение коммунизма. Орджоникидзе, 1984; Абдыбалиев К. Комсомол Киргизии – активный помощник партии в борьбе за построение коммунизма. М.: МГУ, 1965; Миронова В.П. Ленинский комсомол – активный помощник партии в воспитании молодежи на новостройках страны (1958-1968гг.). МГУ, 1958.*
5. *Мусин Ч.Г. Ленинский комсомол – активный помощник Коммунистической партии в сооружении важнейших промышленных предприятий в годы семилетки (1959-1965 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1969.-318с.; Он же. Ударные комсомольские стройки – школа трудовой закалки молодежи. Алма-Ата: Знание, 1973.*
6. *Петрашкевич А.Л. Комсомол Белоруссии в семилетке. - Мн., 1962.*
7. *Евсюков Г.Ф. Комсомол – боевой помощник КПСС на ударных стройках Южного Урала (1959-1966 гг.). М.: Изд-во МГУ, 1971.С.6*
8. *Ладынин В. «Индустриализация общества». Оренбург, 1960; Рева Г.М. Слово магнитогорцев - верное слово. Челябинск, 1962; Рухадзе А.К. Рудаков В.Ф. Индустрия Южного Урала. М.: Изд-во. «Советская Россия»,1962; Фе-*

- дотов А.В. *Рядовые гвардии строителей коммунизма. Челябинск, 1963*; Плехов Г. *Комсомольский прожектор. Сборник очерков. Челябинск, 1967*; *Координаты подвига. Сборник очерков. Челябинск, 1968.*
9. Черных Ю.А. *Комсомол - активный помощник партии в коммунистическом воспитании молодежи в период между XX и XXV съездами КПСС (1956-1976 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1978.*
 10. Евсюков Г.Ф. *Комсомол - боевой помощник КПСС на ударных стройках Южного Урала (1959-1966гг.). М.: Изд-во МГУ, 1971.*
 11. Ененко М.П. *Комсомол - активный помощник партийных организаций в сооружении Всесоюзных ударных строек в Западной Сибири (1959-1965гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1968.*
 12. Шпарог Ю.А. *Изменение численности, источников пополнения и состава кадров строителей в годы семилетки (1959-1965 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1966.*
 13. Вайнштейн Е.В. *На одной из строек семилетки. Челябинск, 1963*; *Он же. Наука вторгается в управление строительством. Челябинск, 1970.*

Е.Н. Суслова

Курганский государственный университет

ИСТОРИОГРАФИЯ УЧАСТИЯ УРАЛА В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (1959 – 1965 ГГ.)

На рубеже 1950–1960-х годов активизировалось участие советской общественности в поддержании и укреплении общественного порядка, в борьбе с правонарушениями и преступностью.

Был взят курс на построение в недалеком будущем коммунистического общества, которое предполагало постепенный переход от государственного управления к общественному самоуправлению (1).

В советской историографии исследованию деятельности общественных организаций традиционно уделялось особое внимание. Они рассматривались как неотъемлемая часть политической системы, в качестве общественного резерва для правящей партии и организованной структуры для постоянного контроля над настроениями советских людей.

В трудах Н.И. Ветрова, К.П. Горшенина, Н.И. Климова, А.И. Щиглика, Ц.А. Ямпольской, Е.А. Фролова обобщен опыт участия общественности в борьбе с правонарушениями. Названные авторы попытались выявить все многообразие причин, факторов, закономерностей и условий, вызывающих преступное поведение отдельных людей, дать рекомендации для совершенствования воспитательной, в том числе и профилактической работы среди различных «групп риска», склонных к правонарушениям.

Для понимания сущности общественных организаций представляется важным исследование Ц.А. Ямпольской «Общественные организации в СССР». Автор рассматривает вопросы о понятии, видах общественных организаций в СССР, об особенностях их роли в жизни советского общества. По ее мнению, общественная организация – это добровольное, но закрепленное формальным членством объединение советских граждан, которое, будучи построено на основе демократического централизма, самоуправления и самодеятельности, имеет своей задачей в соответствии с законными интересами и правами объединившихся лиц осуществление деятельности, направленной на достижение целей организации, а тем самым одновременно на участие в коммунистическом строительстве (2).

Представляет интерес статья З.И. Шведовой «Роль суда и общественности в борьбе с правонарушениями». По ее мнению, в результате деятельности народных дружин, усиления воспитательной работы и правовой пропаганды, поступление уголовных дел в народные суды сократилось. Она привела статистические данные по Свердловской области. Так, если среднемесячное поступление общеуголовных дел в 1958 году взять за 100%, то в 1959 году, когда общественность более активно включилась в борьбу с преступностью, оно составило 89,8%. Количество дел о кражах сократилось на 11%, о разбоях – на 50%, о хулиганстве – на 5,8%, об убийствах – на 40,2%, об изнасилованиях – на 29,5% (3).

По данным Государственного архива общественно-политической документации Курганской области, общее количество преступлений, совершенных в 1959 г., по сравнению с 1958 г. сократилось на 1178 случаев, или на 30,9%. Сократились такие особо опасные преступления как разбойные нападения – на 23%, изнасилования – на 19,1%, хищения государственного и общественного имущества – на 19,5% и кражи личной собственности – на 35,3%. В 1959 г. количество лиц, арестованных за мелкое хулиганство, сократилось по сравнению с 1958 г. на 33%. Учреждения внутренних дел, прокуратуры и суды, используя помощь общественности, стали больше предупреждать преступные проявления и раскрывать преступления. Если в 1958 г. было раскрыто 88,8% совершенных преступлений, то в 1959 г. – 95,6%. Раскрываемость особо опасных преступлений повысилась с 77,3% в 1958 г. до 91% в 1959 г. (4).

В работе Н.И. Климова «Участие общественности в раскрытии преступлений и перевоспитании лиц, виновных в их совершении». Основное внимание уделено добровольным народным дружинам, приводятся статистические данные. К марту 1960 года количество дружин в Свердловской области составляло 1650 с охватом свыше 118 тысяч дружинников. В результате активного участия общественности в охране общественного порядка преступность снизилась за 9 месяцев 1959 года в сравнении с этим же периодом 1958 года почти на 20% (5).

На 10 марта 1959 года в г. Кургане было создано 8 народных дружин, которые насчитывали в своем составе 87 человек. На 15 апреля 1959 г. здесь имелось уже 63 дружины, в которых состояло 5800 дружинников (6). В 1960 г. в Кургане насчитывалось 114 добровольных дружин, в которых состояло 11600 дружинников: в том числе 5386 мужчин и 6214 женщин. Для патрулирования по городу ежедневно выходило 130-150 человек (7).

Е.А. Фролов в своем исследовании «Народная дружина на страже порядка» говорил о задачах и некоторых формах участия общественности в правоохранительной деятельности. По ее мнению, основные наиболее важные положительные качества дружин заключались в следующем: они были всеобъемлющими по своему характеру и поэтому в глазах трудящихся с первых же дней своего существования приобрели огромный авторитет; вся деятельность дружин осуществлялась при повседневной помощи, контроле и руководстве со стороны партийных организаций; дружины отличались четким организационным построением, имеют стабильный состав и прочную дисциплину; дружины могли применять в своей деятельности самые различные способы и методы работы, они вполне были способными одновременно уделять достаточное внимание решению главных задач в охране общественного порядка (8).

В монографии Н.И. Ветрова «Профилактика правонарушений среди молодежи» в центре внимания стоит основная проблема, составляющая предмет исследования, – профилактика правонарушений среди несовершенно-

нолетних и молодежи. В данном исследовании раскрываются понятия правонарушения, профилактики, а также рассматриваются условия профилактики правонарушений (социально-экономические, идеологические, организационно-правовые и иные). Всестороннее изучение указанных условий, с одной стороны, должно осуществляться одновременно и параллельно с исследованием причин, способствующих совершению преступлений, и условий, обеспечивающих успешную борьбу с правонарушениями, а с другой, – определять основные направления и практические пути совершенствования деятельности государственных органов и общественных организаций, занимающихся непосредственно профилактикой и борьбой с антиобщественными проявлениями среди молодежи (9).

В книге А.И. Щиглика «Закономерности становления и развития общественных организаций в СССР» анализируются общие закономерности становления, развития и функционирования общественных организаций (профсоюзов, комсомола и др.), рассматриваются предпосылки становления общественных организаций в политической системе советского общества. Он выделяет закономерности общественных организаций: во-первых, природа закономерностей общественных организаций вытекает из особенностей этих организаций, представляющих собой одну из общественных форм политической демократии; во-вторых, общественные организации – институт общественно-политической жизни, которая не совпадает со сферой государственной жизни, хотя и тесно с ней связана; в-третьих, общественные организации – относительно самостоятельный структурный элемент политической организации общества (10).

Для постсоветского периода характерна работа А.В. Пыжикова «Хрущевские экскременты в правоохранительной сфере (конец 1950-х – начало 1960-х гг.)». В ней рассматривается история создания общественных организаций (народных дружин, товарищеских судов), нормативно-правовая база их деятельности. Большое место отведено вопросу о привлечении общественности к борьбе с преступностью, а также предупреждению преступлений и профилактике правонарушений, на что ориентировалась тогда вся правоохранительная система. В 1960-е гг. в системе мер по устранению причин преступности важное место отводилось компании против хищений социалистической собственности, алкоголизма и самогонварения, тунеядства и паразитического образа жизни (11).

Историографический обзор позволяет сделать следующие выводы. За период 1950 – 1960-х годов проблема привлечения общественности к борьбе с преступностью привлекала внимание исследователей. Однако в большинстве работ анализ различных аспектов истории возникновения и деятельности общественных организаций имел фрагментарный характер. Состояние историографической разработанности темы недостаточно и не отвечает требованиям современной исторической науки.

Вместе с тем, необходимо отметить, что в историографии, посвященной истории развития общественных организаций, в последние годы были сделаны важные исследования, результатом которых явились работы по типологизации и классификации общественных организаций.

Список источников и литературы

1. Пыжиков А.В. Хрущевские экскременты в правоохранительной сфере (конец 1950-х – начало 1960-х гг.)//Вопросы истории. 2006. № 4. С. 103-110.
2. Ямпольская Ц.А. Общественные организации в СССР. Некоторые политические и организационно-правовые аспекты. М., 1972. С. 14, 52, 59.

3. Шведова З.И. Роль суда и общественности в борьбе с правонарушениями//XXI съезд КПСС о роли общественности в борьбе с преступными проявлениями и в укреплении социалистического правопорядка (материалы научной конференции). Свердловск, 1960. С. 37.
4. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 19. Д. 92. Л. 39.
5. Климов Н.И. Участие общественности в раскрытии преступлений и перевоспитании лиц, виновных в их совершении// XXI съезд КПСС о роли общественности в борьбе с преступными проявлениями и в укреплении социалистического правопорядка (материалы научной конференции). Свердловск, 1960. С. 57.
6. ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 18. Д. 92. Л. 52.
7. Там же. Ф. 10. Оп. 76. Д. 81. Л. 1.
8. Фролов Е.А. Народная дружина на страже порядка// XXI съезд КПСС о роли общественности в борьбе с преступными проявлениями и в укреплении социалистического правопорядка (материалы научной конференции). Свердловск, 1960. С. 86.
9. Ветров Н.И. Профилактика правонарушений среди молодежи. М., 1980. С. 8, 15, 17, 26.
10. Щиглик А.И. Закономерности становления и развития общественных организаций в СССР. Политико-правовое исследование. М., 1977. С. 3, 4, 31, 32.
11. Пыжиков А.В. Хрущевские экскременты в правоохранительной сфере (конец 1950-х – начало 1960-х гг.)//Вопросы истории. 2006. № 4. С. 103-110.

А.В. Могутнов
Челябинская агроинженерная академия

О СОСТОЯНИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБОРОННО-МАССОВОЙ РАБОТЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1945) В УРАЛЬСКОЙ И ЗАУРАЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XXI ВЕКА

Отличительными особенностями развития уральской и зауральской историографии войны в начале третьего тысячелетия можно назвать следующие. Во-первых, в арсенале историков появились новые возможности организации научно-исследовательской деятельности, новые технические средства и возможности получения информации, в том числе интернет-ресурсы.

Во-вторых, интерес исследователей к истории Второй мировой и Великой Отечественной войн не ослаб, а наоборот, возрос. В диссертационных исследованиях Ю.И. Шпинева, Р.В. Стрелец, Г.И. Колесниковой, В.А. Рубина, Н.А. Дегтяревой, О.Ю. Устиновой, И.В. Рудометовой, написанных на материалах Южного Урала частично затрагиваются сложности и противоречия, характерные для оборонно-массовой работы в целом, трудности в военной подготовке населения края (1). Однако комплексно оборонно-массовую работу в Южном Зауралье они не рассматривали и не обобщали.

В-третьих, сформировалась и успешно многие годы действует школа «военщиков» при кафедре истории Отечества в Челябинской агроинженерной академии. Ее основателем стал П.Г. Агарышев, участник Великой Отечественной войны, доктор исторических наук, профессор, академик Академии военно-исторических наук. В настоящее время научную школу возглавляет доктор исторических наук, профессор, академик Академии военно-исторических наук Н.П. Палецких. За все годы ими подготовлено 20 кандидатов и докторов наук по истории уральского тыла в годы Великой Отечественной войны (2). В их числе под руководством профессоров П.Г. Агарышева и

Н.П. Палецких подготовлены и защищены научные работы, в которых нашли отражение вопросы оборонно-массовой работы на Урале, деятельность оборонных обществ по военной подготовке населения, в том числе обучение специалистов для танковых войск (3). По причине довольно объемных территориальных рамок, включавших 5 областей и 2 республики Урала, вопросы состояния оборонно-массовой работы, например, в Южном Зауралье в указанных исследованиях рассматривалась частично.

Начиная с 2000 года зауральская историография значительно обогатилась содержательными монографиями, статьями, содержащими вопросы состояния оборонно-массовой работы в годы войны. Так, В.В. Усманов впервые в истории не только Южного Зауралья, но и всей России рассмотрел эволюцию деятельности военных комиссариатов, в том числе в годы войны (4). Ю.П. Агафонов показал некоторые итоги работы Курганской областной оборонной организации Осоавиахим по подготовке оборонных кадров, подчеркнул ее значимость в военно-патриотическом воспитании зауральцев в годы Великой Отечественной войны (5). Научный интерес представила монография В.Б. Масляева «Россия: значение побед, уроки поражений», в которой автор анализирует мобилизационное сопровождение боевых действий немецкой армии, которое в годы Второй мировой войны оставалось значительным. При этом важное место в пополнении действующей армии принадлежало военной подготовке населения Германии, особенно молодежи (6).

Значительное место в изучении патриотической тематики зауральцев в годы войны занимает проблема героизма на фронте и в тылу. В книжно-журнальных изданиях Южного Зауралья вышли монографии, сборники статей, в которых скрупулезно изучен героизм и стойкость зауральцев, обученных военному делу и призванных в РККА в годы войны, восстановлены имена всех, кто получил звание Героя Советского Союза, стал кавалером орденов Славы всех степеней (7). Впервые комплексно проблему оборонно-экономического комплекса Южного Зауралья, его особенности, результаты исследовали зауральские историки А.Я. Кодинцев, В.В. Подливалов, М.Н. Федченко (8). Без изучения этой проблемы невозможно понять суть оборонно-массовой работы, так как она во многом зависела от состояния экономики региона.

Начиная с 2000 года в Челябинске издательством «Каменный пояс» была начата, а в 2007 году закончена работа по созданию семи томов энциклопедии, вошедшей в содержание многочисленных факты, события, фамилии людей, живших и работавших на Южном Урале в годы войны (9). Научный интерес, с точки зрения исследуемой нами проблемы представляют содержащиеся в энциклопедии сведения, касающиеся деятельности оборонных обществ, организаций на территории Южного Зауралья.

Одним из важнейших направлений в историографии Великой Отечественной войны является проблема формирования воинских соединений на уральской земле с использованием призывного контингента, в том числе Курганской области. В этой связи заслуживает внимания научная статья А.Р. Заец, представляющая военно-мобилизационную работу на Урале. Исследователь опубликовал интересные сведения, касающиеся в том числе призванных военнообязанных военкоматами Курганской области в сентябре 1943 года. В категории призванных в РККА входили разбронированные рабочие из народного хозяйства, призывники 1922–1925 годов рождения, бывшие заключенные, выписавшиеся из госпиталей, отставшие от воинских эшелонов и др. (10). Статья написана на основе сведений интернет-ресурса, однако в ней нет ссылок на научные работы уральских исследователей, круп-

ные монографии, диссертации, написанные по проблеме создания воинских формирований на Урале. Автор трехтомного издания «Зовущий колокол, огнем горящий меч» В.В. Усманов, например, представлен как Устинов, сведения о количестве призванных на военную службу по уральскому военному округу, указанных в статье, требуют уточнений.

Вопросы оборонно-массовой работы нашли отражение в материалах научно-практических конференций, прошедших в связи с юбилеями Победы (11). В них затронуты проблемы патриотического воспитания населения Урала, роль физкультурных, медицинских организаций в оборонно-массовой работе. Так, С.Б. Сластнев, рассматривая подготовку населения Свердловской области к рукопашному бою, определил ее одним из основных направлений оборонной работы по подготовке боевых резервов для фронта (12). Интересные сведения о призванных в РККА женщинах приводит П.А. Ульяхина. Автором подтверждается изучение женщинами военного дела в оборонных обществах, где они получали специальности медицинских сестер, сандружинниц. В статье использованы материалы Шадринского района, где вместо убитых на фронт мужчин в совхозы и МТС пришли 435 женщин (13).

Боевой путь 367-й стрелковой дивизии, сформированной в Шадринске, укомплектованной в основном военнообязанными из Шадринска, Каргаполя, зауральских сел и деревень, раскрыл И.А. Новиков. Автор показал трагическую судьбу соединения, свыше 800 бойцов и командиров которого погибли на Карельском фронте (14).

Весь объем проделанной научно-исследовательской работы в этот период значителен, многообразен по содержанию, представляет научный интерес. Если для советской историографии было свойственно преобладание работ, охватывающих огромные территориальные рамки, что обуславливалось идеей неразрывного единства территории СССР, то в современной российской исторической науке налицо нарастающий интерес к узким темам, раскрываемым на примере конкретного региона. Россия декларировала и законодательно закрепила идею культурного, политического, экономического разнообразия субъектов Российской Федерации, что, безусловно, положительно отразилось на развитии региональных исторических школ.

Таким образом, анализ исследований, косвенно или в прямой постановке связанных с темой оборонно-массовой работы, свидетельствуют о солидной источниковой базе, накопленной в том числе и в новом третьем тысячелетии.

Список литературы

1. Шпинева Ю.И. *Осуществление национальной государственной политики на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2004; Стрелец Р.В. Деятельность Южно-Уральского Военного округа на подготовке резервов для фронта в период Великой Отечественной войны: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2004; Колесникова Г.И. Железнодорожный транспорт Южного Урала в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2006; Рубин В.А. Города Южного Урала в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук, Оренбург, 2007; Дегтярева Н.А. Госпитали на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук, Оренбург, 2007; Устинова О.Ю. Советы Южного Урала в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук, Оренбург, 2008; Рудометова И.В. Легкая и пищевая промышленность Челябинской области в период Второй мировой войны (1939–1945 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук, Челябинск, 2009.*

2. Семочкина Е.И. Историки Челябинска о проблемах уральского тыла периода Великой Отечественной войны (вторая половина XX века) // *Великая Отечественная и Вторая мировая войны в контексте истории XX–XXI веков. Часть I. Челябинск, 2010. С. 185; Павленко Г.К., Павленко В.Д. Челябинская область периода Великой Отечественной войны в публикациях первого десятилетия XXI века. Там же. С. 199–200.*
3. Могутнов В.П. Военные отделы комитетов ВКП(б) в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 1991; Могутнов В.П. Подготовка резервов фронту в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Челябинск, 2000; Ковшов И.В. Система подготовки танковых специалистов на Урале в годы Великой Отечественной войны: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2007.
4. Усманов В.В. Зовущий колокол, огнем горящий меч. Том 1. Курган: Парус-М, 2001; Том 2, 2003; Том 3, 2006.
5. Агафонов Ю.П. ОСОАВИАХИМ. ДОСААФ. РОСТО. Традициям верны. Курган, Зауралье, 2006.
6. Масляев В.Б. Россия: значение побед, уроки поражений. Курган: Центр «Олимпик», 2009. С. 132–138.
7. России доблестные даты. Курган: Парус-М, 1998; Золотое созвездие Зауралья. Курган: Парус-М, 2000; Помни войну. Курган: Парус-М, 2001; Шадринск военной поры. Шадринск, 2005 и др. смерти в 2005 г. Героя Советского Союза Ф.В. Елисеева на территории Курганской области в настоящее время не осталось в живых героев, получивших это высокое звание в годы войны.
8. Козинцев А.Я., Подливалов В.В., Федченко М.Н. Экономика Южного Зауралья периода Великой Отечественной войны и первых послевоенных лет (1941–1945). Курган, 2004.
9. Челябинская область: Энциклопедия. Челябинск, Каменный пояс, 2003. Т. 1; 2004. Т. 2; 2004. Т. 3; 2005. Т. 4; 2005. Т. 5; 2006. Т. 6; 2007. Т. 7.
10. Заец А.Р. Урал как мобилизационная база вооруженных Сил в Великой Отечественной войне / Великая Война. Великая Победа. Великая трагедия. Екатеринбург, 2005. С. 105–135.
11. См.: 50-летие Победы: Тезисы докладов научно-практической конференции. Челябинск, 1995; Урал в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. Екатеринбург, 1995; Зауралье в годы Великой Отечественной войны: Материалы научно-практической конференции. Курган, 1995; Зауралье в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: Материалы молодежной научно-практической конференции. Курган, 2005; Областная научно-практическая конференция: Историческое значение Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Курган, 2005; Великая Отечественная и Вторая мировая войны в контексте истории XX–XXI веков: Материалы второй международной научно-практической конференции, посвященной 65-летию Победы в Великой Отечественной войне. Челябинск, 2010. Ч. 1; Вклад Зауралья в Победу в Великой Отечественной войне: Материалы областной научно-практической конференции, посвященной 65-летию Победы. Курган, 2010 и др.
12. Слостнев С.Б. Подготовка населения Свердловской области к рукопашному бою в годы Великой Отечественной войны // Подвиг Урала в исторической памяти поколений: Материалы Международной научной конференции. Екатеринбург, 2010. С. 369–373.
13. Ульяхина П.А. Мобилизация женщин Челябинской области на защиту Родины в начальный период Великой Отечественной войны // Материалы XLIX международной научно-технической конференции. Челябинск, 2010. Ч. 1. С. 82–83.
14. Новиков И.А. В бой с Урала: 3678-я стрелковая дивизия в боях на Карельском фронте // Великая Отечественная и Вторая мировая войны в контексте истории XX–XXI веков. Челябинск, 2010. Ч. 1. С. 241.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ В 90-Е ГОДЫ XX ВЕКА: ОБЗОР ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ

В начале 1990-х годов Россия переживала знаменательные исторические события, которые наложили отпечаток на всю структуру мирового сообщества. Прекратил своё существование Советский Союз, один из ключевых игроков всей геополитической структуры мира. Либерализация цен января 1992 года в России ознаменовала собой эпохальное событие в истории страны – переход от социалистической системы хозяйствования к капиталистической. Всё десятилетие 1990-х годов носило на себе драматический отпечаток глубокого экономического кризиса.

1990-е годы – это период новейшего времени в истории России. Специфика изучения данного периода заключается в том, что историографическая и источниковая база только формируются. Данная статья обращена к обзору источниковой базы при исследовании экономической политики Южного Зауралья в 90-е годы XX века и призвана показать, что уже сформирован определённый корпус источников, который позволяет реконструировать историческую действительность 1990-х годов.

Один из основных видов источников, на который необходимо опираться при исследовании поднимаемой темы, это правовые акты. Постановления, распоряжения администрации Курганской области несут в себе информацию о действиях властей, направленных на решение возникающих проблем на территории Курганской области. В государственном архиве Курганской области имеется фонд р-2452 «Администрация Курганской области»(1), в состав которого входят дела «Постановления Главы администрации Курганской области», охватывающие всё десятилетие 1990-х годов. Эти правовые акты дают важнейшую информацию о мерах, принимаемых властями в условиях разразившейся гиперинфляции после отпуска цен в январе 1992 года, отражают в себе информацию о действиях властей, направленных на преодоление тяжёлой социально-экономической обстановки, которая сложилась в обществе в 1990-е годы и явилась результатом переходного периода от социалистической системы хозяйствования к капиталистической.

В фонде администрации Курганской области, имеются также различные делопроизводственные материалы. Это группа дел под названием «Отчёты, докладные записки, справки, представленные в Президиум Верховного Совета РФ, Правительство РФ, министерства и ведомства»; «Переписка с министерствами и ведомствами по вопросам развития народного хозяйства». Эти делопроизводственные материалы содержат прямую информацию о социально-экономической ситуации в области за определённые промежутки времени. Особенно ценен данный вид источников тем, что через эту документацию возможно реконструировать ход принятия определённых управленческих решений. Информация, характеризующая социально-экономическую ситуацию в области, открыта для массового употребления на страницах периодической печати. Реконструировать же ход принятия решений через обращение лишь к периодической печати невозможно. Его можно воссоздать лишь через обращение к переписке между различными органами государственной власти, через докладные записки и так далее. Поэтому делопроизводственные материалы особенно важны в историческом исследовании.

При написании исторического исследования на тему «Экономическая политика Зауралья в начале 1990-х годов» возможно обращение не только к правовым актам, делопроизводственным материалам органов государственной власти, также необходимо обращение к делопроизводственной документации различных промышленных предприятий. В государственном архиве Курганской области существуют такие фонды: «ОАО Швейная фирма «Лодия»(2); «Автобусный завод»(3); «Курганский завод деревообрабатывающих станков»(4); «Курганприбор» (5); «Курганский машиностроительный завод»(6); «Курганский завод колёсных тягачей» (7) и т. д. Проанализировав приказы директоров предприятий по основной деятельности, годовые отчёты заводов по капитальным вложениям, годовые отчёты финансово-хозяйственной деятельности; годовые бухгалтерские отчёты, объяснительные записки к отчётам, протоколы заседаний совета директоров, можно воссоздать историю Зауральской промышленности в 1990-е годы. Через обобщение полученных данных возможно охарактеризовать состояние промышленности в целом в Зауралье в 1990-е годы. Работа с делопроизводственными материалами предприятий представит индивидуальные, уникальные факты проявления экономического кризиса в 1990-е годы, вызванного переходом от социалистической к капиталистической системе хозяйствования.

Важным дополнением в историческом исследовании будет обращение к такому виду источников, как периодическая печать. Например, газета «Советский Заураль»(8). Анализ данного вида источников требует внимательного индивидуального подхода, так как, например, из-за пропагандистских целей властей представляемая информация в статьях газет может искажаться, не отражая реальность в объективной мере. Но через количественные методы анализа информации, обобщая сведения, можно выявить настроения общественности, реакцию населения на действия властей.

Рассмотренные не исчерпывают всех видов источников, которые необходимо использовать при историческом исследовании экономической политики Южного Зауралья в 90-е годы XX века. Но характеристика данных видов источников показала, что уже сегодня можно приступить к написанию истории Зауралья в 1990-е годы, несмотря на то, что это период новейшего времени.

Источники

1. ГАКО. Ф.Р. – 2452. Оп.1. Д. 8, Д. 9, Д. 10, Д.18, Д. 29, Д. 32
2. ГАКО. Ф.Р. – 2244. Оп.1. Д.923, Д.940, Д.941, Д.964, Д.965
3. ГАКО. Ф.Р. – 1696. Оп.1. Д.1511, Д.1512, Д.1513, Д.1536
4. ГАКО. Ф.Р. – 882. Оп.1. Д.1749, Д.1799
5. ГАКО. Ф.Р. – 2361. Оп.1. Д.1130, Д.1136, Д.1207, Д.1249, Д.1264
6. ГАКО. Ф.Р. – 1698. Оп.4. Д.615, Д.616, Д.618, Д.620, Д.625
7. ГАКО.Ф.Р. – 1699. Оп.2. Д.2957
8. «Советское Зауралье» (1991-1993 гг).

Т.В. Козельчук

Курганский государственный университет

СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ НЕПОЛНОТА ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА КАК ЭЛЕМЕНТ ЕГО КРИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА (НА ПРИМЕРЕ ФОРМУЛЯРНЫХ СПИСКОВ)

Источниковедческое исследование, как известно, предполагает научную проверку подлинности и достоверности источника с целью извлечения из него фактов, не-

обходимых для познания тех или иных аспектов прошлого. Процедура критического анализа, включая, кроме прочего, реконструкцию истории самого источника, завершается конкретной оценкой содержательного потенциала исторического свидетельства.

В результате такой критики исследователь делает вывод об информационной значимости памятника, подчёркивая, как правило, положительные его стороны. Так, при источниковедческом изучении формулярных (послужных) списков чиновников мы говорим о том, что данная учётная документация позволяет проследить процессы комплектования российского бюрократического аппарата, выявить базовые социопрофессиональные характеристики чиновничьего сословия, включая образовательный уровень, социальное происхождение, имущественное положение и многое другое. Как массовый источник формулярные списки изучаются с помощью количественных методов исследования, благодаря чему из них извлекается скрытая информация, в частности, характер и направленность матримониальных связей и прочее.

Формулярный (послужной) список – это официальный документ, призванный регистрировать как основные моменты служебной карьеры чиновника, так и сведения личного порядка. Появление данной формы регулярного учёта российского чиновничества в массовом количестве связано с указом Сената от 31 января 1764 года «О присылке в Сенат из всех присутственных мест послужных списков чиновников через каждые полгода по приложенной форме» (4, 415). Информация в послужные списки вносилась по строго заданному образцу (или формуляру - отсюда «формулярные» списки), который до начала XIX века постоянно совершенствовался, охватывая новые области жизнедеятельности каждого отдельно взятого представителя царской бюрократии.

Изначально эти документы «были рассчитаны на фиксирование необходимого минимума социально значимой информации, необходимой и достаточной для управления бюрократией» (2, 163), что в сочетании с высокой степенью достоверности (3) обусловило их роль в качестве исторических источников. По словам А.В. Елпатьевского: «Послужные (формулярные) списки и сопутствующие им документы являются одним из главных источников для историко-биографических сведений и генеалогических исследований, для изучения социальных процессов складывания сословий, различных звеньев государственного аппарата, профессиональных и других групп» (2, 202).

Всё вышеизложенное верно, но, образно выражаясь, в нашем критическом анализе почти не осталось места для самой критики. Формулярные списки чиновников введены в научный оборот и достаточно хорошо изучены, тем не менее, наше представление об этих документах как источниках остаётся поверхностным. В настоящей статье, оценивая информационный (источниковедческий) потенциал послужных списков, мы попробуем выделить не положительные, а отрицательные его характеристики.

Формулярные списки фиксировали данные об образовании служащего, включая указание на конкретное учебное заведение, количество оконченных классов, наличие профессиональной подготовки. Последнее особенно важно, так как может свидетельствовать о высоком качественном уровне представителей государственной власти в Российской империи. Но это предположение не отражает реальную ситуацию и не может быть подтверждено формулярными списками. Например, исходя из данных источника, никто из десяти чинов, занимающих в 1913 году положенные по штатному расписанию Курган-

ского уездного казначейства должности (казначей, старший бухгалтер, бухгалтер первого разряда, кассир первого разряда, два кассира второго разряда, два бухгалтера второго разряда, два счетных чиновника), не имел профессионального образования (1). Это, однако, не мешало казначейству успешно функционировать, а его служащим делать успешную карьеру.

Тем самым, именно содержательная особенность формулярных списков ограничивает исследовательскую процедуру установлением гипотетической корреляции между отсутствием профессионального образования и качеством служебной карьеры, но подтверждения такой взаимосвязи рассматриваемые источники не дают. Иными словами, зная по данным формуляра, что тот или иной чиновник не получил надлежащего обучения (например, не окончил полный курс обучения), мы не можем утверждать, что он не справлялся со своими обязанностями, был «плохим» служащим, не нравился начальству и т.п. В этом и заключается информационная неполнота данного источника. Только сопоставление данных об образовании и служебной карьере поможет преодолеть эту неполноту, но без привлечения других источников качественно всё равно её не устраним.

С другой стороны, именно недостаточность данных стимулирует дальнейшее исследование: мы пытаемся объяснить несоответствие образовательной подготовки и успешности служебной карьеры, зафиксированное в послужных списках. Заметим, что низкий уровень специальной подготовки был характерен для всего провинциального российского чиновничества, образованные кадры были востребованы в столичных учреждениях более, чем на окраинах империи. Только привлекая другие источники – законодательные, делопроизводственные, эго-документы – можно немного прояснить ситуацию и предположить, что наиболее важными для бюрократического руководства служебными качествами российского чиновника были неукоснительное подчинение вышестоящему начальству и благонадежность, специальная подготовка довольно успешно компенсировалась многолетним служебным опытом.

С содержательной неполнотой исследователь вновь сталкивается при анализе на основе данных формуляров материального положения чиновников. Само указание на размер жалованья никогда не даст полного представления о материальном положении служащего, для этого необходимо как минимум выяснить, сколько и на что конкретно он тратился, сколько стоили те или иные продукты, съём квартиры, дрова, досуг и прочее. Многое зависело от семейного положения, наконец, от личностных качеств, например, от умения экономить. Данную информацию в формулярах, конечно, не найти.

Такая проблема, как девиантное поведение чиновников, на базе послужных списков прослеживается довольно приблизительно даже несмотря на то, что практика учета чиновничества включала обязательную фиксацию «был ли в штрафах, под следствием и судом, когда и за что именно предан суду, когда и чем дело кончено». Данные формуляров как типичного по форме, массового источника позволяют выявить лишь некоторые виды отклоняющегося поведения, характерные для чиновничества. Так, девиантными квалифицировались следующие поведенческие факты служебной практики чиновничества: утрата следственных дел, растрата казенных и общественных денег. При этом у большинства служащих Тобольской губернии второй половины XIX – начала XX веков запись в специальной графе формуляров ограничивалась словом «не был». Поэтому осмысление названной проблемы в ценностном измерении невозможно без привлечения источников личного происхождения – вос-

поминаний, мемуаров и т.п. чиновников и о чиновниках. Если же о служебном поведении управленцев мы будем судить по их формулярным спискам, то о таких уже привычных феноменах, как волокита, пресловутое взяточничество, придётся забыть: бюрократы в рассматриваемых документах выглядят вполне достойно.

Анализ служебных карьер чиновников Тобольской губернии по их формулярам свидетельствует, что многим представителям местного бюрократического аппарата приходилось служить не только в разных чинах и должностях, что совершенно естественно, но и в учреждениях различной ведомственной подчиненности. Подобные кадровые перестановки, характерные для всего провинциального аппарата власти, говорят о высокой мобильности российских государственных служащих. Более того, мы можем констатировать, что переводы, особенно вневедомственные, служат показателем не только широкой специализации тобольских чиновников, но и позволяют охарактеризовать состав чиновничьего сословия Тобольской губернии как внутренне подвижный и вместе с тем достаточно однородный.

Сделанные выводы, однако, есть следствие теоретического конструирования: они не даны в рассматриваемом источнике и вполне могут оказаться ошибочными. Документальное подтверждение регулярных служебных переводов является лишь отправной точкой для исследователя, заставляя выдвигать те или иные гипотезы, проверять которые уже приходится на другом источниковом материале. К примеру, материалы делопроизводства показывают, что причинами переводов были в основном соображения начальства о служебном соответствии своих подчиненных, а равно и своего рода профилактики злоупотреблений, неизбежно возникающих, когда чиновник долго служил на одном месте; публицистика и эго-документы среди причин кадровых перемещений указывают служебные проступки, опасаясь разоблачения которых чиновники сами переходили из одного учреждения или ведомства в другое не только в рамках губернии, но и за ее пределами. То есть послужные списки дают много сведений о перемещениях чиновников, но пролить свет на причины таковых не могут.

В очередной раз исследователь сталкивается с содержательной неполнотой формулярных списков при характеристике комплектования бюрократического «сословия». Дело в том, что именно послужные списки позволяют выявить те социальные слои, представители которых пополняли коронную администрацию. Только используя данные формуляров, можно утверждать, что, например, во второй половине XIX – начале XX века на государственной службе в Тобольской губернии состояли выходцы из духовенства, дворян, купцов, мещан, разночинцев, солдат, крестьян, что указывает на широкую социальную базу чиновничества. Если же соотнести с сословной парадигмой (дворянство – духовенство – городские сословия – крестьянство), то на долю участия каждого в пополнении тобольской бюрократии приходилось соответственно: 49,5% - 23,0% - 17,5% - 10,0% (6).

Данный пример наиболее ярко демонстрирует историковедческие «плюсы» рассматриваемого документа. Но сам критический анализ источника на этом заканчиваться не должен, необходимо и здесь обозначить его информационные «границы». Приведённые выше цифры не исчерпывают проблематику процессов формирования отечественной бюрократии и требуют комментариев, для чего формулярные списки бесполезны. К примеру, объяснить такие особенности социальной структуры тобольской бюрократии, как малочисленность потомственных дворян, высокая роль в поставках чиновников духовного сословия, присутствие инородческого элемен-

та, ссыльных среди госслужащих, можно только с учётом исторических, политических, административных, территориальных, демографических, социокультурных особенностей и, следовательно, на материалах целого комплекса самых разнообразных источников, но уже не обращаясь к формулярным спискам.

Ещё одним примером содержательной неполноты формулярных списков является изучение внеслужебной сферы, в частности, семейной жизни представителей коронной администрации. Максимум на что может рассчитывать исследователь – это выявление состава чиновничьих семей, направленности матримониальных связей и косвенно – возраста вступления в брак. Названные аспекты, лишь отчасти наполняющие такое объёмное понятие, как институт семьи и семейные отношения, в формулярных списках отразились не напрямую и должны изучаться с привлечением духовных росписей, метрических книг и других источников. Если исследователя заинтересуют такие сюжеты, как права и обязанности членов семьи, взаимоотношения супругов, отношение к детям, семейные праздники и прочее, то к формулярным спискам, что вполне очевидно, обращаться нет смысла.

Особенно остро неполнота формулярных списков ощущается при изучении повседневности чиновников. Использование учётной документации в данном случае вообще может вызвать серьезные сомнения ввиду её источниковедческих особенностей. И всё-таки неполнота источника не должна становиться непреодолимым препятствием. Критически осмысливая содержательные возможности формулярных списков, одновременно нужно находить пути повышения их информационной «полезности». Поэтому формулярные списки могут в определённом смысле пригодиться в том числе и для реконструкции жизненного мира российского чиновничьего «сословия». Так как непосредственное наполнение повседневности детерминировано такими социальными параметрами, как происхождение, образование, материальное и семейное положение, существенным становится создание типичного образа «среднего» чиновника. Для Тобольской губернии подобный образ складывается из следующих черт: потомственный чиновник или выходец из духовного сословия; уроженец местной губернии; образование среднее; женат на чиновничьей дочери; детей либо нет, либо один или два ребенка; основной доход – государственное жалованье; недвижимости не имеет (5). Отметим, что данные социальные параметры, полученные исключительно из формуляров, опосредуют жизненный мир чиновника, особенно те его стороны, которые не являются «отрефлектированными индивидом» (7, 100), например, мировоззренческие моменты, привычки, усвоенные с детства. Но на этом пригодность формулярных списков заканчивается, для дальнейшего исследования – изучения целого комплекса социокультурных, мировоззренческих аспектов жизнедеятельности чиновников – будут нужны источники совсем иного рода.

Таким образом, основываясь даже на отрывочных примерах, мы видим, насколько ограниченными могут быть познавательные возможности формулярных списков, несмотря на то, что изначально они фиксировали достаточно широкий круг информации.

Неполнота источника легко объясняется через обращение к такой источниковедческой процедуре, как решение проблемы его происхождения: зная, в какое время, для чего и кем создавался источник, какие социальные функции был призван выполнять, мы сможем обозначить и его фактологическую значимость, проще говоря, каких сведений от него ожидать, а каких нет. Как учётная документация формулярные списки решали достаточно узкие и конкретные служебные задачи, поэтому

непрофессионально думать, что они раскроют нам все тайны истории царской администрации.

Можно сказать, что формуляры ставят перед исследователем больше вопросов, чем дают ответов. И это отнюдь не недостаток, это констатация особенностей источника. Для исторического исследования это тем более существенно, ведь именно содержательная неполнота заставляет вовлекать в научный оборот новые и новые источники, которые по-своему отражают и воплощают прошлое, дополняют друг друга и, тем самым, полнее раскрывают ушедшую действительность.

Никогда на материалах одних только формулярных списков (как и всякого источника) невозможно решить даже незначительную познавательную задачу, историк всегда стремится к использованию как можно большего круга источников. В связи с этим обозначенная нами проблема покажется очевидной, но только не для источниковедческой критики. Полноценный источниковедческий анализ в качестве обязательной процедуры должен включать элемент оценки содержательной неполноты источника, что не просто глубже и полнее раскроет его источниковедческие особенности, но и даст, образно выражаясь, повод для расширения его информационного потенциала, значит, для совершенствования и разработки новых методов исследования. Например, через источниковедческий синтез, применяя цивилизационно-культурологический подход, мы трактуем любой источник как феномен культуры своего времени и в результате повышаем его информационную отдачу. Анализируя, почему именно в конкретный, а не в иной период возникли послужные списки, как эволюционировал их формуляр, какое место эти документы занимали в делопроизводстве и справлялись ли они вообще со своей положенной функцией, как относились к ним сами чиновники, наконец, какую косвенную и скрытую информацию они зафиксировали, мы преодолеваем их содержательную неполноту.

Рассматриваемая особенность присуща всем без исключения источникам, будь то летописные свидетельства или документальные фильмы, законодательные трактаты или фотографии, дипломатическая переписка или карикатуры, дневниковые записи или археологические находки. Каждый источник, во-первых, по-особому сохраняет память о прошлом и, во-вторых, по-своему не сохраняет. Выявление того и другого помогает историку как минимум в отборе источников, необходимых для решения конкретной исследовательской задачи, в чём заключается собственно прикладная функция источниковедения и что тоже немаловажно.

В заключение отметим, что, обозначая в ходе критического анализа познавательные границы источника, мы отнюдь не противоречим утверждению о его сущностной неисчерпаемости. Напротив, мы акцентируем внимание на том, что полная интерпретация источника невозможна лишь на настоящем уровне развития исторической науки и стимулируем источниковедческие технологии. Практика работы с формулярными списками показывает, что, как это ни парадоксально звучит, чтобы повысить информационный потенциал источника, нередко для начала нужно обозначить его информационную неполноту.

Список источников и литературы

1. ГАКО. Ф.175. Оп.2. Д.1032. Л.178.
2. Елпатьевский А.В. Документирование прохождения государственной службы в России XVIII начала XX веков // Труды Всесоюзного научно-исследовательского института документирования и архивного дела. М., 1974. Т.V, Ч.I. С.163.
3. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М., 1978.
4. И.Н. Данилевский и др. Источниковедение: Теория. Ис-

тория. Метод. Источники российской истории: Учебное пособие. М., 1989. С. 415.

5. Козельчук Т.В. Социокультурные группы провинциального чиновничества: «местные» и «приезжие» // Культура провинции: Материалы международной научно-практической конференции. Курган, 2005. С. 154-156.
6. Козельчук Т.В. Чиновничество Тобольской губернии второй половины XIX – начала XX века как социальный слой: Дис. ... канд. ист. наук. Курган, 2002.
7. Пушкарева Н.Л. «История повседневности» и «История частной жизни»: содержание и соотношение понятий // Социальная история. Ежегодник. 2004. М., 2005. С. 100.

С.С. Коновалов

Курганский государственный университет

ЗЕМСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ НА УРАЛЕ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Одной из актуальных проблем истории пореформенного Урала является изучение истории земств. В данной статье мы представим историографический обзор изучения уральских земств в исторической литературе конца XX–начала XXI вв. Анализ историографического материала позволяет выделить несколько направлений, в которых идёт изучение проблемы. Во-первых, это специальные работы, посвящённые уральскому земству; во-вторых, работы общего характера, где земская реформа рассматривается в контексте других либеральных реформ 60-70-х гг. XIX в. на Урале; в-третьих, статьи и научные изыскания, посвящённые отдельным аспектам земской деятельности.

В рамках первого направления наибольший вклад в разработку истории земских учреждений на Урале внесли: О.Н. Богатырёва, С.Н. Плотников, С.А. Севастьянов, Л.В. Женина, М.К. Елисафенко, М.Р. Юсупов, Г.В. Азаматова (4;25;31;10;8;38;2).

Специфику земского самоуправления в Пермской и Вятской губернии в пореформенный период рассмотрела О.Н. Богатырёва (4). Ею был проведен комплексный анализ земских Положений 1864 и 1890 гг. и особенностей их применения в указанном регионе. Она показала роль земских учреждений в культурном преобразовании уральской деревни в условиях модернизации и проанализировала причины более эффективной, чем в центральных губерниях, деятельности Пермских и Вятских органов самоуправления. При этом автор стремилась преодолеть сложившиеся стереотипы в оценке земского управления и односторонний подход к освещению практической деятельности земских учреждений. В работах исследовательницы (4) подробно рассматривается порядок функционирования губернских и уездных земских собраний и управ. По ее мнению, отличительная черта уральских земств заключалась в том, что основной объем работы сосредотачивался, прежде всего, в уездах, именно отсюда исходили различные инициативы и новшества. Рассматривая деятельность земских управ, О.Н. Богатырёва приходит к выводу, что председатели управ всегда оказывали преобладающее влияние на ход земского дела. Среди этой категории служащих было немало ярких, талантливых деятелей, благодаря которым опыт земского самоуправления на Урале приобрел общероссийское значение. К ней относятся персоны земских лидеров Д.Д. Смышляева, М.П. Синцова, А.П. Батуева.

Становлению Пермского земства посвятил свое исследование С.Н. Плотников (25). Он рассмотрел Пермское земство со времени его открытия в 1870 г. до завер-

шения в 1879 г. первого периода его деятельности, названного Смышляевским. В 1870-1879 гг. председателем Пермской губернской земской управы был Дмитрий Дмитриевич Смышляев – известный либеральный общественный деятель, публицист и краевед. Его руководство обеспечило преемственность деятельности земский учреждений первых трех созывов и способствовало тому, что в 1870-е гг. деятельность Пермского земства получила Всероссийскую известность.

Значительный интерес в работе С.Н. Плотникова представляет историографический обзор поставленной проблемы. Исследователь утверждает, что изучение истории земских учреждений прошло несколько периодов подъема и спада (5). Важным представляется и то, что ученый не ограничивается просто перечислением фамилий историков, а указывает названия их трудов и старается дать им собственную характеристику. Введение земских учреждений во многом зависело от состояния местной общественности. Поэтому автор уделил внимание предреформенному общественному подъему в губернии. Источники, привлеченные им, показывают удивляющий силой и бескорыстием порыв активистов движения. Объективно общественный подъем в форме широкого культурно-просветительского движения способствовал проведению всего комплекса либеральных реформ 60-70-х гг. XIX в., в том числе и земской. Передовая часть Пермского общества осознавала необходимость земской реформы, и приветствовала ее, но при этом обнаружила вполне естественные расхождения во взглядах, которые проявились на страницах местной печати (5). Разногласия выявились при определении приоритетных направлений земской деятельности.

Заметным явлением в уральской историографии последнего времени стали научные изыскания С.А. Севастьянова (31). Учёный исследовал в общественно-политическом аспекте историю земств Уфимской губернии и достаточно подробно изучил земское самоуправление с 1874 по 1917 гг. Впервые деятельность земств Уфимской губернии во всей их совокупности стала предметом специального исторического исследования. Историк рассмотрел и подчеркнул заслуги земств в организации местного хозяйства, в развитии просвещения, здравоохранения, в создании библиотек, народных домов, земской статистики, заведений общественного призрения и т.д. По его мнению, гибель земского самоуправления в 1917 г. была вызвана не только внешними обстоятельствами, но и внутренними причинами. Исследователь указывал, что земская избирательная система, заложенная контрреформой 1890 г., не отражала реальные качественные и количественные соотношения в социальной структуре. В конечном итоге это имело своим следствием отсутствие реальной поддержки земств народными массами.

Значительным явлением в уральской историографии стала исследовательская деятельность Л.В. Жениной. До защиты ее кандидатской диссертации оставалась малоизученной одна из центральных проблем земской политики – контрреформа 1890 года на Урале (10). Исследовательница изучила ее предпосылки, характер, влияние на судьбу местного самоуправления и развитие края в целом. Многочисленные статьи историка содержат серьезные исследования эволюции социального состава гласных земских собраний, настроений в обществе в период подготовки и проведения контрреформы, источниковедческий анализ земской документации.

Рассмотрев социальный состав гласных уездных земских собраний за 1890-1907 гг., Л.В. Женина вскрыла основные тенденции изменения состава земских собраний. Она проследила это в зависимости от производственного профиля региона по всем трем куриям. Так, ею уста-

новлено, что распространение на земства сословности соответствовало возрождаемому корпоративному духу взаимоотношений государства и отдельных групп российского социума. Однако в условиях модернизации российской действительности (второй трети XIX века) сословное начало не могло быть проведено последовательно. В Пермской и Вятской губернии был введен «недворянский» внесословный вариант избирательной системы. Строгая сословная дифференциация на дворян и не дворян просматривалась на выборах в Уфимской губернии (10). В то же время необходимо отметить самостоятельность позиции автора по отношению к современной историографии: при анализе причин контрреформы она не ограничилась ссылкой только на факты общеполитического свойства, а обратилась к причинам собственно земского характера.

М.К. Елисафенко рассмотрела деятельность земских органов самоуправления на Урале в области начального образования (8). Исследовательница предложила свою периодизацию деятельности представительных органов на Урале в области начального образования. Она выделяет следующие этапы: 1) 1867 г. – конец 70-х годов XIX в.; 2) начало 80-х годов – середина 90-х годов XIX в.; 3) вторая половина 90-х годов XIX в. – начало 900-х годов XX в. На первом этапе деятельности были поставлены общие задачи в области народного образования, определены пути и методы участия органов самоуправления в развитии школьного дела, размеры и характер финансирования. На втором этапе активность земств в области начального образования заметно снизилась, что объяснялось усилением консервативных тенденций во внутриполитическом курсе правительства. С середины 90-х годов XIX в. вновь наметился подъем земской активности.

Изучение практической деятельности органов местного самоуправления на Урале позволило М.К. Елисафенко сделать вывод о ее двояком характере. К положительным результатам она относит факт признания земствами приоритета образовательных задач, оказание широкой материальной и моральной поддержки начальным учебным заведениям и учителям. Отрицательно на результатах образовательной деятельности сказались разрозненность действий между губернскими и уездными звеньями самоуправления, отсутствие взаимопонимания с учебным ведомством, а также слабое представление о реальных потребностях населения в образовании.

Осмыслением культурно-просветительной деятельности органов местного самоуправления на Урале занимается М.Р. Юсупов (38). Создание народных библиотек, а также устройство народных чтений – одни из первых мероприятий земств в области внешкольного образования. Они оставались главной формой культурно-просветительной работы на протяжении существования земского самоуправления. По мнению историка, при массе неграмотных и малограмотных среди взрослого населения организация земствами школ для взрослых являлась одной из основных задач внешкольного образования. Школы для взрослых были следующих типов: воскресные школы и воскресные классы, повторительно-дополнительные общеобразовательные занятия и курсы, специальные (профессиональные) курсы, дополнительные классы, вечерне-будничные классы и народные университеты (38). Исследователь рассмотрел земскую деятельность по организации музеев, выставок, книжной торговли, земской издательской деятельности. Большое внимание автор уделил таким формам культурно-просветительной работы земских учреждений Урала, как организация школьных праздников, литературных вечеров, прогулок, праздников деревонасаждения, кинематографа, народных хоров и военно-физических упражнений. Од-

нако с началом Первой мировой войны и без того небольшие расходы на внешкольное образование существенно сократились. М.Р. Юсупов заключает, что несмотря на всю важность изложенных просветительных мероприятий они, к сожалению, не получили в земском хозяйстве широкого развития. Их организация принадлежала к числу вопросов совершенно новых, едва только намечающихся. В большинстве случаев внешкольная работа отличалась крайней случайностью и пестротой в проведении культурно-просветительных мероприятий, что признавали и сами земцы. Ученый отметил недостаточное внимание земств Урала к просвещению так называемых инородческих групп населения (38). Тем не менее, историк акцентировал внимание на том, что тенденция земской деятельности в области внешкольного образования наметилась вполне отчетливо, был опыт, методы и приемы, выработанные с таким трудом земскими учреждениями. Пермское и Уфимское губернские земства были на передовых позициях среди земских учреждений в России, выступая с различными предложениями и инициативами в области организации внешкольной культурно-просветительной работы.

Более локальный характер носят исследования Г.В. Азаматовой (2). Она рассмотрела деятельность Уфимского земства в области народного образования. Как известно, в Уфимской губернии земская реформа была проведена лишь в 1874 г., т.е. с опозданием на десять лет. Это объяснялось долгим переходом башкир и их припущенников из военно-казачьего сословия в гражданское. Кроме того, незначительным удельным весом дворянского землевладения в крае. По её мнению, ведущей силой в земстве являлась передовая часть среднего поместного дворянства – «шестидесятники». Крестьяне были мало подготовлены к земской деятельности, что объяснялось отсутствием у представителей этого сословия традиций участия в общественной жизни. Она заметила, что, несмотря на ограниченные возможности земских учреждений, были созданы реальные предпосылки для решения многих культурных и хозяйственных задач населения.

Г.В. Азаматова проследила становление и формирование земской начальной школы в различных уездах Уфимской губернии. Эволюция развития земской школы шла по схеме: вначале школа сельская, затем общественно-земская (с началом участия земства в ее содержании) и, наконец, только земская, когда основное содержание начальных учебных заведений покрывалось из средств местного самоуправления. Очень важным представляется освещение автором такого вопроса, как участие органов местного самоуправления в распространении правительственных школ среди нерусских народов и их попытка распространения среди мусульманского населения всеобщего обучения (2). Основная масса башкир и татар обучалась не в русско-инородческих школах, а в традиционных мектебах и медресе. Не обойдено вниманием и содействие земства среднему общеобразовательному, профессиональному и внешкольному образованию.

Второе направление в изучении земств Урала представлено работами обобщающего характера, в которых земской реформе 1864 г. уделяется внимание в контексте других «великих реформ» 1860-1870-х гг. на Урале (20;30;26;15).

Н.И. Леонов в своей работе (20) освещает подготовку и проведение земской реформы 1864 г. в Башкирии. Среди объективных особенностей земских учреждений в Уфимской и Оренбургской губернии автор называет запоздалость реформы местного самоуправления в крае, половинчатость и незавершенность ее.

Доведенное до 1900 года исследование Н.И. Леонова охватывает не весь период существования земских учреждений в Башкортостане. Историк не затронул ход и проведение земской реформы в Оренбургской губернии. Вместе с тем, его работа содержит анализ большинства юридических актов, которыми регулировалась деятельность органов местного самоуправления в Уфимской губернии. Он освещает основные этапы истории земства в Башкирии и иллюстрирует участие земств в общественно-политической жизни края. Сущность изменений, произведенных созданием и развитием института земских учреждений, исследователь показывает в сравнении с дореформенным строем местного самоуправления. Не обошел он вниманием и практическую деятельность земских учреждений.

На высоком научном уровне, с использованием опыта исследований по другим регионам выполнены работы В.Г. Савельева (30). В своих статьях по истории земских учреждений Южного Зауралья он отразил специфику органов местного самоуправления края, где «ядро» гласных составляли представители крестьянства и купечества. Историк предпринял сравнительный анализ Шадринского уездного земства с уездными земствами Европейской России и пришел к выводу, что здесь было представлено почти в 2 раза меньше дворян и чиновников из общего числа гласных и в 1,5 раза больше купцов и мещан (30). Эти факты выгодно отличали земства Южного Зауралья от многих других, поскольку обеспечивали заинтересованность гласных в мероприятиях, ориентированных на подъем капиталистического хозяйства.

Результаты изучения деятельности Шадринского земства были включены автором в свою диссертацию (30), где проведение земской реформы 1864 г. в Южном Зауралье органично вписано в эпоху либеральных реформ 60-70-х гг. XIX в. на территории края. Анализируя налоговую политику Шадринского уездного земства, В.Г. Савельев подчеркнул уравнительное обложение всех видов земель земским налогом. В Шадринском уезде обложение налогом земель приносило уездному земству около 90% всех земских сборов. По наблюдению историка к концу XIX века наметился поворот земства к нуждам кустарного крестьянского производства. Однако отсутствие необходимой материальной базы объективно ограничивало сферы земской работы и не привело к заметным изменениям экономической ситуации в Южном Зауралье во второй половине XIX века. Земские органы, лишённые реальной власти, не могли полностью решить вопросы налогообложения крупных промышленных предприятий и стали ориентироваться в своей деятельности к концу XIX века на поддержку ссудно-сберегательных товариществ.

Третья группа историографических источников представлена научными изысканиями разного уровня. В последние годы на волне нового подъема интереса к истории земства вышли работы: О.А. Курсевой, И.В. Семченко, А.П. Абрамовского, Л.С. Кашихина, К.В. Кузьмина, Д.В. Гаврилова, В.Ю. Кузьмина, А.С. Еремина, Б.А. Сутырина, В.А. Никитина, Э.А. Черноухова, Е.Ю. Апкаримовой, В.И. Якунцева, Н.Н. Попова, Н.С. Мысляевой, П.А. Корчагина, А.А. Трофимова, О.А. Бухаркиной, Ю.В. Мартянова. В этих работах, преимущественно в тезисной форме, отражен ряд аспектов деятельности земств на Урале в разные периоды их существования (по развитию кустарных и художественных промыслов, народного образования и здравоохранения, сельскохозяйственного производства, работе типографии Пермской губернской земской управы и т.д.). Публикация данных работ стала новым шагом на пути исследования истории земств Вятской, Пермской, Уфимской и Оренбургской губерний.

Общий характер носит исследование О.А. Курсевой (18). Она рассматривает вопросы организации и деятельности земских учреждений в период первой буржуазно-демократической революции в России. Ее работа выполнена в очерковом жанре и в целом дает определенное представление об институте земских учреждений вообще и о местных особенностях их деятельности в Уфе.

Работы, посвященные земскому самоуправлению Южного Урала, стоят некоторым особняком. Связано это с тем, что на территории Оренбургского края земские учреждения были введены лишь в 1913 г. Их специфику рассмотрели И.В. Семченко, А.П. Абрамовский, М.С. Нагорная (1;23). Особенное внимание исследователи уделили рассмотрению роли земских учреждений в становлении системы здравоохранения и народного образования.

Предметом научных изысканий А.С. Еремина стала земская школа Ирбитского уезда (9). Им был проанализирован преподавательский состав и сельскохозяйственное образование. Пристальное внимание историк уделил процессу преподавания и подготовки учителей. Исследователь отметил, что успешная постановка школьного дела земством, привела к росту грамотности сельского населения. Истории екатеринбургского земства и народному образованию в уезде в 1870-е гг. уделил внимание Б.А. Сутырин (33). Политику Шадринского земства в области народного просвещения в 1870-1890 гг. осветили В.А. Никитин и Ю.В. Мартянова (24;21).

Проблемы горнозаводского образования на Урале в XIX веке рассмотрел Э.А. Черноухов (35). Мы не можем не назвать этого исследователя, поскольку один из этапов развития начального образования на горнозаводском Урале начиная с конца 1860-х – начала 1870-х годов был связан с деятельностью созданных земских учреждений. Уже в начале своей деятельности земства открыли в горнозаводских поселках Урала значительное количество школ и взяли под свою опеку многие из уже существовавших. К.В. Кузьмин охарактеризовал направления деятельности земств по подготовке учителей и улучшению положения учительства (16). Он выделил три основных направления деятельности местных уральских земств в деле подготовки учительских кадров, а именно: 1) через учреждение стипендий для подготовки кандидатов на учительские должности при уездных училищах без открытия педкурсов; 2) через учреждение земских стипендий в казенных учительских учебных заведениях и в дополнительных педклассах женских гимназий и прогимназий; 3) через устройство временных одногодичных курсов при двухклассных сельских училищах.

Типография Пермской губернской земской управы (1875-1918 гг.) стала объектом исследования Л.С. Кашихина (14). Либеральным деятелям народного образования и проблемам организации земской школы конца XIX – начала XX вв. уделил внимание А.П. Романов (28). Вклад земств в распространение агрономических знаний среди населения среднего Урала в конце XIX – начале XX вв. выявила Е.Ю. Апкаримова (3). Последствия земской реформы в развитии лечебного дела и санитарной службы проследил В.Ю. Кузьмин (17). Статья Д.В. Гаврилова посвящена опыту и урокам земств Урала второй половины XIX – начала XX вв. (6).

Новым явлением в уральской историографии в 90-е гг. XX в. явилось обращение исследователей к персонам земских деятелей. Наиболее часто исследователи обращались к личности Д.Д. Смышляева. Кроме уже упоминавшегося нами С.Н. Плотникова деятельности Д.Д. Смышляева уделил внимание В.И. Якунцов. Историк дал портретную характеристику Д.Д. Смышляеву как гласному Осинского земства (39). Различные аспекты земской реформы

и истории земств Урала осветили: Н.С. Мысляева, Н.Н. Попов, С.А. Корепанова, А.А. Трофимов, П.А. Корчагин, О.А. Бухаркина, В.Ф. Юдкин, Ю.А. Кашаева, К.П. Карпинский, И.М. Зверева, Л.И. Потёмкина, В.В. Шилов, В.Е. Гендель, Т.Д. Рубанова (22;26;19;34;15;5;37;13;12;11;27;36;7;29).

В целом за последнее время резко обострился интерес уральских историков к земскому самоуправлению реформе в крае. Современное его изучение характеризуется значительным расширением тематики исследований, постановкой малоизученных проблем, разработкой тех вопросов, которые еще до недавнего времени были «белыми пятнами» в региональной историографии. Сегодня каждый исследователь, рассматривая судьбу уральских земств и земцев, идет свои путем, выбирая собственный круг проблем и имен, выстраивая свою модель их изучения, определяя территориальные и хронологические рамки. Новейшая историография представлена исследованиями разного уровня: от узких тем конкретной деятельности земств в той или иной сфере, до обобщающих исследований. Эти работы представляют несомненный интерес, так как позволяют расширить наши знания о тех проблемах региональной истории, которым до недавнего времени не уделялось должного внимания.

Список литературы

- Абрамовский А.П. Семченко И.В. Земское внешкольное образование на Южном Урале в 1917-1918 годах // Вестник Челябин. ун-та. Сер.1. История. 1995. № 1. С.73-82.
- Азаматова Г.В. Деятельность Уфимского земства в области народного образования (1874-1917 гг.): Автореф. дис. ... канд.ист.наук. Уфа, 2000.
- Апкаримова Е.Ю. Вклад земств в распространение агрономических знаний среди населения среднего Урала в конце XIX – начале XX вв. // Четвертые Татищевские чтения. Екатеринбург, 2002. С.39-44.
- Богатырева О.Н. Земское самоуправление в Вятской и Пермской губерниях в пореформенный период (60-90-е гг. XIX в.): Автореф. дис. ... канд.ист.наук. Екатеринбург, 1996. Богатырева О.Н. Эволюция системы местного управления в Вятской и Пермской губерниях (1861 - февраль 1917): Автореф. дис. ... д-ра ист.наук. Екатеринбург, 2004.
- Бухаркина О.А. Вначале было земство // Областная газета 2000. 24 мая.
- Гаверилов Д.В. Уральское земство второй половины XIX – начала XX вв.: Опыт и уроки // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 1996. № 3. С.121-133.
- Гендель В.Е. Почта и марки Шадринского земства // Шадринская старина, 1993. С.30-37.
- Елисафенко М.К. Земство и начальное образование на Урале (вторая половина XIX – начало XX вв.): Автореф. дис. ... канд.ист.наук. Екатеринбург, 1996.
- Еремин А.С. Земская школа Ирбитского уезда //Ирбитский край в истории России. Екатеринбург, 1999. С.161-170.
- Женина Л.В. Земства Урала: взаимодействие с властными структурами и обществом (1890-1907 гг.): Автореф. дис. ... канд.ист.наук. Пермь, 2004.
- Зверева И.М. Участие земской интеллигенции в общественной жизни Осинского уезда // Русановские чтения. Оса, 2005. С.33-36.
- Карпинский К.Т. Ликвидация неграмотности Осинским земством // Осинский ежегодник. Оса, 1999. Вып.7. С.73-74.
- Кашаева Ю.А. Деятельность пермского уездного земства по развитию кустарных промыслов // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Екатеринбург, 2005. Т.1. С.181-185.
- Кашихин Л.С. Типография Пермской губернской земской управы (1875-1918 гг.) // Страницы прошлого: Избранные материалы краеведческих Смышляевских чтений в Перми. Пермь, 1995. С.39-46.
- Корчагин П.А. История Верхотурья (1598-1926 гг.). Екатеринбург, 2001. С.69-89.
- Кузьмин К.В. Народное учительство Урала в 1861-1905 гг.: проблемы формирования: Автореф. дис. ... канд.ист.наук. Екатеринбург, 1995.
- Кузьмин В.Ю. Власть, общество и земство в развитии лечебного дела и санитарной службы // Вестник ОГУ. 2002. № 2. С.54-58.
- Курсеева О.А. Уфимское земство в период первой буржуазно-демократической революции в России // Социально-экономическое и политическое развитие Башкирии в конце XVI – начале XX в. Уфа, 1992. С.198-212.
- Корепанова С.А. Органы городского и земского самоуправления в подготовке и проведении Сибирско-Уральской выставки 1887 года // Четвертые Татищевские чтения. Екатеринбург, 2002. С.75-77.
- Леонов Н.И. Земская реформа 1864 г. // Буржуазные реформы 60-70-х годов XIX в. в Башкирии. Уфа, 1993. С.5-22.
- Мартынова Ю.В. Шадринское уездное земство и внешкольное образование // Сборник научных трудов аспирантов и соискателей Курганского государственного университета. Курган, 2003. Вып.5 (гуманитарные науки), С.30-33.
- Мысляева Н.С. Из истории создания земств в Уфимской губернии // Теоретические основы государственной власти и самоуправления. Ижевск, 2001. Вып.3. С.191-195.
- Нагорная М.С. Земское самоуправление на Южном Урале накануне и в годы первой мировой войны (1913 - февраль 1917 г.): Автореф. дис. ... канд.ист.наук. Курган, 1999.
- Никитин В.А. Политика Шадринского земства в области народного просвещения в 1870-1890-е гг. // Вторые Уральские историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 1998. С.90-94.
- Плотников С.Н. Становление Пермского земства (1870-1879 гг.): Автореф. дис. ... канд.ист.наук. Пермь, 2000.
- Полов Н.Н. В годы «Великих реформ» // Екатеринбург. Исторические очерки (1723-1998). Екатеринбург, 1998. С.80-95.
- Потёмкина Л.И. Пермское земство в начале XX в. (1900–1905 гг.) // Пермский край: прошлое и настоящее. Пермь, 1997. С.76-78.
- Романов А.П. Либеральные деятели народного образования и проблемы организации земской школы (конец XIX – начало XX в.) // Вестник Челябин. ун-та. Сер.1. История. 2001. № 1. С.56-64.
- Рубанова Т.Д. Пермское губернское и Екатеринбургское уездное земство: конструктивное противостояние // Возрождение культуры народов Челябинской области: Материалы региональной научно-практической конференции. Челябинск, 2003. С.113-118.
- Савельев В.Г. Буржуазные реформы второй половины XIX века и их проведение в Южном Зауралье: Дис. ... канд.ист.наук. Курган, 1996.
- Севастьянов С.А. Земское самоуправление в Уфимской губернии 1874-1917: Автореф. дис. ... канд.ист.наук. Уфа, 2005.
- Семченко И.В. Земское самоуправление на Южном Урале в 1917-1918 гг.: Автореф. дис. ... канд.ист.наук. Челябинск, 1995.
- Сутырин Б.А. Из истории Екатеринбургского земства и народного образования в уезде в 1870-е гг. // Третьи Уральские историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 1999. С.37-41.
- Трофимов А.А. «Все настоящие остались без исполнения» (о благих намерениях и возможностях земства) // Областная газета. 1997. 28 марта.
- Черноухов Э.А. Горнозаводское образование на Урале в XIX веке: Автореф. дис. ... канд.ист.наук. Екатеринбург, 1998.
- Шилов В.В. Становление и функционирование органов местного самоуправления: история и современность // Страницы прошлого. Пермь, 2003. Вып.4. С.145-149.
- Юдкин В.Ф. Земская почта Чердынского уезда // Чердын и Урал в историческом и культурном наследии России. Пермь, 1999. С.129-134.
- Юсупов М.Р. Культурно-просветительная деятельность земств Урала (1864 – февраль 1917 гг.): Автореф. дис. ... канд.ист.наук. Челябинск, 1999.
- Якунцов В.И., Д.Д. Смышляев – гласный Осинского земства // Пермский край: прошлое и настоящее. Пермь, 1997. С.71-72.

Н.А. Лушникова
Курганский Государственный университет

ПОСТСОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ АГРАРНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ ПОСЛЕВОЕННОГО ПЕРИОДА

Для постсоветской историографии аграрного развития России послевоенного периода характерен отход от апологетики и поиски новых подходов, решений в изучении проблемы. В конце XX – начале XXI веков появилось множество диссертационных работ, монографий по проблемам развития сельского хозяйства во второй половине XX века, чаще на региональном материале.

С начала 1990-х годов начинается новый этап историографии, связанный с кардинальными преобразованиями в жизни российского общества, отразившимися на условиях и направлениях развития исторической науки. Важнейшими его чертами стало расширение круга используемых источников, изменение методологических и методических подходов к изучению исторических процессов, позволившее переосмыслить аграрное развитие России в XX веке и перейти к решению принципиально новых задач. Появляется значительное количество обобщающих работ, в которых получило отражение новое видение аграрной истории. Характерной чертой данных исследований является резкая критика аграрной политики КПСС, утверждение ошибочности исходных теоретических и программных установок социалистической концепции, приведших в ходе их реализации к насилию над крестьянством, многочисленным ошибкам и провалам, сокращению сельского населения, хроническому дефициту продуктов питания (5, 7-8).

В постсоветский период появились работы, посвященные различным проблемам сельского хозяйства страны. Значительное внимание в них уделено аграрной политике государства в рассматриваемый период (4, 16).

Диссертация Л.А. Зайцевой – это комплексная работа по истории сельского хозяйства Бурятии в 1923-1985 гг., где поставлены и на основе разнообразных источников освещены вопросы многообразной истории сельского хозяйства в советский период, определены этапы развития сельского хозяйства, раскрыты модели развития сельского хозяйства, представлены новые подходы к освещению исторических событий 1920-1980-х гг. (1, 43).

Ю.В. Нечипас предпринял попытку комплексно исследовать эволюцию аграрной политики и аграрно-крестьянского вопроса в контексте общеисторических процессов 1945-1984 гг. Автором проведён научный анализ ряда партийно-государственных решений по реализации программы интенсификации сельского хозяйства и решения социальных проблем, доказано, что в целом аграрная политика данного этапа имела политическую направленность и была оторвана от экономических проблем советской деревни.

Исследование Нечипаса показало, что низкая эффективность аграрной политики в 1970-начале 1980-х годов определялась противоречиями между решениями мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, наметившего пути либерализации управления аграрным сектором, и стремлением партийного руководства сохранить прежние ориентиры в сельскохозяйственном развитии. Основой эволюции аграрного развития СССР в период «застоя» стало усиление не столько экономического, сколько административного нажима на сельскохозяйственного производителя.

Официально декларируя постоянство в осуществле-

нии планирования и неизменность в подходе к закупочным ценам, правительство в действительности увеличивало объемы изымаемой сельскохозяйственной продукции тем самым уменьшало прибыльность хозяйств. Колхозная система не могла существовать без финансовой политики «сверху», а следовательно, была полностью зависима от власти.

Были произведены расчёты, которые показали, что убыточные и низкорентабельные колхозы в конце 1970 – начале 1980-х гг. составили более трети коллективных хозяйств, несмотря на то, что определенная их часть в 1970-е гг. преобразовалась в совхозы с погашением всех накопившихся задолженностей.

Вложенные в 1970-1984 гг. в сельское хозяйство огромные средства не могли дать ожидаемого результата, поскольку их выделение не сопровождалось предоставлением экономической самостоятельности в аграрном секторе. Сказывалось и продолжавшееся ущемление экономических интересов крестьянства (3, 10-12).

Д.С. Орловым была предпринята попытка переосмысления исторического опыта с точки зрения выявления общего и особенного в развитии аграрного сектора Алтайского края во второй половине 70-х – первой половине 80-х годов XX века. Автор комплексно исследовал ряд проблем: организационно-хозяйственные, экономические, кадровые и социокультурные аспекты аграрного развития, которые рассмотрел в связи с имевшими место политическими факторами (4, 38).

Р.М. Куметеров, В.Д. Ткаченко и Н.А. Серогородский посвятили свои исследования проблемам развития сельского хозяйства отдельных регионов СССР и РСФСР. Ряд авторов исследовали социальную и культурную политику по отношению к деревне в рассматриваемый период (В.С. Бовтун). Также в поле зрения находились такие вопросы, как укрепление материально-технической базы сельского хозяйства, экологическая политика государства, развитие системы образования и здравоохранения на селе, а также ряд других проблем. Работа В.Я. Романченко посвящена исследованию проблем совхозного строительства в России.

В работе В.В. Наухацкого «Аграрная политика СССР в 1965-1990 годах: проблемы разработки и реализации» исследуется процесс разработки и реализации аграрной политики, её эволюция, а также динамика, тенденции и противоречия аграрного развития СССР в 1965-1990 годах. Автор дает обобщающую характеристику развития сельскохозяйственного производства. Также он обосновывает положение о том, что в указанные годы в СССР была реализована особая модель аграрного развития, которая была объективно направлена на модернизацию аграрной сферы с целью создания адекватного индустриальной стадии развития агропромышленного комплекса при условии сохранения социально-политических устоев общества. Аграрная политика того периода, по мнению автора, противоречиво соединяла в себе попытку модернизации сельского хозяйства социалистическими методами и укрепление социализма на путях модернизации аграрного сектора. Аграрная политика не в полной мере учитывала тенденции и закономерности развития современных производительных сил, осуществлялась преимущественно планово-административными методами с ограниченным использованием рыночных механизмов при односторонней ориентации на крупные формы организации производства. Автор дает также комплексную оценку курсу на развитие межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции. В.В. Наухацкий обосновывает вывод о том, что этот процесс в результате провозглашения его магистральным направлением развития сельскохозяйственного производства, принял чрез-

мерные масштабы, превосходившие потребности и возможности аграрной политики СССР. Он определяет Программную программу СССР как важный программный документ в области развития сельскохозяйственного производства, который объединил традиционные решения в экономической, материально-технической, организационной и социальной областях, но не изменил при этом основ аграрной политики. В.В. Наухацкий дает анализ характеру проявления аграрной политики СССР в рассматриваемый период, её динамики и основным противоречиям. Курс мартовского пленума, предусматривавший совершенствование экономических отношений в сельском хозяйстве, по его мнению, уже к началу 70-х годов оказался в значительной мере свернутым. Новый хозяйственный механизм, основанный на использовании товарно-денежных механизмов, создан не был. Попытка расширения хозяйственной самостоятельности колхозов и совхозов в рамках сохранения директивного планирования не удалась (2).

В.В. Милосердов и К.В. Милосердов в работе «Аграрная политика России – XX век» анализируют аграрное развитие страны в XX веке. Эту работу отличает некоторая тенденциозность в описании партийного руководства сельскохозяйственным развитием СССР. Значительное внимание в ней уделено периоду второй половины 70-х – первой половины 80-х годов XX века. В работе анализируются процессы межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции в сельском хозяйстве СССР, основные направления аграрной политики, проблемы планирования сельскохозяйственного производства. Серьезное внимание уделено Продовольственной программе СССР, которую авторы определяют как важный программный документ в области развития сельского хозяйства. Среди причин её неудачного внедрения называлось то, что её разработка началась, когда планы XI пятилетки были уже сверстаны и доведены до предприятий. Особо выделяется то, что столь масштабная программа разрабатывалась в стране впервые и потребовалось «на ходу» решать многие методологические вопросы, анализировать и выбирать приемлемые концепции дальнейшего развития сельского хозяйства. В одном из параграфов анализируются проблемы регионального хозрасчёта. Национальные регионы в Европейской части СССР лучше обеспечивались капиталовложениями. Авторы, в целом, признают нарастание кризисных явлений в сельском хозяйстве. Они обосновывают вывод о том, что в рассматриваемый период необходимо было принимать меры, связанные с совершенствованием экономических отношений и развитием социально-культурной сферы села. Тех мер, которые принимались партийными, советскими и хозяйственными органами, не хватало.

Сибирскими историками помимо широкого круга проблем сельскохозяйственного развития были затронуты такие темы, как переселение городских специалистов в деревню, выполнение городскими предприятиями заказов для села, и другие. Были изданы работы, в которых всесторонне рассматривались проблемы села Горно-Алтайской автономной области, входившей в состав Алтайского края (Э.П. Шмойлов, Ю.В. Кувшинов). Например, в работе И.Ф. Медведева рассматривались социально-экономические проблемы села национальных образований Сибири 1960-1985 годах. Автор на основе большого фактического материала анализировал результаты работы колхозов (4,16-19).

Опыт осуществлённых в России аграрных реформ обобщается в работах С.В. Бороздина и Г.Н. Никоновой. Исследователи выделяют в качестве главной проблемы советской аграрной экономики отсутствие надлежащей институциональной основы развития сельского хозяйства,

не позволившее эффективно использовать крупные инвестиции и материально-технические ресурсы, направляемое централизованно на село, сформировать устойчивое сочетание общественных и личных интересов сельских тружеников (5, 9).

Процесс трансформации аграрного производства и переход от экстенсивного натурального к механизированному интенсивному производству получил название «агропереход» и впервые был введен в научный оборот Г.Е. Корниловым. Исследователь разделил модернизационные процессы в деревне XX века на три фазы: в первой фазе агроперехода (с начала века и до его середины) преобладало экстенсивное развитие сельского хозяйства, сопровождаемое нарастанием проблем продовольственного обеспечения страны. Во второй фазе (1950-1980-е годы) осуществлялся поиск путей адаптации советской экономической системы к условиям и требованиям НТР; аграрный курс носил ярко выраженный патерналистский характер. С 1990 годов, по мнению автора, начинается третья фаза агроперехода, перспективой которой является завершение модернизации сельского хозяйства России. Одним из результатов трансформаций аграрной сферы в XX веке, по мнению Г.Е. Корнилова, стало раскрестьянивание российской деревни – процесс, связанный с сокращением численности крестьянства, а также с изменением образа жизни сельских жителей (5,10).

Принципиально иной подход к исследованию аграрной истории советского периода предложен М.А. Безнин и Т.М. Димони. Они рассматривают аграрные отношения 1930-1980-х годов с позиции «капитализации» российской деревни, утверждают, что в условиях колхозного строя шло первоначальное накопление капитала, способствующее формированию протобуржуазии, типичное аграрное общество трансформировалось в специфический российский аграрный капитализм (5,11).

Глубокий анализ советской аграрной экономики был проведен в работах В.Г. Растяникова и И.В. Дерюгина. Авторы приходят к выводу, что за период существования советской власти в аграрной отрасли складывается «вне рыночная система хозяйствования», предполагающая затратный тип экономического развития в сельском хозяйстве, так как в основе ее лежал неэквивалентный обмен между городом и деревней, недостатки которого покрывались ростом государственных субсидий и дотаций в агросферу. Рост субсидирования происходил вследствие поддержания стабильных розничных цен на продовольственные товары в СССР как одной из главных основ социально-экономической политики советского государства. В итоге образовалась зависимость экономического развития сельского хозяйства от субсидий и дотаций государства, которая на рубеже 1980-1990-х годов была столь велика, что по РСФСР намного превышала все государственные расходы на образование и здравоохранение, вместе взятые (5,11).

Л.Н. Мазур изучила процессы сельской урбанизации России (5, 12).

Диссертационное исследование З.Ю. Пересёлковой представляет собой комплексное изучение аграрной политики советского государства и ее реализации на Южном Урале в 1980-е годы. Автор охарактеризовал состояние аграрной отрасли Южного Урала к началу 1980-х годов, рассмотрел процесс реализации Продовольственной программы СССР в Южноуральском регионе, проанализировал основные тенденции аграрного развития Южного Урала в годы XI пятилетки, исследовал процесс эволюции аграрных отношений в контексте политики «перестройки», раскрыл проблемы становления новых форм производственных отношений на Южном Урале, изучил проблемы и пути повышения эффективности аграрного

производства Южного Урала во второй половине 1980-х годов (5, 17).

Таким образом, в постсоветской исторической науке идут поиски новых решений в изучении российской аграрной политики и развития в послевоенный период. Большой вклад в исследование этого вопроса вносят сибирские и уральские исследователи (Л.Н. Мазур, З.Ю. Пересёлкова, Г.Е. Корнилов, И.Ф. Медведев и др.).

Список литературы

1. Зайцева Л.А. Развитие сельского хозяйства Бурятии, 1923-1985 гг. (Историческое исследование): Дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 1997. 577 с.
2. Наухацкий В.В. Аграрная политика СССР в 1965-1990 годах: проблемы разработки и реализации: Дис. ... д-ра ист. наук. Ростов н/Д, 1997. 542 с.
3. Нечипас, Ю.В. Эволюция аграрной политики СССР в 1945-1984 гг.: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005. 374 с.
4. Орлов, Д.С. Развитие аграрного сектора Алтайского края во второй половине 70-х – первой половине 80-х годов XX века: Дис. ... канд. ист. наук. Бийск, 2006. 296 с.
5. Пересёлкова З.Ю. Аграрная политика советского государства и её реализация на Южном Урале в 80-е годы XX века: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2010 // [www.ospu.ru / data / Perese / Kova.doc](http://www.ospu.ru/data/Perese/Kova.doc)

И.С. Менщиков

Курганский государственный университет

МИФ В СИСТЕМЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Очень часто в наши дни Клио называют музой истории. Это стало расхожим клише, и зачастую имя древнегреческой музы используется как красивая метафора в речи историков. Однако подобная практика не совсем верна. Клио никогда не считалась в Древней Греции музой истории, она являлась музой эпической поэзии. Элиминируясь от споров о месте и характере исторического знания в античную эпоху, хотелось бы обратить внимание на то обстоятельство, что если следовать греческой традиции, история (как система знания) происходит от героических мифов.

Мысль эта, безусловно, не нова, её можно обнаружить в любом современном учебнике по истории исторической науки или теории истории (6, 50 – 52). Первоначально исторические знания, точнее звания о прошлом бытовали у греков (как и у других народов) в форме мифов, героических сказаний, эпических песен. Классическим примером тому являются поэмы Гомера. В более позднее время мы обнаруживаем все черты мифологизма в отдельных частях работ Геродота, Платона, Аристотеля и других авторов. Попытаемся разобраться, что связывало ранние формы исторического знания с мифологией и почему.

Каждому человеку необходимо иметь память о своем прошлом. По всей видимости, это равносильно и для человеческих коллективов. В XX веке этот феномен получил название коллективных представлений о прошлом, коллективной или социальной памяти. Сказания о первопредках, культурных героях относятся к числу древнейших произведений человека (3, 164 – 169). На их основе складываются монументальные эпические системы, которые чаще всего рассказывают о происхождении народа, борьбе его с врагами. Главными персонажами этих сказаний становятся герои, наделенные сверхъестественными свойствами и воплощающие представления людей об идеалах добра, чести, красоты и т.д., некий образец для подражания для грядущих поколений. Архаический

эпос обобщает историческое прошлое посредством языка и концепций первобытных мифов, следуя при этом традиции первобытного повествовательного фольклора (3, 269). Вся эта мифологическая составляющая, подпочва, по выражению Е.М. Мелетинского, сохраняется и в развитых, классических формах эпоса, таких, как «Илиада». В отличие от архаической эпики эти сказания опираются на исторические предания и пользуются их «языком» для повествования о событиях далекого прошлого, но в то же время прошлого не мифического, а исторического, точнее – квазисисторического. Главное различие здесь, по мнению Е.М. Мелетинского, не в степени достоверности рассказа, а в языке повествования. Эти рассказы оперируют не космическими терминами, а географическим названием, историческими именами, этническими категориями. Время в таких эпосах строится по мифическому образцу, то есть как начальное, как время активных предков, но речь при этом идет не о творении мира, а о заре национальной истории, об устройстве древнейших государственных образований. В этих сказаниях многое родственно мифу, но «шаманский» ореол эпического героя полностью отпадает, уступая место чисто воинской героической этике. Он не воспринимался как вымысел в отличие от сказки (3, 276).

Мифу посвящено и посвящается множество работ, в том числе и мифу идеологическому. Если не вдаваться в теоретические дискуссии, то следует обозначить три понимания мифа, распространенных в науке. Во-первых, это архаический миф, главным признаком которого является синкретизм, это упрощенная образная схема мира, объясняющая и предписывающая определенный образ действий. Во-вторых, это художественный миф, распространенный в литературе. И, в-третьих, это социальный обман, вызванный к жизни процессами ремифологизации XX века и использующий искусственно возрожденные механизмы архаического мифа (7, 227).

Оставляя в стороне особенности первобытного или архаического мышления, попробуем разобраться, какие же функции выполнял и продолжает выполнять миф. Вопрос этот достаточно сложен. Ответ на него уводит нас в дебри культурологических и антропологических школ и направлений, бурно развившихся в XX веке. Если же брать некие обобщенные варианты ответов, то можно выделить следующие функции мифа.

На первом месте, пожалуй, стоит объясняющая в самом широком смысле. Миф рассказывает, как появился человек и почему идет дождь, почему рыбы живут в воде, а у папуасов черная кожа. Объяснение упорядочивает мир, преодолевает дурную бесконечность, превращает хаос в космос. Миф объясняет сложное через простое, менее понятное через более понятное. Отсюда стремление мифического сознания (что, по всей видимости, является особенностью человеческого мышления) к дихотомии хорошее/плохое, жизнь/смерть, друг/враг (3, 168). Миф призван не только объяснить существующий мир, но рассказать, почему в нем не все так хорошо, чтобы не сказать – все плохо. Он справляется и с этой функцией, которую называют компенсаторной, или утешающей, а заодно подсказывает, как возможно преодолеть существующее зло. Наконец, в квазисисторических и эпических мифах присутствует ярко выраженное объединяющее начало. Миф отсылает к единству предков у этнической группы или иным единством у других социальных групп. Он указывает на их врагов, с которыми надо бороться и тем самым требует сохранения единства этих групп. Это особенно заметно в различных героических сказаниях. Зло оказывается персонифицированным, а значит с ним уже можно бороться. При этом герой всегда или почти всегда прав: если он идет напролом, то это

признак силы и мужества, а если пускается на хитрость, то признак недюжинного ума, тогда как антигерой в этих же случаях демонстрирует тупость («сила есть, ума не надо») или подлость, коварство.

Интересно и отношение ко времени в рамках мифического сознания. Оно совершенно не имеет такого значения, как в нашем мире. То, что рассказывается в мифе или сказании происходило вчера или тысячу лет назад – это неважно. Это находит своё выражение в словах, которыми обозначается время действия: «давным-давно», «как-то раз», «и вот однажды», «случилось так, что». Если и существуют конкретные единицы времени (день, месяц, год), то они почти всегда сводятся к сакральным числам: 1, 3, 7, 9, 12, 40. Для обозначения больших длительностей применяются числа 100 или 1000 (8, 74 – 79).

Мифы продолжают существовать и возникать и в наши дни. Попытаемся рассмотреть причины этого в исторической и идеологической сферах и выявить функции его. Как отмечает М. Леруа, «Миф не столько отображает действительность, сколько преобразует её» (2, 418). Миф призван мобилизовать сторонников, демонизировать противников и дать правдоподобное объяснение событиям прошлого, он способен объяснить все события истории, разгадать все тайны. Обнаружив врага, миф помогает снять страхи, существующие в общественном сознании. Он настраивает общественные группы против такого «козла отпущения, источника коллективных тревог и опасений, чьими вредоносными действиями объясняются беды общества» (2, 437). Таким образом, миф не просто создается и навязывается, общество или некая общественная группа уже готовы принять его, равно как и объяснения и предсказания, которые он содержит. «Миф призван снять травму, воссоздать ускользающее единство окружающего мира, разломанного историческими драмами... Миф – это лекарство обыденного сознания и одновременно – его экспансия... И наряду с этим одним из главных признаков оказывается простота, схематизм, антиисторизм. Но в этом совпадении идеологического заказа с общественными настроениями кроется куда более серьезная опасность, чем просто идеологизация учебников. Забывание не может по-настоящему излечить от травмы, избавление от мучительных моментов истории обязательно оборачивается отказом от рационального познания, а значит — неизбежностью использования невежества в целях манипуляции» (7, 427 – 428).

Напомнив в самых общих чертах теорию мифа, следует обратиться к непосредственной проблеме данной статьи, а именно роли мифа в системе исторического знания.

Как уже отмечалось, склонность к созданию мифов присутствует и в наши дни, причем как на бытовом, так и на профессиональном уровне. По всей видимости, такая природа человеческого сознания. Мифологизация прошлого – одна из основных составляющих этого явления. Мифологизация активно представлена в историософии, где нет конца рассуждениям о корнях, истоках, путях, ступенях и т.д. (9, 253). Эти архаические, или мифологические, способы конструирования прошлого отмечают в одной из своих интереснейших работ И.М. Савельева и А.В. Полетаев, особую роль играют в идеологии. «Достаточно напомнить, – пишут они, – мифы о первопредках и мифических героях... Эти два типичных элемента архаического знания по сей день выступают в качестве прототипов при формировании образов прошлого (прошлого данной нации и её исторических деятелей)» (9, 253).

Однако почему миф находит свое место в исторической науке, которая в силу самой принадлежности к науке как таковой враждебно должна относиться к любым попыткам мифологизации прошлого или во всяком случае представлений о нем.

Допущение мифа в предметное поле исторической науки происходит, по нашему мнению, в силу двух причин. В первом случае историк добросовестно пересказывает или даже создает миф в рамках своего нарратива. Это может происходить от того, что историк недостаточно подготовлен в профессиональном смысле и не всегда способен отделить вымысел предшественника от правды. Так, например, в многочисленных учебниках и даже монографиях повторяются слова Людовика XIV «Государство – это я», которых он никогда не произносил и которые не отражены ни в одном историческом источнике (1, 4, 92–93). Однако действует историографическая традиция и доверие к предшествующим авторитетам. Так появляются и закрепляются представления о том, что Петр I был «хорошим» царем, а Павел I, напротив, «плохим».

Историк может сознательно заниматься упрощением истории и созданием неких мифов, когда этого требует аудитория. Например, в учебниках по истории для школ неизбежно упрощение, хотя бы только потому, что детское мышление не в состоянии понять сложность исторического процесса. Подобное же явление можно встретить и в научно-популярных изданиях, адресованных широкой публике. Ясность и понятность изложения требуют определенных жертв. Вместе с тем, нельзя не отметить, что именно школьные учебники являются главным хранилищем и рассадником исторических мифов, которые, к тому же, имеют претензии на научность. В меньшей степени это замечание применимо к учебным пособиям для высшей школы.

Наконец, нельзя сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что историк тоже человек, со своими симпатиями и антипатиями. Занимаясь какой-либо эпохой, он начинает несколько по-иному понимать её, то, что Л. Февр называл «жить историей». В этом случае также имеет место добросовестное мифотворчество.

Однако наиболее частой причиной создания мифа является политическая и идеологическая конъюнктура. Ярким примером является случай прямого заказа. Еще с незапамятных времен правители и вельможи заказывали исторические сочинения, призванные возвеличить их и опорочить врагов. В последние двести лет в этом качестве все чаще выступает государство, а история становится заложником политики. Достаточно вспомнить целую плеяду советских историков, которые были вынуждены либо писать в духе официальной идеологии, либо в лучшем случае молчать. «Мало кто из историков, от Фрейзинга до Вольтера, от Полибия до Лависса, от Тацита до Моммзена, во имя науки не был бы на службе у коронованного лица, у государства, у отечества или у какой-нибудь партии», – отмечает М. Ферро (12, 47).

Можно припомнить и случаи, когда перо откровенно продавалось. Примером того может стать Лео Таксиль (настоящее имя Габриэль Антуан Жоган-Пажес). В годы, когда Гамбетта провозгласил: «Клерикализм – вот враг», он выступил с серией антирелигиозных памфлетов. Наиболее известный из них «Священный вертеп» (10), написанный по заказу Антиклерикального общества в 1879 г. В книге, написанной с претензиями на историчность, автор показывает «ложь, предательство, убийство, стяжательство, разврат – основные деяния тех, кто провозглашал себя заместителями Бога на земле, проповедовал терпение, кротость и смирение». Затем Таксиль раскаялся и занялся сочинением историй о мировом жидомасонском заговоре и поклонении дьяволу, а потом он заявил, что все эти двенадцать лет водил римскую церковь за нос и выпустил «Забавную Библию». Книги Таксиля по большей части собрание басен и побасенок, непроверенных фактов и сомнительных источников. Но «факты», приведенные, скажем, в «Священном верте-

пе» по истории папства охотно цитировались в советских учебниках и научно-популярной литературе без всякой дополнительной проверки.

Даже великие историки не избежали участи сознательных мифотворцев. Мифы, созданные их пером, получили особую весомость благодаря их имени и таланту. Можно вспомнить великого французского историка Ж. Мишле. «XVI и XVII векам, - пишет он, - я устроил ужасный праздник. Рабле и Вольтер смеялись в своих могилах. Околевшие божества, истлевшие короли предстали без покрывала. Пошлая история условностей, это стыдливая недотрога, наконец исчезла. Безжалостному анализу было подвергнуто правление покойников от Медичи до Людовика XIV» (1, 6). В этой цитате особенно настораживает не только излишне эмоциональный тон, но и фраза «безжалостный анализ». Именно безжалостный, а не беспристрастный или глубокий. Великий французский историк внес немалый вклад в критику «Старого режима», принес историческую истину в жертву своим убеждениям.

Другой видный французский историк Эрнест Лависс был, по сути, официальным историком Третьей республики в конце XIX – начале XX века. Многочисленные издания по истории начинали со школьных и кончая обобщающими исторически курсами не избежали прямого или косвенного влияния этого историка, которое сохраняется и по сей день. Ф. Блюш отмечает, что для этого историка характерен большой научный подход, но, излагая факты истории «Старого режима» и Французской революции, он «всё время перемещается из кресла судьи в кресло обвинителя, словно изображает суд истории. Разумеется, он смотрит на вещи шире, чем Мишле». В изданиях, предназначенных для взрослых, он более сдержан. Но в учебниках для начальной школы он повторяет устоявшиеся мифы (1, 26).

Сходные случаи мы можем обнаружить и в отечественной историографии. Мы оставляем в стороне спорные вопросы истории XX века, но интересны мифы, связанные с возникновением государства и русичей. Пресловутый спор так называемых норманистов и антинорманистов в советской историографии был решен однозначно. Здесь свою роль сыграл выдающийся историк академик Б.А. Рыбаков. Разбор его научного наследия выходит за рамки данной статьи, а критика его теорий была бы излишне самоуверенной с нашей стороны. Рассмотрим поэтому в нескольких предложениях критическую статью А.П. Новосельцева, в которой он раскрывает мифотворческую составляющую его трудов. «Уже в ранних трудах Рыбакова намечилось стремление внедрить в историографию ряд положений и трактовок, не опирающихся на источники, надуманных, конъюнктурных. Пример — его статьи начала 50-х годов о Хазарии» (4, 24). Последовательно и методично анализируя труды Рыбакова, А.П. Новосельцев отметил ряд нятяжек в использовании источников. Полулегендарный Кий становится родоначальком туземной династии, «и все это для того, чтобы развенчать мифический норманизм, якобы и ныне подрывающий устои нашей исторической науки». Продолжая анализ работы Рыбакова «Киевская Русь и русские княжества в IX-XIII вв.», он указывал, что её автор старается принизить историческое значение второго (после Киева) центра древней Руси — Новгорода. Рыбаков такую роль Новгорода не признает, и Новгород превращается под его пером в «крепостицу», построенную или самими словенами, или киевским князем в северных пределах государства. Фактически Рыбаков борется даже не столько с тезисом норманистов об основании Древнерусского государства варягами, сколько против возможности рождения восточнославянской государственности

на русском Севере. «Вот такой «мир истории» подарил читателю Рыбаков! Его фантазия создает порой впечатляющие (для неспециалистов) картины прошлого, не имеющие, однако, ничего общего с тем, что мы знаем из сохранившихся источников. Любая наука нуждается в гипотезах, но то, что делает с историей Руси Рыбаков, к научным гипотезам отнести нельзя» (4, 31 – 32).

Итак, мы видим, как миф попадает в солидные монографии, а не просто в учебники. Между легендой и подлинным историческим сочинением существует большой разрыв, и по мере удаления события от наших дней разрыв продолжает увеличиваться. «Легенды упрямы! Они редко когда склоняются перед напором очевидных фактов... воображение невозможно сковать логикой и здравым смыслом. К загадкам можно найти разгадки, легенды же бессмертны» (5, 245 – 246).

Выше уже говорилось, что простые объяснительные схемы помогают не только выстроить простые, а лучше сказать — упрощенные причинно-следственные связи, но и снять напряжение в общественных группах. Исторические мифы помогают этим группам получить представление о своем прошлом, объединиться и обнаружить образ врага не только в настоящем, но и в прошлом. «Миф черпает свою легитимность и убедительность в повторении одних и тех слов и образов» (2, 18). Тем самым можно объяснить многие недостатки современного общественного развития и выявить, что в общественных бедах виноваты монголо-татарское иго, бояре-изменники, глупые цари или жидо-масонские заговоры. Простота таких объяснений и романтическая загадочность помогают «черным легендам» или «белым легендам» закрепиться в историческом сознании, самовоспроизводиться и фактически подменять истину.

Список литературы

1. Блюш Ф. Людовик XIV. М., 1998.
2. Леруа М. Миф об иезуитах: от Беранже до Мишле. М., 2001.
3. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 2006.
4. Новосельцев А.П. «Мир истории» или миф истории? // Вопросы истории. 1993. №1.
5. Птифис Ж.К. Железная маска: между историей и легендой. М., 2006.
6. Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. М., 2006.
7. Соловьев С.М. Идеологические мифы в современных учебниках истории // Отражение событий современной истории в общественном сознании и отечественной литературе (1985 — 2000): Материалы научно-практической конференции, 27-28 октября 2009 года. М., 2009.
8. Савельева И.М., Полетаев А.В. Теория исторического знания. М., 2008. С. 11 -27, 407- 420.
9. Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. СПб., 2003. Т.1. Конструирование прошлого. С. 253.
10. Таксиль Л. Священный вертеп. М., 1988.
11. Конструирование прошлого. СПб., 2003.
12. Ферро М. Кино и история // Вопросы истории. 1993. № 2.

Ю.Н. Кряжев
Курганский государственный университет

С.А. МУРОМЦЕВ – ГЛАВА ПЕРВОГО РОССИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТА НАЧАЛА XX В.

Среди депутатов I Думы было немало представителей интеллигенции — адвокатов, профессоров, приват-доцентов, учителей, врачей, литераторов, публицистов и

других. Если к этой категории присоединить и тех, кто находился на службе в земском самоуправлении, то окажется, что в составе Думы интеллигенция едва ли не преобладала. В этом состояла существенная особенность первого российского парламента. Это была его сильная сторона, которая обеспечивала высокий профессионализм в работе Думы, давала ей возможность не только осуществлять законотворческую деятельность на высоком уровне, но и находить при этом такие подходы, которые снимали бы напряженность в обществе, содействуя постепенному его переходу к более цивилизованным формам и методам управления государственной жизнью.

К сожалению, столь высокий интеллектуальный потенциал Думы в конечном счете оказался невосребованным. Вместе с тем представители интеллигенции, чутко, иногда излишне эмоционально реагируя на события, происходившие в стране, острее, чем другие социальные группы, осознавая свою ответственность перед трудовой и обездоленной частью общества, нередко приносили в стены парламента настроения улицы, превращая заседания в политические митинги, что крайне осложняло ее работу. И все же, несмотря на свою «революционность», в чем ее часто, хотя далеко не всегда справедливо упрекали, I Государственная дума стремилась к тому, чтобы, не втягиваясь в нескончаемые столкновения с правительством, заниматься своим прямым делом – законотворческой работой (2, 68).

К этому призывал Думу ее председатель С.А. Муромцев, заслуги которого перед российской демократией по настоящему еще не оценены. Единодушно избранный на этот важный пост, он делал все от него зависящее, чтобы не допустить превращения Думы в арену острых политических конфликтов как между различными фракциями, партиями и группами внутри Думы, так и между Думой и правительством. Это был человек огромного таланта, обширнейших знаний и большого политического опыта. Принимая активное участие в освободительном движении и будучи искренним сторонником обновления России, Муромцев был глубоко убежден в том, что старые порядки не могут сохраняться в неизменном виде, что недалеко то время, когда не одни только чиновники будут вершить государственные дела, но и сам народ получит возможность участвовать в них. К этому времени, полагал он, надо тщательно готовиться. «Пусть оно не застанет нас врасплох, – говорил Муромцев. – Необходимо заблаговременно составить те самые законы, которые мы стали бы предлагать и поддерживать, когда явились бы по выбору народа в законодательное собрание» (4, 7–8).

К моменту избрания Муромцева депутатом первого российского парламента он имел уже солидный опыт разработки важнейших документов, с которыми он и его единомышленники обращались в правительство. Еще в период царствования Александра II он направил правительству, которое возглавлял тогда М.Т. Лорис-Меликов, записку с изложением своих взглядов на ситуацию в России, неустроенность российской жизни, ратуя за преобразование всей государственной жизни. Главным условием успешного осуществления процесса обновления он считал призвание выборных представителей народа к участию в управлении государством и предоставление свободы развитию и выражению российской общественной мысли. Вместе со своими коллегами Ф.Ф. Кокошкиным, Н.Н. Львовым и Н.Н. Щепкиным, впоследствии избранными, как и он, депутатами Думы: Кокошкин — первой, а двое других — III Думы, Муромцев подготовил и опубликовал проект российской конституции. Он был непременным участником земских съездов, как профессор Московского университета и крупный специалист в области римского права вел большую научно-преподаватель-

скую деятельность, издавал журнал «Юридический вестник». За свои свободололюбивые идеи, которые многим казались крамольными, он подвергался остракизму, был отстранен от должности университетского профессора.

Среди депутатов Думы он был одним из лучших законников, глубоко и профессионально разбиравшимся во всех тонкостях юриспруденции. Почти единогласно избранный председателем первого российского парламента, Муромцев в своей краткой речи удивительно емко и четко изложил свое понимание роли и места Думы в обновляющемся российском обществе, отметив ее исключительно важное предназначение как постоянно действующего законодательного учреждения, способствующего переходу страны на путь конституционного развития. Всегда спокойный, тактичный, уравновешенный и величественный он обратился к членам Думы со следующими словами: «Кланяюсь Государственной думе. Не нахожу в достаточной мере слов для того, чтобы выразить благодарность за ту честь, которую вам, господа, угодно было мне оказать. Но настоящее время — не время для выражения личных чувств. Избрание председателя Государственной думы представляет собою первый шаг на пути организации Думы в государственное учреждение. Совершается великое дело, воля народа получает свое выражение в форме правильного, постоянно действующего, на неотъемлемых законах основанного, законодательного учреждения. Великое дело налагает на нас и великий подвиг, призывает к великому труду. Пожелаем друг другу и самим себе, чтобы у всех нас достало достаточно сил для того, чтобы вынести его на своих плечах на благо избравшего нас народа, на благо Родины. Пусть эта работа совершится на основах подобающего уважения к прерогативам конституционного монарха и на почве совершенного осуществления прав Государственной думы, истекающих из самой природы народного представительства» (3, 3).

Это была единственная речь Муромцева в Государственной думе. Как отмечали многие его друзья и коллеги, в частности член Думы второго созыва профессор А.А. Кизеветтер, Муромцев был убежден в том, что председателю не следует участвовать в дискуссиях, разворачивавшихся на ее заседаниях и нередко принимавших довольно острый характер. Его обязанности ограничивались поддержанием порядка, а также нельзя было позволять никому из депутатов пренебрегать предусмотренными законом регламентом и правилами. Он никогда никому не мешал свободно высказывать свои мысли, но в то же время решительно не допускал никаких грубых выражений, брани, насмешек. Он останавливал всякого, у кого хотя бы случайно срывалось с языка бранное или даже просто насмешливое слово. Все депутаты, полагал он, должны уважать друг друга и самую Думу, в которую они посланы народом и потому должны держать себя там «вежливо, чинно и благоговейно, как в церкви. Вот чего требовал Муромцев. Он был при этом глубоко беспристрастным. Он не смотрел на лица. Всем одинаково делал он строгие замечания, если это было нужно: своим друзьям точно так же, как и своим противникам» (4, 13–14).

Именно поэтому он пользовался огромным уважением и авторитетом среди депутатов независимо от их политических пристрастий и идеологических убеждений. Муромцев, возможно, лучше, чем кто-либо другой, понимал, сколь важной и значительной может и должна быть роль Государственной думы в процессе обновления России. По его мнению, I Дума, несмотря на то, что ей не суждено было решить многие стоящие перед нею задачи, «впервые придала неорганизованному, наполовину стихийному движению народа формы организованные»,

содействуя тому, что политические партии, встретившись в ее стенах, «впервые поняли, что пора сойти с почвы митинга и встать на почву организованного собрания». Он считал, что Дума послужила «некоторому сближению общества и правительства», наметила определенную «возможность уменьшения той пропасти, об уничтожении которой мечтал даже такой государственный человек, как Плеве, который вопрошал всех обращавшихся к нему общественных деятелей: как бы уничтожить пропасть, отделяющую общество от правительства» (5, 121).

После роспуска I Думы Муромцев как один из участников совещания ее депутатов в Выборге и авторов так называемого Выборгского воззвания (10 июля 1906 г.) был арестован. Ему приписывали слова, которые он якобы произнес, открывая совещание в Выборге: «Заседание Думы продолжается». Конечно, Муромцев не мог произнести таких слов хотя бы потому, что был глубоко убежден в необходимости добиваться решения всех вопросов исключительно законным, конституционным путем. Об этой черте его характера, наложившей отпечаток на всю его деятельность, говорили многие ораторы на панихиде по Муромцеву, скончавшемуся 4 октября 1910 г., через четыре с лишним года после роспуска I Думы. Все, что произошло с I Думой и после ее роспуска, подорвало его силы. Муромцев умер в возрасте шестидесяти лет. Хоронила его — без преувеличения — вся Москва (1).

Окончательное решение о роспуске Думы было прерогативой Николая II. Однако, как правило, к этому его подталкивало правительство, а точнее премьер-министры. С первых же дней работы Государственной думы она вызывала раздражение, если не сказать злобу, у высших правительственных чинов, и прежде всего премьер-министра Горемыкина. Нередко виновником этого была сама Дума, обрушивавшая на членов правительства град тяжких обвинений. В самом деле, могло ли правительство, каким бы оно ни было, спокойно выслушивать и тем более соглашаться с тем, что говорил, например, депутат от Тверской губернии кадет Ф.И. Родичев: «Если правительство будет ответственно только перед монархом и не ответственным перед Думой, ничего не будет, и процесс обновления невозможен»; или заявление другого члена Думы, тоже кадета, князя Д.И. Шаховского, депутата от Ярославской губернии, о том, что «подчинить министров Думе — только в этом наша задача, в этом главная потребность страны» (3, 157).

Еще более резко эта мысль прозвучала в ответном адресе Думы на тронную речь Николая II, в котором говорилось, в частности, и о том, что «обновление жизни возможно лишь на основе свободы, самостоятельности и участия самого народа в осуществлении власти законодательной и в контроле над властью исполнительной» и поэтому никакое умиротворение страны невозможно, пока «все министры не будут ответственны перед народным представительством и сообразно с этим не будет обновлена администрация на всех ступенях государственной службы» (3, 239–240).

В.Н. Коковцов, в ту пору министр финансов, называл такое давление Думы на правительство «штурмом власти», усматривая в этом главный лозунг, под которым развивалась деятельность I Думы. В своих воспоминаниях он пишет: «Все мы были совершенно солидарны в том, что уступка натиску Думы просто недопустима, и в этом отношении самые убежденные противники нового строя по складу своих убеждений, как Ширинский-Шихматов и Стишинский, так же как и поборники идеи полной готовности правительства идти навстречу новым течениям, если только они не находятся в непримиримом несогласии с только что дарованными России основными законами и обеспеченными ими прерогативами верховной

власти, — а в числе их был, пожалуй, на первом месте покойный Столыпин, не говоря о мне самом, потому что я никогда не имел в мыслях отступать в чем бы то ни было от изданных новых законов и был полон самой широкой готовности идти навстречу честного выполнения их, — все мы ясно сознавали, что борьба неизбежна и что никто из нас, не нарушая своего долга перед Государем и перед страной, не имеет права отойти от тех трех основных положений, разрушение которых было поставлено задачей первых думских выступлений» (Коковцов имел в виду такие требования Думы, как отмена права собственности на землю в порядке принудительного ее отчуждения и передачи крестьянам; переход власти из рук правительства, ответственного перед Николаем II, к правительству, ответственному перед народным представительством и назначенному из его состава; захват всей власти управления народным представительством) (3, 154).

С первых же дней работы Думы правительство и прежде всего его глава Горемыкин пытались убедить Николая II в необходимости ее роспуска. В конце концов это удалось сделать, и 8 июля 1906 г. был подписан указ о роспуске I Думы. Боясь, как бы Николай II не передумал и не отказался от принятого решения, Горемыкин, если верить П.Г. Курлову, вернувшись от императора домой и имея при себе подписанный им указ, лег спать, сославшись на переутомление, приказав, чтобы ни в коем случае его не будили, даже если за ним пришлют из дворца. За ним действительно присылали, но никто не решился его потревожить (5, 60).

Конечно, I Дума, просуществовавшая всего лишь 72 дня, не могла за столь короткий отрезок времени решить даже малую часть тех задач, которые перед нею ставила совершенно новая эпоха, открывавшаяся перед Россией. Очевидна и ничем неоправданная поспешность Думы в постановке и решении ряда ключевых проблем развития российского общества без учета всей сложности политической ситуации в стране. Не избежала Дума и излишней революционности, что нередко мешало созданию спокойной рабочей обстановки. Все это верно, как справедливо и то, что оценивать I Думу необходимо с учетом реальной обстановки, в которой она появилась и которая не могла не оказать влияния на всю ее деятельность.

Не так уж был неправ товарищ председателя I Государственной думы Н.А. Гредескул, утверждавший, что «пройдет время, и мы всенародно увидим и признаем, что первое русское народное представительство это — во всем ее значении — непреходимая грань, отделившая старую, уже отжившую Россию от России новой, предназначенной к подъему и расцвету. Конец старой России наступил под громы и ужасы японской войны; он сопровождался небывалым для России историческим унижением. Вследствие этого в России началось широкое народное движение. Но это движение не перешло во всеразрушающую революцию, потому что оно превратилось в факт народного представительства. Подсознательный гений народа не разметался, не разбросался в разрушении, — он, наоборот, сосредоточился в созидании, и ясный, продуманный, всенародно одобренный план этого будущего созидания начертан первым русским парламентом» (1, 46–47).

Список литературы

1. *Венок на могилу Сергея Андреевича Муромцева. М., 1917.*
2. *Винавер М. Конфликты в первой Думе. СПб., 1906.*
3. *Государственная дума. Созыв первый. Стенографические отчеты. СПб., 1906. Т. 1.*
4. *Кизеветтер А.А. Сергей Андреевич Муромцев, председатель первой Государственной думы. М., 1919.*
5. *Курлов П. Конец русского царизма. М.- Пг., 1923.*
6. *Муромцев С. Статьи и речи. М., 1910. Вып. V: в области политики и публицистики (1880–1910).*

С.А. Ревнякова
*Государственный архив
общественно-политической документации
Курганской области,
г. Курган*

ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ СОВЕТСКИХ И ПАРТИЙНЫХ ОРГАНОВ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ СССР 1923-1925 ГГ.

Внешняя политика является тем показателем, который характеризует независимость, значимость и силу государства. Поэтому руководителям высших органов власти важно знать, как жители страны воспринимают, тот или иной внешнеполитический шаг. Отчасти проследить, как у населения формировалось представление о внешнеполитической деятельности СССР середины 1920-х гг., помогают делопроизводственные документы.

Изучаемые документы хранятся в Государственном архиве общественно-политической документации Курганской области. Ряд докладов, протоколов не имеют даты, подписей, печатей сельских советов. О подлинности этих документов можно судить по косвенным признакам, например, почерк, лексика, бумага.

Внешняя политика всегда находилась под жестким контролем властей. Так, практически сразу после убийства Воровского было дано распоряжение на местах провести демонстрации протеста. Телеграмма № 12, направленная из Челябинска 16 мая 1923 года в 12 часов 5 мин — подтверждение сказанному выше. «В целях правильного освещения событий в знак протеста убийства Воровского организуйте митинги, демонстрации предварительно проведите на предприятиях, учреждениях собрания. Клеймите позором убийц буржуазию Запада» (1, 115). Именно эта телеграмма и легла в основу всех постановлений, вынесенных на собраниях сельских обществ.

Следует отметить, что в протоколах, докладах, резолюциях и других документах особого разнообразия в постановлениях нет. Зачастую это простое копирование «Телеграммы». Например, отчет об общегородской демонстрации трудящихся города Кургана «КЛЕЙМИМ ПОЗОР УБИЙЦ ИЗ-ЗА УГЛА.....» (2, 119).

В этой связи любопытен другой документ «Информационно-Инструкционное письмо. Международное положение СССР и внешняя политика Советского Правительства». Кроме этого, делается прогноз на неизбежность нового конфликта: «государственные мужи пытаются, сглаживать существующие между странами противоречия, но это приводит только к некоторому отдалению момента решительного сражения» (3, 1). Международное положение СССР в этом «письме» характеризуется как крайне благоприятное: «время изоляции (отсутствии связей) С.С.С.Р. кончилось» (3, 2 об.), «С.С.С.Р. должен стоять на страже своих интересов» (3, 2).

Достаточно стандартная резолюция, вынесенная на митинге открытого у Белозерского волисполкома 20 мая 1923 г. В ней говорится, что на митинге присутствовало 250 человек, основным докладчиком был т. Фальков. В резолюции есть обращение к международному органу — Лиге Наций: «требуем от Лиги нации немедленной выдачи в руки правосудия Советской России, тех убийц и кто виновен в этом деле» (4, 120). Обращение к международной организации — единичное явление, в принципе не характерное для постановлений на местах.

В резолюции граждан с. Лопатинского Курганского уезда 20 мая 1923 г. делается акцент на восстановление хозяйства: «Войны мы не хотим. Нам нужно восстановить наше разрушенное хозяйство» (4, 125). Отличается по своему содержанию резолюция Райковского сельского общества Введенской волости 27 мая 1923 г., в которой ответственность за убийство возлагается «не на одного убийцу, а на тех кому было нужно было убрать Воровского из Лозанны» (4, 127). А само убийство считают поводом к новой войне: «Сейчас мы желаем употребить все свои силы, что бы кровь нашего товарища не превратилась в океан крови который потечёт если империалисты не остановят провокацию новой войны» (4, 127). Последний документ — один из немногих, заверенных печатью, а также подписями председателя и секретаря.

Доклады по сравнению с резолюциями несут больше информации, касающейся настроений в обществе. Например, в докладе Лебяжьевского волкома сообщается: «митинги носили характер объяснения данного вопроса. Масса сильно напряженно слушала — желая получить каждое произнесённое слово Араторам» (4, 123).

Наибольший резонанс у населения вызывали слухи о войне: «в каждой кучке собравшихся людей обсуждается вопрос о войне, будет ли она сейчас? Население везде и повсюду говорит о войне и частенько спрашивает скоро ли мобилизация» (2, 7). Из доклада Половинского волкома ясно, что население спокойно воспринимает происходящие события: «нет того энтузиазма который должна вызывать настоящая международная ситуация» (2, 8). А разговоры о предстоящей войне расцениваются не более чем слухи, появление, которых объясняется недостатком кадров агитаторов. Практически во всех докладах делается акцент на использование всех средств в целях предотвратить новую войну: «население задумывается чтоб каким не будь способом избавиться от войны, пожить спокойно» (2, 14).

Вторым вопросом, обсуждающимся в массах, было убийство Воровского. Здесь прослеживается, с одной стороны, безразличие: «убили ну и только, убивают же людей в войну» (2, 8), а с другой - сожаление и желание справедливого наказания для убийц: «бывшие Кр. Армейцы жалеют тов. Воровского и считают его как работника интересов трудящихся» (2, 14). Кроме слов звучали и вопросы, например: «предъявляет ли что-либо Совет. Правительство за плохую охрану нашей делегации на Лозаннской конференции и за убийство т. Воровского?» (2, 13), «Почему пошли они убить только нашего представителя, а не других сторон?» (2, 14). Из приведённых примеров видно желание население понять цели внешней политики, суть внешнеполитических шагов, но в то же время вопросов подобного характера было крайне мало, что говорит о низкой политической культуре масс.

Протоколы как вид документов наиболее многочисленны. Однако текст их зачастую дублируется и отличается сухостью передаваемой информации. Так, большинство постановлений протоколов сводится к общепринятой фразе: «Заслушанный доклад постановили принять к сведению» (1, 172). Протоколы, как и большинство делопроизводственных документов первых годов советской власти, фиксировались на подручном материале: платежные документы, ранее использованная бумага. Печать на протоколе - явление редкое, однако на нем, как правило, присутствуют подписи председателя и секретаря.

Большинство собраний были просвещены ультиматуму Англии и убийству В.В. Воровского и лишь в незначительном числе протоколов нашли отражения другие внешнеполитические проблемы, например, Рурские события. Так, общегородское собрание Курганского союза совра-

ботников, заслушав доклад т. Кустикова, постановило: «присоединиться к общему голосу протеста пролетариата всего мира против захвата обнаглевшей Францией металлургической промышленности Германии» (1, 10). И чтобы подчеркнуть большую солидарность, решили: «принимая во внимание обременительное положение пролетариата Рура мы переводим 1% отчислений нашего месячного заработка и шлём в поддержку братьям Рура» (1, 10).

Встречаются случаи, когда протоколы собраний разных сел, абсолютно идентичны. Причем дублируются как доклады, так и постановления. Например, протокол № 27 общего собрания деревни Покровки и выписка из протокола от 24 марта 1923 г. с. Б. Мартина. Докладчиком на обоих собраниях был один человек — тов. Пшеничников. Доклад был посвящён международному и внутреннему положению страны, а также событиям в Руре. В итоге постановили: «выразить рабочим Рурской области свой привет, а французским захватчикам позор и проклятие» (1, 71).

Не обошли стороной и проблему выплаты долгов. Во всех постановлениях единогласно приняли решение: «не признавать старых империалистических долгов» (2, 16).

В целом протоколы как источники менее информативны. Лишь некоторые отличаются оригинальностью, большинство же дублируются. Постановления, как правило, решительны, соответствуют идеологии времени: «протестуем против попыток английского капитализма к удушению власти рабочих и крестьян» (1, 136), «шестая часть Земного шара не может быть рабами лордов» (1, 169).

Необходимо, отметить язык делопроизводственных документов начала 1920-х годов. Так, министр иностранных дел Великобритании лорд Керзон в протоколах именуется то «вампиром», то «бандитом мирового капитализма». Убийство В.В. Воровского названо «подлостью», «варварством», а сам полпред - «посланником от Советской власти в стане наших врагов» (4, 127).

Делопроизводственные документы советских и партийных органов Южного Зауралья дают возможность проследить, как воспринимались внешнеполитические шаги государства населением страны. Наибольший резонанс в обществе вызывали вопросы о войне. Убийство В.В. Воровского и ультиматум Англии расценивались как провокация к началу боевых действий. Население устало воевать, поэтому практически во всех документах так или иначе, но есть призывы к мирному решению конфликтных ситуаций со всеми соседними и отдалёнными странами. Однако до населения доносили только те события, которые отражали верхушку явлений, не затрагивая деталей. Большинство событий международной жизни страны оставались незаметными.

Список источников

1. Государственный архив общественно-политических дел Курганской области (ГАОПДКО). Фонд 1. Оп. 1. Д. 111.
2. ГАОПДКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 161.
3. ГАОПДКО. Ф. 13. Оп.1. Д. 162.
4. ГАОПДКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 201.

Л.Н. Мазур

Уральский государственный университет,
г. Екатеринбург

МИГРАЦИЯ КАК ФАКТОР ЭВОЛЮЦИИ РАССЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ УРБАНИЗАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

Одним из центральных вопросов теории расселения был и остается вопрос о факторах формирования и развития поселенческой сети. Будучи формой пространственной организации жизнедеятельности общества, система расселения испытывает на себе влияние целого комплекса воздействий: внутренних и внешних. К внешним принято относить природно-географические и климатические условия; производство и транспорт, а также демографические ресурсы. Под влиянием внешних условий складываются тип и форма расселения, определяются его качественные характеристики, они же формируют общую тенденцию развития.

К внутренним факторам обычно относят влияния, связанные с реализацией социально-экономической политики государства, правовыми аспектами, деятельностью государственных органов по вопросам расселения, а также этнокультурные характеристики населения. Внешние факторы несут на себе базовую нагрузку, внутреннее в некотором смысле вторичны, и чаще всего их влияние выражается в сдерживании или, напротив, в ускорении расселенческих процессов.

Особое место среди выделенных факторов занимает демографический, который включает не только естественные процессы воспроизводства, но и механическое движение населения. Причем роль миграции в развитии как городской, так и сельской поселенческой сети существенно возрастает в XX веке, особенно во второй его половине. Интенсивность и направленность миграционных потоков влияет на формирование общих тенденций развития расселения (расширение или сжатие поселенческой сети), но помимо этого выполняет важную социальную функцию, позволяющую интерпретировать миграцию как информационный канал взаимодействия различных социально-географических объектов (города и села, регионов страны или же государств). Благодаря миграции происходит обмен социально значимой информацией, в конечном счете, влияющей на трансформацию образа жизни людей как в местах входа, так и выхода мигрантов.

Если принять во внимание более частный момент – сельскую миграцию (из села в город), то следует отметить ее влияние на городскую и сельскую среду, в результате которого происходит взаимный перенос культурных ценностей из одной системы в другую. Итог такого взаимодействия позволяет исследователям говорить о сельском характере урбанизации, который свойственен процессам эволюции российских городов, с одной стороны, и неоправданных деформациях сельской местности, с другой. Последнюю на протяжении всего XX века стремились преобразовать в подобие города, забывая о ее генетических особенностях и задачах.

Урбанизация сельской местности является отражением тех трансформаций, которые происходили в сельском обществе в условиях становления индустриального общества, и выступает как составная часть общего процесса урбанизации. Ее суть состоит в изменении условий

*Тема поддержана грантом РГНФ 08-01-00418а «Урбанизация российской деревни в конце XIX - XX вв. в контексте государственной политики (по материалам Урала)»

и образа жизни сельского населения в соответствии с новыми (городскими) стандартами, которые носят системный и закономерный характер. Миграция в этом случае играет роль канала урбанизационной перестройки сельской местности и оказывает на нее многоуровневое воздействие.

Сельская миграция истощила демографические ресурсы деревни, приведя к резкому сокращению сельской поселенческой сети, но не только. Феномен сельской миграции имеет свою специфику, связанную, в частности, с тем, что родственные и соседские связи с местами выхода мигрантов сохраняются и поддерживаются. Эти личностные контакты превращаются в мощный канал воздействия на деревенских жителей, которые начинают видеть и понимать имеющиеся преимущества и недостатки городского бытия. Незаметно впитывая новые идеи, деревенские жители приобщаются к городской культуре. Это проявляется в постепенном изменении одежды, быта, досуга. В домах крестьян уже во второй половине XIX века начинают появляться предметы городского интерьера (фотографии, книги, патефоны, самовары и проч.), изменяется жилище, где появляется разграничение жилого пространства на комнаты. Результатом влияния новых стандартов стало признание в деревенской среде ценности знаний и учения.

Личные контакты сельских мигрантов с оставшимися на селе родственниками и соседями помимо информационной составляющей обладали сильным эмоциональным и программирующим воздействием, т.к. открывали для сельских жителей новые варианты и модели жизненных стратегий, расширяли карту возможностей. Помимо основной традиционной схемы личностной реализации в рамках крестьянского хозяйства и деревенского сообщества для молодежи появляется выбор других путей. Именно поэтому сельская миграция всегда имела ярко выраженную возрастную специфику, захватывая преимущественно людей молодого возраста, которые подпитывают миграционные потоки в города на протяжении всего XX века.

Следует отметить изменение социальной роли сельской миграции во второй половине XX века. Вместе с ростом размеров миграционных потоков и их интенсивности усиливается пространственный разрыв между мигрантами и местом их выхода. Развитие межрегиональных миграций приводит к разрушению родственных и соседских связей. Миграция, несмотря на рост количественных показателей, утрачивает свою роль трансляции новых образов и ценностей и уступает это место другим информационным каналам – телевидению, радио, кино, средствам массовой информации, значение которых в формировании мотивации сельских мигрантов возрастает. Происходят изменения в возрастной структуре сельских мигрантов, среди которых помимо молодежи начинают преобладать лица пожилого возраста, покидающие в 1960–1980-е гг. родные места для воссоединения с уехавшими раньше детьми.

Если подходить историографически к вопросу о роли факторов развития расселения в целом и миграции в частности, то складывается любопытная картина. Первоначально, на раннем этапе формирования науки о расселении, который был связан с именами известных географов конца XIX – начала XX века – А.П. Щаповым, В.П. Семеновым-Тянь-Шанским, А.И. Войковым и др., природно-географический фактор считался наиболее значимым. В 1920-е гг. в рамках марксистско-ленинской методологии базисными понятиями стали производительные силы и производственные отношения, которые определяли, по мнению классиков, все другие стороны жизни общества. Соответственно в исследовательской практике утвердилась новая схема «производство – расселе-

ние», в контексте которой проводился анализ поселенческой сети (1; 6, 71; 7, 11).

В 1980–1990-е гг. при изучении расселения акценты начинают смещаться в сторону народонаселения и миграционных процессов. Таким образом, в отечественной науке взаимосвязь миграционных процессов с расселением и урбанизацией общества стал изучаться сравнительно поздно, что влияет на общий уровень разработки данной проблемы. Одной из причин этого отставания видится междисциплинарный характер изучаемых процессов, находящихся в точке пересечения географии, демографии, социологии, истории. В каждой из перечисленных дисциплин достигнуты свои результаты, интегрировать которые бывает весьма затруднительно из-за несопоставимости методических и методологических подходов и различий в понятийном аппарате.

Впервые на роль миграционных процессов в развитии урбанизации обратил внимание Дж. Джигбс, который еще в 1963 г. подчеркнул тесную связь миграционных потоков с определенной стадией расселения. Всего он выделил пять стадий урбанизационной перестройки общества:

- на *первой стадии*, по его мнению, наблюдается преимущественное развитие сельской местности и, соответственно, города, вписанные в сельские ареалы, остаются в росте;
- *вторая стадия* урбанизации связана с ростом сельской миграции и усилением темпов роста городов при замедлении развития сельской местности;
- на *третьей стадии* определяющим становится процесс оттока сельских жителей в города;
- *четвертая стадия* соотносится Дж. Джигбсом с кульминацией стягивания населения в большие города и агломерации при одновременной потере населения малыми городами;
- заключительная, *пятая стадия цикла* характеризуется деконцентрацией населения, ростом людности малых поселений, в том числе вне агломераций.

Приведенная выше схема подчеркивает фундаментальную закономерность динамики расселения, которая нередко обозначается как пульсация. За каждой стадией концентрации расселения следует деконцентрация. Идеи Дж. Джигбса стали толчком к разработке других стадийальных теорий расселения, в основе которых лежали исследования особенностей миграционных процессов. В отечественной науке системные подходы получают распространение в 1980-е гг. В частности, идеи пульсации расселения были поддержаны Б.Б. Родоманом (8, 75–82), который, исследуя маятниковую миграцию населения, пришел к аналогичным выводам. Он предложил применить это понятие не только к характеристике региональных систем, но и локальных и, собственно, первичных элементов поселенческой сети – населенных пунктов. В результате в литературе утверждаются представления о «низкочастотных» и «высокочастотных» пульсациях. Первые определяют направление развития системы в целом, высокочастотные пульсации (суточные, недельные, годовые) просматриваются на уровне микроструктур и определяют жизненные циклы отдельных поселений (5, 86).

Идеи стадийального развития поселенческой сети с учетом влияния демографического фактора были рассмотрены в работах Ж. А. Зайончковской (3). В соответствии с уровнями модернизации общества (аграрным, индустриальным и постиндустриальным) она выделила три этапа эволюции расселения: аграрное, индустриальное и постиндустриальное (см. табл. 1). Причем важнейшим критерием данных этапов выступают особенности миграционных процессов, которые определяют общие тенденции перестройки расселения на разных стадиях.

Для нас важно соотнести вектор развития расселения с характером миграции, которая становится неотъемлемой чертой урбанизации. Эта связь представлена в табл. 1 и позволяет сделать вывод об общей совместимости теорий урбанизации и миграционных процессов, которые имеют четкую стадиальную привязку. Причем на каждой стадии общий характер миграции меняется, определяя особенности того или иного этапа (см. табл. 1).

Стадиальные подходы к изучению поселенческой сети нашли отражение в работах других исследователей. В частности Г. В. Иоффе, много внимания уделявший проблемам управления расселением, пришел к аналогичным выводам о цикличности развития поселенческих систем. Им были выделены следующие стадии эволюции расселения с учетом его форм: равномерное; очаговое; агломерационное (4, 181).

В 1990-е гг. в зарубежной литературе идеи стадильной эволюции расселения получают дальнейшее развитие в теории дифференциальной урбанизации (Ричардсон, Филдинг и др.), в которой уточняются стадии развития расселения с учетом взаимодействия разных категорий городов, направленности и интенсивности миграционных потоков. Процессы урбанизации рассматриваются в виде пульсаций, стадии концентрации и децентрации населения чередуют друг друга, дифференцируя миграционные потоки и рост поселений (1, 172). Характерно, что теория Дж. Джиббса и концепция дифференциальной урбанизации не противоречат, а напротив, дополняют друг друга: последняя позволяет более подробно описать высшую стадию урбанизации – урбанизационный переход.

В целом, с учетом миграционного контекста выде-

Таблица 1

Схема соотношения стадий модернизации и урбанизации в историческом процессе

Стадия развития общества	Стадии эволюции расселения по схеме Ж. А. Зайончковской	Стадии урбанизации по схеме Джиббса	Вектор развития расселения	Характер миграции
Аграрное (традиционное) общество	Аграрная стадия Сельское и городское расселение развиваются параллельно, автономно. Рост городской сети идет при одновременном расширении сельской поселенческой сети. Пополнение численности горожан осуществляется за счет естественного прироста и частично, за счет демографических ресурсов сельской местности	1 – городское расселение вписано в сельское, города отстают в своем росте	Децентрация населения, рассредоточение его по мелким населенным пунктам	Наблюдается низкий естественный уровень миграции в основном в рамках локальных систем: между селом и городом, между селом-селом
		2 – ускорение роста городов и замедление роста села	Начальная стадия концентрации населения	Усиливается миграция сельского населения в более крупные поселения, в том числе городские центры
Индустриальное общество	Индустриальная стадия Активное развитие городской поселенческой сети и прежде всего крупных городов за счет сокращения численности и людности сельских поселений. Сокращение людности малых городов	3 – потеря сельской местностью населения и рост городов	Наращивание процессов концентрации, формирование групповых систем расселения	Преобладающим становится направление миграции «деревня – город»
		4 – кульминация стягивания населения в крупных городах и формирование агломерация	Достижение максимально возможного уровня концентрации населения. Возникновение новых форм концентрации населения, связанных с развитием агломераций и мегаполисов	Миграция из деревни в город постепенно вытесняется миграционными потоками «малый город – большой город»
Постиндустриальное общество	Интегрированная стадия Формирование новых форм интегрированного расселения – агломераций и мегаполисов.	5 – дезурбанизация	Децентрация населения	Усиливаются обратные миграционные потоки по направлению. «крупный город – пригород – сельская местность». Маятниковая миграция начинает преобладать над постоянной
			Перемещение центров концентрации в мелкие города и пригороды, формирование вариантов мобильной концентрации населения	Преобладающей формой становится маятниковая миграция

ляются две стадии урбанизационного перехода: экстенсивная и интенсивная. Для интенсивной стадии характерно превалирование маятниковых перемещений над миграцией из села в город, формирование зон высокоурбанизированной среды в рамках агломераций и мегаполисов, где сельские и малые поселения интегрируются в единое целое на основе тесных хозяйственных связей, единой инфраструктуры. Важен и еще один аспект интенсивной стадии урбанизации – сельские поселения по своему уровню благоустройства, интенсивности связей с городскими центрами, образу жизни мало отличаются от малых и средних городов. В городских поселениях сосредотачивается свыше 75% населения страны, и эти пропорции сохраняются. Ряд западных европейских стран приблизились к этой стадии в 1980–1990-е гг. (9, 42).

Таким образом, с переходом к индустриальному обществу роль демографического фактора резко возрастает: от него в значительной степени зависит динамика и направленность развития поселенческой сети. Эффект демографического взрыва, свойственный ранней стадии демографического перехода, объективно способствует расширению системы расселения, росту числа городских и сельских поселений, который мы можем наблюдать вплоть до конца 1930-х гг. Дальнейшее развитие процессов урбанизации и связанное с этим сокращение численности сельского населения закладывает предпосылки к сжатию, сокращению сельской поселенческой сети. Село теряет население за счет миграции и снижения рождаемости, и это приводит к измельчанию значительной части населенных пунктов и исчезновению многих из них.

Стадиальные концепции эволюции расселения позволяют более глубоко осознать внутренние механизмы развития поселенческой системы, а также роль разных факторов, среди которых особое место занимают демографические процессы. Показательно, что *в условиях урбанизации динамика и направление развития расселения все сильнее зависит от интенсивности и направленности миграционных потоков*. Они не только выступают весомым дополнением к процессам естественного движения населения, но во многом определяют картину, влияя как на динамику, так и на структуру населения региона.

Миграцию следует рассматривать как закономерный процесс, но ее формы и последствия во многом определяются политическими влияниями. Для советской России особую роль в развитии миграционных процессов сыграла политика государства, связанная с коллективизацией, индустриализацией, репрессиями, которые привели к неоправданным деформациям естественных процессов и способствовали ускоренному истощению демографических ресурсов деревни. Во второй половине XX века значительное влияние на темпы и уровень сельской миграции оказала политика укрупнения колхозов и сселения малых неперспективных деревень, в результате чего системный кризис сельской местности стал более глубоким, приводя в ряде районов к деградации сельской местности.

В результате постперестроечных процессов произошло дальнейшее разрушение российской деревни, которое мы можем наблюдать сейчас. Выход из этой ситуации возможен также только политическими мерами.

Список литературы

1. *Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен*. М., 2001.
2. *Давидович В.Г. Расселение в промышленных узлах*. М., 1960.
3. *Зайончковская Ж.А. Демографическая ситуация и расселение*. М., 1991.

4. *Иоффе Г.В. Управление расселением: возможности и ограничения // Методы изучения расселения*. М., 1987.
5. *Комель Т. Стадиальная концепция урбанизации: Методология и методы анализа // Методы изучения расселения*. М., 1987.
6. *Покшишевский В.В. Население и география. Теоретические очерки*. М., 1978.
7. *Расселение: Вопросы теории и развития (на примере Украинской ССР)*. Киев, 1985.
8. *Родман Б.Б. Роль теоретической географии в улучшении территориальной организации общества // Исследования методологических проблем географии в Эстонской ССР: Тез. докладов*. Таллин, 1987.
9. *Сенявский А.С. Урбанизация России в XX веке. Роль в историческом процессе*. М.: Наука, 2003.

О.В. Тетюева
г. Курган

ЭВОЛЮЦИЯ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ОЦЕНОК ДВИЖЕНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

Движение декабристов – явление, безусловно, подробнейшим образом изученное историками, писателями, политологами и другими специалистами, кого так или иначе волнует данная тема. События 14 декабря 1825 г. были восприняты неоднозначно, поэтому появился значительный комплекс монографий, статей, сборников документов. После следствия и суда более ста человек были сосланы на каторгу и поселение в Сибирь. Таким местом ссылки был и маленький уездный город Курган, куда были сосланы 13 декабристов. Несмотря на значительный историографический материал в целом по декабризму, по пребыванию декабристов в Кургане очень немного сведений.

После восстания на Сенатской площади Николай I издает Манифест, подписанный 19 декабря 1825 г., в котором делит участников восстания на заблуждавшихся и злоумышленников, которые использовали Имя Цесаревича Константина Павловича как предлог, чтобы исполнить злые замыслы, давно уже составленные и обдуманные. В данном Манифесте Николай I уделяет внимание тем людям, которые оказались в тот роковой день преданными Ему, готовых по первому знаку Государя своего карать непокорных.

В Европе также появляются оценки данного события, где не было единого мнения на данное событие. Одни осуждали самодержавие и отвергали мнение, что данный заговор был дворянский. Другие, наоборот, считали, что революционный путь декабристов преступен, а республиканские идеи безумны.

В 60-е гг. XIX в. А.И. Герцен и Н.П. Огарев, которые были сосредоточены на общей картине русского революционного движения, поддержали идею декабристов. Они считали движение декабристов началом революционной борьбы.

В 70-80-е гг. XIX в. революционная тенденция в исследовании декабристов заметно снижается. В официальной науке преобладает мнение о декабристах как об исторической случайности.

В марксистской литературе (статьях и выступлениях В.И. Ленина) вновь подчеркнута революционность декабристов и определяется их место в русском освободительном движении, мысль о борьбе с царизмом и крепостничеством (1).

Марксистско-ленинская историческая наука выдвигает на первый план антифеодальный характер идеологии декабристов, их борьбу против крепостного права и

самодержавия, против феодально-крепостного строя царской России. Она рассматривает их идейную работу и открытое выступление как органический элемент смены общественно-исторических формаций – смены феодализма капитализмом.

В 20-40-х гг. XX в. происходит переоценка восстания декабристов. Были опубликованы сборники новых материалов и статей, где декабристы представлены как борцы, за права и свободы угнетенного народа. Уделяется большое внимание и роли личности в восстания, восхваляются «истинные» борцы за свободу, идейные вдохновители, организаторы восстания (2).

В конце 40-х гг. появляются исследования М.В. Нечкиной. Ею раскрыты как общие аспекты движения декабристов, периодизация, основные подходы к восстанию, так и отдельные личности (их связи с движением декабристов, а также их следственные дела) (3).

Начиная с 50-х гг. XX в. проблема исследования движения декабристов, а также их роли в развитии тех областей, где они находились на каторге или в ссылке, становится более актуальна, и все больше исследователей обращаются именно к данной проблематике. Историки (50-х гг.) понимают декабристов как представителей нового в борьбе со старым и подчеркивают революционное значение открытого выступления против царизма. Изучаются республиканские идеи декабристов, впервые появившиеся как политическая программа в истории русской революции. Подчеркивается связь революционных поколений, отчетливо характеризуется место декабристов в истории русского революционного движения: они стоят в начале русской революционной борьбы, с них начинается ленинская периодизация русского революционного движения (1). Историки подчеркивают, что декабристы – это представители дворянского сословия. Особое внимание привлекает вопрос об отношении декабристов к народу. Декабристы «страшно далеки» от народа, они не обратились к массе, к народу как к активной силе движения, они боялись самостоятельного участия народа в революционной борьбе. Декабристы послужили истории освобождения России и движению ее вперед: они принадлежали к тем лучшим людям из дворян, которые «помогли разбудить народ» (4).

Ученые в своих исследованиях опираются на воспоминания, мемуары, письма, где декабристы излагают свою «правду» и анализируют причины неудачи на Сенатской площади.

Наравне с общими трудами по истории декабризма, выпущенными в Москве и Ленинграде, имеются отдельные труды по истории регионов: Томск, Иркутск, Псков, Чита, Новосибирск, Тюмень, Якутск, Воронеж, Ставрополь, Пермь, Минск, Красноярск, Тула, Пенза, Сухуми, Кишинев, Ростов-на-Дону, Саратов, Свердловск, Ярославль, Днепропетровск, Саранск, Архангельск, Киев.

Во второй половине XX в. появляются общие исследования по истории декабристского движения, о тайных организациях, большое внимание уделяется личностям Декабря, которые являются людьми творческими, подчеркивается их связь с культурой (5). Продолжают публиковаться монографии, письма, воспоминания, записки декабристов (6). Уделяется особое внимание изучению документов, материалам Дела Верховного уголовного суда и Следственной комиссии (7). Не осталось без внимания и изучение взглядов декабристов (8). Исследованиям Сибири также посвящены отдельные статьи, монографии (9).

Краеведческий материал по истории пребывания декабристов в Кургане представлен достаточно ограниченно, в основном материалами советского периода. К этому периоду относятся комплексы монографий, исследова-

ния о природе возникновения декабризма, о роли и значении декабристов для развития Сибири. Появляются материалы историографического характера (10), сборники статей, отдельные журналы по периоду пребывания декабристов в ссылке и на каторге (11) и т.д. Также продолжают исследоваться и персоналии (публикуются записки, воспоминания декабристов-участников выступления 14 декабря 1825 г.) (12).

Современные исследования по истории декабризма разнообразны (13). И хотя в последнее время появилось множество работ, принижающих значение восстания, большинство историков схожи во мнении, что движение декабристов оставило незабываемый след среди правящей элиты. Безусловно, необходимо отметить стремление декабристов к решению назревших общественных проблем, их самоотверженность, способность отстаивать свои убеждения и не отказываться от них (хотя это относится далеко не ко всем декабристам). Деятельность декабристов являлась примером для других молодых людей, недовольных существующими порядками – борцов за свободу (А.И. Герцен, Н.П. Огарев, петрашевцы и др.). Отправленные на каторгу и в ссылку декабристы не изменили своим убеждениям. Благодаря переписке со своими родственниками, которые пересылали им не только денежные средства, но и книги, журналы, ссылки декабристы находились в курсе российских и зарубежных политических событий. Неоценим их вклад в развитие просвещения и культуры Сибири.

Актуальные проблемы и новые подходы эволюции историографических концепций изучения движения декабристов наиболее полно обозначены в сборнике, посвященном 180-летию восстания декабристов, где отражены современные подходы к исследованию важнейших проблем истории этого движения (14).

Г.Д. Казьмирчук, Ю.В. Латыш в своей статье выделили два пути изучения проблем декабристского движения на постсоветском пространстве:

1) уточнение и конкретизация известных фактов, поиск и публикация малоизвестных документов, изучение историографических и краеведческих сюжетов декабризма (С.Ф. Коваль, С.В. Мироненко, Э.А. Павлюченко, А.В. Семенова, В.А. Федоров, Г.А. Невелев, Г.Д. Казьмирчук);

2) кардинальное переосмысление движения декабристов, переоценка его роли в истории России и Европы (в основном молодые ученые).

После распада СССР изучение феномена декабризма и его влияние на ход исторического процесса переживает довольно сложный процесс переосмысления, так как господствующими историографическими концепциями советского периода являются концепция М.Н. Покровского и М.В. Нечкиной. В начале 1990-х годов переосмысление исторического наследия зачастую сводилось к замене положительных знаков отрицательными и наоборот, популярными стали поиски корней большевизма. Современные ученые выделяют еще одно условие, являющееся мотивом для восстания на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. – это междуцарствие. В историографии отсутствует общепринятая концепция междуцарствия, но существует ряд версий, принадлежащих С.В. Мироненко, Я.А. Гордину, М.М. Сафонову, Т.В. Андреевой. В статье особо отмечена роль сибирских декабристов, широко практикующих краеведческие исследования. Большинство сибирских краеведов акцентируют внимание не на политическом содержании проблемы «декабристы и Сибирь», а на огромном вкладе поселенцев в культурное развитие края.

Таким образом, в одних исследованиях акцент делается на тайные организации, программные требования восставших; другие, напротив, восхваляют отдельные

личности и их значение в подготовке и проведении восстания на Сенатской площади. Однако существует и противоположная точка зрения, что декабристы – это историческая случайность, то есть некоторые современные исследователи вновь возвращаются к дореволюционным концепциям.

По революционным движениям (15), движению декабристов (16), общественно-политическим взглядам декабристов (17) и персоналиям написаны ряд диссертационных работ. Однако по истории пребывания декабристов в Кургане и об их влиянии на жизнь и быт курганцев диссертации отсутствуют.

Советская точка зрения Н. Лапина, В. Горелова, А. Курочкина, А. Минского основана на концепции В.И. Ленина о том, что декабристы – это дворянские революционеры. «Находясь в ссылке, декабристы, сохранившие после расправы над ними революционное мировоззрение, продолжали выступать против самодержавия».

В 1997 г. в Кургане вышел сборник материалов (докладов, сообщений), отражающих содержание выступлений участников «круглого стола» «Декабристы в Сибири: проблемы, исследования, открытия», проведенного в г. Кургане. «Круглый стол» посвящен 20-летию Курганского музея декабристов и 170-летию восстания декабристов. В этом сборнике профессор В.В. Пундани в статье «Декабристская курганиада в литературе» описал изучение пребывания декабристов в Кургане (18). Особое место в статье занимает описание научной деятельности преподавателя Курганского пединститута Н.А. Лапина как первого исследователя Зауралья, занимавшегося изучением данной проблемой, его вклад в изучение пребывания декабристов в Кургане. «Историк осветил практические не изученный в то время вопрос о социально-политических взглядах и общественной деятельности декабристов на поселении в Кургане, установил точное время нахождения ссыльных в нашем городе... раскрыл наиболее важные страницы жизни декабристов, сосланных на поселение в Курган, оценил ту роль, которую они сыграли в истории города».

Не оставлены без внимания и другие ученые-декабристоведы, продолжившие изучение проблемы пребывания декабристов в Кургане и Сибири: Б.Н. Карсонов, О.С. Тальская, В.И. Бездомов, Ю.М. Курочкин, Е.С. Колупаева, В.В. Пундани, Л.Н. Большаков, Г.И. Курныкина, Т.С. Мамсик, сотрудники Дома-музея декабристов в Кургане С.Н. Малых, Л.П. Ковалева, Н.Б. Подливалова и др.

Автор указывает, что ценные сведения о пребывании 13 декабристов на земле курганской имеются в книге П.И. Рощевского «Декабристы в тобольском изгнании», а также в документальной серии «Полярная Звезда», «Литературные воспоминания» и «Хрестоматии по истории Курганской области (досоветский период)». Однако В.В. Пундани затрагивает вопросы, которые и на современном этапе являются актуальными: как же декабристы, прошедшие в сибирской каторге и ссылке свои лучшие годы, оценивали этот период в их судьбе, саму Сибирь, думали ли они о будущем этой российской окраины?

В.В. Пундани также была опубликована статья «А.С. Пушкин и декабристы в памяти россиян», посвященная научно-практической конференции «А.С. Пушкин и декабристы», прошедшей в Доме-музее декабристов, в которой принимали участие представители научных кругов, музеев, архивов, учащиеся школ, журналисты, краеведы Кургане, гости из Ялуторовска, Туринска, Тобольска.

В статье говорится о пребывании декабристов в Кургане, об их интересах, духовной жизни, о том, что участники декабристского движения думали не о себе только, они размышляли о судьбах России, ее народа, поэтому и поднялись на восстание, в случае победы которого

надеялись свергнуть монархию, сбросить с народа оковы крепостного права (19).

В настоящее время вопросами изучения пребывания декабристов в Кургане занимаются А.М. Васильева, В.Н. Синько [20], Н.В. Бердюгина, Е.А. Сечко [21].

Таким образом, на современном этапе происходит сложный процесс переосмысления значения восстания декабристов, его влияния на политическую, культурную жизнь российского общества первой половины XIX века.

Список литературы

1. Ленин В.И. Памяти Герцена // Полн. собр. соч. Т. 21. С. 225-262.
2. См.: работы Дружинина Н.М., Клевенского М., Маркелова М., Раткевич К., Нейман, Б.В.
3. Декабристы на каторге и в ссылке: сборник новых материалов и статей. Л., 1925;
4. Каторга и ссылка. Историко-революционный вестник, Кн. 21. М., 1925;
5. Нечкина М.В. Грибоедов и декабристы. М., 1947; Нечкина М.В. Пушкин и декабристы. М., 1949; Нечкина М.В. Следственное дело о Грибоедове. М.-Л., 1945; Нечкина М.В. Декабристы. М., 1949.
6. Нечкина М.В. Движение декабристов. М., 1955. Т. 1.
7. См.: работы Базанова В.Г.; Мейлах Б.С., Декабристы-литераторы. М., 1954, 1956. Т.1,2. Кн.1,2.
8. См. работы: Барановской М.Ю., Василенко В.Е., Васильева А., Ивановой В.П., Медведской Л.А., Окунь С.Б., Павловой Л.Я., Смирнова И.С., Васильевой А.М., Афанасьева В.В., Ягунина В.П., Шатровой Г.П., Мироновой И.А., Лебедева Н.М.
9. Волконская М.Н. Записки княгини М.Н. Волконской. Чита, 1956; Воспоминания Бестужевых. М.Л., 1951; Мемуары декабристов: сев. о-во. М., 1981; Мемуары декабристов: юж. о-во. М., 1982; Мемуары декабристов. М., 1988; Эйдельман Н.Я. Лунин. М., 1970; Басаргин Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988; Басаргин Н.В. Записки. Красноярск, 1985; Батеньков Г.С. Сочинения и письма, Т.1: Письма (1813-1856). Иркутск, 1989; Бриген А.Ф. Письма; Исторические сочинения. Иркутск, 1986; Лорер Н.И. Записки декабриста. 2-е изд. Иркутск, 1984; Лунин М.С. Сочинения, письма, документы. Иркутск, 1988; Штейнгейль В.И. Сочинения и письма. Иркутск, 1985; Розен А.Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984; Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности, Т.1, Т.2. Иркутск, 1983, 1987.
10. Восстание декабристов: Т.7, Т.9, Т.10, Т.13, Т.14, Т.15, Т.16, Т.17, Т.18: Дела Верховного уголовного суда и Следственной комиссии. М., 1958, 1950, 1953, 1975; 1976, 1979, 1986, 1980, 1984. См.: работы М.В. Нечкиной.
11. Габов Г.И. Общественно-политические и философские взгляды декабристов. М., 1954; Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, Т.1, Т.2, Т.3. М., 1951; Орлик, О.В. Декабристы и европейское освободительное движение. М., 1975; Освободительное движение в России: Межвузовский науч. сборник. Саратов, 1971. Вып.1, 2, 3.
12. См. работы Чуковской Л.К., Павлюченко Э.А., Постнова Ю.С., Рощевского П.И., Болоцких В.Н.; сборники статей: Дум высокое стремление. Декабристы в Сибири (Иркутск); Из истории просвещения Восточной Сибири (Иркутск); Декабристы и Сибирь (Новосибирск); Сибирь и декабристы: Сборник. Иркутск, 1981, 1983, 1985, 1988. Вып.2, 3, 4, 5; Ссылные декабристы в Сибири: Сборник статей. Новосибирск, 1985; Декабристы в Сибири. Новосибирск, 1952; Гессен А.И. Во глубине сибирских руд: декабристы на каторге и в ссылке. М., 1965; Исторические памятники Курганской области. Курган, 1960; Декабристы в Восточной Сибири: Фотоальбом. Иркутск, 1976; Декабристы в Кургане: материал в помощь лектору. Курган, 1973; Своей судьбой гордимся мы. Декабристы в Сибири. Иркутск, 1973; ...В потомках ваше племя оживет...: воспоминания о декабристах в Сибири. Иркутск, 1986; Декабристы в Сибири: библиогр. указ. Иркутск, 1985; Декабристы и Сибирь: альбом. М., 1988; Дом-музей декабристов в Кургане. Челябинск, 1987; Лунин М.С. Письма из Сибири. М.,

- 1988; *Сибирские письма декабристов, 1838-1850*. Красноярск, 1987;
10. Казьмирчук Г.Д., Рафальский О.А. *Освещение проблемы «Декабристы и Сибирь» в отечественной литературе 1975-1985 гг.* Киев, 1987.
 11. Штрайх С.Я. *Декабристы на каторге и в ссылке*. М., 1926. Из «Каторги и ссылки», 1926. №8; Покровский М.Н. *Декабристы. Сборник статей*. М.-Л., 1927.
 12. *Записки Н.В. Басаргина / Под ред. П.Е. Щеголева*, 1917.
 13. *Забвению не подлежит! Материалы «круглого стола» «Декабристы в Сибири: проблемы, исследования, открытия» (14 декабря 1995 г.)*. Курган, 1997; 14 декабря 1825 года: источники, исследования, историография, библиография. СПб., 2005. Вып. 7: 1825 - 2005; *Восстание декабристов. Документы, Т.ХІХ, Т.ХХ: Дела Верховного уголовного суда и Следственной комиссии*. М., 2001; *Движение декабристов. Указатель литературы. 1977-1992*. М., 1994; Ильин П. В. *Новое о декабристах. Прощенные, оправданные и необнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825-1826 гг.* СПб., 2004; Н.Муравьев. *Письма декабриста. 1813-1826 гг.* М., 2000.; Эйдельман Н. *Удивительное поколение. Декабристы: лица и судьбы*. СПб., 2001.
 14. *Декабристы: Актуальные проблемы и новые подходы / Отв. ред. О.И.Киянская*. М., 2008. 721с. // Г.Д.Казьмирчук, Ю.В.Латыш (Киев) *Современное декабристоведение на постсоветском пространстве. Становление, проблематика, научные центры и перспективы развития*. с. 640-662.
 15. *См. диссертационные работы: О.Ю. Абакумова, Я.К. Духина, О.В. Матвеевой*.
 16. *См. диссертационные работы: К.Д. Аксенова, Д.С. Артамонова, Л.Г. Бавиной, Н.Н. Баландиной, В.Н. Болоцких, Т.А. Бочановой, Е.В. Вагановой, О.В. Лысиковой, Е.В. Мирзоян, Г.И. Петровой, М.И. Серовой, Л.А. Сокольского, Е.Н. Туманик, С.В. Федосовой, Г.П. Шатровой, С.Е. Эрлих, Е.А. Ячменева*.
 17. *См. диссертационные работы: А.В. Авксентьева, А.И. Махоина, Л.Б. Нарусовой, В.С. Парсамова*.
 18. Пундани В.В. *Декабристская курганиада в литературе*. Курган, 1997// *Материалы «круглого стола» «Декабристы в Сибири: проблемы, исследования, открытия» (14 декабря 1995 г.)*. Курган, 1997.
 19. Пундани В.В. *А.С. Пушкин и декабристы в памяти россиян // Пундани В.В. Избранное. Страницы пройденного: Сб. научн. тр.* Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2010. С. 201- 210.
 20. *Материалы III-й межрегиональной научно-практической конференции «Зырянские чтения», Курган, 23-24 ноября 2005 г.* Курган, 2005.
 21. *Материалы Всероссийской научно-практической конференции «V Зырянские чтения», Курган, 12-14 декабря 2007 г.* Курган, 2007.

Л.В. Котович
Новосибирский государственный
педагогический университет

«ПИСЬМА ИЗ ДАЛЁКА»: СООБЩЕНИЯ КРЕСТЬЯН О ЗАРУБЕЖНЫХ ПОЕЗДКАХ (ПО МАТЕРИАЛАМ СИБИРСКИХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЖУРНАЛОВ НАЧАЛА ХХ ВЕКА)*

Обращение к сообщениям крестьян о зарубежных поездках связано с тем, что, во-первых, они позволяют судить о «формировании критического отношения к аграрной традиции, возникновении в крестьянском мировос-

приятии установки на агротехнические нововведения и, в какой-то мере, вытеснения значения прошлого опыта новыми знаниями» (2, 148). Во-вторых, как отмечали корреспонденты, в начале ХХ века «за границей русского всё не своё занимает и увлекает на первых порах чрезвычайно. Он с любопытством присматривается к местоположению, образу жизни иностранцев, их правилам, обычаям, приёмам работы. И, конечно, если он знает особенно хорошо какую-нибудь область труда у себя дома, больше всего и обращает внимание на эту область за границей» (6, 4).

Соглашаясь с тем, что «первостепенное значение при изучении истории России конца XIX - начала XX в. имеют материалы тогдашней периодики» и что «фактически только в начале XX в. периодика превращается в мощный рупор настроений самых широких масс» (1, 36), источником для написания статьи я избрала материалы трёх журналов начала XX века: «Сибирская деревня», «Сибирское сельское хозяйство» и «Сибирский хозяин», в которых обнаружила крестьянские письма о зарубежных поездках. Первые два журнала - «Сибирская деревня» и «Сибирское сельское хозяйство» - опубликовали письма крестьян, которые побывали в Бразилии. В журнале «Сибирский хозяин» вышла подборка писем под общей рубрикой «Как хозяйствуют земледельцы за границей», перепечатанная из журнала «Нужды деревни». Автор, который скрывался под псевдонимом «Русский», поделился с читателями своими впечатлениями после посещения Англии, Франции и Швейцарии.

Крестьяне, столкнувшие на Родине с абсолютной или относительной нехваткой земли, описывая свои ограниченные впечатления, сообщали о том, насколько обеспечены ею земледельцы за границей. Во всех корреспонденциях авторы пишут о том, что земля, пригодных для сельскохозяйственных занятий, явно мало, более того, во французской деревне департамента Савойи «земля совсем неудобна для обработки» (9, 3), в Бразилии вообще «нет нигде новых земель, а только брошенные кулаками и никуда не годные» (3, 264), а что касается Англии, то высказывалось суждение, что Англия - «страна неземледельческая» (11, 4-5). Причины такого положения крылись, по свидетельствам авторов писем, как в природных, так и социальных условиях. При описании природно-климатических условий в Европе, писали о плохих почвах (6, 5), а о Бразилии сообщали, что там «очень жарко», даже «жара невыносимая» (4, 333) и «ливни в день два - три раза» (3, 264).

Анализируя социальные условия, которые приводили к недостатку сельскохозяйственных угодий, они обращались к вопросам землевладения. Так, отмечалось, что в Англии «земля находится в неземледельческих руках. Значительная часть земли в Англии находится во владении лордов и богачей... Кроме земли владеют ещё капиталами, то они земледелием интересуются очень мало, а отводят огромные участки под места для охоты, под разные игры..., для разведения огромных парков, под пастбища для скота, поля для разведения кроликов, куропаток и т.п.» (11, 5). В корреспонденциях высказывались резкие суждения: «от того, что многие помещики превратили свои поля в места для охоты и получают от земли неслыханные доходы, а деревни одна за другой исчезли. Всё молодое, здоровое, талантливое убежало оттуда. Кто действительно любил землю и плуг, ушёл туда, где нет помещиков: в Канаду, Новую Зеландию. Остальное население разбрелось по городам» (11, 4). Характеризуя землевладение в Бразилии, корреспонденты обращали внимание на то, «что правительство не даёт колонистам садить больше 15 кофейных деревьев на душу... потому что помещики позанимали большие плантации, А если колонисты начнут заводить кофейные

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10 - 01 - 00445 а

плантации, кто же будет работать помещикам?» (3, 265).

Описание развития сельского хозяйства за границей представлены корреспондентами, во-первых, общими итоговыми суждениями; во-вторых, частными сюжетами, которые привлекли внимание россиян. Остановившись на этих двух моментах, замечу, что Бразилия сначала избиралась как страна, куда предполагалось переехать на постоянное место жительства. Из с. Тимошенского (Ачинский уезд) сообщали следующее: «В конце 1913 г. и начале 1914 г. забродили умы наших прихожан относительно переселения в Бразилию. Приступили скоро к делу. Привёз кто-то книжечку, выпускаемую агентом переселения в Бремене г. Мицлером (собирались переселяться и под влиянием брошюры И. Гутмана – Л.К.). Выходит, что лучшей страны, как Бразилия, и нет нигде» (4, 433).

В Бразилии российские крестьяне-переселенцы отмечали низкий уровень развития сельского хозяйства. Никита Демьянович Рожков, крестьянин д. Щуровой (Енисейская губерния, Канский уезд, Ачинская волость), сообщал в письме, что в Бразилии «родится только кукуруза, видел апельсиновые деревья, но плодов нигде не видел, рис видел на испытательном казенном поле, очень плохой, ни на что не похожий» и только «кофе там родится хорошо» (3, 264).

Уровень развития сельского хозяйства в европейских странах судя по корреспонденциям оценивался высоко, характеризовался как «поразительная земельная культура» (6, 5). Оценка давалась в лирических тонах: «Глядишь на луга, и кажется тебе, что это любимое холёное дитя у матери, у которого и личико умыто, и головка расчесана, и рубашонка чистая, и обувь крепкая. На них нет ни кочки, ни канавки, ни ям, наполненных водой или заросших осою. Если где встречается болотинка, она осушена, кротороины во время сырты и разбросаны. Тоже и поля. Нет ни бугров, ни борозд, а всё оно гладкое да ровное, как накрытый стол» (6, 4).

Уровень развития сельского хозяйства, как писал корреспондент, зависел, прежде всего, от самих сельских жителей. Отмечали, что в Европе «работать на земле тут любят; работы не боятся. Тут никто не брезгает копаться в земле» (7, 3). Делался вывод, что, занимаясь сельским хозяйством, стремились к тому, «чтобы как можно больше получать дохода» (9, 4). Было замечено также, что в случае необходимости сельские жители в Европе прибегают к взаимопомощи: поддерживают на случай утраты скота; имеют общественную молочную; общественный пресс для выжимки винограда на вино (7, 4).

В сельскохозяйственных описаниях корреспонденты обращали внимание на внешний вид сельских поселений и жителей. Особое внимание уделено описанию деревенских школ и церквей. «Школы тут по внешнему виду имеют очень привлекательный вид. Попадая во французскую деревню, во многих из них самым лучшим зданием вы находите мэрию и около неё школы» (9, 3). При сравнении школы и церкви замечается: «насколько привлекательны у французов школы, настолько не приглядны церкви», которые «нисколько не украшают общего фона деревни» (9, 4). Разительно отличается описание внешнего вида европейцев и жителей Бразилии. Так, в облике первых обращалось внимание на живописные костюмы тирольцев «и судя по их костюмам и внешнему виду мужчин, женщин и молодёжи нельзя было допустить, чтобы они знали нищету или когда-нибудь не доедали» (6, 4). Н.Д. Рожков уверенно заявлял, что «народ в Бразилии очень слабый: на бразильских самых сильных пошёл бы на троих» (3, 265).

Высокой оценки удостоилось состояние путей сообщения в европейских странах, особенно это касается шоссейных дорог. Подчёркивается, что в Англии «прекрасные

дороги, кажется ещё лучше, чем дороги Швейцарии и Франции» (10, 2). Утверждается, что по шоссе, «как и по железной дороге, здесь сообщение идёт быстро, и никому никогда не грозит опасность застрять, надорвать лошадь, поломать сбрую» (10, 2). Проводится параллель с российской действительностью: «глядя на эти дороги, невольно вспоминаешь родные места: у нас не только нет таких дорог, но никто и не мечтает о них... Из-за беспутности мы теряем во времени, в цене при продаже, и при покупке того, что покупаем. А сколько животных калечится в распутицу? Сколько здоровья теряется, когда застревает в дурную погоду где-нибудь с возом? Англичанам эти мытарства не известны, не известны они и другим западным народам, ухитряющимся даже в горах устраивать и поддерживать прекрасные пути сообщения» (10, 3).

В корреспонденциях описывались конкретные проявления высокой европейской сельскохозяйственной культуры. При характеристике земледелия подчеркивалось, что «каждая пядь была обработана, каждый клочок возделан. Виноградники сменялись садами, сады огородами. Между ними шли роскошные озими, клеверная отава» (6, 4). Детально сообщалось о практике использования удобрений.

Обращаясь к проблемам животноводства, Русский писал, какое впечатление на него произвело стадо коров: «До сих пор я не видел таких коров. Вспоминаю наших коров, никак нельзя было подумать, что они из одного класса животных. Они ближе подходили к слону или носорогу, чем к нашим коровам. Все они были высокие, с толстыми шеями и огромными головами. Кресцы у них настолько широки, что на них, не шутя, можно было установать ушат. Круглый толстый хвост тоже скорее напоминал слона. Все они были на подбор одна к одной и одна на другую походили» (8, 3). Передавая своё восхищение животными, автор описал посещение молочной фермы и представил подробнейший отчёт о беседе с хозяином фермы, который с удовольствием поведал о своей работе.

Весьма любопытные предлагались зарисовки, касающиеся птицеводства. В «Письмах» Русского читаем: «О достоинстве курицы выдаётся на руки хозяину удостоверение, которое и служит для курицы дипломом, а отчёт об испытании печатается в газетах. После этого кур посылают на выставку. Получившие награду на выставке курица или петух покупаются на расхват любителями. За петуха иногда платят такие деньги, за какие у нас в России можно купить тройку лошадей» (11, 4). В связи с птицеводством детально представлена селекционная работа, которая проводилась в Англии.

Письма крестьян, побывавших за границей, демонстрируют «механизмы освоения человеком окружающего мира, трансформации внешних стимулов во внутренние концепты и представления» (12, 5). Судя по популярности сельскохозяйственных журналов в среде сибирских крестьян в начале XX века (об этом неоднократно писали сами крестьяне; процитирую К.Потанина, крестьянина с. Таштыпского Минусинского уезда: «Вчера приехал с детьми с покоса и после 6-ти дневного труда с литовкой в руках...выпарился в бане и набросился на № 9 Справочника» (5, 27)), можно делать выводы о том, что заграничные впечатления вызывали интерес у читателей, а сельскохозяйственные практики европейских крестьян могли послужить стимулом для жителей сибирской деревни.

Список литературы

1. Ганелин Р.Ш., Куликов С.В. Основные источники по истории России конца XIX – начала XX в.: Учебное пособие. СПб.: Изд-во Д. Буланина, 2000.
2. Гордон А. Пореформенная российская деревня в цивилиза-

- ционном процессе // *Рефлексивное крестьяноведение. М.: МВШСЭН, РОССПЭН, 2002.*
3. *Ещё о переселении в Бразилию // Сибирское сельское хозяйство. 1914. № 8 – 9.*
 4. *Переселенцы в Бразилию // Сибирское сельское хозяйство. 1916. № 10.*
 5. *Корреспонденции // Сибирская деревня. 1913. № 12.*
 6. *Русский. Как хозяйствуют земледельцы за границей. Письма русского. Письмо первое // Сибирский хозяин. 1907. № 16.*
 7. *Русский. Как хозяйствуют земледельцы за границей. Письма русского. Письмо второе // Сибирский хозяин. 1907. № 17.*
 8. *Русский. Как хозяйствуют земледельцы за границей. Письма русского. Письмо третье // Сибирский хозяин. 1907. № 18.*
 9. *Русский. Как хозяйствуют земледельцы за границей. Письма русского. Письмо пятое // Сибирский хозяин. 1907. № 19.*
 10. *Русский. Как хозяйствуют земледельцы за границей. Письма русского. Письмо шестое // Сибирский хозяин. 1907. № 20.*
 11. *Русский. Как хозяйствуют земледельцы за границей. Письма русского. Письмо девятое // Сибирский хозяин. 1907. № 32.*
 12. *Сибирское общество в условиях трансформаций конца XIX – начала XX вв.: идентичность и стратегии поведения: Коллективная монография / Под редакцией Т.А. Сабуровой. Омск: Амфора, 2009.*

М.Н. Федченко

Курганский государственный университет

ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ 1950 – 1960-Х ГОДОВ О СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ И КОМСОМОЛЕ

Предполагая, что в недалеком будущем российские историки очевидно будут заимствовать некоторые концепции зарубежных исследователей о советской молодежи и комсомоле, считаем необходимым дать краткий обзор этой литературы.

В 1950 – 1960-е годы ведущими специалистами Запада по советской комсомольско-молодежной проблематике считались американские историки М. Фейнсон и Р. Фишер. В 1951 году вышла статья М. Фейнсона «Комсомол и проблемы молодежи в условиях диктатуры» (1). Эта статья несколько позднее вошла в его книгу «Как управляется Россия» (2). Одной из характерных черт советского тоталитаризма автор считал то особое внимание, которое режим уделял молодежи, влияя на нее при помощи комсомола, осуществляя диктат над волей и интересами широких масс юношества.

Американский историк Р. Фишер подготовил докторскую диссертацию, а в 1959 году издал книгу «Образец для советской молодежи. Изучение съездов комсомола. 1918 – 1954 гг.» (3). Автор первым из зарубежных исследователей попытался изложить всю историю ВЛКСМ, опираясь на опубликованные материалы комсомольских съездов и статьи, вышедшие в СССР и других странах. Он лично знакомился с жизнью советской молодежи, побывав в нашей стране. Размер книги (300 страниц текста, более 100 страниц комментариев, несколько таблиц) позволил Р. Фишеру дать довольно полную картину истории комсомола. Особое внимание он уделил критическим материалам съездов ВЛКСМ, проблемам «демократического централизма» в союзе молодежи, партийного руководства этой молодежной организацией, пытаясь выяснить место и роль ВЛКСМ в жизни советского общества. Он писал: «Как резерв партии комсомол должен был воспитывать и учить молодежь. Как помощник партии комсомол должен был выполнять практические и безотлагательные повинности (такие, как военная и экономическая) в советском обществе» (4).

Оригинальным, непривычным для советского читателя был подход Р. Фишера к вопросу о массовости ВЛКСМ: «Партия настаивала на том, что комсомол должен быть «массовой» организацией – «массовой» в том смысле, что у него не должно быть соперников среди молодежных организаций; «массовой» в том смысле, что она должна быть как можно большей по количеству членов, которые бы находились под партийным контролем; «массовой» в том смысле, что она должна быть слишком большой и слишком рыхлой, чтобы сдерживать... свободомыслие» (5).

Р. Фишер говорил о перерождении комсомола, об утрате им самостоятельности и самостоятельности. Недостатком исследования Р. Фишера является то, что он не имел возможностей, а поэтому не использовал неопубликованные архивные источники, не учитывал особенности советской ментальности, исходил из собственного видения проблем чуждой ему страны. Следует отметить, что концепции Р. Фишера по основным вопросам истории ВЛКСМ стали господствующими в западной историографии на многие годы.

Среди работ зарубежных исследований следует, на наш взгляд, отметить докторскую диссертацию и книгу французского историка П. Желара «Массовые организации в Советском Союзе. Профсоюзы и комсомол», монографию и докторскую диссертацию американского исследователя А. Кассофа «Советская молодежная программа. Организация и сопротивление» (6), работы В. Джексона, В. Таубмана, Р. Корнелла, С. Плосса и других авторов (7).

Одним из центров изучения проблем советской молодежи являлся западногерманский город Мюнхен. Здесь в 1950 – 1960-е годы был издан ряд работ на русском языке, состоялась научная конференция «Молодежь Советского Союза» (8).

Зарубежной литературе о советской молодежи и комсомоле дан историографический анализ в кандидатских диссертациях и статьях советских авторов: Н.В. Бушмарина, Ю.Н. Верченко, Э.В. Даниленко, И.И. Ивановой, А.Н. Логинова, Р.З. Мукановой, А.Н. Мячина, Е.В. Рудневой, В.И. Салова, М.А. Соколова, В.А. Сулемова, Г.В. Ушаковой, В.В. Цыбульник, А.О. Чубарьяна, О.К. Щудро (9).

В этих работах содержалась резкая, но не всегда справедливая критика в адрес зарубежных исследователей, главным образом, по тем направлениям: партийное руководство комсомолом; место и роль ВЛКСМ в политической системе советского общества; внутренняя жизнь союза молодежи.

В оценке зарубежной историографии истории комсомола многое предстоит переосмыслить. Подчас, борясь с «буржуазными фальсификаторами» истории, советские авторы вырывали из «анализируемых» работ лишь отдельные цитаты, фальсифицируя тем самым зарубежную историографию. В 1989 году ведущими отечественными специалистами по истории ВЛКСМ было признано: «во-первых, мы практически не знаем, что написано по истории комсомола на Западе, и, во-вторых, ряд проблем партийного руководства, деятельности комсомола, молодежной политики в СССР были достаточно правильно отмечены в некоторых зарубежных работах, отнесенных в разряд фальсификаций» (10).

Зарубежная историческая литература о комсомоле и советской молодежи, опубликованная в 1970-е годы и в последующие десятилетия, в основном повторяет или конкретизирует концепции западных советологов 1950 – 1960-х годов. Она почти ничего не вносит принципиально нового. Автор надеется, что данная статья заинтересует молодых исследователей, и они внесут свой вклад в дальнейшую научную разработку поднятой нами историографической проблемы.

Список литературы

1. Fainsod M. *The Komsomol - a study of Youth under dictatorship* // *The American Political Science Review*. 1951. - № 1. P. 18 – 40.
2. Fainsod M. *How Russia is ruled*. Cambridge, Harvard University. 1958; 1963; 1965.
3. Fisher R. *Pattern for Soviet Youth. A Study of the Congresses of the Komsomol. 1918 - 1954*. N. Y., 1959.
4. Там же. С. 75.
5. Там же. С. 286.
6. Gelard P. *Les organizations de masses en Union Sovietique. Syndicats et Komsomol*. Paris, 1965; Kassof A. *The Soviet Youth Program. Regimentation and Rebellion*. Cambridge (Mass.). Harvard Univ. press, 1965.
7. Jackson W. *Young Soviets and an aging Komsomol* // *The New Russia. Communism in Evolution*. Dauton, 1968; Taubman W. *The View from Lenin Hills. Soviet Youth in Ferment*. N. Y., 1967; Cornell R. *Youth and Communism. A Historical Analysis of International Communist Youth Movements*. N. Y., 1965; Ploss S. *Political Education in the Postwar Komsomol* // *The American Slavic and East – European Review*, Vol. XV. 1956. P. 489 – 505.
8. Константинов Д. *Православная молодежь в борьбе за церковь в СССР*. Мюнхен: Институт по изучению СССР, 1956; *Молодежь Советского Союза: Сборник статей / Под редакцией А.И. Лебеда*. Мюнхен: Институт по изучению СССР, 1959; *Комсомол. Воспоминания бывших комсомольцев: Сборник статей*. Мюнхен: Институт по изучению СССР, 1960; Буря Д. *Оппозиционные настроения молодежи в годы после оттепели*. Мюнхен: Институт по изучению СССР, 1960; XIV конференция Института по изучению СССР «Молодежь Советского Союза»: *Материалы и сообщения*. Мюнхен: Институт по изучению СССР, 1962.
9. Бушмарин Н.В. *Критика буржуазной фальсификации политики КПСС по отношению к молодежи в условиях развитого социалистического общества: Дис. ... канд. ист. наук*. Калинин, 1978; Верченко Ю.Н., Чубарьян А.О. *Измышления Ральфа Фишера и правда истории // Молодой коммунист*. 1961. № 1. С. 98 – 104; Даниленко Э.В. *Критика англо-американских фальсификаторов истории ВЛКСМ: Дис. ... канд. ист. наук*. Л., 1972; Иванова И.И. *Роль комсомола в коммунистическом воспитании молодежи и ее фальсификация в англо-американской буржуазной прессе (1956 – 1976): Дис. ... канд. ист. наук*. Л., 1978; Логинов А.Н. *Критика буржуазных фальсификаций принципа партийного руководства комсомолом в условиях развитого социализма: Дис. ... канд. ист. наук*. М., 1985; Муканова Р.З. *Критика англо-американских буржуазных фальсификаторов по освоению целинных и залежных земель Казахстана (1954 – 1975 гг.): Дис. ... канд. ист. наук*. Алма-Ата, 1981; Мячин А.Н. *Критика буржуазных фальсификаций деятельности КПСС по коммунистическому воспитанию советской молодежи: Дис. ... канд. ист. наук*. Л., 1985; Руднева Е.В. *Критика буржуазных фальсификаций деятельности Ленинского комсомола как помощника и резерва КПСС в условиях развитого социализма: Дис. ... канд. ист. наук*. М., 1976; Салов В.И. *История комсомола и современная буржуазная историография // Вопросы истории КПСС*. 1972. № 3; Соколов М.А. *Критика буржуазных фальсификаций партийного руководства комсомолом: Дис. ... канд. ист. наук*. М., 1976; Сулемов В.А. *Что ни концепция, то ложь. Буржуазная «советология» о комсомоле и советской молодежи // Молодой коммунист*. 1972. № 10; Он же. *Буржуазная советология о Ленинском комсомоле и советской молодежи // Фальшивые пророки*. М.: Молодая гвардия, 1973. Вып. 3; Он же. *Фальсификация проблемы партийного руководства комсомолом в буржуазной историографии // Позывные истории*. М.: Молодая гвардия, 1973; Он же. *Критика буржуазных фальсификаций современной деятельности ВЛКСМ*. М.: Молодая гвардия, 1979; Ушакова Г.В. *Критика англо-американских буржуазных фальсификаторов деятельности КПСС в области обучения и воспитания советской молодежи (1960 – 1980 гг.): Дис. ... канд. ист. наук*. Л., 1985; Цыбульник В.В. *Разоблачение буржуазных фальсификаций деятельности КПСС по коммунистическому воспитанию советской молодежи в период развитого социализма: Дис. ... канд. ист. наук*. Киев, 1980; Щудро О.К. *Программа КПСС о воспита-*

нии нового человека и буржуазные критики: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1966.

10. *Актуальные вопросы разработки истории ВЛКСМ*. М.: ВКШ при ЦК ВЛКСМ, 1989. С. 5.

Т.Н. Шимолина

Курганский государственный университет

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЗАУРАЛЬЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМИ XVII-XIX ВЕКОВ

Время изучения такого своеобразного, уникального региона России, части территории Сибирского субконтинента, как Зауралье, учёными и краеведами насчитывает более трёх веков.

Круг авторов-историков, археологов, этнографов, демографов, фольклористов, филологов, археографов, экономистов, статистиков, естествоиспытателей, географов, биологов, ботаников, метеорологов, климатологов, экологов, геологов, архивных, музейных работников, писателей, занимавшихся различными проблемами и сторонами жизни Зауралья также насчитывает много сотен.

Невозможно воздать должное вкладу представителей всех названных научных дисциплин, учёных и краеведов-подвижников в дело изучения зауральского края во всех его ипостасях. Поэтому ограничимся анализом вклада в исследование Зауралья преимущественно гуманитариями.

Современники нового, третьего тысячелетия с благодарностью вспоминают фамилии, имена, отчества тех, кто начинал изучать зауральский регион, в котором мы живём.

В 1696-1700 гг. территорию Южного Зауралья (современной Курганской области) посетил известный русский картограф, географ, первый историк Сибири, сын боярский Семён Ульянович Ремезов. На составленную им карту была нанесена слобода Царёво Городище и её окрестности. Карта была включена в «Хорографическую чертёжную книгу» (1).

Из XVIII в. ценные сведения о Зауралье сохранились в работах крупных учёных и общественных деятелей Герарда Фридриха Миллера, Василия Никитича Татищева, Петра Ивановича Рычкова, Петра Симона Палласа, Иоганна Петра Фалька, Александра Николаевича Радищева. Достаточно подробный анализ вклада названных авторов в освещение различных вопросов истории Зауралья был уже сделан в публикациях М.М. Мозина, В.А. Кислицына и В.В. Пундани (2).

Особо отмечу, что одним из первых крупных русских учёных-историков России, побывавших в Южном Зауралье, дважды посетившем Далматовский Успенский монастырь - в 1721 и 1736 гг., был сподвижник Петра I, основоположник нашей отечественной исторической географии, этнографии, источниковедения В.Н. Татищев. В созданном им первом русском энциклопедическом словаре «Лексиконе Российском, историческом, географическом, политическом и гражданском» содержится научно-достоверная информация по истории обители - её местоположении, основателе - монахе Далмате, взаимоотношениях русских людей с местным населением, жизни монастыря и т.д. (3).

В течение XIX в. увидели свет публикации о Зауралье людей, живших здесь, посещавших этот регион по службе, оказавшихся в нём волею судьбы, сложных житейских обстоятельств.

Летом 1800 г. в Курган прибыл на поселение писатель-драматург Коцебу. Вернувшись из ссылки, он в 1806 г. в Москве издал книгу «Достопамятный год моей жизни». В ней имеются интересные сведения о Кургане времён

его пребывания в городе, облике поселения, быте, нравах, традициях курганцев (отмечены их услужливость, доброта, гостеприимство), ценах на продукты питания, дешёвизна которых удивляла автора (4).

В 1804 г. в Перми были изданы два тома «Хозяйственного описания Пермской губернии», принадлежавшие перу директора и учителя Пермской гимназии и главного народного училища этого города, географа, экономиста, историка и краеведа Н.С. Попова. В этой уникальной книге, написанной по программе Вольного Экономического общества, освещен целый комплекс вопросов об условиях жизни и деятельности крестьян Зауралья, в том числе Шадринского уезда, о влиянии социальных и природно-климатических факторов на состояние земледелия и животноводства, об орудиях крестьянского труда, о крестьянских промыслах по переработке сельскохозяйственной продукции, об аренде крестьянами пахотных и сенокосных угодий, о расслоении сельских жителей, об ассортименте продававшейся и покупавшейся ими на рынке продукции, о ценах на продукты полеводства и животноводства. Он отметил тенденцию роста цен на продукцию сельского хозяйства во времени. Информация, содержащаяся в книге, несомненно, небезынтересна и сегодня. По существу работа Н.С. Попова являлась энциклопедией не только по аграрной истории Зауралья, но и по многим другим проблемам социально-экономического характера. Не случайно труд Н.С. Попова в 1811-1813 гг. был переиздан в Санкт-Петербурге в трёх томах (5).

Ценный материал о Зауралье, о Кургане первой половины XIX в. мы находим в мемуарах, письмах, дневниках, записках оказавшихся на каторге в Сибири, на поселении в Кургане декабристов Н.И. Лорера, А.Е. Розена, М.М. и Е.П. Нарышкиных, В.К. Кюхельбекера. Интересные данные о зауральском регионе имеются в книге «Описание Западной Сибири», принадлежащей перу И.И. Завалишина, случайно попавшего в число репрессированных после восстания декабристов в 1825 г. (6).

Крупным событием в развитии зауральского, сибирского краеведения явилась публикация в 1838-1844 гг. в Москве книги русского историка-сибиряка П.А. Словцова «Историческое обозрение Сибири» в двух томах. В ней автор предпринял попытку осветить внутреннюю сторону процесса русской колонизации Сибири, отметил решающую роль вольнонародной колонизации в заселении края, прогрессивность присоединения сибирского субконтинента к России, поднял вопросы о месте Сибири в составе России, о сибирском патриотизме. Кроме исторических работ содержит богатейшие сведения по этнографии, географии, ботанике, гидрологии, метеорологии зауральского края, о менталитете его населения.

П.А. Словцов детально исследует вопрос о том, где начиналась пограничная линия России на восток от Урала в XVII в., называет реку Исеть, Катайский острог, осуждает башкирский бунт в Зауралье в 1662-1667 гг., в результате которого был сравнен с землёй Далматовский монастырь. Высоко оценивает историк роль переселенцев из Поморья в заселении и освоении Зауралья по рекам Исети, Миассу, Тоболу. Приводит сведения о времени основания многих зауральских слобод и острогов, подчёркивает важную роль для дальнейшего мирного развития Зауралья учреждения Исетской провинции и строительство крепостей и редутов в 30-х гг. XVIII в. по рекам Ую и Тоболу для отражения набегов кочевников (7). Известно, что эта фундаментальная работа П.А. Словцова вызвала много незаслуженной критики, которую автор очень переживал, искал достойный ответ. После долгих размышлений он в «Тобольских губернских ведомостях» поместил ответ на критические замечания в адрес своего труда. Ответ был предельно краток: «Напишите лучше!». Лучший, чем у

П.А. Словцова, труд по истории Сибири, хронологически охватывающий время от начала похода Ермака до 30-х годов XIX в., появился лишь в 60-х гг. ушедшего XX столетия. И действительным признанием заслуг П.А. Словцова в исследовании истории Сибири явилось переиздание его «Исторического обозрения Сибири» в Санкт-Петербурге в 1886 г. и в Новосибирске в 1995 г.

В 30-50-х годах XIX в. в центральных «Журнале мануфактур и торговли», «Журнале Министерства внутренних дел», «Журнале Министерства государственных имуществ», в «Пермских...» и «Тобольских губернских ведомостях» в «Пермском сборнике», в «Вестнике Русского географического общества» и других изданиях стали публиковаться представители зауральской интеллигенции, краеведы-священники, купцы.

В 1834 г. в «Журнале мануфактур и торговли» № 4 появилась статья сибирского купца Н.О. Пиленкова, рассказывающая о развитии за Уралом мануфактурной промышленности, «звериных и рыбных промыслов», торговли. В статье зауральского купца Петра Черняховского, опубликованной в «Журнале МВД» за 1843 г., приведены сведения, раскрывающие достаточно далеко зашедший процесс расслоения среди местных крестьян, имевших в 40-х гг. XIX в. земли, одних - от 1 до 3 десятин, других - до 100 десятин пашни, до 50-70 лошадей, 40 коров, 100 голов мелкого скота (8).

В 1852 г. в «Журнале Министерства государственных имуществ» сотрудничавший с Русским Географическим обществом шадринский священник-краевед Андрей Третьяков опубликовал интересную статью «Шадринский уезд в сельскохозяйственном отношении».

В ней освещены такие вопросы, как уровень агрикультуры, системы земледелия, техническая оснащённость, орудия труда, их усовершенствование во времени, набор сельскохозяйственных культур, их смена для повышения плодородия и др. (9).

Более широкий и глубокий анализ жизни населения этого же уезда, детальную характеристику его природных условий, ресурсов осуществил ещё один шадринский священник-краевед, также сотрудничавший с Русским географическим обществом и занимавшийся раскопками курганов Т.И. Успенский. В статьях «Очерк юго-западной половины Шадринского уезда», «Замечания о юго-западной половине Шадринского уезда Пермской губернии», «Нечто о пространстве, управлении и о прочем Далматовской монастырской вотчины и о последующих затем переменах в быту оной», опубликованных в «Пермском сборнике», «Пермских губернских ведомостях» в 1859, 1860, 1861 гг. В них мы находим описание местности, сведения о колонизации края, его освоении, о физических и нравственных свойствах народа, главных занятиях крестьян, устройстве домов, пище и одежде крестьян, их семейной жизни и родственных отношениях. Наряду с такими нравственными качествами зауральских крестьян, как «искренняя и тёплая религиозность», благочестивость, гостеприимство, общительность, нищелюбие, любовь и преданность царю, верность слову, Т.И. Успенский отмечает и приверженность местного населения старине, недоверчивость к нововведениям, праздность, леность, невоздержанность и роскошь не по состоянию, доводящие до воровства. О повстанцах Пугачёва священник говорит, как о шайке мятежников (10).

Очевидно, что в подобных оценках отчётливо прослеживается и наблюдательность автора, точность его наблюдений, глубокое понимание им менталитета людей, его земляков, энциклопедичность знаний пищевого, и одновременно идейные, политические пристрастия духовного лица в духе теории официальной народности.

В конце 50-х-начале 60-х годов XIX в. на страницах

«Учёных записок Казанского университета» и «Пермских губернских ведомостей» увидели свет публикации шадринского краеведа А.В. Серафимова, в них имеется ценная информация по географии, экономике (промышленность, скотоводство, земледелие, огородничество, скотоводство, птицеводство, садоводство, ремёсла, торговля), этническом, социальном, конфессиональном составе населения Шадринского уезда, истории его заселения, топонимике, народному образованию, административному управлению уездом, данные о гербе г. Шадринска, о его внутреннем состоянии. Одной из знаменитых ярмарок Пермской губернии - Ивановской, находившейся в Шадринском уезде, была посвящена специальная статья А. Серафимова (11).

Священник слободы Белозерской В.В. Андрианов в своих публикациях поднял ряд вопросов, отражающих историю, географию, фольклор земли Белозерской и Курганского округа в целом. Связанный своей краеведческой деятельностью с Русским географическим обществом, за свои труды он был награждён бронзовой медалью этого общества (12).

Ректор Далматовского духовного училища, протоиерей Никольской церкви Георгий Стефанович Плотников в 50-60-х годах XIX в. опубликовал ряд статей о Далматовском Успенском монастыре в «Пермских губернских...» и «Пермских епархиальных ведомостях», в «Чтениях Общества истории и древностей российских» при Московском госуниверситете. Позднее его обобщающий труд по истории Далматовского монастыря и Введенского женского монастыря в досоветский период выдержал четыре издания (последнее увидел о свет в 1906 г.).

По данным этой работы прослеживаются все наиболее важные вехи и процессы, происходившие в Приисетском крае, начиная с основания Далматовского монастыря в 1644 г. и завершая событиями середины XIX в. Наиболее ценными в книге являются сведения о времени возникновения в этом районе Зауралья селений, о расстоянии их до монастыря, о количестве дворов и душ мужского пола в них по данным проведённых переписей, о хозяйственной деятельности местного населения. Говоря о народных движениях 60-70-х гг. XVIII в. в этом районе, Г.С. Плотников употребляет такие термины, как «шайка», «враги», «крамольщики», «самозванец» (о Е.И. Пугачёве), выражая своё резко отрицательное отношение к выступлениям народных масс против социального гнёта (13).

Большой вклад в изучение Южного Зауралья внёс краевед-самоучка из государственных крестьян Шадринского уезда Александр Никифорович Зырянов, ставший выдающимся исследователем-энциклопедистом, историком, археологом, этнографом, фольклористом, географом, экономистом, статистиком, метеорологом, климатологом, писателем-демократом, гуманистом, просветителем, общественным деятелем, основоположником зауральского краеведения.

Публиковавшийся в «Пермских губернских ведомостях», «Пермском сборнике», «Сборнике Пермского земства», «Записках Уральского Общества Любителей Естествознания», «Трудах Императорского Вольного экономического общества», «Этнографическом сборнике Русского Географического общества», в журналах «Русская старина», «Древняя и новая Россия», в «Известиях Археологического общества» А.Н. Зырянов получил широкую известность и признание не только на своей малой родине, в Зауралье, на Урале, но и в Москве и Санкт-Петербурге. В общей сложности его перу принадлежит около 50 крупных работ и более 60 заметок на различные темы, так или иначе касающихся Зауралья. Труды А.Н. Зырянова получили высокую оценку учёных, его современников и удостоены серебряных медалей Русского географического

общества, Вольного экономического общества и Уральского общества любителей естествознания.

Жизненный и творческий пути А.Н. Зырянова нашли широкое отражение в публикациях его современников: А.А. Дмитриева, Д.Д. Смышляева, М. Малахова, А.Н. Афанасьева, И.А. Худякова, И.М. Первушина, П.Г. Никитина, В.Н. Шишонко.

После смерти А.Н. Зырянова в 1884 г. на 54-м году жизни ссылки на его работы, упоминания о нём встречаются в различного рода изданиях - газетах, сборниках, указателях, словарях в 90-х гг. XIX - начале XX вв.

С 30-х гг. XX в. прослеживается своего рода «второе рождение» А.Н. Зырянова, связанное с созданием в 1928 г. Далматовского общества краеведения. В 1930 г. это общество издало в Шадринске сборник краеведческих статей «Исетско-Пышминский край», посвященный памяти Александра Никифоровича.

С тех лет творчество этого выдающегося зауральского самородка, типичного представителя провинциальной науки, получившего всероссийскую известность, стало предметом исследования и постоянного использования в трудах краеведов и учёных самых различных отраслей знания. Назовём среди них И.Д. Иванчу, М.С. Кашеварова, Н.В. Здобнова, В.П. Бирюкова, А.А. Кондрашенкова, М.Д. Янко, В.П. Фёдорову, М.М. Мозина, Н.А. Подгорбунских, А.Коровина, Т. Язовских, В.И. Смирнову, В.В. Пундани, А.И. Андрущенко, М.М. Громыко, Н.А. Миненко, В.В. Рабцевич, И.В. Побережникова, В.И. Усанова, П.Г. Свешникова, Б.Н. Миронова, Т.А. Калинина, Р.Г. Пихою, В.В. Мухина.

Шадринцы А.М. Бритвин, Л.П. Осинцев, С.Б. Борисов, В.П. Тимофеев, М.Ф. Ершов, Е.А. Брякова, В.Н. Бекетова, З.И. Матвеева, А.А. Пашков внесли большой вклад в дело воздания благодарной памяти своему замечательному земляку - А.Н. Зырянову своими публикациями о нём, републикациями его наиболее ценных трудов, восстановление надгробного памятника А.Н. Зырянову возле алтаря Успенского собора Далматовского монастыря.

Одним из ярких, самобытных летописцев земли зауральской был Николай Алексеевич Абрамов, смотритель курганских училищ, которого к активному изучению местной истории привлёк П.А. Словцов. Несколько сот очерков, статей Н.А. Абрамова по истории, статистике, этнографии, географии Зауралья было опубликовано в «Тобольских губернских ведомостях», «Журнале Министерства народного просвещения», «Чтениях в обществе истории и древностей Российских» при МГУ, «Записках Русского географического общества». Большую ценность представляют сведения, сообщаемые краеведом по истории слободы Царёво Городище, других поселений Зауралья, о быте, нравах местного населения, о хозяйственном освоении региона (14).

Обширный материал по истории зауральских крестьян, используемый и сегодня учёными-аграрниками, содержится в трёхтомном «Статистическом обозрении Сибири» члена-корреспондента Императорской Академии наук, известного финансиста, члена совета Министерства государственных имуществ Ю.А. Гагемейстера. Он исследовал такие важные вопросы истории зауральского края, как социально-экономическое положение местного населения, источники его роста, обеспеченность земель в первой половине XIX в., уровень жизни (15).

Статистик Уфимского земства Н.О. Осипов на основе обобщения результатов своих экспедиционных исследований на территории Курганского округа создал солидный трёхтомный труд «Экономический быт государственных крестьян Курганского округа Тобольской губернии», изданный в Санкт-Петербурге в 1890-1898 гг. В нём освещены такие важные стороны жизни государственной деревни Зауралья в XIX в., как землевладение и землеполь-

зование, особенности местной общины, обычаи и традиции крестьян региона (16).

Также личное участие в изучении крестьянских хозяйств Зауралья принимал экономист, статистик, профессор петербургских Высших женских курсов Александр Аркадьевич Кауфман. Главная идея, проводимая в трудах учёного, в том числе посвященных аграрной тематике (развитие земледелия, общины, земельного и переселенческого вопросов в Зауралье), это идея о «степени простора и утеснения». А.А. Кауфман связывал весь ход аграрной эволюции в регионе с развитием общины в первоначальных условиях земельного простора и постепенного его сокращения под влиянием роста народонаселения. При этом исследователь не учитывал процесса разложения крестьянства, его влияния на формы землепользования (17).

Яркий след в развитии зауральского краеведения оставил крупный учёный, тобольский губернский агроном, депутат двух Государственных дум, оказавшийся тесно связанным своей практической деятельностью с Курганским округом Николай Лукич Скалозубов. В госархиве Курганской области в фонде 267 (оп.1, дело 18, л.1), отражающем деятельность Курганского отдела Московского общества сельского хозяйства, содержится разработанная Н.Л. Скалозубовым в последние годы его жизни программа изучения истории малой родины, нашедшая впоследствии своих многочисленных соратников. Среди них был и наш выдающийся земляк, учёный, краевед Владимир Павлович Бирюков, внёсший значительный вклад в создание архива, музея и библиотеки в г. Шадринске.

Создавая краеведческую комиссию в г. Кургане, Н.Л. Скалозубов призывал изучать климат, почвы, растения и животных, сельское хозяйство, промыслы, обычаи населения, народную словесность (сказки, песни, приметы, местные слова и пр.), современную обстановку жизни и старинную историю края по преданиям и записям, историю отдельных семей, жизнь выдающихся людей - уроженцев края (18).

До жителей Зауралья, курганцев дошёл уникальный источник, обратившись к которому они могут существенно углубить знание истории своей малой родины. Это более 500 фотографий выдающегося мастера художественной фотографии Алексея Ивановича Кочешева, владельца «светописной мастерской» (её помещение находится на углу улиц Куйбышева и Комсомольской). На снимках А.И. Кочешева отображены многие стороны жизни зауральцев, начиная с 1895 г. (первая сельскохозяйственная выставка в г.Кургане) и завершая временем февральской революции 1917 г. На фотографиях мы видим здания церквей (Алекса́ндро-Невской, Троицкой, Богородице-Рождественской), школ, гимназий, заводов, мастерских, городских улиц, железнодорожных станций, волостных правлений, трудовых процессов наших земляков, изданий умельцев, ярмарок, народных праздников, богатых, бедных, нищих, видов природы, наводнений, событий общественно-политической жизни. Часть зданий, отображённых на этих фотографиях, сохранившихся до сегодняшнего дня и придающих г. Кургану неповторимый облик, является его исторической частью (19).

Подводя итог, следует отметить следующее. Накопленный многими поколениями россиян, в том числе наших земляков, материал, касающийся нашего региона, и тот внушительный личностный творческий потенциал наших краеведов свидетельствует о возможности издать фундаментальную книгу - монографию под названием «Краеведение Зауралья».

Список литературы

1. Рemezov С.У. Советская историческая энциклопедия. Т.ХI.М.1968.С.1015-1016; Курганские хроники. 1662-2000.

2. Курган, 2002. С.5.
3. Мозин М.М. Летописцы земли зауральской //Земля курганская: прошлое и настоящее. Кр. сб. Курган. 1993. Вып. 6. С. 10-17.; Пундани В.В. Южное Зауралье в исторической литературе XVIII-начала XX вв.//Историография и источниковедение истории Южного Зауралья (XVIII -XX вв.): Сборник научных трудов. Курган, 1999.С.3-16.
4. Татищев В.Н. Лексикон Российской, исторической, географической, политической и гражданской. СПб., 1793. С.103-108.
5. Пундани В. В. Сибирская Италия //Ветер времён. Курган, 2003. С. 35-36.
6. Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии. Пермь, 1804. Ч.1.С.1-2, 103-105. 242-248; Ч.2. С. 109-377,381; СПб., 1813. С.91-100,117, 315-316.
7. Лорер Н.И. Записки декабриста. Иркутск, 1984.С. 166-180, 460; он же. Записки моего времени. Воспоминания о прошлом. Иркутск, 1984. С. 176, 266, 291; Розен А.Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984.С.300, 316, 319-320.
8. Словоцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Т.1-2. М.1838-1844; Новосибирск, 1995.
9. Пиленков Н.О. О мануфактурной и торговой промышленности, звериных и рыбных промыслах Тобольской губернии//Журнал мануфактур и торговли. 1834.№4. С.47-57.
10. Третьяков А. Шадринский уезд в сельскохозяйственном отношении// Журнал министерства внутренних дел. Ч.45. №10-12. С. 179-226.
11. Успенский Т.И. Шадринское краеведение. Краткий библиографический словарь. Шадринск, 1997. С.38.
12. Пундани В. В. Южное Зауралье в исторической литературе. С. 6-7; Шадринское краеведение.С.34.
13. Серафимов А. Записка о Шадринском уезде Пермской губернии//Уч. зап. Казанского ун-та. 1858.Кн.4.С.1-30.
14. Плотников П.С. Описание Далматовского Успенского монастыря. Екатеринбург, 1906.
15. Мозин М.М. Указ. соч. С. 12; Словоцов П.А. Указ. соч..С 45-46.
16. Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири. В 3-х т. СПб.,1854. Ч.2.С. 61-63, 139, 301-324.
17. Осипов Н.О. Экономический быт государственных крестьян Курганского округа Тобольской губернии. СПб., 1890. Т.1. 506 с.; СПб.,1894. Т.2. 485 с; СПб.,1898.Т.3. 612 с.
18. Кауфман А.А. Обзор способов полеводства и севооборотов в Западной Сибири. СПб., 1823. 23 с; Его же. Земельный вопрос и переселение. Сибирь, её современное состояние и нужды. СПб. 1907.С. 79-140.
19. Пундани В. В. Информационное поле ГАКО и его филиала в г.Шадринске безгранично //Архивы: история и современность: Материалы научно-практической конференции, посвященной 75-летию ГАКО. Курган, 1999.С.20.
20. Мозин М.М, Указ. соч. С.21-22; Курган: Мгновения века. Фотоальбом. Курган, 2004.С. 4-7.

СЕКЦИЯ 2. ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

Ю.Н. Кражев
Курганский государственный университет

НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ИСТОКИ ТРАГЕДИИ

Дата 22 июня 1941 года относится к страшнейшим трагическим событиям не только XX века, но и всей истории России. Современное состояние отечественной исторической науки позволяет всесторонне, более глубоко, с привлечением широкого круга новых источников, опираясь на достижения зарубежной историографии, еще раз взглянуть в прошлое, проанализировать события тех героических и трагических для нашего государства месяцев 1941 года.

Начальный период Великой Отечественной войны, который продолжался с 22 июня до середины июля 1941 г., был самым тяжелым в ее истории. С первых же дней немецко-фашистским войскам удалось захватить инициативу и глубоко вторгнуться в пределы советской территории. К середине июля враг находился в 120 км от Ленинграда, в районе Смоленска и на подступах к Киеву.

Быстрое развитие наступления немецко-фашистских войск отчасти объясняется существенными преимуществами, которые они получили в результате милитаризации Германии. Вооруженные силы рейха были полностью мобилизованы, оснащены современной боевой техникой, обладали превосходством в подвижности, маневренности и имели двухлетний опыт ведения современной войны. Войска, выделенные для нападения, немецкому командованию удалось заблаговременно и скрытно развернуть в приграничных зонах, что дало возможность нанести внезапный и мощный удар по частям Красной Армии.

Высокая степень моторизации немецко-фашистских войск позволила их ударным группировкам наносить дробящие удары, обходить наши соединения с флангов, преодолевать водные преграды, маневрировать на поле боя.

Нападение фашистской Германии на Советский Союз оказалось неожиданным для войск приграничных военных округов. Причем внезапность была достигнута противником не при помощи военного искусства, а из-за беспечности высшего советского политического руководства, которое вопреки неопровержимым сведениям о сосредоточении немецко-фашистских войск на границе и времени их вторжения в пределы советской территории запретило привести в боевую готовность армии прикрытия. Поэтому советские войска не смогли своевременно вступить в сражения и оказать организованный отпор агрессору.

Упреждение в стратегическом развертывании дало возможность противнику быстро преодолеть сопротивление советских войск в приграничной полосе, в короткий срок и без больших потерь захватить стратегическую инициативу. Высокие темпы наступления гитлеровских армий не позволяли советскому командованию своевременно подтягивать находившиеся в глубине части и соединения для нанесения мощных контрударов или занятия выгодного рубежа обороны. Передвигавшиеся в основном пешим порядком советские войска противник, как правило, упреждал в нанесении ударов, а нередко и окружал.

Советским военным руководством были допущены крупные просчеты в определении порядка действий и

мощи первоначальных ударов врага. Оно предполагало, что противник не станет сразу вводить свои основные силы на всем советско-германском фронте, и это позволит сдержать его, используя войска прикрытия границы. Пройгнорировав опыт войны на западе, когда Гитлер одновременно вводил в бой все силы действующей армии, командование разделило наши войска на три эшелона: первый (57 дивизий) находился на удалении от границы до 50 км, второй (52 дивизии) – до 100 км и резерв округа (62 дивизии) – до 400 км.

Зная такое построение наших войск, немецкое командование создало ударные группировки, отбить натиск которых силами только войск первого эшелона было чрезвычайно трудно. А так как они к тому же не находились в состоянии боевой готовности, гитлеровцы получили возможность сначала нанести удар по первому эшелону, потом разгромить армии второго эшелона и затем ударить по резервам.

Отрицательно сказалась на ходе военных действий непродуманность плана обороны государственной границы. Как пишет в своих воспоминаниях бывший начальник штаба 4-й армии Западного округа генерал-полковник Л.М. Сандалов, «значительной части войск, предусмотренной для выполнения задач прикрытия, еще не существовало. Например, 13-я армия ... и 14-й механизированный корпус ... находились в стадии формирования. Прибытие некоторых соединений в новые районы в случае возникновения конфликта, намечалось в такие сроки, что они не успевали принять участие в решении задач прикрытия». И действительно, 100-я стрелковая дивизия, которую планировали сосредоточить на границе, так и не прибыла ни на третий день войны, ни позже.

Неудачи советских войск в начале войны объясняются и тем, что не было проведено рассредоточение авиации. Поэтому агрессору удалось в первый же день уничтожить значительную часть самолетов на аэродромах и в воздушных боях и тем самым завоевать господство в воздухе. Сухопутные войска, по существу, были лишены авиационного прикрытия, что явилось одной из причин неудавшихся контрударов. Отсутствие резервов авиации и централизованного управления ею в полосах фронтов не позволяло наносить массированные удары по вторгшимся войскам.

В условиях господства в воздухе авиации противника большую роль должны были сыграть войска ПВО. Однако к началу войны наиболее подготовленной оказалась лишь противовоздушная оборона Москвы и Ленинграда. В целом же эффективность применения средств борьбы с немецкой авиацией была крайне низкой. Причиной тому явилось следующее: наличие на вооружении устаревшей техники, некомплект боеприпасов и средств связи, невысокий уровень выучки призванного из запаса личного состава, отсутствие единого руководства действиями предназначенных для ПВО зенитной артиллерии и истребительной авиации, а также резервами.

Бронетанковые войска тоже не смогли выполнить своей задачи по разгрому ударных группировок врага, что отрицательно сказалось на действиях наших стрелковых частей и соединений. Причиной тому стал ошибочный план одновременного создания 29 механизированных корпусов, которые в столь короткие сроки невозможно было полностью обеспечить боевой техникой, особенно новой. Так, к началу войны в Западном округе, где противник нанес главный удар, из шести мехкорпусов удалось полностью укомплектовать только один. В среднем обеспеченность корпусов танками составляла менее 50%. Машин новых моделей было мало, а значительная часть старых конструкций имела слабую броню, которая пробивалась бронебойными пулями.

К тому же личный состав бронетанковых войск, призванный в мае 1941 г. и прибывший из стрелковых войск, не успел получить необходимой специальной подготовки. В силу чего многие мехкорпуса оказались малобоеспособными. Некоторые из них использовались как стрелковые, но вооружены они были плохо, что делало их неполноценными и в этом качестве.

Не был должным образом продуман и вопрос дислокации мехкорпусов. Находясь в резерве округов, многие из них, чтобы выполнить боевые задачи, совершали большие перегруппировки. Так, 8-й мехкорпус прибыл к полю боя, совершив до 500 км пробега. За это время старая боевая материальная часть израсходовала запас моторесурсов на 50%, вышла из строя почти половина машин. Остальные оказались в техническом отношении не подготовленными к бою.

Отсутствие заранее созданных танковых группировок не позволило реализовать наше превосходство в танках для нанесения мощных контрударов по наступающему врагу. Например, 15-й мехкорпус при продвижении в район боевых действий с 24 по 28 июня получал от командующего Юго-Западным фронтом взаимоисключающие приказы. Пять дней корпус переходил из одного места в другое, так и не приняв участие в боях.

В целом советское командование, руководствуясь наступательным характером военной доктрины, недооценило оборону как вид стратегических действий. Группировка войск приграничных военных округов была рассчитана на наступление. Поэтому они оказались неподготовленными к отражению крупных сил агрессора, к организации и ведению обороны. Складывавшаяся на фронте обстановка требовала днем вести боевые действия, а ночью отходить на новые рубежи и организовывать оборону в условиях плохого материально-технического обеспечения и отсутствия сплошного фронта. Все это утомляло войска и отрицательно сказывалось на их боеспособности. Лишь в конце июня было принято решение о переходе к стратегической обороне на всем советско-германском фронте.

В начальный период войны наши войска испытывали острый недостаток боеприпасов, горючего и других материально-технических средств, хотя их запасов было достаточно для первых операций. Причиной тому стало сосредоточение большого количества складов и баз в приграничной полосе. Быстрое продвижение противника при отсутствии в наших войсках достаточного количества транспортных средств не позволило вывести имевшиеся запасы в глубокий тыл. Поэтому 200 складов, в которых хранилась большая часть запасов, были утрачены. Только на Западном фронте за первую неделю боевых действий было потеряно 10 артиллерийских складов, в которых находилось более 25 тыс. вагонов боеприпасов (30% всех запасов); 25 складов и баз, где хранилось более 50 тыс. т горючего (50% всех запасов); 14 складов с почти 40 тыс. т продфуража (50% всех запасов) и большое количество других материальных ресурсов. В силу этого в самый разгар боев возникали перебои и срывы в материальном обеспечении войск, что не могло не сказаться на ходе боевых действий.

Неудачи советских войск были связаны и с нарушением проводной связи, а радиосвязь подготовлена не была. Поэтому почти все командующие армий и военных округов потеряли управление войсками, не знали обстановки, не могли принять обоснованные решения и своевременно ставить боевые задачи. Все это обрекало части и соединения на неудачу и неоправданные потери.

И главное, советское политическое и военное руководство допустило просчет в определении направления основного удара гитлеровских войск. Наиболее опасным

направлением, по мнению Генерального штаба, являлось западное, о чем и было записано в проекте плана отражения агрессии. При его обсуждении 5 октября 1940 г. Сталин высказал мнение, что Германия нанесет свой главный удар не на западном направлении, а на юго-западном. Обосновывал он это тем, что немецко-фашистское руководство будет стремиться захватить наиболее богатые промышленные, сельскохозяйственные и сырьевые районы Советского Союза. Ни нарком обороны, ни начальник Генерального штаба не высказались против этого заключения Сталина и послушно исправили план. В связи с этим основные силы Красной Армии дислоцировались на юго-западном направлении.

В действительности фашистское командование сосредоточило и ввело в действие наиболее мощную группировку на западном направлении. При этом гитлеровскому руководству удалось убедить советскую разведку в концентрации крупных сил на юго-западном направлении. Так, в апреле 1941 г. Генеральный штаб получил следующую информацию: оперативный план наступления немцев «предусматривает молниеносный удар на Украину и дальнейшее продвижение на Восток...». В связи с чем в начале июня на это направление было дополнительно переброшено 25 дивизий.

Допущенный просчет явился основной причиной поражения войск Западного фронта. Ставка ГК не смогла оказать ему помощь резервами, так как они сосредоточились юго-западнее Киева. Лишь 25 июня было принято решение о переброске двух резервных армий с юго-западного на западное направление.

Следует заметить, что наша разведка в начале войны не всегда могла вскрыть истинную группировку противника и определить его замысел. В частности, советскому командованию не было известно о сосредоточении немецких танковых сил в районах Сувалки, Люблин. Не имея этих данных, оно приняло ошибочное решение о нанесении контрударов именно на этих направлениях.

Неудачный исход начального периода войны был связан и с подавлением Ставкой ГК инициативы командующих фронтами в принятии и выполнении решений в соответствии с конкретно сложившейся обстановкой. В таких условиях командование фронтами вынуждено было выполнять не отвечающие характеру боевых действий директивы Генерального штаба и Ставки ГК. Под удары крупных сил врага поспешно ставились все новые дивизии, которые, хотя и достигали временных результатов, в итоге истреблялись противником по частям.

Большим несчастьем для нашей армии и страны в целом было то, что накануне Великой Отечественной войны в результате проведенных политических репрессий 1937-1940 гг. мы лишились многих опытных командиров и военачальников. Молодым пришлось трудно. В ходе боев они допускали крупные ошибки в организации военных действий, в руководстве объединениями, соединениями, частями и нередко расплачивались за это дорогой ценой.

Все эти ошибки и недоработки военно-политического руководства страны привели к тому, что враг к середине июля захватил значительную территорию нашей страны, а Красная Армия понесла огромные потери. Но гитлеровцам не удалось главное – разбить в приграничных сражениях наши войска. Детально разработав план войны, немецкое командование не учло одного – силы духа советского воина, его патриотизма, мужества, стойкости, героизма, непоколебимой веры и воли к Победе, в которой он был твердо убежден с началом первых минут войны.

В целом же обстановка на фронте была сложной. Шли кровопролитные бои. И каждое сражение, каждая, пусть даже маленькая, выигранная победа приближали

день разгрома фашистской Германии, день Великой Победы нашей великой страны.

Л.А. Евдокимов
Курганский государственный университет

ПСКОВСКИЕ СИБИРЯКИ: ДМИТРИЙ СЕМЕНОВИЧ ЕВДОКИМОВ

Д.С. Евдокимов родился 21 октября 1869 г. Имя получил в честь великомученика Дмитрия Солунского, занимавшего высокий пост проконсула при дворе императора Максимилиана Галерия. Последний приказал убить Дмитрия за распространение христианства в Фессалонийской области и в г. Солуни (305 год).

Дмитрий Семенович в возрасте 20 лет женился на 18-летней Александре Герасимовне Бёрдышевой из д. Нагорской Утятской волости (1). Вместе прожили 29 лет. У них родилось 12 детей. Пятеро умерли в детстве: Иван (1893 г.), Георгий (1896), Мария (1900), Дарья (1908). В то время выживали только самые сильные дети.

До октябрьского переворота 1917 г. имена в России давали по святцам, закреплявшими за днями годового круга церковные праздники и даты чествования святых. 27 сентября по старому стилю 1890 г. родилась Анна. Имя дано в честь благоверной княгини Анны Каминской. 24 апреля 1894 г. появился мальчик, которого нарекли Семеном, потому что 27 апреля - день святого апостола и священномученика Симеона, распятого язычниками-римлянами в 107 году. В 1898 г. родился Александр. День рождения неизвестен. Мальчику, родившемуся 8 июля 1901 г., дали имя Степан в честь преподобного Стефана Саввант, всю жизнь прожившего в лавре святого Саввы. Ему был ниспослан дар чудотворения и прозорливости, исцеления больных и изгнания бесов. Следующего мальчика, появившегося на свет 12 января 1904 г., нарекли Афанасием, ибо 18 января день святителя Афанасия Великого, архиепископа Александрийского, жившего в IV в., сурового борца с ересью. Этот день обычно связан с сильными русскими морозами. Афанасий-ломанос, береги нос. Имя Иосиф получил родившийся 24 января 1906 г. малыш в честь святого Иосифа, архиепископа Солунского. Шестого сына, родившегося 21 января 1910 г., назвали Петром, потому что 22 января - день мученика Петра. Как видим, семья большая. Но вскоре ее постигло несчастье. 16 октября 1912 г. во время родов умерла Александра Герасимовна.

Но жизнь идет своим чередом: от трагического к торжественно-лирическому, и наоборот. По прошествии определенного времени Дмитрий Семенович женился вновь, ибо без женских рук большая семья жить не может. Его женой стала Авдотья Даниловна. 26 сентября 1918 г. у них родилась дочь, которую назвали Евфимия, по имени великомученицы Евфимии всехвальбой.

Как жилось крестьянам России, в том числе и Евдокимовым в начале XX века? Архивные документы умалчивают. Но думаю, что трудно. Тем более, что до 1 мировой войны из-за засухи голодными были 1901, 1905, 1907, 1911, 1912 гг.

В годы 1 мировой войны никто из Евдокимовых не был мобилизован. Не принимали они участия и в гражданской войне, не помогали ни белым, ни красным. Курганский уезд в течение трех месяцев (август-октябрь 1919 г.) был ареной боевых действий, а д. Обухово несколько раз переходила из рук в руки. По мере приближения фронтов - они, как и все крестьяне окружающих деревень, угоняли скот в леса, спасая его и от белых, и от красных. Когда

положение стабилизировалось, молодые ребята, находившиеся в лесах со скотом и спасавшиеся от мобилизации в колчаковскую и Красную армии, возвращались домой.

После гражданской войны большинство волостей было разорено: угнан скот, отобрали лошади и телеги, увезен, стоптан и недобран хлеб. Поэтому у многих крестьян не хватает своего хлеба и семян для засева полей (2). Это касалось и Чернавской волости, на территории которой развернулись упорные бои в районе Ялым, Глядянское, Давыдовское, а деревни Пищальное, Патраково, Обухово стали линией противостояния белых и красных.

Во всех волостях по мере занятия их Красной армией проходили выборы органов Советской власти: с 23 августа по 20 сентября 1919 г. - волостных ревкомов, а с 15 декабря 1919 г. до первых чисел января 1920 г. - волостных и сельских исполкомов. К этому времени в Обуховой было два крестьянских общества: Обухово-Сибирское (старожильческое) и Обухово-Российское - из переселенцев по Столыпинской реформе; впервые упоминаются в печати в 1912 г. Соответственно было избрано два сельских исполкома. Дмитрий Семенович Евдокимов имел право голоса на выборах в волостной и сельский Советы (3). Были случаи, когда в выборные органы проходили кулаки как наиболее авторитетные и грамотные хозяева. В таких случаях немедленно назначались пере-выборы.

Вновь избранные органы власти стали вести всеобщий учет и контроль, прежде всего был составлен Регистрационный список земледельческого населения и земель селения Обухово-Сибирское (такие списки были составлены по всем селам и деревням). Под № 70 значится домохозяин Дмитрий Семенович Евдокимов 52 лет. На 23.02.1920 г. члены его семьи: Семен - 27 лет, Александр - 25 лет, Степан - 18, Афанасий - 15, Осип - 14, Петр - 10, Прокопий - 3. Всего - 8 человек (4).

В хозяйстве Д.С. Евдокимова имеется: рабочих лошадей - 4, нерабочих - 2; коров дойных - 4 (для сравнения в сибирской части деревни в среднем на одно хозяйство приходилось 1,6 рабочих лошадей, 2,4 дойных коров); малого рогатого скота - 3, овец - 8; кур - 17, гусей - 4, уток - 4; телег - 2, саней - 5, плугов - 2, жнеек - 3, бороны - 2, молотилок - 1, веялок - 1, изба - 1, баня - 1 (5). Такого количества сложных сельхозмашин не имело ни одно хозяйство Обухово-Сибирского и тем более Обухово-Российского.

Из 78 домохозяев сибирской части деревни имели жнеек 15, молотилок - 0, веялок - 0. Пахотной земли в селе 1017, 5/10 дес. (13 десятин на хозяйство), выгонов 814 дес., под лесом 81,6/10 дес. (6).

Кроме того, у Д.С. Евдокимова (моего дедушки) была кузница и ветряная мельница с одним поставом (пара мельничных жерновов, один из которых неподвижен, а другой вращается на нем), производительностью 80 пудов в год (7). В Обухово-Сибирском была еще одна мельница Г.Ф. Логинова производительностью в 100 пудов. В Обухово-Российском было 8 мельниц. Все мельницы облагались налогом. Прежде всего надо было уплатить промышленный сбор. В 1922 г. Д.С. Евдокимов уплатил пром. сбор 10 пудов 9 фунтов зерна, пром. налога - 12 п. 17 ф., арендной платы 60 пудов (8). В сибирской части деревни в 1920 г. по спискам кулаками считались 2 человека, а в российской части - 4 (9).

Под усадьбой Дмитрия Семеновича было 4/10 дес., пахотной земли - 30 дес., выгона для скота - 24 дес., под лесом находилось 24/10 дес., под сенокосом - 0,1 дес. Всего 56,8/10 десятин (10). В то время как в селе на одно хозяйство в среднем приходилось 13,74 дес. пахотной земли (11). Такое хозяйство не считалось кулацким, и де-

душка не был лишен избирательного права.

Большим достижением сельскохозяйственного производства того времени было использование плуга при вспашке земли. Плуги были с одним лемехом, двумя и многолемешные. Пахать землю под яровые культуры начинали во второй половине апреля - начале мая. Средний срок сева яровых от 13 мая и продолжался примерно 35 дней. В первую очередь сеяли пшеницу, потом яровую рожь, овес, ячмень ... Первый взмет (вспашка) пара происходил с 1 по 30 июня плугами, поле остается пластами, не боронится.

Пшеницу сеяли из лукошка, сита руками вразброс и заделывали бороной. В том случае, когда посев производился сеялкой, то предварительно мелко перепахивали поле плугом, а затем бороновали. Овес, ячмень и др. культуры обыкновенно сеяли прямо по жнивью ручным способом, а затем заделывали вспашкой плугами. Средний урожай в Чернавской волости в 1920 г. составил: озимой ржи 15 пудов, яровой ржи - 8 п., яровой пшеницы - 25 п., озимую пшеницу не сеяли; ячменя - 10 п., овса - 20 п., проса 5 п., гороха - 3 п. (12).

По мере установления Советской власти в Курганском уезде велась работа по определению размеров разверстки и распределению ее по селам и хозяйствам. Все села были разбиты на пятидворки. Были избраны тройки из преданных власти граждан, контролировавших выполнение разверстки. Невыполнение ее не допускалось. Борьбу с недоимками (задолженностями по уплате налогов) вели царское и временное правительства и не смогли добиться успеха. Даже правительство Колчака, несмотря на тюремное заключение деревенских старост и посылку войск, не смогло покончить с недоимками. Советская власть смогла. Тех, кто не выполнял разверстку, рекомендовали считать врагами Советской власти и передавали в ГПУ (13). В разверстку входили: мясо крупного рогатого скота и молодняка, баранье, птицы, свиное; шерсть, кожа конская, КРС, овечья, телячья; лен, конопля, куделя, пенька, картофель.

На 24 ноября 1920 г. Чернавская волость из 84.840 пудов продразверстки выполнила лишь 35.721 п. (14). К февралю 1921 г. волость с трудом выполнила план продразверстки. Семья Евдокимовых внесла свою долю. Разверстка в Сибири была очень велика. На ее непомерность жаловались все волости уезда.

В Шмаковской волости дело дошло до восстания женщин: «Не давать хлеба», - вот главное требование этого восстания. Непосильной была разверстка в Мендерской волости. Туда был послан отряд бойцов (15). Недовольство крестьян продразверсткой, которая лишала их хозяйства стимула к развитию вылилось в крупное восстание в Тамбовской губернии, Кронштадте, на Дону и Украине, в Западно-Сибирском (100 тыс. участников), захватившее и северные волости Курганского уезда.

Проходивший в марте 1921 г. X съезд РКП(б), чтобы успокоить крестьянство, а большевикам не потерять власть, принял решение о замене продразверстки хлебным, точнее натуральным, налогом. Расширялась свобода использования излишков сельхозпродуктов на рынке, после выполнения налога. Налог был уменьшен по сравнению с продразверсткой. Тем самым было положено начало новой экономической политике. Новой она была лишь относительно старой политики «военного коммунизма».

Еще в конце декабря 1920 г. VIII Всероссийский съезд Советов принял решение об организации в деревне посевных комитетов (посевкомов) - специальных органов для разработки планов весенних посевов (как будто крестьяне не знали, что весна - время посевов) и контроля за их исполнением. Началась кампания по созданию губернских, уездных, волостных, сельских посевкомов. 25

апреля 1920 г. была создана Чернавская комиссия. Местные посевные комитеты должны были заставлять крестьян сеять не как прежде, а в соответствии с «обязательными правилами», составленными в губерниях. При этом запасы семян объявлялись неприкосновенным семенным фондом. Но крестьяне всегда семена считали неприкосновенными. По сути это была попытка почти полностью огосударствить крестьянские хозяйства.

И пошла писать губерния. Стали выяснять сколько в хозяйстве земли, количество сельхозинвентаря (плугов, сеялок, борон, культиваторов, железа сортового, угля кузнечного), нельзя ли все это сконцентрировать при прокатных пунктах с оплатой за прокат. 2 августа 1921 г. Челябинский губпосевком издал обязательное постановление в форме военного приказа: «Всем организациям... и населению закончить обмолот и отсортирование ржи урожая 1921 г. до 10 августа... Воспрещается продажа ржи... , а также размол на мельницах... употребить рожь исключительно для обсеменения полей». У нарушителей конфисковать имущество.

Семья и хозяйство Дмитрия Семеновича к началу 1921 г. несколько изменились. Ему исполнилось 55 лет, жене Авдотье - 50. Сыновья: Афанасий - 16 лет, Иосиф - 14, Петр - 11. Сноха Матрена - 26, внук Прокопий - 4; сноха Аксинья - 24, дочь Офимья - 2 г., мать Ольга - 80 лет. Отсутствуют Семен, Александр и Степан. Может быть, находились где-то по найму на подработке зерна. Прихватив веялку, уехали в другую деревню. Время было весеннее, апрель.

В хозяйстве большой семьи было уже не 4, а 5 рабочих лошадей и 2 нерабочих, дойных коров - 3, овец - 5, свиней - 1, кур - 4, гусей - 2; телег - 1, саней - 2, плугов - 1, жнеек - 2, борон - 3, молотилок - 1, веялок - 1; изб - 1, сараев - 1, бань - 1, амбаров - 1, кузница - 1, мельница - 1 (16). В связи с этим мне вспомнилась работа В.И. Ленина «Развитие капитализма в России». В ней автор показал процесс разложения русского крестьянства на зажиточное, среднее и сельский пролетариат, сосредоточение в руках первой группы надельной, арендованной, купчей земли, сельского скота; промежуточное положение среднего крестьянства. Третья группа пролетаризировалась. Кажется, все учтено. Но в исследовании отсутствуют люди, крестьяне. А они вносят коррективы. При наличии кузницы, мельницы, скоту, сложным машинам и т.д. хозяйство Д.С. Евдокимова можно отнести к зажиточному. Но в семье 13 человек. По отзывам односельчан семья жила небогато и по сибирским меркам относилась к среднему уровню достатка. Таким образом, между данными статистики и реальной жизнью «дистанция огромного размера». В период коллективизации сельского хозяйства семья деда не была определена как кулацкая и не подлежала выселению. Кажется, при определении категории крестьянского хозяйства учтено все: количество пашни, арендованной и купленной земли, количество скота и т.д. Но забыто, что крестьянские семьи большие. В свое время сам пользовался ленинским подходом при определении зажиточности крестьянских дворов. Вот и хозяйство Д.С. Евдокимова по некоторым признакам можно отнести к зажиточному. Но в семье 13 человек, поэтому его хозяйство следует отнести к среднему.

Такого количества сложных сельскохозяйственных машин и рабочих лошадей не имело ни одно хозяйство в деревне. Из 82 домохозяев у шести было 3 рабочих лошади, у 34-х - 2, у 35 - 1, у пяти не было ни одной лошади и вообще почти ничего: один имел 1 дойную корову, один - 5 кур, а у трех - ничего. Жнейки имели 4, молотилки - 3, веялки - 11 домохозяев (17).

Сев 1921 г. в Чернавской волости в том числе и в Обухово прошел удовлетворительно. Помощь деревне в

ходе «недели пахаря» оказали рабочие ремонтом и изготовлением сельхозинвентаря. 13 мая всходы были хороши, особенно ранних посевов. Однако в середине июня установилась жаркая погода. Дождей не было. В связи с этим на полях появилось много саранчи, которая уничтожала посевы зерновых. Трава на покосах пожелтела, стало нечем кормить скот. Жать пришлось камыш. Вследствие бескормицы резко сократилось у крестьян количество лошадей, крупного и мелкого рогатого скота. Засуха имела место во всех 33 волостях Курганского уезда и не только. Она охватила обширные районы. 35 губерний Северного Причерноморья, Средней и Нижней Волги, Предуралья, Западной Сибири, Казахстана. За годы 1 мировой войны, революции, гражданской войны и политики продразверстки крестьянские хозяйства практически не имели запасов продовольствия. К концу 1921 г. число голодающих достигло 18-22 млн. От голода погибли по некоторым данным от 5 до 8 млн человек. Резко уменьшилось количество скота.

Летом 1921 г. губернский посевком указал волкомам, что осталось от урожая этого года оставить на семена, а всю озимую рожь, полученную летом 1921 г. и уже посеянную, зачислить в счет продналога с условием возврата в 1922 г. Таким образом, государство терпеть убытки не хотело (18) и хоть позже, но стремилось вернуть свое.

В связи с голодом, чтобы прокормить семью, некоторые крестьяне стали продавать хлеб, что остался от засухи на корню за муку, за семена по низким ценам. Уездный комитет партии пригрозил виновным привлечением к ответственности (19). Приближалась осень, а значит и сроки сдачи продналога. Для сбора налога в Кургане было создано уездное продовольственное совещание. Прежде всего оно, несмотря на неурожай, приказало взыскать с крестьян «... полностью семенные ссуды, как озимого 1920 г., так и ярового засева 1921 г., не допуская никаких оттяжек в возврате... Всякий малейший срыв в работе по этой кампании считать делом контрреволюционным, карающимся по всей строгости законов через ревтрибуналы» (20).

Продналог включал в себя зерновые: пшеницу, рожь, ячмень; крупы: просо, гречиху; овес, коноплю, лен, подсолнечник, семена масличных культур, масло, сыр, мед, воск, молоко, яички, капусту, морковь, свеклу, картофель, шерсть, сено, то есть все, что производилось в крестьянском хозяйстве. Все это надо было сдать государству, несмотря на неурожай. В противном случае следовало наказание. В Курганском уезде сбор продналога мало чем отличался от сбора продразверстки.

15 августа 1921 г. президиум ВЦИК направил в регионы предписание, в котором отмечалось, что «... обрушившееся сейчас на значительное количество районов бедствие в виде голода делает возможным быстрое выполнение ... заготовительной кампании по сбору натуральных налогов». Интересная логика: «голод делает возможным быстрое выполнение ... кампании по сбору налогов». Не урожай, а голод. И далее: «...всякий тормоз или срыв в работе этой кампании считать делом контрреволюционным, карающим по всей строгости законов через ревтрибуналы (21).

Выполняя это распоряжение, уездное продовольственное совещание объявило с 1 сентября 1921 г. проведение особо ударного месяца по выполнению продналога в Курганском уезде. Причем особо подчеркивалось: « При определении и начислении продналога употребить весь свой хозяйственный опыт в сторону не уменьшения, а увеличения продналога по отдельным хозяйствам». Был составлен график: « ... к 1 октября выполнить 75% продналога на зерновые продукты; закончить полностью

в 100% налог на масло, яйца, овощи; выполнить 60% налога ... на шерсть-летнину (летней стрижки – Л.Е.), осенней стрижки и поярка, выполнить 40% налога на мясо крупного рогатого скота (КРС), 75% на мясо мелкого скота, 40% на сено, 100% на мед» (22).

Что сказать по поводу этого графика? Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить. Не приняли во внимание неурожай и голод. Поэтому выполнение продналога шло чрезвычайно туго. Были приняты решительные меры. В Кургане 24-30 октября и 2-10 ноября 1921 г. работала выездная сессия Челябинского ревтрибунала. Тех, кто не выполнял продналог, заключили в концентрационные лагеря на принудительные работы на срок от полугода до 3-х лет. От Чернавской волости пострадали 3 человека. От Лисьевской – 11, от Половинской – 15. Кто они? Фамилии не названы (23).

Волости, не выполнившие налог, решено наказывать иначе. В приказе №48 Курганского исполнительного комитета от 5 сентября 1921 г. отмечалось: «В волости, не выполнившие налог будут введены воинские части, которые будут снабжаться полным боевым продовольственным пайком за счет указанной волости, сел. Части эти не будут выведены до тех пор, пока волость не выполнит налогов. В эти же волости будут направлены выездные сессии ревтрибунала» (24).

И все же, несмотря на угрозы и применение наказаний, выполнение плана сдачи продуктов в счет налога шло с большими трудностями. Тогда Курганский уездный исполком издал приказ о запрещении свободной торговли и товарообмена на территории уезда: «Воспретить категорически свободный товарообмен зерновых продуктов: пшеницы, ржи, овса, ячменя, гречи и прочих злаков, всех видов муки». А также: «Воспретить всякую покупку, продажу и обмен всех видов продуктов ..., на которые объявлены налоги тем гражданам, которые не имеют на руках зачетных квитанций» о выполнении налога (25).

Не понимаю необходимости этого приказа: был сильный неурожай и жестокий голод, чем торговать?

Черствость и жестокость при взыскании продналога сформировали у крестьян негативное отношение к коммунистической партии и Советской власти. Пятый Утятский райком РКП(б) (куда вошла Чернавская волость) в отчете отмечал, что « население волости к РКП(б) относится враждебно, а 23 июня имел место случай убийства кандидата в члены РКП Тюленева Осипа» (26). В какой деревне волости это произошло не известно. Из другой волости, Утятской, Раскатихинская комячейка сообщала, что на собрании 26 июня несколько крестьян, выступая, говорили о необходимости «свергнуть эту власть». В другом документе сообщалось: «В Чернавской волости отношение к Советской власти скверное» (27).

Такие настроения существовали по всему Курганскому уезду и даже среди членов сельсоветов. Например, Глядянское волостное партийное бюро сообщало в райком партии, что в селе Глядянском и д.Межборной членами сельсоветов нового состава среди крестьян распространяются «...подстрекательства против членов РКП(б). Якобы вся тягость переживаемого ... момента на почве недоедания вызвана партией коммунистов» (28). Отношение к партии объяснялось и тем, что члены РКП(б), занимая в партии высокие должности, использовали их в целях наживы, пьянствовали, дебоширили. Многие работники на ответственных должностях «умеют использовать это положение в свою пользу». В результате чего, наблюдается «отрыв ответственных работников от низов», - отмечалось на заседании президиума Курганского укома РКП(б) (29). Так, секретарь Утятского райкома партии Устюгов «пьянствовал, разъезжая в селе Глядянском и Чернавском. Выбил окна у гр.Поздняковой». В

селе Чернавском к нему присоединились «член партии Токарев и сотрудник ЧК Предеин. На квартире председателя волисполкома Трубина пили самогон» (30).

Список источников

1. ГАКО. Ф.И.-722, оп.1, д. 21, л.98
2. Красный Курган, 3 февраля 1920 г.
3. ГАКО. Ф.Р-173, оп.1, д.33, л.73.
4. ГАКО. Ф.Р -173, оп.1, д.45, л.223-224.
5. Там же.
6. Там же.
7. ГАКО. Ф.Р -173, оп.1, д. 30, л.24.
8. ГАКО. Ф.Р – 173, оп.1, д.91, л.38,59-60,70.
9. ГАКО. Ф.Р -173, оп.1, д.71, л.1.
10. ГАКО. Ф.Р -173, оп. 1, д.45, л.
11. Подсчитано автором.
12. ГАКО. Ф.Р -173, оп.1, д.41, л.82.
13. ГАКО. Ф.Р – 173, оп.1, д.17, лл. 37,38, 42.
14. Красный Курган, 24 ноября 1920 г.
15. ГАОПДКО. Ф.1, оп.1, д.158, л.25.
16. ГАКО. Ф.Р – 173, оп.1, д.78, л.138-139,226.
17. Там же. л.140-141.
18. ГАОПДКО. Ф.1, оп.1, д.5, л.21.
19. ГАОПДКО. Ф.1, оп.1, д.81, л.259.
20. ГАОПДКО. Ф.1. оп.1, д.69, л.77.
21. ГАОПДКО. Ф.1, оп.1, д.39, л.75.
22. ГАОПДКО. Ф.1, оп.1, д.39, л.75; д.69, л.77.
23. Красный Курган, 12 ноября 1921г.
24. ГАОПДКО. Ф.1, оп.1, д.39, л.85.
25. ГАОПДКО. Ф.1, оп.1, д.22, л.33.
26. ГАОПДКО. Ф.1, оп.1, д.27, л.15.
27. ГАОПДКО. Ф.1, оп.2, д.9, л.16.
28. ГАОПДКО. Ф.1, оп.1, д.46, л.36.
29. ГАОПДКО. Ф.1, оп.1, д.36, л.62.
30. ГАОПДКО. Ф.1, оп.1, д.9, л.л.68-70.

В.П. Копылов

Курганский государственный университет

ШГПИ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1945-1950 ГГ.)

После окончания Великой Отечественной войны в Шадринский государственный педагогический институт на преподавательские должности пришли бывшие фронтовики, которые прошли страшное горнило войны. Они самоотверженно и добросовестно выполняли порученное им дело. Научно-педагогический состав ШГПИ в 1945 году выглядел следующим образом: три доцента кандидата наук, один доцент без ученой степени, один ученый археолог, один фольклорист, шесть старших преподавателей, окончивших аспирантуру, 16 преподавателей без специальной подготовки. Таким образом, из 28 преподавателей только пятеро имели ученую степень или звание, что составляло 17,8% от общего числа научно-педагогического состава. Конечно, ни по количественному, ни по качественному составу такое положение дел не могло удовлетворить руководство института. По-прежнему не было ни одного профессора, многие преподавали по четыре-пять дисциплин, что снижало качество проводимых занятий и совершенно не оставляло времени для научной работы.

Недостаточный уровень образования преподавательского состава снижал авторитет института в глазах студентов. Отличники учебы старались перевестись в другие вузы. Помимо штатных преподавателей в институте работало шесть совместителей, пятеро из них были офицерами-преподавателями размещенных в Шадринске военных училищ. Их большая занятость на службе влекла за собой необходимость ежедневно менять рас-

писание, а иногда происходил и срыв занятий из-за неявки преподавателя. Чтобы избежать срыва занятий, в ноябре 1945-46 учебного году руководство института ходатайствовало перед Министерством просвещения РСФСР об увеличении штатной численности преподавательского состава на 16 человек. Был сделан запрос на трех профессоров для руководства наиболее ответственными кафедрами (1).

В этих тяжелых условиях, имея огромную учебную нагрузку, преподавательский состав института находил время заниматься повышением своего профессионального уровня. В 1945 году два преподавателя приступили к работе над докторскими диссертациями, один - над кандидатской и двое готовились к сдаче кандидатского минимума. Остальные занимались освоением курсов читаемых дисциплин.

Из-за отсутствия в институте высококвалифицированных специалистов, необходимой научной литературы и невозможности частых научных командировок подавляющее большинство преподавателей научно-исследовательской работой не занималось.

На 1 августа 1945 года в институте обучалось 209 студентов: из них в педагогическом - 136 человек и в учительском - 73 человека. С первых дней поступления студентам старались создать все необходимые условия для развития их научных и творческих способностей. В вузе работало научное студенческое общество, которое включало в себя три кружка: шекспировский, по изучению педагогического наследия И.Д. Ушинского и кружок по истории математики. Периодически в институте проходили студенческие научные конференции, на которых студенты выступали с докладами по различной тематике.

Материально-техническая база института состояла из двух учебных корпусов общей площадью 1100 квадратных метров. В них располагались семь учебных аудиторий, актовый зал, три учебных кабинета (основ марксизма-ленинизма, литературы, педагогики и психологии). Институт имел лабораторию по физике. Однако отсутствие необходимого количества приборов не позволяло здесь даже проводить опыты для школьных уроков. Студенты были вынуждены самостоятельно изготавливать лабораторное оборудование. Библиотечный фонд института в 1945 году составлял 42 тыс. томов, значительная часть была устаревшей, так как в период войны в библиотеку практически не поступало новых изданий (2).

Из-за крайне неудовлетворительного состояния учебно-материальной базы перед институтом стоял ряд нерешенных проблем: 1) даже для организации занятий в две смены не хватало четырех аудиторий; 2) отсутствовали спортивный зал, физкультурный кабинет и помещение под склад; 3) острой была необходимость в организации учебных кабинетов по истории и высшей математике; 4) не хватало площадей под библиотеку. Одним из способов решения этих проблем могло быть возвращение институту трехэтажного здания бывшего реального училища, в котором институт располагался до войны, а с ее началом оно было передано военной авиашколе (3).

В 1946 году в ШГПИ работало восемь кафедр: основ марксизма-ленинизма, педагогики и психологии, военной и физической подготовки, иностранных языков, истории, русского языка, литературы, физики и математики, на которых трудилось 35 преподавателей. Только четверо из них имели ученые степени и звания, что составляло 11,4% от общего числа преподавателей. Помимо преподавательского состава на кафедрах трудились пятеро старших лаборантов, три лаборанта и два старших препаратора (4). Напряженная учебная нагрузка не позволяла преподавателям эффективно заниматься научной

работой. За 1946 год ими не было опубликовано ни одной научной статьи.

Помимо учебы руководство института уделяло большое внимание и культурно-массовой работе. Студенческая художественная самодеятельность постоянно выступала на различных городских и областных смотрах-конкурсах и периодически занимала призовые места, за что не раз поощрялась руководством института. Для наглядного освещения жизнедеятельности вуза, регулярно выпускалась стенная газета «За педагогические кадры». В первые послевоенные годы, учитывая тяжелое материальное положение студентов, институт за счет своего подсобного хозяйства всячески старался помочь с организацией их питания. В институте работала столовая на 30 посадочных мест.

В 1949 году институту исполнилось 10 лет. За этот период вуз выпустил 796 человек с дневного и 74 человека с заочного отделений. Институт имел в своем составе девять кафедр, на которых трудилось 36 преподавателей, в том числе шесть кандидатов наук (5).

Заочное отделение ШГПИ имело три факультета: исторический, физико-математический, русского языка и литературы. В 1950 году по такой форме обучалось 605 человек. Основной контингент обучающихся составляли учителя средних и неполных средних школ, которые не имели соответствующего педагогического образования, учителя начальных школ и педагоги, повышающие свою квалификацию. Здесь же учились лица из советского и партийного актива, рабочие и служащие различных учреждений и предприятий Курганской области. Занятия на заочном отделении проводились в основном штатными преподавателями института. Из-за отсутствия учебно-методической литературы, пособий, недостаточного контроля за обучением заочников со стороны органов народного образования, а часто из-за недисциплинированности и безответственности некоторых студентов на заочном отделении был очень высокий уровень отсева студентов (6).

В 1950 году в институте работало 44 преподавателя, 10 из них имели ученую степень и звания, что составляло 22,7% от общего количества профессорско-преподавательского состава.

За первую послевоенную пятилетку старейший вуз Курганской области смог преодолеть трудности послевоенной разрухи и неустроенности. Качественно повысился уровень преподавания, улучшилась материальная база и были заложены основы для дальнейшего повышения качества подготовки педагогических кадров.

Список литературы

1. ГАРФ. Ф. А2306. Оп.70. Д.4730. Л.2
2. Там же. Л.4
3. Там же. Л.8
4. Там же. Д.4634. Л.28
5. Борисов С.Б. Шадринский государственный педагогический институт: 1939-1999. Шадринск: Изд-во Шадринского пединститута, 1998.
6. ГАРФ. Ф. А2306. Оп.73. Д.102. Л.5

Б.В. Архипов
Курганский государственный университет

ЗАМЕТКИ К МЕДИАОБРАЗОВАНИЮ, ИНТЕГРИРОВАННОМУ С БАЗОВЫМ ИСТОРИЧЕСКИМ (ПОТЕНЦИАЛ КИНО В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИСТОРИИ)

XX век вошел в историю как век визуальной культуры. Медиа во всех своих видах начали играть все большую роль в жизни общества. Вторая половина XX века ознаменовалась все большим распространением такого аудиовизуального средства массовой коммуникации, как телевидение. Вообще прошлое столетие показало с одной стороны значимость массовой коммуникации в повседневной жизни общества, а с другой - ее влияние на общественное сознание. Не случайно распространение двух наиболее значимых в этот период СМК (средств массовой коммуникации) связано со становящимися или уже сложившимися тоталитарными режимами.

Первое из них – радио – первоначально получило действительно массовое распространение в СССР в 1920-х годах. Второе – телевидение – во второй половине 1930-х годов в фашистской Германии. Первые трансляции были посвящены XI олимпийским играм 1936 года в Берлине.

В современном мире большая часть получаемой нами информации обо всех мировых событиях, а также о состоянии дел в собственной стране приходит к нам через СМК. При этом благодаря особенностям человеческого восприятия наибольшее влияние на публику оказывает именно аудиовизуальная информация, влияющая одновременно на зрение и слух. При таком комплексном воздействии человеку сложнее критически воспринимать поступающую информацию и анализировать ее.

Особое место среди аудиовизуальных средств воздействия занимает кино. Эта особенность определяется еще и тем фактом, что кино делает коллектив, который изначально ориентирован на получение максимального эффекта. К воздействию фактологическому добавляется воздействие эмоциональное, художественное. Художественный образ с момента своего появления был призван донести до своего реципиента определенный художником взгляд, настроение, отношение. В кинематографе это выражается, пожалуй, наиболее полно.

При этом он зачастую в ряде своих проявлений, жанров не является в чистом виде произведением искусства. Он во многих случаях ориентирован не на специально подготовленную аудиторию, элиту, а предназначен для действительно массового зрителя. Практика и советского кино, и Голливуда показывает, что возможно целенаправленное воздействие на умы и сердца самой широкой публики. При этом мы не имеем в виду весь широчайший ассортимент кинопродукции, вышедшей на экраны с 1895 года, года изобретения кино братьями Люмьер. Мы подразумеваем, прежде всего, фильмы, так или иначе отражающие историческую тематику.

Вопрос, что есть историческое кино, достаточно спорный. Нет и единой точки зрения в определении кино учебного, научного и документального. Например, БСЭ определяет учебное кино как один из видов научного кино, использующийся в качестве вспомогательного средства в учебном процессе (1), а в словарях яндекса дается несколько иное определение: фильмы, специально созданные в качестве средств обучения, а также научно-популярные, технико-пропагандистские, хронико-документальные фильмы, используемые в учебно-воспитатель-

ном процессе (1). Во втором случае данное определение является более широким. Рискнем предложить свою классификацию. За основу при этом мы берем разделение фильмов по жанрам, а также степени условности (игровые и неигровые).

	художественные		документальные			
	исторические	антуражные	кинохроника	монтажные	научно-популярные	учебные
игровые	*	*			*	*
неигровые			*	*	*	*

Художественные фильмы, с одной стороны, являются лишь неким взглядом, видением автора тех или иных событий, эпохи, т.е. произведением искусства, с другой – служат источником представлений о прошлом для широкой аудитории не-историков. Эти произведения мы делим на две подгруппы. Исторические фильмы посвящены реальным историческим событиям, в которых могут действовать реальные или выдуманные автором герои. Задачей автора, в этом случае, является максимально достоверное воспроизведение события или, точнее, его возможной версии. Конечно, будучи произведением искусства, фильм предполагает определенную, иногда достаточно значительную долю художественной условности. В качестве примера можно вспомнить «Броненосец Потемкин» и «Александр Невский» Сергея Эйзенштейна или «Освобождение» Юрия Озерова. К «антуражным» мы относим те произведения, сюжет которых не имеет или практически не имеет отношения к реальным историческим событиям и персонажам, однако действие происходит «на фоне» истории, в обрамлении исторического антуража. Не будучи историческими, эти фильмы, тем не менее, создают у зрителя определенные представления, видение, зачастую замещающие собственно историю. В качестве примера можно вспомнить «Д'Артаньян и три мушкетера» Георгия Юнгвальд-Хилькевича, сериалы по произведениям А. Дюма, «Гардемарины, вперед!» Светланы Дружининой.

Документалистику мы также условно делим на подгруппы. При этом следует отметить, что в большинстве случаев документальное кино в отличие от художественного рассматривается как неигровое, даже если оно включает в себя фрагменты художественных фильмов или, применительно к истории, исторические реконструкции с игрой актеров. Как нам кажется, исходя из места кино в процессе обучения истории следует все же отмечать наличие в документальных фильмах актерской игры. К первой группе относится кинохроника, то есть не смонтированные съемки событий. В этом случае перед нами предстает наиболее объективная картина реальности, хотя и она является взглядом, пусть даже только оператора. Как только отснятый материал подвергается монтажной обработке, мы имеем дело с интерпретацией фактов. Включение в фильм хроникальных моментов усиливает его эмоциональное воздействие, но не добавляет историчности. Кроме того, в очень многих случаях наблюдается явное несоответствие хроникальных кадров и комментариев. При этом сама хроника выпадает из контекста и утрачивает свою историческую значимость. В качестве примера можно брать практически любой документаль-

ный фильм о войне, хроникальные боевые эпизоды в подавляющем большинстве случаев надерганы абсолютно бессистемно из съемок с разных участков фронта и разных лет.

Научно-популярные фильмы призваны, соответственно, популяризировать научные достижения, знакомить с ними широкую общественность. В случае с историей, как нам представляется, эта категория фильмов очень тесно примыкает к документальным, и разделение их представляется крайне проблематичным. Много примеров такого рода представляют в частности такие каналы, как BBC, Discovery, National Geographic. Из современных российских компаний, производящих документальные и популярные фильмы на историческую тематику, можно назвать, в первую очередь, студию «Крылья России».

Учебное кино в настоящее время в нашей стране становится практически забытым жанром. В данном случае под термином «учебное кино» мы понимаем фильмы, созданные непосредственно с целью применения их в учебном процессе, ориентированные на тот или иной возраст учащихся. Фактически мы имеем дело либо с использованием учителем фрагментов имеющихся художественных и документальных фильмов, либо с фильмами, создаваемыми самими учителями и школьниками. При этом развитие и распространение компьютерной и видеотехники делает такую задачу технически осуществимой.

В целом историческое кино оказывает большое влияние на формирование исторических представлений самого широкого круга зрителей. Логично предположить, что воздействие кино на учащихся также велико. Данное влияние обеспечивается синтетической природой киноискусства, его значительным эмоциональным воздействием. При этом в современной российской школе практически отсутствует изучение особенностей создания и воздействия текстов СМИ или медиатекстов. То же кино используется на уроках достаточно фрагментарно и в большинстве случаев в качестве наглядного пособия, что входит в противоречие с требованиями действительности.

Следует отметить, что данная проблема получила свое отражение в нормативных документах. Закон «Об образовании» РФ называет следующие его цели: свободное развитие личности, обеспечение ее самоопределения, создание условий для ее самореализации, формирование человека и гражданина, интегрированного в современное ему общество и нацеленного на совершенствование этого общества. Отсюда следует, что система школьного образования должна адекватно реагировать на происходящие в обществе изменения, то есть подготавливать человека к жизни в условиях наступающего информационного общества.

Государственный стандарт общего образования (3, 33-39) называет следующие направления модернизации образования: направленность на формирование общих учебных умений и навыков, обобщенных способов коммуникативной, практической, творческой деятельности, на получение учащимися опыта этой деятельности; формирование ключевых компетенций – готовности учащихся использовать усвоенные знания, умения и способы деятельности в реальной жизни для решения практических задач; усиление роли дисциплин, обеспечивающих успешную социализацию учащихся, в том числе истории.

Государственный образовательный стандарт по истории (8, 24-30) предполагает проверку следующих умений: высказывать суждение о назначении, ценности источника; характеризовать позиции, взгляды автора (составителя) источника; сравнивать данные различных источников, выявлять их сходство и различия, сравнивать пред-

лагаемые исторические версии и оценки, выявляя сходство и различия; высказывать суждения о подходах (критериях), лежащих в основе отдельных версий и оценок, представленных в учебной и популярной литературе.

Так как историческое кино является для учащихся источником знаний и образов, то перечисленные в стандарте умения должны распространяться и на работу с ним. При этом мы говорим о кино не как об историческом источнике, а только как об источнике знаний и представлений. К собственно историческим источникам может быть отнесена кинохроника, хотя и остальные жанры могут выступать в качестве таковых, неся в себе информацию об эпохе своего создания. Во второй половине прошлого века в западной педагогике выделяется новое направления, получившее название медиаобразование.

Понятие «медиаобразование» впервые было раскрыто в материалах ЮНЕСКО в 70-е гг. «Под медиаобразованием следует понимать обучение теории и практическим умениям для овладения современными средствами массовой коммуникации (СМК), рассматриваемыми как часть специфической и автономной области знаний в педагогической теории и практике; его следует отличать от использования СМК как вспомогательных средств в преподавании других областей знаний, таких как, например, математика, физика, география» (4).

Современный «Психолого-педагогический словарь» определяет медиаобразование (от английского *media education* и латинского *media*) как «направление в педагогике, выступающее за изучение школьниками закономерностей массовой коммуникации. Основная задача медиаобразования - подготовить новое поколение к жизни в современных информационных условиях, к восприятию различной информации, научить человека понимать ее, осознавать последствия ее воздействия на психику, овладевать способами общения на основе невербальных форм коммуникации с помощью технических средств и современных информационных технологий» (7).

В советской и российской школе работа с кино в процессе обучения истории имеет определенные традиции. С конца 1950-х гг. советские методисты начинают уделять все большее внимание работе с кино материалом. При этом постепенно происходит определенное переосмысление роли кино на уроке. Если у А.И. Стражева (10, 245-265) кино рассматривается исключительно как одна из разновидностей наглядности на уроке и ему уделено лишь несколько строк, то учебник методики, вышедший в 1986 году, уделяет работе с фильмом большее внимание (6, 139-156). При этом часть предлагаемых вопросов фактически относится к области медиаобразования, например: «написать краткий пересказ фильма... сравнить содержание фильма и учебника», т.е. речь идет об умениях переводить информацию из одной знаковой системы в другую и сопоставлять информацию, представленную в различных знаковых системах. В учебниках по методике преподавания истории, появившихся в 2000-х гг., работе с кинофильмами уделяется внимания даже меньше, чем в 1970-1980-х гг. При этом кино рассматривается лишь как часть комплекса ТСО (11, 101-103; 9; 2, 225-226). Таким образом, с одной стороны накоплен определенный опыт, а с другой – не реализуется или реализуется не полностью весь развивающий потенциал кино. Для изменения существующего положения необходимо, на наш взгляд, введение в школьный курс медиаобразования. Для этого существуют три возможных пути: самостоятельный предмет, факультатив и интеграция медиаобразования в существующие школьные курсы. Последний путь представляется наиболее приемлемым, так как позволяет охватить всех учащихся и не ведет к радикально-

му пересмотру учебных планов.

Исходя из вышесказанного мы предлагаем следующий вариант реализации медиаобразования, интегрированного с базовым историческим в рамках среднего образования на примере работы с историческими кинофильмами. Значительную помощь в работе нам оказало обращение к стандарту медиаобразования, интегрированного с различными школьными дисциплинами (5, 26-34). Содержание его должно быть направлено на реализацию следующих целей:

- подготовка учащихся к жизни в современном обществе;
- ориентация в насыщенных информационных потоках, обучение восприятию и переработке исторической информации, передаваемой по каналам СМК;
- умение противостоять попыткам манипуляций сознанием индивида со стороны СМК, развитие критического мышления, умения понимать скрытый смысл того или иного сообщения;
- воспитание критического отношения к медиаинформации и способности выявлять в ней факты и мнения, соотносить с существующей в обществе системой ценностей;
- формирование опыта представления и восприятия информации в различных знаковых системах;
- включение внешкольной информации в контекст базового исторического образования;
- формирование опыта составления оценочных суждений о медиатекстах;
- формирование умений находить, готовить, передавать и принимать требуемую информацию, в том числе с использованием различного технического инструментария (компьютеры, модемы, факсы, мультимедиа и др.).

Знания: язык медиа (медиаграмотность), понимание различий между отдельными видами медиа (СМК), роль медиа в современном мире, функции медиа, факторы отбора информации СМИ, влияния медиа на формирование личности.

Для реализации названных целей учащиеся должны овладеть следующими умениями:

- умение находить/выделять информацию по определенной теме из различных источников;
- умение сопоставлять информацию, представленную в различных знаковых системах;
- умение переводить информацию из одной знаковой системы в другую;
- умение формировать из информации, предоставляемой различными источниками, общей, непротиворечивой картины;
- умение выявлять и исправлять в получаемой информации ошибки/опечатки/оговорки (помехи);
- умение выявлять цель создания сообщения, (идеологическую базу) и определять его авторство, возможного адресата;
- умение определять возможный исторический контекст сообщения;
- умение формировать оценочные суждения;
- умение самостоятельно создавать медиатексты, направленные на решение той или иной конкретной задачи с применением соответствующих технических средств.

Уровни сформированности знаний и умений:

- репродуктивный (низкий) - умение находить/выделять информацию по определенной теме из различных источников, умение выявлять и исправлять в получаемой информации ошибки /опечатки /оговорки (помехи), умение сопоставлять информацию, представленную в различных знаковых системах);
- частично-поисковый (средний) - умение перево-

дить информацию из одной знаковой системы в другую, умение формировать из информации, предоставляемой различными источниками, общей, непротиворечивой картины;

креативный (высокий) - умение определять возможный исторический контекст сообщения, умение выявлять цель создания сообщения (идеологическую базу) и определять его авторство, возможного адресата, умение самостоятельно создавать медиатексты, направленные на решение той или иной конкретной задачи.

При практической реализации интегрированного медиаобразования могут быть использованы следующие примерные задания.

Работа с фильмом. Видео - и звукояд (что показано); как скомпоновано, показано, с каких позиций автор предлагает взглянуть на происходящее; зачем показано именно так (цель); насколько реализована автором предполагаемая цель; когда, где и кем снято: информация об авторе (социальная и этническая принадлежность, политические, идеологические пристрастия, другие произведения); как соотносится с политическим и социальным контекстом, существующим на момент создания, отсюда – предположения о позиции создателей. При помощи каких выразительных средств автор доносит до зрителя свои идеи, на каких моментах и за счет чего акцентируется внимание аудитории.

Работа с фильмом и литературой. По возможности и наличию – знакомство с литературной основой фильма, выявление сходства и различий в позициях авторов литературного произведения и фильма. Рассмотрение освещаемых событий в учебной литературе, трудах историков, источниках. Соотнесение полученной картины с фильмом, выявление различий и их предположительных причин.

Самостоятельная работа над созданием фильма (освоение основных информационных умений и соответствующего комплекса ТС). Возможная форма – видеореферат либо учебный фильм. Задания данного типа являются самыми сложными, так как требуют самого высокого уровня сформированности всех умений и большого объема знаний. При выполнении подобных заданий уместно использовать групповую форму организации деятельности учащихся.

Рассмотрим вариант работы с художественным фильмом на историческую тему на уроке, взяв в качестве примера кинофильм «Александр Невский» режиссеров С. Эйзенштейна и Д. Васильева, производства киностудии «Мосфильм» 1938 г., продолжительность 103 мин. В настоящее время фильм можно найти на различных типах носителей, что делает возможным его использование практически в любой школе в форматах VHS или DVD. Фильм показывает одно из значимых событий истории нашей страны, точнее, его трактовку, реконструкцию, созданную авторами, на которых оказывалось мощное идеологическое давление.

Продолжительность фильма делает возможным использование на уроке только его фрагментов либо ознакомление учащихся с фильмом во внеурочное время. Перед показом картины (фрагментов) внимание учащихся должно быть акцентировано не только на том, что составляет ее сюжет, но и на том, как, с какой целью и почему представлено именно так. После демонстрации фильма или его фрагментов для учащихся могут быть предложены следующие вопросы. Какова, на Ваш взгляд, цель создания этого фильма? С каких позиций представлены происходящие события? Какие выразительные средства и с какой целью были использованы авторами фильма? Кто является главным действующим лицом фильма, какому подходу к изучению истории это соответ-

ствует? Какие группы населения представлены в фильме, насколько это представление соответствует современным взглядам на социальный состав населения Новгородской республики того периода? Могут ли быть проведены какие-либо исторические аналогии между событиями, о которых идет речь в фильме, и событиями, современными фильму? Существуют ли фактологические несоответствия между образом истории, представленным в фильме, и Вашими знаниями о данном периоде? Если да, то чем они могли быть вызваны? Что мы можем узнать об эпохе создания фильма из анализа его содержания и художественного воплощения? Что бы Вы изменили в фильме и почему, если бы Вам пришлось снимать его сегодня?

Постановка подобных вопросов при использовании фрагментов исторических фильмов заставит учащихся более внимательно и вдумчиво просмотреть фильм, извлечь из него дополнительную информацию не только о самих событиях, которым он посвящен, но и об эпохе его создания, даст представление об основных элементах языка кино, научит критическому восприятию поступающей аудиовизуальной информации, пониманию и выявлению различий между фактом и мнением, оценкой. Часть из приведенных вопросов позволяют использовать данный фильм не только при изучении темы «Борьба Руси с иноземными завоевателями в XIII в.» в 10 классе, но и при рассмотрении советского общества и его культуры в 1930-х гг. на уроках в 11 классе.

Как мы уже упоминали, наиболее сложные задания связаны с самостоятельной работой по созданию фильма. Рассмотрим пример создания учебного фильма. Он показывает типичные ошибки, которые могут быть допущены при подобном рода работе.

При формировании творческой группы следует учитывать следующие обстоятельства. Участники ее должны не только разбираться в материале, составляющем основу создаваемого фильма, но и быть людьми творческого склада, стремящимися и могущими интересно представить учебный материал. Кроме этого, следует учитывать необходимость работы с техническими средствами, что также предполагает наличие навыков работы с данными конкретными средствами, но как минимум с техникой и программным обеспечением вообще. Исходя из этого в состав творческой группы правомерно включать учащихся с различной «специализацией», так они смогут исполнять в группе роли «режиссера», «научного консультанта», «технического специалиста». В процессе взаимодействия при создании фильма они смогут освоить и «смежные» специальности.

Выбор темы фильма может определяться рядом факторов: научные интересы учащихся, ведение тех или иных курсов в школе (факультативы, элективные курсы), возможность использования созданного фильма в практике работы учителей школы. Если первые два фактора будут способствовать успеху работы над содержательной частью фильма, то последний ориентирован на повышение заинтересованности учеников, которые смогут увидеть полезность своей работы. Непосредственная работа над фильмом начинается с возможно более конкретного формулирования задания для учащихся. Далее следует написание сценария, создание аудиоряда и подбор или съемка визуального ряда. Завершается работа монтажом.

Реализация предлагаемой модели может, на наш взгляд, повысить эффективность обучения истории и сделать школьное историческое образование более соответствующим требованиям современного общества путем активного привлечения такого значимого сегодня источника исторической информации, как кино.

Список литературы

1. Большая советская энциклопедия, электронная версия. Научное изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2002.
2. Вяземский Е.Е., Стрелова О.Ю. Теория и методика преподавания истории. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003.
3. Государственные образовательные стандарты (федеральный компонент) // Преподавание истории в школе. 2004. №5.
4. Зазнобина Л.С. Медиаобразование в школе: как же выжить в мире СМИ? www.belti.msk.ru/edn/stat.htm
5. Зазнобина Л.С. Стандарт медиаобразования, интегрированного с различными школьными дисциплинами // Стандарты и мониторинг в образовании. 1998. № 3.
6. Методика преподавания истории в средней школе / С.А.Ежова, И.М.Лебедева, А.В.Дружкова и др. М.: Изд-во «Просвещение», 1986.
7. Психолого-педагогический словарь. М.: Педагогика, 1983.
8. Стандарт среднего (полного) общего образования по истории // Преподавание истории в школе. №8. 2004.
9. Степанищев А.Т. Методика преподавания и изучения истории: В 2 ч. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2002. Ч.2.
10. Стражев А.И. Методика преподавания истории. М.: Изд-во «Просвещение», 1964.
11. Студеникин М.Т. Методика преподавания истории в школе. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2002.

А.И. Кулинич

Курганский государственный университет

ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ФОТОГРАФИЯ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ГОРОДА КУРГАНА

В исследованиях по истории повседневности фотографии, как источнику информации, часто отводят второстепенное место. Между тем, к концу XIX века фотография в техническом плане способна относительно точно, качественно и быстро передавать важную информацию. К 1890-м гг. важной задачей многие фотографы ставят перед собой точное воспроизведение объекта съемки, передачу его реалистичных черт. Тем не менее, некоторые художественные приемы, характерные для живописи, прослеживались в русской провинциальной фотографии. Портрет живописный, популярный в начале XIX века, постепенно заменяется портретом с фотографии и к концу XIX века художественной фотографией. Фотография стала доступна большему кругу населения по сравнению с живописным произведением.

В середине XIX века Курган, как и другие сибирские города, слабо ощущал на себе современные тенденции фотографии, как впрочем, и других видов искусства. Одними из основных причин этого могут быть большая удаленность от центра, скудность средств передачи информации, дороговизна фотосъемки. Тем не менее, первая светописная мастерская появляется в Кургане почти одновременно с мастерскими в других городах Тобольской губернии. В 1868 году ее открывает мещанин Иван Григорьевич Кропанин. К сожалению, эта мастерская не оставила заметного следа после себя (4, 106), снимки фотографа либо лишены авторства, либо утеряны. Возможно, что для уездного города, который только начинал активно развиваться, фотография еще не пользовалась достоянным спросом, а значит, не была выгодна. Вопрос ее доходности беспокоил фотографа того времени не меньше любого другого предпринимателя, ведь стоимость аппаратуры, расходных материалов, обустройства фотографического павильона была достаточно высока.

Своеобразным фотографическим бумом в Тоболь-

ской губернии становится конец XIX века. В Кургане большой интерес к фотографии со стороны как потребителей, так и предпринимателей наблюдается в 1880-е гг., за десятилетие в городе открывается как минимум шесть фотомастерских, владельцами которых были К.Е. Руди, А.А. Якунин, А. Бах, И.О. Воинков, Ш. Вишняк, С.С. Мамаев (2, 165-166). Большая часть фотоателье была открыта в 1888-1889 гг., с этого времени можно говорить о фотографической грамотности курганцев. К фотографии горожане стали относиться как к неотъемлемой части своей жизни, начали выбирать фотографа, который бы устраивал их. В последующие годы в городе регулярно открывались новые фотомастерские, некоторые старые закрылись.

Крестьянин Шадринского уезда Пермской губернии Серапион Савельевич Мамаев, старший армейский отставной писарь, открыл свое фотоателье в Кургане в 1889 году (2, 166). По каким-то причинам он сворачивает дело и через 3 года отправляется на родину, открывает свою фотографию в Шадринске. Возможно, его переезд связан с желанием закрепиться и развиваться в городе, наиболее перспективном, каким был Шадринск. К этому времени фототынок Кургана стал несколько перенасыщен, чего нельзя было сказать о Шадринске. С 1892 года павильон С.С. Мамаева располагается там на улице Петропавловской. Его салон был прекрасно обставлен мебелью, отличался сменными панно для фона (1, 96-97). «Художественная фотография» С.С. Мамаева пользовалась большой популярностью, многие известные шадринцы считали за честь иметь свой фотопортрет работы С.С. Мамаева.

О времени появления некоторых новых фотомастерских нельзя говорить с абсолютной точностью, в разных источниках встречается разная датировка начала их деятельности (разница до 4-5 лет). Например, Н.В. Крылова указывает на то, что фотография курганского мещанина Дмитрия Прокопьевича Панкратьева была открыта в Кургане в 1889 году (3, 152). В книге «Былое светописы» В.Е. Копылов приводит другую дату – 1893 г. (2, 166), отмечает, что его фотомастерская была достаточно известной в городе.

О важности фотографии в городских масштабах говорят «Обязательные постановления Курганской городской Думы», изданные в 1907 году. В разделе «Об обеспечении нормального отдыха служащих в торговых заведениях, складах и конторах» содержатся положения, регламентирующие расписание работы фотомастерских в будние и праздничные дни и т.д. (2, 171).

В 1891 году свое фотоателье открывает курганский мещанин Алексей Иванович Кочешев. К этому времени он уже был опытным фотографом, прежде чем открыть свой салон в Кургане, он в течение трех лет занимался фотографией на Кушвинском заводе Екатеринбургского уезда Пермской губернии. Вернувшись на родину, Кочешев предпринимает ряд смелых шагов по разворачиванию своего дела. Одним из таких шагов было участие в Курганской сельскохозяйственной выставке 1895 года, где его работы заняли важное место. По итогам выставки за серию фотографий, посвященных крестьянскому быту зауральцев конца XIX в., он был награжден серебряной медалью (3, 154). А.И. Кочешев не был единственным фотографом, представившим свои работы и снимавшим выставку. Известные фотографы из Тюмени и Тобольска уделили большое внимание этому «весьма примечательному для Сибири» (2, 168) событию. Возможно, что участие более именитых коллег повлияло на стиль съемки, основные сюжеты фотографий А.И. Кочешева, считает В.Е. Копылов.

Участие в местной выставке не прошло даром для Кочешева. Через год, в 1886 году, один из немногих про-

винциальных фотографов А.И. Кочешев участвует в междугородной фотографической выставке, проходившей в Москве, откуда привозит похвальный отзыв (3, 154). В 1900 году А.И. Кочешев вместе со своим тобольским коллегой И.С. Шустером «представили в Париж на Всемирную выставку в составе экспозиции Тобольской губернии альбомы фотографий» (2, 203).

Постепенно дело А.И. Кочешева становится прибыльным. В 1900 году фотограф выстраивает себе собственный двухэтажный дом на перекрестке Дворянской улицы и Думского переулка (5). Сюда он переезжает из дома братьев Меншиковых, где до этого времени он снимал помещения под фотосалон. Новое здание было специализировано для фотографических работ. Помещения дома позволяли производить съемку при естественном и искусственном освещении. Павильон был оснащен новым американским оборудованием (3, 153). В цокольном этаже расположилась типография, на первом – магазин писчебумажных и фотографических товаров, на втором – фотостудия и жилые помещения. Помимо удобства объемов здания, оно обладало большой эстетической ценностью, представляло собой одно из красивейших зданий города (в настоящее время часть декоративных элементов, стеклянная крыша фотосалона утрачены) (5).

А.И. Кочешев стал самым известным и преуспевающим фотографом Кургана конца XIX – начала XX века, обладал авторитетом и в масштабах всей Тобольской губернии. Широкий кругозор, большой опыт, полученный в результате участия в выставках, пригодился Кочешеву в развитии его дела. Он стал одним из первых в регионе, опередив многих фотографов из Тюмени и Тобольска, кто начал печатать художественные открытые письма с видами города. В собственной типографии с 1901 года Кочешев стал издавать почтовые открытки с надписью «Привет из Кургана» и небольшой фотографией в углу, чем положил начало для серии открытых писем «Привет из ...», ставших популярными в регионе в среде профессионалов и населения. Фотомагазин и светописная мастерская А.И. Кочешева были одним из самых крупных и современных в крае (2, 168-169). Помещения фотостудии были достаточно просторными, что позволяло снимать группы до 40-50 человек в 4-5 рядов. Фотосалон Кочешева отличают разнообразная мебель, большое количество сменных живописных фонов, излюбленными элементами которых были портьеры, экзотическая растительность, колонны и декор в различных стилях.

Помимо А.И. Кочешева в разные годы начала XX века в Кургане работали еще, как минимум, шесть фотоателеев: на улице Центральной расположились салоны Воинова, Зырянова, И.Ф. Ожгихина; на улице Дворянской – салон пензенского мещанина В.А. Карташева (с 1913 года); в Бакиновском переулке – Д.П. Панкратьева; С.М. Тюленева (местоположение неизвестно) (2, 166, 169); (3, 153). Если судить по количеству дошедших до нас фотографий и частоте упоминаемой информации о фотографах в разного рода изданиях того времени, самыми популярными были фотосалоны Кочешева, Панкратьева и Ожгихина. Мастерские курганцев Кочешева и Панкратьева оказались наиболее «живучими» в развивающемся провинциальном городе. Со времени своего появления в конце XIX века до закрытия они насчитывают больше двух десятилетий. Революционные события в России помешали дальнейшему развитию фотографии в Кургане, как и в большинстве других городов, многие светописцы не смогли или не захотели ужиться с новой властью. Наблюдавшееся бурное развитие фотографического дела в Кургане было приостановлено.

С момента появления фотографии в Кургане в 1864 году до Революции 1917 года по самым скромным под-

счетом в городе жили и работали минимум пятнадцать фотографов-профессионалов. Фотографический бум приходится на конец 1880-х гг., когда в Курган приезжают многие светописцы, чтобы открыть свое дело здесь. В начале XX века, с появлением более доступной и простой фототехники, появляется большое количество фототехников. Не все оставили после себя большое наследие, но несомненно, что мастерские курганских фотографов, как и во многих других уездных городах, были одними из центров повседневной жизни. В фотосалоны старались попасть как известные зажиточные купцы и дворяне, так и небогатые крестьяне, часто на фотографиях мы видим представителей духовенства. С интересом горожане смотрели в объектив фотокамеры на улицах. Популярны были как индивидуальные портреты, так и групповые, семейные. Нередко фотографировались на пленере. По просьбам заказчиков фотографы часто снимали большие группы рабочих, служащих, учащихся и др. в их привычной обстановке: на улицах города, на рабочих местах или в стенах учебного заведения. Они следили за всеми значимыми событиями города и пытались отражать их в своих работах. С конца XIX века фотография входит в повседневную жизнь курганца как ее важная часть.

Список литературы

1. Зуева М.И. *Шадринские фотографии // Культура Зауралья: прошлое и настоящее: Сб. научных трудов. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 1999. Вып. 2. С. 96-99.*
2. Копылов В.Е. *Былое светописцы (У истоков фотографии в Тобольской губернии). Тюмень: Издательский дом «Слово», 2004.*
3. Крылова Н.В. *Запечатлевшие время: курганские фотографии // Очерки культуры повседневности города Кургана XIX – первой трети XX века. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2009. С. 152-155.*
4. Мальцева Т.И. *Кочешев – фотописец Зауралья // Курганский областной художественный музей и культура края: Сборник материалов научной конференции, посвященной 10-летию музея. Курган: Парус-М, 1993. С. 106-109.*
5. *Паспорт дома А.И. Кочешева // Архив НПЦ по охране и использованию объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) Курганской области.*

А.В. Могутнов
Челябинская агроинженерная академия

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ АКТИВИЗАЦИИ ОБОРОННОЙ РАБОТЫ В СТРАНЕ

Во второй половине двадцатых годов, как во всей стране, так и в Южном Зауралье получила развитие оборонно-массовая работа, чему способствовала политическая, военная, экономическая ситуация, в которой находилось молодое советское государство.

В этот исторический период были актуальными идеи руководителя государства В.И. Ленина о повышении оборонного могущества Советской России, о создании боеготовой армии и флота, способностях широких народных масс во всеоружии встретить врага. Для этого, считал он, необходимо в мирное время не забывать о военном обучении населения. Руководитель правящей партии и государства призывал трудящихся овладевать наукой стрельбы, расширять вширь и глубь в массах азбуку военного дела (1). То есть эти указания, идеи составили основу для партийно-государственных структур, общественных, оборонных организаций по масштабной под-

готовке к войне не только Красной Армии и Флота, но и всего населения в стране. Это первая и главная причина, способствовавшая массовому охвату различных категорий военным обучением, их вовлечением в оборонно-массовую работу.

Сегодня можно по-разному относиться к событиям октября 1917 года, к руководителю советского государства В.И. Ленину, партии большевиков. Однако, оглядываясь на прожитые после этого, бесспорно, эпохальные события, можно смело утверждать, что минувшие десятилетия стали периодом создания принципиально нового общества, с какой бы стороны, позитивной или негативной, мы его не оценивали. Экономический, социально-политический, культурный облик страны, ее оборонный потенциал приобрели за это время совсем иные в отличие от дореволюционного времени черты, особенности, достижения. Советскому государству постоянно приходилось заботиться о своей безопасности, строить новую Рабоче-крестьянскую Красную Армию, готовить оборонные кадры из среды трудящихся масс. Подобная задача остается актуальной и на современном этапе.

Второй, достаточно весомой на наш взгляд причиной активизации оборонной работы в стране стала военная доктрина, получившая свое рождение в послеоктябрьский период.

Как свидетельствует анализ источников базы, методологическую основу военной доктрины, составляли выводы о возрастании роли тыла и экономики в современной войне, о диалектической взаимосвязи войны и экономики. Положение о роли крепкого тыла для ведения победоносной войны получило развитие во многих теоретических трудах В.И. Ленина. Как считает исследователь его военного наследия Ю.И. Кораблев, вождь рабочего класса включал в содержание этого понятия ряд многочисленных факторов. К ним, в частности, он относил характер социального строя государства, политическую, экономическую организацию общества, моральное состояние и сплоченность народа, идеологию, науку, постановку работы всех звеньев государственного аппарата. При этом В.И. Ленин делал акцент на то, что для победы в современной войне решающее значение имеют не только преимущества в уровне материального производства, в экономических ресурсах, но и способность государства быстро мобилизовать их для оснащения своих вооруженных сил (2).

Военная доктрина уже в тот период времени представляла систему официально принятых в государстве основополагающих взглядов, положений по вопросам обороны страны. Она определяла отношение государства к войне, в ней был сформулирован характер возможных военных задач, способы решения и главные направления военного строительства.

Военная доктрина советского государства дала толчок развитию понятия «мобилизационная работа», имевшего огромное значение как для кадровой армии и флота, так и для решения задач подготовки населения, экономики страны к обороне в случае нападения врага.

Смысловое содержание понятия «мобилизация» раскрыл М.В. Фрунзе. В своей основе это относилось к армии и включало призыв личного состава в Красную Армию, ее обеспечение всеми видами довольствия (3). Одновременно им были определены важнейшие методологические выводы о возрастании роли тыла и экономики в современной войне, о диалектической взаимосвязи войны и экономики. При этом решающее значение отводилось не только преимуществам в уровне материального производства, в экономических ресурсах, но и способности государства быстро мобилизовать их для оснащения своих вооруженных сил (4). В современном

понимании мобилизационная работа – понятие достаточно объемное и содержательное, включает мероприятия экономического, военного, социального, политического характера. Мобилизационная работа, проводимая в Южном Зауралье как в предвоенные годы, так и в годы войны, составляла стержневую основу обеспечения фронта всеми видами боеприпасов, довольствия, средствами ведения боя, обученным пополнением. Ее содержание охватывало широкий спектр конкретных направлений, связанных с решением разнопланового комплекса оборонных мероприятий, реализацию которых невозможно было осуществить без мобилизации материальных и духовных сил всего народа, подчинения всех народно-хозяйственных ресурсов интересам фронта. То есть мобилизационная работа подразумевала заблаговременное обучение военному делу населения страны, накопление военнообученного резерва. Проводимая в этом направлении работа подлежала контролю со стороны партийно-государственных, военных органов. Например, по итогам мобилизаций Реввоенсовет СССР в январе 1930 года принял постановление «Об основных задачах по мобилизации РККА», в котором наряду с причинами низкого уровня мобилизационной готовности РККА отмечалось несоответствие систем комплектования мирного и военного времени (5). Из сказанного вытекает значимость военного обучения населения, постановка на учет имевших военно-учетные специальности для последующего их призыва в РККА.

Подобная оценка состояния мобилизационной работы Реввоенсоветом страны послужила серьезным толчком для ее проведения в тридцатых годах.

Итак, становление в двадцатые годы советских военно-теоретических взглядов на создание и использование стратегических резервов, их подготовка в последующий период оказали огромное влияние на развитие оборонно-массовой работы в стране. На формирование теоретических взглядов в этой области повлияла вся совокупность факторов, включавших изменения в международной обстановке, уровень военной опасности, взгляды на характер будущей войны, военная теория передовых в военном отношении государств, а также опыт создания и применения стратегических резервов в войнах прошлого.

Одной из причин, повлиявших на вовлечение широких масс в обучение военному делу, стало воздействие научно-технического прогресса в общей системе факторов, влияющих на ход и исход любой войны, переосмысление значимости и роли личности, обладавшей суммой военных знаний и практических навыков.

Опыт ведения локальных и крупномасштабных войн наглядно показал роль тыловых районов страны как непосредственных участников вооруженной борьбы, поскольку широкое использование авиации, особенно бомбардировочной, войск противовоздушной обороны влекло за собой дальнейшее стирание грани между фронтом и тылом. Войны стали носить все более ожесточенный характер. Применение автоматического оружия, боевой техники, обладающей огромной разрушительной силой, приводило к значительным людским и материальным потерям (6). Данное обстоятельство наряду с обострением военно-политической обстановки в мире побудило советское и партийное руководство страны принять меры, направленные на организацию военного обучения граждан.

Происходившая в годы предвоенных пятилеток моторизация Красной Армии, оснащение ее новой по тем временам современной техникой потребовали коренного изменения новых подходов в подготовке допризывной молодежи к военной службе. Уже в 20-е годы в штаты

уездных военных комиссариатов были введены отделы Всеобуча, непосредственно занимавшихся организацией военной подготовки призывников. Красная Армия нуждалась не только в сильных, смелых, физически крепких, но и прежде всего знающих, способных быстро овладеть сложными военными специальностями бойцах и командирах. Начавшаяся вторая мировая война в сравнении с первой мировой значительно отличалась военно-техническим содержанием. В армиях государств, участвовавших во Второй мировой войне, насчитывалось 160 различных воинских специальностей (7).

В 20–30-е годы в Красную Армию стала поступать разнообразная боевая техника. Советская оборонная промышленность с 1927 по 1931 годы ежегодно выпускала 100 танков, 220 гаубиц (8). На 1929–1933 годы планировалось произвести и поставить в армии 6665 единиц бронетехники (9). По расчетам военных специалистов Генерального штаба РККА в целях развертывания мобилизационной готовности к 1933 году планировалось иметь в соединениях, полках, частях 10400 самолетов, 100 тысяч автомобилей. К 1938 году количество самолетов в авиации РККА планировалось довести до 32 тысяч единиц (10). То есть потребность в квалифицированных военных специалистах возрастала ежегодно. Это, в свою очередь, ложилось дополнительным грузом на оборонные общества, которые обязывались вести подготовку военнообученного пополнения для армии.

Еще одна из причин, способствовавшая оборонно-массовой работе, кроется в проводимой в 1924 – 1925 годах военной реформе. Она внесла изменения в область военного строительства в целях укрепления Красной Армии, сократив ее численность в соответствии с условиями мирного времени и экономическими возможностями страны. Была принята смешанная система устройства Рабоче-крестьянской Красной Армии, позволившая при меньших затратах иметь небольшую кадровую армию, способную обеспечить безопасность границ страны, а в случае войны быстро мобилизовать армию. Одновременно ставка делалась на широкое военное обучение трудящихся, в том числе из военнообязанных запаса. Была упорядочена организационно-штатная структура войск, регламентирована система комплектования, качественно обновлен кадровый состав, реорганизована система снабжения, заложена плановая система боевой подготовки и многое другое.

Во многом приданию положительной динамики в развитии оборонной работы в стране способствовало принятие VII Чрезвычайным съездом Советов 5 декабря 1936 года Конституции (Основного закона) Союза Советских Социалистических Республик. В соответствии со статьей 126 Основного закона определялась структура политической системы общества, перечислялись все ее элементы. С целью развития организационной самостоятельности и политической активности народных масс гражданам СССР в соответствии со статьей 126 обеспечивалось право объединяться в общественные организации, профессиональные союзы, кооперативные объединения, молодежные, спортивные и оборонные организации (11).

Таким образом, введение и активизация оборонно-массовой работы в предвоенный период и накануне Второй мировой войны явилась необходимостью и оправданным шагом организации отпора фашизму.

Список источников и литературы

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 358.
2. См.: Кораблев Ю.И. В.И. Ленин и создание Красной армии. М.: Наука, 1970. С. 368–390.
3. Фрунзе М.В. Избранные произведения. М., 1957. Т. 2. С. 222.

4. На тыл страны делал ставку видный военный деятель Германии Фельдмаршал Мольтке (1800–1891 гг.), руководивший войсками в австро-прусской и франко-прусской войнах. Он впервые в мировой практике составил мобилизационный план с целью упредить противника в переходе с мирного положения на военное, в котором тылу страны отдал приоритетное значение. См.: Строчков А.А. История военного искусства. М., 1965. С. 582.
5. Макаров И.П. От стратегии сокрушения к стратегии изоляции // Военно-исторический журнал. 1999. № 6. С. 6.
6. Война и армия. М., 1977. С. 201–213.
7. Гнатко И.Я. Роль военно-патриотического воспитания в обеспечении защиты социалистического Отечества // Труды академии. М., 1970. С. 380.
8. Самуэльсон Л. Красный колос. Становление военно-промышленного комплекса СССР 1921–1941. М., 2001. С. 63.
9. Там же. С. 151.
10. Там же. С. 182.
11. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик // Сборник законов СССР. М., 1938–1967. Т.1. С. 109.

И.В. Неупокоев
Курганский институт государственной и
муниципальной службы
Филиал ФГОУ ВПО «Уральская академия
государственной службы»
г. Курган

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ НАРОДНЫМ ОБРАЗОВАНИЕМ В ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII-НАЧАЛЕ XX ВВ.

Первой системной попыткой создать сеть общеобразовательных учебных заведений явилась школьная реформа Екатерины II. Ее подготовительный этап начался с создания в 1782 г. всероссийского органа управления народным образованием - Комиссии об учреждении училищ под председательством фаворита императрицы П.В. Завадовского. Комиссию консультировал приехавший из Австрии сербский педагог Янкович де Мириево. В 1786 г. Комиссия разработала Устав народных училищ, который законодательно оформил систему начальных и средних школ в рамках государства. Согласно Уставу в каждом губернском городе должны создаваться главные четырехклассные училища (станут предшественниками гимназий), а в уездном – малые двухклассные училища. Народные училища поступали в ведение приказов общественного призрения, которые возникли еще на основании областной реформы 1775 г. (Тобольский приказ общественного призрения создан в 1782 г.). Губернатор, как председатель приказа, был вместе с тем попечителем училищ во всей губернии. Учебная часть была вверена в каждой губернии особому директору народных училищ, который имел право участвовать в заседаниях приказа и был обязан два раза в год представлять отчеты по училищам. Никаких средств для открытия и содержания училищ дано не было. Первые итоги в деле развития народного образования были отражены в докладе Комиссии от 1788 г. на имя императрицы Екатерины II. Положительный опыт массового устройства училищ привел к указу от 3 ноября 1788 г., который предписывал открыть главные народные училища в остальных 14 губерниях России, в число которых и вошла Тобольская губерния. 11 марта 1789 г. можно считать началом реализации школьной реформы Екатерины II в Тобольской губернии, когда в Тобольске было создано главное народное училище, а в Тюмени, Таре и Туринске — малые училища. На начало 1800 г. в губернии было 8 училищ с 12 учителями и 316

учащимися.

При Александре I школьная реформа будет продолжена созданием в 1802 г. Министерства Народного Просвещения во главе с П.В. Завадовским и изданием в 1803 г. «Предварительных правил народного просвещения». В развитие этих «Правил» Министерство разработало Устав учебных заведений 1804 г. На основании «Правил» и Устава империя была поделена на шесть учебных округов с университетами во главе, все учебные заведения были разделены на четыре разряда: университеты (по одному в каждом учебном округе), организованные из главных народных училищ гимназии (по одной в каждом губернском городе), организованные из малых - уездные училища (в каждом уезде) и приходские училища (в городах и селах). Все эти школы были бессловесными. Училища низшего разряда служили ступенью для перехода в училища следующего разряда. Университет заведовал гимназиями округа, директор гимназии ведал училищами губернии, а смотритель уездного училища надзирал за приходскими школами уезда. Обучение вводилось бесплатное. Реализацию этой реформы стоит отнести к 1817 г., когда городах Тобольской губернии - Кургане, Ишиме, Тюмени - появляются двухклассные уездные училища, а в Таре, Туринске, Тюкалинске и Березове - в 1818 г. Главное народное училище в Тобольске в 1810 г. было преобразовано в мужскую гимназию.

Сибирь должна была составить особый учебный округ во главе с университетом в Тобольске. Но из-за беспрерывных войн начала царствования Александра I университет открыть не смогли и Сибирь присоединили к учебному округу ближайшего Казанского университета. А как из Казани руководить учебным делом в Сибири? Училищный комитет Казанского университета извещал директора Тобольской гимназии о кадровых назначениях: «... г. Сосунов от должности учителя гимназии уволен и определен смотрителем курганского уездного училища с исправлением должности учителя 2 класса» (1). В 1819 г. Училищный комитет командировал для обозрения училищ Тобольской губернии адъюнкта А.И. Лобачевского (2). А с 1821 г. по предложению сибирского генерал-губернатора М.М. Сперанского при Казанском университете была учреждена особая должность визитатора сибирских училищ, на которую был назначен П.А. Словцов, впоследствии автор «Исторического обозрения Сибири». Словцов был первым и последним визитатором училищ. Вполне естественно, что при такой обширности сибирских территорий и специфике путей сообщения эта должность не могла оправдать возлагавшихся на нее надежд. Рассматривая события 14 декабря 1825 г. как «пагубное последствие ложной системы воспитания», Николай I при вступлении на престол отдал министру народного просвещения А.С. Шишкову распоряжение о пересмотре Уставов учебных заведений. В мае 1826 г. был создан Комитет по устройству учебных заведений, благодаря деятельности которого 8 декабря 1828 г. был принят новый школьный Устав. Он упразднил должность визитатора и снял с Казанского учебного округа обязанность управления сибирскими учебными заведениями. Таким образом, первым этапом в развитии управления школьным делом можно считать период с 1789 по 1802 гг., а вторым — с 1802 по 1828 гг., когда немногочисленные учебные заведения Тобольской губернии находились в административном подчинении Совета Казанского университета и контролировались в том числе и через институт визитатора.

Устав 1828 г. подчинил учебные заведения сибирских губерний гражданским губернаторам на правах попечителей округов. Известно, что в 30-е гг. ряд училищ посетил тобольский губернатор Х.Х. Повало-Швейковский. 12 апреля 1859 г. Александр II утвердил составленное под

руководством министра народного просвещения Е.П. Ковалевского «Положение об управлении гражданскими учебными заведениями Западной Сибири». С этого времени все учебные заведения Западной Сибири вверялись в управление генерал-губернатору Западной Сибири, при котором учреждалась должность главного инспектора училищ. Именно по распоряжению генерал-губернатора Западной Сибири от 1862 г., позднее утвержденного Министерством Государственных Имуществ, из-за невозможности приходских священников полноценно выполнять еще и функции учителя к преподаванию в школах были допущены светские учителя (за священниками было оставлено преподавание только Закона Божия) (3). В 1882 г. должность генерал-губернатора Западной Сибири была упразднена и управление учебной частью Западной Сибири поручалось во временное заведование главному инспектору училищ Западной Сибири на правах попечителя учебного округа. Весьма негативно такую систему управления школами оценил обер-прокурор Св. Синода К.П. Победоносцев: «... нельзя не обратить внимания на великое училищное многоначалие при полной неопределенности обязанностей каждого из начальствующих. Настоящего начальства не было. Главным инспектор, один на две сибирские губернии, не в силах что-либо сделать по надзору, особливо при сибирских расстояниях и таких помощниках, как директора училищ и штатные смотрители, занятые своими прямыми служебными обязанностями по управлению вверенными им учебными заведениями. Губернаторы обременены делами по управлению и не всегда могут и желают заниматься школьным делом. Тем менее мог заниматься им сам генерал-губернатор» (4).

Необходимость учреждения отдельного Западно-Сибирского учебного округа впервые была озвучена в Особой Комиссии при МНП во исполнение Высочайшего повеления от 16 мая 1877 г., обсуждавшей вопрос о том, в каком из городов Западной Сибири предпочтительнее открыть университет. Комиссия пришла к выводу о необходимости освобождения генерал-губернатора Западной Сибири от обязанностей заведования учебными заведениями в случае создания университета. В 1884 г., когда работы по постройке зданий Томского университета были близки к завершению, министр народного просвещения И.Д. Делянов вынес на Государственный Совет предложение о создании Западно-Сибирского учебного округа. 17 января 1885 г. решением Государственного Совета учреждался Западно-Сибирский учебный округ, в который вошли Тобольская и Томская губернии, а также Акмолинская, Семипалатинская и Семиреченская области (5). Местом пребывания попечителя округа стал Томск. Первым попечителем округа был назначен доктор медицины В.М. Флоринский. Самый продолжительный срок с 1899 по 1914 г. в этой должности занимал тайный советник Л.И. Лаврентьев. Сохранила существование и система внешнего контроля из центра. Так, в январе 1893 г. тобольский губернатор уведомил курганского окружного исправника, что министром народного просвещения «для обозрения сельских начальных училищ в Тобольской губернии командирован директор Череповецкой учительской семинарии стат. сов. Сциборский» (6).

Внутри губернии учебно-воспитательный надзор за учебными заведениями был сосредоточен в руках директора народных училищ (он же директор гимназии), внутри уездов — в руках штатных смотрителей уездных училищ. И хотя штатные смотрители находились в подчинении директоров народных училищ, тем не менее возникали «управленческие накладки». Так, в 1836 г. из Санкт-Петербурга через Курган с целью инспектирования Тобольской гимназии проезжал некто Качурин, который

потребовал от штатного смотрителя курганского уездного училища Каренгина представить подробные сведения об училище. Каренгин отказался это сделать потому, что «от г. директора не имеет на это предписания» (7). В период с 1814 по 1900 г. в должности директора училищ Тобольской губернии состояли 10 человек. Наиболее известные среди них – это И.П. Менделеев (отец знаменитого химика) и П.П. Ершов (автор сказки «Конек-горбунок»). После выхода Положения о начальных училищах 1874 г. директорам полагалось «содержания по 2500 руб. каждому (1000 руб. жалованья, 800 руб. на наем квартиры и канцелярские издержки, 700 руб. на разъезды, V класс по должности, V разряд по шитью на мундир, право на пенсию по положению по учебной службе и права по чиновпроизводству...» (8). В 1915 г. директор Г.Я. Маляревский получал жалованья – 1440 руб., столовых – 1440 руб., квартирных – 720 руб., за сибирскую службу – 324 руб., итого – 3924 руб. (9).

Под надзором директора оказались и школы при церквях и монастырях, начальную точку создания которых следует считать с издания в 1836 г. Синодом «Правил для первоначального обучения поселянских, в том числе и раскольничьих детей» (10), хотя безуспешные попытки их создавать были предприняты еще в 1827 г. (11). Регламентация взаимоотношения церковных школ с директором осуществлялась указом Синода от 27 сентября 1836 г., по которому благочинные епархии обязывались доставлять сведения о всех учащих церковных школ в Консисторию, которая, в свою очередь, передавала эти сведения директору (12). А с 1847 г. к осмотру училищ при церквях и монастырях были допущены штатные смотрители (13). Однако здесь возникли определенные несоответствия между ведомствами. В одном случае миссионер березовского края игумен Арсений вовсе не допустил смотрителя училищ Абрамова к проверке остоящих училищ. В другом случае, когда штатный смотритель курганского округа 22 мая 1848 г. прибыл в село Кривинское ревизовать церковное училище, то учащихся не обнаружил по причине их роспуска на полевые работы. После этого директор предписал всем заведующим сельскими училищами единообразно распускать учащихся на вакационное время. Мало того, от священников требовали представить подписки, обязывающие их «учение поселянских детей продолжать ежегодно с 1 сентября по 1 мая неупустительно» (14). Чтобы визит штатного смотрителя не был неожиданным, церковные школы стали об этом извещать заранее. Так, например, благочинный священник Н.Наумов в октябре 1848 г. рекомендовал причту села Чинеевского: «...вызвать учеников поселянских детей в училище при церкви, так как Г. смотритель курганских уездных училищ в 1-х числах ноября обещался прибыть для испытания учеников» (15); или благочинный священник Н. Розанов в октябре 1856 г. сообщал священникам своего благочиния, что смотритель М. Костя собирается «отправиться для ревизования сельских училищ. Поэтому предписываю Вам немедленно собрать мальчиков и девочек для обучения грамоте, если до сих пор еще не собраны» (16). По мере увеличения числа церковных училищ штатные смотрители для сбора информации о них непосредственно контактировали с институтами духовного ведомства. Например, в ноябре 1863 г. курганское духовное правление предписало благочинному священнику А. Преображенскому доставить штатному смотрителю «нужные сведения о числе сельских церковных училищ, с обозначением в них числа учащихся и преподавателей отдельно по каждому училищу» (17). В другом примере штатный смотритель курганских училищ 6 октября 1872 г. сам напрямую потребовал от Черемуховского церковного училища доставлять к 15 января полугодовые, а к

1 июня годовые сведения об успехах учеников (18).

Штатные смотрители итоги своей ревизии заносили в журналы обозрения, и затем эти данные анализировались в Тобольской духовной Консистории, которая, в свою очередь, тем или иным образом реагировала на действия причта. Так, в 1853 г. на основании такого журнала штатного смотрителя курганских училищ Каренгина было принято решение «наградить некоторых наставников за усердие их в обучении крестьянских мальчиков» (19); или в 1859 г. Консистория предписала благочинным, что они «озаботились об устройстве при церквях приличных помещений для учеников и должного порядка между учащими и учащимися» (20). В данном случае мы видим межведомственное взаимодействие между светскими и церковными структурами в сфере по контролю за начальными школами. С другой стороны, это взаимодействие имело определенные границы. Так, в марте 1868 г. со стороны МВД сделано распоряжение, чтобы должностные лица волостного сельского управления «устранили себя от вмешательства как в управление церковно-приходскими школами, так и в занятия духовных лиц по преподаванию в сельских училищах» (21).

Директор и штатные смотрители были обязаны осматривать и создаваемые в казенных селениях на основе указа Николая I от 27 июня 1842 г. сельские приходские училища Министерства Государственных Имуществ. Результат своих осмотров директор обязывался сообщать в местную Палату Государственных Имуществ, а штатные смотрители – окружным правлениям. В свою очередь, и Палаты обязаны были сообщать местному директору о закрытии или открытии каждого сельского училища и доставлять ему ведомости о числе училищ, учителей и учащихся. Но так как в Сибири не было Палат Государственных Имуществ, то все дела по устройству таких школ сосредоточились в Казенных Палатах.

Право осматривать эти сельские (министерские) училища (с записью замечаний в книги при училище) получили также и благочинные над церквями, однако «не один из них со времени открытия училищ не сообщал Палате замечаний своих...» (22), и поэтому в 1868 г. архиепископ Тобольский и Сибирский сделал предписание: «чтобы благочинные официально обозревали эти училища в ноябре, в конце декабря и в другое время когда будут в тех краях», представляли отчет и «чтобы от сих обозрений не выходило разноречий с ревизорами с гражданской стороны» (23). После выхода Положения о начальных училищах 1874 г. благочинных обязали и «наблюдать за наставниками и наставницами, определенными Казенной Палатою, и если при этом окажется, что кто-либо из них по поведению и нравственности не соответствует своему званию, о таковых сразу же доносить епархиальному начальству, для надлежащего с его стороны распоряжения» (24).

«Положение об управлении гражданскими учебными заведениями Западной Сибири» 12 апреля 1859 г. уточнило, что директоры училищ «заведывают как подведомственными им ныне гимназиями, уездными и приходскими училищами МНП, так и приходскими и сельскими училищами и школами ведомства МВД и Государственных Имуществ, равно пансионами и школами, учрежденными частными лицами. Надзору штатных смотрителей подчиняются все означенные училища, пансион и школы, состоящие в черте вверенных им округов» (25). Однако директору народных училищ и штатным смотрителям уездных училищ посвящать достаточное время надзору за начальными училищами можно было лишь при их небольшом количестве на начальной стадии. На директоре лежали еще обязанности по управлению гимназией, а на штатных смотрителях — уездными училищами. Уве-

личение числа народных училищ и, таким образом, увеличение расстояний между ними, еще более затрудняли задачу надзора. В августе 1880 г. штатный смотритель училищ курганского уезда писал: «По штатам уездных училищ Высочайше утвержденных в 1859 году, штатному смотрителю уездного училища назначено на разъезды ... для обозрения сельских училищ 60 руб. в год. В это время ... сельских училищ в сибирских губерниях почти совсем не было или же было самое ничтожное количество ..., а стоимость всех необходимых в жизни продуктов была по крайней мере в 4 раза меньше... для осмотра сельских училищ курганского округа предстоит следовать 1303 версты вперед и столько же обратно, а всего около 2606 верст» (26). В 90-е годы тобольский смотритель заведовал 23 школами, из которых между крайней северной и крайней южной было расстояние в 633 версты, ишимский смотритель заведовал 58 школами, курганский — 57 (27). С 1888 г. штатным смотрителям при посещении уездных городов вменялось в обязанность представляться епархиальному архиерею и губернатору (28). На время своих поездок по сельским училищам свои функции по досмотру учебных заведений города штатные смотрители возлагали на законоучителей уездных училищ (29). Недостаток надзора за школами побудил генерал-губернатора Казнакова в 1874 г. возбудить ходатайство об учреждении в Сибири должности инспекторов, в дальнейшем этот же вопрос поднимал и попечитель Западно-Сибирского учебного округа. Сам же этот институт был создан еще в 1869 г. по инициативе министра народного просвещения Д. Толстого. В соседней Пермской губернии надзор за школами каждого уезда также уже осуществлялся через инспекторов, которых на 1897 г. было одиннадцать (30). По представлению МНП решением Государственного Совета в Тобольской губернии с 1 января 1900 г. учреждалась должность инспектора народных училищ и директора народных училищ (теперь уже не директора гимназии). Директор Тобольской гимназии и штатные смотрители уездных училищ освобождались от обязанностей по надзору за народными училищами (31). Первоначально на Тобольскую губернию было три инспектора, с 1906 г. — пять, в дальнейшем их число возросло до 11. Инспектора подчинялись губернскому директору народных училищ, на должность которого первым был назначен статский советник Н.К. Рамзевич. Но более всего известен в этой должности действительный статский советник Г.Я. Маляревский, занимавший ее с 1906 по 1917 гг.

Законом от 7 июня 1913 г. предписывалось назначать на должности инспекторов народных училищ только лиц, имеющих высшее образование или звание учителя высшего начального училища, а также при условии практического знакомства с начальным народным образованием (32). В 1915 г. директор народных училищ Г.Я. Маляревский давал инспекторскому корпусу такую характеристику: инспектор 1-го района Соколов «очень любит школьное дело, гуманно относится к учащимся, весьма исполнительен и в не слишком сложных вопросах разбирается хорошо. Проходит службу с пользой дела»; инспектор 2-го района Осипов: «Большой любитель внешнего порядка и показной стороны в училищах, умеет заставить работать своих подчиненных. Очень горяч и легко выходит из себя без особенной надобности; очень далеко держит от себя учащихся, доступ которых к нему крайне затруднителен. ... При оценке подчиненных руководится не столько их действительными достоинствами сколько повидимому личными симпатиями и степенью их угодливости. Замечается недостаток чувства меры и справедливости; через-чур угодлив со старшими и высокомерен с младшими»; инспектор 3-го района Куминов «Бдительно следит за нравственностью и благонадежностью уча-

щих, но сам далеко заходит в этом, прибегая к таким приемам как поощрение одних учащихся и доносам на других, неосторожное выспрашивание об учащихся посторонних лиц: ямщиков, содержателей земских квартир и т.п., переодевание в простонародный костюм для хождения инкогнито по улицам города о чем, впрочем, всем известно. Сам большой любитель доносов и иногда по делам, не имеющим прямого отношения к его должности»; инспектор 8-го района Давыдов «Производит впечатление человека преклонных лет, одряхлевшего со слабой памятью и притупившейся восприимчивостью. С канцелярским делопроизводством и денежной частью совершенно незнаком, равно, как незнаком с условиями и нуждами начальной школы»; инспектор 10-го района Головин «Очень хорошо знает учебное дело, канцелярскую и денежную часть, сам хороший преподаватель, может самостоятельно руководить педагогическими курсами. Обладая большой энергией проявляет много деятельности по осмотру училищ и руководству учащими. В короткое время он прекрасно ознакомился с положением и нуждами всех училищ своего равно, а равно и с личным составом учащихся, к которым относится гуманно, но без попустительства» (33).

В своих воспоминаниях и публицистике учителя практически единодушно выразили отрицательное отношение к институту инспекторов. Несмотря на то, что закон предписывал избирать их «из лиц, известных педагогическим опытом», на эту должность, по мнению критиков, попадал «народ самый разнокалиберный, большей частью без надлежащего образования и опыта педагогической работы. Во-вторых, учителей оскорбляло презрительно-покровительственное отношение к ним инспекторов, стремившихся, по выражению одного из учителей, продемонстрировать им, «мелким людям», «всю высоту и недосыгаемость своего инспекторского величия». Каждый из инспекторов приезжал к учителю «со своим уставом, и, по отзывам учителей, ничего кроме вреда их приезд не приносил». «Они все делают шумно, напоказ, им нужно кричать о себе, так как нужно составить о себе положение для дальнейшей карьеры» — писал учитель. В-третьих, учителя считали, что надзор инспекторов над их деятельностью преследовал фискальную цель, а на руководство работой учителей в педагогическом отношении у инспекторов не было ни времени, ни соответствующих знаний (34). Особенно после февральской революции 1917 г. институт инспекторов и директоров подвергнется острой критике как выступавший «в роли угнетателей по отношению к личности народного учителя» (35). В мае 1917 г. состоялись уездные съезды учителей начальной школы Тобольской губернии, которые обратились к комиссару Тобольской губернии от Временного правительства с просьбой немедленного устранения Г.Я. Маляревского с должности директора народных училищ «ввиду вредной деятельности... вносившего в школьную жизнь мрак и неуважение к личности учащихся», из-за подавления «свободного духа и инициативы учащихся» (36). Сначала директор Г.Я. Маляревский писал оправдательные письма губернскому комиссару, а потом был вынужден в октябре 1917 г. подать в отставку.

После утверждения Александром III 13 июня 1884 г. «Правил о церковноприходских школах» и 4 мая 1891 г. «Правил о школах грамоты» из числа начальных школ были особо выделены церковные школы. Высшее управление ими принадлежало Св. Синоду. Так будет продолжаться до постановления Временного правительства от 20 июня 1917 г., согласно которому начнется процесс передачи церковных школ под начало МНП (37). На местах управление принадлежало епархиальным архиереям, которые посещали их при обозрении епархии. Так,

курганский наблюдатель священник А. Коровин писал 8 января 1901 г. заведующему Шепотковской школы священнику А. Дьяконову, что 25 января архиепископ будет в селе Сычево и поэтому необходимо «собрать учащиеся Шепотковской школы в церковь и выстроить их там рядами. Желательно, чтобы школьники участвовали в пении храмового тропаря и многолетия при встрече Владыки и были достаточно подготовлены к испытанию из пройденного в особенности по Закону Божию...» (38). Кроме епархиального архиерея церковные школы осматривал и губернатор. Например, курганское уездное отделение в срочном письме заведующему Зюзинской школы священнику В. Карпову от 29 ноября 1910 г. просит принять заисящие меры к встрече губернатора, который по пути следования будет осматривать церковно-приходские школы (39). В 1908 г. школы Тобольской епархии ревизовал также и помощник имперского наблюдателя церковных школ д. ст. сов. В.Т. Георгиевский (40).

Органом власти по заведованию церковными школами становился епархиальный училищный совет. Председатель совета и его члены избирались епархиальным архиереем из духовных и светских лиц. Членом совета становился также и местный директор народных училищ (41), чиновник по крестьянским делам. На местах создавались уездные отделения тобольского епархиального училищного совета, деятельность которых регламентировалась «Правилами об уездных отделениях епархиальных училищных советов» 28 мая 1888 г. (42). В 1885 г. было создано курганское отделение, которое до 1902 г. не имело своего помещения и «вынуждено скитаться по разным местам. Заседания членов отделения происходят либо в небольшой каморке, пристроенной к лавке купца Дерягина, которое настолько мало, что в нем нельзя делать собраний членов отделения, либо в школьном здании, которое не успевает достаточно проветриваться после школьных занятий... приходится выносить школьную мебель, а вместо не вносить стулья, столы, стоящие в другом здании» (43).

Контроль за ходом преподавания на первых порах было поручено благочинным, которые по своей должности и так были обязаны объезжать все приходы своего округа два раза в год – в декабре и июне. Так, на 1895-96 уч. г. в курганском округе было шесть благочинных (44). Но из-за обширного круга их обязанностей наблюдение поручили особым священникам-наблюдателям. 28 мая 1890 г. в Тобольской епархии учреждена должность епархиального наблюдателя церковных школ, на которого возложена также обязанность по проверке деятельности уездных отделений, а 30 апреля 1893 г. - должности окружных наблюдателей (инспекторов), с назначением им особого вознаграждения (с января 1894 г. – от 100-150 руб. в год на расходы для разъездов). В Тобольской епархии появилось 8 уездных наблюдателей (45). Наблюдатели руководствовались особой инструкцией епархиального совета, были обязаны два раза в год посещать все школы своего округа, делать нужные указания и представлять подробные отчеты уездному отделению. В сентябре 1905 г. в Тобольске состоялся съезд наблюдателей Тобольской епархии (46).

Из путевого журнала епархиального наблюдателя следует, что он за 1890-1891 учебный год посетил 106 школ: 92 церковно-приходские и 14 школ грамоты. Для этого он выехал из Тобольска 28 сентября 1890 г. и вернулся только в конце декабря, затем 14 января 1891 г. поехал опять (9 марта «дорога вследствие наступивших оттепелей совсем попортилась: нельзя ехать ни на санях, ни на телеге») и 22 марта вернулся обратно, после чего «долгое время был болен лихорадкой» (47). Таким образом, у епархиального наблюдателя, в любую погоду

переезжавшего от школы к школе, каждый раз ночующего на новом месте, была нелегкая, в прямом смысле слова «кочевая» служба. С апреля 1894 г. на должность епархиального наблюдателя был назначен Г.Я. Малаяревский, который, как и его помощник, осуществлял тщательный контроль за церковными школами с помощью их лично посещения (48).

Особенностью церковно-школьной инспекции стала следующая многоуровневость: епархиальный наблюдатель – уездный наблюдатель – благочинный. Но, кроме того, церковные школы обзоредали и штатные смотрители (49). Они были назначены членами уездных отделений от МНП в Тюмени, Ишиме, Таре, Ялуторовске, Туринске, Кургане, Березове и Тобольске, а в Тюкалинске – заведующий Тюкалинским двухклассным городским училищем Н. Кулигин и в Сургуте – учитель местного приходского училища Ф. Зобнин (50). 26 февраля 1896 г. Николай II утвердил «Положение об управлении школами церковно-приходскими и грамоты ведомства православного исповедания», которое уточнило структуру советов. Епархиальный училищный совет состоял из председателя, 9 постоянных членов, епархиального наблюдателя и местного чиновника от МНП. Уездное отделение состояло из председателя, восьми постоянных членов, уездного наблюдателя и местных благочинных (51). Производить заседания епархиального училищного совета в полном составе из-за занятости прямыми обязанностями его членов было затруднительно, и поэтому в дальнейшем при совете возникла школьная комиссия, которая рассматривала большую часть дел, поступающих в совет. В течение 1907 г. было 12 заседаний епархиального училищного совета и 42 — школьной комиссии (52).

Еще по «Положению о начальных народных училищах» 14 июля 1864 г. учебные заведения ставились под контроль уездных и губернских училищных советов, статус которых в дальнейшем корректировался «Положением о начальных народных училищах» 25 мая 1874 г. В каждом уезде «попечение об удовлетворении потребностей населения в начальном образовании и о надлежащем нравственном его направлении» возлагалось на уездного предводителя дворянства и уездный училищный совет, а в целой губернии — на губернского предводителя дворянства и губернский училищный совет. Но эти условия Положения не могли быть применены к Тобольской губернии, так как в ней не было поместного дворянства. В 1887 г. тобольский губернатор ходатайствовал перед МНП об учреждении в губернии таких училищных советов. Но предварительно, поскольку большинство начальных училищ губернии состояло в ведении Министерства Государственных Имуществ, в 1892 г. Комитет Министров передал их в ведение МНП, хотя обер-прокурор Св. Синода К.П. Победоносцев настаивал на передаче всех начальных школ Сибири в ведение церковного ведомства (53). Наконец, 20 февраля 1904 г. был создан тобольский губернский училищный совет, а затем и уездные советы. В ведении тобольского уездного училищного совета оказались училища Сургутского и Березовского уездов (54). В дальнейшем, вплоть до 1917 г. существенных изменений в структуре управления школьным делом больше не происходило.

Таким образом, в период с конца XVIII по начало XX в. в Тобольской губернии вместе с ростом школ различных ведомств шел активный процесс создания и развития многосложной системы школьного управления. На него существенно влияла региональная специфика этой административно-территориальной единицы империи: ее огромные размеры, отсутствие земства и крепостного права, отсутствие Палаты Государственных Имуществ, преобладание большого количества раскольников. Воз-

никновение многих управленческих институтов (попечитель учебного округа, инспектор, училищный совет), по сравнению европейской частью, носило асинхронный, запаздывающий характер. Ведомство православного исповедания заимствовало у МНП систему управления начальным образованием на местах (епархиальный училищный совет со своими отделениями по структуре повторяли губернские и уездные училищные советы).

Список источников и литературы

1. ГАКО. Ф.И-147. Оп.1. Д.1. Л.1-об.
2. ГАКО. Ф.И.-147. Оп.1. Д.1. Л.15.
3. ГАКО. Ф.И-201. Оп.1. Д.12. Л.20-об.
4. ГАКО. Ф.И-201. Оп.1. Д.12. Л.31-об.
5. Юрцовский Н.С. Очерки по истории просвещения в Сибири. Ново-Николаевск, 1923. С.221-224.
6. ГАКО. Ф.И-187. Оп.1. Д.35. Л.1.
7. ГАКО. Ф.И-147. Оп.1. Д.1. Л.35-об.
8. ГАКО. Ф.И-25. Оп.1. Д.10. Л.22.
9. ГУТО ГА в Тобольске. Ф.5. Оп.1. Д.10. Л.43.
10. Чехов Н.В. Народное образование в России с 60-х гг. XIX в. М.1912. С.93.
11. ГАКО. Ф.И-201. Оп.1. Д.12. Л.18-об.
12. ГАКО. Ф.И-75. Оп.1. Д.8. Л.213-об.
13. ГАКО. Ф.И-13. Оп.1. Д.31. Л.362.
14. ГАКО. Ф.И-26. Оп.1. Д.17. Л.86-87, 93.
15. ГАКО. Ф.И-112. Оп.1. Д.20. Л.176 – 176-об.
16. ГАКО. Ф.И-33. Оп.1. Д.1. Л.454.
17. ГАКО. Ф.И-33. Оп.1. Д.3. Л.270.
18. ГАКО. Ф.И-78. Оп.1. Д.41. Л.424.
19. ГАКО. Ф.И-33. Оп.1. Д.1. Л.341.
20. ГАКО. Ф.И-31. Оп.1. Д.16. Л.113.
21. ГАКО. Ф.И-34. Оп.1. Д.22. Л.572-об – 573.
22. ГАКО. Ф.И-101. Оп.1. Д.12. Л.70.
23. ГАКО. Ф.И-32. Оп.1. Д.81. Л.7 – 7-об.
24. ГАКО. Ф.И-31. Оп.1. Д.31. Л.72.
25. ГАКО. Ф.И-201. Оп.1. Д.12. Л.3 – 3-об.
26. ГАКО. Ф.И-91. Оп.1. Д.2. Л.13-14.
27. Маляревский Г.Я. Очерк истории и современного состояния народного образования в Сибири // Народное образование. 1896. №6. С.32.
28. Циркулярные распоряжения Попечителя округа // Циркуляр по Западно-Сибирскому учебному округу. 1888. №3. С.62.
29. ГАКО. Ф.И-203. Оп.1. Д.136. Л.6.
30. Заметка о народном образовании в Пермской губернии // Русская школа. №10. 1898. С.154.
31. Об учреждении в Томской и Тобольской губерниях должностей инспекторов народных училищ // Циркуляр по Западно-Сибирскому учебному округу. 1899. №6-7. С.197.
32. О назначении на должности инспекторов народных училищ лиц, в достаточной мере подготовленных теоретически и практически к исполнению обязанностей инспектора народных училищ // Циркуляр по Западно-Сибирскому учебному округу. 1913. №9-10. С.350.
33. ГУТО ГА в Тобольске. Ф.5. Оп.1. Д.10. Л.74-76.
34. Зубков И.В. Учительская интеллигенция России в конце XIX — начале XX вв.: Дис. ...канд. истор. наук. М., 2007. С.26-27.
35. Суходеев И. Начальная ступень просвещения // Учитель. №3. 1918. С.1.
36. ГУТО ГА в Тобольске. Ф.5. Оп.1. Д.10. Л.91.
37. ГАКО. Ф.И-201. Оп.1. Д.56. Л.193-об.
38. ГАКО. Ф.И-34. Оп.1. Д.68. Л.7.
39. ГАКО. Ф.И-31. Оп.1. Д.58. Л.87.
40. ГАКО. Ф.И-201. Оп.1. Д.33. Л.5-об.
41. Правила о церковно-приходских школах // Тобольские епархиальные ведомости. 1884. №19. С.162-163.
42. Правила об уездных отделениях Епархиальных училищных советов // Циркуляр по Западно-Сибирскому учебному округу. 1888. №9. С.221.
43. ГАКО. Ф.И-25. Оп.1. Д.46. Л.70 – 70-об.
44. ГАКО. Ф.И-201. Оп.1. Д.17. Л.3.
45. Справочная книжка Тобольской губернии. Тобольск, 1904. С.67.
46. ГАКО. Ф.И-25. Оп.1. Д.48. Л.8.
47. ГАКО. Ф.И-201. Оп.1. Д.13. Л.1-83.
48. Отчеты Тобольского Епархиально-училищного Совета о церковно-приходских школах и школах грамоты за 1893/94 учебный год. Тобольск, 1895. С.57.
49. ГАКО. Ф.И-201. Оп.1. Д.17. Л.133.
50. Высочайшие повеления // Циркуляр по Западно-Сибирскому округу. Томск. 1888. №9. С.237.
51. Положение об управлении школами церковно-приходскими и грамоты ведомства православного исповедания // Русская школа. №7-8. 1898. С.7-12.
52. ГАКО. Ф.И-201. Оп.1. Д.34. Л.7.
53. ГАКО. Ф.И-201. Оп.1. Д.12. Л.1-5.
54. Высочайшие повеления // Циркуляр по Западно-Сибирскому учебному округу. 1906. №5-6. С.238.

Н.Ю. Толстых

МУК «Межпоселенческая центральная библиотека Варгашинского района Курганской области»,
п. Варгаши

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КУРГАНЕ И УЕЗДЕ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Революционный натиск народных масс вырвал у самодержавия манифест с провозглашением основных гражданских свобод включая свободу слова, печати. Последняя, впрочем, не означала свободу печати в чистейшем виде, но на время, пусть и непродолжительное, ослабила цензурные притеснения. Сначала временными правилами упраздняясь предварительная цензура для повременных изданий – газетно-журнальной периодики, затем она была упразднена и для неповременной печати – книг и брошюр. Правда, освободив издателей и редакторов от цензурных тисков на предварительном этапе, царское правительство постаралось усилить санкции после выхода изданий из печати. Чтобы затруднить и даже прекратить распространение и продажу «вредной», по мнению властей, литературы, применялись различные взыскания и наказания: штрафы, предупреждения, приостановка изданий, конфискация тиражей, закрытие изданий и типографий. Кроме того, издатели и редакторы в судебном порядке могли быть подвергнуты аресту, заключению в тюрьму и отправлены в ссылку на поселение (1, 242).

Именно в ходе первой русской революции проявились сильнейший интерес и огромная тяга к печатному слову со стороны всех демократических слоев и классов России. Возник настоящий бум популярной социально-политической литературы. «Миллионы дешевых изданий на политические темы читались народом, массами, толпой, «низшими» так жадно, как никогда еще дотоле не читали в России». Спрос на «массовую демократическую книжку» призваны были удовлетворить наряду со старыми и появившиеся во множестве новые издательства, редакции и типографии. Коммерческая выгода от продажи злободневной общественно-политической литературы заставила обратить на нее внимание, подстегнула интерес к ней оборотистых и прагматичных предпринимателей. «Купцы бросали торговать овсом и начинали более выгодную торговлю – демократической дешевой брошюрой. Демократическая книжка стала базарным продуктом» (2, 83, 87).

В настоящей статье рассматривается в основном общественно-политическая литература, выпущенная легаль-

но, отпечатанная в типографиях до и после отмены предварительной цензуры. За рамками статьи остается нелегальная литература, изданная с помощью подпольных типографий революционными партиями. Ее распространение и хождение в частности в Кургане и уезде уже нашло отражение в историко-краеведческих публикациях.

В Кургане собственные газеты общественно-политического направления стали выходить только с середины 1906 г. До этой поры курганские события освещались чаще всего в периодике губернского центра, г. Тобольска, а также Екатеринбурга. К примеру, из екатеринбургских газет в Кургане распространялась ежедневная газета «Уральская жизнь». Редакция этой газеты имела свою типографию и, как свидетельствуют архивные документы, наряду с распространением своей газеты в урало-сибирском регионе занималась еще распространением массовой общественно-политической литературы, в особенности брошюр, отпечатанных в собственной типографии. В орбиту внимания редакции попал уездный Курган, который с проведением железной дороги превратился в динамично развивавшийся город, а с началом революции пробудился к активной политической жизни. Когда местные власти обнаружили канал поступления «крамольной» политической литературы из Екатеринбурга через контору газеты «Уральская жизнь», они постарались поскорее его перекрыть.

Началось все еще в феврале 1906 г. с донесения полицейского пристава 1-й части г. Кургана Сафонова помощнику начальника Тобольского губернского жандармского управления (ГЖУ) в Кургане Желябужскому. В нем сообщалось о продаже в городе бесцензурных брошюр разносчиком газет крестьянином Чернавской волости Василием Спиридоновичем Комарским и конторщиком купца Колесникова Владимиром Дмитриевичем Трубиным. Затем, как полагалось, известие об этом дошло до сведения губернского начальства в Тобольске. 15 марта управляющий губернией Тройницкий секретной телеграммой курганскому исправнику Калугину распорядился немедленно обыскать и арестовать Комарского и Трубина. «Телеграфируйте [как только] допросите по обвинению в продаже бесцензурных брошюр. Произведите подробное дознание».

В тот же день, выполняя начальственное распоряжение, пристав Сафонов составил постановление о предстоящем проведении обыска у Комарского и Трубина в ночь на 16 марта. Причем обоих независимо от результатов обыска следовало подвергнуть затем «задержанию при каталажных камерах Курганского полицейского управления», о чем Комарскому и Трубину сообщалось под расписку (3, 2-3).

Сначала обыск был проведен у газетного разносчика Комарского. Пристав 16 марта «в 1-м часу ночи прибыл в квартиру упомянутого разносчика, находящуюся на Кладбищенской улице в д. Пушкаревой, где произвел... обыск, причем по произведенному обыску ничего не найдено, за исключением записки, адресованной в гор. Екатеринбург, в которой говорится о высылке газеты «Гном»; записка же, по словам Комарского, получена им от какого-то неизвестного ему человека, которого он указать не может, просившего выписать упомянутую газету через конторщика Трубина.

Спрошенный в порядке дознания Комарский объяснил, что он происходит из крестьян Курганского уезда, Чернавской волости и села... 56 лет от роду, православный, неграмотный, имеет жену и дочь, занимается разноской по городу газет, которые получает от проживающего в гор. Кургане Владимира Дмитриева Трубина; по поводу продажи им, Комарским, бесцензурных брошюр показал, что брошюры эти вместе с газетами были даны ему, Комарскому, для продажи Трубиным; содержание

брошюр, а также название их не знает, так как неграмотный» (3,4).

Упомянутая записка от неустановленного лица гласила: «Выпишите из Екатеринбурга новую газету, выходить стала с 5-го марта, «Гном» - сатирическая газета» (3,8). Действительно, издание с таким названием начало выходить в Екатеринбурге и являлось не газетой, а журналом общественно-политической сатиры. На волне революционного подъема немало подобных изданий появилось сначала в столицах, а потом и в провинции. Екатеринбургский «Гном» издавался в 1906-1907 гг. В круг его сотрудников, авторов сатирических рисунков входил молодой И.Д. Шадр. Журнал не побоялся средствами сатирической графики выступить против царского премьера Столыпина и проводимой им политики. Обращение к распространителю с просьбой выписать его свидетельствует об интересе и спросе курганцев на издания обличительно-сатирического характера (4, 22-23, 27).

Покончив с обыском у разносчика Комарского, пристав Сафонов тогда же, 16 марта, «для дальнейшего обыска прибыл в дом курганского купца Трофима Ефимова Колесникова, у которого квартирует Владимир Дмитриев Трубин». Но в ходе обыска в присутствии понятых, как и в случае с Комарским, «ничего не обнаружено». Вполне очевидно, что целью обысков являлись нераспроданные экземпляры тех самых бесцензурных брошюр. Вслед за обыском началось дознание. «Спрошенный... троицкий мещанин Оренбургской губернии Владимир Дмитриев Трубин, 18 лет, холост, служит у Колесникова в качестве приказчика, по делу объяснил, что он, Трубин, выписывает из г. Екатеринбурга газеты «Уральская жизнь» и «Екатеринбургскую газету», которые и продает через разносчика Комарского; что касается продажи Комарским бесцензурных брошюр «Герой», «Заместитель» и другие, название которых не помнит, он, Трубин, получил из конторы редакции «Уральская жизнь» для продажи в гор. Кургане; получивши брошюры и боясь их продавать, он, Трубин, запросил об этом контору редакции «Уральская жизнь», которая и уведомила его, что продажа этих брошюр разрешена, почему он, Трубин, и стал продавать брошюры через разносчика Комарского. На вопрос, имеет ли он, Трубин, от редакции «Уральской жизни» полученного ответа, таковой он, Трубин, представил».

Кроме того, и Комарский, и Трубин, уже явно знавшие о предстоящем аресте, единодушно «показали, что все брошюры ими распроданы разным лицам, указать которых не могут» (3, 4 об.). Очевидно, они оба и не хотели указывать на конкретных покупателей.

Представленный в оправдание Трубиным ответ на деле состоял из двух писем, отправленных из конторы газеты «Уральская жизнь» на его имя. Эти письма вызывают интерес, так как они касаются условий распространения екатеринбургской прессы в Кургане, взаимоотношений между конторой и распространителем и, что особенно важно, касаются доставки общественно-политических брошюр.

В письме от 2 января 1906 г. сотрудник конторы извещал своего агента в Кургане: «На январь с Вас получено 10 р.; так как Вам посылаются по 50 экз., то прошу немедленно дослать за январь остальные 15 р., в противном случае 9 января приостановим высылку газеты». Он также сообщил о предстоящем выходе в Екатеринбурге новой газеты «Утро», подготовкой к изданию которой занимались в той же редакции и типографии «Уральской жизни». «Что касается брошюр, то высылаем очень интересных брошюр на 9 р. 50 к. Эти брошюры у Вас быстро разойдутся... За брошюры просим тоже немедленно выслать 9 р. 50 к. Этих брошюр у нас осталось очень не много – они идут нарасхват». Поскольку обыски

не выявили нераспроданные экземпляры, то уверения сотрудника конторы подтвердились. Он оказался прав: и в Кургане брошюры пошли нарасхват.

В другом письме от 14 января сотрудник конторы в ответ на опасения Трубина постарался его успокоить и уверить в безопасности продажи политических брошюр в Кургане. «Брошюры Вам считали недорого, их пока больше нет, скоро будем вновь печатать. Относительно того, можно ли их продавать или нет, ничего положительно сказать не могу, у нас и везде продают их беспрепятственно. Раз указано, где они печатались, то полагаю, что Вы ничем не рискуете». На деле, как видно, вышло иначе. По поводу скорого выхода из печати газеты «Утро» из Екатеринбурга последовало заявление: «Так как она будет выходить только по 3 раза в неделю, то будем высылать по 50 экз.; в месяц она будет стоить Вам только 12 р. 50 к.». Следовательно, если в месяц предполагалось выпускать по 10 номеров, то один экземпляр газеты «Утро» (50х10 = 500 экз.) должен был обойтись Трубину в 2,5 коп. Неизвестно, в свою очередь, по какой цене эта газета продавалась им в Кургане. А то, что к ней здесь проявился интерес, свидетельствует посылка через Трубина подписной суммы. «Вы прислали за годовую подписку 5 р. 50 к., а следует нам 5 р. 70 к., т.к. агенты в свою пользу могут удержать только 5% с рубля, т.е. с каждого рубля 5 коп. Подписку на «Уральскую жизнь» и «Утро» можете принимать, мы отвечаем пред подписчиками только по получении от Вас денег» (3, 5-6).

Видимо, получив поначалу от курганского исправника краткое телеграфное донесение, управляющий губернией Тройницкий отдал распоряжение об освобождении из-под ареста неграмотного разносчика Комарского и дальнейшего содержания под арестом Трубина, но уже не в каталажной камере, а в тюрьме. «Дознание, - значилось далее в его телеграмме, - представьте мне со всеми образчиками найденных брошюр, перепечатки бесцензурные продавать нельзя» (3,7). Если в Тобольск к Тройницкому было послано дознание по делу Трубина и Комарского в подлиннике, то в Челябинск, в связи с действовавшим военным положением на железной дороге и прилегающих к ней уездах, оно было послано в копии временному генерал-губернатору. Неизвестно, какой приговор был вынесен в отношении Трубина и Комарского за продажу бесцензурных брошюр. Возможно, дальнейшие архивные изыскания еще смогут на сей счет пролить свет.

Чуть больше определенности имеется в отношении лиц, причастных к изданию политических брошюр в Екатеринбурге. Например, владелец типографии и редактор газеты «Уральская жизнь». Власти решили инициировать против них судебное преследование, выдвинув обвинения в совершении серьезных политических преступлений, которые в Уголовном Уложении вошли в состав 5-й главы «О смуте». Упомянутый выше Тройницкий 27 марта 1906 г., препровождая дело Трубина и Комарского прокурору Екатеринбургского окружного суда, просил его привлечь «к ответственности владельца типографии и редактора газеты по п.3 ст.125 и 2 п. 129 Уголовного Уложения за составление, бесцензурное печатанье и распространение брошюр «Заместитель», «Герой» и «Программы конституционно-демократической партии», содержащих в себе призыв к ниспровержению существующего строя и возбуждение к продолжению железнодорожных забастовок». Формально Тройницкий был прав, поскольку отмена предварительной цензуры для книг и брошюр объявлялась указом только 26 апреля 1906 г. Произошло это, конечно, не по доброй воле царизма. Он вынужден был уступить, видя, как отказ от прохождения предварительной цензуры стал многочисленным.

«Кроме того, препровождаю брошюру под названи-

ем «Шире дорогу! Свободная Россия идет!...», соч. С. Николаича (?), напечатанную без разрешения цензуры в типографии газеты «Уральская жизнь», прося также возбудить против автора и типографии уголовное преследование ввиду явно преступного содержания этой брошюры, которая тобольскими революционерами усиленно распространялась среди населения» (5,178).

Историк В.В. Кучер, изучавший распространение массовой социально-политической литературы в западносибирской деревне в годы первой революции, отнес указанную брошюру к литературе буржуазно-либерального направления. Она действительно была отпечатана в начале декабря 1905 г. в типографии «Уральской жизни» и адресовалась деревенскому читателю, крестьянству. Об этом гласил подзаголовок: «По поводу Манифеста 17 октября. Для деревни. Начатки первоначального обучения». Брошюра представляла перепечатку ряда материалов из газеты «Уральская жизнь». Как оказалось, ее «заказали тобольские либералы тиражом 5000 экземпляров специально для распространения среди крестьян» (6, 15-16). Выходит, тобольских либералов с их восторженной оценкой манифеста, что конкретно нашло отражение в самой брошюре, управляющий губернией принял за опасных революционеров. Думается, подобная путаница в его представлении вполне объяснима. В условиях, когда верховная власть не видела и не готова была признать в российских либералах своих союзников против настоящих революционеров и против революционных народных масс, к этому еще менее была готова власть на местах.

Разумеется, наказанием одних издателей и распространителей «вредных» изданий ни местная администрация, ни судебная власть не в силах была поставить заслон на пути массовой социально-политической литературы к читателям из народа. Тщетными оказывались их усилия перекрыть все каналы ее поступления к ним. Доказательством тому служит широкое распространение легально и нелегально изданных брошюр, листовок и прокламаций среди сельского населения империи. Департамент полиции вынужден был признать в своем отношении Главному управлению по делам печати: «В настоящее время циркулируют среди народа, преимущественно в сельских местностях, различные брошюры противоправительственного направления», и они «оказывают вредное влияние на малообразованные классы сельского населения и в значительной степени способствуют развитию среди крестьян революционного движения» (6, 6). Не стал исключением и Курганский уезд. Разными путями популярные политические книжки, агитационно-пропагандистские брошюры и листки проникали в среду уездного крестьянства, но именно через г. Курган часто лежал путь этих изданий в глубь уезда. Они приобретались в городе, нередко получались от партийных агитаторов и политических ссыльных, выписывались и доставлялись по почте. Практиковалась передача литературы, совместная читка на сходах и дома.

20 октября 1906 г. пристав 5-го стана Степанов донес курганскому исправнику, что полицейский урядник Шипунов представил ему «Солдатскую Марсельезу» и «Крестьянскую Марсельезу». Это были тексты двух революционных песен, изданных нелегально в виде листовок в подпольной типографии Курганской группы РСДРП. Урядник «их отобрал в селе Сычевском Сычевской волости у псаломщика Ивана Елисеева Иващенко в воскресенье 15-го октября» в доме другого псаломщика С.И. Намова. Как выяснилось при дальнейшем расследовании, там происходила банальная попойка, в которой участвовал и сам урядник. На другой день он спрашивал у Иващенко «о приобретении «Марсельез», и тот объяснил,

что ему дал сычевский сельский староста Арсений Михайлов Макаров, который их привез из Кургана штук 20-ть. Иващенко «Марсельез» не читал и не передавал» (7, 185-186).

Однако в день попойки в руках ее участников оказалась некая брошюра. «Откуда взялась у них какая-то печатанная брошюрка и какого она была содержания, рассказывал потом жандармам хозяин дома, - он, Наумов, не знает; помнит, что урядник и Иващенко отнимали ее друг у друга; кому она принадлежала, он, Наумов, также не знает» (7, 183-183 об.).

Следует подчеркнуть, что этот случай произошел на фоне хождения в селе Сычевском нелегальных и легальных изданий и даже рукописных сочинений на злободневные политические темы. При производстве негласного жандармского расследования было опрошено волостное начальство. «Сычевский волостной писарь Андрей Иванов Шелабанов рассказал, что не помнит, когда это было, он на почте перехватил два письма с прокламациями № 35 и № 20, адресованные: одно на сычевского сельского старосту Макарова и другое на священника села Сычевского о. Алексея Дьяконова. Две другие прокламации за № 20 были им найдены около волостного правления, а книжка под заглавием «Красная сотня» и написанное карандашом на полулисте бумаги стихотворение под заглавием «Голос свободы» были им найдены на улице около его квартиры; кто разбрасывал эти прокламации и брошюры, он, Шелабанов, не знает, но стихотворение «Голос свободы» написано рукою крестьянина дер. Золотой Байдарской волости Савелия Григорьева Уткова, который ранее состоял помощником его в Сычевском волостном правлении и почерк которого он отлично знает (в 1910-е гг. С.Г. Утков печатался в курганской печати под псевдонимом Антон Безродный – Н.Т.). Из частных слухов ему, Шелабанову, известно, что староста Макаров политически неблагонадежен, но сам он ничего про противоправительственную деятельность Макарова не знает, а также и не сможет указать никого, кто бы знал про таковую деятельность Макарова». В таком же духе волостной писарь высказался и о местном священнике А. Дьяконове.

«Волостной старшина Леонтий Иванов Киселев рассказал, что он долго следил за старостой Макаровым, так как из частных слухов он слышал, что Макаров на сходах читал какие-то газеты; когда он, Киселев, доложил об этом крестьянскому начальнику, последний приказал ему произвести у Макарова обыск, что им и было исполнено» (7, 181-181об.).

Обыск «на предмет отыскания противоправительственного и вообще нелегального сочинения воззваний, брошюр и книг» производился в 2 часа ночи 28 октября 1906 г. в присутствии понятых и урядника Шипунова. В составленном акте отмечалось, что в доме, сельского старосты А.М. Макарова были найдены разного содержания 22 книги, «подрывающих авторитет правительства», а также 8 рукописных листов самого Макарова по поводу «нововведений в России». Относительно первой из перечисленных в акте книги «От обороны к нападению» (издательства Н.Е. Парамонова «Донская речь» из Ростова-на-Дону) волостной старшина Киселев пояснял, что она имела штампель «Священник А. Диаконов». Но раз ее обнаружили у старосты Макарова, то старшина почему-то предположил, что священником она прочитана не была.

В числе изъятых «подрывных» изданий названы «Курс гражданина», «Карательная экспедиция», «Вторая правда», «Как сицилийские крестьяне боролись за свои права», «Смелость слова», «О свободе совести», «Как болгары добыли себе свободу», «Как выбирать народ-

ных представителей» и др. Эти книги и брошюры были выпущены легально. Среди них имелись издания политических партий, носившие потому вполне определенную идейно-политическую окраску, а также издания прогрессивного, общедемократического характера. Например, к социал-демократическим изданиям относились брошюры «Покушения и социал-демократия» А. Бебеля и «Государственное устройство во Франции». Эта последняя вышла в тесно связанном с рабочим движением издательстве Е.М. Алексеевой. Кстати, найденную около волостного правления книжку «Красная сотня» напечатало социал-демократическое (большевистское) издательство «Вперед» в целях агитации и пропаганды среди солдат царской армии. А найденные там же 2 прокламации под названием «Манифест депутатов Думы» (№ 20) являлись изданием подпольной типографии Курганской группы РСДРП и были отпечатаны по случаю роспуска 1-й Государственной думы.

Кроме того, в акте обыска отдельно перечислены 7 брошюр издательства «Донская речь» (в статье В.В. Кучера они значатся как листки). Большинство их касалось избирательного права и основ парламентаризма: «Что такое всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право», «Избирательное право женщин», «Палата представителей», «Право петиций». Разъяснению земского самоуправления посвящался листок «Что такое земство и что оно дает» (7, 150-151; 6, 11, 14).

Взявшие вскоре в свои руки расследование жандармы установили, что староста А.М. Макаров пользовался неподдельным уважением у односельчан. Так, допрошенный понятой на обыске Кузьма Иванов заявил, что «Макаров у них в селе, можно сказать, первый крестьянин; он, Иванов, всегда бывал на сходах и никогда не слышал, чтобы Макаров говорил крестьянам что-либо плохое, он лишь читал им на сходах газеты, которые выписывал сам». О чтении на тех же сходах нелегальных прокламаций либо легальных брошюр он ничего не сказал. Вероятно, сам Макаров их публично не читал, а только давал для прочтения на дому. Примечательно, что урядник Шипунов уже после обыска, ссылаясь на слухи, считал Макарова политически неблагонадежным, но вместе с тем сам ничего уличающего его поведать не смог. В задачу выяснилось, что у волостного старшины и урядника имелись личные причины для недовольства старостой. Тот, защищая интересы сельского общества, не выполнил приказа старшины о спуске воды из пруда, чтобы облегчить строительство моста, тогда как общество пользовалось водой и было против спуска. А с урядника Макаров в пользу общества потребовал внести плату за пользование выгоном (за выпас лошади). Опять же «во враждебных отношениях» со священником Дьяконовым находились волостной писарь и урядник.

Информируя обо всем этом начальника Тобольского ГЖУ, его помощник в Кургане ротмистр Желябужский дал благожелательную характеристику Макарову. «Староста Макаров – умный крестьянин, пользуется любовью своих крестьян, в нравственном отношении ведет себя хорошо и ни в чем предвзвешенным в политическом отношении до сего времени замечен не был». Вероятно, ротмистр отчетливо осознавал, что осуждение старосты принесет больше вреда, нежели пользы. Оно только усилило бы сочувствие к нему крестьян и, наоборот, увеличило бы число недовольных властью и как бы ни качнуло в сторону активных ее противников. Эти или сходные соображения сыграли роль, но власти не стали раздувать дела против Макарова. Начальник Тобольского ГЖУ по соглашению с прокурором Тобольского окружного суда решили переписку о сычевском старосте «прекратить за недостаточностью улики к возбуждению фор-

мального дознания» и сослались при этом в качестве основания на циркуляр Департамента полиции от 17 июня 1903 г. и 1035¹⁰ ст. Устава Уголовного Судопроизводства, а именно «по отсутствию указаний на хранение с целью распространения» найденной у старосты литературы (7, 181 об.-182 об., 187-190).

Курганские рабочие, многие из которых были выходцами из крестьян и не теряли связи с деревней, активно содействовали распространению наряду с нелегальной и легально изданной литературы. Так, жителям Введенской волости Курганского уезда читал и раздавал книжки бывший машинист Сибирской железной дороги А.В. Кузнецов. Полученные им по почте из Екатеринбурга книжки были выпущены издательствами Е.М. Алексеевой, «Труд и воля», «Донская речь». Именно в типографии «Донской речи» увидела свет брошюра «Хватит ли на всех земли?» В ней звучал призыв не полагаться на бога или царя, «а столковавшись всем миром, по общему уговору бороться за землю и волю», причем «земля должна принадлежать только трудящемуся земледельческому населению». Вот почему этой брошюре в обвинительном акте по делу Кузнецова было уделено особое внимание (6, 14-15).

Ни жандармско-полицейские органы, ни местная администрация не в состоянии были выявить и уследить за всеми случаями продаж и распространения общественно-политической литературы, которая в годы первой революции бурным потоком разливалась по всей империи, через множество каналов достигала до ее отдаленных окраин. Курган и Курганский уезд не стали исключением. Приведенные в статье сведения, источником которых послужила переписка местной полиции, жандармерии, администрации, убедительно свидетельствуют о проникновении и хождении среди населения города и уезда «массовой демократической книжки», затрагивавшей острые социально-политические вопросы. Она способствовала общему и политическому развитию рабочих, крестьян, интеллигенции. И хотя поражение революции укротило этот бурный поток, но все равно покончить с его действием в умах миллионов реакция была не в силах. Посеянные зерна политического воспитания и гражданственности дали свои хорошие всходы.

Список литературы

1. Федоров В.А. *История России. 1861-1917. М., 1998.*
2. Ленин В.И. *Еще один поход на демократию // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 22.*
3. *Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 20.*
4. *Революция 1905-1907 гг. и изобразительное искусство. М., 1978. Вып. 2. Москва и российская провинция.*
5. *Государственный архив Курганской области. Ф. 254. Оп. 1. Д. 2.*
6. Кучер В.В. *Распространение массовой социально-политической литературы в западносибирской деревне в годы первой русской революции // Книга в Сибири XVII-XX вв.: Сб. науч. тр. Новосибирск, 1980. Вып. 47.*
7. *Государственный архив в г. Тобольске. Ф. 159. Оп. 1. Д. 232.*

С.Г. Фёдоров

Курганский государственный университет

К ВОПРОСУ О ПОЛЬЗОВАНИИ ЛЕСНЫМИ УГОДЬЯМИ В ЮЖНОЗАУРАЛЬСКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ОБЩИНЕ

В отечественной историографии дореволюционного периода существовало мнение о том, что обычное право представляло собой выражение в отдельных поступках людей тех представлений о правде и справедливости, которые живут в данном народе на определенной ступени его развития (1).

Большинство российских историков и юристов отмечали специфичность крестьянских взглядов на пользование и владение лесными угодьями. Например, А.Я. Ефименко утверждала: «крестьяне не признавали права частного обладания на объекты, к которым так или иначе не приложен труд обладателя, и которые, поэтому считаются ничьими, «божьими» (например, лес, невозделанные луга и пастбища, водоемы); только объекты труда, добытые на божьих землях, считаются неприкосновенной собственностью (стога скошенного сена, нарубленный лес)... кто рубит лес, никем не посеянный, тот пользуется даром Божиим, таким же даром, как вода, воздух... Что удивительно, что крестьянство видит в лесных законах лишь стеснительный произвол и рубит себе, сколько может со спокойной совестью, так как его действия не противоречат его пониманием справедливости» (2, 139-146).

Подобная точка зрения, что крестьянское пользование-владение лесными угодьями базировалось на общеправовом мировоззрении существовала и в советской историографии. Более того, некоторые историки в незаконных порубках лесных угодьев усматривали проявление классовой борьбы, «противоборство на протяжении веков обычая и феодального насилия, оформляемого законом», а в стойкости сохранения общеправовых норм видели «отражение борьбы крестьянина за свои социальные и хозяйственные права» (3, 55). Однако, по нашему мнению, данная точка зрения имеет в определенной степени упрощенный подход к изучаемой проблеме и переносит общеправовые крестьянские воззрения центральных российских губерний на другие регионы империи.

Прежде всего, следует отметить, что противоречивость российского законодательства в лесоохранительной политике вела к укоренению в народе общеправовых воззрений в этом вопросе. До начала XVIII века вопросы лесопользования даже не являлись объектом государственного интереса. Лишь с реформами Петра I, когда возникла необходимость в корабельном лесе, начинается законодательное государственное регулирование пользования и владения лесными угодьями, и общеправовые воззрения крестьянства вступают в противоречие с официальным правом. В последующие столетия на развитие лесного хозяйства все большее влияние стали оказывать отношения собственности. Крестьянская реформа 1861 г. и Правила о «владенных записях» от 31 марта 1867 г. превращают крестьян из пользователей в собственников лесных угодий. В результате этих законодательных актов произошла передача наделных лесов в распоряжение крестьян, снятие с них надзора государственного лесного управления и прекращение всякого участия казны в удовлетворении лесными материалами бывших государственных крестьян (4, 158). При

этом следует учитывать, что обширность российских пространств, богатство лесных массивов, неравномерное распределение этих богатств даже в отдельных районах страны накладывали региональный отпечаток на права собственности и пользования лесными угодьями.

Яркую картину региональной специфики такого лесопользования в Южном Зауралье второй половины XIX в. дает известный исследователь А.А. Кауфман. Он отмечает: «В Южных округах Тобольской губернии наблюдается другое весьма любопытное явление, смысл которого заключается в стремлении к сохранению лесов... Здесь возникают так называемые «сады» или «рощи», оберегаемые отдельными домохозяевами и за это представляемые общиной в их исключительное пользование... Такой «сад» или «рощу» он обязан очищать от бурелома, обязан весной во время опалки покосов, оберегать от огня, то же делать при степных и лесных пожарах. И за это он остается, пока продолжает заботиться о лесе, исключительным его владельцем... Владение «садами» местами остается неприкосновенным даже тогда, когда по отношению ко всей массе общественных лесов уже установилось душевное пользование... В Курганском округе беспорядочное вольное пользование лесом сохранилось лишь в немногих общинах».

По Курганскому и Ишимскому округам община, передуляя леса по душам, преследовала в значительной мере лесоохранительные цели. Крестьяне решились разделить лес на подворно-душевые участки, чтобы каждый лесной участок находился под наблюдением отдельного домохозяина, лично заинтересованного в его сохранении как от порубок посторонними лицами, так и от собственного беспорядочного хозяйствования. Таким образом, крестьянское самосознание в последние 30-60 лет колеблется между двумя почти противоположными идеями: с одной стороны, всякое долговременное владение одним и тем же участком леса противоречит пониманию крестьян о лесах как общих; с другой стороны, они понимали, что отсутствие всяких ограничений в пользовании лесами неизбежно приводит к его истреблению (5, 187-192, 196-197).

Таким образом, нам кажется весьма спорным утверждение многих историков и юристов, что примером обычного права в крестьянской среде являются взгляды крестьян на лес как на «дар божий», «ничейный». Это опровергают многочисленные дела в волостных судах Южного Зауралья, касающиеся споров о лесных пайках, незаконных вырубках и т.д. Примечательно, что незаконные лесные вырубки из казенного леса согласно Уставу лесному т. VIII. Ч. I. Свода Законов Российской империи относились к уголовным преступлениям. Приведем лишь несколько примеров из решений волостных судов.

«13 июля 1887 года крестьянин деревни Полусальской Алексей Николаев Пазников жалуется на крестьянина с. Глядянского Степана Павлова Ламеева, что он в прошлом году вырубил из принадлежащего ему лесного пайка лесу соснового на 25 руб., из которых у него есть в настоящее время в целости 30 лесин, в чем он сам ему сознался. Поэтому просит отобрать у него принадлежащие ему 30 лесин и взыскать за остальной лес 10 руб., а за проступок наложить наказание. Степан Ламеев в порубке леса сознался и обязался отдать Пазникову 30 лесин и 10 рублей деньгами. Волостной суд приговорил: обязать Степана Ламеева отдать Алексею Пазникову 30 лесин и 10 рублей деньгами, и подвергнуть Степана Ламеева аресту на одни сутки в волостной камере при волостном правлении» (6).

«15 сентября 1887 года крестьянин деревни Островской Степан Яковлевич Островских жалуется на одно-

селенца своего Фотей Островских, что он вырубал из его леса 48 таловых всех полулесин, стоящих 5 руб., которые и просит с него взыскать. Обвиняемый показал, что лес он вырубал по ошибке и согласен отдать такие же из своего леса. Волостной суд приговорил: так как ошибка доказана Фотей Островских обязан вернуть Степану Островских 48 таловых лесин из своего лесного пайка» (7).

«2 мая 1892 года крестьянин деревни Островки Петр Емельянов Ногаев жалуется на однодеревца Василия Фотиева Семенова. Ногаев уплачивал повинности за 3 души чужих крестьянских сыновей (Семенова) и за это получал от него лесные пайки. Но в марте месяце сего года Семенов этот лесной надел продал другому однодеревцу, поэтому проситель просит вернуть лесной надел обратно. Семенов продажу лесного надела признал. Волостной суд приговорил: вернуть лесной надел обратно Петру Емельянову Ногаеву» (8).

«17 февраля 1902 г. крестьянин деревни Островки Семен Лукин Худяков жалуется на однодеревца своего Елисея Федорова Обрядова, который вырубил из его лесного пайка 96 березовых лесин, стоящих 3 руб. Просит взыскать 3 руб. Рубка была освидетельствована сельским старостой. Елисей Обрядов рубку леса из чужого пайка признал, но сказал, что Худяков должен был ему денег 1 руб. и Худяков за этот долг продал ему 1 сажень дров, вследствие этого и был вырублен лес в лесном пайке Худякова. Волостной суд постановил: т.к. Обрядов не доказал, что Худяков ему должен денег, то взыскать с Обрядова в пользу Худякова 1 рубль» (9).

Таким образом, судебные тяжбы по лесным угодьям в Курганском округе занимали одно из заметных мест в волостных судах. Более того, с конца XIX в. по начало XX в. число таких дел заметно увеличилось.

Ситуация приобретает еще более острый характер в связи с увеличением количества переселенцев в Южном Зауралье в начале XX в. Обычноправовые взгляды на лесные угодья южнозауральских старожилов вступали в противоречие с обычноправовыми взглядами («лес – дар божий») переселенцев из центральных российских губерний. Это вело, с одной стороны, к конфликтам между старожилами и переселенцами, с другой – к увеличению незаконных, хищнических порубок леса как в государственных, общинных, так и в наделных лесных участках, что в свою очередь вело к отрицательным экологическим последствиям, причем не только в Южном Зауралье, но и по всей Западной Сибири. Приведем лишь один пример. Известный сибирский публицист, областник, путешествуя по Барабинским степям Западной Сибири, еще в 1870-е годы написал ряд статей, в которых нашли отражение «экологические и социальные последствия первых волн миграционного крестьянского движения по этой территории» (10,62). «Вырубка леса и чудовищные палы уничтожили березовые рощи и строевые леса, озера исчезли или превратились в горько-соленые, вследствие засух неурожаи стали повторяющимися, к этому присоединились падежи скота от сибирской язвы» (11,16-17).

Таким образом, в обычноправовых воззрениях российских крестьян на пользование и владение угодьями, в том числе и лесными, существует значительная региональная специфика. И, на наш взгляд, неправомерно переносить такие воззрения крестьян Центральной России на другие ее регионы, что наблюдается в отечественной исторической литературе. Кроме того, такие различия в обычном праве носили не только теоретический характер, но и приобретали практический смысл. В связи с миграционными процессами в Южном Зауралье очень часто возникали конфликты между коренным и пришлым населением по вопросу пользования и владения лесными угодьями.

Список литературы

1. Сергеевич В.И. Крестьянское право и общинное землевладение в Архангельской губернии в половине XVIII в. // Журнал Министерства Юстиции. 1907. №2; Владимирский – Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. СПб., Киев, 1900; Снегирев И.М. Обзорение юридического быта в продолжение древних и средних периодов русской народной жизни // Юридические записки, изданные П.Т. Редкиным. М., 1842. Т. 2; Веригин И. Начала русского народного права и судопроизводства // Русская речь. 1879. №3; Оршанский И.Г. Народный суд и народное право // Исследования по русскому праву обычному и брачному. СПб., 1879.
2. Ефименко А.Я. Исследования народной жизни. Вып. 1. Обычное право. М., 1884. С.1, С. 139-146.
3. В.А. Александров. Обычное право в России в Отечественной науке XIX – начала XX в. // Вопросы истории. 1987. № 11. С.55.
4. Пономарев Н. В. Современное состояние государственного, общественного и частного лесного хозяйства в России. СПб., 1901. С. 158.
5. Кауфман А.А. Крестьянская община в Сибири. По местным исследованиям 1886-1892 гг. СПб., 1897. С. 187-192, 196-197.
6. ГАКО. Ф. 129. Оп.1. Д.4. Л. 15.
7. ГАКО. Ф. 129. Оп.1. Д.4. Л. 21.
8. ГАКО, Ф. 129. оп.1. д. 43. Л.40-42.
9. ГАКО, ф. 129. оп.1. д. 51. Л.8-9.
10. Мамсик Т.С. Крестьянское движение в Сибири второй четверти XIX века. Новосибирск, 1987. С.62.
11. Ядринцев Н.М. Поездка по Западной Сибири и в Горный Алтайский округ // Записки ЗСОИГРО. Омск, 1880. Кн. 2. С.16-17.

В.А. Федоров
г. Курган

РУССКАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ ОБЩИНА (ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

На протяжении всего развития человечества складывались и совершенствовались те или иные социальные способы жизни. Одним из них явилась крестьянская община как форма социально-территориальной, самоуправляющейся организации непосредственных производителей в сельском хозяйстве, одна из низовых производственных ячеек социальной структуры общества. Она выполняла как производственные, так и социально-бытовые функции. Крестьяне вступали в общинные отношения постольку, поскольку они повышали их шансы на выживание и развитие в сложных природных и социальных условиях. Община была основным средоточием крестьянской жизни, цельным живым организмом с большим количеством общих интересов. Она как сообщество была значительным «стеснением» для ее членов, которые нередко жили в ней в относительно жестких условиях, но не были брошенными на произвол судьбы, выживали и жили все вместе.

Конкретные формы жизнеустройства общины были многообразны; они определялись всей конкретной совокупностью условий ее жизнедеятельности. Соответственно общине в разной степени были свойственны следующие основные черты: жизнь территориально вместе, в общем поселении; тесная связь производства и быта людей; коллективизм, стремление быть «со всеми» и «как все»; дуализм коллективного и частного начал, оптимальное сочетание коллективных и личных интересов – «каждый сам по себе, но сообща»; приоритет интересов коллектива над личными, коллективной идентичности над личностной; развитое чувство солидарности и

сотрудничества с коллективом в целом и с каждым из его членов в отдельности – «один за всех и все за одного»; широкое распространение безвозмездных форм взаимопомощи, альтруизм; самоуправление, наличие определенной автономии в решении вопросов общинной жизни; круговая порука, коллективная ответственность всех членов общины за исполнение ими общественных обязанностей; неприятие сословно-классового и ослабление национального разделения; общественное равенство, понимаемое в связи с эгалитарно-коллективной свободой и социальной справедливостью; демократизм, решение тех или иных вопросов коллективом; открытость, откровенное обсуждение и решение проблем в жизни общины в целом, в отдельных хозяйствах, семьях; относительно жесткая взаимозависимость и тесная взаимосвязь членов общины; культура соучастия, сопричастности, заинтересованности членов общины друг в друге и коллективе, вмешательство в их дела; относительно жесткая регламентация труда и быта, сильный взаимный нормативный контроль; высокая значимость общественного мнения; «мирской аскетизм» – сознательное ограничение и самоограничение потребностей; совмещение в общине хозяйственных, нравственных и духовных начал с приоритетом нравственных, духовных ценностей над материальными; высокая значимость личностных, неформальных взаимоотношений, соседских связей; определенный консерватизм, сила традиций.

В условиях России сложилась и существовала длительное время со своими чертами русская крестьянская община (мир). Особыми условиями ее жизнедеятельности являлись: 1) суровый климат с длительной холодной зимой, большими колебаниями в состоянии географической среды и биосферы между различными годами, временами года и даже временем суток, то с недостатками, то с избытками влаги и тепла; 2) короткий период основных полевых работ; 3) большой период стойлового содержания скота; 4) малоплодородные почвы; 5) большие лесные массивы; 6) трудоемкое подсечное земледелие; 7) постоянная опасность пожаров в условиях деревянного строительства; 8) большие труднопреодолимые расстояния; 9) удаленность производства от центров других цивилизаций, морских портов; 10) слабое развитие промышленности; 11) почти постоянное экономическое, политическое и военное давление извне в неблагоприятных условиях равнины, открытой для нашествий со всех сторон; 12) многочисленные обременительные повинности работников для имперского государства, церкви, помещиков; 13) бесправие народа, его феодально-крепостническая зависимость. Жизнь в таких условиях оказывалась для русского крестьянина более энергоемкой (требовалось более калорийное питание, теплое жилье и длительное время отопления его), материалоемкой (необходимы были одежда, предметы труда, быта, средства передвижения на все времена года), информационоемкой (были актуальны многообразные знания на все времена года и в экстремальных ситуациях), трудоемкой (требовалось проведение работ в сжатые сроки, с большими затратами труда) и т.д. В конечном счете, это вело к относительно низкой продуктивности хозяйства, минимальному объему прибавочного продукта, постоянной угрозе различных бедствий природного и социального характера.

Все это вызывало необходимость таких форм жизнеустройства, которые бы гарантировали относительно нормальное функционирование индивидуального хозяйства, борьбу за существование. В результате творчеством крестьянских масс в течение многих веков была создана русская крестьянская община как особый способ жизнедеятельности в тех условиях. Она являлась территори-

альным, экономическим, социальным, культурным, духовным объединением крестьян, административной единицей, церковным приходом. Это была в определенном смысле автономная самодостаточная целостность. В ней сочетались индивидуальный и коллективный труд, личная и семейная собственность с коллективной, действовало при минимальных издержках и потребностях хозяйство семейного типа, эффективное в жизнеобеспечении, но не в производстве прибыли, излишеств. Община была спасительницей в неблагоприятных жизненных обстоятельствах (засуха, вражеский набег, пожар, болезнь, сиротство, одинокая старость и т.п.) от крайней бедности, голода, бездомности. В ней был в определенном смысле общинный коммунизм.

Русская крестьянская община выполняла следующие основные функции.

1. Распоряжалась выделенной ей землей. Земельные наделы распределялись среди общинников или по числу мужских душ или едоков в семье таким образом, чтобы каждому хозяйству доставалось поровну как хорошей, так и плохой земли. Крестьяне имели право пользования, а не владения наделами, они не могли их продавать, закладывать. Кроме пашни в надел нередко поступали также сенокосы, лесные и водные угодья, отгонные пастбища у лесных заимок. С той или иной периодичностью, с возникновением надобности происходило перераспределение земельных наделов. Община, как правило, неохотно, под давлением сверху выделяла земли новым общинникам и не общинникам (например, священнослужителям) под строительство каких-либо хозяйственных заведений (винокурных и других). Часть общинной земли могла сдаваться в аренду – своим общинникам и на сторону, а также арендоваться на стороне (для покоса, сбора жмея, ягод и т.п.). Кроме раздельного в общине было и совместное пользование земельными («вольными») угодьями. Все общинники имели на них равные права. Это были обычно выгоны, не поделенные сенокосы, леса, водные участки. Чтобы избежать обид и ссор при дележе тех или иных природных ресурсов, их добывали иногда сообща (косили сено, ловили рыбу и т.п.), а потом делили между собой по договоренности. Также иногда договаривались, сколько содержать в покотине (выгоне) скота бесплатно для каждого хозяйства, а за то, что сверх нормы, взимать плату. Бедные при этом свои излишки покотины могли сдавать в аренду богатым.

2. Контролировала эксплуатацию угодий, отведенных в общее пользование: 1) распоряжалась обустройством поселения – решала вопросы, связанные с положением его на местности, устройством улиц, размещением на них строений, осуществляла строительство церквей, общих складов, пожарных служб, колодцев и т.д.; 2) занималась благоустройством территории за пределами поселения – прокладыванием дорог, настилом гатей, устраиванием перевозов, строительством мостов, плотин, копанием прудов; 3) старалась сохранить и улучшить экологические условия своей жизни – очищались речки и пруды, высаживались деревья и кустарники по оврагам, крутым склонам, расчищались луга и пастбища от кочек, кустарника и т.п. Часто все эти работы проводились сообща.

3. Следила за тем, как используется земля в наделах. В частности за тем, чтобы не было пустующих земель, чтобы земля использовалась качественно, чтобы соблюдался календарь сельскохозяйственных работ (установленные сроки пахоты, сева, уборки урожая, сенокоса, рубки леса для строительства, заготовки дров, сбора орехов, ягод, съедобных и лекарственных трав). В определенных ситуациях община вмешивалась в производ-

ственный процесс на участках наделного пользования. Поэтому каждое хозяйство стремилось по возможности успевать вовремя свои работы, не отстать от других. У не успевавшего с работами, например, с сенокосом, общинника луг могли выкосить другие общинники или вытравить его выпущенным на волю скотом.

4. Поддерживала благополучие хозяйств, семей. Обложение общинников податями и повинностями ставилось в зависимость от степени их возможностей. От налогообложения, например, освобождались вдовы, одинокие старики, калеки, жертвы различных бедствий; им оказывалась и другая помощь. Мир брал на себя заботу о сиротах, сохранение их собственности, содержание и воспитание их. Членам общины оказывалась помощь в их хозяйственных делах. Существенную роль здесь играли так называемые «помочи», носившие характер взаимной услуги в различных крестьянских работах – распашке, заготовке сена, уборке и переработке урожая, вывозке навоза, заготовке леса, возведении или починке жилого дома, хозяйственных строений и т.д. Через общину лесным ведомством давалось разрешение выбирать в казенных лесах валежник, бурелом, горельник, расчищать участки леса под покосы и пашни, рубить лес для строительства и на дрова. Общиной распределялись оплачиваемые работы между ее членами, давались разрешения на занятия промыслами, выезд за пределы общины по тем или иным делам – личным или общинным. Проявлялась забота об охране здоровья общинников и их скота, для чего осуществлялись противозидемиологические работы, делались прививки. При недостатке или отсутствии врачей и ветеринаров поощрялась деятельность повитух, знахарей и знахарок. Оказывалась помощь во внедрении новых сельскохозяйственных культур, улучшении пород скота. Община помогала в разрешении внутрисемейных проблем, споров. Она, например, могла отменять действия главы семьи, ущемляющие права ее членов. Хотя в семейную жизнь без особых на то причин община старалась не вмешиваться.

5. Была занята пополнением общей казны. Для этого она старалась своевременно взysкивать оброчные деньги, различного рода сборы, в том числе натуральные (в первую очередь – хлебные), сдавала в аренду земельные угодья, мельницы, поташное и другое производство, брала подряды на перевозку грузов, ямской гоньбы, ремонта дорог, пошив одежды и обуви для армии, продавала отпускные билеты для выезда за пределы общины и т.п.

6. Отстаивала свои и своих членов интересы перед вышестоящими органами власти по тем или иным земельным вопросам (например, о выделении дополнительной земли для общины или, наоборот, отказе в выделении общинной земли для каких-либо целей), в высвобождении времени, удобного для сельскохозяйственных работ, от дел, повинностей, назначаемых свыше, по вопросам, связанным с отдачей молодых людей в армию и т.д.

7. Выполняла функцию общего управления – самоуправления. Устройство общинного самоуправления подчинялось требованиям Общего положения о крестьянах. По нему общине предоставлялось право решать определенные хозяйственные, административные и фискальные вопросы. Главным руководящим органом общины являлся общинный сход (сходка, совет), т.е. общее собрание крестьян-домохозяев мужского пола, достигших совершеннолетия и находящихся в здравом рассудке. Права голоса были лишены безземельные крестьяне, батраки, а также лица, состоящие под судом и следствием, отданные под надзор полиции или общества, временно устраненные самим обществом от участия в сходах. На общем сходе решались наиболее важные вопросы жиз-

ни общины, подлежащие по закону их ведению. Сход формировал общинные органы власти, принимал отчеты лиц, выполнявших общественные поручения, решал различные текущие общинные дела. Поскольку общины были деревенскими, сельскими и волостными, то, соответственно, и функционировали сходы деревенские, сельские и волостные. Службы выполнялись в порядке очередности и по ступеням – от низших к высшим. На низших должностях при этом допускалось замещение по найму.

8. Занималась социализацией членов общины. Всеми своими действиями община старалась поддерживать ценности, которые способствовали ее жизнедеятельности, выполнению ею своих функций и боролась с тенденциями, которые мешали этому; она задавала иерархию авторитетов и культурных норм, формировала необходимое общественное мнение, организовывала труд, быт и досуг, поддерживала необходимый порядок, учила крестьян выживать и жить в сложных и трудных условиях. Все члены общины принимали в этом посильное участие. Крестьян, соблюдавших общинные нормы, поощряли материально (денежными и натуральными премиями) и морально (публичными благодарностями и похвальными листами); следование требованиям общинной жизни закрепляло авторитет человека. Община также налагала санкции за нарушение норм крестьянского общежития. В арсенале её воздействия были телесные наказания (розги), денежные и натуральные штрафы, угощения за счет виновного, отработки, ходатайство о высылке и т.п. Нарушение общинных норм вело к утрате человеком уважения со стороны общинников, бесчестию, ставило его вне сообщества, лишало столь необходимого ему в тех суровых условиях ощущения надежности своего бытия. Одним из наиболее бесчестных поступков была измена общине, миру. Назвать человека миропродавцем значило проявить к нему крайнюю степень неуважения. Английский писатель Д. Уоллес многократно посещавший Россию и изучавший ее деревню XIX века писал в связи с этим в своей книге «Россия»: «Я знаю много случаев, когда крестьяне оказывали неповиновение полиции, губернатору и даже центральному правительству, но я никогда не слышал о случаях неповиновения миру кого-либо из его членов» (1, 261).

Русская крестьянская община содержала в себе значительное позитивное начало. Она была опорой крестьян во всей их жизни. Община помогала им выносить государственный деспотизм и социальный гнет, преодолевать материальные и бытовые трудности, избегать угрозы разорения и голодной смерти. Через нее крестьяне выражали и защищали свои личные и общие интересы. Люди в общине осознавали себя принадлежащими ей, а она, в свою очередь, по их мнению, принадлежала им. Они чувствовали свое единство друг с другом, ощущали себя членами своеобразной большой семьи. Человек здесь приобретал общественный вес и престиж не только благодаря своим личным достоинствам, но и общинной поддержке. Участие в общинных делах воспринималось человеком как его востребованность, показатель его значимости и необходимости окружающим. Через общинность человек проявлял себя как личность. Община формировала и поддерживала в своих членах коллективистские качества. В ней содержались серьезные демократические традиции, проявляющиеся в той или иной мере во всей ее жизнедеятельности. Даже простой крестьянский обычай называть друг друга по имени и отчеству, а не по званию (господин) и не по должности (начальник) есть проявление внутреннего (подлинного) демократизма. Здесь же родились такие понятия и выражающие их слова, как «совет», «собрание», «голосование», «товарищ»... В целом человек в общине обладал

определенной уверенностью в себе, чувством надежности своего бытия, ощущением полноты жизни. Даже уничтожительное, тяжкое крепостное право не превратило русского крестьянина благодаря общине в раба. Осознание себя частью общины крестьянин распространял на осознание себя частью сословия, народа, страны, проникался духом патриотизма.

В то же время крестьянская община имела ряд существенных недостатков. Никакой идиллии в ней не было, она была весьма чувствительным, жестким «стеснением» для своих членов. В той или степени, но последовательно осуществлялась регламентация практически всех сторон крестьянской жизни, навязывание устоявшихся норм и традиций, а всё же происходившая их смена была относительно медленной и, как правило, отставала от требований жизни личности и сообщества. Стандартизация жизни вела к стандартизации индивида, тормозила развитие его личностного начала. Это вело к его определенной беспечности, снижению порога индивидуальной ответственности, излишней доверчивости судьбе, власти. Периодические переделы земли вели к снижению у крестьян заинтересованности в повышении уровня агрокультуры, опаздыванию иногда с теми или иными сельскохозяйственными работами, ссорами из-за земельных угодий. Общинная служба, отнимавшая зачастую у крестьян время от занятий своим хозяйством, рассматривалась ими как нелегкая натуральная повинность, которую многие из них старались по возможности избежать. В общине не было достаточно полного единства. Имущественное, а с ним и социальное расслоение среди крестьян вело к делению их на группировки. Более зажиточные (имущие) крестьяне могли нанимать работников и с их помощью выполнять быстрее и больше по объему работы, чем менее зажиточные (неимущие), нередко ущемляя при этом последних, например, при обычае «закоса», захватывая большие сенокосные угодья. Зажиточные крестьяне могли также раньше управиться с одной работой и приступить к другой через помочи, которые они имели возможность созывать чаще и многочисленнее, чем менее зажиточные. При этом имущие нередко выражали недовольство тем, что им приходилось нести часть повинностей за неимущих, а неимущие, в свою очередь, были недовольны злоупотреблениями имущих, например, стремлением перекаладывать часть своих обязанностей, отработок на рядовых членов общины. И те, и другие старались провести своих людей в органы общинной власти, которую они стремились использовать в своих, личных и групповых интересах. Нередко при решении тех или иных вопросов возникали ссоры и драки внутри общины и между общинами; широко применялся подкуп общинников, чаще всего спиртным. Все это вносило определенную нестабильность в жизнь общины. Крестьяне через общину находились под постоянным надзором и гнетом государственной, помещичье-дворянской, церковной власти. Они были существенно ограничены в своей деятельности, в передвижениях за пределы общины: не могли самостоятельно уйти на промысел, в отход осуществлять выездную торговлю и т.п.

Русская крестьянская община прямо или косвенно оказала огромное влияние на многие стороны жизни русских, России. Общинность в разное время и в разной форме давала о себе знать практически повсюду – в деревне и в городе, во всех сферах жизни и на всех уровнях. Так, в городах существовали своеобразные посадские общины, во многом такие же по своему строению, как и сельские, с выборными властями – старостами, сотскими, мирским советом; на предприятиях, в организациях общинность проявляла себя в виде артели, кооператива, трудового коллектива; в отношениях между людьми

это, в частности, находило выражение в таких понятиях, как «сотрудник» (с кем вместе трудишься), «соратник» (с кем в одной рати воюешь) и т.п. Под влиянием общины личное начало у русских оказалось подчинено коллективному – семье, трудовому коллективу, обществу, государству; распространились представления о трудовом коллективе, обществе, государстве как о большой семье; идея коллективизма была поднята до идеи всемирного братства. Общинность способствовала распространению идеалов, несовместимых с буржуазными, отвергавших их. Благодаря общине русские создали относительно эффективное сельское хозяйство в очень суровом климате. Благодаря ей русские не только выжили в труднейших условиях, но и создали огромное и мощное государство, великую и оригинальную цивилизацию, высокую и самобытную культуру. Русская крестьянская община явилась творцом и хранителем жизненного уклада и образа жизни русского народа, его духовной жизни и нравственности, ценностных ориентаций и традиций, национального менталитета и национального характера. Русская община по сути создала и сохранила русский народ со всеми его сильными и слабыми сторонами.

Крестьянская община, как всякая открытая, живая система, с изменением условий своего существования, несмотря на тяготение к традиции, тоже изменялась. К началу XX века значительное влияние на нее оказывали складывавшиеся в России и проникавшие в деревню капиталистические отношения. Стали переводить свое хозяйство на рыночные рельсы помещики, от которых крестьяне находились в экономической, земельной зависимости. Активно включилось в капиталистическую торговлю государство. Помещики и государство изымали у крестьян хлеб в виде оброка, казенных выплат и просто скупки по невыгодной цене для продажи на внутреннем рынке и, главное, за границу, в том числе в неурожайные годы. Значительные изменения происходили и внутри общины. В ней усилилась социальная мобильность. Росло частное, кулацкое хозяйствование. Кулаков крестьяне еще называли «мироедами», т.е. «пожирающими мир, общину», паразитирующих на ней, разлагающих ее. С кулаками крестьяне не без оснований связывали разорение, рост пьянства, воровства и вообще «всякое непотребство». Крестьянское тягло значительно возросло. Деревня оказалась главным источником ресурсов для капиталистической индустриализации, капитализма в целом, его «внутренней колонией». Здесь изымался весь прибавочный и значительная часть необходимого продукта. Крестьянин, по существу, не только кормился сам, но и кормил кулака, помещика, содержал имперское государство, оплачивал капитализацию страны. С увеличением посевов хлеба на экспорт, уменьшалось количество скота, что вело к снижению плодородия почв и урожаям. В результате в деревне возник почти постоянный массовый голод, которого раньше крестьяне практически не знали. Даже в урожайные годы положение было тяжелым. Происходило разорение деревни. Население ее все более становилось текучим, нестабильным. Крестьяне бежали на новые земли, в города; миллионы были заняты отхожим промыслом. Изменялся быт крестьян. Участились семейные разделы, все большую роль начинает играть малая семья, происходит эмансипация женщины, ослабевает влияние старшего поколения, более независимой становится молодежь. Происходит падение нравственности, уважения к старшим, родителям, церкви, религии. Растут пьянство, нарушение правил общинной жизни, насилие. Осложняются внутренние связи между общинниками. У них все более проявляются индивидуализм, прагматизм, расчетливость. Право обычая постепенно вытесняется официально-нормативным.

Община все с меньшим успехом играет роль хранителя справедливости и традиции. Разгорается классовая борьба. Но одновременно с ослаблением некоторых сторон общинной жизни происходит и ее укрепление. Во-первых, ее укрепляло государство, которому она помогала эксплуатировать и держать в повиновении крестьян. Во-вторых, ее стремились укрепить сами крестьяне, которым она помогала выжить в условиях капитализации деревни, усиления отчуждения в ней. В частности, одной из защитных реакций общины на усиление рыночных отношений было быстрое распространение в ней различного рода товариществ, артелей, кооперации и других форм коллективной экономической деятельности.

Несмотря на многие ее противоречия, слабости, общинная жизнь в целом отвечала потребностям крестьян и в начале XX века. Необходимость в ней сохранялась потому, что сохранялись все основные факторы, вызвавшие ее, и появился, как уже говорилось, еще один – капитализм. Последний вошел в жесткое противоречие с общинным строем и настроением русской деревни. Крестьяне воспринимали его как несправедливость, как неправду и сопротивлялись ему как могли. Они выступали за сохранение традиционных общинных ценностей, общинного самоуправления, за передачу всей сельскохозяйственной земли общинам, уравнительный передел помещичьей земли, против частной собственности на землю, ее купли и продажи, наемного труда на селе, раскрестьянивания. Это была программа «консервативной революции», «архаического аграрного коммунизма» – отрицания капитализма с позиций добуржуазного, патриархального, традиционного общества. Начинаются крестьянские выступления, которые становятся все более массовыми, охватывают множество губерний, приобретают организованный характер, в них проявляется невиданное прежде упорство в достижении поставленных целей. Разгорается настоящая крестьянская война, крестьянская революция. Государство отвечало на требования и выступления крестьян террором. Крестьяне, в свою очередь, жестко отвечали на репрессии против них – они сжигали поместья и убивали помещиков и их пособников. Двигателем крестьянской революции была крестьянская община. Это были выступления общины и за общину. Главным объяснительным мотивом крестьянами своих действий здесь было: куда мир, туда и я. В ходе народных выступлений (в деревне и городе) стихийно рождались Советы – система власти, своими корнями уходящая в общинную и соборную традиции русского народа, бравшая за образец прежде всего прямую демократию сельского схода и соборную форму соучастия народа во власти.

Чтобы открыть простор развитию капитализма в деревне и подавить революционные настроения в ней царское правительство решило разрушить общину и перераспределить между крестьянами их же землю, при сохранении помещичьего землевладения. Главным идеологом и руководителем этой реформы стал председатель правительства П.А. Столыпин. Последний попытался провести ее в ускоренном темпе и в демонстративно агрессивной форме. Реформа ничего не дала большинству крестьян. После раздела общинных земель крестьяне получили небольшие наделы. Желаящие их расширить или обособиться на новом месте попадали в кабалу к банкам. Освобождение из-под власти общины вело к другим ограничениям свободы деятельности человека. Поэтому, несмотря на правительственное давление и террор, крестьяне в большинстве своем не согласились на разрушение общины. Всего из общины вышло около 10% крестьянских семей; причем на все губернии с русским населением пришлось лишь 43% из их числа (2, 18).

С общиной не порывали даже и те крестьяне, которые выделялись на хутора, отруба, заимки, переселялись на новые места. В то же время, реформа, не решив, ставившаяся перед ней вопросы, разрушила многие привычные устои деревенской, общинной жизни. Она создала атмосферу смуты, неустойчивости, ненависти. Община теперь укрепилась не только как институт крестьянского жизнеустройства, но и как институт нарастающей революции, приближение которой видели многие.

После Февральской революции Советы крестьянами были восстановлены. Они также повторили свои прежние требования, но поскольку Временное правительство не торопилось их выполнять, они многие стали осуществлять явочным порядком. В это же время большевики выдвинули свой проект модернизации России с опорой на ее основные культурные ценности, в том числе и на ценности русской крестьянской общины. Они предложили некапиталистический путь развития в форме социализма как общества социального равенства, справедливости и защищенности каждого его члена; коллективистский труд без эксплуатации работников при общественном землевладении; власть в форме Советов, дающих возможность соединения выгод парламентаризма с прямой демократией; распространение самоуправления с общины на все общество; союз рабочих и крестьян. Проект большевиков более точно в сравнении с программами других политических партий отражал ментальность и потребность русского народа, в том числе крестьянства, и последние, несмотря на существовавшие у них с большевиками разногласия, пошли на союз с ними. В развязанной вскоре после Октябрьской революции сторонниками капитализма гражданской войне крестьянство в основном также поддержало большевиков. Крестьяне не принимали в белых почти всё - от золотопогонных мундиров (отсюда их прозвище «золотопогонники»), до их реальных дел. Белые на занятых ими территориях восстанавливали частную собственность на землю, помещичье и церковное землевладение; устанавливали жесточайшую военную диктатуру; развязали террор не только против сторонников красных, но и против сторонников общинной жизни; вели себя вместе с приглашенными ими интервентами как в завоеванной оккупированной стране. Соответственно крестьяне воевали с белыми как с враждебным народом. В итоге сторонники капиталистического пути развития, потерпели поражение.

После гражданской войны обострившийся конфликт интересов большевиков и значительной массы крестьян вылился в столкновения между ними. Но в этой борьбе родился компромисс, который снова примирил их. Он представлял собою некий синтез модернистского проекта большевиков и общинного проекта крестьянства. Вскоре русская крестьянская поземельная община была преобразована в СССР в сельскую трудовую общину в форме кооперативных (колхозов) и государственных (совхозов) хозяйств. Сама идея образования коллективных хозяйств постепенно овладевала крестьянами уже после Февральской революции, а после Октябрьской революции началось ее воплощение в жизнь, снизу, самими крестьянами. Но все же образование крупных сельскохозяйственных предприятий шло медленно и не удовлетворяло объективные потребности страны. Поземельная община в новых условиях индустриальной цивилизации и строительства социализма не годилась. Она порождала кулачество, не могла развиваться в крупные хозяйства с применением современных машин и технологий, сдерживала начавшуюся в стране индустриализацию. Коллективизация стала насущной исторической необходимостью. К тому же внутренние и внешние условия (прежде всего, ускоренная индустриализация в условиях надви-

гавшейся войны) диктовали необходимость проведения ее ускоренными темпами. Крестьянство в большинстве своем к этому готово не было. Пришлось проводить коллективизацию сверху, под давлением, жестко, со значительными издержками. И все же крестьянство в целом приняло колхозную систему, коллективизация сверху была поддержана снизу. Крестьяне пошли в колхозы, поскольку увидели в них новую форму их традиционного общинного образа жизни, крестьянин-общинник взял верх над крестьянином-собственником. С помощью колхозной деревни была осуществлена ускоренная индустриализация страны, а с помощью индустриализации – модернизация деревни. Вместе это помогло победить в Великой Отечественной войне и способствовало дальнейшему развитию страны.

Со времени проведения коллективизации колхозы и совхозы стали центрами жизнеустройства в деревне. Они опирались на колхозно-кооперативную и государственную форму собственности и представляли из себя производственные и социальные организации с тесными экономическими, социальными и территориальными связями, оснащенными современной техникой и передовыми технологиями. Во многом они были своеобразным продолжением русской общины в новых условиях: в них в основе своей сохранялись традиционный уклад жизни русского крестьянина, двойственность последнего как труженика и собственника, производственное и социальное самоуправление, общинный характер связей между сельчанами, гуманистические нормы и ценности общинной морали и т.п. Много позитивное, что было в крестьянской общине, получило свое дальнейшее развитие. Постоянно и последовательно улучшалась и облегчалась жизнь крестьян. Дж. Гэлбрейт, американский экономист, лауреат Нобелевской премии, в связи с этим отмечал: «Я изучал советские колхозы и совхозы... жизнь там намного легче и проще, нежели жизнь... семейного фермера» (3). Уровень жизни, социальной обеспеченности села все больше приближался к городскому. В 1990 г. средний совокупный месячный доход на душу населения в семьях колхозников составлял в РСФСР 88% совокупного дохода рабочих и служащих (4, 411). У крестьян имелись большие возможности для самореализации в сфере труда, быта, досуга. Колхозы и совхозы оказались эффективной формой организации всей крестьянской жизни в новых условиях. Благодаря этому советское сельское хозяйство показало свое преимущество перед сельским хозяйством развитых капиталистических стран. Так, период до 1989 года характеризовался в СССР ростом сельскохозяйственного производства, в 2 раза превышающим темпы роста сельскохозяйственного производства за границей (5). И это несмотря на то, что советское сельское хозяйство в силу различного рода обстоятельств получало от государства несравненно меньшую экономическую поддержку, нежели в развитых капиталистических странах. Именно крестьянин в первую очередь оплачивал защиту, восстановление и превращение страны в мировую державу. Важно отметить и то, что при этом в СССР удалось провести общую модернизацию, сохранив крестьянство как особую социально-культурную группу (в его новом виде), тогда как в капиталистических странах, вставших на путь модернизации, оно оказалось обреченным и уже фактически исчезло.

Традиционное общинное бытие русского крестьянина и в целом русского человека в советский период трансформировалось в бытие трудовых коллективов в деревне и в городе, в разных сферах и на разных уровнях. Трудовой коллектив являлся объединением людей, осуществлявших совместную трудовую деятельность в целях удовлетворения собственных и общественных потребно-

стей и интересов. Он во многом устранял негативные стороны прежней общинной жизни и открывал простор для развития ее позитивных моментов. Важнейшей сущностью его являлось создание условий для развития способностей человека и их реализации в практической деятельности. В целом трудовой коллектив выполнял следующие, тесно связанные между собой функции: производственно-экономическая, социально-бытовая, духовно-нравственная, контрольно-регулирующая, социально-политическая. Он являлся важной социальной ячейкой советского общества, основным звеном общественного производства, частью самоуправления народа, посредником между обществом и личностью. По специальному закону о трудовых коллективах они были наделены широкими правами: участвовали в управлении предприятием, хозяйством, организацией (формировали органы самоуправления, способствовали их эффективной деятельности, выносили решения, обязательные для исполнения всех его членов, органов самоуправления и администрации и т.д.), в общественной деятельности (профсоюзной, органах народного контроля и т.д.), государственной деятельности (делегируют своих представителей в законодательные и судебные органы власти, заслушивали их отчеты, возбуждали при необходимости их отзыв). Через трудовой коллектив работники и их семьи удовлетворяли свои потребности в сфере труда, быта, общественной деятельности, досуга. Трудовые коллективы в разной степени имели для этого свои бытовки, медпункты, комбинаты бытового обслуживания, детские дошкольные учреждения (ясли, сады), профилактории, базы отдыха, санатории, пионерские лагеря, спортивные сооружения, клубы, Дома культуры, учебные заведения (учебные курсы, училища, техникумы), столовые, общежития, благоустроенные квартиры. Услуги этих учреждений предоставлялись ими бесплатно или за символическую плату.

У членов трудовых коллективов было заведено вместе трудиться, вместе отдыхать, помогать друг другу. Они чувствовали себя хозяевами предприятия; имели возможность свободно выражать свое мнение, принимать те или иные решения и добиваться их претворения в жизнь. Работников на предприятии защищали закон, трудовой коллектив, общественные организации, отсутствие безработицы. Действовала система материального и морального поощрения их от имени коллектива и общества, по которой они оценивались за активный труд, общественную деятельность, высокую нравственность. Люди в этих условиях чувствовали, понимали, что их деятельность была необходима коллективу, обществу, стране, и вели себя соответственно этим ожиданиям. Не случайно советские трудовые коллективы поразили мир самоотверженным трудом в годы форсированной индустриализации, Великой Отечественной войны, быстрого восстановления разрушенного войной народного хозяйства, последующего развития экономики страны, – всем тем, что мир назвал в свое время «русским чудом».

Все советское жизнеустройство было общинным по своей сути. Оно было во многом развитием русского общинного жизнеустройства. Принципы общинности в нем были подняты с уровня общины до уровня всего общества, государства. Общинность давала о себе знать во всех сферах жизни. Свообразными общинами были коммунальная квартира, подъезд дома, сам дом, его двор, квартал, улица, поселение. Советское общество было действительно обществом равных возможностей, в котором были основательно сломаны классовые и сословные перегородки. Сформировался советский народ, который был народом – общиной. Осуществлялось широкое участие его в управлении государством через Советы, профсоюзы, рабочее самоуправление и т.п. Русский

общинный образ жизни получил свое продолжение и развитие в советском образе жизни с его коллективизмом, товариществом, взаимопомощью, сознательным отношением к труду, гуманизмом, социальным оптимизмом и т.д. В советских людях наиболее полно проявились родовые черты русских общинных людей. У них было общинное мироощущение и мировоззрение; они были со-трудниками и со-ратниками, товарищами и друзьями; они чувствовали, видели себя необходимыми обществу, сопричастными к его делам и гордились этим. Общественные (общинные) отношения в СССР опирались на общественную собственность на средства производства, единое народное хозяйство, коллективистский труд людей, свободных от эксплуатации, социальное равенство, тесную связь производства и быта, общественные фонды потребления, общественные формы бытового и коммунального обслуживания. Советское жизнеустройство было с высоким уровнем безопасности, широкими социальными гарантиями. Каждый член общества имел гарантированное право на жизнь, был освобожден от угрозы безработицы, от нищеты в старости, от тревоги за будущее своих детей, необходимости постоянно биться за свое выживание. Нигде и никогда не было у простого человека такой социальной защищенности, как в СССР: неукоснительная оплата больничных листов, декретных отпусков, различных пособий, пенсий, стипендий, предоставление бесплатного образования, лечения, жилья, доступного коммунального, бытового, транспортного, культурного обслуживания и т.п. Система поддержки человека носила самый широкий характер – от семьи, соседей, друзей до трудового коллектива, общественных организаций, органов власти, всех близких и далеких людей и исходила из его насущных потребностей, а не из голой экономической целесообразности, выгоды, прибыли. В целом советское жизнеустройство было высокоэффективным: находясь в трудных условиях, мы относительно неплохо жили (и чем далее, тем лучше), никого при этом не эксплуатируя (как Запад), а даже помогая другим.

Сегодня в России вновь, как и сто лет назад, происходит жестокое насаждение капиталистических порядков. Соответственно меняется жизнеустройство страны и людей. Общественная собственность заменяется частной. Огромные средства изымаются у подавляющего большинства населения на утверждение капиталистических отношений, расточительное потребление меньшинства. Разрушена общинная социальная система; появились безработные, нищие, попрошайки, бомжи, беспризорные. Разрушены общинные (коллективистские, солидарные) связи между людьми, трудовые коллективы; люди стали друг другу партнерами и конкурентами, огромных масштабов достигла преступность. Народ рассыпался на отдельных индивидов, превратили в простое население, выключили из процесса решения судьбы общества, страны. Люди потеряли опору в жизни (экономической, социальной, духовной), оказались беззащитны перед чуждой, враждебной им действительностью, живут ожиданием подачек свыше. Страх окружает их со всех сторон – страх потерять здоровье, работу, собственность, самую жизнь, страх за сегодняшний и будущий день своих детей, внуков. В обществе насаждаются индивидуализм, эгоизм, сосредоточенность на личных проблемах («никто никому ничего не должен»). Естественно серьезно изменилась у людей иерархия ценностных ориентаций. По данным исследования института социологии РАН, опрошенные отмечают уже доминирование в окружающих их людях таких качеств, как черствость, жадность, готовность ради денег перешагнуть через нормы морали, хамство, цинизм (6). В деревне осуществлена насильственная деколлективизация, демонтирована колхозно-

совхозная система, идет насаждение частных хозяйств. С фактическим лишением деревни государственной поддержки это привело к ее деиндустриализации и демодернизации. В ней широко распространена безработица. Для многих ее жителей главным средством приложения труда, а значит и выживания стало приусадебное хозяйство с его ручным трудом и архаичными технологиями. Снова русский крестьянин оплачивает капитализацию страны. В целом для села сейчас характерна прогрессирующая деградация. Оно интенсивно вымирает. Идет процесс массового раскрестьянивания деревни.

Жизнеустройство любого общества, любой страны должно учитывать их главные ценности, формировавшиеся в течение длительного времени. Ведущей ценностью, своеобразным складывавшимся веками генетическим кодом России является общинность. Она показала себя выгодным способом общественной жизни в наших условиях в прошлом и приобрела еще большую актуальность в нынешних условиях, когда на повестку дня со всей остротой поставлен вопрос о самом существовании нашей страны, нашего народа. Поэтому общинность, учитываемая, разумеется, исторический опыт и новые реальности, должна быть возвращена в основание нашей жизни. Выжить в современном мире мы сможем только на основе содержащего в себе огромный созидательный потенциал солидарного общественного устройства, каким, кстати, был советский социализм.

Список литературы

1. Политология на российском фоне. М., 1993.
2. Кара-Мурза С.Г. Столыпин – отец русской революции. М., 2002.
3. Советская Россия. 1995. 12 октября.
4. Куда идет Россия? Белая книга реформ / Сост. С.Г. Кара-Мурза, С.А. Батчиков, С.Ю.Глазьев. М., 2008.
5. Советская Россия. 2006. 12 января.
6. Советская Россия. 2009. 29 декабря.
7. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
8. Паршев А.П. Почему Россия не Америка. М., 1999.
9. Емельянов Ю.В. Рождение и гибель цивилизации. М., 2000.
10. Павлуцких Г.Г. Система местного самоуправления в Южном Зауралье в 1782-1861 гг. // Земля Курганская: прошлое и настоящее: Краеведческий сборник. Курган, 1993. Вып. 6.
11. Никитин В.А. Деятельность сельских управлений на территории Южного Зауралья во 2-й половине XIX века // В.П. Бирюков - ученый, писатель, краевед. Краеведческий сборник. Курган, 1994. Вып. 7.
12. История Курганской области. Курган, 1995. Т.1.
13. История культуры Южного Зауралья. Курган, 2005. Т.1.
14. Кислицын В.А., Стороженко А.А. Проблемы административного управления крестьянским миром и сельский сход в Южном Зауралье // Емельяновские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Курган, 11-12 мая 2007г.). Курган, 2007.
15. Федоров С.Г. Великие реформы 60-х годов XIX века и южнозауральская община // IV Емельяновские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Курган, 24-25 апреля 2009 г.). Курган, 2009.
16. Вахитов Р. Незвестная революция. Крестьянская война начала XX века и ее значение для победы большевиков // Советская Россия. 2008. 13 ноября.

Г.С. Смирнов, С.С. Смирнов
Южно-Уральский государственный университет,
г. Челябинск

ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ПРИПИСНЫХ КРЕСТЬЯН НА УРАЛЕ

Появлению первых горных мануфактур на Урале предшествовал длительный процесс крестьянской колонизации и хозяйственного освоения края. В итоге к концу XVII в. на Среднем Урале, а к середине XVIII в. и на Южном – сложились необходимые социально-экономические условия для крупномасштабного горнозаводского строительства. Первые 4 крупных завода были пущены в 1701-1704 гг. Строились они казной с использованием принудительного труда местных государственных крестьян. С этого времени главной проблемой развивавшейся уральской металлургии стала хроническая нехватка рабочих рук. Решить ее в тех условиях можно было только за счет так называемого феодального найма (принудительных отработок с оплатой труда по фиксированным расценкам, близким к тем, которые применялись при оплате вольных работников). Исследование не подтвердило высказанного рядом авторов предположения о широком использовании на строительстве заводов вольнонаемного труда, как не подтвердило и полного отсутствия какой-либо системы в оплате принудительно выполнявшихся работ. В результате экономическое и социальное положение слободских крестьян в первые два десятилетия XVIII в. заметно ухудшилось.

Двадцатилетняя практика существования в крае крупных металлургических предприятий показала, что надежды на широкий приток вольных работников в условиях крепостного строя несбыточны. Поэтому со второго десятилетия XVIII в. к их обслуживанию все чаще стали привлекать жителей окрестных слобод, освобождая их при этом от всех остальных государственных и земских повинностей и засчитывая заработанное в подать. Так постепенно стала формироваться категория приписных крестьян при казенных горных заводах. Официально этот статус за ними закрепила первая ревизия. Однако для того, чтобы приписка приняла массовый характер, потребовалась вторая волна заводского строительства, начавшаяся с 20-х годов XVIII века.

В целом, на создание института приписных крестьян на Урале потребовалось четыре десятилетия. Если по переписным книгам 1721 г. при трех казенных мануфактурах было зарегистрировано всего 8308 душ приписных, то по третьей ревизии (1763 г.) их насчитывалось в крае уже около 120 тыс. Массовые приписки начались с 1722 г. и закончились в 1760 г. За это время было построено около 120 металлургических предприятий, 40 из них, наиболее крупные, пользовались трудом приписных крестьян.

Автор выделяет три основных этапа в этом процессе, охвативших начало 20-х, вторую половину 30-х и вторую половину 50-х годов. Все три были связаны с резкой активизацией горнозаводского строительства и сопутствующим увеличением потребности в рабочей силе. При этом третий этап сопровождался еще и массовой раздачей казенных заводов вместе с прикрепленными к ним крестьянами в частные руки.

На 20-50-е годы пришлось и создание специального законодательства, регулировавшего отношения приписной деревни с заводами, складывавшаяся социально-правовой статус приписного населения. Так, указом от 29 мая 1724 г. официально определялись условия получения с приписных селений казенных податей: «Подушных и оброчных не брать, а отрабатывать при заводах за ука-

занную плату». Этот указ окончательно обособлял их от слободских крестьян и устанавливал единые расценки на принудительные заводские работы.

С середины 1730-х годов, когда началось интенсивное строительство частных предприятий, были установлены и единые нормы приписки к ним. Согласно инструкции императрицы Анны Иоанновны В.Н. Татищеву от 23 марта 1734 г. разрешалось приписывать к каждой домне по 100 – 150 крестьянских дворов и до 30 дворов к каждому кричному молоту. В 1744 г. окончательно определилась норма приписки к медеплавильным заводам: 50 дворов на тысячу пудов выплавляемой чистой продукции.

Со второй половины 50-х годов началась раздача казенных горных заводов в частные руки. К 1760 г. в государственной собственности оставалось лишь два из них: Екатеринбургский и Каменский. Вместе с предприятиями к заводчикам перешли 70 тысяч ревизских душ приписных крестьян.

Принудительный характер работ, особенно в условиях частной собственности, требовал их детальной регламентации. Уже в начале 1720-х годов были законодательно установлены продолжительность рабочего дня и рабочей недели, определены нормы выработки на наиболее массовых операциях, введены единые повременные и сдельные расценки. Однако вплоть до 1763 г. закон разрешал заводчикам под предлогом нехватки сырья и топлива увеличивать размер повинности, к чему они охотно прибегали. Положение приписных крестьян на заводах, степень их эксплуатации не оставались неизменными. До начала 1760-х годов она неуклонно возрастала. Невозможность распространения приписки вширь компенсировалась ростом эксплуатации наличного трудового потенциала. Передача заводов в частные руки еще более усложнила ситуацию. Начались массовые волнения. После их подавления была прекращена практика дальнейших приписок, значительная часть заводов вновь возвращена в казну. Были внесены существенные изменения и в порядок отработки заводской повинности, наметилась заметная тенденция к ее уменьшению. Важнейшим нормативным актом в этом направлении стал манифест от 21 мая 1779 г., ограничивший круг обязательных заводских работ рубкой куренных дров, возкой заводских грузов и аварийными работами по ремонту плотин. Манифест вдвое по сравнению с плакатом 1724 г. увеличил расценки, что привело к сокращению объемов работ в полтора раза. С этого времени физические методы принуждения стали постепенно вытесняться экономическими: штрафами, наймом за счет недоимщиков вольных работников.

Принудительный труд был главной, но не единственной функцией приписной деревни. По мере формирования в стране мелкотоварного и капиталистического укладов крепил ее экономические связи с заводами. С самого начала своего существования мануфактуры, возникшие как следствие общественного разделения труда, стали крупнейшими в регионе потребителями сельскохозяйственной продукции, сформировали вокруг себя рынок, в который втягивалось натуральное крестьянское хозяйство.

Товарно-денежные отношения приписной деревни с горными заводами изначально базировались на имевшем в ней место мелкотоварном укладе. В отличие от феодально-крепостнических эти отношения не только не переживали кризиса, но год от года становились устойчивее и крепче, хотя в целом не выходили за рамки традиционной экономики. Если основным потребителем товарной сельскохозяйственной продукции на Урале являлась горнозаводская промышленность, то главным товаропроизводителем в этой области была приписная деревня. Рыночные связи являлись той частью сложно-

го комплекса взаимоотношений между промышленниками, крестьянами и государственной властью, в развитии которой были заинтересованы все три стороны.

Радиус экономического воздействия крупных горнозаводских предприятий был велик выходя иногда за пределы региона. Так, к началу 1791 г. в числе лиц, получивших задатки под различные работы и поставки для Богословского завода, были жители четырех наместничеств: Пермского, Тобольского, Вятского и Вологодского. В заводских ведомостях отмечены отходники из таких отдаленных округов, как Курганский, Тюменский, Тобольский, Томский.

При строительстве крупного металлургического предприятия там обязательно учреждались базар, торжок или ярмарка, на которых разрешался беспопытный торг необходимыми заводскому населению товарами. Наиболее крупными торговыми центрами являлись Екатеринбургский, Невьянский и Нижнетагильский заводы. Одновременно с ярмарочной в них распространилась и лавочная торговля. Наряду с заводскими селениями небольшие ярмарки, торжки и базары возникли почти во всех приписных слободах. Основным товаром на всех этих рынках был крестьянский хлеб. Ежегодно уральские горные заводы потребляли до 6 млн пудов ржи и фуражного овса. Большую часть этого хлеба заводские конторы закупали непосредственно у производителей через собственных комиссионеров, минуя посредников. Это позволяло снабжать горнозаводское население относительно дешевым продовольствием.

Если в хлебной торговле крупные подрядчики почти не играли никакой роли, то заготовка руд, флюсов, горного и трубного камня, строительство судов осуществлялись в основном подрядями. Особенно широкие масштабы частное предпринимательство достигло в рудном промысле, вследствие чего принудительный труд из рудодобычи был вытеснен раньше, чем из других заводских работ.

Таможенный устав 1755 г., защищая интересы купечества, запрещал крестьянскую торговлю в городах и пригородных селениях. Однако согласно Регулам для провиантского правления 1758 г. крестьянам предоставлялось право поставлять на горные заводы провиант, фураж и припасы как путем обычной торговли, так и подрядами. Пользуясь этим, канцелярия Главного заводов правления всячески поощряла предпринимательскую деятельность приписных крестьян, которые не только вытеснили купечество с заводских рынков, но и монополизировали в самом Екатеринбурге торговлю хлебом, мясом и другой сельскохозяйственной продукцией.

Документы заводских контор свидетельствуют, что на провиант, фураж и предметы первой необходимости для заводских работников расходовалась примерно третья часть сумм, выделявшихся на обеспечение деятельности горных заводов. Еще треть уходила на оплату различных поставок производственного назначения: руд, флюсов, угля - и на зарплату вольным работникам. И лишь около 30% расходовалось на оплату подневольного труда мастеровых, заводских и приписных крестьян. Следовательно, около 70% оборотных средств горных мануфактур в конце XVIII в. непосредственно попадали в систему региональных рыночных связей.

Недостатки приписного труда были замечены еще в ходе становления уральской металлургической промышленности. Низкая эффективность, почти полное отсутствие у работников экономических стимулов, пагубное воздействие на экономику приписной деревни, постоянное недовольство крестьян – все это вынуждало правительство искать ему альтернативу. Однако найти ее было непросто. Хотя вольный наем на казенных и частных за-

водах Урала использовался охотно и широко, в условиях господства феодально-крепостнических отношений он не мог полностью заменить подневольного труда. Поэтому все многочисленные проекты реформы в той или иной степени предусматривали принуждение.

Особенно активным поиск альтернативы приписным крестьянам стал после воцарения императора Павла. Металлургия переживала к этому времени глубокий кризис. Горнозаводское строительство практически прекратилось. Хотя ряд последовательных указов второй половины XVIII в., направленных на уменьшение степени эксплуатации приписной деревни, стабилизировал и даже улучшил экономическое положение приписных крестьян, их труд на заводах потерял вследствие этого свое единственное преимущество – дешевизну. С другой стороны, быстрый рост численности населения и процесс социального расслоения в деревне значительно расширили рынок рабочей силы, а хозяйственное освоение новых районов горнозаводской зоны теми же приписными крестьянами позволяло обеспечивать хлебом и фуражом значительно большее число постоянных заводских рабочих. Все это и сделало возможной ликвидацию института приписных крестьян. После нескольких лет дискуссий началась реформа приписной деревни.

В основу реформы был положен проект М.Ф. Соимонова, согласно которому приписку следовало заменить набором из тех же приписных крестьян определенного числа крепостных мастеровых (непрерывных работников). По мысли инициатора реформы, от этого выиграли все: и заводы, получавшие гарантированную рабочую силу, и казна, так как должны были сократиться недоимки, и сами крестьяне, которые освобождались от тяжелой барщины. С каждой тысячи ревизских душ предполагалось набрать по 58 годных работников.

Законодательные основы реформы изложены в трех документах, утвержденных царем 15 марта 1807 г. Порядок ее проведения содержится в докладе министра финансов Васильева. Произвести замену предполагалось в течение четырех лет. Всего с приписных крестьян Вятской и Пермской губерний (в других губерниях набор не производился) следовало набрать 16075 человек, из которых 59% должны были иметь по 3 лошади и выполнять конные работы. Осуществление реформы возлагалось на Пермское горное начальство. Все расходы, около 4 млн руб., полностью ложились на приписную деревню.

Вторым документом было «Положение для управления приписных крестьян», призванное регулировать их отношения с горными заводами в период проведения реформы. «Положение» усиливало административный и судебный контроль над крестьянами. Для этого в систему управления вводилась новая фигура – сельский исправник, на которого возлагалась обязанность координировать действия гражданских и горных властей. Главной задачей исправника было обеспечение бесперебойного выполнения заводской повинности.

Третий документ – «Положение для непрерывных работников при горных заводах» – содержал статьи, касавшиеся организации труда и управления непрерывными работниками. В нем подчеркивалось, что новый разряд заводских рабочих ничем не отличался от мастеровых. Однако проведенный нами анализ данного документа свидетельствует, что у непрерывных работников сохранялись важные элементы общинного устройства, в частности, круговая порука. Эта особенность оказала в дальнейшем существенное влияние как на формы организации их труда, так и на методы их борьбы против крепостнической эксплуатации.

Имело место и другое существенное отличие непрерывных работников от мастеровых. В значительной мере

они продолжали оставаться крестьянами: имели скот, сенокосы и пашни. Обеспечение рабочих лошадью фуражом, а частично и себя продовольствием они осуществляли за счет сельскохозяйственного труда. Конному работнику на это по «Положению» отводилось четыре месяца в году, но на практике всё было иначе. В год полагалось отработать на заводской барщине 240 дней. Из оставшихся четырех месяцев три составляли выходные и праздники, и только месяц можно считать «отпуском» для сельскохозяйственных работ. Таким образом, чтобы «выкроить» четырехмесячный «отпуск» для хлебопашества и заготовки сена, крестьянин должен был в течение восьми месяцев без выходных и праздников при двенадцатичасовом рабочем дне выполнять тяжелую работу по обслуживанию завода.

Пешим работникам полагалось обслуживать заводы 303 дня. Исключая выходные и праздники им на собственные хозяйственные нужды оставалось всего 15 рабочих дней. Эту жесточайшую нагрузку заводская администрация часто увеличивала уже по собственной инициативе. Привлекались к работам и нетрудоспособные члены семьи.

Катастрофичность положения новой категории горнозаводских рабочих вынудила екатеринбургский горный совет уже в 1818 г. внести предложение о сокращении заводской барщины до 180 рабочих дней. Однако осуществлена эта мера была значительно позже: в 1842-47 годах в ходе замены непрерывных работников урочными. К тому времени большинство из них практически уже ничем не отличались от мастеровых.

Экономическую роль непрерывных работников в масштабе всей уральской металлургии можно считать существенной. По данным за 1835 г., на казенных заводах они составляли почти четверть всей рабочей силы, причем на предприятиях Екатеринбургского горного округа – свыше 42%, Воткинского – 64,3%. На частных заводах, имевших ранее приписных крестьян, их удельный вес достигал 30,7%. Однако роль непрерывных работников в обеспечении заводов рабочей силой определялась не столько их удельным весом, сколько тем, что сосредоточены они были в тех районах, где найти альтернативный источник рабочих рук было крайне затруднительно.

В целом реформа 1807 г. носила ограниченно прогрессивный характер. Она не решила полностью проблемы рабочей силы в горнозаводской промышленности Урала, хотя и сгладила её остроту. В то же время социальная напряженность на заводах в ходе её подготовки и проведения только усилилась. С другой стороны, освобождение основной массы приписных крестьян от принудительных заводских работ оказало положительное воздействие на развитие рынка рабочей силы в регионе, благотворно сказалось как на крестьянском хозяйстве, так и на состоянии горной мануфактуры. И, тем не менее, сама по себе реформа не могла ликвидировать кризисные явления в уральской металлургии. Требовалось её коренное техническое перевооружение. Только в этом случае полная замена принудительного труда вольным становилась практически осуществимой и экономически оправданной.

Таким образом, приписные крестьяне сыграли исключительно важную роль в становлении и развитии горнозаводской промышленности Урала. Приписная деревня формировалась не просто как одна из многочисленных групп подневольных работников, но и была самовоспроизводящимся организмом, способным давать мануфактурам все необходимое: рабочие руки, сырье, хлеб и фураж, не получая ничего взамен. Только такая структура могла в условиях почти полной изоляции Урала от центральных районов страны в короткий срок создать круп-

нейший в мире центр металлургического производства.

Понятие «институт приписных крестьян» включает в себе целую систему разнообразных отношений социального, экономического и юридического плана. Создание такого института было возможно лишь в условиях общего господства крепостничества и крайнего деспотизма абсолютистского государства. С другой стороны, то, что государство сохранило приписных как не экспроприированных сельских производителей, явилось результатом местных условий российской окраины.

Институт приписных крестьян возник на окраинах России не случайно. Именно там к началу XVIII столетия еще сохранялся целый слой сельского населения, не вовлеченного в сферу крепостнической эксплуатации, который можно было использовать для работ в горнозаводской промышленности, не ущемляя при этом непосредственных интересов помещиков.

Как и вся горнозаводская мануфактура в целом, приписная деревня в своем развитии прошла две основные стадии. На первой, длившейся до конца 2-й трети XVIII в., происходило формирование капиталистического уклада. Отсутствие капиталов и неразвитость рынка труда делали наиболее эффективными феодальные методы государственного стимулирования промышленного производства: принудительный труд, централизованное перераспределение денежных средств, получаемых в виде ренты с сельских производителей, систему государственных субсидий и привилегий. Так были созданы сначала казенная, а затем посессионная мануфактуры.

Крепостнические формы организации труда на них самым непосредственным образом сказались на экономическом положении уральской приписной деревни. К началу 60-х годов степень её эксплуатации вследствие увеличившегося разрыва между темпами промышленного строительства и ограниченным резервом рабочей силы в регионе значительно возросла и достигла того предела, за которым становилось невозможным само существование этого института как не экспроприированной рабочей силы, находящейся на самообеспечении. Реакцией на это стали массовые волнения приписных крестьян.

На второй стадии развитие горнозаводской мануфактуры происходило в условиях уже сложившегося капиталистического уклада. Фундамент уральской металлургии был заложен. Дальнейший её рост всё более осуществлялся за счет внутренних накоплений. В связи с этим была прекращена практика дальнейших приписок, ограничен круг принудительных работ, повышены расценки. Был взят курс на постепенное вытеснение принудительного труда приписных крестьян вольным, завершившийся полной ликвидацией приписки на Урале.

Государственное регулирование социально-экономических отношений в самой приписной деревне основывалось на тех же принципах, что и во всей государственной деревне, но отличалось большей степенью вмешательства в хозяйственную и внутриобщинную жизнь с целью сохранения способности крестьянского двора выполнять заводские работы. Эта политика, направленная против объективного процесса социального расслоения крестьянства, не могла успешно продолжаться в течение длительного времени и, в конечном счете, потерпела неудачу, что и явилось одной из главных причин реформы 1807 г., ликвидировавшей институт приписных крестьян.

Список литературы

1. Смирнов С.С. *Приписные крестьяне Урала в XVIII начале XIX века*. Челябинск: ЧГИИК, 1993. 206 с.
2. Смирнов С.С. *Приписные крестьяне на горных заводах Ура-*

ла. Челябинск: ЧелГУ, 1994. 160 с.

3. Смирнов С.С. *Аграрная политика правительства по отношению к приписной деревне Урала в XVIII- начале XIX в. // Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование: XXIX сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы*. М., 1994. С.28-31.
4. Смирнов С.С. *Горнозаводская промышленность Урала и региональный рынок в 1790 – 1820-х годах // Коммерция и государство в истории России (XVI – XX вв.)*. Екатеринбург: Демидовский институт, 2001. С.51-58.
5. Смирнов С.С. *Ликвидация института приписных крестьян на горных заводах Урала // Промышленность Урала в XIX – XX веках*. М.: АИРО-XX, 2002. С.12-43.

С.Г. Меринов

*Курганский государственный университет,
г.Курган;*

В.А. Кувалдин

*Тюменская государственная
сельскохозяйственная академия,
г.Тюмень*

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ КУРГАНСКИХ СПОРТСМЕНОВ- ЕДИНОБОРЦЕВ В XX ВЕКЕ

Мастерство и опыт приходят в международных соревнованиях.

С. Колесников

Международные спортивные связи являются одной из форм культурных отношений народов, и на характере их развития сказываются общие закономерности и тенденции развития современных отношений между государствами.

Структура современных международных спортивных связей многообразна и сложна. Тем не менее международные спортивные отношения условно можно было бы представить состоящими из двух основных частей: межнациональные спортивные связи и отношения, характер которых определяется деятельностью и регламентом международных спортивных объединений (7,11).

Спортивные контакты, осуществляемые спортивными организациями России, весьма разнообразны: двухсторонние и многосторонние международные соревнования; организация совместных тренировочных и лагерных сборов; проведение научных конференций, конгрессов, симпозиумов, семинаров; обмен тренерами, специалистами, учеными и организационными работниками с целью изучения и передачи опыта работы; сотрудничество в области обмена научной и технической документацией, в области спортивной печати, в международных спортивных объединениях; оказание спортивно-технической и иной помощи другим странам; направление тренеров и специалистов по долгосрочным контрактам для работы с зарубежными национальными командами (2,8).

Многообразные формы международного спортивно-сотрудничества развиваются не только на уровне государств и национальных сборных команд по видам спорта, но и на региональном уровне, когда в эту работу включаются спортсмены отдельных городов, спортивных клубов, любительских команд по спортивным играм и т.д. Значимость этих международных контактов, анализа их результатов для развития физической культуры и спорта в регионах России на местном уровне трудно переоценить. Существенный вклад в решение этой задачи может быть внесен исследователями истории развития спорта в регионах России и Уральского региона в частности.

К сожалению, краеведческая работа в этом направлении в Курганской области началась сравнительно недавно. Нельзя не отметить деятельность сотрудников Шадринского филиала Курганского госархива Т. Клименко и Л. Осинцева. В 60-х годах прошлого столетия они опубликовали первые сведения по истории развития спорта в г. Шадринске, которые были позднее дополнены материалами преподавателя Шадринского техникума физической культуры В.Ф. Рычкова (в 1990-91 г. он вел в газете «Шадринская новь» рубрику «История спортивного Шадринска»).

В 80-х годах Г. Волков и М. Такунцев опубликовали цикл статей в газете «Советское Зауралье» под рубрикой «Зауральская энциклопедия спорта». В 1996-98 гг. в издательстве курганской газеты «Зауралье» выходят три книги очерков о лучших зауральских спортсменах, тренерах и организаторах спорта, написанных известным спортивным журналистом В.И. Паниковским. Перечисленные публикации содержали разрозненные факты из истории международных спортивных связей Курганского спорта. В 1997 и в 1998 году М.Ю. Черепановым в издательстве «Дамми» были опубликованы книги «Зауральский футбол в XX веке» и «Зауральский спорт от "А" до "Я"», которые можно характеризовать как наиболее серьезные исследования истории Зауральского спорта.

Тем не менее, история международных связей зауральского спорта исследована не достаточно, что и побудило нас обратиться к этой теме на примере двух ведущих для нашего региона видов спорта – греко-римской борьбы и борьбы самбо.

В Кургане борьба появляется в начале XX века. Тогда турниры борцов были основой цирковой программы. По подобию цирковых был организован и первый чемпионат Кургана по французской борьбе среди любителей осенью 1913 года (8,53). Большой вклад в развитие классической борьбы в Зауралье внес заслуженный тренер России А.И. Демидов, прибывший в Курган после службы в армии в начале 50-х годов. Вместе с П.Е. Сучалкиным они подготовили команду Курганской области к ее первому старту на коврах России - это были соревнования зоны Урала в 1953 году (8,54).

Свою первую международную встречу курганские борцы провели в 1965 г. с финскими спортсменами в г. Никополе: в составе молодежной сборной команды ЦС «Спартак» уверенно выиграли этот турнир В. Носов и В. Баитов. В одиннадцати международных турнирах принимал участие и занимал первые и призовые места Н. Ощепков, призером международного турнира в Финляндии становится В. Петров, а чемпионом Европы среди железнодорожников в Болгарии в 1969 г. - Н. Нелюбин. В 1981 году П. Шадрин получил серебряную награду на международном турнире в Запорожье (8,55).

Лидеры курганских «классиков» последних лет - мастера спорта международного класса, победители и призеры чемпионатов страны и многих международных турниров. В.Селенин, мастер спорта международного класса, завоевывает второе место на представительном международном турнире в г. Салоники (Греция) в 1994 г., затем становится победителем чемпионата мира среди профсоюзных спортсменов в Израиле 1995 году. Из достижений Селенина в 1996 году можно отметить победу в турнире Пытлясинского в г. Варшаве, победу в открытом кубке Финляндии в г. Хельсинки и 3-е место в мемориале Петрова в г. София. В 1997 г. В. Селенин занял 1-е место в престижном международном турнире в г. Алесунт (Норвегия) и 3-е место в открытом чемпионате Швеции (8,57).

Джалиль Сайфутдинов (МСМК) в 1994 г. записал в свой актив две международные встречи: 2-е место в тур-

нире в г. Салоники и бронзовую медаль первенства Европы среди молодежи в г. Стамбуле (Турция), 1995 г. он становится победителем первенства мира среди профсоюзов в Израиле. В 1996 г. Д. Сайфутдинов - победитель открытого Кубка Финляндии, а в 1999 г. – третий призер мемориала Поддубного (3,287).

С. Санин – первый зауралец, участвовавший в Кубке мира (1996 г., США, 3-е место). Победителем первенства мира 1994 г., бронзовым призером первенства Европы 1995 г. и, наконец, победителем международного турнира в Стамбуле в 1996 г. стал С. Кунтарев, ученик тренера В.А. Воронина (5,83). Серьезным достижением курганских борцов стало участие в чемпионате мира 1994 г., где воспитанник тренера В.Ф. Горбенко Н. Дюсенов занял 5 место. Участвовал он и в Олимпийских играх 1996 г. в Атланте в составе команды Казахстана (4,295). И, наконец, курганская школа греко-римской борьбы воспитала и Заслуженного мастера спорта России, первого в истории Зауралья чемпиона мира по греко-римской борьбе (Швеция, 1998) Александра Меньщикова (3,286; 1,11).

Путь к этому титулу был долгим и нелегким. В 1995 г. он выигрывает чемпионат мира среди профсоюзных спортсменов в г. Тель-Авиве (Израиль), в период с 1996 по 2000 год Александр становится победителем и призером многочисленных международных турниров в Венгрии, Румынии, Турции, Норвегии, Югославии, Греции, Иране, Польше, Балтийских игр – в Таллине (8,57).

С 1980 года на международную арену выходит курганское самбо: И. Суханов выигрывает международный турнир в Баку, а в Болгарии на аналогичном турнире завоевывает серебряную медаль. Второе место на международных соревнованиях в Монголии в сентябре 1981 г. занял А. Поздняков, а его одноклубник М. Стенников выиграл этот турнир. В 1993 г. Владимир Федотович Евтодеев (брат Виктора Федотовича – Заслуженного тренера России) завоевывает серебряную медаль на чемпионате мира среди ветеранов в США, за что ему было присвоено звание «Мастера спорта международного класса», а Михаил Стенников становится чемпионом мира среди ветеранов. В 1996 г. С. Задорин первым в истории курганского самбо побеждает в Кубке мира, на чемпионате мира 1998 г. М. Казанцев занял 2-е место, С. Задорин – 3-е (6,156, 159).

Кроме этих больших спортсменов прославили школу курганского самбо такие борцы, как Игорь Косарев – двукратный чемпион мира среди юниоров, Ю.Игнатенко – серебряный призер чемпионата мира. Победителями чемпионата Азии, в котором участвуют спортсмены Японии, Китая, Южной Кореи, Монголии и т.д. в разные годы становились О. Лаврентьев, В. Воронов, М. Казанцев (трижды). Победителем молодежного чемпионата мира был А. Петухов. В 1998 году в Курганской области было 17 мастеров спорта международного класса – больше, чем в любом другом виде спорта (9,62).

Вполне понятно, что без опыта международного сотрудничества, без активного участия в крупных международных соревнованиях подобных успехов добиться было бы невозможно.

Список литературы

1. Вестник Курганского государственного университета: Спецвыпуск, посвященный 50-летию факультета психологии, валеологии и спорта. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2008. С. 11.
2. Международные спортивные объединения и туристические организации: Справочник. М.: ФиС, 1973. С. 8.
3. Паниковский В.И. Карлуша на старте. Курган: Изд-во «Зауралье», 1999. С. 285-290.
4. Там же. С. 295.
5. Паниковский В.И. Такова спортивная жизнь. Курган, 1997. С. 83.

6. Там же. С. 156,159.
7. Романов А.О. *Международное спортивное движение*. М.: ФиС, 1973. С. 7.
8. Черепанов М.Ю. *Зауральский спорт от «А» до «Я»: Сб. произведений зауральских писателей*. Курган: Изд-во «Дамми», 1998. С. 54-57.
9. Там же. С. 61,62.

Е.А. Тимохин

Курганский Государственный университет

САМОДОСТАТОЧНОСТЬ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРУЮЩЕЙСЯ ТЕРРИТОРИИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА (КОНЕЦ XVI – ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVII ВВ.)

Предметом настоящего исследования является установление роли законодательства в процессе правительственной колонизации Сибири в конце XVI – второй половины XVII вв. и его влияния на социальное развитие русского общества на восточных окраинах страны.

Изначально статус территории Сибири XVII в. понимался как «государева вотчина» (7,252). В рамках государства, земли царь мог «пожаловать» или «благословить», но «благословение» означало разделение семейной собственности между членами семьи или родственниками (42,136–137,148). В данном случае статус территории обозначался как «удел» самого царя. Таким образом, возникала ситуация, которая означала: либо царь будет «жаловать» территорию, т.е. раздавать на правах поместий или вотчин, либо «благословит», т.е. разделит между родственниками (42,117 – 215). Однако ничего похожего на второй вариант не происходило в течение всего XVII столетия. Сама территория «государевой вотчины» дробилась на более мелкие единицы: разряды, уезды, которые делились на ясачные волости и слободы с присудками (18, 80,82 – 83,85). Как известно, в 1604 г. зуштинский князь Тоян обратился в Москву с просьбой принять его владения в подданство, что и было сделано, и с его же помощью с 1605 года началось присоединение и других соседних племен (2, 3). Правовая оценка его территорий была определена на основе общерусских положений о земельной собственности: «Бил нам челом Томские земли князек Тоян, чтоб нашему ц[арьскому] величеству его, Тояна пожаловат[и], [вел]ети ему бытии под нашу царскою высокою рукою и велети бы в вотчине его в Томи поставити город» (28,37). Статус земель князей Алачевых в конце XVI – начале XVII вв. также рассматривался в паггатио грамот как «вотчина» и «поместье» (24,181). Почти ко всем категориям населения как в Западной, так и в Восточной Сибири от царя имеет место обращение в грамотах в форме «пожалованья», «жаловального слова» и производных от неё форм (25,191,219–221,229–230;24,180; 37,418). Не стал исключением и хан Кучум, представители его семьи. В жалованной грамоте царя Федора 1597 года «пожалованье» означало политическую реабилитацию в глазах царской власти: «И мы Великии Государь Царь и Великии Князь Федор Иванович всеа Руси Самодержец хотели тебя пожаловати устроити на Сибирской земле Царем, как было тебе в нашем Царском жалованье вперед крепку и неподвижну...» (36, 133 – 134).

Однако в наказах само «пожалованье» тоже не всегда конкретно: уже в клаузуле «жалованного слова» ранних сибирских наказов имеется указание на право русского и ясачного населения на подачу челобития воеводе, который должен был «чинить суд и росправу правед-

но», что предполагало решение как уголовных, так и гражданских вопросов. Но указанные дела не отделялись от жалоб населения по поводу злоупотреблений представителей власти, прежде всего, администрации, чьи действия уже в начале XVII в. получили законодательную трактовку. В случае жалоб воеводам предписывалось «давати им суд и управа чинити по государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всея Руси указу безволокитна» (10, 114; 24, 199).

Имевшие место злоупотребления показывали, что воеводы стремились к абсолютизации своей власти, которая в глазах населения обозначалась как «воеводы государятся» (6,128,259–269). «Государение» как форма своеволия могла попросту быть искаженной формой «вотчинного» взгляда на свои права и обязанности, т.е. уезд или разряд мог восприниматься как своя собственность. Апелляция к категории «вотчины» в правосознании в этом случае неизбежна.

Несмотря на такую определенность, схема взаимоотношений власти и служилых миров имела общерусскую основу, спецификой же в Сибири была большая роль общины служилых по прибору и отдаленность от столицы, но право мирского челобития имело место. Притом, что челобитье могло быть подано ввиду отказа воеводе от имени мира, оно подавалось в дальнейшем на основании статьи 149, главы X Соборного уложения. Правда, как отмечается в исследовании В.А. Александрова и Н.Н. Покровского, «частные иски, поданные на воевод, отправленных на службу в Сибирь, должны были рассматриваться лишь после того, как им «государева служба минется». Из текста не ясно, идет или речь о жалобах московского и другого населения или также о жалобах местных жителей» (6,275;33,124–125). Злоупотребления воевод тем самым были напрямую связаны с определением статуса «государевой вотчины» в глазах сибирской администрации.

Таким образом, статус территории, обозначенный понятием «вотчина», стал базовой территориально–политической и правовой категорией, посредством которой была возможна коммуникация власти, служилого населения, переселенцев, коренного населения Сибири. В первую очередь, это позволило апробировать на новой территории нормы в рамках категории «пожалованья». Это предполагало распределение социокультурных и политико-правовых функций между всеми социальными группами включая и русское население, служилых людей как социальную общность. Основными правовыми актами были указы и грамоты, которыми регламентировалась деятельность воевод (31, лл. 117–119; 34, 426–428; 3, 3, 5, 33–34, 62; 4, 40–4, 118–119, 159–160, 217–223; 5, 443–454; 14, 100–119, 153–169). Конечно, существовал и уровень более низкий среди разрядов, уездов, и даже слобод, который регулировался также нормативно: в частности, деятельность приказчиков слобод нормативно регулировалась на основе памятей, где прописывались основные направления их деятельности (32, лл. 1–94). Так, в 1644 году несколько памятей приказчику Ирбитской слободы Василию Муравьеву содержали нормы «судового дела», предметом которых была организация строительства дощаников, в частности, присылка плотников (32, лл. 17, 21, 26 – 27).

Территориально–политическое расширение государства в Сибири сразу получило законодательное регулирование. По мере исторического развития системы управления в Сибири формировались основные принципы её организации (6, 75–290, 351–356; 10, 138–147; 39, 26–28; 35, 31–170). Не случайно уже в дореволюционной историографии подчеркивается роль служилого населения в этом процессе. Так, Н.Н. Оглоблин, признавая

многочисленность казаков, делает вывод, что именно они вынесли «на своих плечах все дело завоевания Сибири и утверждения в ней русской власти» (28, 104). В начале столетия уже сформировалось несколько основных подходов. Первый предполагал передачу полномочий по управлению новых территориальных единиц главам данных новообразований (городов, острогов, слобод). Как известно, административно-территориальное деление уральских земель формировалось весь XVI в., на Западном склоне Урала сформировалось три уезда – Чердынский, Соликамский, Кайгородский, а на восточном два – Верхотурский, Пельимский, некоторое время существовал Лозьвинский уезд (17, 173 – 174). И почти сразу к полномочиям Перми Великой были отнесены территория и население Западной Сибири, которые предполагалось присоединить к государству. Так, в грамоте сибирским первым сибирским воеводам в 1586 году указывалось, что местный князь Лугуй получил «пожалованье»: «... велели с него иметь по нашему царском жалованию с его городков в Вымской земле наши дани на год по 7 сороков соболей лутчих, и привозить ему дань ежегод в Вымь самому, или его братье или племянником, по 7-ми соболей лучших» (21, 344). В этом случае юридическая норма определялась конкретно-исторической ситуацией, так, по мнению Г.Ф. Миллера, князь Лугуй стремился получить это разрешение, так как служилые люди воеводы Мансурова уничтожили белогорского шайтана, из-за чего их и испугались и успокоились только тогда, когда выпросили «царскую защиту» (23, 262). Со строительством первых западносибирских городов данный механизм упрочился. Передача полномочий происходила постепенно, но не всегда корректно. Так вопрос о подведомственности некоторых этнических групп вогулов и татар, живших в верховьях реки Вишеры и на р. Сылва в начале XVII столетия, не мог быть решен сразу из-за разной территориальной подведомственности этой местности: часть относилась к Казанскому приказу, часть к Новгородской четверти (22, 15–16). Позднее часть полномочий была распределена между Чердыню и Верхотурьем (24, 19). Механизм передачи полномочий по управлению территориями усложняется к концу 20-х гг.

В 1629 году с образованием Томского разряда, часть уездов, входивших в Тобольский разряд, переходит к нему (1, 4, 12; 16, 126; 40, 64). Этому сопутствовал второй механизм перераспределения территориальных полномочий – перераспределение полномочий по управлению волостями и уездами в пределах периферии. Так, во второй статье *dispositio* грамоты мангазейскому воеводе отражены как состояние территориальных границ западносибирских уездов, так и процесс государственного освоения данной территории: «Да и про то б есте велели распросить подлинно: которые наши сибирские города к тому Енисейскому устью ближе подошли, и сколько до которого города днищ водяного ходу или сухим путем верст, и будет водою...» (22, 233). Данный элемент статьи не носит формулярный характер, в связи с чем можно говорить о наличии исторически изменчивых юридических норм, предметом которых выступали территориальные изменения. В этом случае можно говорить, что данный нарративный элемент – показатель дифференциации изменения статуса территориальных границ в целом. Общее территориальное изменение в этом случае неизбежно может отразиться на изменениях внутри территориальных единиц, в том числе на законодательном уровне. Так, законодательное оформление новой административно-территориальной единицы в начале 20-х гг. потребовало изменение границ прежних уездов и, как следствие, изменение численности военно-служилого населения в западносибирских

городах, на что указывают положения *dispositio* грамоты от 19 декабря 1621 года от царя Михаила архиепископу Киприану: «И будет Кетцкой острог снести, и х которму городу кетцкие ясачные волости ведати и ясак збирати» (38, 184). В основание данного положения могли быть положены предложения томского воеводы Федора Бабарыкина, представленные в *narratio* грамоты, в частности, применительно к Кетскому уезду говорилось следующее: «А Кетцкого острогу в волостях ясачным людем мочно быти без острогу. А ведать бы Кетцкие волости к Тунгускому и к Нарымскому острогу» (38, 183). Вопрос об образовании нового разряда мог вполне предполагать и уменьшение численности служилого населения, грамотой предписывается вывод постоянных гарнизонов из Сургута, Березова, Туринска, уменьшение численности служилых Тюмени посредством перевода служилых в Томск (38, 182–185). Однако надо учесть, что это были лишь возможные варианты. В нескольких статьях *dispositio* грамоты употребляются устойчивые выражения повторяющегося характера, которые в рамках данного документа имеют вид формулы. Данными формулами выступают такие выражения, как «мочно», «мочно ли», «не будет ли», «будет ли». Данные формулы, как следует из анализа распорядительной части грамоты, придают юридическим нормам, отраженным в статьях, вероятностный характер. Так, в первой статье *dispositio* грамоты изначально подразумевается сам возможность перевода служилых: «И как к тебе ся наша грамота придет... мочно ли з Березова и из Сургута служилых людей свесть в Тоболеск и в Томской город, и с Тюмени служилых конных казаков сто человек убавити и послати в Томской же город, и Туринских же служилых людей перевесть в Томской же город» (38, 184). Последующие статьи предполагают сам процесс не только перевода, но и переобустройства служилых и других категорий населения в сибирских городах. В частности, считалось, что объясачивание может быть одной из первых сфер деятельности, чей правовой статус деформируется: «И нашего ясаку с Томскаво города и с острогов, oprичь Монгазеи, против всеи Сибири будет ли» (38, 184–185). Подобным образом характеризуются и другие положения царской грамоты (38, 184–185).

Таким образом, вопрос об изменении территориальных границ Кетского уезда вплоть до его ликвидации мог быть вполне обусловлен общим процессом расширения пределов государства на востоке. В свою очередь, это означало, что могли быть перераспределены границы внутри территориальных единиц (уездов, разрядов). Законодательство в Сибири в целом могло и не обозначать четких территориальных границ на окраинных участках. Так, *narratio* грамоты красноярскому воеводе А. Акинфому 1629 года содержит указание на формирующийся характер территориальной границы государства: «...место новое и дальнее (Красноярский острог – Е.Т.), ото всех от иных сибирских городов отошло далеко» (24, 412–413). Формирующийся характер территориальных границ с точки зрения законодательства фиксировался уже в начале XVII в., что можно увидеть на примере норм грамот, адресованных мангазейским воеводам в 1616 году: «Да и про те б есте велели распросить подлинно: которые наши сибирские города к тому Енисейскому устью ближе подошли...» (24, 272). З.Я. Бояршиновой было установлено, что томский уезд «в первой половине XVII столетия не имел четко определенных границ; особенно неопределенной была южная граница где располагались так называемые «порубежные волости», находившихся то под властью администрации Томского города, то под властью киргизских князьцов и калмыцких тайш» (8, 41). Статус «рубежных», т.е. пограничных за различными терри-

ториями признавался и воеводами других уездов (22,257,262,304,313,374).

Вплоть до середины XVII в. в документах центральных приказов порою не всегда подчеркивался статус территориальных образований в Сибири как уездов: «...и велели контайшиным людям говорить, чтоб они с нашей земли сошли в свои улусы и нашим бы ясашным людям и стеснения и обид никаких не чинили» (24,577). Данное сообщение из грамоты тобольскому воеводе князю Г. Куракину касается ожидаемого нападения калмыков, которые с точки зрения приказной администрации имели общесибирский характер: «...хочет де контайша на осени послать сына своего с воинскими людьми войною под Томской города да под Нарымской, да под Кузнецкой, и под Красноярской остроги...» (22,496). В ряде случаев не обозначаются конкретные населенные пункты, а говорится в целом о «сибирских городах»: «А однолично бы есте велели Ворошилку соляной росол по речкам ссыскивати и проведывати и вогулич про соляную воду роспрашивать, чтоб росол найти лутче прежнего и соль завести варить, чтоб однолично вперед в сибирские города с Руси соль не посылати» (24,201). Статья из *dispositio* грамоты на Верхотурье в 1601 г. содержит общее обозначение уездных и разрядных городов, что было показателем стратегической значимости данного промысла для Сибири, статья из *dispositio* грамоты от 1602 г. уже увязывает статус «сибирских городов» не с упоминанием конкретных мер, а с общим обозначением сферы деятельности: «А однолично б есте нашим соляным [делом] промышляли неоплошно, чтоб соли наварить вперед на все сибирские города» (24,202). Процедура обобщения различных норм могла быть напрямую связана с процессом организации соляного промысла на р. Негле в начале XVII в. (22,16–17). Но общее обозначение сибирских городов в этом случае сохраняется. Хотя законодатель мог бы обозначить «сибирские города» понятием «Сибирь». Свой статус в рамках общего обозначения населенных пунктов категория «сибирские города» сохраняет и позднее (22,428,437,485,490).

С одной стороны, это доказывает вывод об отсутствии некоторой дифференциации территории, с другой стороны, с точки зрения приказных чиновников административно-территориальная дифференциация при определении полномочий администрации могла быть выше по значимости по сравнению с географической. Надо учитывать, что к началу 40-х гг. XVII столетия в Сибири уже сформировались три основных разряда, о существовании которых было доложено в докладе Сибирского приказа царю в 1643 году: Тобольский, Тюменский, Ленский разряды (16,126). Так же отдельно к этому времени существовал и Красноярский уезд, который относился к Томскому разряду (41,66). Процесс формирования административно-территориального деления в Сибири осуществлялся посредством формирования разряда с последующим включением в его состав территорий либо новых, либо соседних разрядов. Известно, что на протяжении XVII—первой четверти XVIII в. несколько раз, переходя под верховенство сначала Енисейска, затем Якутска и Иркутска, менял свою подведомственность Илимский уезд (16, 126).

Подобная оценка территориальных границ с точки зрения их единства и неразделенности могла быть основана как на предшествующем административном делении Тобольского разряда в начале XVII века, так и на более ранних социокультурных представлениях о Сибири, которые описывали её полумифическими и фольклорными категориями, но как географически единое образование (16,126;30,43,48;26,31–32). Подобные представления могли лечь в основу любой описательной характе-

ристики Сибири, в том числе в законодательных актах. Ведь не случайно А.И. Плигузов проводит аналогию между построением текста в «Сказании» и расспросных речах и памятях XVII в. (30,48;13,256–258). Таким образом, полумифическими категориями средневековый человек на Руси был вполне способен объяснять географические параметры. Таким образом, формирование географических и административных границ происходило под влиянием как конъюнктурных причин, так и причин социокультурного плана. Другое дело, что расстояние было тем фактором, который мог усилить значение географического фактора в вопросе об определении территориальных границ тех же уездов, как это было в Восточной Сибири: «С выходом русских служилых людей на Енисей в начале XVII в. возникла неожиданная для правительства проблема – конкуренция между представителями различных гарнизонов, которая доходила порой до вооруженных столкновений. Причем чем дальше на восток, где контроль не только центральной власти, но и местной администрации был существенно слабее, тем ожесточеннее происходили эти столкновения – служилые люди вели борьбу за пушные богатства вновь присоединенных к Русскому государству районов. В Москве на основании поступавшей из Восточной Сибири документации (отписки воевод, расспросные речи сборщиков ясака, челобитные ясачных «инородцев» и т.д.) принимались решения по разграничению новых территорий недавно образованных уездов. Таким образом проводилась граница между Енисейским и Мангазейским уездами в районе Енисея, между Енисейским и Красноярским уездами на подступах к Байкалу. Ситуация в бассейне р. Лены совершенно вышла из-под контроля и вынудила Сибирский приказ образовать новую административную единицу, выведенную из подчинения воевод, чьи гарнизоны претендовали на различные районы этого огромного региона. Видимо, поэтому вновь образованное воеводство сразу получило статус разряда, что давало в дальнейшем возможность, исходя из конкретной ситуации, разделить его на уезды. Границы нового разряда-уезда определились по территориально-географическому принципу: бассейн р. Лены и «иные реки», т.е. ясачные волости, рациональность управления которыми из Ленского острога не вызывала сомнений, а также новые «землицы», еще неизвестные или находящиеся на стадии объясачивания их енисейскими казаками (которые еще не знали, что, отправившись из Енисейского острога несколько лет назад, будут навсегда оставлены якутскими воеводами в этом суровом краю)» (9). Несмотря на это, социокультурное восприятие оставалось, видимо, ключевым элементом мировоззрения в русском средневековом обществе, оно могло сохраняться и воспроизводиться в своих базовых формах на протяжении столетий. Но по истечении определенного времени базовые элементы мировоззрения несколько «упростились», трансформируясь в инстинктивные архетипы восприятия и поведения. В XVI – XVII вв. эти архетипы повлияли на ответные действия приказной администрации, на сообщения с восточной окраины.

Перенесение управленческих структур на новую территорию сопровождалось проявлением у русского общества в условиях Западной Сибири самодостаточности социальных групп социума и социально-правовому «копированию» поведения населения. Так, в *dispositio* грамоты архиепископу Киприану от 19 декабря 1621 года содержит статью, чья структура позволяет сделать такой вывод. Структуру данной нормы образуют два положения: распоряжение провести перепись населения («велел переписать»), социально-правовые параметры населения. Второй компонент в законодательстве был представлен достаточно широко. В данном случае этим

параметром выступает хозяйственная деятельность населения. В хозяйственном отношении здесь мог иметь место процесс дифференциации труда, имели место предпосылки будущего отделения земледелия и торговли, в то же время для крестьян имелась и возможность заниматься обоими видами хозяйственной деятельности; «...и что на нас пашет, и что пашет на себя, и какими угодьями владеет, или кто торгует какими товарами, и что с торгов своих и с пашен платят в нашу казну оброку...» (38,185), что, в общем-то и имело место в Западной Сибири (20,148). Ещё исследователь П.М. Головачев подчеркивал, что город «в хозяйственном отношении так тесно сливался с деревней, что трудно отличить, где кончалась последняя и где начинался первый» (12,3). И хотя в XVII в. в России, по данным О.Н. Вилкова, наблюдалась специализация районов страны по производству определенных товаров, всё же торговые потребности сибиряков не могли удовлетворить «русские товары», т.е. товары с «Руси» и западноевропейского происхождения, в связи с чем развивалось собственное производство, домашняя промышленность, основанная во многом на развитии земледелия (11,26–27,81,121,126;16,81). Служилое население в этом случае выполняло обе функции: оно занималось как земледелием, так и торговлей (27,141–172). Известно, что за период 1639–1695 гг. произошло уменьшение количества «русских» товаров, провозимых через Тобольск, что было вызвано созданием и развитием собственного сибирского земледелия и ремесла, меркантилистской политикой русского правительства, некоторым «испромышлением» пушного зверя в Сибири, развитием русско-китайской торговли, освобождением с 1671 г. от таможенного обложения привозимых сибирскими служилыми людьми партий «русских товаров в 50 и менее рублей и распространением этого положения в 1693 г.» (11,167–168). Особенностью хозяйственной деятельности томского населения была также его определённая самодостаточность: среди «русских» товаров особое место следует отнести предметам производственного назначения, т.к. именно они способствовали хозяйственному развитию края и зарождению новых ремесел и промыслов. Не без основания думается, что при наличии местного сырья и необходимых материалов умельцы из числа колонистов (среди первопоселенцев было немало выходцев из ремесленной среды) по образу и подобию востребованных привозных предметов изготавливали их сибирские аналоги» (19,12). Подобная структура и характер хозяйственной деятельности населения является, как видно, характерной для XVII столетия. Самодостаточность русского населения проявилась и в сходстве социального облика служилых людей с крестьянством, и в занятии им ремесленным производством, так как на «ранних этапах служилые люди обращались к ремеслу отчасти и вынужденно, просто потому, что не было в привозе необходимых предметов; в дальнейшем же ремесло стало существенным подспорьем к государеву жалованью. В течение XVII – начала XVIII вв. казаки и стрельцы занимали довольно сильные позиции среди ремесленников сибирских городов. В Тобольске в 1655 г. служилые составляли 55% всех ремесленников города (46 чел. из 83). В Тюмени в середине XVII в. служилые выдавали до 2/3 продукции кожевенного производства» (27,164;15,159).

Таким образом, самодостаточность русского населения в Сибири имела объективные факторы своего развития, одним из которых был государственно-правовой. С одной стороны, применялись общерусского права в лице Соборного Уложения, но всё же основными законодательными источниками признавались воеводские указы, с другой стороны, на правоприменительную практику и государственную политику Москвы, отраженную как

в наказах и указах, так и в narratio грамот, существенное влияние оказывала специфика территориальных границ как неотъемлемого признака государства.

Список литературы

1. Административно-территориальное деление Тюменской области (XVII – XX вв.) / Под ред. В.П. Петровой. Тюмень: ООО ТНЦ «ТюменьНИИГипрогаз». ФГУ ИПП «Тюмень», 2003.
2. Адрианов А.В. Город Томск в прошлом и настоящем. Томск, 1890.
3. Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией (АИ). Т.2. СПб., 1841. № 3, 35, 52.
4. Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией (АИ). Т.3. СПб., 1841. № 46, 93, 109, 135.
5. Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией (АИ). Т.4. СПб., 1842. № 209.
6. Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991.
7. Бахрушин С.В. Воеводы Тобольского разряда в XVII в. Научные труды. Т.3. Избранные работы по истории Сибири XVI – XVII вв. Ч.1. Вопросы русской колонизации Сибири в XVI – XVII вв. М.: Изд-во АН СССР, М. 1955.
8. Бояршинова З.Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века // Труды Томского университета. Т.112. Серия историко-филологическая. Историко-филологические науки. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1950.
9. Бродников А.А. Территория Якутского уезда: к вопросу об образовании Якутского воеводства (Часть III) Социокультурное развитие Сибири (XVII – XX века): Бахрушинские чтения 1996 г.; Межеуз. сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Шишкина. Новосибирск, Новосибир. гос. ун-т, 1998. или <http://gf.nsu.ru/bakhrushin/brodnikov1996.shtml> 4.10.2010 17:55.
10. Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург: Муниципальный учебно – методический центр «Развивающее обучение», 1998.
11. Вилков, О.Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. М.: НАУКА, 1967.
12. Головачев, П.М. Желательный тип сборников материалов для истории сибирских городов XVII в. / П.М. Головачев / Томск в XVII веке: Материалы для истории города. Б. м., б. г. С. 1 – 18.
13. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией (ДАИ). Т.2. СПб., 1846 № 95.
14. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией (ДАИ). Т.4. СПб., 1857. № 46, 59.
15. История казачества Азиатской России. Т.1. XVI – первая половина XIX века. Екатеринбург: УрО РАН, 1995.
16. История Сибири с древнейших времен до наших дней: В 5 т. Т.2. Сибирь в составе феодальной России / Под ред. А.П. Окладникова и др. Л.: Наука, 1968.
17. История Урала с древнейших времен до 1861 г. М.: Наука, 1989.
18. Копылов, А.Н. Органы центрального и воеводского управления в Сибири в конце XVI – XVII вв. // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук. № 9. 1965. Вып. 3.
19. Люцидарская, А.А. Рыночные отношения как составляющая система жизнеобеспечения населения региона. Таможенные книги сибирских городов XVII века. Вып. 6. Томск, Нарым, Березов / Авторы – сост. А.А. Люцидарская, Д.В. Раев, И.Р. Соколовский. Гл. редактор – Д.Я. Резун. – Новосибирск: РИПЭЛ плюс, 2004.
20. Менщиков В.В. Русская колонизация Зауралья в XVII – XVIII вв.: общее и особенное в региональном развитии: Монография. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2004.
21. Миллер Г.Ф. История Сибири: В 2 т. Т.1. М. – Л.: Издательство АН СССР, 1937. Приложение № 9.
22. Миллер Г.Ф. История Сибири: В 2 т. Т.2. М.: Издательство АН СССР, 1941. Приложение. № 116, 156, 161, 204, 219, 283, 352, 407, 411, 420.
23. Миллер Г.Ф. История Сибири: В 3 т. Т.1. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999.
24. Миллер Г.Ф. История Сибири. В 3 т. Т.2. М.: Издательская

- фирма «Восточная литература» РАН, 2000. Приложение № 8–10, 26–27, 29, 116, 262, 420.
25. Миллер Г.Ф. История Сибири: В 3 т. Т.3. М.: Вост. Лит., 2005. Приложение № 27, 41–42, 46.
 26. На стыке континентов и судеб (этнокультурные связи народов Урала в памятниках фольклора и исторических документах) / Под ред. К.И. Зубкова, А.П. Килина, отв. ред. Н.А. Миненко. Екатеринбург, 1996. Ч.1.
 27. Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири 17 века. Новосибирск: НАУКА, 1988.
 28. Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа: В 4 ч. М., 1900. Ч.3. Документы по сношениям местного управления с центральным.
 29. Первое столетие сибирских городов. XVII век. Серия: История Сибири. Первоисточники / Под ред. Н.Н. Покровского. Вып. VII. Новосибирск: Изд-во «Сибирский хронограф», 1996. № 1.
 30. Плигузов А.И. Первые русские описания сибирской земли // Вопросы истории. 1987. № 5.
 31. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 214 (Сибирский приказ). стр. 246.
 32. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 1111 (Верхотурская приказная изба), оп.1, ч.1, д. 2.
 33. Российское законодательство X – XX веков. В девяти томах. Т.3. Акты Земских соборов / Под ред. А.Г. Манькова. М.: Юрид. Лит., 1985.
 34. Русская историческая библиотека, издаваемая Археологической комиссией (РИБ). М., 1884. Т.8. № 11, XX.
 35. Симачкова Н.Н. Становление воеводской системы управления в Сибири в конце XVI – XVII вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Нижневартовск, 2002.
 36. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел (СГГД): В 5 ч. Ч.2. М., 1819. № 68.
 37. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел (СГГД): В 5 ч. Ч.3. М., 1822. Вып. IV. № 122.
 38. Тобольский архиерейский дом в XVII веке. Серия: История Сибири. Первоисточники / Под ред. Н.Н. Покровского. Новосибирск: Изд-во «Сибирский хронограф», 1994. № 54
 39. Шаходанова О.Ю. Центральные и местные органы управления Западной Сибирью в конце XVI – начале XVIII века: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2000.
 40. Шунков В.И. Вопросы аграрной истории России. М.: Наука, 1974. – 376
 41. Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032 – 1882 гг. Сургут: Акционерный Информационно – издательский концерн «Северный дом», 1993.
 42. Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М.: МИРОС, 1998.

М.И. Хлызов
Зауральское генеалогическое общество
им. П.А. Свищева,
Зауральское казачье общество,
г. Курган

МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

В процессе работы краевед живет прошлым: теми событиями и тем временем, которые он изучает. Он должен возвратиться на несколько столетий назад, «прожить» вместе с действующими лицами определенное время, мысленно представив, как они одеваются, как разговаривали, что делали. И вместе с тем, краевед должен суметь вернуться в настоящее время и, сопоставив события давних лет, при необходимости заглянуть в будущее.

При просмотре фонда 111 Государственного архива Курганской области (ГАКО) был найден любопытный документ почти двухвековой давности, полученный в свое время священнослужителями Крестовоздвиженской церкви Звериноголовской крепости, содержание которого,

по мнению автора, актуально и в наши дни. Приведем почти полностью текст найденного послания:

Ордер

от благочинного Челябинского протоиерея Иоанна Алфеева ведомства моего благочиния священно- и церковнослужителям

Оренбургской духовной консисторией в Указе от 25 апреля сего года за № 940, последовавшим между прочим, написано, что в той консистории по выслушании списка с отношением господина Управляющего Министерства внутренних дел к господину обер-прокурору святейшего Синода, присланному для исполнения по оному Указу из Святейшего правительствующего Синода от 9 февраля сего 1827 года, в коем между прочим изображено: что Государь Император высочайше повелевать господину Управляющему Министерству внутренних дел соизволил: собрать немедленно сведения по всем губерниям: 1^е – в каких городах есть остатки древних замков и крепостей или других зданий древности; и 2^е – в каком они положении ныне находятся. Воля Его Величества в то же время есть, чтобы строжайше было запрещено таковые здания разрушать; что должно оставаться на ответственности начальников городов и местных полиций, как те древние здания, к сохранению коих и приведению в известность относится вышесказанное высочайшее Государя Императора повеление; находятся и по ведомству святейшего Синода: как то монастыри, церкви и прочия. Он, господин Управляющий Министерством внутренних дел, счел своим долгом уведомить об оном Его Сиятельству с тем, неудобно ли будет со стороны Главного духовного начальства дать приличная подведомственным местам и лицам предписания, как о воспреещении разрушать оные здания, так и о том, дабы со стороны их оказываемо было содействие к исполнению изъявленной высочайшей воли начальникам тех губерний, в коих находятся таковые древние здания, ведомству духовному принадлежащая.

Определено: с прописанием онаго для объявления к надлежащему исполнению всем священно- и церковнослужителям посланы благочинным из Консистории Указы. Почему и предписывается вам - священно- и церковнослужителям, выслушав сей ордер, доставить ко мне требуемые сведения, и если где есть или нет никаких древностей, особенного внимания заслуживающих, в подписке объяснить именно, и ордер сей с подпискою препроводить от одной церкви до другой, не удержно с означением, которого лица и числа, в котором часу оный ордер кем и от кого получен, когда и из какой церкви и с кем отправлен. И брать в том расписки, от последней же церкви ордер сей с подписками представить в самой скорости ко мне.

Мая 25го дня 1827 года

Из документа видим, какие строгие указания даны священно- и церковнослужителям по исполнению высочайшего повеления российского императора Николая I. Надо полагать, что не только по духовной, но и по светской части не менее жесткие требования были предъявлены к начальникам городов: как сказано выше – «воля Его Величества... есть, чтобы строжайше было запрещено таковые здания разрушать».

Почти через 100-летие после повеления императора началась эра атеизма. Огромный ущерб православной культуре нанесло закрытие культовых зданий. Церкви использовались как клубы, спортивные залы, кинотеатры, музеи, образовательные учреждения, магазины, склады, зернохранилища, жилой фонд или просто унич-

А.К. Бустанов
Амстердамский университет,
Амстердам, Нидерланды

ДИАЛОГ МУСУЛЬМАНСКИХ БОГОСЛОВОВ СИБИРИ СО СВЯЩЕННИКОМ¹

тожались. Имущество церквей, иконы, ценности реквизируются. Только в пределах Садового кольца Москвы было закрыто 242 культовых здания, а снесено – 364 (2).

И в нашей области в годы атеизма было разрушено много церквей и даже монастырей. В частности, Далматовский монастырь, где был размещен в свое время завод «Молмашстрой». Сегодня, чтобы восстановить этот памятник истории и архитектуры, потребуется значительное время и огромные средства.

В течение многих десятилетий в нашем областном центре постоянно сносятся не только ветхие, а вполне пригодные для жилья дома. Так, в начале 70-х годов прошлого столетия на углу улиц К. Маркса и Володарского были снесены два двухэтажных купеческих дома в угоду тому, что поблизости строилась пятиэтажка для обкомовских работников.

В центральной части Кургана по улицам Советской, Куйбышева и др. и поныне строятся современные здания под учреждения, элитные жилые дома.

Только недавно перестали публиковаться сообщения СМИ о намечавшемся некогда сносе трехэтажного здания (по улице Гоголя) бывшей областной поликлиники.

И только благодаря вмешательству известных краеведов и журналистов Б. Карсонова и А. Кузьмина, здание было отреставрировано, были произведены необходимые ремонты и перепланировки.

Уместно привести несколько положительных примеров, как в других регионах сохраняют старину. Так в 70-80-х годах прошлого столетия в центральной части Ленинграда (ныне С.-Петербурга) проводилась реконструкция старинных домов, осуществлялись внутренние перепланировки и обустройство современных квартир. Архитектура этих зданий: наружные стороны стен, окна, отделка, декоративные решетки – все это сохранялось. Так ленинградские зодчие сохраняют исторический облик центра города. Не только отдельные дома, а целые кварталы были реконструированы таким способом.

В 60-х годах прошлого века во многих городах Узбекистана по одну сторону железной дороги строили новый город, а по другую – стоял старый город. В этом случае одновременно решалось две задачи: жилищная и историко-архитектурная: меньше жилья сносилось, а больше строилось. Таким способом были сохранены многие исторические памятники.

... Вернувшись в XXI век, видим, что на улице Советской и по сей день, возводятся элитные дома, старины практически не остается, хотя имеются документы городских властей о сохранении исторического облика этой улицы. А при таком подходе вряд ли удастся сохранить старый облик Кургана. Неужели для этого требуется принимать решения губернатору или президенту? Надо надеяться, что вновь избранные власти города справятся с этой задачей сами.

Список источников и литературы

1. ГАКО. Ф.111.оп.1. д.6. л. 250-251. Указы и предписания Челябинского духовного правления..
2. С. Переверзев. Россия. Великая судьба. Белый город. М., 2006.

На рубеже XVIII-XIX веков в городе Тобольске Тобольской губернии была ключом интеллектуальная жизнь. Письменные источники открывают перед нами две фигуры той эпохи, ярко характеризующие религиозную ситуацию в регионе. Преподаватель Тобольской семинарии и священник Иосиф Гиганов организует масштабный проект – издание серии фундаментальных работ по татарской лексикографии, пионерских для своего времени и не потерявших своей научной значимости до сих пор. Отмечу всю важность и политическую актуальность заявленного проекта, посвященного от лица татарских богословов (араб. 'улама') самому Государю и напечатанного по Его Высочайшему повелению в столице в 1801 (грамматика) и в 1804 годах (словарь). Моя гипотеза заключается в следующем: после свертывания в конце XVIII в. политики насильственной христианизации мусульман татары становятся объектом академического, ориенталистского² интереса. В течение всего XIX века издавались словари и грамматики, на открытой в 1807 г. кафедре восточных языков Казанского университета, а после перевода востоковедения в Санкт-Петербург и на Восточном факультете, преподавался татарский язык. Проект Гиганова можно определить как «переходный» от ориенталиста-священника (что заставляет не торопиться с отказом от миссионерской подоплеку всей работы) к «секуляризованным» академиком³.

Одному человеку, пусть и весьма талантливому, задумка собрать и опубликовать материалы по татарской филологии была не под силу, и священник обратился за помощью к самим же носителям языка. Но не к простым смертным, крестьянам или извозчикам, а к известным интеллектуалам, диалог с которыми мы и имеем честь наблюдать в публикациях Гиганова. Нельзя сказать, что этот диалог не привлекал внимания исследователей⁴. Однако анализ отдельных книг, изданных Гигановым, не ставит их в контекст развития мусульманской учености в Сибири того времени. Эта задача ставится в данной статье, предлагающей скорее новый взгляд на источники, чем их исчерпывающее исследование, требующее архивных поисков.

Итак, с кем же говорил Гиганов, кому задавал свои вопросы? В самом конце грамматики и словаря имеются списки лиц, именуемых Гигановым «муллами юртовскими», которые в своих коротких автографах очертили круг своей компетенции и степень участия в проекте. В обоих списках на первом месте скромно значится «Саманчи сын Йар-Мухаммада», не указавший ни на место своего проживания, ни на свой статус. В «Грамматике» его автограф выглядит так:

«Сию работу посвящаем нашему дорогому Великому Государю Павлу Первому. В этой грамматике я помог

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проекты № 10-01-67102 а/Т, № 10-01-00498а. Черновик статьи был критически прочитан И.В. Белlichem (Тобольск), за что автор искренне ему признателен.

² Ориентализм этот имел непосредственное отношение к политике по отношению к российским мусульманам. Концепцию взаимоотношений власти и востоковедения см. в известной книге Э. Сауда (15).

³ Ярчайший пример в истории отечественной ориенталистики – деятельность отца Иакинфа (Бучирин, 1777-1853), основателя российской синологии и главы Пекинской православной духовной миссии (1808-1821).

⁴ Из работ, попавших в поле моего зрения: 20, 21, 22.

Иосифу Ивановичу (Гиганову – А.Б.), провел исследование (тафтиш) и исправил ошибки. Со временем приложу усилия, чтобы закончить (сей труд), я, Саманчи (!)⁵ сын Йар-Мухаммада» (8, 187).

В аналогичном тексте-автографе после «Словаря татарского языка» Сабанчи б. Йар-Мухаммад конкретизирует ту работу, что была им проделана: «присутствовал на собраниях (по обсуждению словаря и грамматики – А.Б.), проверил переводы с персидского и арабского языков» (17, 680). Собрания (маджлис, ед.ч. маджлис), на которых, очевидно, обсуждались грамматика и словарь, включали также иных ученых из Тобольской округи. На них мы не будем останавливаться, приведем лишь их автографы к соответствующим книгам. О них пока больше ничего неизвестно, хотя дополнительную информацию наверняка можно почерпнуть из метрических книг татарских деревень, сохранившихся в государственных архивах Тобольска и Уфы. В группу по составлению грамматики и словаря помимо Сабанчи б. Йар-Мухаммада вошли тобольский сарт Нийат-Баки б. Итнамет⁶, из деревни Саускан Тобольского округа Мухаммад-Баки б. Сейдук, старшина тобольских бухарцев (в тексте – сартов) Дус-Баки-шайх б. Мухаммад-шах-шайх, прежний старшина из деревни Ибчикун. Шадринского уезда мулла Амир б. Мурат (8, 187-188; 17, 680). Быть может, дальнейшие исследования позволят пролить свет на роль этих личностей в религиозной и светской жизни Тобольской губернии⁷.

Нам больше повезло с Сабанчи б. Йар-Мухаммадом, о котором было известно мусульманскому интеллектуалу-реформисту, сибиряку по происхождению, 'Абд ар-Рашиду Ибрагимову (1857-1944) и мулле деревни Комароу, что близ Тобольска, Мутасиму б. Билялю, которые составили небольшие биографические словари сибирских ученых, суфиев и купцов. Все эти материалы были посланы в начале XX века известному мусульманскому ученому, впоследствии уфимскому муфтию, Риза ад-Дину Фахруddинову (1858-1936) с целью публикации. Источники эти сохранились в архиве ученого (32) и были обнаружены автором статьи в 2008 году. Часть сведений была помещена Фахруddиновым в его многотомное сочинение «Асар» («Памятники»), часть – Ибрагимовым в его труды «Тарджам-и халем» («Автобиография») и «Алем-и ислам» («Мир ислама») (2, 3, 13).

Вот что сказано о Сабанчи б. Йар-Мухаммаде в неопубликованном словаре 'Абд ар-Рашида Ибрагимова «Сибирийадэ заман сабакдэ вз хазэрдэ булынмыш 'уламалары» («Ученые Сибири в прошлом и настоящем»):

«В округе Тобольска знаменитый ученый Сабанчи б. Йар-Мухаммад был очень праведным и достойным. Он выпустил очень много учеников. В 1221 г. хиджры (1806) он совершил обязательство хаджа. То было начало хаджа сибирских 'улама⁸. Этот человек скончался приблизительно в 1832 г. От ученого из Хиджаза и Озаренной Мадины 'Абд ар-Рахмана Сираджа он получил особое решение (истифат) относительно вечернего ваджиб-[на-

⁵ Мы имеем дело с обычным для тюркских языков переходом фонемы [b] в [t] в середине слова.

⁶ Перу этого человека принадлежит учебник, изданный в Санкт-Петербурге. См.: *Букварь татарского и арабского письма с приложением слов со знаками, показывающими их выговор, сочиненный в Тобольском Главном народном училище бухарцем Ният-Бакой Анатометевым под руководством учителя татарского языка соборного священника Иосифа Гиганова.* – Санкт-Петербург: Типография Академии Наук, 1802. К сожалению, это издание осталось мне недоступным.

⁷ Видимо, как минимум не без участия этих «мулл юртовских» в 1804 году в Петербурге была издана «Грамматика турецкого и арабского языков, со словарем». Увы, книга эта так же осталась для меня недоступной.

⁸ Имеется в виду, что это был первый хадж сибирских мусульман после русского завоевания. Историк Вадим Трепавлов (Москва) любезно указал мне на архивный документ, в котором упоминается, что в 1580 г. через ставку ногайского мирзы Ураз-Мухаммада проследовала по пути в Мекку мать хана Кучума Сылы-ханым. См.: 19, с. 92; 29, с. 779.

маза] в короткую ночь в Сибири» (32, Л. 11а).

Собрать хоть какую-нибудь информацию об 'Абд ар-Рахмане ас-Сираджи оказалось непросто. Тем не менее, известно следующее. В Мекке существовала очень

известная династия ученых Эл Сирадж (ال سراج), которая с начала XIX века занимала высшие духовные посты в священном городе. Первым был 'Абдаллах б. 'Абд ар-Рахман ас-Сираджи (1200-1264 г. хиджры, т.е. 1785-1847). Семья имела индийское происхождение, судя по фамилии. В 1233 году хиджры (=1817 г.) он был назначен главным ученым (ра'ис ал-'улама') при шерифе Мекки. Он не был главой мекканского муфтията, но носил почетный титул шайх ал-ислам. Но его ближайший ученик, 'Абдуллах Джамал (умер в 1280/ 1863 г.), сменивший 'Абдаллаха ас-Сираджи на посту ра'иса, стал в год своей смерти ханафитским муфтием Мекки. Его место занял сын 'Абдаллаха ас-Сираджи и ученик 'Абдуллаха Джамала – 'Абд ар-Рахман (1249-1314, т.е. 1833-1896). Получается, что в начале XIX века из семьи Эл Сирадж только 'Абдаллах б. 'Абд ар-Рахман был на высоком государственном посту и лишь начиная с 1817 года. Об его отце ничего не известно. Турецкий арабист Ирфан Индже, которому я обязан подробностями истории семьи Эл Сирадж (1, 797-798; 34), полагает, что поскольку источники молчат об отце 'Абдаллаха, то видимо он не был ученым. Выходит, в наш источник вкралась неточность?

Дело в том, что по сведениям Риза ад-Дина Фахруddинова, почерпнутым от тюменского мецената и купца Ни'матуллы Кармышакова, в 1236 году хиджры (1820) Сабанчи б. Йар-Мухаммад был в Мекке вместе с двумя купцами Нийазом Айтикиным (ум. 1847) и Мухаммадом б. Салих б. Шайх (13, 2 джилд, 10 джуз, 164.). То есть Сабанчи был в хадже как минимум дважды: в 1806 и в 1820. Тогда встречу с ра'исом 'Абдаллахом (именно с ним, а не с его отцом), нужно относить к 1820 году. Разумеется, Сабанчи мог познакомиться с ним и раньше, но не в таком статусе. Мою догадку подтверждает тот факт, что в фондах Института восточных рукописей РАН (г. Санкт-Петербург) сохранился трактат (фетва?), подписанный мекканским муфтием 'Абдаллахом б. 'Абд ар-Рахман ас-Сираджи в 1237 году хиджры (=1821-1822) (27, 285; 33, Лл. 1b-13a). Это сочинение как раз касается вопроса ночной молитвы ('иша) и адресовано «народу Булгара», т.е. мусульманам Поволжья. Может статься, подобный трактат, доказывающий необходимость совершения ночной молитвы в летнее время и названный в сочинении 'Абд ар-Рашида Ибрагимова «разрешением» (истифат), был получен и Сабанчи б. Йар-Мухаммадом во время его второго хаджа в 1820 году.

В другом месте (лист 12а) 'Абд ар-Рашид Ибрагимов пишет, что «Сабанчи б. Йар-Мухаммад был имамом в деревне Нур-Баки Куллары, что в 20 верстах от Тобольска» и имел там свое медресе. Кроме того, Сабанчи б. Йар-Мухаммад был сведущ в науке о звездах ('илм ан-нуджум), т.е. астрономии, и составленным им лунным календарем пользовались в Сибири вплоть до начала XX века. Больше о Сабанчи б. Йар-Мухаммаде ничего не известно. Его труды и библиотека пока не обнаружены либо утеряны уже безвозвратно; неясно и то, принадлежал ли он к какому-либо суфийскому братству и если да, то к какому, где и когда был посвящен в тайны Пути духовного самосовершенствования.

Перевод книжных арабо-персидских элементов «Словаря» и «Грамматики» татарского языка является единственным сохранившимся до настоящего времени плодом интеллектуального творчества Сабанчи б. Йар-Мухаммада и его коллег. Надо сказать, что их совместный со священником Иосифом Гигановым труд получил очень меткую характеристику со стороны ярчайшего пред-

ставителя российской школы тюркологии – академика Александра Николаевича Самойловича (1880-1938). В своем обзоре грамматик тюркских языков он в частности отметил по поводу словаря Гиганова: «Очевидно – тобольское наречие, а еще более, пожалуй, **литературный язык** (выделение мое – А.Б.) сибирских татар-мусульман» (16, 117). От себя добавлю также, что наличие параллельной транслитерации татарских слов арабским письмом и кириллицей позволяет не только зафиксировать нормы орфографии, но и оценить специфическую для сибирских тюрков фонетику. Кроме того, моя гипотеза заключается в том, что на основе лексического материала, представленного в словаре и отчасти в грамматике, мы можем судить, хоть и в редуцированном виде, о двух аспектах интеллектуальной жизни сибирских ученых: 1) о жанровых характеристиках литературы, имевшейся в распоряжении мулл; 2) о «сложностях перевода» при диалоге священника с улемами. В этой связи в поле нашего зрения попадает как раз книжная лексика, имеющая арабо-персидское происхождение. Выбранный по такому критерию материал словаря распределим и проанализируем по следующим весьма «диффузным» группам: 1) астрономия, 2) мусульманское право, 3) филология, 4) группа «сложностей перевода».

Судя по всему, Сабанчи б. Йар-Мухаммад действительно был компетентен в вопросах науки о звездах, или астрономии, столь важной в исламе, поскольку от точности календаря зависит и время молитв, и даты начала и окончания поста в месяц Рамадан, и проведение религиозных праздников. Попробуем разобраться в терминологии, которую использовал Сабанчи. Из названий месяцев почему-то приведены только два и оба не по мусульманскому календарю, а по сирийскому: «ап» (17, 1)⁹ со значением «август» и «нисан» со значением «апрель» (17,3). Видимо, объясняется как раз «трудностями перевода» категорий одной культуры на язык другой. Священник Иосиф Гиганов хотел знать, какое слово в татарском языке соответствует августу, но его попросту не было, так как лунный мусульманский календарь не соответствует григорианскому. И «ап», и «нисан» навряд ли использовались в живой речи¹⁰; скорее всего эти слова были извлечены из научных трактатов с расчетом найти наиболее близкий аналог русским словам. Между прочим, собственно слово «календарь» (17, 223) переведено не ожидаемым арабским «таквим», а словом «гурра» (غُرَّة), которое в другом месте также обозначает, по какой-то странной аналогии, «святцы» (17, 533). Это слово происходит от арабского корня *غر* и означает белое пятно, первую ночь лунного месяца (الغرة الشهر), зарю, утро (11, 1085; 28, 667). Сложно сказать, почему произошла такая подмена, как сложно и провести параллель между «святцами», т.е. церковным календарем с указанием праздников и дней памяти святых, и началом нового месяца. Скорее всего, перед нами еще один образец взаимного недопонимания: Гиганов искал несуществующую параллель «святкам» в исламе, а мусульманские ученые не могли найти им аналога. Зато нашлись точные определения таким явлениям и понятиям, как високосный год – кабисе ел (17, 82), затмение – тутулув (17, 186). Другие термины вполне могут быть связаны с условиями наступления времени молитвы, например: восход – минуш (17, 63) и сумерки – ингир (17, 587)¹¹.

⁹ В словаре под редакцией Ю.А. Рубинчика это слово значит «пятый месяц древнесирийского календаря, соответствующий августу». См.: 10, с. 32.

¹⁰ Филолог М.А. Сагидуллин указывает на два разговорных сибирско-татарских слова, обозначающих соответственно август («с-мп-л») и апрель («саур»). См.: 14, с. 11, 12.

¹¹ В частности, восход солнца (ФСЖЮ) является верхней границей для утренней молитвы (ЗбЭМС), а вечерние сумерки, т.е. время после захода Солнца и до исчезновения вечерней зари, являются временем вечерней молитвы (ЗбЫСИ). См., например: 4, с. 172, 203.

Отдельный корпус лексики охватывает названия знаков зодиака (بروج سما), явно происходящие из книжной традиции: овен (хамал), телец (савур), близнецы (джауза), рак (саратан), лев (асед), дева (сунбила), весы (мизан), скорпион (гакрел), стрелец (каус), козерог (джадди), водолей (дялю), рыбы (хут) (17, 198-199).

Пожалуй, в анализируемом словаре наиболее широко лексически представлено мусульманское право. Это и не удивительно, поскольку его терминология охватывает все сферы жизни. Во многом и разбиравшиеся выше астрономические термины связаны с мусульманским правом. В первую очередь, конечно, лексика словаря указывает на хорошее знакомство респондентов Иосифа Гиганова с Кораном и богословской традицией его толкования (тафсир). Это хорошо видно на примере, появившемся уже на первой странице, когда Иосиф Гиганов отмечает несовпадение представлений об аде в исламе и православии: «магометане утверждают быть семь адов, которые называют: джяганьям, хутяма, сягыр, сякар, джахим, хавия, лязза». В Коране действительно говорится о том, что в аду (джаханнам) есть семь врат (абваб) «и у каждых врат – своя часть» (джуз)¹². Однако нигде в Коране они не перечисляются по порядку, все приведенные выше обозначения ада присутствуют в Коране в разных местах и с крайне большим разрывом в частоте употребления. Лидирует, конечно, слово «джаханнам» – только в именительном падеже оно упомянуто восемнадцать раз. Слово ал-хутама (الحطمة), т.е. «место, где сокрушают» употреблено лишь в суре ал-Хумаза в аятах номер четыре и пять¹³. Слово «ас-сагыр» (السعير), т.е. огонь, встречается восемь раз, тоже в качестве синонима аду¹⁴. Термин «сакар» (سقر), выглядит исключительно кораническим. И.Ю. Крачковский даже оставил его без перевода. Встречается он четырежды¹⁵. Слово «джажим» (الجحيم) встречается пять раз¹⁶, его И.Ю. Крачковский перевел как ад, огонь. «Хавийа» (هاوية) и «лаза» (لظى) встречаются по одному разу¹⁷. Я остановился на этом моменте так подробно потому, что хотел показать, что в основе этого краткого упоминания лежит либо доскональное знание респондентами Гиганова Священного Писания, либо тоже достаточно глубокое знание ими толкований Корана и специальных богословских исследований, в которых систематизируются и обсуждаются подобные вопросы, поскольку не так уж очевидна связь между упоминавшимся выше аятом о «семи дверях» с конкретными названиями (по контексту – синонимами) преисподней, рассыпанными по всему тексту Корана.

Правовая терминология, со всей очевидностью опирающаяся на нормы мусульманской юриспруденции, представлена такими, например, словами и выражениями, как движимое имущество (منقول, 17, 116), заключаю, прихожу к решению (قياس قلائم, 17, 171), «ввожу что-то новое», издаю фетву (فتوا چغارامن, 17, 40), заем (وصيت خط, 17, 168), завещание, «духовная» (وصيت خط, 17, 143).

¹² Сура ал-Хиджр: 44: «У нее (зеенны) – семь врат, и у каждых врат из них – отдельная часть». Здесь и далее приводится перевод И.Ю. Крачковского.

¹³ «Так нет же! Будет свергнут он (хулитель) в “сокрушилице” (5). А что даст тебе знать, что такое “сокрушилице”?»

¹⁴ Аятаы 22:4; 31:20; 34:11; 35:6; 42:5; 67:5, 10, 11. В качестве примера приведу контекст из суры ал-Мулк: «(10) Они говорят: “Если бы мы слушали или разумели, то не были мы среди обитателей огня” (11). И они признались в своем грехе; прочь же, обитатели огня!»

¹⁵ 54:48; 74: 26, 27, 43. Из суры «ал-Муззаммил»: «(26) Сожгу я его в сакаре! (27). А что даст тебе знать, что такое сакар?»

¹⁶ 26:91; 79:36; 81:12; 56:94; 82:14.

¹⁷ «Хавийа» 101:9: «(8) А тот, у кого легки весы, – (9) мать его – “пропасть”». «Лаза» 70:15: «Так нет, ведь это – огонь».

С погребальным обрядом связано слово «талкын» (17, 296), обозначающее в словаре Гиганова надгробную песнь. Талкын – это арабское تَلْقِين («убеждение»), т.е. чтение над могилой молитвы, убеждающей в том, что умерший был правоправным мусульманином. По форме это масдар 2-й породы от глагола лаккана (لَقِن) («убеждать»). Помимо этого, талкын имеет много других значений, особенно в суфизме. Слово проникло в персидский, тюрко-мусульманские языки, дари, урду. Имеет формы талкын, талкин, талгын. Постепенно круг значений слова расширился, и оно стало обозначать «надгробную песню» (даже нерелигиозную, вроде погребального плача джоктау у казахов). В ряде случаев (например, у узбеков) талкын полностью оторвался от обряда погребения и означает просто «песня». Соответственно, талкынчи – это и «чтец надгробной молитвы», и «певец на могиле», и просто «певец». У неисламских тюрков этого слова нет¹⁸.

Очень кратко представлены сведения по грамматике. Исчерпываются они следующими словами (17, 104, 213): собственно «грамматика» – илм сарф, илм нахву (علم صرف علم نحو), «имя прилагательное» – исм-и сыфат (اسم صفت).

В группу «трудностей перевода» я отнес слова и выражения, чей смысл различен в русском и татарском языках, либо описываемое явление, запрашивавшееся Гигановым, просто-напросто отсутствовало у татар. Так, на странице 63 «Словаря» сказано, что «Вознесение» по-татарски означает «миградж». Ал-ми'радж (المعراج) – это полуночное путешествие к семи небесам, совершенное Пророком Мухаммадом из Иерусалима (место ми'раджа находится под Куполом Скалы) 27-го раджба. Между тем, собственно «Вознесение Господне» – это христианский праздник, отмечаемый в 40-й день по Пасхе в честь вознесения плоти Иисуса Христа на небо и обетования о Его втором пришествии. Понятно, что речь идет о двух совершенно разных событиях сакральной истории. Между тем, как свидетельствует словарь Ягелло, «Вознесение» все же переводилось на чагатайский язык как ми'радж (11, 1526) за неимением другого подходящего термина.

Отдельные образцы взаимного недопонимания могут вызвать только улыбку, например, слово «комплимент», переведенное арабским «салам», т.е. мир. На вопрос, что такое «православие» или какая вера «правая», сибирские улемы ответили просто: «мусульманлык» (17, 15), т.е. мусульманство. Другой пример из этой же области несоответствия исламских и христианских представлений: что такое икона? Ответ поражает своей откровенностью и повторяется в словаре несколько раз, давая разные значения одного арабского слова «сурат» (صورة), т.е. картина, образ и даже «идол» (17, 21, 209, 211). Получается, собеседники Гиганова не только не признавали за иконой священного статуса, но и намекали в этой связи на идолопоклонничество. При этом Гиганов оставил все значения слова без редакторской правки.

Далее еще более интригующий вопрос: как перевести слово «ересь»? Ведь поскольку в исламе нет церкви, нет института Вселенских Соборов, которые бы определяли что ересь, а что догма, получается само понятие непереводаемо. Однако, если считать, что ересь – это сознательное отклонение от догматов веры, то фактически это явное или скрытое неверие, обозначаемое арабским «куфр». Респонденты Гиганова предпочли персидский вариант этого термина (рафд, رفض, 17, 150), имею-

щего следующие значения: оставление, покидание, ересь, отрицание, безбожие (10, 727).

В качестве приложения к «Грамматике» Гиганова помещен список «Слов коренных, нужнейших к сведению для обучения татарскому языку». Помимо прочего в нем приведен сопоставительный ряд мусульманских и христианских духовных чинов. Мусульманские посты муфтия и ахуна переведены словом «архиерей»; имам, суфий и имам – неожиданно одинаково «поп», хафиз и муаззин – «пономарь». Разделение это вполне понятно, в его основе лежит христианская духовная иерархия, отсутствующая в исламе. Но наибольшее недоумение и неподдельный интерес вызывает термин, которым обозначено слово «монах» – куратун (قراطون) (8, 33-34). К сожалению, в таком виде и произношении в словарях это загадочное слово не встречается, как и монашество в исламе. Но если читать его как «қара тун», то получается просто «черная одежда» (28, 1263). Скорее всего, татары так называли русских монахов по их внешнему виду, но в контексте словаря это преподносится как часть мусульманской «церковной иерархии».

Особого внимания заслуживает словосочетание «гадательная книга» (17, 234) – фал-наме (فال نامه), выпадающее из нашей классификации. Несмотря на запрет в исламе собственно гадания, т.е. попыток узнать судьбу с помощью предсказания или колдовства, подобные практики, именовавшиеся среди сибирских татар сихир («колдовство»), имели широкое распространение в мусульманском мире (см.: 12). Очевидно, татары-мусульмане Сибири также прибегали к таким книгам. От своих информаторов в д. Тавинск (Тевризский район Омской области) мне приходилось слышать о «черном, красном и белом Коранах», которые якобы содержат скрытые знания, доступные только посвященным и способные принести несчастье любопытствующему. К сожалению, сами книги такого рода пока не обнаружены в Сибири, но мною опубликован небольшой листок с текстом, использовавшимся в оккультной практике (7, 163, рис. 22). К этой же области относится другое словосочетание, переведенное как «заклинание» (قهْر نامه), но буквально означающее «книгу силы» (17, 171). Доступ к книгам и «заклинаниям» имели «колдуны». Словарь дает тюркские эквиваленты этого термина: «яйце» и «кюзмавце», а колдовство обозначено как «джадулук» и «яйцелек» (17, 237). Первое явно происходит от персидского «джаду» (جادو) и фигурирует в мусульманских средневековых источниках при описании различных чудес (18, 254-272).

К сфере мистического относится также слово «домовой», переведенное в словаре как «пицин» (от тюркск. «обезьяна», بچين) (9, 98)¹⁹. Можно было бы подумать, что это просто описание того, как должен выглядеть «русский» домовый, однако в представлениях арабов Северной Африки (да, пожалуй, и не только у них) хороший или плохой «хозяин дома» (джин) есть у каждого помещения и может являться в виде животного (31, 6-8), в данном случае «обезьяны», хотя, вероятнее всего, слово «пицин» употреблено здесь в более широком смысле «зверь».

Рассматривая роль воображения при переводе текстов на иностранные языки, арабист Абд ал-Маджид Хан-

¹ Обширным комментарием к слову талкын я обязан к.и.н. Дмитрию Рухлядеву, научному сотруднику Сектора тюркологии и монголистики Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург), за что искренне ему признателен.

¹⁹ Пожалуй, единственный известный мне текст из Сибири, в котором есть это слово, – рукопись «Та'рих» из Института восточных рукописей в Санкт-Петербурге (шифр А1545, л. 2b). В нем «бичин» наряду с арабским «маймун» (в тексте بمعنى) приписаны в качестве пояснения к названию года обезьяны – «хамдуна» (перс. همتونی). Последнее слово больше характерно для восточнотуркестанских тюрков, что весьма интересно в контексте того, что ниша одного из переписчиков аналогичных текстов (посвященных исламизации Сибири) обозначена как «Йарканди». См.: 6, с. 53–56.

нум подчеркивает, что при переводе восточных источников на европейские языки происходит конвертация или доместикация оригинального текста в колониальный (26, 69). В словаре Гиганова мы имеем дело с явным колониальным дискурсом, проявляющимся в наборе лексики, интересовавшей Гиганова. Но ценность его заключается в том, что мы наблюдаем сразу оба дискурса, пусть и в довольно редуцированном виде: и колониальный, и исламский. Объяснить это можно, с одной стороны, направлением перевода, т.е. с русского на татарский, а не наоборот; а с другой стороны, отсутствием нивелирующей редакторской правки, которая бы ликвидировала очевидные противоречия в значениях слов либо их тенденциозную трактовку.

Специалисту, особенно филологу-востоковеду, может показаться на первый взгляд, что изложенное здесь – это очевидные факты, вполне известные каждому, кто занимается историей и культурой мусульманских сообществ. Однако я предлагаю подходить к изучению словаря Гиганова не столько с филологических, сколько с культурологических позиций. Это позволяет нам видеть прошлое и настоящее ислама не как «причудливый» «исламско-языческий синкретизм»²⁰, а как развитие собственно мусульманской интеллектуальной жизни. Тем более что следы ее сохранились в немалом количестве в виде рукописей на восточных языках и вполне позволяют видеть сибирский ислам не только (и не столько!) как деревенский культ святых, но и как бьющий ключом источник богословских дебатов суфиев и ученых. Как ни странно, но именно словарь Гиганова – своеобразная стенограмма диалога священника с мусульманскими учеными – самый очевидный свидетель литературной жизни в округе города Тобольска на рубеже XVIII-XIX веков.

Список литературы

1. 'Абд ас-Саттар ас-Сиддыки. Файд ал-малики-л-мута'ал. – Б.м., б.г. 973 с.
2. 'Абд ар-Рашид Ибрагим. 'Алем-и ислам ва Йапунийада интишар-и исламиат. Истанбул: Сырат мустакийм на-шрийати, 1910 (в двух томах). 1073 с.
3. 'Абд ар-Рашид Ибрагим. Тарджам-и Халем йака башыма келенлер. СПб.: Электронпечатня А.О. Ибрагимова, 1905-1907. 136 с.
4. Аляутдинов Ш.Р. Мусульманское право для преподавателей. 1-2. М.: Muslim Media Press, 2006. 464 с.
5. Белич И.В., Бустанов А.К. Заметки о суфийских традициях в Западной Сибири // Мир ислама, М.: Фонд Марджани, 2010 (в печати).
6. Бустанов А.К. Проблема источника рукописи муллы Хилката Йарканди (Карагайского свитка) // Культурологические исследования в Сибири. Омск, 2007. № 2 (22). С. 53–56.
7. Бустанов А.К. Рукопись в контексте сибирского ислама // Белич И.В., Селезнева А.Г., Селезнева И.А. Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. М.: Издательский дом Марджани, 2009. С. 156-192.
8. Грамматика татарского языка, сочиненная в Тобольской главной школе Иосифом Гигановым и Муллами юртовскими свидетельствованная. СПб.: Типография Академии Наук, 1801. 187 с.
9. Древнетюркский словарь. - Л.: Наука, 1969. 676 с.
10. Персидско-русский словарь в двух томах / Под ред. Ю.А. Рубинчика. М.: Советская энциклопедия, 1970. Т.1. 784 с.
11. Полный персидско-арабско-русский словарь. Составил полковник И.Д. Ягелло. Ташкент: Электр.-пар. Типо-литография Штаба Туркест.военного округа, 1910. 1816 с.
12. Резван М.Е. Коран в системе традиционной мусульманской магии ('илм ал-джафр, 'илм ал-кур'а, тамима): Дис... канд. ист. наук. СПб., 2003. 216 с.
13. Риза ад-Дин б. Фахр ад-Дин. Асар. Оренбург: Типография Каримова, 1904-1909.
14. Русско-сибирскотатарский словарь (Урысца-себертатарца суслек): около 15000 слов / Сост. М.А. Сагидуллин. Тюмень: Мандр и Ка, 2010. 216 с.
15. Саид Э. Ориентализм: Западные концепции Востока / Пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Русский Мир, 2006. 638 с.
16. Самойлович А.Н. <Обзор русских грамматик (XIX в.) различных тюркских языков> // Самойлович А.Н. Тюркское языкознание. Филология. Руника. М.: Восточная литература, 2005. 1058 с.
17. Словарь российско-татарский, собранный в Тобольском главном училище учителем Татарского языка священником Иосифом Гигановым и муллами юртовскими свидетельствованный. СПб.: Типография Академии Наук, 1804. 682 с.
18. Султанов Т.И. Известия османского историка XVI в. Сейфи Челеби о народах Центральной Азии // Тюркологический сборник 2003 – 2004: Тюркские народы в древности и средневековье. М.: Восточная литература, 2005. С. 254-272.
19. Трепавлов В. В. Хадж из Дешт-и Кипчака в XIII-XVII вв. // Научный Татарстан. 2009. №1. С. 92.
20. Хурматуллина Л.Х. Арабский пласт лексики в «Словаре российско-татарском» Иосифа Гиганова (1804 г.) // Тумашевские чтения. Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 2007. С. 277–278.
21. Юсупова А.Ш. Арабо-персидские заимствования в двуязычных словарях татарского языка XIX века: к проблеме языковых контактов // Ученые записки КГУ. Серия гуманитарные науки. 2007. №4 (149). С. 55-63.
22. Юсупова А.Ш. Лексика самоучителей татарского языка для русских XIX века. Казань: б.м., 2002. 221 с.
23. Bregel Yu. Notes on the Study of Central Asia. - Bloomington: Research Institute for Inner Asian Studies, 1996. 61 p.
24. DeWeese D. Islamization and native religion in the Golden Horde. Baba Tьkles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. Pennsylvania: University Press, 1994. 638 p.
25. DeWeese D. Islam and the Legacy of Sovietology: a review essay on Yaacov Roi's Islam in the Soviet Union // Journal of Islamic Studies. 13: 3 (2002). P. 298-330.
26. Hannoum A. Translation and the colonial imaginary: Ibn Khaldun Orientalist // History and Theory 42 (February 2003). P. 61-81.
27. Kemper M. Sufis und Gelehrte in Tatarien und Bashkirien, 1789-1889. Der islamische Diskurs unter russischer Herrschaft. Berlin: Klaus Schwarz Verlag, 1998. 516 p.
28. Redhouse J.W. A Turkish and English Lexicon. Beirut: Librarie du Liban, 1987. 2224 p.
29. Trepavlov V. V. XIII-XVII yuzyillarinda Dest-i Kipcak turkleri hac yolunda // Turk Tarih Kurumu Belleten. Aralik 2009. Sayi 268. Ankara, 2009. S. 779.
30. Wehr H. A dictionary of modern written Arabic. – Beirut, London: Librarie du Liban, 1974. 1110 p.
31. Westermarck E. Pagan survivals in Mohammedan Civilisation. – Amsterdam: Philo press, 1973. 190 p.
32. Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Ф. 131. Ризазтдин Фахретдинов. Оп. 1. Д. 4. Тетрадь 3. Записи биографий духовных лиц Тобольской губернии.
33. Отдел рукописей и документов Института восточных рукописей РАН. В2695. Лл. 1б-13а.
34. Эл Супадж // Ал-Худжаз: [сайм]. URL: <http://www.alhejazi.net/aalam/113701.htm> (дата обращения 20.10.2010).

²⁰ Разрушительную критику этой теории, созданной советской этнографией и пропагандой, см.: 23; 24 (Introduction); 25, с. 316-317. Разбор сибирских материалов, непримиримых с концепцией «синкретизма» см.: 5.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Архипов Борис Владимирович** – старший преподаватель кафедры отечественной истории и документоведения Курганского государственного университета, г. Курган
2. **Бустанов Альфрид Кашасович** - аспирант кафедры Европейских исследований Амстерданского университета, Нидерланды, г. Амстердам
3. **Гоголев Игорь Борисович** - соискатель кафедры ВИИИ Курганского государственного университета, г. Курган
4. **Гусева Светлана Валерьевна** – ассистент кафедры отечественной и всемирной истории Шадринского государственного педагогического института, г. Шадринск
5. **Евдокимов Леонид Афанасьевич** - кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и документоведения Курганского государственного университета, г. Курган
6. **Казакова Анастасия Сергеевна** – аспирант кафедры отечественной истории и документоведения Курганского государственного университета, г. Курган
7. **Кислицын Василий Александрович** – кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории и документоведения Курганского государственного университета, г. Курган
8. **Кладова Ксения Юрьевна** - преподаватель кафедры философии и истории Курганской государственной сельскохозяйственной академии им. Т.С. Мальцева, г. Курган
9. **Козельчук Татьяна Валентиновна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры ВИИИ Курганского государственного университета, г. Курган
10. **Коновалов Сергей Сергеевич** - кандидат исторических наук, доцент кафедры ВИИИ Курганского государственного университета, г. Курган
11. **Копылов Виктор Петрович** – соискатель кафедры ВИИИ Курганского государственного университета, г. Курган
12. **Котович Лидия Владимировна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Новосибирского государственного педагогического университета, г. Новосибирск
13. **Кряжев Юрий Николаевич** – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и документоведения Курганского государственного университета, г. Курган
14. **Кувалдин В.А.**, г. Курган
15. **Кулинич Александр Игоревич** – старший преподаватель кафедры культурологии Курганского государственного университета, г. Курган
16. **Лушникова Нелли Анатольевна** – аспирант кафедры отечественной истории и документоведения Курганского государственного университета, преподаватель кафедры философии и истории Курганской государственной сельскохозяйственной академии им. Т.С. Мальцева, г. Курган
17. **Мазур Людмила Николаевна** – доктор исторических наук, зав. кафедрой документационного и информационного обеспечения управления исторического факультета Уральского государственного университета, г. Екатеринбург
18. **Маслюженко Денис Николаевич** - кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой культурологии Курганского государственного университета, г. Курган
19. **Менщиков Владимир Владимирович** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Курганского государственного университета, г. Курган
20. **Менщиков Игорь Самуилович** - кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всемирной истории и историографии Курганского государственного университета, г. Курган
21. **Меринов С.Г.**, г. Курган
22. **Могутнов Андрей Валерьевич** – аспирант кафедры истории Челябинского государственного агроинженерного университета, г. Челябинск
23. **Неупокоев Игорь Валентинович** – кандидат исторических наук, преподаватель Курганского института государственной и муниципальной службы филиала ФГОУ ВПО «Уральской академии государственной службы»
24. **Ревнякова Светлана Александровна** – ведущий специалист ГАОПОКО, г. Курган
25. **Смирнов Геннадий Сергеевич** – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры информационной безопасности ЮурГУ, г. Челябинск
26. **Смирнов Сергей Сергеевич** – доктор исторических наук, профессор Челябинского института (филиала) Уральской академии государственной службы, г. Челябинск
27. **Суслова Елена Николаевна** - аспирант кафедры всемирной истории и историографии Курганского государственного университета, г. Курган
28. **Тетьева О.В.**, г. Курган
29. **Тимохин Евгений Анатольевич** - преподаватель кафедры философии и истории Курганской государственной сельскохозяйственной академии им. Т.С. Мальцева, г. Курган
30. **Толстых Николай Юрьевич** – библиограф Варгашинской центральной библиотеки, р.п. Варгаши
31. **Умбрашко Константин Борисович** - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, историографии и источниковедения истории Новосибирского государственного педагогического университета.
32. **Фёдоров Виктор Александрович** – краевед, г. Курган
33. **Фёдоров Сергей Георгиевич** - кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и историографии Курганского государственного университета, г. Курган
34. **Федченко Михаил Николаевич** - доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной истории и историографии Курганского государственного университета, г. Курган
35. **Хлызов Михаил Николаевич** – краевед, член Зауральского генеалогического общества им. П.А. Свищёва, г. Курган
36. **Шевельков Анатолий Иванович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, политологии и права Московского государственного областного социально-гуманитарного института, г. Москва
37. **Шимолина Татьяна Николаевна** - ассистент кафедры всемирной истории и историографии Курганского государственного университета, г. Курган

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Менщиков И.С. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОРИОПИСАНИЕ: К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ	5
Кислицын В.А. ОСОБЕННОСТИ КРАЕВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ	7
Маслюженко Д.Н. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ШИБАНИДСКИХ ХАНОВ МАХМУД-ХОДЖИ И ХАДЖИ-МУХАММАДА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XV ВЕКА: К ИСТОРИОГРАФИИ ВОПРОСА	8
Менщиков В.В. ИСТОРИОПИСАНИЕ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ	12

СЕКЦИЯ 1. ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

Умбрашко К.Б. КРИТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА	16
Кладова К.Ю. СПЕЦИФИКА ОТОБРАЖЕНИЯ РЕАЛЬНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ТВОРЧЕСТВЕ: АНАЛИЗ ЖАНРОВ И НАПРАВЛЕНИЙ ЖИВОПИСИ	19
Гоголев И.Б. ИСТОРИЯ ФЕОДАЛИЗМА В РАБОТАХ Н.П. ПАВЛОВА-СИЛЬВАНСКОГО	24
Гусева С.В. СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ОБ УДАРНЫХ КОМСОМОЛЬСКИХ СТРОЙКАХ (1956-1965 гг.)	26
Суслова Е.Н. ИСТОРИОГРАФИЯ УЧАСТИЯ УРАЛА В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (1959 – 1965 гг.)	28
Могутнов А.В. О СОСТОЯНИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБОРОННО-МАССОВОЙ РАБОТЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1945) В УРАЛЬСКОЙ И ЗАУРАЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XXI ВЕКА	29
Казакова А.С. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ЮЖНОГО ЗАУРАЛЯ В 90-Е ГОДЫ XX ВЕКА: ОБЗОР ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ .	31
Козельчук Т.В. СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ НЕПОЛНОТА ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА КАК ЭЛЕМЕНТ ЕГО КРИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА (НА ПРИМЕРЕ ФОРМУЛЯРНЫХ СПИСКОВ)	32
Коновалов С.С. ЗЕМСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ НА УРАЛЕ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	35
Лушников Н.А. ПОСТСОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ АГРАРНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ ПОСЛЕВОЕННОГО ПЕРИОДА	39
Менщиков И.С. МИФ В СИСТЕМЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ	41
Кряжев Ю.Н. С.А. МУРОМЦЕВ – ГЛАВА ПЕРВОГО РОССИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТА НАЧАЛА XX В.	43
Ревнякова С.А. ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ СОВЕТСКИХ И ПАРТИЙНЫХ ОРГАНОВ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ СССР 1923-1925 ГГ.	46
Мазур Л.Н. МИГРАЦИЯ КАК ФАКТОР ЭВОЛЮЦИИ РАССЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ УРБАНИЗАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	47
Тетюева О.В. ЭВОЛЮЦИЯ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ОЦЕНОК ДВИЖЕНИЯ ДЕКАБРИСТОВ	50
Котович Л.В. «ПИСЬМА ИЗ ДАЛЁКА»: СООБЩЕНИЯ КРЕСТЬЯН О ЗАРУБЕЖНЫХ ПОЕЗДКАХ (ПО МАТЕРИАЛАМ СИБИРСКИХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЖУРНАЛОВ НАЧАЛА XX ВЕКА)*	53
Федченко М.Н. ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ 1950 – 1960-х ГОДОВ О СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ И КОМСОМОЛЕ	55
Шимолина Т.Н. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЗАУРАЛЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМИ XVII-XIX ВЕКОВ	56

СЕКЦИЯ 2. ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

Кряжев Ю.Н. НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ИСТОКИ ТРАГЕДИИ	60
---	----

Евдокимов Л.А. ПСКОВСКИЕ СИБИРЯКИ: ДМИТРИЙ СЕМЕНОВИЧ ЕВДОКИМОВ	62
Копылов В.П. ШГПИ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1945-1950 гг.)	65
Архипов Б.В. ЗАМЕТКИ К МЕДИАОБРАЗОВАНИЮ, ИНТЕГРИРОВАННОМУ С БАЗОВЫМ ИСТОРИЧЕСКИМ (ПОТЕНЦИАЛ КИНО В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИСТОРИИ)	66
Кулинич А.И. ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ФОТОГРАФИЯ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ГОРОДА КУРГАНА	70
Могутнов А.В. К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ АКТИВИЗАЦИИ ОБОРОННОЙ РАБОТЫ В СТРАНЕ	71
Неупокоев И.В. СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ НАРОДНЫМ ОБРАЗОВАНИЕМ В ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII-НАЧАЛЕ XX ВВ.	73
Толстых Н.Ю. РАСПРОСТРАНЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КУРГАНЕ И УЕЗДЕ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИИ	78
Фёдоров С.Г. К ВОПРОСУ О ПОЛЬЗОВАНИИ ЛЕСНЫМИ УГОДЬЯМИ В ЮЖНОЗАУРАЛЬСКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ОБЩИНЕ ..	82
Федоров В.А. РУССКАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ ОБЩИНА (ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)	84
Смирнов Г.С., Смирнов С.С. ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ПРИПИСНЫХ КРЕСТЬЯН НА УРАЛЕ	90
Меринев С.Г., Кувалдин В.А. МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ КУРГАНСКИХ СПОРТСМЕНОВ-ЕДИНОБОРЦЕВ В XX ВЕКЕ	93
Тимохин Е.А. САМОДОСТАТОЧНОСТЬ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРУЮЩЕЙСЯ ТЕРРИТОРИИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА (КОНЕЦ XVI – ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVII ВВ.)	95
Хлызов М.И. МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ	99
Бустанов А.К. ДИАЛОГ МУСУЛЬМАНСКИХ БОГОСЛОВОВ СИБИРИ СО СВЯЩЕННИКОМ	100
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	105

Научное издание

ЕМЕЛЬЯНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «V ЕМЕЛЬЯНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ» КУРГАН, 21 мая 2010 г.

Редактор Н.М. Быкова

Подписано в печать
Печать трафаретная
Заказ

Формат 60x90 1/8
Усл. печ. л. 13,5
Тираж

Бумага тип. №1
Уч.-изд. л.13,5
Цена свободная

Редакционно-издательский центр КГУ.
640669, г. Курган, ул. Гоголя, 25.
Курганский государственный университет.